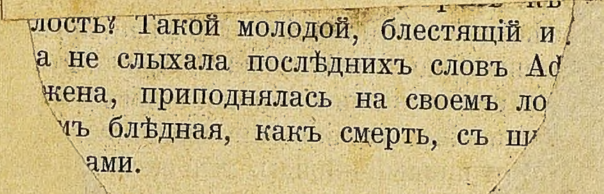
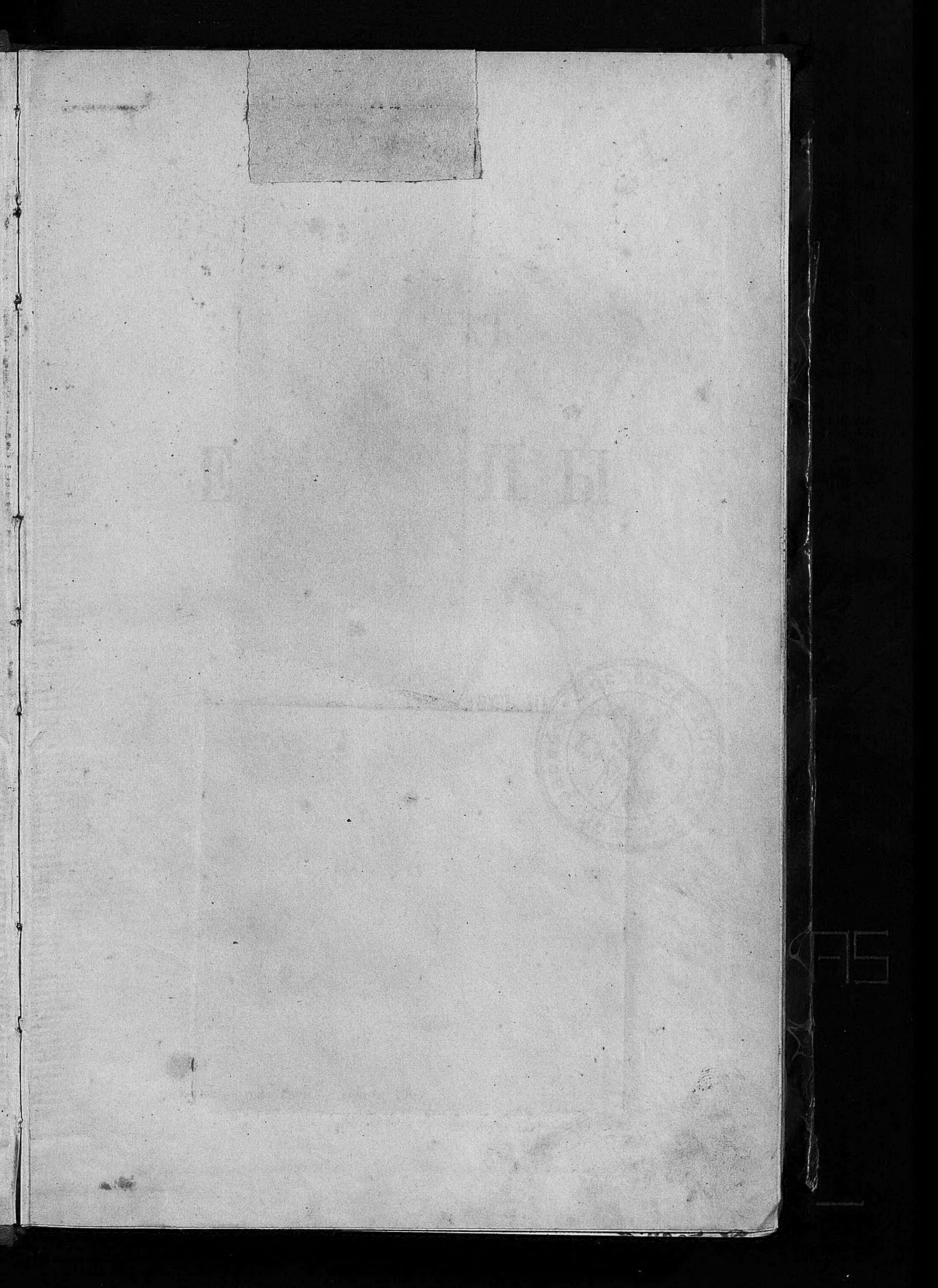
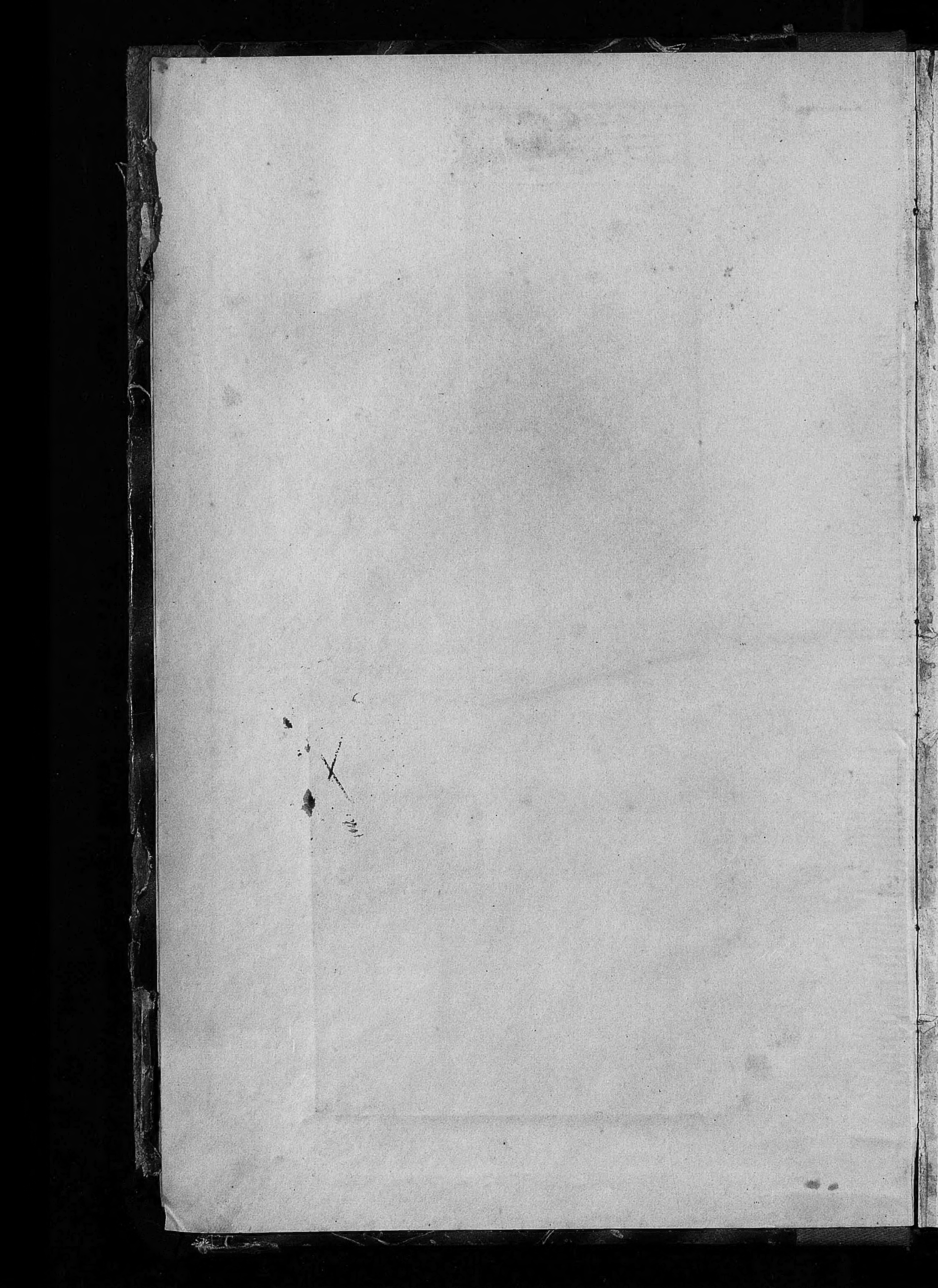

XXVII.

лость? Такой молодой, блестящій и
а не слыхала послѣднихъ словъ Ад
жена, приподнялась на своемъ ло
мъ блѣдная, какъ смерть, съ ши
ами.

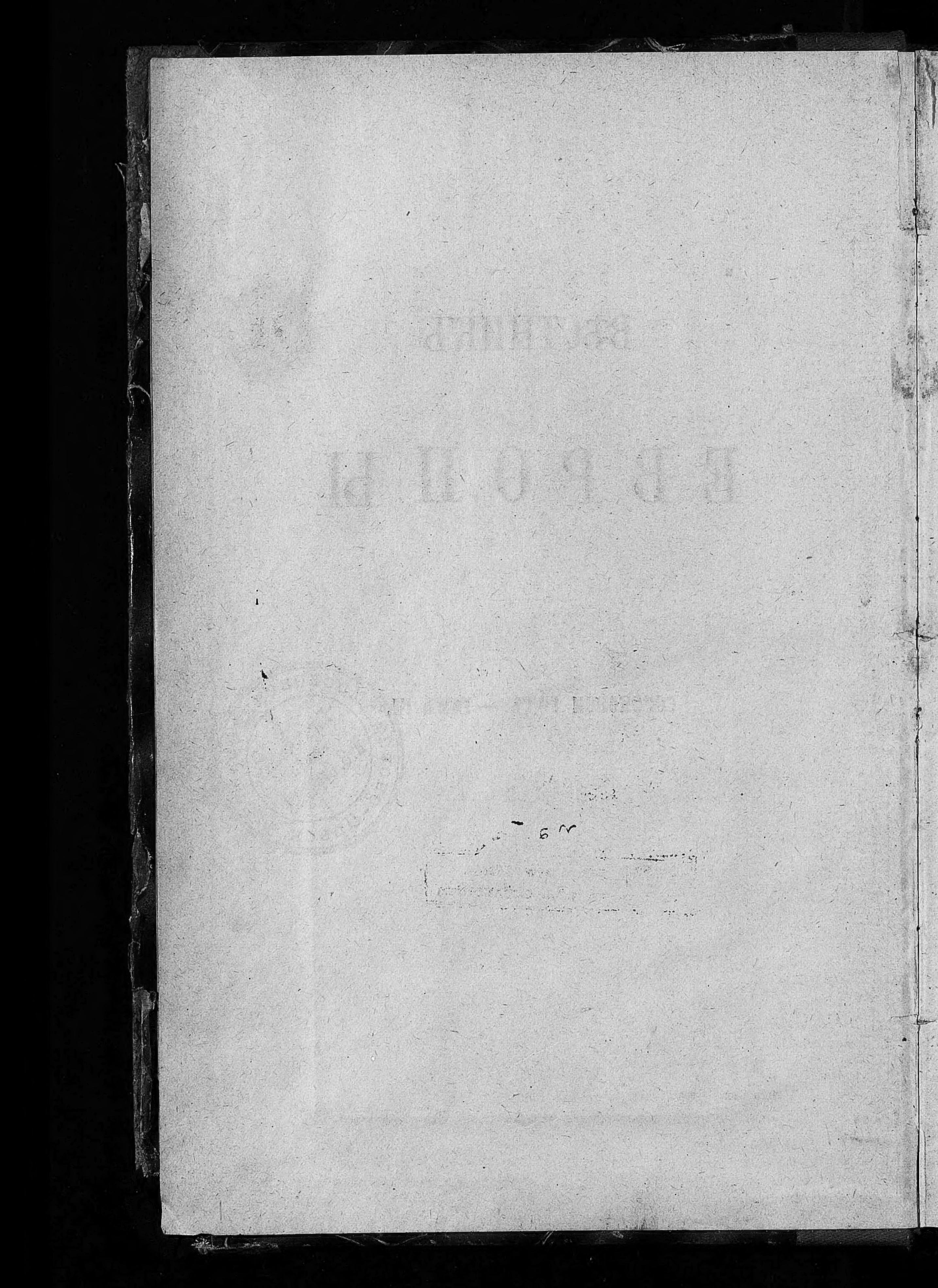
ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CDVII. — 1/14 МАЯ 1905

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

Май

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

3446

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

II *).

13 іюля—11 сентября.

13 іюля, среда.—Все еще стоимъ въ Тырновѣ. Идетъ усиленная разработка дорогъ черезъ Балканы, особенно черезъ Хаинкіойскій перевалъ, чтобы сдѣлать его удобопроходимымъ для артиллеріи и обозовъ. Выжидаемъ прибытія 4-го армейскаго корпуса. Сомнѣваюсь, однако, чтобы рѣшились продолжать наступленіе за Балканы, какъ предполагалось. Первая же неудача (8-го іюля подъ Плевной) поколебала рѣшительность. Пострадавшіе естественно преувеличиваютъ какъ значеніе неудачи, такъ и въ особенности силы противника, насчитывая до 60.000 турокъ въ Плевнѣ. Это—совершенный вздоръ: турки пришли въ Плевну изъ Виддина и окрестностей и, можетъ быть, изъ Ниша, а изъ этихъ мѣстъ нельзя было собрать болѣе 25.000. Да и эта цифра слишкомъ велика.

Причина неудачи совсѣмъ не въ превосходствѣ силъ турокъ, а въ томъ, что въ упоеніи никопольскимъ тріумфомъ прозѣвали

*) См. выше: апр., стр. 457.

прибытіе турокъ въ Плевну и шли туда спустя рукава, предполагая тамъ лишь незначительный отрядъ. Еслибы генералъ Шильдеръ-Шульднеръ зналъ, что Плевна занята прочно, то, конечно, подходилъ бы къ ней съ надлежащими военными предосторожностями, и никакой неудачи не было бы: это уже теперь вполнѣ ясно изъ имѣющихся донесеній.

Что же касается до турокъ, то они сами озадачены своимъ неожиданнымъ успѣхомъ, и очевидно не знаютъ, что дѣлать дальше. Уйти изъ Плевны послѣ побѣды—стыдно; наступать—опасно. Войти въ связь съ шумлинскою арміею—невозможно. Остается сидѣть въ Плевнѣ и ждать, что выйдетъ дальше. Вотъ они и сидятъ тамъ уже шестой день, но, однако, не сложа руки, а укрѣпляются. Тѣмъ временемъ къ Плевнѣ стягиваются наши войска, и завтра или послѣ-завтра тамъ соберется 30 батал., 33 эск. и 136 орудій.

Сегодня Великій Князь и Непокойчицкій очень благодарили меня за отчетъ о дѣйствіяхъ передового отряда, который чрезвычайно понравился Государю. Великій Князь, получивъ телеграмму Государя объ этомъ, нарочно послалъ за мной, чтобы немедленно поблагодарить.

15 іюля, пятница.—Время въ Тырновѣ летитъ быстро, благодаря массѣ работы. Сижу за составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій и донесеній Государю съ ранняго утра до глубокой ночи—едва поспѣваю за событіями. Къ ежедневной сильной жарѣ привыкъ: почти не обращаешь на нее вниманія, хотя изъ поту не выходишь. Трава вся выгорѣла и вытоптана.

За Балканами Гурко продолжаетъ хозяйничать на всей своей волѣ, все болѣе расширяя районъ своихъ дѣйствій. Болгары ликуютъ, турки почти поголовно бѣгутъ. Паника дошла уже до Адріанополя: предусмотрительные люди уже и тамъ начинаютъ укладываться и уѣзжать. Вчера рѣшено усилить передовой отрядъ, а въ сегодня-полученномъ письмѣ самъ Гурко объ этомъ проситъ.

Сегодня удалось отклонить имѣвшееся намѣреніе отрѣшить отъ командованія барона Криденера и Шильдеръ-Шульднера за неудачу 8-го іюля. Если за каждую неудачу смѣнять высшихъ начальниковъ, то они безъ прямого приказанія ничего дѣлать не будутъ. И такъ уже большинство страдаетъ отсутствіемъ самостоятельности и предпріимчивости и вѣчною боязнью отвѣтственности. Потерпѣвшій неудачу всегда будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы ее загладить. Вновь-назначенному нужно терять время на ознакомленіе съ подчиненными и съ обстановкою. Смѣна началь-

ствующихъ лицъ полезна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ очевидной негодности, вредной для дѣла.

17 іюля, воскресенье.—Великій Князь ежедневно понуждаетъ барона Криденера телеграммами къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но тотъ все медлитъ. Вчера, впрочемъ, телеграфировалъ, что, можетъ быть, атакуетъ сегодня. Всѣ—въ напряженномъ ожиданіи, въ томъ числѣ и самъ Государь, телеграфировавшій сегодня, что ожидаетъ извѣстій отъ Криденера „съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ". Дѣйствительно, отъ исхода второй атаки Плевны все зависитъ. Успѣхъ будетъ почти равносиленъ полному освобожденію всей Западной Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи и даже Македоніи, такъ какъ турки вывели оттуда почти цѣликомъ всѣ войска и направили часть къ Плевнѣ, а большую часть—моремъ, въ Румелію и Южную Болгарію противъ отряда Гурко. Моральное впечатлѣніе побѣды подъ Плевною будетъ громадное и, пожалуй, довершитъ столь замѣтный уже упадокъ духа у турокъ.

Но если насъ опять постигнетъ неудача, то наше наступательное шествіе затормазится на неопредѣленное время, а турки, конечно, воспрянутъ духомъ: наши же друзья-англичане возликуютъ и усиленно заинтригуютъ.

18 іюля, понедѣльникъ.—Въ одиннадцать часовъ вечера получена лаконическая телеграмма барона Криденера, посланная, очевидно, изъ-подъ Плевны вчера, но переданная съ телеграфной станціи Турну-Магурели (противъ Никополя, на лѣвомъ берегу Дуная) лишь сегодня въ девять часовъ утра: „Штабсъ-капитанъ Андреевскій [1]) прибылъ. Завтра, 18-го числа, утромъ перехожу въ наступленіе".

Положеніе очень напряженное. Всѣ въ тревожномъ ожиданіи, что-то изъ этого выйдетъ.

Государь также телеграфировалъ о полученіи имъ отъ Криденера извѣстія о переходѣ въ наступленіе, прибавивъ, что пожаловалъ Георгія 4-й степени принцу Александру Баттенбергскому.

19 іюля, вторникъ.—Сегодня около полудня была получена слѣдующая печальная телеграмма Криденера, посланная съ поля сраженія вчера вечеромъ и переданная со станціи Турну-Магурели сегодня въ 6 час. 40 мин. утра: „Бой длился цѣлый день. Непріятель имѣетъ громадный перевѣсъ въ силахъ. Отступаю на Булгарени".

---

[1]) Ординарецъ Великаго Князя, посланный имъ для присутствованія при вторичной атакѣ Плевны.

Тотчасъ же Великій Князь донесъ Государю: „Получивъ извѣстіе отъ Криденера, что послѣ вчерашняго боя подъ Плевною онъ вчера же отступаетъ на Булгарени, я предписалъ немедленно 16-й пѣхотной дивизіи изъ Иванчи идти на Градище. Отсюда собираю четыре полка къ Сельви, по направленію къ Ловчѣ. Самъ сегодня отправляюсь черезъ Поликраэшти, Иванчу и Овчу-Могилу къ Булгарени. Намѣренъ непремѣнно еще атаковать непріятеля и лично вести эту третью атаку. Гурко пока оставляю въ его положеніи“ [1].

20 іюля, среда. — На бивакѣ у д. Бурунли, близъ Бѣлы. Вчера мы (ближайшая свита Великаго Князя) по тревогѣ уложились и выступили изъ Тырнова верхомъ: самъ Великій Князь съ Непокойчицкимъ поѣхалъ въ коляскѣ къ Государю въ Бѣлу, гдѣ и ночевалъ. Мы ночевали въ Поликраэшти и прибыли сюда на второй ночлегъ около часу дня. Почти одновременно съ нами прибылъ изъ Бѣлы и Великій Князь съ Непокойчицкимъ. Приказалъ сегодня же продолжать движеніе до д. Горный-Студень, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Булгарени (на р. Осмѣ) завтра же.

Великій Князь сообщилъ: 1) до разъясненія обстоятельствъ рѣшено дѣйствовать выжидательно, стараясь выманить турокъ изъ укрѣпленныхъ позицій въ открытое поле (т.-е. Государь не согласился на третью атаку Плевны); и 2) послано по телеграфу Высочайшее повелѣніе мобилизовать и выслать на театръ войны гвардію и 24-ую пѣхотную дивизію.

Забылъ сказать, что еще вчера, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Тырнова, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

Радецкому—принять общее начальство въ Тырновѣ съ окрестностями и на Балканахъ. Ему же подчиняются: 13-й армейскій корпусъ, въ случаѣ, если придется притянуть его отъ рущукскаго отряда къ Балканамъ; отрядъ Гурко, если ему придется отступить къ Балканамъ.

Гурко предоставлено дѣйствовать по усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами.

Князю Святополкъ-Мирскому, начальствующему заслономъ въ Сельви (къ сторонѣ Ловчи), посланъ на подкрѣпленіе минскій пѣхотный полкъ.

---

[1]) Отвѣтъ Государя на эту депешу уже не засталъ Великаго Князя въ Тырновѣ и былъ посланъ вслѣдъ. Государь телеграфировалъ отъ 9 час. веч. 19-го іюля изъ Бѣлы: „Крайне огорченъ новою неудачею подъ Плевной. Криденеръ доноситъ, что бой продолжался цѣлый день, но громадное превосходство силъ турокъ заставило отступить на Булгарени. Завтра ожидаю Имеретинскаго съ подробностями. Подъ Рущукомъ и къ сторонѣ Разграда—вчера ничего не было“.

4-ой кавалерійской дивизіи—прямо съ переправы идти на Булгарени.

Сегодня послана телеграмма Радецкому: предписать Гурко немедленно отойти въ Балканскіе проходы.

До пяти часовъ дня оставались на привалѣ у Бурунли: затѣмъ двинулись дальше и остановились ночевать у д. Ая-Яджикіой (Яиджи, Горный-Студень).

21 іюля, четвергъ.—Выступили рано утромъ, имѣли привалъ у д. Овча-Могила, остановились на ночлегъ у д. Чаушъ-Магала. Ѣздили оттуда въ Булгарени. По пути встрѣтили два транспорта: въ одномъ—350, въ другомъ—500 раненыхъ. Несмотря на палящій зной и удушливую, ѣдкую пыль, раненые лежали и сидѣли на телѣгахъ такъ бодро и спокойно, что были больше похожи на усталыхъ, чѣмъ на раненыхъ. Великій Князь всѣхъ обласкалъ и поблагодарилъ.

Въ Булгарени нашли только наиболѣе пострадавшую 1-ую бригаду 5-ой пѣхотной дивизіи съ частью 5-ой артиллерійской бригады и дивизіонные подвижные лазареты, изъ коихъ, впрочемъ, большая часть раненыхъ была уже вывезена въ Зимницу. Люди имѣли такой молодецкій видъ, что любо было смотрѣть. Великаго Князя встрѣтили съ воодушевленнымъ восторгомъ: онъ ихъ горячо благодарилъ со свойственнымъ ему одному задушевнымъ тономъ. Объѣхавъ войска, обойдя лазареты и переговоривъ съ барономъ Криденеромъ, Великій Князь вернулся на бивакъ у Чаушъ-Магалы.

Первое впечатлѣніе таково: 18-е іюля проиграно отчасти по вялости и нерѣшительности Криденера, отчасти по запальчивости и заносчивости начальника штаба 11-го корпуса, Бискупскаго, который уговорилъ своего невозмутимо-апатичнаго командира, князя Шаховского, дѣйствовать самостоятельно, игнорируя Криденера. Послѣдній же, по старческому миролюбію, самъ не захотѣлъ настоять на томъ, чтобы князь Шаховской подчинился ему, какъ старшему, а предоставилъ князю дѣйствовать по усмотрѣнію. Вышло именно то, чего я такъ опасался. Когда Левицкій составлялъ предписанія Главнокомандующаго Криденеру и князю Шаховскому, и прочелъ мнѣ, то я сразу замѣтилъ: „напрасно не оговорено, что князь Шаховской подчиняется барону Криденеру“. Левицкій съ неудовольствіемъ возразилъ: „Это само собою разумѣется, — Криденеръ старше его“. Я отвѣтилъ, что они, можетъ быть, и сами своего старшинства не знаютъ,—вѣдь списка генераловъ навѣрное съ собою не возятъ. Во всякомъ случаѣ, оба они—корпусные командиры, и о предоставленіи Кри-

денеру общаго начальства надо прямо и опредѣлительно сказать въ предписаніяхъ. Но Левицкій уперся на своемъ. Теперь онъ самъ видитъ, что сдѣлалъ промахъ, и совершенно упалъ духомъ.

22 іюля, пятница. — Сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Главной квартирѣ перейти изъ Тырнова въ Горный-Студень.

Выслать всѣ прибывшія въ Зимницу маршевыя команды, 1.200 человѣкъ на укомплектованіе 1-ой бригады 5-ой пѣхотной дивизіи, дважды жестоко пострадавшей.

Образовать, подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-маіора Скобелева 2-го, временный отрядъ изъ 3-хъ бат., 22 эск. и сот. и 22 орудій [1]) для развѣдки силъ и расположенія турокъ у Ловчи. По окончаніи этой развѣдки, отряду Скобелева держать связь между плевнинскими войсками и сельвинскимъ отрядомъ князя Мирскаго.

Войскамъ 9-го и 11-го корпусовъ укрѣпиться на своихъ позиціяхъ и въ наступленіе не переходить, а выжидать, не выйдутъ ли турки изъ-за своихъ укрѣпленій.

Состоящему въ распоряженіи Великаго Князя генералъ-лейтенанту Столыпину принять общее начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ Никополѣ. Тамъ находятся: нашъ 19-й пѣхотный костромской полкъ (больше всѣхъ пострадавшій подъ Плевною 8-го іюля и лишившійся своего обоза и ранцевъ, сложенныхъ передъ вступленіемъ въ бой и оставшихся на полѣ сраженія) и румынскія войска: пять пѣхотныхъ полковъ, одинъ егерскій баталіонъ, два кавалерійскихъ полка и три батареи (двѣ пѣшія, одна конная).

Отъ Гурко получено извѣстіе, что послѣ жаркихъ дѣлъ 18-го іюля при Іени-Загрѣ и 19-го іюля при Джуранли и Эски-Загрѣ, онъ отошелъ 20-го іюля къ Хаинкіою и Шипкѣ, въ виду наступленія противъ него всей арміи Сулеймана-паши. Пѣхота (4-я стрѣлковая бригада, 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи и 6 дружинъ болгарскаго ополченія) расположится въ горныхъ проходахъ, а всю кавалерію Радецкій приказалъ отвести за Балканы, чтобы дать ей поправиться и отдохнуть. Драгунской бригадѣ (астраханскій и казанскій полки) поручено, однако, наблюденіе за Еленинскимъ горнымъ проходомъ.

Недѣли черезъ двѣ ожидается прибытіе подкрѣпленій: 2-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій и 3-й стрѣлковой бригады. Получена

[1]) Войска эти нахватаны по частямъ отовсюду: всѣ 3 бат. съ 8 оруд.—изъ 9-й пѣхотной дивизіи (передовой отрядъ сельвинскаго заслона князя Святополкъ-Мирскаго); отъ 9-го корпуса — кавказская казачья бригада, 4 донскія казачьи сотни, конно-горная и донская № 8 батареи; отъ 11-го корпуса—рижскій драгунскій полкъ.

шифрованная телеграмма отъ нашего посла въ Вѣнѣ, Новикова: „Andrassy a parlé à Midhat-Pacha en termes corrects et fermes sur l'attitude de l'Autriche. Il suppose prochaine mobilisation partielle de l'Autriche, conformement à nos arrangements".

Отсюда видно, что Австрія честно держитъ слово и не намѣрена пользоваться нашими неудачами.

23 іюля, суббота. — Только сегодня (необъяснимо почему) получена телеграмма Государя изъ Бѣлы отъ 21-го. Его величество выражаетъ крайнее опасеніе за участь христіанскаго населенія въ оставленныхъ отрядомъ Гурко мѣстностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что лично приказалъ начальнику 2-ой саперной бригады Рейтлингеру, только-что прибывшему въ Бѣлу съ 3-мъ сапернымъ баталіономъ, укрѣпить „здѣшнюю позицію".

Сегодня Великій Князь, въ сопровожденіи Непокойчицкаго, начальника артиллеріи арміи, князя Масальскаго, Левицкаго, доктора Обермиллера, генерала Струкова, адъютанта ротмистра Скалона, меня и эскадрона лейбъ-казаковъ, отправился на нѣсколько дней въ Карагачъ-Болгарскій (мѣстопребываніе барона Криденера съ его штабомъ), для подробнаго осмотра расположенія войскъ подъ Плевною.

26 іюля, вторникъ.—Вчера вернулись въ Чаушъ-Магалу съ Плевнинскихъ позицій. Впечатлѣнія не особенно пріятныя.

Объѣхали всѣ наши позиціи верхомъ. Войска расположены по-бригадно на протяженіи около тридцати верстъ: все какіе-то особняки, безъ прочной связи. Сторожевые посты отъ трехъ разныхъ корпусовъ (4-го, 9-го и 11-го) не имѣютъ общаго начальника. Никто ихъ не повѣряетъ. Свѣдѣній о непріятелѣ, попрежнему, никакихъ. Изъ разговоровъ и разсказовъ участниковъ сраженія 18-го іюля очевидно, что баронъ Криденеръ и его начальникъ штаба Шнитниковъ утратили всякое довѣріе въ войскахъ. Да и вообще довѣріе ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ сильно подорвано. Одного Скобелева всѣ единогласно восхваляютъ. Многіе убѣждены, что еслибъ его своевременно поддержали на лѣвомъ флангѣ, то сраженіе рѣшилось бы въ нашу пользу: утверждаютъ, будто бы турки уже приготовились къ отступленію и даже начали вытягивать свои обозы на софійскую дорогу.

Несомнѣнно, что атака Плевны была ведена замѣчательно неискусно. Фронтъ атаки былъ растянутъ на восемнадцать верстъ; оба корпусные командира дѣйствовали врозь, безъ связи и системы, даже ничего не зная другъ о другѣ. Скобелевъ со своимъ маленькимъ отрядомъ дѣйствовалъ тоже отдѣльно и самостоятельно.

Резерва не было [1]). Тридцать-шесть эскадроновъ кавалеріи въ бездѣйствіи стояли на флангахъ, вмѣсто того, чтобы захватить пути сообщенія Плевны съ Виддиномъ и Софіею. Съ восьми часовъ утра почти до трехъ часовъ шла безполезная перестрѣлка, а затѣмъ начались безсвязныя, разрозненныя атаки, безуспѣшно продолжавшіяся до наступленія темноты.

Большое и справедливое негодованіе вызывало и вызываетъ особое пристрастіе и довѣріе барона Криденера къ состоящимъ при его штабѣ (уже съ начала іюня) прусскимъ офицерамъ: фонъ-Вильому и графу фонъ-Веделлю. На глазахъ у всѣхъ онъ съ ними обо всемъ разсуждалъ и совѣтовался, не взирая на то, что пруссаки съ большимъ тактомъ и выдержкою старались уклониться отъ той щекотливой и неловкой роли, которую онъ имъ навязывалъ своимъ неумѣстнымъ довѣріемъ.

24-го іюля, во время объѣзда войскъ, Великій Князь отрѣшилъ отъ командованія начальника 30-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Пузанова. Этотъ генералъ, забывъ свой долгъ, честь и высокое званіе, 18-го іюля вечеромъ, бросилъ свою дивизію, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ въ тылъ, приказавъ по дорогѣ обозамъ поскорѣе укладываться и отступать. Говорятъ даже, что, ѣдучи въ коляскѣ, махалъ руками и кричалъ всѣмъ встрѣчнымъ: „Спасайтесь, все пропало!“—Немудрено, что въ тылу началась невообразимая паника и обозы обратились въ безпорядочное бѣгство. Паника эта, разумѣется, все увеличивалась по мѣрѣ удаленія отъ поля сраженія, такъ что на переправѣ у Систова обратилась уже въ настоящее столпотвореніе: начальнику переправы генералу Рихтеру пришлось чуть не ружейными выстрѣлами и штыками отстаивать мостъ, который обезумѣвшіе бѣглецы могли потопить, устремясь на него сплошнымъ ошалѣлымъ стадомъ.

24-го іюля Пузановъ оказался на своемъ мѣстѣ и во время объѣзда не только не стушевывался, но старательно лѣзъ на глаза Великому Князю. Тотъ дѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ. Только по окончаніи объѣзда, поблагодаривъ войска и выразивъ имъ свою увѣренность, что они съумѣютъ блистательно загладить временную неудачу, Великій Князь отъѣхалъ подальше, остановился и, въ присутствіи всѣхъ окружившихъ его старшихъ начальствующихъ лицъ, — обратился къ Пузанову съ слѣдующими словами: „Вы, генералъ, больны: вамъ надо поле-

[1]) По диспозиціи онъ былъ (6 батальоновъ, 4 эскадрона и 30 орудій), но никого во-время поддержать не могъ.

читься. Поэтому я васъ смѣняю, а на ваше мѣсто назначаю другого. А вы можете уѣзжать". Обернувшись и обведя глазами всѣхъ собравшихся вокругъ него начальниковъ, Великій Князь сказалъ начальнику штаба 9-го корпуса: „Шнитниковъ! Прими отъ него дивизію".

Шнитниковъ—далеко не изъ старшихъ генералъ-маіоровъ въ арміи. Полагаю, что этимъ неожиданнымъ назначеніемъ онъ обязанъ, во-первыхъ, своей „сѣдой наружности", а во-вторыхъ—разладу своему съ барономъ Криденеромъ, который прямо жаловался Великому Князю на несговорчивость и упрямство Шнитникова. Будучи недоволенъ самимъ Криденеромъ, Великій Князь и развелъ его съ Шнитниковымъ, къ явной выгодѣ послѣдняго. На его мѣсто будетъ назначенъ разумный, спокойный и храбрый полковникъ Липинскій, командиръ брянскаго пѣхотнаго полка.

25-го іюля Великій Князь назначилъ общимъ начальникомъ всѣхъ войскъ подъ Плевною генералъ-лейтенанта Зотова, командира 4-го армейскаго корпуса, какъ старшаго въ чинѣ. Несмотря на это, баронъ Криденеръ не скрывалъ своего неудовольствія этимъ назначеніемъ, заявляя, что онъ и лѣтами, и службою старше Зотова, а старшинство въ чинѣ, по его мнѣнію, имѣетъ меньшее значеніе. Великій Князь, по своей добротѣ, оставилъ эту неумѣстную и неправильную претензію безъ вниманія и никакого внушенія Криденеру не сдѣлалъ.

Зотову дана инструкція: смыслъ ея — укрѣпиться и выжидать, не перейдутъ ли турки сами въ наступленіе. Едва ли они доставятъ намъ это удовольствіе: подобный шагъ былъ бы слишкомъ несообразенъ съ ихъ образомъ дѣйствій. Если ужъ наступать, то имъ прямой разсчетъ стянуть все, что можно, изъ-за Балканъ къ Ловчѣ и Османъ-Базару (горные проходы къ этимъ пунктамъ въ ихъ рукахъ) и наступать съ обоихъ фланговъ на Тырновъ, демонстрируя съ фронта противъ Шипки. Или же перейти въ наступленіе отъ Ловчи противъ нашего наблюдательнаго отряда съ цѣлью оттѣснить его къ Плевнѣ и усилить Османа-пашу. Не стоитъ, впрочемъ, и гадать объ этомъ; турецкія соображенія не предугадаешь по европейскимъ стратегическимъ шаблонамъ.

29 іюля, пятница. — Вчера мы перешли въ Горный-Студень; такимъ образомъ, главная квартира будетъ въ центрѣ расположенія войскъ. Ничего „горнаго" въ Горномъ-Студенѣ нѣтъ: легко-возвышенная плоскость, окруженная лощинами, въ которыхъ бѣгутъ ключи, изъ коихъ нѣкоторые обращены въ фонтаны.

Великій Князь уѣхалъ съ Непокойчицкимъ и Левицкимъ въ Бѣлу, къ Государю, и вернется лишь завтра.

31 іюля, воскресенье. — Три дня сидѣлъ надъ составленіемъ общей реляціи о сраженіи 18-го іюля [1]): прочелъ ее Великому Князю, который остался вполнѣ доволенъ, подписалъ и завтра отправляетъ ее съ курьеромъ въ Петербургъ. Приказалъ мнѣ составить объяснительную записку о сдѣланныхъ имъ послѣ переправы важнѣйшихъ распоряженіяхъ, для представленія Государю. Повидимому, его величество упрекалъ Великаго Князя въ опрометчивой поспѣшности дѣйствій и въ разброскѣ силъ: такъ мнѣ сдается по смыслу указаній, данныхъ Великимъ Княземъ насчетъ содержанія будущей объяснительной записки.

Государь со своею главною квартирою переѣзжаетъ сюда же послѣ-завтра.

2 августа, вторникъ.—Государь переѣхалъ сюда и сегодня обѣдалъ у Великаго Князя вмѣстѣ съ нами.

Прибылъ Гурко: завтра ѣдетъ къ своей (2-ой гв. кавалерійской) дивизіи, чтобы вмѣстѣ съ нею выступить изъ Петербурга на театръ войны. Штабъ передового отряда уже расформированъ.

Начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ [2]) назначенъ временно-командующимъ 2-ою гвардейскою пѣхотною дивизіею, такъ какъ у начальника дивизіи, генералъ-адъютанта Черткова, отнялись ноги, и одна, говорятъ, уже ампутирована. Назначеніе графа Шувалова состоялось по личной просьбѣ Великаго Князя, въ отмѣну уже рѣшеннаго назначенія князя Имеретинскаго, о чемъ ему даже было объявлено. Вмѣсто 2-ой гвардейской пѣхотной, князю даютъ 2-ую пѣхотную дивизію, только-что прибывающую на театръ войны; начальникомъ ея оказался старецъ генералъ-лейтенантъ Мацневъ, котораго признано было невозможнымъ оставить въ должности. Государь согласился на это, но приказалъ самому Великому Князю передать князю Имеретинскому объ этомъ. По разсказу послѣдняго Левицкому и мнѣ,

---

[1]) Донесенія барона Криденера, князя Шаховского и Скобелева, по которымъ составлена эта общая реляція, почти буквально подтверждаются телеграммою совершенно независимаго и безпристрастнаго человѣка — корреспондента Форбса. 2-го августа, я прочелъ въ нѣмецкой газетѣ переводъ его телеграммы въ 2.000 словъ, посланной въ „Daily-News" въ ночь съ 18-го на 19-е, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя. Это chef-d'œuvre корреспонденціи по телеграфу.

[2]) Исправленіе его должности на время войны возложено на генералъ-маіора Бобрикова 1-го.

Великій Князь пригласилъ его къ себѣ и, объявивъ о перемѣнѣ назначенія, прибавилъ: „Государь выразилъ опасеніе, что ты можешь обидѣться, но я ему сказалъ, что ты такой славный малый, что обижаться не станешь“. На это князь Имеретинскій отвѣтилъ: „Ваше высочество, теперь время военное, и объ обидахъ рѣчи быть не можетъ. Еслибъ Государю угодно было, вмѣсто 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, поручить мнѣ командованіе 2-ою ротою 2-го полка 2-ой армейской пѣхотной дивизіи—я принялъ бы назначеніе безпрекословно и безропотно. Когда кончится война, тогда каждый изъ насъ воленъ располагать собою“. На это Великій Князь ничего не отвѣтилъ и дружелюбно его отпустилъ.

Выхлопоталъ ордена съ мечами четыремъ корреспондентамъ: Россоловскому („Новое Время“) и Форбсу („Daily-News“) за сраженіе 18-го іюля подъ Плевной; доктору Каррику („Scotsman“)—за перевязку нашихъ раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ при Джуранли, 19-го іюля, и Иванову („Новое Время“)—за исполненіе обязанностей коннаго ординарца при Гурко въ сраженіяхъ при Іени-Загрѣ и при Джуранли, 19-го іюля. Отличія всѣхъ четверыхъ засвидѣтельствовали Гурко (о Каррикѣ и Ивановѣ) и князь Шаховской (о Форбсѣ и Россоловскомъ).

3 августа, среда. — Сегодня Великій Князь послѣ обѣда увелъ меня въ свою кибитку и около двухъ часовъ подробно объяснялъ мнѣ, какъ нужно составить для Государя ту объяснительную записку (онъ называетъ ее „меморіей“), о которой уже было упомянуто выше (см. 31-е іюля). Высказывая свои взгляды, Великій Князь упомянулъ, что ему необходимо оправдаться передъ Государемъ, который упрекалъ его въ излишней смѣлости дѣйствій. Тѣ же упреки, но въ самыхъ деликатныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, онъ слышалъ и отъ военнаго министра: отсюда Великій Князь заключаетъ, что именно Д. А. Милютинъ и внушилъ Государю эту мысль.

Записка эта почти готова: надо теперь только дополнить и исправить ее согласно даннымъ мнѣ сегодня подробнымъ указаніямъ.

4 августа, четвергъ. — Сегодня у насъ новоселье: перебрались изъ палатки въ чудную киргизскую кибитку. Такихъ кибитокъ прислано Великому Князю изъ Оренбурга четыре: въ одной (самой большой) онъ расположился самъ; другую далъ великому князю Николаю Николаевичу Младшему, третью — Непокойчицкому, а четвертую—Левицкому и мнѣ. Помѣщеніе идеальное.

Вернулся австрійскій военно-уполномоченный баронъ Бехтольсгеймъ, котораго Государь посылалъ въ Вѣну съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Францу-Іосифу. По словамъ Великаго Князя, императоръ отвѣтилъ самымъ задушевнымъ, благороднымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „что бы ни случилось, какой бы оборотъ ни приняла война — ничто не заставитъ меня отступиться отъ разъ даннаго слова. Англіи рѣшительно объявлено, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не разсчитывала на союзъ съ Австріей“.

Это торжественное заявленіе имѣетъ для насъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, огромное значеніе. Благородство императора Франца-Іосифа обезпечиваетъ нашъ тылъ: шутка сказать!

До 17-го—18-го августа ничего предпринимать не будемъ. А когда окончательно подтянутся 2-ая и 3-ья пѣхотныя дивизіи (послѣдняя еще находится въ слѣдованіи), — тогда собираемся снова атаковать Плевну.

5 августа, пятница. — Прочелъ Великому Князю составленную мною по его указаніямъ объяснительную записку для Государя. Привожу ее дословно [1]), такъ какъ черновая только у меня и есть. Никакого заголовка эта записка не имѣла.

„Послѣ переправы всего 8-го корпуса за Дунай, были тотчасъ же переправлены и выдвинуты для обезпеченія нашихъ фланговъ: 35-ая пѣх. дивизія къ дер. Овча-Могила, а весь 12-ый арм. корпусъ—къ сторонѣ Рущука. 8-ой корпусъ, впредь до выясненія расположенія и намѣреній непріятеля, оставленъ въ резервѣ для прикрытія переправы, а для освѣщенія мѣстности къ сторонѣ Тырнова и Сельви — сформированъ и 20-го іюня выдвинутъ передовой отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко.

„Этому отряду предписано было сперва только *приготовиться* къ дальнѣйшему наступленію, а затѣмъ, когда послѣдуетъ особое приказаніе — стараться овладѣть Балканскими проходами; кавалерію же выслать за Балканы.

„Имѣлось въ виду: обезпечить себя съ праваго фланга 9-мъ арм. корпусомъ, а съ лѣваго—12-мъ и 13-мъ корпусами; 11-ый корпусъ временно оставить въ центрѣ расположенія, на случай

---

[1]) Мнѣ неизвѣстно, какая судьба постигла эту записку. Какъ и всѣ личныя донесенія Великаго Князя Государю, она была мною же и переписана и вручена Великому Князю. Онъ отправлялъ обыкновенно подобныя донесенія при собственноручныхъ письмахъ Государю, самъ законвертовывалъ и запечатывалъ своею гербовою печатью. Иногда онъ поручалъ сдѣлать это адъютанту своему, ротмистру Скалону, но всегда при себѣ.

необходимости подкрѣпить тотъ или другой флангъ; съ переходомъ черезъ Дунай 4-го корпуса, присоединить его къ общему резерву, а съ 8-мъ корпусомъ двинуться вслѣдъ за передовымъ отрядомъ.

„Для этого 9-му корпусу и было поставлено ближайшею цѣлью — занятіе Плевны, и если возможно, то и Никополя, а 12-му корпусу—занятіе Бѣлы и наблюденіе за Рущукомъ.

„Неожиданно-быстрое занятіе Тырнова и обнаруженное тотчасъ вслѣдъ затѣмъ слабое занятіе турками Балканскихъ проходовъ—ускорили наступленіе 8-го корпуса. Нельзя было упустить случай къ овладѣнію, безъ большихъ потерь, такою серьезною преградою, какъ Балканы. Поэтому передовому отряду было приказано двинуться за Балканы, утвердиться въ долинѣ р. Тунджи и захватить важнѣйшіе перевалы прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ собрать достаточныя силы для ихъ защиты.

„А разъ что самый ходъ военныхъ дѣйствій поставилъ эту цѣль—необходимо было немедленно придвинуть къ Балканамъ и 8-й корпусъ, чтобы прочно утвердиться въ такомъ важномъ пунктѣ, какъ Тырновъ, и имѣть возможность немедленно поддержать передовой отрядъ, если потребуется.

„Это расположеніе арміи нельзя назвать ни рискованнымъ, ни разбросаннымъ. Находясь въ Тырновѣ, я владѣлъ важнѣйшими путями какъ черезъ горы, такъ и къ сторонѣ Османъ-Базара и Ловчи. Имѣя весь 8-й корпусъ сосредоточеннымъ подъ рукою, я сверхъ того располагалъ, еще до прибытія 4-го корпуса, резервомъ изъ $1\frac{1}{2}$ пѣхотныхъ дивизій (11-й пѣх. дивизіи и 1-й бригады 32-й пѣх. дивизіи) и 1-й бригады 11-й кавалерійской дивизіи.

„Со стороны Рущука, Разграда и Эски-Джумы, я былъ вполнѣ обезпеченъ 12-мъ и 13-мъ корпусами. Съ праваго фланга представлялъ бы вполнѣ надежное прикрытіе 9-й корпусъ, еслибы онъ вовремя занялъ Плевну.

„Я указалъ на этотъ пунктъ командиру 9-го корпуса еще до моего перехода черезъ Дунай. Для наблюденія за Плевной я даже нарочно выдѣлилъ изъ передового отряда кавказскую казачью бригаду, назначилъ ее въ составъ 9-го корпуса и приказалъ: *не привлекать эту бригаду къ дѣйствіямъ сѣвернѣе Плевнинскаго шоссе.* Но командиръ 9-го корпуса, увлекшись неожиданнымъ взятіемъ Никополя, оставилъ это шоссе безъ надлежащаго наблюденія. Вслѣдствіе этого турки безпрепятственно заняли Плевну, а мы даже не знали, какими именно силами. Въ результатѣ получилась 1-я плевнинская неудача.

„Между тѣмъ, передовой отрядъ одерживалъ одинъ успѣхъ за другимъ. Балканскіе проходы, къ этому времени, были уже въ нашихъ рукахъ.

„Необходимо было послать подкрѣпленія генералъ-лейтенанту барону Криденеру и въ то же время поддержать генералъ-адъютанта Гурко, дѣйствія котораго навели паническій страхъ до самаго Адріанополя и послужили надежнѣйшимъ отводомъ противъ перехода шумлинской арміи въ наступленіе. Дѣйствіямъ передового отряда, силу котораго турки преувеличивали слишкомъ втрое (и они, и вся иностранная печать до сихъ поръ еще воображаютъ, что за Балканами дѣйствовалъ, вмѣстѣ съ передовымъ отрядомъ, весь 8-й корпусъ) — мы обязаны тѣмъ, что турки не только не переходили въ наступленіе, но даже оттянули войска отъ Рущука и начали готовиться къ отступленію за Балканы. Всѣ извѣстія, какъ съ доброжелательной, такъ и съ враждебной стороны, единогласно подтверждаютъ громадность впечатлѣнія, произведеннаго побѣдами нашего передового отряда. Достаточно, впрочемъ, вспомнить уже общеизвѣстный фактъ: черезъ нѣсколько дней по овладѣніи Балканскими проходами, были смѣнены всѣ высшіе сановники Турціи, какъ въ арміи, такъ и въ государственномъ управленіи.

„Сознавая вполнѣ все значеніе этого впечатлѣнія и необходимость поддержать его возможно дольше, я не только не отозвалъ отряда генералъ-адъютанта Гурко послѣ 1-й плевнинской неудачи, но напротивъ, подкрѣпилъ его 1-ю бригадою 9-й пѣхотной дивизіи, о которой онъ просилъ и раньше, но я самъ ее дать не рѣшался. Послѣдствія оправдали это распоряженіе: имѣя свѣжую бригаду, генералъ-адъютантъ Гурко могъ дать два хорошихъ урока собравшейся тѣмъ временемъ и перешедшей въ наступленіе арміи Сулеймана-паши. Это какъ разъ совпало по времени съ нашею 2-ю плевненскою неудачею.

„Не имѣй Гурко этой свѣжей бригады, онъ былъ бы подавленъ численнымъ превосходствомъ арміи Сулеймана и припертъ ею къ горнымъ проходамъ. Но, благодаря побѣдамъ 18-го и 19-го іюля при Іени-Загрѣ и Джуранли, наступленіе Сулеймана-паши было пріостановлено, несмотря даже на побѣду его при Эски-Загрѣ. Весь отрядъ Гурко совершенно спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый, отошелъ къ проходамъ, втянулся въ Хаинкіойскую и Шипкинскую тѣснины и утвердился на главныхъ перевалахъ.

„Выше сказано уже, что вслѣдствіе первой плевнинской неудачи 8-го іюля потребовалось подкрѣпить генералъ-лейтенанта

барона Криденера. Я послалъ въ его распоряженіе большую часть своего резерва: 30-ю пѣхотную дивизію, 1-ю бригаду 32-й пѣх. дивизіи и 1-ю бригаду 11-й кавал. дивизіи. Всю 11-ю пѣхотную дивизію выдвинулъ въ лѣвый боковой заслонъ къ сторонѣ Османъ-Базара. Затѣмъ у меня остались нетронутыми три полка 16-й пѣхотной и три полка 4-й кавал. дивизій.

„Еслибъ атака Плевны увѣнчалась успѣхомъ (который былъ весьма возможенъ), то двинутыя къ 9-му корпусу подкрѣпленія могли бы быть снова отозваны, ибо силы одного 9-го корпуса болѣе чѣмъ достаточны для обезпеченія праваго фланга. Тѣмъ болѣе, что румынскія войска въ то время уже заняли Никополь.

„Тогда я могъ бы снова усилить отрядъ Гурко и дать ему возможность бороться съ арміей Сулеймана.

„Но атака Плевны 18-го іюля вторично не удалась. Это заставило меня притянуть туда послѣдній резервъ (три полка 16-й пѣхотной и три полка 4-й кавал. дивизій) и отправиться туда лично, чтобы принять общее начальство надъ войсками въ случаѣ весьма возможнаго перехода турокъ въ наступленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приказалъ, для отвлеченія вниманія непріятеля, сосредоточеннаго у Разграда и въ окрестностяхъ Шумлы, немедленно начать бомбардированіе Рущука, какъ съ румынскаго, такъ и съ болгарскаго берега. Я былъ убѣжденъ и остаюсь при убѣжденіи, что бомбардированіе Рущука принесло бы большую пользу, особенно въ нравственномъ отношеніи: турки увидѣли бы, что вторая плевнинская неудача не уменьшила нашей готовности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но это мое распоряженіе было отмѣнено [1]), о чемъ я получилъ извѣщеніе 26-го іюля.

„Положеніе мое послѣ второй плевнинской неудачи было бы очень трудное, еслибы турки воспользовались своимъ успѣхомъ и перешли въ наступленіе. Но очевидно, что они сами не сознавали серьезности одержаннаго ими успѣха. Это видно изъ неувѣренно-робкаго тона первой телеграммы Османа-паши о результатѣ сраженія 18-го іюля. Въ противоположность обыкновенной хвастливости турецкихъ бюллетеней, Османъ-паша телеграфировалъ только, что былъ атакованъ, что бой продолжался цѣлый день, что русскіе были отбиты и на слѣдующій день ожидается новое сраженіе. Только черезъ два дня, когда Османъ убѣдился, что его больше атаковать не будутъ, — пошелъ рядъ

[1]) Очевидно, по Высочайшему повелѣнію. Какъ, черезъ кого и почему — мнѣ неизвѣстно.

хвастливыхъ телеграммъ. Тѣмъ не менѣе, турки не рѣшались перейти въ наступленіе, очевидно опасаясь потерять плоды своей пассивной побѣды.

„Удостовѣрившись въ этомъ лично, я пріостановилъ всякія рѣшительныя дѣйствія впредь до прибытія подкрѣпленій, ограничиваясь удержаніемъ и укрѣпленіемъ занимаемыхъ уже позицій. Одному отряду Гурко я приказалъ отойти въ Балканскіе проходы, такъ какъ оставаться въ долинѣ р. Тунджи, въ виду всей арміи Сулеймана-паши, онъ безъ подкрѣпленія не могъ, а подкрѣпить его было нечѣмъ.

„Первою моею заботою было образованіе хотя небольшого резерва. Я выдѣлилъ изъ плевнинскаго отряда опять въ свое распоряженіе 1-ю бригаду 32-й пѣхотной и 1-ю бригаду 11-й кавал. дивизіи. По прибытіи 3-й стрѣлковой бригады и головного полка 2-ой пѣхотной дивизіи, я назначилъ эти части войскъ въ общій резервъ, а обѣ вышеназванныя бригады направилъ къ дер. Чаиркіой, дабы свести вмѣстѣ всѣ разбросанныя части 11-го арм. корпуса и возстановить единство управленія ими.

„Къ 7-му августа общій резервъ будетъ состоять изъ 3-й стрѣлковой бригады (съ дивизіономъ 4 ф. дальнобойныхъ орудій) и 2-ой пѣхотной дивизіи, всего 16 батал. и 52 орудія. Къ 16-му августа прибудетъ вся 3-я пѣхотная дивизія, и тогда у меня будетъ резервъ изъ 28 бат. и 100 орудій.

„Изъ всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, явствуетъ:

„1) Движеніе передового отряда за Балканы не было ни преждевременнымъ, ни рискованнымъ. Напротивъ, оно прямо вытекало изъ утвержденнаго вашимъ императорскимъ величествомъ плана войны, цѣлью которой былъ поставленъ Константинополь. Главнѣйшая преграда для достиженія этой цѣли— Балканы. Когда выяснилось, что горные проходы заняты очень слабо, я счелъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ поспѣшить завладѣть ими. Еслибы это было упущено, еслибы я далъ непріятелю время укрѣпить проходы и стянуть къ нимъ войска, то сдѣлалъ бы непростительную ошибку. Овладѣніе горными проходами и дѣйствія передового отряда вообще принесли намъ огромную пользу, во-первыхъ, тѣмъ, что Балканскіе проходы, все-таки, остались въ нашихъ рукахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что внесли замѣшательство въ государственное и военное управленіе Турціи въ самую критическую для насъ минуту. Благодаря этому, турки упустили удобный моментъ для перехода въ наступленіе и дали намъ время принять противъ этого надлежащія мѣры.

„2) Плевнинское сраженіе 18-го іюля, какъ оно ни при-

скорбно, не можетъ назваться пораженіемъ. Наши войска были *отбиты*, но *не разбиты*: это—большая разница. Конечно, войска были выведены изъ боя перепутанными: это и не могло быть иначе послѣ цѣлаго ряда ожесточенныхъ атакъ, продолжавшихся и по наступленіи темноты. Но всѣ части разобрались и устроились такъ скоро, какъ нельзя было и ожидать. Я видѣлъ ихъ на третій день послѣ сраженія: офицеры и солдаты смотрѣли такими молодцами, все было такъ спокойно, бодро, въ такомъ порядкѣ, что у меня разомъ отлегло отъ сердца. Не такъ смотрятъ войска, потерпѣвшія рѣшительное пораженіе.

„3) Я ни минуты не былъ безъ резерва. Сперва я держалъ въ совокупности 11-й корпусъ. Къ тому времени, когда пришлось одну часть его выдвинуть на османъ-базарскую дорогу, а другую послать на подкрѣпленіе генералъ-лейтенанта барона Криденера,—подходилъ уже 4-й корпусъ, заранѣе предназначенный въ главный резервъ. Правда, я выдѣлилъ изъ него одну дивизію (30-ю) на подкрѣпленіе 9-го корпуса, но къ 18-му іюля у меня оставались еще совершенно нетронутыми четыре пѣхотныхъ (три полка 16-й пѣхотной дивизіи и на переправѣ воронежскій пѣхотный полкъ) и три кавалерійскихъ полка 4-й кав. дивизіи. Послѣ 18-го іюля я вынужденъ былъ двинуть на подкрѣпленіе барона Криденера и этотъ послѣдній резервъ, такъ какъ опасался перехода турокъ изъ Плевны въ наступленіе. Но какъ только я удостовѣрился, что Османъ-паша наступать не намѣренъ—тотчасъ же приступилъ къ образованію резерва вновь.

„При тѣхъ силахъ, которыми я располагалъ до сихъ поръ, резервъ мой никогда и не могъ состоять болѣе, чѣмъ изъ одного корпуса. Принятый мною планъ дѣйствій, основанный на желаніи перенести центръ тяжести изъ сферы крѣпостей за Балканы, наиболѣе соотвѣтствовалъ моимъ силамъ. Еслибъ я поставилъ себѣ задачею сперва заставить непріятеля принять большое сраженіе по сю сторону Балканъ, разбить его и потомъ уже идти за Балканы—это вовлекло бы меня въ обложеніе и осаду крѣпостной Дунайской Болгаріи, такъ какъ турки ни за что не вышли бы въ поле. А для дѣйствій въ сферѣ крѣпостей силы арміи слишкомъ слабы, не говоря уже о томъ, что этотъ затяжной образъ дѣйствій былъ бы всего пріятнѣе для турокъ.

„Только быстрымъ движеніемъ за Балканы я могъ надѣяться заставить турокъ бросить свои укрѣпленныя позиціи и поспѣшить на защиту своей древней столицы. Не случись несчастнаго плевнинскаго сраженія 18-го іюля, это мнѣ и удалось бы навѣрное. Я и теперь не теряю надежды привести это намѣреніе

въ исполненіе, по прибытіи всѣхъ идущихъ ко мнѣ подкрѣпленій, хотя и сознаю вполнѣ, что это будетъ уже гораздо труднѣе".

6 августа, суббота. — Пріѣхали румынскіе министры Братіано (премьеръ) и Сланичано (военный) для переговоровъ насчетъ кооперацiи румынскихъ войскъ.

8 августа, понедѣльникъ.—Нѣчто серьезное предстоитъ нынѣ же. Вчера вечеромъ получена отъ Радецкаго, изъ Тырнова, телеграмма, что Сулейманъ-паша, повидимому, готовится атаковать Шипкинскій перевалъ съ фронта, ибо противъ него уже развернулось въ Казанлыкской долинѣ 24 табора пѣхоты и около трехъ тысячъ кавалеріи. Левицкій тотчасъ же пришелъ въ страшное безпокойство, заразивъ этимъ и Непокойчицкаго, и Великаго Князя. Тотчасъ же рѣшили послать на подкрѣпленіе 2-ю пѣхотную дивизію, т.-е. все, что у насъ есть въ резервѣ. Хорошо, что направленіе дали такое, что она можетъ поспѣть, куда ни потребуется. Старался успокоить Левицкаго тѣмъ, что атака Шипки съ фронта, безъ одновременнаго наступленія турокъ отъ Ловчи или отъ Османъ-Базара (т.-е. во флангъ и въ тылъ Радецкому), успѣха имѣть не можетъ. Но увѣрить не удалось.

Трудно себѣ представить, до чего Левицкій теряетъ голову при каждомъ тревожномъ извѣстіи. Сегодня телеграфируетъ кто-то (кажется, нашъ консулъ) изъ Бѣлграда шифромъ, что Сулейманъ-паша прошелъ Балканы черезъ „Хаинъ-Богазъ". Это—тотъ же Хаинкіой, и Левицкій это знаетъ; знаетъ также, что еще вчера была телеграмма объ отраженіи турецкой атаки на Хаинкіой. Несмотря на это, страшно встревожился: а вдругъ это—правда? Всѣ доказательства, что это—очевидное вранье, не могли его успокоить. Къ счастью, черезъ четверть часа пришла агентская телеграмма Гаваса, сообщающая буквально то же самое. Тогда только Левицкій убѣдился, что отправитель тревожной телеграммы прочелъ ее въ газетахъ и поспѣшилъ поднести намъ въ зашифрованномъ видѣ, какъ сугубо-важную.

Уже нѣсколько дней напрасно стараюсь убѣдить, что, въ виду вѣроятности затяжки войны на зиму, надо теперь же начать соотвѣтствующія приготовленія. Масса войскъ идетъ изъ Россіи къ намъ на подкрѣпленіе, и никто не хочетъ заранѣе подумать: чѣмъ ихъ будемъ кормить. Вѣдь до сихъ поръ бо̀льшая часть войскъ довольствуется средствами страны на получаемыя отъ интендантства деньги, ибо пресловутое товарищество можетъ довольствовать только войска, стоящія на мѣстѣ. Но

вѣдь изсякнутъ же, наконецъ, богатыя средства края, въ особенности ко времени прибытія на театръ войны ожидаемыхъ подкрѣпленій: почти весь гвардейскій корпусъ, 2-я и 3-я гренадерскія, 24-я и 26-я пѣхотныя, 1-я кавалерійская и 2-я донская казачья дивизіи. Какъ будетъ продовольствоваться вся эта масса войскъ? Тѣмъ болѣе, что въ управленіи вообще безпорядокъ и несогласованная неурядица, а въ тылу—полный хаосъ. Путаница въ распредѣленіи прибывающихъ укомплектованій по частямъ войскъ и въ распредѣленіи всякаго рода снабженій—невообразимая. А передвиженіе войскъ и запасовъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ до того безпорядочно, что не поддается никакому разсчету.

$7^1/_2$ *час. вечера.*—Только-что вернулся съ обѣда у Государя: ему угодно было пригласить сегодня къ обѣду Великаго Князя со всею его свитою. Военный министръ, послѣ обѣда, спрашивалъ меня: приняты ли какія-нибудь мѣры для успокоенія публики, растревоженной нашими неудачами? Я отвѣчалъ, что уже нѣсколько дней тому назадъ послана Великимъ Княземъ телеграмма министру внутреннихъ дѣлъ и начальнику главнаго штаба, съ просьбою объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы публика не вѣрила вранью иностранныхъ газетъ; что мы не скрываемъ и не преуменьшаемъ нашихъ неудачъ, и вообще обо всемъ, заслуживающемъ вниманія, объявляется и будетъ объявляться во всеобщее свѣдѣніе. Доказательство—всѣ напечатанныя до сихъ поръ реляціи.

Повидимому, военный министръ вполнѣ удовлетворился этимъ объясненіемъ.

Въ $10^1/_2$ час. вечера получена телеграмма генералъ-маіора Столѣтова (начальника болгарскаго ополченія) отъ 9 час. 20 мин. вечера: „Передъ занимаемою мною позиціею на Шипкинскомъ перевалѣ выстроился весь корпусъ Сулеймана-паши, съ многочисленною кавалеріею, артиллеріею и обозами. Завтра непріятель будетъ штурмовать Шипку. Защищаться буду до послѣдней крайности, но долгомъ считаю доложить, что несоразмѣрность силъ слишкомъ велика. Считая нашу позицію очень важною, я прошу подкрѣпленій изъ Габрова. Необходимо полка два: къ разсвѣту изъ Габрова есть еще время подойти“.

Посмотримъ, что Богъ дастъ.

11 августа, четвергъ. — Вчера и третьяго дня были очень тревожные дни: безумно-смѣлая атака Шипки въ лобъ дѣйствительно состоялась 9-го августа. Войска Сулеймана-паши обна-

ружили самоотверженную отвагу, достойную лучшаго употребленія. Очень трудно было нашимъ малочисленнымъ войскамъ на Шипкѣ, но они вышли изъ тяжкаго испытанія съ неувядаемою славою, отбивъ десять ожесточенныхъ приступовъ. День 9-го августа навсегда останется украшеніемъ лѣтописи боевыхъ подвиговъ орловскаго пѣхотнаго полка и запишется золотыми буквами на первой страницѣ военной исторіи будущей болгарской арміи: дружины дрались какъ львы. Строго говоря, это уже второй подвигъ болгарскихъ дружинъ: онѣ же вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть кроваваго боя подъ Эски-Загрой.

10-го августа турки атаковали уже гораздо слабѣе, а въ эту ночь (съ 10-го на 11-е) даже подошли къ Габрову приведенныя самимъ Радецкимъ подкрѣпленія изъ Тырнова. Можно надѣяться, что, въ случаѣ возобновленія атаки сегодня, турки опять будутъ отбиты.

Трудно себѣ представить, что̀ вынесли наши на Шипкѣ. Противъ сорока турецкихъ баталіоновъ было только три баталіона орловскаго пѣхотнаго полка и четыре болгарскихъ дружины. Эти семь баталіоновъ и отбили десять приступовъ *вшестеро* сильнѣйшаго непріятеля. Нужно замѣтить, что они были въ напряженномъ состояніи съ 7-го августа, когда на ихъ глазахъ стали стягиваться войска Сулеймана. Шипкинскій отрядъ съ того времени почти не спалъ и не имѣлъ горячей пищи. Даже воды на перевалѣ почти нѣтъ, а жара стоитъ чудовищная. 9-го августа наши разстрѣляли всѣ патроны; значительная же часть ружей и три орудія пришли въ негодность отъ безпрерывной стрѣльбы.

Но если нашимъ было плохо, то туркамъ было еще труднѣе карабкаться вверхъ по шипкинскимъ кручамъ. Нельзя не удивляться желѣзной энергіи Сулеймана и беззавѣтной храбрости его войскъ, хотя эта фронтальная атака—верхъ нелѣпости. По первому извѣстію о приготовленіяхъ турокъ къ приступу, я былъ убѣжденъ, что съ фронта будетъ только энергическая демонстрація, а настоящая атака поведется отъ Ловчи или Османъ-Базара на Тырновъ, во флангъ и въ тылъ. Даже теперь я думаю, что Мегметъ-Али-паша и Османъ-паша просто подвели Сулеймана и не поддержали его атаку нарочно. Сулеймана очень не любятъ и боятся: онъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ смѣльчаковъ (и единственный изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ), которые низвели съ престола султана Абдулъ-Азиса.

По всему, что̀ до сихъ поръ приходится наблюдать, можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ: Турція вполнѣ созрѣла для разрушенія, но мы еще не дозрѣли до роли разрушителя.

Государь получилъ, на-дняхъ, письмо отъ старшаго сына покойнаго султана Абдулъ-Азиса, Изеддина, съ просьбою помочь ему овладѣть престоломъ. За это Изеддинъ обѣщаетъ исполнить всѣ желанія Государя и заключить миръ на какихъ ему угодно условіяхъ. У Изеддина есть, по словамъ нашихъ дипломатовъ, довольно многочисленная партія, къ которой принадлежалъ также и бывшій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ, смѣненный за бездѣйствіе. Въ этомъ бездѣйствіи, которое мы считали простымъ проявленіемъ старческаго маразма, султанъ и его совѣтники, будто бы, усмотрѣли намѣреніе нарочно дать намъ возможность достигнуть значительныхъ успѣховъ, съ цѣлью вызвать дворцовую революцію и династическій переворотъ.

Вчера дѣло защиты Шипки могло бы окончиться катастрофою для Сулеймана-паши, еслибы не командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Б. Когда генералы Дерожинскій и Столѣтовъ донесли, 7 августа, съ Шипки, что противъ нихъ стягиваются значительныя силы, Б. въ то же время донесъ изъ Елены, что его *оттѣснили* значительныя силы отъ Беброва. Такъ какъ серьезной атаки турокъ съ этой стороны можно было ожидать съ гораздо бо́льшею вѣроятностью (Елена-Твардицкій проходъ въ рукахъ турокъ), то Радецкій, 8-го же августа, утромъ, двинулся къ Еленѣ самъ со всѣмъ своимъ резервомъ, и только по прибытіи на мѣсто убѣдился, что противъ Б. никого, кромѣ башибузуковъ, нѣтъ. Вслѣдствіе этого онъ напрасно потерялъ два дня времени, ибо могъ вернуться въ Тырновъ лишь 9-го, вечеромъ, т.-е. въ тотъ самый день, когда такъ необходима была помощь на Шипкѣ. Вчера онъ двинулся къ Шипкѣ, но, разумѣется, только поздно вечеромъ могъ поспѣть въ Габрово, сдѣлавъ пятидесяти-шести-верстный переходъ при удушливой сорока-пяти-градусной жарѣ. Когда онъ теперь попадетъ на Шипку? Развѣ лишь завтра утромъ—и то съ измученными войсками. Еслибъ не ложное донесеніе Б., Радецкій былъ бы на Шипкѣ уже вчера.

Этого Б. слѣдовало убрать еще раньше, тотчасъ по возвращеніи передового отряда изъ-за Балканъ. Въ сраженіи при Эски-Загрѣ пуля попала ему по карману, въ которомъ лежалъ серебряный портсигаръ, и, конечно, помяла его. Б. легъ на носилки и велѣлъ нести себя на перевязочный пунктъ, гдѣ и пролежалъ до конца сраженія. Затѣмъ опять сѣлъ верхомъ, явился къ Гурко и объявилъ, что онъ раненъ и остался въ строю, а въ доказательство показалъ помятый портсигаръ. Гурко покосился, но смолчалъ. Но когда, во время отступленія изъ-за Бал-

канъ, Б. загромоздилъ своими обозами Хаинкіойское ущелье, вопреки строжайшему запрещенію Гурко, тотъ его жестоко распекъ. Тогда Б., какъ жидъ-Янкель въ „Тарасѣ Бульбѣ“ („Ваше королевское величество! молчите, ради Бога молчите!“), публично взмолился: „Ваше высокопревосходительство! (а Гурко—только генералъ-лейтенантъ) простите, ради Бога простите! Никогда не буду!“—Гурко, по возвращеніи, не задумался доложить обо всемъ этомъ Государю, который и приказалъ убрать Б. Но, благодаря канцелярской волокитѣ, Высочайшее повелѣніе до сихъ поръ не успѣло дойти до Радецкаго, и только вслѣдствіе этой медленности исполненія Б. удалось нагадить еще разъ, и притомъ столь серьезно: вѣдь чуть-чуть не сгубилъ весь шипкинскій отрядъ, и только благодаря геройской стойкости послѣдняго перевалъ не перешелъ въ турецкія руки.

Теперь Великій Князь телеграммою приказалъ немедленно удалить Б. отъ командованія бригадою и выслать изъ арміи.

Всѣ эти три дня Великій Князь безпрестанно требуетъ меня къ себѣ, такъ какъ каждое вновь полученное извѣстіе сообщается телеграммами въ Петербургъ, для объявленія во всеобщее свѣдѣніе. Вчера онъ разсказывалъ, что въ императорской главной квартирѣ многіе ропщутъ, критикуютъ и осуждаютъ его, разстраивая и волнуя Государя мрачными предчувствіями и зловѣщими предсказаніями, тогда какъ онъ и безъ того нервно разстроенъ и больше всего нуждается въ душевномъ покоѣ. Великій Князь надѣется, что ему удастся успокоить Государя и разсѣять его мрачныя мысли. Еще недавно онъ ему говорилъ, что опасается умереть во время этой войны, какъ умеръ императоръ Николай I, и дѣлалъ по этому поводу разныя сопоставленія и сближенія, но Великій Князь отвлекъ его отъ этихъ печальныхъ мыслей. Вообще же Великій Князь находитъ теперь, что Государю, дѣйствительно, лучше и спокойнѣе быть при арміи, ибо въ Петербургѣ онъ бы мучился и страдалъ гораздо сильнѣе: здоровье и особенно нервная система его слишкомъ разстроены.

Сейчасъ (пять часовъ пополудни) получены двѣ телеграммы. Одна съ Шипки отъ Дерожинскаго: турки, видя безуспѣшность своихъ отчаянныхъ приступовъ, начали подвигаться впередъ траншеями и уже подошли къ горѣ св. Николая на 600 шаговъ. Замѣчательная настойчивость. Другая телеграмма—отъ Цесаревича: турки вчера атаковали Папкіой, но Цесаревичъ полагаетъ, что это лишь демонстративная атака, съ цѣлію отвлечь вниманіе отъ османъ-базарской дороги, на которую повидимому переходятъ главныя силы, фланговымъ маршемъ, отъ Разграда и

Эски-Джумы. Посему Цесаревичъ уже распорядился подкрѣпить Эрнрота, занимающаго со своею дивизіею (11-ю пѣхотною) османъ-базарскую дорогу.

14 августа, воскресенье.—Вчера былъ пятый день геройской защиты Шипки. Вчера же прибылъ сюда корреспондентъ „Daily-News“, Форбсъ: онъ 24 часа былъ очевидцемъ ожесточенныхъ турецкихъ атакъ и нашей отчаянной обороны. Говоритъ, что преклоняется передъ русскою несокрушимою стойкостью; готовъ держать какое угодно пари, что турки будутъ окончательно отбиты, что имъ нашихъ не сломить. Послалъ телеграмму въ 5.000 словъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е прибылъ на Шипку самъ Радецкій съ частью стрѣлковъ, посаженныхъ верхомъ, и воодушевилъ уже изнемогавшую горсть нашихъ войскъ своею ласковою привѣтливостью, невозмутимымъ спокойствіемъ и искреннимъ презрѣніемъ къ опасности. Всѣ воспрянули духомъ: откуда взялись новыя силы! Подкрѣпленія, приведенныя Радецкимъ, будучи измучены четырехдневнымъ форсированнымъ маршемъ отъ Тырнова къ Еленѣ и обратно, а оттуда на Шипку—подходили постепенно ночью и утромъ 12-го августа. Въ этотъ день былъ раненъ Драгомировъ въ колѣнный суставъ правой ноги; тяжело раненъ въ бедро стоявшій сзади него маленькій капитанъ генеральнаго штаба Мальцевъ, тотъ самый, который получилъ за переправу георгіевскій крестъ, какъ первый, вышедшій на непріятельскій берегъ Дуная. Вчера, 13-го, убитъ пулею прямо въ сердце командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи Дерожинскій—первый убитый въ эту кампанію генералъ.

Великій Князь немедленно самъ телеграфировалъ объ этомъ женамъ обоихъ генераловъ въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ.

Старческая апатичность Непокойчицкаго и безтолковая суетливость вѣчно-растеряннаго Левицкаго, въ теперешнее горячее и тяжелое время, оказываютъ весьма серьезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Главная бѣда въ томъ, что оба постоянно упускаютъ изъ виду разсчетъ времени. Вслѣдствіе постоянныхъ колебаній, неспособности оцѣнивать обстановку и отсутствія военнаго чутья — всѣ распоряженія запаздываютъ. Еще 12-го августа въ 7 часовъ вечера зашла рѣчь о необходимости послать Радецкому на Шипку подкрѣпленіе отъ Сельви и Тырнова. До полуночи не могли ни на что рѣшиться, и наконецъ въ ночь съ 12-го на 13-е телеграфировали князю Шаховскому въ Тырновъ, но въ такихъ условныхъ выраженіяхъ, что заранѣе

можно было сказать съ увѣренностью, что онъ ничего не рѣшится послать. Текста этой телеграммы у меня не сохранилось, но я хорошо помню, что князю Шаховскому самому предоставлялось рѣшать, по соображенію съ обстановкою, посылать ли подкрѣпленія или нѣтъ. Нетрудно было предвидѣть, что онъ, уже напуганный второю плевнинскою неудачею, не рѣшится ослабить себя для усиленія Радецкаго. Только вчера, 13-го августа, въ 5 час. дня, Великій Князь послалъ князю Шаховскому телеграмму съ рѣшительнымъ приказаніемъ немедленно подкрѣпить Радецкаго.

Теперь обстановка совершенно выяснилась. Сулейманъ не только собралъ на Шипку всю свою армію, но притянулъ еще все, что̀ могъ, изъ Ловчи и изъ другихъ, менѣе важныхъ, ближайшихъ пунктовъ. Такимъ образомъ турки окружаютъ нашу позицію на перевалѣ съ трехъ сторонъ.

Румынская армія (около 30.000) приготовляется къ переправѣ черезъ Дунай у Корабіи и примкнетъ къ нашимъ войскамъ, наблюдающимъ за Плевной.

15 августа, понедѣльникъ. — По извѣстіямъ съ Шипки, положеніе нашихъ войскъ очень тяжкое. Турки сосредоточились въ горахъ противъ обоихъ нашихъ фланговъ и начали строить батареи для перекрестнаго обстрѣливанія какъ фланговъ, такъ и пути сообщенія съ Габровомъ. Радецкій, однако, не теряетъ головы: на перевалѣ держитъ посмѣнно только часть войскъ, а 14-ть баталіоновъ расположилъ уступами позади для противодѣйствія обходу и полному охвату. Теперь все сводится къ тому, кто кого переупрямитъ выдержкою и стойкостью.

Сегодня рано утромъ, Непокойчицкій вызвалъ Левицкаго и началъ совѣщаться, что̀ дѣлать. Какъ только я вышелъ изъ кибитки, онъ привлекъ къ совѣщанію и меня. Я высказалъ слѣдующее мнѣніе.

На Шипкѣ рѣшается участь кампаніи нынѣшняго года. Если мы оставимъ ее раньше полнаго истощенія силъ, то горько пожалѣемъ. Въ такихъ страшно напряженныхъ положеніяхъ всегда все держится на одномъ волоскѣ: за этотъ волосокъ и надо держаться до послѣдней крайности. Ничтожнаго на видъ обстоятельства достаточно, чтобы волосокъ оборвался для той или другой стороны, но не разсчетъ обрывать его намъ самимъ. Отступивъ съ Шипки добровольно, мы все равно проигрываемъ кампанію, а отстаивающія Шипку войска этимъ не спасемъ. Они дерутся, пока отстаиваютъ позицію; но сто̀итъ только ихъ вы-

вести изъ боя — конецъ: обратятся въ слабосильную команду, которую придется увести на продолжительный отдыхъ подъ охрану другихъ войскъ.

Съ очищеніемъ Шипки, турки такъ пріосанятся, что не только Сулейманъ, но и Османъ и Мехметъ-Али перейдутъ въ наступленіе, и намъ придется отбиваться съ юга, съ востока и съ запада. Пока мы держимся на Шипкѣ—они ни за что на это не рѣшатся: а какъ только ее сдадимъ – такъ воодушевятся, что выкажутъ еще бо́льшія чудеса храбрости. Вотъ тогда намъ дѣйствительно придется плохо. Сами передъ всѣмъ свѣтомъ признаемъ себя побѣжденными, а побѣжденный—всегда виноватъ.

Поэтому намъ необходимо идти на-отчаянную. Турки ставятъ все на карту, и мы должны сдѣлать то же. Если наше теперешнее положеніе такъ скверно, то въ значительной степени потому, что начали очень смѣло, а послѣ первой же неудачи усомнились въ себѣ и выпустили изъ рукъ иниціативу. Теперь надо употребить всѣ усилія, чтобы сбросить Сулеймана съ Балканъ; а если не удастся, то хоть удержать свои позиціи. Если хоть на шагъ отступимъ—придется, можетъ быть, отступить даже за Дунай,—и тогда вся кампанія нынѣшняго года пойдетъ на смарку.

И Непокойчицкій, и Левицкій, согласились съ этимъ и тотчасъ же пошли къ Великому Князю. Послѣ часового совѣщанія Великій Князь рѣшилъ: немедленно ѣхать вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ къ Государю и испросить его повелѣній.

Теперь все зависитъ отъ того, въ какомъ настроеніи они застанутъ Государя и какъ это настроеніе отразится на нихъ самихъ. Государь все время ужасно волнуется: каждая полученная съ Шипки телеграмма, каждый пріѣзжающій оттуда очевидецъ—посылаются къ нему немедленно. Если долго нѣтъ извѣстій—онъ самъ пріѣзжаетъ верхомъ къ Великому Князю, поговоритъ съ нимъ и уѣзжаетъ, каждый разъ видимо успокоенный. Дай Богъ, чтобы и сегодня Великому Князю удалось утишить его душевную муку и скорбь.

Ждемъ извѣстій съ Шипки: ничего еще неизвѣстно, что́ тамъ дѣлается сегодня. Вчера вечеромъ оттуда вернулись Лигницъ и молодой американскій офицеръ Гринъ, недавно къ намъ пріѣхавшій. Оба восторженно изумлены сказочнымъ геройствомъ нашихъ войскъ и невозмутимымъ спокойствіемъ Радецкаго, этого истинно-русскаго скромнаго богатыря.

Послѣ завтрака Нелидовъ [1]) сообщилъ мнѣ по секрету, что

[1]) Директоръ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго.

Уэллеслей [1]) возвращается съ собственноручнымъ письмомъ королевы Викторіи, въ которомъ она завѣряетъ Государя, что Англія останется благопріятно-нейтральною (?), но проситъ кончать войну поскорѣе, такъ какъ общественное мнѣніе очень подкуплено подвигами турокъ и легко можетъ единодушно повернуться противъ Россіи.

По мнѣнію Нелидова, намъ достаточно теперь дать понять другимъ великимъ державамъ, что мы согласны удовлетвориться автономіей Дунайской Болгаріи: всѣ охотно предложатъ свое немедленное посредничество, а Турція съ радостью согласится помириться на этихъ условіяхъ. Но, конечно, для насъ мало почетнаго въ такомъ мирѣ.

А по моему, намъ лучше лечь здѣсь всѣмъ до одного, чѣмъ заговаривать о мирѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Вотъ когда сбросимъ съ Балканъ Сулеймана и выгонимъ изъ Плевны Османа, тогда—другое дѣло: если турки сами запросятъ мира, то можно еще подумать, стоитъ ли продолжать войну, которую мы все равно не доведемъ до конечной цѣли—разрушенія Оттоманской имперіи.

3 часа пополудни.—Великій Князь и Непокойчицкій вернулись отъ Государя. Рѣшено: Непокойчицкому ѣхать на Шипку самому, осмотрѣть наши и турецкія позиціи и обсудить съ Радецкимъ, на чемъ остановиться. Радецкому послана объ этомъ телеграмма.

Извѣстій съ Шипки все еще нѣтъ, но это скорѣе добрый знакъ. Вчера тоже цѣлый день не было ничего, а вечеромъ пришла телеграмма, что все ограничивалось ружейною перестрѣлкою [2]).

7 часовъ вечера.—Государь пріѣхалъ: вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ сидитъ въ кибиткѣ Непокойчицкаго и втроемъ совѣщаются. Телеграмма съ Шипки наконецъ получена: сегодня тоже была лишь слабая ружейная перестрѣлка, но турки строятъ батареи въ горахъ.

Сегодня же вечеромъ Непокойчицкій уѣхалъ на Шипку.

18 августа, четвергъ.—Много разговора по возникшему вопросу: привлекать ли Сербію къ соучастію въ военныхъ дѣйствіяхъ, или нѣтъ? Тамъ теперь находится и агитируетъ из-

---

[1]) Англійскій военный агентъ при императорской главной квартирѣ.

[2]) Необходимо замѣтить, что у насъ телеграфъ устроенъ только до Габрова, а оттуда сообщеніе съ Шипкою—черезъ ординарцевъ. Это очень замедляетъ полученіе извѣстій.

вѣстный Ростиславъ Фадѣевъ: его считаютъ тамъ русскимъ негласнымъ уполномоченнымъ, а онъ этого не признаетъ и не отвергаетъ. Такъ какъ Скобелевъ-отецъ (Дмитрій Ивановичъ) съ нимъ въ давней дружбѣ, то Великій Князь поручилъ ему написать Фадѣеву письмо съ просьбою уѣхать изъ Сербіи. Д. И. Скобелевъ это порученіе исполнилъ. Онъ давалъ мнѣ читать свое письмо: коротко и очень забавно написано. Я попросилъ позволенія снять копію на память; Д. И. съ удовольствіемъ согласился.

Вотъ это письмо:

„Любезный Ростинька! Такъ какъ пребываніе ваше въ Сербіи находятъ по высшимъ соображеніямъ нежелательнымъ, то по приказанію того, кто мнѣ приказать можетъ, сообщаю вамъ какъ дружескій совѣтъ: лучше вамъ оттуда уѣхать".

Нелидовъ—противъ сербской кооперацiи, и сегодня онъ прочелъ мнѣ свою докладную записку Великому Князю по этому вопросу. Упоминая прежде всего о томъ, что привлеченіе Сербіи было бы нарушеніемъ даннаго Австріи обѣщанія и повлекло бы за собою всевозможныя нежелательныя для насъ осложненія, онъ доказываетъ: 1) Сербія еще такъ разстроена, что отъ нея нельзя ожидать серьезной помощи; 2) если даже ей удастся организовать и двинуть свои войска, то турки ихъ навѣрное разобьютъ, а мы—даже не въ состояніи во-время помочь; 3) Сербія на свои деньги воевать не можетъ: придется помочь ей и деньгами, и оружіемъ, и военными запасами, а пользы отъ этого ожидать трудно. Въ заключеніе Нелидовъ предлагаетъ, прежде чѣмъ рѣшаться на привлеченіе Сербіи, послать туда довѣренное и компетентное лицо удостовѣриться: насколько солидны сербскія военныя приготовленія и можно ли разсчитывать на серьезную пользу отъ сербской кооперацiи.

Ожидается парламентеръ отъ Мехмета-Али съ какимъ-то письмомъ къ Великому Князю: объ этомъ предупредилъ Цесаревичъ. Его адъютантъ графъ Шереметевъ привезъ письмо Великому Князю.

Вечеромъ получена слѣдующая шифрованная телеграмма Непокойчицкаго съ Шипки:

„По совѣщанію съ Радецкимъ, при видимомъ бездѣйствіи и вѣроятномъ уменьшеніи непріятеля у Шипки, необходимо обратить всѣ силы на Плевну. Поэтому 2-ю пѣх. дивизію необходимо тотчасъ отправить въ Сельви, откуда Имеретинскій, а также отрядъ Скобелева, пошелъ бы на Ловчу. Для занятія ея оставить тамъ одинъ полкъ 2-й дивизіи, а съ остальными вой-

сками двинуться къ Плевнѣ. Къ этому времени у Зотова должно быть все готово. 3-я стрѣлковая бригада двинулась бы изъ Тырнова тоже къ Порадиму. Развязка у Плевны есть главный нашъ вопросъ. Тогда руки будутъ у насъ развязаны. Если ваше высочество одобрите эти предположенія, то благоволите приказать тотчасъ Радецкому двинуть 2-ю дивизію по назначенію и телеграфировать мнѣ въ Тырновъ, гдѣ буду ночевать у Шаховского. Благоволите сообщить интенданту о томъ, что̀ будетъ рѣшено".

Великій Князь немедленно телеграфировалъ шифромъ:

1) Непокойчицкому въ Тырновъ:

„Радецкому приказалъ немедленно двинуть 2-ю дивизію въ Сельви и далѣе по вашей телеграммѣ. Не лучше ли направить 3-ю стрѣлковую бригаду на Мрадего, Летницу и Порадимъ? Распорядитесь какъ полагаете лучше. Какая часть замѣнитъ стрѣлковъ въ Тырновѣ? Какія извѣстія о непріятелѣ противъ Шипки и объ арміи Сулеймана? Кому поручили командовать атакою Ловчи? Направьте всю кавалерію изъ Никупа въ Мрадего и далѣе съ 3-ю стрѣлковою бригадою, а также сводный полкъ, стоящій въ Тырновѣ".

2) Радецкому въ Габрово—на Шипку:

„Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ, условленнымъ между вами и генераломъ Непокойчицкимъ. Двиньте немедленно 2-ю дивизію въ Сельви, гдѣ Имеретинскому присоединить къ себѣ 2-ю бригаду 3-й дивизіи и идти на Ловчу, которую вмѣстѣ съ отрядомъ Скобелева атаковать. По занятіи ея, оставивъ тамъ одинъ пѣхотный полкъ, со всѣми остальными силами идти на Плевну".

3) Зотову въ Порадимъ (подъ Плевной):

„Генералъ Непокойчицкій, посланный мною на Шипку, доноситъ, что, по совѣщаніи съ Радецкимъ, въ виду бездѣйствія и вѣроятнаго уменьшенія силъ непріятеля, нашли необходимымъ обратить главное мое вниманіе на Плевну. Поэтому рѣшилъ: завтра направить 2-ю дивизію изъ Габрова на Сельви, гдѣ присоединить къ себѣ 2-ю бригаду 3-й дивизіи и совмѣстно съ отрядомъ Скобелева атаковать Ловчу. По занятіи ея, оставить тамъ одинъ полкъ, а съ остальными силами двинуться къ Плевнѣ для участія въ атакѣ ея. 3-я стрѣлковая бригада съ тремя кавалерійскими полками идетъ завтра изъ Тырнова черезъ Летницу въ Порадимъ, куда прибудетъ 21-го числа. Къ этому времени у васъ все должно быть готово къ начатію атаки, какъ вами было предположено, т.-е. заложеніе батарей 21-го числа, послѣдовательное постепенное наступленіе и дѣйствія кавалеріи на

тылъ непріятеля. Румынамъ послалъ приказаніе перейти Дунай всѣми силами 20-го числа. Князя прошу лично прибыть въ Порадимъ тоже 20-го. Приготовьте все тихо, спокойно, безъ огласки. Да поможетъ намъ Богъ".

4) Князю Карлу Румынскому въ Турну-Магурели (переводъ съ французскаго):

„По полученнымъ свѣдѣніямъ о расположеніи непріятеля, безусловно необходимо, чтобы 20-го августа вся румынская армія перешла на правый берегъ Дуная. Прими необходимыя энергическія мѣры и снесись съ великимъ княземъ Алексѣемъ о предоставленіи тебѣ всѣхъ возможныхъ средствъ къ безостановочной и быстрой переправѣ. Твое личное присутствіе необходимо въ Порадимѣ 20-го утромъ. Съ сегодняшняго дня запрети, впредъ до новаго распоряженія, отправку со всѣхъ дунайскихъ станцій, до Корабіи включительно,—всякихъ частныхъ телеграммъ, особенно корреспондентскихъ".

5) Великому князю Алексѣю Александровичу въ Турну-Магурели:

„Употреби всѣ силы, чтобы перевезти всю румынскую армію къ 20-му числу на правый берегъ Дуная: это крайне необходимо. Князя извѣщаю объ этомъ тоже".

19 августа, пятница.—Турецкій парламентеръ отъ Мехмета-Али уже уѣхалъ: пріѣзжалъ сюда для пустого разговора о „Красной лунѣ" (соотв. нашему „Красному кресту"). Нелидовъ представлялъ его Великому Князю. Очень образованный и милый молодой человѣкъ, получившій воспитаніе въ Парижѣ, внукъ Фуада-паши, бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ во время крымской войны.

Непокойчицкій вернулся съ Шипки. По словамъ его адъютанта, Максимовича [1]), съ такимъ же невозмутимо спокойнымъ видомъ онъ объѣзжалъ Шипкинскія позиціи, съ какимъ расхаживаетъ здѣсь.

Около трехъ часовъ дня получены одновременно телеграммы отъ Цесаревича и отъ Зотова о переходѣ турокъ въ наступленіе. Оба извѣстія явились совершенно неожиданно, хотя туркамъ давно слѣдовало это сдѣлать: серьезный непріятель сдѣлалъ бы это одновременно съ атакою Сулеймана на Шипку. Но Великій Князь очень взволновался и разстроился; Государь—тоже. Вскорѣ,

---

[1]) Бывшій войсковой наказный атаманъ войска Донского, нынѣ генералъ-губернаторъ въ Варшавѣ.

однако, пришла телеграмма Зотова, что турецкая вылазка изъ Плевны отбита окончательно, и въ то же время получено собственноручное письмо Цесаревича, написанное самымъ сердечнымъ и сочувственнымъ тономъ. Цесаревичъ точно предчувствовалъ, что Великаго Князя надо успокоить.

Въ письмѣ этомъ (Великій Князь далъ мнѣ его прочесть) Цесаревичъ, между прочимъ, объясняетъ, что потерею Аясларской позиціи 11-го августа мы обязаны начальнику штаба 13-го арм. корпуса полковнику Ильяшевичу, который „все только споритъ, не слушается, не исполняетъ приказаній... Я рѣшительно прошу, чтобы Ильяшевича смѣнили: съ такими подчиненными дѣло идти не можетъ“. Конечно, онъ будетъ немедленно смѣненъ.

Сегодня вечеромъ Великій Князь послалъ Левицкаго подъ Плевну къ Зотову, а временное исправленіе его должности (безъ отданія въ приказѣ) Непокойчицкій поручилъ мнѣ.

Съ нѣкотораго времени Великій Князь и Непокойчицкій возложили на меня еще новую обязанность: составленіе и разборъ шифрованныхъ депешъ. Съ непривычки—это трудъ нелегкій. У насъ два военныхъ шифра; свой и румынскій. Оба я постигъ вполнѣ, разбираю и составляю телеграммы быстро, но трудъ этотъ—очень кропотливый и утомительный.

21 августа, воскресенье.—Завтра отрядъ князя Имеретинскаго, которому подчиненъ и отрядъ Скобелева, долженъ атаковать Ловчу. Если ее возьмутъ, то 24-го или 25-го отрядъ этотъ можетъ уже подойти къ Плевнѣ, и тогда у насъ соберется тамъ (вмѣстѣ съ румынами) 92 бат., 58 эск. и сотенъ, 20 осадныхъ и 356 полевыхъ орудій: всего слишкомъ 80.000 чел. Съ такими силами, если только умѣло распорядиться, Плевну взять можно.

Великій Князь собирается ѣхать туда со своимъ летучимъ штабомъ 23-го или 24-го. Государь изъявилъ также свое непремѣнное желаніе присутствовать при атакѣ. Вслѣдствіе этого Великій Князь долженъ будетъ по необходимости состоять при Государѣ. Кто приметъ общее начальство надъ войсками—неизвѣстно.

23 августа, вторникъ. — Получено радостное извѣстіе о взятіи Ловчи вчера: изъ полученныхъ пока извѣстій видно, что дѣло было ведено съ толкомъ и энергіей.

Завтра рано утромъ уѣзжаемъ въ д. Радeницу (между Ка-

рагачемъ и Порадимомъ). Всѣ назначенные сопровождать Великаго Князя уже уѣхали впередъ: остались только Непокойчицкій, я и адъютанты Скалонъ и Андреевъ. Лошади и вещи наши, а также кухня Великаго Князя—тоже отправлены. По этому случаю Государь пригласилъ Великаго Князя съ его маленькою свитою обѣдать къ себѣ. Послѣ обѣда со мною долго разговаривалъ военный министръ. Сообщилъ, что начальникъ академіи проситъ прислать Лобко [1]) и меня къ началу курса обратно, такъ какъ насъ некѣмъ замѣнить, но что онъ, военный министръ, не рѣшается даже заговорить объ этомъ съ Великимъ Княземъ, такъ какъ заранѣе знаетъ, что онъ ни за что меня не отпуститъ. Я просилъ не заводить рѣчи объ этомъ и выразилъ убѣжденіе, что въ случаѣ рѣшительнаго успѣха подъ Плевною война можетъ кончиться еще до наступленія зимы. На это Д. А. Милютинъ съ горечью возразилъ, что онъ давно потерялъ надежду на скорое окончаніе войны и вообще, при нашей неурядицѣ, Богъ знаетъ еще, какъ и когда война кончится. Противъ этого возражать было нечего.

Вечеромъ была сильнѣйшая гроза съ проливнемъ. Очень кстати: все время стоитъ жара невыносимая. 25^0 считаемъ умѣренною температурою.

24 августа, среда.—Переѣхали въ д. Раденицу. Пріѣхалъ генералъ Зотовъ. Переговоривъ съ нимъ подробно, Великій Князь рѣшилъ завтра выждать здѣсь, чтобы не вызывать толковъ своимъ заблаговременнымъ пріѣздомъ.

Государь со свитою выѣхалъ слѣдомъ и остановился сегодня въ д. Чаушъ-Магала.

На слѣдующій день, 25 августа, получена телеграма Цесаревича: вчера турки дѣйствительно атаковали одновременно наши позиціи при Аблавѣ и Коцелевѣ. Атака на Аблаву хотя и отбита, но такъ какъ коцелевскій отрядъ, подавленный тройными силами, вынужденъ былъ отступить, то и Аблаву пришлось очистить.

Полнаго текста этой телеграммы Великій Князь мнѣ не показывалъ; отвѣтъ составилъ и зашифровалъ самъ [2]).

---

[1]) Также профессоръ военной администраціи, состоявшій первую половину кампаніи лично при военномъ министрѣ, а затѣмъ—бывшій помощникомъ начальника штаба тыла арміи, нынѣ—государственный контролеръ.

[2]) Впослѣдствіи, въ 1878 или 1879 году, разбирая и приводя въ порядокъ его походный архивъ, я нашелъ только отвѣтную телеграмму Великаго Князя, собственноручно написанную карандашомъ и безъ помѣтки числа. Но она была, конечно, отправлена не позже утра 26 августа съ ближайшей телеграфной станціи Порадимъ. Вотъ текстъ этой телеграммы:

Къ настоящему дню расположеніе нашихъ войскъ должно быть слѣдующее:

1) Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича (12-й и 13-й корпуса), принужденный отодвинуться нѣсколько назадъ—приблизительно по линіи между рр. Ломомъ и Янтрою, до Церковны включительно.

2) Тырновскій отрядъ генералъ-лейтенанта князя Шаховского ($1^1/_2$ пѣх. дивизіи и кавал. бригада 13-го корпуса, елецкій и сѣвскій пѣх. полки изъ 8-го корпуса и 13-я кавалер. дивизія изъ 13-го корпуса)—отъ Церковны до Балканъ, занимая также Хаинкіойскій перевалъ.

3) Шипкинскій отрядъ генералъ-лейтенанта Радецкаго (8-й корпусъ безъ елецкаго и сѣвскаго полковъ, 4-я стрѣлковая бригада и болгарское ополченіе)—на Янинскомъ, Шипкинскомъ и Травненскомъ перевалахъ, имѣя резервъ въ Габровѣ.

4) Ловче-сельвинскій отрядъ: 2-я бригада 3-й пѣх. дивизіи подъ командою ген.-м. Давыдова.

5) Западный отрядъ подъ общимъ начальствомъ князя Карла Румынскаго:

Правый флангъ.—отъ деревни Рыбно на рѣкѣ Видѣ до Гривицкаго шоссе: 3-я и 4-я румынскія дивизіи съ тремя полками каларашей, имѣя въ резервѣ у деревни Врбицы свою же резервную дивизію. Итого: 30 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 90 орудій.

Центръ: а) на Гривицкомъ шоссе—кавалерія генералъ-лейтенанта Лашкарева (18 эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій); б) отъ Гривицкаго шоссе до дороги изъ Пелишата въ Плевну—9-й армейскій корпусъ (18 баталіоновъ и 80 орудій) и осадная артиллерія (20 орудій); в) на Радишевскихъ высотахъ—часть 4-го армейскаго корпуса (15 баталіоновъ и 72 орудія); г) между

„Капривцы. Наслѣднику Цесаревичу:

„Въ виду дѣла подъ Плевной и войскъ, занимающихъ Тырновъ, Шипку, Хаинкіой, необходимо тебѣ держаться съ твоимъ отрядомъ *до послѣдней крайности*, иначе *Богъ знаетъ* что можетъ *выйти. Подкрѣпленіе* можетъ *придти*: одинъ полкъ и двѣ батареи 28-го и второй 31-го *къ Владиміру. Къ тебѣ въ Бѣлу* два полка казаковъ 29-го числа, третій полкъ казаковъ 31-го числа и четвертый полкъ 2-го сентября; одинъ полкъ пѣхоты *въ Бѣлу* 2-го числа, *другой*—5-го. *Гвардейская стрѣлковая бригада* въ Павло 4-го числа. Если Богъ благословитъ подъ *Плевной*, то самъ приду, но врядъ ли ранѣе 5-го или 6-го. Вотъ въ какомъ *мы положеніи*, и если до 6-го *не удержимъ наступленіе* турокъ, то самъ посуди, въ какое *ты положеніе ставишь* меня и насъ всѣхъ передъ *лицомъ всей Россіи*, имѣя *Государя въ арміи.* Сохрани васъ Богъ *отступать за Янтру.*—Николай“.

Подчеркнутыя слова телеграммы были зашифрованы.

Тученицею и Радишевомъ—кавалерія генералъ-маіора Леонтьева (8 эскадроновъ и 6 орудій).

Лѣвый флангъ: а) донская казачья бригада полковника Чернозубова (12 сотенъ и 6 орудій)—отъ Тученицы до Плевно-Ловчинскаго шоссе; б) соединенные отряды свиты его величества генералъ-маіоровъ князя Имеретинскаго и Скобелева 2-го (20 баталіоновъ и 56 орудій)—на самомъ шоссе; в) кавказская казачья бригада (12 сотенъ и 16 орудій)—отъ Плевно-Ловчинскаго шоссе до рѣки Видъ.

Общій резервъ—изъ одного полка и батареи 9-го корпуса, двухъ полковъ и двухъ батарей 4-го корпуса, двухъ румынскихъ полковъ съ батареею, двухъ гусарскихъ полковъ съ батареею (11 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 30 орудій)—у деревни Пелишатъ.

Всего около 65.000 пѣхоты (92 баталіона), 5.500 челов. кавалеріи (58 эскадроновъ), 20 осадныхъ и 356 полевыхъ орудій (около 4.500 чел.). Итого—около 90.000 человѣкъ.

Но эти 90.000 человѣкъ растянуты, по крайней мѣрѣ, на двадцать верстъ и расположены тонкимъ полукольцомъ, причемъ путь отступленія непріятеля совершенно свободенъ: на лѣвомъ берегу Вида у насъ ничего нѣтъ.

26 августа, пятница.—Ночью были устроены двѣ осадныя батареи. Сегодня началось бомбардированіе Плевны. Мы съ утра отправились туда. Государь перевелъ свою главную квартиру изъ Чаушъ-Магалы въ Раденицу, и оттуда тоже прибылъ подъ Плевну. Вечеромъ Государь и Великій Князь со своими свитами вернулись ночевать въ Раденицу.

Весь слѣдующій день опять присутствовали при бомбардированіи плевнинскихъ укрѣпленій. Вечеромъ Великій Князь неожиданно объявилъ, что на переѣзды изъ Раденицы и обратно пропадаетъ слишкомъ много времени, и что будемъ ночевать въ Порадимѣ. Въ совершенной темнотѣ отправились туда. Прибыли: ни зги не видно, огней нигдѣ нѣтъ. Во всей этой деревнѣ одинъ только домъ, занятый княземъ румынскимъ [1]), а то все землянки, снаружи покрытыя соломой, а внутри обмазанныя глиной. Ночью ихъ и не видно. Начали бродить ощупью, безпрестанно натыкаясь на плетни и попадая въ какія-то канавки. Потеряли изъ виду другъ друга и своихъ конюховъ съ верховыми лошадьми. Я, какъ примкнулъ случайно во время

---

[1]) Наши солдатики уже успѣли дать ему прозвище „румынская Карла“.

переѣзда къ начальнику телеграфовъ, генералъ-маіору Шталю, такъ и остался съ нимъ. Наткнулись, наконецъ, на кого-то въ темнотѣ. Окликнули: по голосу узналъ геодезиста Савицкаго. Онъ находился тамъ уже нѣсколько дней и пригласилъ насъ обоихъ къ себѣ напиться чаю. Но, отойдя нѣсколько шаговъ, самъ потерялъ изъ виду свою землянку, и прошло не мало времени, пока онъ нашелъ къ ней дорогу. Наконецъ, добрались. Савицкій угостилъ насъ чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ; мы съ чувствомъ поблагодарили, но затѣмъ опять возникъ вопросъ: куда дѣваться? Шталь предложилъ идти разыскивать военно-телеграфную станцію, чтобы тамъ переночевать. Пошли. Неизвѣстно, сколько времени мы бы еще плутали, еслибъ не счастливая случайность: наткнулись на коляску самого Шталя. Кучеръ его наудачу выѣхалъ на розыски. Благодаря этой неожиданности, мы добрались, наконецъ, до телеграфной станціи. Наши верховыя лошади съ конюхами уже оказались тамъ. Шталь легъ спать въ землянкѣ, а я—на соломѣ, подъ навѣсомъ, завернувшись въ кожаное пальто.

28 августа, воскресенье. — Опять весь день присутствовали при обстрѣливаніи Плевны, переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Всѣ эти дни завтракали у Государя, между 1—2 час. дня, холодными закусками. Завтраки происходили все на одномъ и томъ же холмѣ, который уже окрестили „холмомъ завтраковъ“. Къ 7-ми час. вечера вернулись въ Порадимъ, гдѣ обѣдали у князя румынскаго. Государь со свитою вернулся въ Раденицу.

Вчера вся кавалерія генералъ-маіора Лашкарева (18 эскадроновъ и сотенъ и 12 орудій), стоявшая у Гривицы, перешла оттуда мимо сѣверной окраины Плевны за рѣку Видъ и, усилившись по пути еще румынскою кавалерійскою дивизіей (16 эскадроновъ и 6 орудій), двинулась къ Дольнему-Дубняку.

Сегодня, *29 августа*, идетъ четвертый день бомбардированія Плевны. Великій Князь, воспользовавшись тѣмъ, что Государь назначилъ на сегодня свой пріѣздъ только къ часу дня (въ предыдущіе дни прибывалъ между 9—10 утра), съ 9-ти часовъ утра предпринялъ объѣздъ нашихъ позицій. До сихъ поръ это никакъ не удавалось, въ виду непремѣннаго желанія Государя быть все время вмѣстѣ, а между тѣмъ Великій Князь считалъ невозможнымъ подвергать опасности его драгоцѣнную жизнь. Вслѣдствіе этого Великому Князю и пришлось совершенно отказаться отъ непосредственнаго руководства ходомъ боя, предоставивъ это

князю Карлу. Но и князь былъ лишь номинальнымъ начальникомъ; довольный оказаннымъ ему вниманіемъ, онъ рѣшительно ни во что не вмѣшивался (что̀ и было вполнѣ благоразумно), все время безотлучно находился при Государѣ, а фактическое начальствованіе вполнѣ предоставилъ генералъ-лейтенанту Зотову. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, естественно чувствовалъ себя очень неловко и не могъ сознавать себя самостоятельнымъ въ присутствіи не только главнокомандующаго, но и самого Государя Императора. Вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба Новицкимъ онъ также держался и держится около Государя и Великаго Князя.

Великій Князь началъ свой объѣздъ съ осадныхъ батарей и батарей полевой артиллеріи, обстрѣливавшихъ Плевну. Чтобы не привлекать вниманія турокъ, онъ приказалъ слѣдовать за собою лишь весьма немногимъ лицамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Остальной свитѣ и конвойному эскадрону лейбъ-казаковъ велѣлъ держаться въ отдаленіи и въ разсыпную. Но такъ какъ онъ весьма часто останавливался на батареяхъ и около войскъ, то весь громадный хвостъ постепенно подтягивался все ближе и становился все гуще. Такъ что когда Великій Князь подъѣхалъ къ мѣсту расположенія главнаго резерва (къ юго-западу отъ Радишева), то за нимъ уже столпилась густая масса, около двухсотъ человѣкъ слишкомъ, рѣзко бросавшаяся въ глаза, особенно благодаря огромному великокняжескому значку. Конечно, турки сейчасъ же это замѣтили (резервы имъ не могли быть видны, ибо скрывались въ лощинѣ, за гребнемъ, по которому ѣхали мы) и направили огонь на насъ. Первая граната перелетѣла, вторая—разорвалась уже совсѣмъ поблизости, а третья пропѣла надъ самыми головами и зарылась въ землю около насъ, безъ разрыва. Великій Князь тотчасъ приказалъ всѣмъ намъ спуститься въ лощину и разсыпаться, а самъ съ однимъ Непокойчицкимъ остался на мѣстѣ и своимъ звонкимъ, яснымъ голосомъ поздоровался съ войсками резерва. Затѣмъ еще нарочно подозвалъ къ себѣ старшихъ начальствующихъ лицъ и, переговоривъ съ ними, шагомъ объѣхалъ весь резервъ. Сойдя съ коня, онъ приказалъ слѣдовать за собою (тоже пѣшкомъ) великому князю Николаю Николаевичу Младшему, Непокойчицкому, Левицкому, временно командующему 4-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Крылову, начальнику штаба корпуса полковнику Новицкому, Скобелеву-отцу, мнѣ и нѣсколькимъ своимъ адъютантамъ. Всей остальной свитѣ и конвою велѣлъ оставаться при резервѣ.

Великій Князь вмѣстѣ съ нами прошелъ пѣшкомъ впередъ

шаговъ на пятьсотъ-шестьсотъ и, выбравъ удобное мѣстечко, усѣлся на травѣ наблюдать въ бинокль турецкія укрѣпленія и дѣйствія нашего лѣваго фланга (войска князя Имеретинскаго и Скобелева), отдѣленнаго отъ насъ глубокою, но довольно пологою лощиною. Ясно было видно, что самый ожесточенный огонь былъ направленъ именно противъ нашего лѣваго фланга, что̀ и вполнѣ понятно: войска Скобелева всего ближе къ самому чувствительному мѣсту, т.-е. къ пути отступленія непріятеля. Гранаты такъ и летали мимо насъ и черезъ наши головы: бо̀льшая часть ихъ разрывалась шагахъ въ 150—300 вправо и влѣво отъ насъ.

При этой обстановкѣ Новицкій читалъ Великому Князю проектъ диспозиціи штурма на 30-е августа: великій князь-Младшій, Непокойчицкій, Левицкій, Крыловъ, я и адъютантъ Великаго Князя Скалонъ слушали. Великому Князю очень не понравилось, что штурмъ назначенъ такъ поздно—въ четыре часа дня. Новицкій объяснялъ, что это предположено съ умысломъ: легче будетъ удержать за собою занятыя позиціи, когда смеркнется. Великій Князь велѣлъ, однако, назначить часомъ раньше—въ три часа. Но и это слишкомъ поздно. Впрочемъ, главный недостатокъ диспозиціи не въ этомъ, а въ назначеніи общей атаки по всему южному фронту, и сверхъ того—на Гривицкій редутъ. При предварительномъ обсужденіи было рѣшено вести главную атаку только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, т.-е. бить въ самое чувствительное мѣсто. Несмотря на это рѣшеніе, не разъ повторенное (еще вчера былъ объ этомъ разговоръ у Великаго Князя съ Зотовымъ), въ диспозиціи назначена общая атака, и ни Великій Князь, ни Непокойчицкій ничего противъ этого не возразили. Слѣдовательно—такъ это и сдѣлается.

Не знаю, по своему ли убѣжденію Зотовъ съ Новицкимъ провели въ диспозицію эту несчастную идею, или же поддались вліянію Левицкаго. Склоненъ думать послѣднее, и вотъ на какомъ основаніи. Вчера Левицкій, по приказанію Великаго Князя, ѣздилъ въ отрядъ Скобелева и, вернувшись оттуда, доложилъ буквально слѣдующее [1]):

„Турки не могутъ отдать тѣ высоты, которыя приходится атаковать Скобелеву, потому что съ нихъ обстрѣливается и городъ Плевна, и весь турецкій укрѣпленный лагерь, въ которомъ стоитъ ихъ резервъ. Атака этихъ высотъ поведетъ къ самому

[1]) Слова эти я немедленно записалъ, и потомъ совѣтовалъ Левицкому отказаться отъ нихъ, на что онъ, однако, не согласился.

кровопролитному бою: не слѣдуетъ дѣлать себѣ иллюзій на этотъ счетъ".

По здравому смыслу казалось бы, что именно поэтому и слѣдуетъ употребить всѣ усилія на овладѣніе этими высотами, ограничиваясь на остальныхъ пунктахъ канонадою и демонстраціями. Но Левицкій вчера же сдѣлалъ неожиданный выводъ: надо сперва овладѣть укрѣпленіями южнаго фронта, а затѣмъ уже атаковать участокъ турецкой позиціи противъ Скобелева. На него тогда напали и Великій Князь, и Непокойчицкій, и Зотовъ; а когда послѣдній сгоряча сказалъ: „да вѣдь это смысла не имѣетъ!"— тогда Великій Князь отвелъ всѣхъ троихъ въ сторону, и я не знаю, чѣмъ вчера кончился этотъ разговоръ.

Утвердивъ злополучную диспозицію, Великій Князь, наконецъ, всталъ. Мы всѣ сѣли верхомъ и поѣхали обратно, причемъ Великій Князь приказалъ ѣхать за нимъ только Непокойчицкому, Левицкому, Струкову, мнѣ и дежурному ординарцу, а всей остальной свитѣ съ лейбъ-казачьимъ эскадрономъ—въ отдаленіи, правѣе, скрываясь лощинами. На осадной батареѣ, между Радишевомъ и Гривицей, Великій Князь остановился на нѣкоторое время для наблюденія за выстрѣлами и разговаривалъ съ начальникомъ осадной артиллеріи. Грохотъ отъ нашего и турецкаго артиллерійскаго огня былъ такой, что мы едва слышали другъ друга, стоя рядомъ.

Съ этой батареи направились кратчайшимъ путемъ на „холмъ завтраковъ", и по пути туда, около двухъ часовъ дня, съѣхались съ Государемъ, который уже давно искалъ Великаго Князя, и теперь ѣхалъ вторично ему на встрѣчу. Государь съ видимымъ удовольствіемъ разсказалъ Великому Князю, что во время своихъ поисковъ вмѣстѣ со свитою уже попалъ подъ огонь, изъ-подъ котораго „отступилъ въ полномъ порядкѣ, какъ гвардія подъ Аустерлицемъ".

Вечеромъ вернулись на ночлегъ въ Порадимъ. Я опять ночевалъ подъ навѣсомъ телеграфной станціи.

Сегодня прибылъ на подкрѣпленіе 9-й пѣхотный староингерманландскій полкъ съ одною батареею. Другой полкъ той же бригады, 10-й пѣхотный новоингерманландскій, прямо съ переправы былъ направленъ на подкрѣпленіе къ Цесаревичу. 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи прибыла гораздо раньше, успѣла принять участіе во взятіи Ловчи 22-го августа и тамъ осталась.

4-е сентября, воскресенье, утромъ.—Только-что возвратились изъ Порадима въ Раденицу, и лишь теперь могу возобновить

свой дневникъ по сокращеннымъ замѣткамъ моей полевой записной книжки.

Весь день 30-го августа былъ пасмурный, холодный и унылый. Съ утра моросилъ мелкій дождь и стоялъ такой густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Пріѣхавъ на „холмъ завтраковъ" въ 11-мъ часу утра, мы только слышали жесточайшую пальбу, да по временамъ видѣли мелькающіе въ туманѣ огоньки выстрѣловъ. Въ 11$^{1}/_{2}$ час. утра прибылъ нашъ многострадальный царственный именинникъ, съ выраженіемъ глубокой печали на кроткомъ челѣ. Ровно въ 12 час. дня начался молебенъ въ заранѣе поставленномъ церковномъ шатрѣ. Никогда не забуду этого торжественнаго богослуженія при неумолкаемомъ грохотѣ пушекъ и трескотнѣ ружей. На всѣхъ лицахъ было написано глубокое сознаніе трагической серьезности настоящаго дня и тяжелое раздумье въ ожиданіи штурма. Не было столь обыкновенной болтовни шопотомъ въ свитѣ, какъ это, къ сожалѣнію, обыкновенно бываетъ на торжественныхъ молебнахъ въ царскіе дни; всѣ молились безмолвно и сосредоточенно. Государь молился особенно горячо: слезы такъ и струились по его печальному лицу. Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвела на меня молитва съ колѣнопреклоненіемъ, прочитанная духовникомъ Государя. Упоминая о тяжкихъ испытаніяхъ, выпавшихъ на долю вѣнценоснаго вождя русской земли, и о томъ, что имъ все еще не предвидится конца,—священникъ молилъ Бога дать ему силы выпить чашу страданій до дна, съ вѣрою, надеждою и покорностью волѣ Божіей, ибо только претерпѣвшій до конца спасется. Никогда я еще не слышалъ, чтобы молитва священника до такой степени исходила изъ глубины взволнованной души, чтобы голосъ звучалъ такою скорбною, искреннею мольбою и вѣрою. Думаю, что эта молитва должна была потрясти самыя огрубѣлыя сердца.

Во время этого молебна я въ первый разъ *вполнѣ* понялъ всю глубину трагизма положенія Государя. Мнѣ стало ясно, что онъ дѣйствительно не можетъ не оставаться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ему необходимо видѣть и слышать самому все, что здѣсь дѣлается: иначе нѣтъ и не можетъ быть ни минуты покоя его измученной душѣ. Онъ немощенъ физически и надорванъ душевно: онъ обманутъ въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ, разочарованъ и огорченъ неудачами своихъ благороднѣйшихъ усилій на благо своего народа; онъ извѣрился въ людяхъ. И несмотря на это, какая величавая кротость и какое глубокое смиреніе! Вся Россія и все вокругъ него ропщетъ и ищетъ

козловъ отпущенія за всѣ неудачи и разочарованія,—одинъ Государь ни на что не жалуется, никого не упрекаетъ и не винитъ, а только молится и плачетъ. Я наблюдалъ за нимъ весь день: видно было, что у него напряженъ каждый нервъ, что весь онъ обратился въ мучительное ожиданіе, что въ его душѣ — смертная тоска. И несмотря на это — никому ни укоризны, ни даже недовольнаго взгляда.

Послѣ молебна былъ завтракъ на травѣ и подъ дождемъ. Государь на провозглашенный за его здоровье тостъ отвѣтилъ тостомъ за нашу храбрую армію.

Ровно въ 3 часа начался штурмъ. По всей линіи трещалъ непрерывный ружейный огонь. Долго не было никакихъ извѣстій: затѣмъ стали приходить одно за другимъ извѣстія (все на словахъ, съ ординарцами) объ отбитыхъ атакахъ. Нѣкоторыя извѣстія были такъ сбивчивы и противорѣчивы, что возбуждали полное сомнѣніе. Такъ продолжалось до наступленія темноты. Наконецъ, въ 6½ часовъ вечера какой-то казачій офицеръ пріѣхалъ съ донесеніемъ, что масса турецкой конницы вышла изъ-за укрѣпленій и направилась по дорогѣ на Булгарени, т.-е. прямо на насъ. Извѣстіе это было — очевидно неправдоподобно, но Великій Князь воспользовался имъ, какъ предлогомъ, чтобы просить Государя уѣхать. Удрученный Государь согласился и поѣхалъ со своею свитою въ Радсницу. На другой день мы узнали, что ему пришлось быть четыре часа въ пути: по причинѣ непрогляднаго мрака, ѣхали шагомъ, едва находя дорогу.

Великій Князь, въ виду совершенно неразъясненнаго положенія дѣлъ, рѣшилъ остаться ночевать на полѣ сраженія и тотчасъ по отъѣздѣ Государя послалъ въ Порадимъ за кухоннымъ своимъ обозомъ. Обозъ пришелъ только послѣ 11-ти часовъ вечера. До тѣхъ поръ мы всѣ бродили взадъ и впередъ въ темной, сырой мглѣ, подъ мелко-сѣявшимъ дождемъ. Для охраненія мѣстопребыванія главнокомандующаго былъ выдвинутъ въ сторожевую цѣпь эскадронъ лейбъ-казаковъ и придвинутъ изъ резерва одинъ баталіонъ староингерманландскаго пѣхотнаго полка. Въ 7-мъ часу вечера было получено извѣстіе о полной неудачѣ второй атаки 4-го корпуса и объ огромныхъ потеряхъ въ отрядѣ Скобелева. Около 8 часовъ вечера флигель-адъютантъ полковникъ Чингисъ-Ханъ привезъ извѣстіе о взятіи Гривицкаго редута архангелогородскимъ и вологодскимъ полками, въ 6½ часовъ вечера. Великій Князь послалъ генерала Струкова провѣрить,—и когда это единственно-утѣшительное извѣстіе подтвердилось,—тотчасъ же отправилъ одного изъ

своихъ адъютантовъ (или ординарцевъ) доложить Государю. Потомъ узнали, что посланный проплуталъ всю ночь и прибылъ къ Государю только 31-го утромъ.

Чтобы сколько-нибудь согрѣться, мы развели костеръ изъ кукурузной соломы и развлекались поддерживаніемъ огня.

Около 12-ти часовъ ночи поужинали холодною закускою, какая нашлась въ великокняжескомъ обозѣ, согрѣлись водкою и чаемъ и стали подумывать, какъ бы поудобнѣе устроиться на ночь. Великіе князья и Непокойчицкій сѣли спать въ свои коляски, остальные свернулись на травѣ у костра, а меня пріютила редакція „Летучаго Листка", т.-е.—Всеволодъ Крестовскій пригласилъ меня въ свою повозку, которая необъяснимо очутилась у него подъ рукой. Ухитрились помѣститься въ нее втроемъ: я въ середку, а Крестовскій и нашъ драгоманъ Макѣевъ [1])—по бокамъ. Накрылись брезентомъ и заснули. Около 5-ти часовъ утра я проснулся отъ ощущенія онѣмѣнія всей правой стороны тѣла, и хотѣлъ перевернуться на лѣвый бокъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Я былъ такъ стиснутъ сосѣдями, что шевельнуться не могъ, а они оба крѣпко спали. Пришлось ждать ихъ пробужденія до 6-ти часовъ утра.

31 августа, среда. — Опять было сыро и холодно. Пальба возобновилась съ ранняго утра. Первое сегодняшнее донесеніе было непріятное: будто бы турки выбили нашихъ изъ Гривицкаго редута. Великій Князь тотчасъ же послалъ туда Левицкаго, приказавъ ему выбрать позади Гривицы позицію, расположить на ней два баталіона съ батареею и принять на себя отступающія изъ Гривицкаго редута войска. Но къ 9-ти часамъ утра Левицкій вернулся и донесъ, что извѣстіе ложно, что наши держатся во взятомъ редутѣ крѣпко, но артиллеріи тамъ нѣтъ: ночью ее поставить не успѣли, а теперь—немыслимо, ибо турки съ разсвѣта обстрѣливаютъ редутъ перекрестнымъ огнемъ. Да артиллерію тамъ негдѣ и помѣстить: редутъ малъ, внутреннее пространство стѣснено крестообразнымъ траверзомъ, весь онъ заваленъ мертвыми тѣлами и входъ только одинъ. Затѣмъ пришло утѣшительное извѣстіе о вчерашнемъ успѣхѣ Скобелева на крайнемъ лѣвомъ флангѣ: ему удалось взять три турецкихъ редута. Конечно, этотъ частный успѣхъ не могъ загладить общаго тяжелаго впечатлѣнія несомнѣнной неудачи вчерашняго штурма.

[1]) Онъ былъ драгоманомъ нашего посольства въ Константинополѣ и, по отъѣздѣ его оттуда, назначенъ тѣмъ же званіемъ въ дипломатическую канцелярію главнокомандующаго.

Около 11-ти часовъ утра прибылъ Государь со свитою; мы подались нѣсколько впередъ и, остановившись на удобномъ возвышеніи, цѣлый день наблюдали въ бинокли за продолжавшимся на лѣвомъ флангѣ боемъ. Но по дальности разстоянія и за пороховымъ дымомъ, даже въ зрительную трубу трудно было разобрать, кто кого атакуетъ. Въ сущности, только дымъ и виденъ былъ вполнѣ явственно. Извѣстія, краткія и смутныя, приходили рѣдко. Безпрерывно посылаемые къ Скобелеву ординарцы возвращались черезъ 4—5 часовъ, ибо должны были сдѣлать верхомъ около 30 верстъ туда и обратно (за невозможностью ѣхать по кратчайшему направленію) и, разумѣется, привозили извѣстія совершенно устарѣлыя. Зотовъ и Новицкій весь день опять находились при главной квартирѣ: уѣзжали только на часъ времени, и то лишь затѣмъ, чтобы отмѣнить распоряженіе командовавшаго 4-мъ корпусомъ, Крылова, о посылкѣ подкрѣпленій Скобелеву. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда донесеній, привозимыхъ ординарцами, о необходимости подкрѣпленій — разрѣшено было послать ему шуйскій пѣхотный полкъ. Но полкъ этотъ прибылъ такъ поздно (да и не могъ прибыть раньше), что пригодился лишь для прикрытія отступленія.

Для характеристики получавшихся сегодня донесеній и посылаемыхъ приказаній привожу содержаніе сохранившихся записокъ, писанныхъ карандашомъ, на клочкахъ бумаги:

Вчерашнія:

1) Отъ князя Имеретинскаго генералу Зотову: „Скобелевъ проситъ доложить: высоты и два редута взялъ послѣ упорнаго боя. Проситъ резервовъ. У меня ихъ нѣтъ, все введено въ бой, остались мелкія части, которыя приводятся въ порядокъ. Скобелевъ продержится до утра, но проситъ подкрѣпленій".

2) Отвѣтъ Зотова князю Имеретинскому: „Резервовъ нѣтъ. Держитесь вашими войсками, такъ какъ резервъ, имѣющійся подъ вашимъ начальствомъ, сильнѣе главнаго".

3) Отъ Зотова князю Имеретинскому (послано вчера, 30-го, въ 7 часовъ 40 минутъ вечера): „Передайте Скобелеву приказаніе его императорскаго высочества главнокомандующаго оставаться на занятыхъ позиціяхъ и укрѣпиться на нихъ".

Сегодняшнія, отъ 31 августа:

4) Отъ князя Имеретинскаго Зотову: „Непріятель въ весьма значительныхъ силахъ обходитъ нашъ лѣвый флангъ. Весь резервъ истощенъ, осталась только кавалерія".

5) Отъ него же: „Генералъ Скобелевъ проситъ прислать ему въ помощь бригаду. Иначе не ручается за удержаніе трехъ

взятыхъ имъ редутовъ. Лѣвый флангъ охраняю одною кавалеріей. Послѣдній солдатъ введенъ въ дѣло".

6) Отвѣтъ Зотова: „Скажите Скобелеву, чтобъ укрѣпился на занятой позиціи и держался до невозможности. Разсчитывать на подкрѣпленіе сегодня нельзя".

7) Отъ князя Имеретинскаго Зотову: „Скобелевъ сообщаетъ: турки, послѣ второй ихъ атаки, отброшены въ свои ложементы, и онъ отступаетъ въ полномъ порядкѣ. Сейчасъ прибылъ капитанъ Болла [1]) и передалъ Скобелеву записку".

8) Отъ него же, отъ 4-хъ часовъ пополудни (на всѣхъ вышеприведенныхъ запискахъ часы не отмѣчены): „Скобелевъ доноситъ: его выбили изъ укрѣпленій. Непріятель наступаетъ. Скобелевъ отступаетъ, прикрываясь шуйскимъ полкомъ".

Такимъ образомъ, поздно вечеромъ выяснилось, что геройскія усилія Скобелева на лѣвомъ флангѣ остались безплодными. А между тѣмъ, еслибы вчера не было совершенно-ненужныхъ атакъ на смежномъ съ нимъ южномъ фронтѣ, то сохранившимися свѣжими и сосѣдними войсками можно было бы поддержать Скобелева и отстоять занятую имъ позицію. А удержаться на ней — значило бы заставить турокъ уйти изъ Плевны за р. Видъ, ибо пребываніе ихъ въ Плевнѣ сдѣлалось бы нестерпимо. Тогда и вчерашняя неудача была бы отчасти заглажена.

Незадолго до наступленія темноты случился слѣдующій любопытный эпизодъ. Генералъ-адъютантъ князь Суворовъ, черногорскій воевода Станко-Радоничъ, полковники Вульфертъ (бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича, братъ жены М. Г. Черняева) и Артамоновъ (штабъ-офицеръ надъ вожатыми при штабѣ арміи), изъ любопытства, поѣхали смотрѣть взятый наканунѣ Гривицкій редутъ. Пока они тамъ были, Вульфертъ неосторожно высунулся изъ-за бруствера и былъ раненъ пулею въ лѣвую лопатку, немного повыше того мѣста, въ которое былъ уже однажды раненъ въ Туркестанѣ. Князь Суворовъ, возвратившись изъ редута уже только втроемъ, разсказалъ объ этомъ Государю, выражая удовольствіе, что находился подъ столь близкимъ огнемъ. Но Государь ему очень серьезно отвѣтилъ по-французски: „Совершенно не къ чему вамъ было туда ѣздить". Князь Суворовъ, вѣроятно желая исправить впечатлѣніе, съ улыбкою возразилъ по-французски же: „Я такъ и зналъ, что вы назовете меня старымъ дуракомъ". Но Государь еще

---

[1]) Австрійскій капитанъ генеральнаго штаба, состоящій при нашей главной квартирѣ. Онъ самъ просился съѣздить къ Скобелеву.

серьезнѣе (хотя и ласково) отвѣтилъ: „Повторяю, что вы совершенно напрасно туда ѣздили. Въ вашихъ лѣтахъ, чинѣ и положеніи вы не имѣете права столь легкомысленно рисковать жизнью. Въ молодости вы достаточно доказали свою храбрость и не имѣете ни малѣйшей надобности теперь доказывать, что вы не боитесь пуль". Разумѣется, послѣ этого князь Суворовъ умолкъ.

Съ наступленіемъ темноты Государь вернулся въ Раденицу, а Великій Князь со своею свитою—въ Порадимъ. Поздно вечеромъ тамъ пообѣдали. Ночлегъ подъ навѣсомъ около телеграфной станціи показался роскошнымъ.

1 сентября, четвергъ. — Утромъ, въ Порадимѣ, было предварительное совѣщаніе у Великаго Князя съ Непокойчицкимъ, княземъ Масальскимъ и Зотовымъ; Левицкій приглашенъ не былъ. Я воспользовался его упадкомъ духа по этому случаю, чтобы уговорить его быть спокойнѣе, бодрѣе и всѣми силами противодѣйствовать весьма возможнымъ предложеніямъ отступить отъ Плевны, отъ кого бы такія предложенія ни исходили. Уже вчера я слышалъ клонящіеся къ этому толки въ свитѣ, и весьма безпокоился, что можетъ начаться опасная агитація на эту тему. Къ счастью, мнѣ удалось подѣйствовать на Левицкаго: онъ былъ податливѣе, чувствуя, что довѣріе свыше къ нему поколеблено.

По окончаніи упомянутаго совѣщанія, опять отправились подъ Плевну. Погода была великолѣпная. Съ нашей стороны продолжалось обстрѣливаніе Плевны, но турки на нашъ огонь не отвѣчали. Это вызвало самыя разнообразныя недоумѣнія и догадки. Но никакой развѣдки произведено не было, и причина молчанія турокъ такъ и осталась неразъясненною.

Государь пріѣхалъ въ 12-мъ часу дня, а въ 3 часа состоялся, на полѣ сраженія, военный совѣтъ подъ его предсѣдательствомъ. Въ совѣтѣ участвовали военный министръ, Великій Князь главнокомандующій, князь Карлъ Румынскій, Непокойчицкій, князь Масальскій, Зотовъ, Левицкій. Шла рѣчь о томъ, не бросить ли совсѣмъ Плевну и отступить, давъ войскамъ полный отдыхъ и отложивъ наступательныя дѣйствія до прибытія гвардіи. Большинство уклонялось высказаться рѣшительно. Одинъ Левицкій горячо доказывалъ, что не слѣдуетъ отступать ни на шагъ, ибо всякое попятное движеніе только подчеркнетъ и преувеличитъ значеніе неудачи третьяго штурма. Турки наступать не будутъ, а удовольствуются удачнымъ отраженіемъ нашихъ атакъ: они сами, безъ сомнѣнія, понесли значительныя потери,

нуждаются въ отдыхѣ и, можетъ быть, даже въ боевыхъ припасахъ: недаромъ же они сегодня молчатъ,—очевидно, берегутъ заряды и патроны. Противъ нашей кавалеріи, стоящей на ихъ пути сообщенія съ Софіей, тоже ничего не предпринимаютъ. Очевидно, что ихъ положеніе тоже незавидное, и намъ отступать—нѣтъ никакихъ причинъ. Воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія гвардіи—вполнѣ отъ насъ зависитъ. Лучше же выжидать, стоя на занятыхъ мѣстахъ, чѣмъ отходить съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать эти же мѣста съ бою.

Государь согласился съ мнѣніемъ Левицкаго и повелѣлъ оставаться и укрѣпиться на занимаемыхъ позиціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что для непосредственнаго начальствованія надъ всѣми войсками подъ Плевною вызываетъ изъ Петербурга генералъ-адъютанта Тотлебена. Это назначеніе сдѣлано по мысли военнаго министра: Великому Князю оно не совсѣмъ по душѣ, такъ какъ онъ Тотлебену не симпатизируетъ.

Къ вечеру вернулись въ Порадимъ. Я попросилъ разрѣшенія Великаго Князя съѣздить въ Радениду, гдѣ остались всѣ мои вещи: необходимо, наконецъ, перемѣнить бѣлье и совершенно разлѣзавшіеся сапоги. Такъ я и остался ночевать.

2 сентября, пятница. — Утромъ, вернувшись изъ Раденицы въ Порадимъ, не засталъ уже тамъ Великаго Князя: онъ съ ранняго утра отправился подъ Плевну объѣзжать войска. Такъ я, къ сожалѣнію, и не былъ при этомъ объѣздѣ.

Великій Князь вернулся къ обѣду, видимо недовольный нераспорядительностью и бездѣйствіемъ Зотова. Видѣлся со Скобелевымъ, котораго еще вчера велѣлъ вызвать на большую осадную батарею къ 9 ч. сегодняшняго утра: его благодарилъ. Турки опять ничего не предпринимали и на наши выстрѣлы не отвѣчали, но противъ Скобелева усиленно окапываются. А намъ и окопаться почти нечѣмъ; въ шанцевомъ инструментѣ большой недостатокъ: даже запаса простыхъ лопатъ вовсе нѣтъ, и несмотря на то—никто объ этомъ даже ничего не заявляетъ. Румыны давно уже и очень аккуратно, даже красиво окопались, а мы—нѣтъ.

Командиръ 9-го корпуса, баронъ Криденеръ, кажется, совсѣмъ выжилъ изъ ума. Весь его штабъ, оскорбленный его исключительнымъ довѣріемъ къ прусскимъ офицерамъ, графу фонъ-Веделлю и ф.-Вильому (оба—маіоры генеральнаго штаба), устранился отъ него и избѣгаетъ ходить къ нему даже обѣдать. Разсказывалъ иностраннымъ корреспондентамъ, что онъ не виноватъ въ неудачѣ атаки 18-го августа, такъ какъ ему приказано было

атаковать во что бы то ни стало, несмотря на то, что онъ находилъ это невозможнымъ. Во время боя 26—31 августа вслухъ критиковалъ всѣ распоряженія свыше, обращаясь къ иностраннымъ офицерамъ. Присутствовавшій при этомъ капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба фонъ-Болла самъ мнѣ говорилъ, что удивляется, какъ это Криденера до сихъ поръ не устранили отъ должности. Мало того: 31-го августа сказалъ иностраннымъ офицерамъ: „Dass Plewna nicht genommen ist—ist mir die grösste Genugthugung".

Великому Князю это извѣстно, и все-таки онъ настолько добродушенъ, что не привлекаетъ старика къ отвѣтственности.

3 сентября, суббота, Порадимъ.—Великій Князь ѣздилъ къ Государю въ Радепицу и вернулся почему-то съ весьма довольнымъ видомъ. Непокойчицкій не ѣздилъ съ нимъ по нездоровью.

Я сидѣлъ цѣлый день за составленіемъ общей реляціи, телеграммъ и списковъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ.

4 сентября, въ воскресенье, мы переѣхали изъ Порадима въ Радепицу. Великій Князь ѣздилъ осматривать румынскія позиціи и войска, а мнѣ велѣлъ остаться и кончать срочную работу.

Вчера Великій Князь получилъ телеграмму отъ Тотлебена изъ Петербурга: выѣзжаетъ 6-го сентября.

5 сентября мы возвратились въ Горный-Студень послѣ 16-тидневнаго отсутствія.

8 сентября, четвергъ.—Холодъ и дождь. Левицкаго третій день нѣтъ: Великій Князь послалъ его къ Цесаревичу условиться насчетъ образа дѣйствій въ случаѣ новаго наступленія Мехмета-Али-паши. Опасаюсь, какъ бы Левицкій что-нибудь тамъ не напуталъ; Великій Князь сознался Скалону наединѣ, что идея одновременной атаки, проведенная въ диспозиціи на 30-е августа, была навѣяна Левицкимъ, а Зотовъ съ Новицкимъ только приняли ее, какъ внушеніе свыше.

Но еслибы одинъ человѣкъ все портилъ, это было бы полгоря, и притомъ легко устранимаго. Настоящая бѣда въ томъ, что куда ни повернись—вездѣ недомысліе и безпомощность. Чрезвычайно характерно, что послѣ каждаго крупнаго сраженія—начальствующія лица на нѣсколько дней складываютъ руки. И не только ничего не дѣлаютъ, но даже перестаютъ думать и заботиться о будущемъ, а нѣкоторые даже уѣзжаютъ отдыхать,—точно смотръ отбыли.

Со дня послѣдняго объѣзда Великимъ Княземъ плевнинскихъ позицій, т.-е. съ 4-го сентября—никакихъ свѣдѣній о томъ,

что тамъ дѣлается. Вчера удалось наконецъ настоять на отправкѣ Зотову телеграммы съ предписаніемъ доставлять точный отчетъ за каждый день.

Очень грустно, что между Великимъ Княземъ и военнымъ министромъ установились непріятныя отношенія, и что Великій Князь не даетъ себѣ труда ихъ скрывать. Онъ уже раньше мнѣ разсказывалъ о возникшемъ между ними взаимномъ неудовольствіи. Началось съ того, что Великій Князь первый сталъ упрекать военнаго министра за то, что онъ не давалъ ему своевременно подкрѣпленій, когда онъ объ этомъ нѣсколько разъ просилъ. Еще осенью 1876 года въ Ливадіи онъ заявлялъ, что четырехъ корпусовъ для завоеванія Турціи мало, но тогда не настаивалъ. Затѣмъ онъ заявлялъ о необходимости усилить армію изъ Кишинева, Плоэшти и Тырнова, и каждый разъ его просьбы отклонялись. Только послѣ неудачи 18 іюля, когда самъ Государь призналъ необходимымъ вытребовать подкрѣпленія, военный министръ пересталъ возражать.

Когда именно Великій Князь высказалъ ему эти упреки прямо, онъ не говорилъ, но, вѣроятно, послѣ неудачи штурма 30-го августа. Въ отвѣтъ на это, по словамъ Великаго Князя, военный министръ сталъ критиковать подробности исполненія плана военныхъ дѣйствій, организацію полевого управленія и дѣйствія отдѣльныхъ его органовъ. Эти взаимные укоры повели, разумѣется, къ обоюдному раздраженію, которое питается и усиливается ежедневными встрѣчами и полемическими бесѣдами у Государя. А теперь, съ наступленіемъ затишья въ дѣйствіяхъ и особенно съ возвращеніемъ въ Горный-Студень—у обоихъ, къ сожалѣнію, имѣется слишкомъ достаточный досугъ для междоусобныхъ разговоровъ.

Дошло уже до того, что третьяго дня, 6-го сентября, Великій Князь за обѣдомъ громко говорилъ: „Военный министръ теперь упрекаетъ меня за то, что 30-го августа штурмовали Плевну, а между тѣмъ во время обстрѣливанія самъ говорилъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, надо штурмовать. А когда я ему это напомнилъ, онъ отказался отъ своихъ словъ“.

Мнѣ всегда слышны всѣ его разговоры за столомъ, ибо сижу очень близко наискосокъ. Около Великаго Князя сидятъ Непокойчицкій и князь Масальскій, рядомъ съ Непокойчицкимъ князь Черкасскій, а противъ него—всегда я, между Скалономъ и Коссинскимъ.

Вернулся изъ Сербіи ѣздившій туда съ секретнымъ порученіемъ князь Цертелевъ и привезъ извѣстіе, что сербы совершенно неготовы къ войнѣ, а когда приготовятся, то будутъ

выжидать и не тронутся съ мѣста, пока имъ не скажутъ, что пора. А сказать это можно лишь по достиженіи нами какого-нибудь крупнаго результата, напр. взятія Плевны.

10 сентября, суббота.—Жаркій и душный день: не менѣе 25^0 въ тѣни. Левицкій вернулся изъ рущукскаго отряда.

О Наполеонѣ I-мъ говорятъ, что онъ былъ великимъ мастеромъ являться на рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту—*сильнѣе* противника. Мы же изобрѣли искусство быть—въ подобныхъ же случаяхъ—всегда *слабѣе*. Теперь приближается отборное войско—гвардія. Но это не поможетъ, если мы будемъ продолжать разбрасываться, какъ дѣлали до сихъ поръ. Да, кстати сказать, у меня лично вовсе нѣтъ убѣжденія въ превосходствѣ гвардіи надъ арміей: наши армейцы—такіе молодцы, что гвардіи ихъ не перещеголять. И ужъ во всякомъ случаѣ не въ умѣньи безропотно выносить какія угодно невзгоды. Гвардія—избалованное любимое дѣтище Государя — никогда не сравняется съ арміей въ этомъ отношеніи.

Войска наши превосходны, но начальники оставляютъ слишкомъ многаго желать. Приведу рядъ примѣровъ.

1) Зотовъ на военномъ совѣтѣ 1-го сентября [1]) „энергически" высказывался за необходимость отступленія. Рѣшено было остаться на занимаемыхъ мѣстахъ, а ему приказано укрѣпиться. Такъ какъ это рѣшеніе было ему не понутру, то онъ протестовалъ противъ него бездѣйствіемъ. До 9-го сентября отъ него не было никакихъ извѣстій. На запросъ и предписаніе по телеграфу (см. выше, 8 сентября) онъ вчера отвѣтилъ, что объѣхалъ всѣ позиціи и нашелъ, что „оборонительныя работы еще далеки до окончанія". Помѣшали „твердость грунта", „недостатокъ лопатъ" (ихъ у него 7.000) и „дождь 8-го сентября".

Въ переводѣ на общепонятный языкъ это значитъ, что со дня послѣдняго объѣзда Великаго Князя Зотовъ не только ничего не дѣлалъ, но даже не объѣзжалъ войска. А вѣдь случись какая-нибудь новая неудача — онъ непремѣнно скажетъ, какъ Криденеръ, что это оттого, что его совѣтовъ не послушали.

2) На Плевно-Софійскомъ шоссе собрано девять кавалерійскихъ полковъ для прегражденія сообщеній Османа-паши съ Софіей. Зотовъ, телеграммою отъ 9-го сентября, донесъ, что *въ трехъ часахъ пути* (!) отъ Плевны находится Сулейманъ-паша (!) съ 40 таборами. Какъ не стыдно передавать безъ всякой про-

[1]) Не знаю ничего хуже „военныхъ совѣтовъ". Все равно, что консиліумъ докторовъ у смертнаго одра.

вѣрки извѣстіе, столь очевидно нелѣпое! И при этомъ—ни слова о томъ, распорядился ли онъ повѣрить это извѣстіе. Конечно, оно оказалось вздорнымъ. Но подкрѣпленія изъ Софіи дѣйствительно вышли и къ Плевнѣ идутъ; а гдѣ они находятся—этого наша кавалерія сама не развѣдала, а Зотову не пришло въ голову самому ей приказать узнать.

Все это благополучно сходитъ съ рукъ. Чувство отвѣтственности совершенно отсутствуетъ у многихъ начальствующихъ лицъ.

3) Генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, будучи начальникомъ ловче-сельвинскаго отряда, находился въ полномъ бездѣйствіи. Когда, во время августовскихъ атакъ Сулеймана на Шипку, весь его отрядъ былъ притянутъ туда на подкрѣпленіе и изъ его 9-й пѣхотной дивизіи не осталось ни одного человѣка, а на смѣну ему пришелъ князь Имеретинскій со Скобелевымъ—Святополкъ-Мирскій, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ своей дивизіи на Шипку, объявилъ себя ихъ начальникомъ, ссылаясь на то, что не получилъ предписанія сдавать начальство надъ сельви-ловчинскимъ отрядомъ. И это осталось безъ вниманія: ограничились лишь предписаніемъ Радецкому немедленно вытребовать князя Мирскаго изъ Сельви, чтобы вступилъ въ командованіе своею дивизіей.

4) Работа въ полевомъ штабѣ арміи совсѣмъ не организована. Часть генеральнаго штаба Левицкій не съумѣлъ устроить ни до, ни во время кампаніи. Правильно-организованной работы не было и нѣтъ. Сверхъ того, вооруживъ почти всѣхъ начальствующихъ лицъ и офицеровъ генеральнаго штаба противъ себя еще во время кишиневскаго сидѣнія своею запальчивою безтактностью и раздражающею требовательностью (хотя часто онъ и бывалъ совершенно правъ въ своихъ требованіяхъ) — онъ этимъ самымъ обрекъ самого себя на роль козла отпущенія. И дѣйствительно, какъ только начались неудачи, сейчасъ же всѣ и всюду объявили Левицкаго главнымъ ихъ виновникомъ. И всеобщее озлобленіе противъ него все ростетъ и распространяется. Военная репутація его уже теперь подорвана въ корнѣ. Великій Князь пересталъ ему довѣрять и терпитъ его лишь по своему безграничному добродушію.

Инспекторская и хозяйственная часть штаба находится въ рукахъ буквоѣда Кучевскаго, вывезеннаго Непокойчицкимъ въ армію изъ военно-кодификаціоннаго комитета. Это настоящая канцелярская машина, мертвящая однимъ своимъ прикосновеніемъ всякое живое дѣло. Для него ни людей, ни военныхъ требованій нѣтъ, а только „входящія“ и „исходящія“. Условія

спѣшности для него не существуютъ; условія работы военнаго времени—непонятны.

5) Главная квартира изумляетъ многочисленностью праздношатающихся дармоѣдовъ. Народу празднаго, слоняющагося по цѣлымъ днямъ безъ всякаго дѣла и занятаго однѣми сплетнями и пересудами — видимо-невидимо. Теперь дошло до того, что нѣкоторые развязные господа прикомандировываются къ главной квартирѣ самовольно. Пріѣдетъ изъ какого-нибудь отряда съ донесеніемъ или за приказаніями—и живетъ на великокняжескихъ хлѣбахъ по нѣскольку дней. Особенно если есть протекція у кого-нибудь изъ вліятельныхъ адъютантовъ или съумѣетъ къ кому-нибудь изъ нихъ примазаться;—тогда ему устраиваютъ оттяжку отъѣзда къ своему мѣсту подъ разными предлогами. А случается и такъ, что такого посланнаго просто забудутъ, а онъ нарочно о себѣ не напоминаетъ, ибо пріятнѣе болтаться безъ дѣла при главной квартирѣ, чѣмъ служить въ серьёзъ. Одинъ гвардейскій офицеръ, напр., былъ командированъ изъ Петербурга еще въ началѣ іюня, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими для формированія болгарской конницы. Такъ какъ изъ этого проекта ничего не вышло, то онъ остался въ распоряженіи Гурко, во время же забалканскаго похода пристроился ординарцемъ къ одному изъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, въ составѣ его свиты вернулся изъ похода и — самовольно остается при главной квартирѣ до сего времени. То же самое продѣлалъ, только состоя при другомъ лицѣ, одинъ офицеръ кавказской казачьей бригады. Оба живутъ себѣ здѣсь, ничего не дѣлаютъ и къ своимъ полкамъ не ѣдутъ. И никому до этого дѣла нѣтъ: всѣ привыкли ихъ видѣть и не находятъ въ этомъ отлыниваніи отъ службы ничего противозаконнаго.

Еще хуже то, что состояніе „для порученій“ и „въ распоряженіи“—предпочитается должностямъ команднымъ. Одинъ состоящій для порученій генералъ открыто и громко роптал на свое назначеніе бригаднымъ командиромъ, какъ на незаслуженную обиду: впрочемъ, отчасти онъ былъ правъ, такъ какъ это состоялось только для того, чтобы очистить его мѣсто для другого, только-что произведеннаго генерала, пользующагося большимъ фаворомъ. Еще одинъ вновь произведенный генералъ старательно уклоняется отъ назначенія начальникомъ корпуснаго штаба: должность недостаточно видная, по его мнѣнію. Одинъ изъ состоящихъ при штабѣ полковниковъ (только-что произведенный) испугался, когда ему предложили стрѣлковый баталіонъ и уклонился отъ этого назначенія.

На должности начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ оконча-

тельно нѣтъ охотниковъ изъ состава чиновъ главной квартиры, а между тѣмъ многія вакансіи пустуютъ.

Да эти господа по-своему и правы: куда выгоднѣе ѣздить изъ главной квартиры на гастроли, чѣмъ принимать отвѣтственное, самостоятельное назначеніе. Это уже очень убѣдительно доказано цѣлою массою примѣровъ. Адъютанты, ординарцы, офицеры для порученій, посылавшіеся въ разные отряды въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, по возвращеніи сейчасъ же получали боевыя награды. Нѣкоторые имѣютъ уже по нѣскольку. Сколько у кого было наѣздовъ, столько и орденовъ съ мечами. А въ долгіе промежутки между такими командировками—полнѣйшій отдыхъ, дѣла никакого.

6) Императорская главная квартира тоже громадна. Чинамъ государевой свиты окончательно дѣлать нечего.

Теперь ждутъ Тотлебена и на него возлагаютъ всѣ надежды. А въ ожиданіи — вездѣ сидятъ сложа руки. Сегодня вернулся изъ-подъ Плевны Гальяръ [1]) и на мой вопросъ: „Que fait-on là?“,—со свойственною ему горячностью отвѣчалъ: „On ne fait rien du tout: c'est honteux!“—Вотъ до чего мы себя довели! Иностранцы перестали стѣсняться и начинаютъ стыдить насъ въ глаза!

Причины нашихъ неудачъ—не въ частныхъ ошибкахъ, а гораздо глубже. Иначе не случилось бы одно и то же въ двухъ частяхъ свѣта. Въ Азіи — Зивинъ, здѣсь — Плевна. Еслибъ у насъ былъ внутренній порядокъ, то частныя пораженія послужили бы намъ наукою, а не повлекли бы за собою полный застой и общую неурядицу.

Хорошо еще, что мы воюемъ съ турками, которые не умѣютъ пользоваться нашими промахами и почти неспособны къ энергическому и толковому наступленію. Теперь у насъ вошло въ моду ихъ возвеличивать. А между тѣмъ—совсѣмъ не за что. Своими пассивными успѣхами они обязаны нашей распущенности и безпорядочности, а не своему искусству.

Какъ ни досадно, но все-таки не теряю надежды на конечный успѣхъ. Та же безпечность и безалаберность вывезетъ, какъ вывозила и въ прежнія войны. А главное—Николай-чудотворецъ, который всегда намъ помогалъ.

М. А. Газенкампфъ.

[1]) Полковникъ, французскій военный агентъ.

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

и

НАШИ

Въ Западной Европѣ университеты существуютъ: въ Италіи и Парижѣ съ XII вѣка, въ Германіи—съ XIV-го. Несмотря на это многовѣковое бытіе ихъ, западно-европейская жизнь не пришла ни къ какому объединенію ихъ устройства. Въ то время, какъ въ однихъ государствахъ сохранились еще многія черты средневѣковой университетской автономіи, въ другихъ—университеты получили характеръ чисто правительственныхъ учрежденій: не только профессоры, но и ректоръ назначаются правительствомъ. Составъ общаго собранія (совѣтъ—у насъ, на Западѣ—plenum) университета отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ однихъ университетахъ въ него входятъ только ординарные профессоры, въ другихъ—всѣ ординарные и экстраординарные, а есть и такіе, въ которыхъ къ профессорамъ присоединяются и всѣ, продолжающіе состоять членами университета, платя ежегодно опредѣленный членскій взносъ. Число такихъ членовъ въ Оксфордѣ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ; они давно оставили университетъ, и многіе изъ нихъ достигли высокаго положенія на государственной службѣ, свѣтской и духовной, сдѣлались членами парламента, пользуются извѣстностью въ литературѣ, торговлѣ и т. д. Они, конечно, и не живутъ въ Оксфордѣ, но въ важныхъ случаяхъ пріѣзжаютъ на засѣданія

совѣта или присылаютъ свои письменныя заявленія. Даже въ одномъ и томъ же государствѣ отдѣльные университеты имѣютъ разное устройство, и не въ одной Англіи, а и въ Германіи, напримѣръ.

Отношеніе студентовъ къ университетамъ представляетъ также величайшую пестроту. Нѣмецкимъ профессорамъ не чужда даже мысль о томъ, что студентъ, исходя изъ принципа „свободы ученья“ (Lernfreiheit), имѣетъ право не учиться [1]. Совершенно другая точка зрѣнія господствуетъ въ старыхъ англійскихъ университетахъ Оксфорда и Кембриджа. Студентъ разсматривается тамъ какъ несовершеннолѣтній, а потому нуждающійся въ бдительной опекѣ начальства. Ему предоставлена свобода выбора предметовъ, которые онъ желаетъ изучать, и профессоровъ, которые ихъ читаютъ; но разъ предметы выбраны, для него обязательно посѣщать установленный minimum числа лекцій. Передъ началомъ каждой лекціи студенты провѣряются по списку, и неявившіеся подвергаются наказанію, денежному штрафу или аресту. Для студентовъ этихъ старыхъ университетовъ обязательно не одно посѣщеніе лекцій, для нихъ также обязательно посѣщеніе общественныхъ молитвъ, совершаемыхъ въ университетской церкви. Эти молитвы читаются ежедневно, а по воскресеньямъ—два раза въ день. Кто пропуститъ болѣе двухъ молитвъ въ теченіе недѣли, подлежитъ штрафу. Наконецъ, для нихъ обязательно по крайней мѣрѣ пять разъ въ недѣлю обѣдать за общей трапезой въ своемъ колледжѣ вмѣстѣ съ преподавателями [2]. Даже квартиры нанимать оксфордскіе и кембриджскіе студенты могутъ только у тѣхъ квартирохозяевъ, которымъ университетское начальство разрѣшило принимать къ себѣ студентовъ. Вмѣстѣ съ такимъ разрѣшеніемъ на квартирохозяевъ возлагается и обязанность надзирать за поведеніемъ студентовъ, чтобы они не возвращались домой позже опредѣленнаго часа, не собирали у себя товарищей безъ разрѣшенія начальства и т. д. А каждый вечеръ

---

[1]) Zur Lernfreiheit gehört auch die Freiheit nicht zu lernen, faul zu sein, das musste ich anerkennen, und darum wäre es eine Verletzung der akademischen Freiheit, wenn Ehrlosigkeit als Strafe auf die Ausübung dieses Rechtes gelegt würde... Aber nicht zu verkennen ist, das, wo bei einem die Faulheit eine absolute, das Bildungsstreben und die geistige Regsamkeit = 0 ist, das sich dem gegenüber doch langsam, aber unaufhaltsam auch unter Ihnen so etwas wie ἀτιμια, wie stille Verachtung einstellt. Prof. Ziegler, Der deutsche Student. 1902.

[2]) Въ столовой студенты разсаживаются по состояніямъ: благородные, коммонеры и т. д. На особой эстрадѣ стоитъ профессорскій столъ, за которымъ обѣдаетъ и глава колледжа. Изъ студентовъ къ этому столу допускаются тѣ изъноблменовъ, которые вносятъ за свое содержаніе и обученіе повышенную плату.

служитель колледжа, съ Библіей [1]) въ рукахъ и въ сопровожденіи трехъ стражниковъ, обходитъ улицы для наблюденія, нѣтъ ли гдѣ въ трактирахъ запоздавшихъ студентовъ и т. д. Виновные подвергаются установленнымъ взысканіямъ. Шотландскіе университеты, по своей организаціи, приближаются нѣсколько къ нѣмецкимъ, и студенты ихъ пользуются большей свободой.

Самое преподаваніе университетское имѣетъ совершенно разный характеръ въ разныхъ государствахъ. Вотъ какъ характеризуетъ эти различія для Англіи и Германіи профессоръ Генр. фонъ-Зибель.

„Въ Англіи университеты — не что иное, какъ продолженіе гимназій: формальное развитіе духа есть господствующая задача преподаванія, только задача эта берется выше и богаче осуществляется, сообразно зрѣлому возрасту и развитію учащихся. Способъ преподаванія—діалогическій. Учитель излагаетъ, спрашиваетъ, выслушиваетъ отвѣты, заставляетъ дѣлать письменныя упражненія, обсуждаетъ ихъ. Здѣсь жалуются не на то, что университетъ мало похожъ на школу, а на то, что онъ— слишкомъ школа. Здѣсь повторительная система сильнѣе чтенія лекцій: туторъ, репетиторъ, вытѣсняетъ профессора. Профессоръ читаетъ едва ли двѣнадцать лекцій въ годъ. Настоящее обученіе происходитъ въ колледжахъ и въ формѣ—гимназическаго. Иначе поставлено дѣло преподаванія въ Германіи. Нѣмецкіе университеты не только школы, но лабораторіи наукъ, ибо въ нихъ ученая обработка вопросовъ науки есть душа всего преподаванія. Государство собираетъ въ университетѣ въ качествѣ преподавателей всѣ лучшія научныя силы Германіи. Вотъ почему у насъ такъ рѣдко столь обычное явленіе во Франціи и Англіи, гдѣ выдающіеся ученые не принадлежатъ къ университетамъ. Этимъ уже опредѣляется руководящій принципъ нашего университетскаго преподаванія. Безъ сомнѣнія, и мы желаемъ, чтобы университеты были приготовительной школой для будущей практической дѣятельности нашихъ слушателей на разныхъ поприщахъ жизни. Но мы желаемъ достигнуть этой цѣли не механически, не компендіозно. Мы хотимъ удовлетворить не однимъ только экзаменнымъ требованіямъ. Нашу существенную задачу мы видимъ въ томъ, чтобы передать нашимъ слушателямъ научные методы изслѣдованія. Они должны прежде всего узнать, что такое наука, въ чемъ состоитъ научная работа и что такое научное творчество. Разви-

[1]) Въ устройствѣ оксфордскихъ и кембриджскихъ колледжей сохранились нѣкоторыя черты средневѣковыхъ порядковъ. Ихъ главы (heads) и теперь принадлежатъ къ духовенству.

тіе ученика должно именно заключаться въ этомъ соучастіи въ процессѣ образованія научныхъ истинъ. Какое бы впослѣдствіи ни выбралъ онъ себѣ призваніе, въ университетскіе годы онъ долженъ быть послушникомъ науки, ибо наилучшимъ приготовленіемъ ко всякой дѣятельности служитъ зрѣлость научнаго сужденія и самостоятельность духа“ (Die deutschen Universitäten, Ihre Leistungen und Bedürfnisse, 1874). Нѣмецкіе университеты въ XIV в. получили свое начало отъ парижскаго, но теперь они очень разошлись съ своимъ образцомъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу берлинскій проф. Фрид. Паульсенъ: „Въ то время какъ Франція разбила свои университеты на спеціальныя школы, Германія создала въ своихъ университетахъ носителя самостоятельной научной жизни въ увѣренности, что свободное служеніе наукѣ не только согласимо съ государственными интересами, но и неразрывно съ ними связано“ (Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium, 1902).

Такая крайняя пестрота университетскаго устройства наблюдается въ то самое время, когда во многихъ другихъ учрежденіяхъ тѣхъ же государствъ достигнуто значительное объединеніе. И въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи пользуется общимъ признаніемъ конституціонная система государственнаго устройства; въ организаціи правительственныхъ и судебныхъ учрежденій также можно усмотрѣть господство однихъ и тѣхъ же общихъ началъ; прусская военная организація, еще не признанная въ Англіи, проникаетъ даже въ Китай, и пр. и пр. Несмотря на различія въ частностяхъ, въ Европѣ и даже Азіи приходятъ къ согласію относительно общихъ принциповъ многихъ главнѣйшихъ устоевъ общественной жизни,—только не университетской. Въ нѣмецкихъ повременныхъ изданіяхъ можно найти немало статей о недостаткахъ современной университетской организаціи и ея реформахъ; о томъ же говорятъ рѣчи и ректоры университетовъ при своемъ вступленіи въ должность, но отсюда еще очень далеко до выработки общихъ началъ наилучшаго университетскаго устройства.

Гдѣ причина этой отсталости въ выработкѣ общихъ началъ наилучшей университетской организаціи? Въ существѣ самаго дѣла—надо думать. Университеты—это высшія ученыя и учебныя учрежденія; суть бытія ихъ—въ разработкѣ и изложеніи наукъ, а потому вся сила ихъ въ достоинствѣ профессоровъ. Достоинство же профессоровъ не дается никакой организаціей. Тутъ нужно знаніе, талантъ, свѣтлая голова и призваніе. Профессоръ долженъ всецѣло посвятить себя идеальнымъ интере-

самъ науки и имѣть даръ излагать ея истины. Иначе обстоитъ дѣло при устройствѣ органовъ правительственныхъ, судебныхъ, военныхъ и т. д. Тамъ дѣло идетъ о среднемъ человѣкѣ, и организація тамъ на первомъ мѣстѣ, она—всемогуща. Въ университетахъ дѣло идетъ о людяхъ выше средняго. Никакая организація не избавитъ ихъ отъ посредственностей и не дастъ талантовъ, если ихъ нѣтъ въ жизни. Вотъ почему въ университетскомъ дѣлѣ организація не стоитъ на первомъ планѣ. Профессоръ Шмоллеръ въ 1876 г., обсуждая новый статутъ страсбургскаго университета, находилъ, что въ организаціи сената и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій онъ уже слишкомъ держится средневѣковыхъ порядковъ, но успокоивалъ себя тѣмъ, что „вопросы организаціи не представляютъ особой важности для университетовъ“. Это совершенно вѣрно.

Университеты состоятъ не изъ однихъ профессоровъ; къ ихъ составу причисляются и студенты. Молодые люди, вступая въ университетъ, приносятъ съ собою много своего, что не имѣетъ никакой связи съ наукой. На почвѣ этихъ привнесенныхъ взглядовъ возникаютъ безпорядки, которые приводятъ нерѣдко къ невозможности читать лекціи. Эти печальныя явленія приписываются иногда особенностямъ данной университетской организаціи и порождаютъ планы университетскихъ реформъ. Такъ было у насъ въ концѣ прошлаго XIX вѣка. Реформаторская дѣятельность правительства вызвала цѣлый рядъ заявленій въ обществѣ и въ печати. За небольшими исключеніями, всѣ члены университетскихъ совѣтовъ, правительственныхъ коммиссій и авторы журнальныхъ статей высказались за автономію университетскаго устройства по образцу устава 1863 года. Яркимъ выраженіемъ этого направленія служитъ статья [1]) недавно умершаго сенатора, графа П. Капниста, бывшаго много лѣтъ попечителемъ московскаго учебнаго округа и, слѣдовательно, знатока дѣла. Причину студенческихъ безпорядковъ онъ усматриваетъ въ недостаткахъ современнаго университетскаго устава. „Причины неурядицы,—говоритъ онъ,—коренятся въ организаціи университетовъ. Нельзя управлять однѣми строгостями, нуженъ внутренній авторитетъ. Въ основу университетскаго устройства надо положить авторитетъ университетской коллегіи. Профессоровъ должны избирать университеты. Вся совокупность профессоровъ должна быть призвана къ управленію. Съ устава 1884 г. студенты стали смотрѣть съ пренебреженіемъ на профессоровъ, потому что они

[1]) „Университетскіе вопросы“, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1903 г., ноябрь и декабрь.

утратили всякое значеніе въ организаціи университета. Уставъ 1863 г. не допустилъ бы наши университеты до печальнаго положенія, въ которомъ они нынѣ находятся". Не такъ рѣзко, но тѣ же надежды на благодѣтельное участіе всѣхъ профессоровъ университета — ординарныхъ и экстраординарныхъ — въ руководствѣ университетскимъ управленіемъ высказываютъ и всѣ совѣты нашихъ университетовъ. Основное начало правильнаго университетскаго устройства найдено и найдено у насъ, въ уставѣ 1863 года.

Университеты не ограничиваются одною проповѣдью научныхъ истинъ, они еще и управляютъ своими дѣлами, а потому, хотя никакое университетское устройство и не можетъ дать университетамъ талантовъ, вопросъ о лучшей университетской организаціи не есть праздный. Это—очень важный вопросъ. Его неправильная постановка и рѣшеніе могутъ повести къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Надежды реформаторовъ могутъ не оправдаться. Безпорядки могутъ произойти и послѣ реформы. Что тогда дѣлать? Тогда придется, пожалуй, усомниться не только въ пользѣ, но и въ самой возможности этихъ неисправимыхъ университетовъ!

Однѣ и тѣ же цѣли нерѣдко достигаются совершенно различными средствами. Различіе средствъ вліяетъ, конечно, и на самое достиженіе дѣла: при однихъ—цѣли эти достигаются лучше, при другихъ—хуже. Вотъ почему и теперь, т.-е. послѣ того, какъ громадное большинство нашихъ профессоровъ высказалось въ пользу несравненныхъ началъ устава 1863 г., не безполезно сравнить наши идеалы съ нѣмецкой практикой.

Наши университеты имѣютъ очень краткую исторію: едва исполнилось столѣтіе со дня утвержденія перваго извѣстнаго намъ устава древнѣйшаго русскаго университета. И за этотъ короткій промежутокъ времени ихъ организація подвергалась постояннымъ перемѣнамъ. Первый общій уставъ россійскихъ университетовъ былъ изданъ въ 1835 г., за нимъ послѣдовалъ второй въ 1863 г., за вторымъ—третій въ 1884 г., а теперь обсуждается уже четвертый! Уставъ перваго русскаго университета, московскаго, утвержденный Александромъ I-мъ 8-го ноября 1804 г., конечно, былъ составленъ по нѣмецкимъ образцамъ, но съ значительной примѣсью „своего". Въ качествѣ высшей инстанціи по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ былъ учрежденъ совѣтъ. По названію и составу онъ напоминаетъ нѣмецкіе образцы,

по дѣятельности это—русское учрежденіе. Совѣтъ состоитъ только изъ ординарныхъ профессоровъ и называется общимъ собраніемъ,—это нѣмецкое plenum [1]). Но дѣятельность его далеко выходитъ за предѣлы своего образца: онъ избираетъ профессоровъ и наблюдаетъ за учебнымъ дѣломъ всего университета. Права его въ этомъ отношеніи очень велики. § 29 устава гласитъ: „Каждый профессоръ для чтенія лекцій избираетъ книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго мужа; и въ томъ и въ другомъ случаѣ избранное сочиненіе должно быть представлено на разсмотрѣніе совѣта, и ежели совѣтъ нужнымъ найдетъ сдѣлать въ немъ какія перемѣны, то профессоръ, сдѣлавъ оныя, долженъ представить совѣту на утвержденіе“. Итакъ, по указаніямъ совѣта составляются учебники по всѣмъ наукамъ. Онъ же опредѣляетъ и время, въ теченіе котораго должны быть прочтены отдѣльные курсы (§ 30). Въ правленіи засѣдаетъ синдикъ,—это опять нѣмецкое вліяніе. Въ 1835 г. былъ изданъ первый общій уставъ россійскихъ университетовъ. Уклоненіе отъ нѣмецкихъ образцовъ дѣлаетъ въ немъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ составъ совѣта рядомъ съ ординарными вводятся и всѣ экстраординарные профессоры; ректоръ и деканы избираются не на одинъ годъ, а на четыре. Уставъ 1863 г. идетъ далѣе въ направленіи расширенія совѣтской компетенціи,—вѣдомству совѣта онъ предоставляетъ множество учено-учебныхъ вопросовъ, относящихся собственно къ компетенціи факультетовъ. Уставъ 1884 г. полный составъ совѣта оставляетъ неприкосновеннымъ, а также и широкую его компетенцію по учено-учебнымъ вопросамъ, но лишаетъ его права самопополненія: онъ не избираетъ болѣе профессоровъ, а также ректора и декановъ. Всѣ они назначаются правительствомъ. Менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ своего бытія наши университеты совершенно переродились: изъ самопополняющихся они сдѣлались правительственными. Теперь начинается поворотъ въ обратную сторону,—всѣ интересующіеся дѣломъ, за самыми небольшими исключеніями, говорятъ о возвращеніи къ принципамъ устава 1863 года.

Большей устойчивостью отличается исторія нѣмецкихъ университетовъ. Статутъ берлинскаго университета, изданный въ 1816 г., дѣйствуетъ и по сіе время. Существуя болѣе шестисотъ лѣтъ, нѣмецкіе университеты и теперь не имѣютъ общаго устава. Они живутъ на основаніи первоначальныхъ учредительныхъ актовъ и обычаевъ. Каждый университетъ имѣетъ свое

[1]) Статья 4-я не согласована съ 17-й.

особое учрежденіе, которое дополняется болѣе или менѣе общими правительственными распоряженіями по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Когда, въ началѣ прошлаго вѣка, возникла мысль объ учрежденіи университета въ Берлинѣ, для него пришлось сочинить особый уставъ, такъ какъ общаго не было. Въ семидесятыхъ годахъ того же вѣка французскій страсбургскій университетъ надо было обратить въ нѣмецкій, и по этому случаю опять пришлось сочинять особый уставъ. Несмотря на эту законодательную необъединенность нѣмецкихъ университетовъ, въ общемъ ихъ устройство представляетъ много единства. Новые уставы писались по указаніямъ давно выработанныхъ порядковъ, и хотя не совпадаютъ во всѣхъ частностяхъ, но имѣютъ общія основы.

Во многовѣковое бытіе нѣмецкихъ университетовъ совершилось немало перемѣнъ въ окружающей ихъ обстановкѣ; это вызывало и соотвѣтствующія перемѣны университетской организаціи. При своемъ возникновеніи, университеты составляли корпораціи съ выборными органами управленія и съ особыми привилегіями, которыя жаловались имъ то императорами, то папами. Ихъ первоначальный составъ и средства были очень невелики. Большихъ библіотекъ и дорого стоющихъ ученыхъ институтовъ они совсѣмъ не имѣли. Итальянскіе университеты даже не были твердо привязаны къ одному мѣсту: болонскіе профессоры переходили съ своими слушателями въ другіе города и основывали тамъ новые университеты. Съ теченіемъ времени эта картина мѣняется. Университеты въ Германіи становятся правительственными учрежденіями, профессоры зачисляются на государственную службу, получаютъ чины и ордена, университетскія зданія достигаютъ значительнаго развитія, возникаютъ клиники, физическіе кабинеты, химическія лабораторіи, ботаническіе сады и т. д. На постройку и содержаніе этихъ институтовъ правительство ассигнуетъ значительныя средства. Задачи университетовъ, такимъ образомъ, весьма осложняются. Для облегченія ихъ дѣятельности въ достиженіи ими чисто научныхъ цѣлей во многихъ прусскихъ университетахъ съ начала XVIII в. вводится должность куратора, на котораго возлагается забота объ обезпеченіи экономическихъ нуждъ университета. Благодаря этому, заботы объ удовлетвореніи потребностей университетовъ дѣлятся между университетскими властями и внѣ-университетскими, кураторами и строительными чиновниками.

Я начну съ кураторовъ. Они существуютъ во многихъ прусскихъ университетахъ; на основаніи статута страсбургскаго уни-

верситета о нихъ можно составить себѣ совершенно отчетливое представленіе [1]).

Страсбургскій университетъ ввѣренъ высшему руководству и наблюденію имперскаго канцлера (потомъ штатгальтера). Для непосредственнаго же надзора и охраненія правъ университета, особенно же для управленія его хозяйственными дѣлами (zur Leitung der ökonomischen Angelegenheiten) и кассою учреждается кураторъ, назначаемый императоромъ [2]). Итакъ, спеціальная обязанность куратора состоитъ въ завѣдываніи всѣмъ хозяйствомъ университета. Онъ управляетъ университетскими зданіями и заключаетъ контракты со всякими поставщиками и предпринимателями работъ. Онъ же составляетъ и смѣту расходовъ университета, покрываемыхъ изъ государственныхъ средствъ. Назначенныя на содержаніе университета и его личнаго состава деньги поступаютъ въ вѣдѣніе куратора, и онъ даетъ распоряженіе о ихъ выдачѣ по своимъ ассигновкамъ. Согласно съ этимъ, онъ назначаетъ университетскаго секретаря, квестора, всѣхъ счетныхъ и кассовыхъ чиновниковъ. Кураторъ осуществляетъ это свое право, по выслушаніи предложеній ректора и сената. Далѣе, онъ руководитъ всѣми постройками. Планы новыхъ сооруженій составляются директорами соотвѣтствующихъ учрежденій и утверждаются кураторомъ. Съ этою цѣлью въ распоряженіи куратора состоитъ особое строительное бюро. Нѣмецкій кураторъ и нашъ попечитель мало имѣютъ общаго.

Кромѣ распоряженія хозяйственными дѣлами университета, куратору предоставлено еще право утвержденія статутовъ и инструкцій, составляемыхъ разными университетскими органами. Наконецъ, чрезъ куратора университетъ сносится съ высшими властями и посторонними учрежденіями.

Страсбургскій университетъ признается юридическимъ лицомъ и имѣетъ свою собственность, движимую и недвижимую. Для управленія этой собственностью существуетъ особая коммиссія изъ ректора, синдика и квестора. Но если бы для нуждъ

---

[1]) Получить документальныя свѣдѣнія объ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ нелегко. Я просилъ моего книгопродавца выписать изъ Вѣны статуты и правила вѣнскаго университета. Его требованіе возвращено съ надписью: „Nicht erhältlich; auf d. Universitaet auch unbekannt“. На такое же требованіе мнѣ выслали изъ Гейдельберга „Heidelberger Universitaets-Kalender“ на лѣтній семестръ 1904 года. Это совсѣмъ не то, что было нужно. Мнѣ удалось, однако, получить уставы берлинскаго и страсбургскаго университета съ позднѣйшими дополненіями, историческими записками и объясненіями, составленными для Берлина университетскимъ судьей, для Страсбурга—бывшимъ кураторомъ университета.

[2]) Dr. Hoseus, Die Kaiser-Wilhelms-Universität zu Strasburg. 1897.

университета потребовались деньги изъ государственныхъ средствъ, начальство университета обращается по всѣмъ такимъ вопросамъ къ куратору.

Берлинскій университетъ, какъ и многіе другіе, тоже имѣлъ въ прежнее время куратора, но теперь состоитъ въ непосредственномъ подчиненіи министру [1]). Для хозяйственныхъ же дѣлъ въ немъ существуетъ особое учрежденіе—кураторіумъ, состоящее изъ ректора и судьи (синдика). Но хозяйственныя обязанности этого учрежденія чрезвычайно облегчены наличностью особаго инспектора университетскихъ зданій (прежде кастелланъ) и строительнаго чиновника. Инспекторъ зданій назначается, по представленію сената, министромъ и получаетъ отъ него инструкцію. На немъ и лежитъ обязанность исправнаго содержанія университетскихъ зданій и институтовъ, ихъ ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе. Онъ подчиненъ ректору и судьѣ, но хозяйственныя распоряженія, какъ будетъ сказано ниже, исходятъ не отъ одного только кураторіума, а и отъ другихъ учрежденій,—напримѣръ, директоровъ разныхъ университетскихъ институтовъ (кабинетовъ, лабораторій и пр.) и другихъ лицъ, а потому по хозяйству этихъ учрежденій онъ исполняетъ требованія ихъ директоровъ, по части отопленія и освѣщенія—требованія университетскаго секретаря, а по всѣмъ строительнымъ дѣламъ состоитъ въ распоряженіи министерскаго строительнаго чиновника. Обо всѣхъ нетерпящихъ отлагательства исправленіяхъ онъ дѣлаетъ немедленныя представленія строительному чиновнику, а къ лѣтнимъ каникуламъ каждаго года составляетъ списокъ необходимаго ремонта всѣхъ зданій. Этотъ ремонтъ онъ и производитъ подъ надзоромъ строительнаго чиновника, на утвержденіе котораго и представляетъ всѣ счеты. Обо всякой его неисправности строительный чиновникъ доводитъ до свѣдѣнія ректора. Утвержденные строительнымъ чиновникомъ счеты представляются ректору для дальнѣйшаго направленія. Въ непосредственномъ своемъ распоряженіи берлинскій кураторіумъ имѣетъ только 6.000 мар. въ годъ, на которыя и можетъ выдавать ассигновки, но не болѣе 300 мар. за одинъ разъ. Всѣ строительныя потребности университета, за предѣлами этихъ 6.000 мар., удовлетворяются непосредственно министерствомъ по особымъ ходатайствамъ кураторіума и директоровъ институтовъ. Инспекторъ зданій ведетъ инвентарь находящихся въ его распоряженіи вещей, пополняетъ его съ разрѣшенія ректора, покупаетъ писчія принадлежности

---

[1]) Dr. Daude, Die Königl. Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. 1887.

и въ концѣ года представляетъ ректору отчетъ. Всѣ ходатайства о хозяйственныхъ нуждахъ университета безъ затрудненія и щедро удовлетворяются министерствомъ, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать.

Хозяйственная часть страсбургскаго и берлинскаго университета организована весьма различно, но въ томъ и другомъ случаѣ хозяйственныя обязанности ректора очень облегчены; онъ можетъ быть ректоромъ и продолжать заниматься науками, что при нашихъ порядкахъ едва ли возможно.

Нѣмецкіе кураторы не только производятъ постройки, но и ограждаютъ права университетовъ. Русскіе университеты съ перваго дня ихъ учрежденія состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ, а потому именуются Императорскими. Первый русскій университетъ былъ ввѣренъ *попеченію* одного изъ членовъ Главнаго училищъ правленія. Но общіе университетскіе уставы говорятъ уже не о попеченіи, а о *начальствѣ* попечителей. Эта мысль особенно рѣшительно развита въ уставѣ 1835 г. „Попечитель употребляетъ всѣ средства къ приведенію въ цвѣтущее состояніе университета, строго наблюдая, чтобы принадлежащія къ нему мѣста и лица исполняли неупустительно свои обязанности. Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ и адъюнктовъ, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ законныя мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ“. Уставъ 1863 г. ту же точку зрѣнія выражаетъ въ болѣе мягкой формѣ: „Попечитель учебнаго округа принимаетъ всѣ нужныя, по его усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполнили свои обязанности, и, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть“. Статья дышетъ недовѣріемъ къ университетамъ и имѣетъ въ виду не огражденіе ихъ правъ, а быстрое пресѣченіе всякихъ безпорядковъ и злоупотребленій.

Германскіе университеты состоятъ изъ преподавателей, студентовъ и необходимыхъ для производства дѣлъ чиновниковъ. Университетское преподаваніе распадается на факультеты, число которыхъ въ разныхъ университетахъ различно. Въ берлинскомъ четыре факультета: теологическій, юридическій, медицинскій и философскій; въ страсбургскомъ—пять: теологическій, юридическихъ и государственныхъ наукъ, медицинскій, философскій и пятый—математическихъ и естественныхъ наукъ.

Факультеты въ тѣсномъ смыслѣ, какъ учрежденіе (als Behörden), состоятъ только изъ ординарныхъ профессоровъ, получающихъ

жалованье, только они созываются для рѣшенія факультетскихъ дѣлъ; въ широкомъ смыслѣ къ факультету принадлежатъ всѣ преподаватели, экстраординарные профессоры и приватъ-доценты. Управленіе же дѣлами принадлежитъ только ординарнымъ.

Кому же и при какихъ условіяхъ дается званіе ординарнаго профессора? Ординарнымъ профессоромъ можетъ быть только ученый, имѣющій высшую ученую степень доктора. Если въ эту должность будетъ назначено лицо, не имѣющее докторской степени, оно должно пріобрѣсти степень доктора, и не пользуется преимуществами ординарнаго, пока не исполнитъ этого условія. Профессоры назначаются правительствомъ, но при участіи факультетовъ. По освобожденіи ординарной каѳедры, факультеты по обычаю и по нѣкоторымъ статутамъ имѣютъ право представить министерству трехъ кандидатовъ съ мотивированнымъ отзывомъ. Такъ, обыкновенно, и бываетъ въ дѣйствительности. Въ уставѣ страсбургскаго университета нѣтъ статьи о правѣ факультета представлять трехъ кандидатовъ. Но издатель устава, бывшій кураторъ университета, докторъ Гозеусъ ((Hoseus), говоритъ, что „и въ Страсбургѣ соблюдается исконный обычай, вполнѣ оправдываемый существомъ дѣла, по которому за факультетами признается право представлять по возможности трехъ кандидатовъ на открывшуюся каѳедру".

Къ факультету въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ приватъ-доценты и экстраординарные профессоры. Право возводить въ званіе приватъ-доцента принадлежитъ исключительно факультету. Приватъ-доцентомъ можетъ быть только лицо, имѣющее ученую степень доктора, и не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ [1]) лѣтъ со дня прослушанія университетскаго курса. Но одной степени доктора для этой цѣли еще мало. Ищущій званія приватъ-доцента долженъ имѣть печатные или письменные труды по тому предмету, который онъ желаетъ читать. Труды эти должны быть представлены на разсмотрѣніе факультета. Кромѣ того, факультетъ можетъ потребовать прочтенія пробной лекціи и подвергнуть автора коллоквіуму по ея содержанію. Желающій читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента получаетъ это право только по тому предмету, о которомъ просилъ.

Еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ берлинскомъ университетѣ оказалось уже крайнее накопленіе приватъ-доцентовъ на философскомъ факультетѣ. Это вызвало министерское предложеніе факультету такого содержанія: „Для противодѣйствія

---

[1]) Въ Страсбургѣ требуется пятилѣтній срокъ ученыхъ занятій.

чрезмѣрному накопленію приватъ-доцентовъ желательно, чтобы факультетъ примѣнялъ съ должною строгостью существующія на этотъ предметъ постановленія. Только послѣдовательно проведенной строгостью можно будетъ воздержать людей съ посредственными способностями отъ дѣятельности, на которой и людямъ, одареннымъ рѣшительными талантами, приходится бороться съ большими трудностями".

Послѣ трехлѣтняго чтенія лекцій, приватъ-доцентъ можетъ просить факультетъ о возведеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ видѣ помощи ординарнымъ профессорамъ, министерство можетъ назначать экстраординарныхъ профессоровъ съ жалованьемъ. Если факультетъ находитъ нужнымъ увеличить число своихъ экстраординарныхъ профессоровъ, онъ ходатайствуетъ передъ министромъ о возведеніи въ это званіе приватъ-доцента; въ противномъ случаѣ онъ можетъ ходатайствовать о назначеніи ему единовременно денежнаго вознагражденія.

Таковъ составъ нѣмецкихъ факультетовъ. Во главѣ факультета стоитъ деканъ. Онъ избирается факультетомъ изъ ординарныхъ профессоровъ только на одинъ годъ и не можетъ быть избранъ два раза подъ рядъ. Отъ избранія—безъ приведенія достаточныхъ мотивовъ—можно отказаться только одинъ разъ. Деканство, такимъ образомъ, становится *очереднымъ* для всѣхъ членовъ факультета. Статутомъ страсбургскаго университета деканство и дѣйствительно сдѣлано очереднымъ въ порядкѣ старшинства службы.

Факультеты заботятся о полнотѣ преподаванія. Это понимается въ томъ смыслѣ, что всякій желающій слушать лекціи въ университетѣ, долженъ имѣть возможность въ теченіе трехъ лѣтъ (на медицинскомъ факультетѣ—четырехъ) прослушать два раза всѣ главные факультетскіе предметы. Если факультетъ не видитъ возможности,—по причинѣ малочисленности своего состава, исполнить эту обязанность, то онъ долженъ сдѣлать соотвѣтствующее представленіе министру.

Согласно этому, факультеты составляютъ росписаніе лекцій. Въ страсбургскомъ университетѣ въ засѣданіе факультета, посвященное составленію росписанія, приглашаются всѣ преподаватели, а не одни ординарные профессоры.

Далѣе, факультетамъ предоставлено: возводить въ ученыя степени, давать право читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента, избирать декана, давать преміи и стипендіи.

По всѣмъ этимъ вопросамъ факультетъ дѣлаетъ окончатель-

ное постановленіе. Объ избраніи декана, онъ доводитъ до свѣдѣнія министра. Возведеніе въ ученыя степени дѣлается имъ „подъ авторитетомъ университета". Но это не значитъ, что какое-либо высшее университетское учрежденіе имѣетъ право утверждать или перерѣшать его опредѣленія.

Представленія о денежномъ вознагражденіи приватъ-доцентовъ дѣлаются чрезъ сенатъ.

Факультетамъ страсбургскаго университета предоставлено право составлять уставы своихъ порядковъ съ утвержденія сената и куратора.

Факультеты берлинскаго университета имѣютъ право непосредственно сноситься не только съ министромъ, но и съ королемъ; страсбургскаго—сносятся только съ кураторомъ.

Наконецъ, факультеты имѣютъ свои доходы. Они состоятъ изъ пошлинъ за возведеніе въ ученыя степени, въ званіе приватъ-доцента, и изъ штрафовъ съ членовъ факультета, не посѣщающихъ его засѣданій.

Каждый членъ факультета имѣетъ право вносить на его разсмотрѣніе свои предложенія.

При факультетахъ можетъ быть цѣлый рядъ спеціальныхъ ученыхъ учрежденій: музеевъ, кабинетовъ, лабораторій, клиникъ и т. д. Они состоятъ подъ начальствомъ особыхъ директоровъ, назначаемыхъ правительствомъ изъ профессоровъ университета. По статуту страсбургскаго университета, если институтъ ведется плохо и не удовлетворяетъ своему назначенію, факультету предоставлено право принимать мѣры къ поднятію учрежденія и безъ согласія директора.

Таково учрежденіе нѣмецкихъ факультетовъ. Они пользуются большой самостоятельностью, которая составляетъ отголосокъ средневѣковыхъ порядковъ. Они были тогда самостоятельными корпораціями, состоявшими подъ покровительствомъ своего особаго патрона, одного изъ святыхъ Божіихъ угодниковъ, а отъ университетскихъ властей зависѣли въ очень слабой степени.

Совершенно въ другомъ положеніи находятся наши факультеты и по составу, и по предоставленной имъ власти.

Какъ учрежденіе, они состоятъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и даже штатныхъ доцентовъ, по выслугѣ ими двухъ лѣтъ со дня назначенія въ эту должность,—такъ по уставу 1863 года. Кромѣ того, къ составу факультета принадлежатъ еще приватъ-доценты, не имѣющіе права участво-

вать въ засѣданіяхъ факультета; они приглашаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ вопросы, касающіеся преподаваемыхъ ими наукъ.

Профессоромъ, какъ и въ Германіи, можетъ быть у насъ только ученый, имѣющій степень доктора, но получаетъ онъ каѳедру по избранію сперва въ факультетѣ, а потомъ въ совѣтѣ; это избраніе нуждается въ утвержденіи со стороны министра.

Нѣмецкій и русскій способы (по уставу 1863 г.) назначенія профессоровъ существенно различаются. Въ германскихъ университетахъ каѳедру получаетъ одинъ изъ трехъ кандидатовъ, о которыхъ ходатайствуетъ факультетъ; у насъ каѳедру можетъ получить кандидатъ, забаллотированный факультетомъ и выбранный совѣтомъ.

Съ перваго устава древнѣйшаго русскаго университета, московскаго, избраніе профессоровъ совѣтомъ составляетъ нашу почти вѣковую традицію. Мы такъ къ этому привыкли, что мысль объ избраніи профессоровъ однимъ факультетомъ никому и въ голову не приходитъ,—до такой степени представляется она несогласной съ устоями нашей національной университетской организаціи [1]). А между тѣмъ избраніе профессоровъ факультетомъ представляется единственно правильнымъ. Оцѣнить новаго кандидата могутъ только спеціалисты, а они всѣ въ факультетѣ. Что же можетъ къ ихъ мнѣнію прибавить совѣтъ? Рѣшительно ничего. Члены совѣта будутъ голосовать по своимъ личнымъ отношеніямъ — пріязни и довѣрія — къ членамъ факультета и только. Ихъ голосованіе можетъ дать перевѣсъ болѣе слабому кандидату передъ болѣе сильнымъ и испортить дѣло. Переносъ дѣла изъ факультета въ совѣтъ—можетъ повредить интересамъ науки и факультета,—пользы же никогда и ни въ какомъ случаѣ принести не можетъ, ибо тамъ нѣтъ людей съ самостоятельнымъ сужденіемъ по ученымъ вопросамъ чуждой имъ спеціальности. Но такого человѣка можетъ не оказаться и въ факультетѣ. Что тогда дѣлать? Практика нѣмецкихъ университетовъ и тутъ даетъ намъ полезное указаніе. Факультеты обращаются тамъ за отзывами къ извѣстнымъ спеціалистамъ въ другіе университеты и прилагаютъ ихъ мнѣнія къ своимъ.

Другое и тоже существенное различіе нѣмецкихъ порядковъ отъ нашихъ идеаловъ состоитъ въ томъ, что нѣмецкіе факультеты рекомендуютъ трехъ кандидатовъ на каѳедру, представляя

[1]) При живомъ обмѣнѣ мыслей, недавно вызванномъ проектами университетскихъ реформъ, сколько мы знаемъ, только одинъ профессоръ высказался противъ перебаллотировокъ въ совѣтѣ избранныхъ факультетомъ профессоровъ.

мотивированныя о нихъ мнѣнія; — наши совѣты выбираютъ на каѳедру закрытой баллотировкой и мотивированныхъ мнѣній министру не представляютъ. Министръ можетъ не утвердить избраннаго, но почему онъ это сдѣлаетъ? Законъ предоставляетъ совѣту избирать большинствомъ голосовъ; большинство тайныхъ и ничѣмъ не мотивированныхъ голосовъ есть достаточная квалификація, чтобы занять каѳедру. Совѣтъ осуществилъ свое право, и у министра нѣтъ основанія не утвердить выборы. Не утвердивъ выборы, онъ выразитъ только оскорбительное недовѣріе совѣту. Совѣтъ не былъ обязанъ представлять ему свои мотивы. Нашему министру приходится утверждать рѣшенія совѣта, зажмуривъ глаза. Совершенно въ другомъ положеніи—нѣмецкій министръ, дѣлающій представленіе императору. Передъ его глазами три мотивированныхъ мнѣнія, да еще съ приложеніемъ отзывовъ постороннихъ спеціалистовъ. Всѣ кандидаты одинаково рекомендуются,—надо только выбрать, кто лучше, и для этого есть достаточныя основанія. Если они недостаточны,—министръ самъ можетъ пополнить ихъ запросомъ у спеціалистовъ.

Отдавая должное нѣмецкому порядку назначенія профессоровъ, я этимъ не хочу сказать, что тамъ всѣ каѳедры всегда хорошо замѣщены. Въ нѣмецкихъ университетахъ можно найти и превосходныхъ ученыхъ, и превосходныхъ лекторовъ, которые умѣютъ приковать къ своей рѣчи вниманіе слушателей; съ ихъ лекцій мнѣ постоянно приходилось уносить цѣльное и отчетливое представленіе о предметѣ лекціи. Таковы въ старое время были: Вангеровъ, Миттермайеръ, Гельмгольцъ и многіе другіе. Но рядомъ съ ними были и большія посредственности. Это можетъ объясняться очень разными причинами. Лучшихъ свободныхъ силъ могло и не быть,—таланты вездѣ рѣдки. А съ другой стороны, и нѣмецкій порядокъ не исключаетъ пристрастій—партійности и кумовства. А наконецъ, человѣческіе слабости и недостатки могутъ исказить всякіе порядки. Кому не извѣстно, что есть умные и даровитые люди, которые не прощаютъ этихъ достоинствъ своимъ ближнимъ. Они сами составляютъ украшеніе университетовъ, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ слабость окружать себя бездарностями.—Нѣмецкіе порядки вызываютъ немало жалобъ и нареканій. Въ февралѣ 1883 г., Виндгорстъ въ прусскомъ ландтагѣ говорилъ: „Науки свободны и не должны быть отдаваемы въ монополію ни университетамъ, ни государству. Клика, кружки, которые господствуютъ въ университетахъ, должны быть сокрушены. Они устраняютъ достойнѣйшихъ людей, которые не подходятъ подъ ихъ мѣрку. Никто не можетъ

эти несправедливости вынести на свѣтъ Божій, не подвергаясь величайшей опасности. Мы требуемъ реформы университетской организаціи. Наилучшимъ образомъ реформа можетъ быть осуществлена введеніемъ свободы преподаванія". Знаменитому оратору, главѣ и руководителю католической партіи, не удалось, насколько я знаю, подробнѣе развить свои мысли о свободѣ преподаванія, долженствовавшей поразить кумовство и открыть свободный доступъ въ университеты всѣмъ дарованіямъ. Но если партійность и кумовство играютъ такую замѣтную роль въ нѣмецкихъ университетахъ, которымъ предоставлено только право рекомендаціи, а не избранія, могутъ ли они не давать себя чувствовать въ учрежденіяхъ, которымъ предоставлено право самопополненія?

Нѣтъ задачъ управленія болѣе трудныхъ, чѣмъ назначеніе личнаго состава учрежденій. Весь успѣхъ учрежденія зависитъ отъ совершенства личнаго состава,—но какъ найти лучшихъ? На мой взглядъ нѣмецкій порядокъ можетъ представлять болѣе гарантій правильнаго замѣщенія каѳедръ. Поставимъ прежде всего принципіальный вопросъ. Кому, съ точки зрѣнія права, должна принадлежать власть замѣщать каѳедры? Наши университеты—правительственныя учрежденія, профессоры состоятъ на службѣ и получаютъ жалованье. Конечно, они должны быть назначаемы правительствомъ, какъ и всѣ правительственные органы. Но для того, чтобы хорошо замѣстить каѳедру, надо имѣть знакомство съ научной литературой и трудами кандидатовъ; въ министерствѣ никто такого знакомства не имѣетъ, ни столоначальники, которые всѣмъ управляютъ, ни министры, которые всѣмъ распоряжаются. А потому будетъ нецѣлесообразно, если министръ станетъ назначать профессоровъ по представленію столоначальника. Онъ долженъ назначать ихъ, какъ въ Германіи, изъ кандидатовъ, представленныхъ факультетами, съ мотивированными отзывами. Но и въ Германіи, какъ говорятъ неимѣющіе хода молодые ученые, факультеты представляютъ пріятелей своихъ старыхъ членовъ, ординарныхъ профессоровъ, ихъ льстецовъ, жениховъ ихъ дочерей и т. д. Этого не отрицаютъ и ординарные профессоры [1]), но говорятъ, что это бываетъ чрезвычайно рѣдко. Вотъ почему предоставить факультетамъ право самопополненія едвали будетъ правильной политикой. Нѣмецкій же порядокъ представляетъ возможность поправки и для этихъ, конечно, не

[1]) „Die Zukunft", 1894, № 83. Письмо къ редактору бреславскаго профессора А. Гиллебрандта, подъ заглавіемъ: „Reform der Universitaeten".

очень частыхъ случаевъ. Въ случаѣ сомнѣнія въ добросовѣстности рекомендаціи, министръ долженъ обратиться за отзывомъ въ другой факультетъ или къ извѣстнымъ и пользующимся доброй славой спеціалистамъ. Такимъ образомъ, могутъ быть обезпечены настоящіе интересы науки и факультета [1]).

Въ дополненіе къ описанному способу избранія профессоровъ уставъ 1863 г. и многіе его поклонники предлагаютъ конкурсъ. Къ этому средству считаютъ нужнымъ обращаться, когда никто изъ факультетскихъ кандидатовъ не избранъ и запасъ ихъ совершенно истощился. Въ послѣдніе годы министерство съ большою охотою само прибѣгаетъ къ этому способу замѣщенія каѳедръ. Изъ всѣхъ средствъ, не достигающихъ своей цѣли, это—самое негодное. Конкурсъ есть вызовъ желающихъ занять каѳедру и подвергнуться ряду установленныхъ закономъ баллотировокъ. Такой вызовъ можетъ объясняться только тѣмъ, что члены факультета не знаютъ,—есть на лицо кандидаты, способные занять каѳедру, или нѣтъ,—а потому никого и не предлагаютъ. Возможно ли такое предположеніе? Конечно, нѣтъ. Если члены факультета никого не предлагаютъ, то, значитъ, годнаго нѣтъ, и вызывать его совершенно напрасно потому, что негоднаго кандидата, если бы онъ заявилъ о себѣ, факультетъ забаллотируетъ.

Практикуемый въ настоящіе дни конкурсъ имѣетъ ту особенность, что къ нему обращаются прямо, не предлагая профессорамъ найти своего кандидата, и даже не спрашивая ихъ, имѣютъ ли они въ немъ нужду. Въ прошломъ году, напримѣръ, въ одномъ университетѣ былъ произведенъ конкурсъ на замѣщеніе каѳедры, хорошо обставленной преподавателемъ, выслужившимъ тридцать лѣтъ. Въ этомъ случаѣ забракованныхъ факультетомъ кандидатовъ нѣтъ и всѣ наличные кандидаты могли бы явиться; но явятся ли они? Практика показываетъ, что являются далеко не всѣ и по очень понятной причинѣ: кому же

[1]) И въ Германіи министры не всегда назначаютъ профессоровъ согласно рекомендаціи спеціалистовъ. Послѣ 1882 г., на теологическомъ факультетѣ назначено по рекомендаціи—82 проф., безъ рекомендаціи—38; на юридич.—по рекомендаціи—125, безъ—15; на медиц. по рекомендаціи—207, безъ—29 (Паульсенъ, 102). „Безъ рекомендаціи"—это значитъ безъ рекомендаціи заинтересованнаго факультета или даже противъ его рекомендаціи. Но, можетъ быть, была затребована рекомендація другого факультета или спеціалиста. Объ этомъ авторъ не говоритъ. Если министръ назначалъ по усмотрѣнію его столоначальника, это, конечно, совсѣмъ уже нехорошо. Если факультеты дѣйствуютъ пристрастно, а министръ по внушенію съ задняго крыльца, тогда уже и при нѣмецкой системѣ нѣтъ никакого спасенія отъ человѣческихъ слабостей.

охота рисковать быть забаллотированнымъ? Эта современная практика тоже совершенно безполезна, и министерству было бы цѣлесообразнѣе предложить факультету представить на его избраніе своихъ кандидатовъ, человѣкъ трехъ, съ мотивированнымъ мнѣніемъ.

Уставъ 1884 г. отмѣнилъ штатныхъ доцентовъ и положилъ начало особенному развитію приватъ-доцентовъ. Что же такое наши штатные и приватъ-доценты? По уставу 1863 г., штатными доцентами могутъ быть магистры, а приватъ-доцентами—кандидаты, представившіе диссертацію (pro venia legendi). По уставу 1884 г., приватъ-доцентами могутъ быть всѣ, выдержавшіе экзаменъ на степень магистра, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій въ закрытомъ засѣданіи факультета. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и всѣ, кому приходилось высказываться по этому вопросу.

Итакъ, доценты штатные и приватъ-доценты могутъ читать лекціи, какъ и профессоры, но съ меньшей научной квалификаціей. Штатные доценты должны имѣть степень магистра, а приватъ-доценты и того менѣе. Въ Германіи, кто желаетъ читать лекціи, долженъ имѣть такую же подготовку, какъ и профессоръ. Можетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ правильности нѣмецкаго взгляда? Какое можно привести разумное основаніе тому, что приватъ-доцентъ можетъ учить, не имѣя ученой степени, а профессоръ долженъ ее имѣть? Вѣдь суть профессора —въ томъ, что онъ учитъ, а не въ томъ, что онъ состоитъ въ извѣстномъ классѣ, получаетъ жалованье, имѣетъ установленную форму одежды и т. д. Если учить можно безъ ученой степени, то ученыя степени и ординарные профессоры — вовсе не нужны.

Въ Германіи, чтобы быть профессоромъ, надо имѣть ученую степень доктора, которая пріобрѣтается на основаніи экзамена и по защитѣ диссертаціи; у насъ надо имѣть двѣ степени: степень магистра, которая дается за то же, за что въ Германіи дается степень доктора, и степень доктора, которая дается по защитѣ второй диссертаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной полемической статьѣ, я защищалъ нашъ порядокъ вещей. Съ тѣхъ поръ мнѣ не разъ приходилось останавливаться на этомъ вопросѣ; я перечитывалъ все, что въ послѣднее время говорилось по его поводу, и, по внимательномъ обсужденіи всего сказаннаго, перехожу на сторону противниковъ нашего порядка. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ для всѣхъ молодыхъ людей, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профес-

сорскому званію,—а ихъ у насъ немало,—а потому считаю необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Переходъ отъ двухъ степеней къ одной представляется защитникамъ нашего порядка пониженіемъ требованій, чего они и не желаютъ допустить. Переходъ къ одной степени есть дѣйствительно пониженіе существующихъ у насъ теперь требованій; но какое есть основаніе требовать отъ молодыхъ ученыхъ у насъ болѣе того, что̀ требуютъ отъ нихъ почти во всемъ мірѣ? Развѣ наши молодые ученые получаютъ за докторскую степень какія-либо особыя преимущества? Никакихъ. Нѣмецкій докторъ можетъ быть профессоромъ, если факультетъ представитъ его въ числѣ своихъ кандидатовъ, и т. д. Нашъ докторъ можетъ быть профессоромъ, если факультетъ изберетъ его, и т. д. Наши доктора не имѣютъ никакихъ преимуществъ предъ докторами цѣлаго міра, а потому и нѣтъ основанія мѣрить ихъ иною мѣрою и требовать отъ нихъ бо̀льшаго. Требуя бо̀льшаго, мы затрудняемъ и безъ того не легкое положеніе молодыхъ ученыхъ. Чтобы приступить къ магистерскому экзамену, надо затратить на приготовленіе къ нему не менѣе двухъ-трехъ лѣтъ; такой же срокъ нуженъ и для написанія диссертаціи. Для пріобрѣтенія нашей первой ученой степени нужно затратить не менѣе шести лѣтъ, а пожалуй и болѣе,—а какой практическій результатъ? Никакого. Степень магистра не открываетъ дороги къ профессурѣ,—для этого надо еще затратить года три на вторую диссертацію. Такой длинный и трудный путь можетъ оттолкнуть, а не привлечь къ ученой карьерѣ. У насъ недостаетъ ученыхъ, а не избытокъ ихъ, какъ въ Германіи, а потому не представляется цѣлесообразнымъ затруднять имъ дѣло ихъ призванія.

У насъ мало одной диссертаціи, надо написать двѣ. На чемъ основано это требованіе? Развѣ нельзя судить по первой диссертаціи о томъ, способенъ авторъ къ научнымъ работамъ или нѣтъ. А вѣдь только это и нужно, чтобы открыть себѣ путь къ профессурѣ. Кто требуетъ двухъ диссертацій, тотъ, конечно, думаетъ, что первая диссертація еще ничего не выясняетъ, а вторая выяснитъ. Если первая диссертація не доказала научныхъ способностей автора, то и вторая не докажетъ, по русской пословицѣ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ. Ждать, что бездарный магистръ сдѣлается даровитымъ докторомъ—нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Магистерская диссертація—не юношескій трудъ; за самыми ничтожными исключеніями, это—трудъ человѣка за тридцать лѣтъ. Въ ней должно быть видно все, что̀ ему дано природой и школой. Система двухъ степеней, не да-

вая большихъ данныхъ для сужденія о способностяхъ и дарованіяхъ автора, вноситъ, однако, нѣкоторую долю послабленій въ приговоры факультетовъ о его трудѣ. На первую диссертацію, хотя и очень слабую, нерѣдко смотрятъ съ излишней снисходительностью, на томъ основаніи, что авторъ ищетъ не высшей ученой степени, которая еще далеко впереди. Представляетъ тотъ же авторъ новую диссертацію на степень доктора, но не лучшую,— ему не отказываютъ и въ докторѣ, потому что онъ потрудился, написалъ вторую книгу. Усиленныя требованія на дѣлѣ переходятъ въ рядъ снисхожденій.

Система двухъ степеней порождаетъ и большія практическія неудобства. Если есть двѣ степени, то стараются найти имъ и подходящее приложеніе. По уставу 1863 г., докторъ можетъ быть профессоромъ, магистръ—штатнымъ доцентомъ. Штатный доцентъ состоитъ на службѣ, получаетъ жалованье и читаетъ лекціи, какъ и профессоръ. Можно, слѣдовательно, читать лекціи, и не имѣя высшей ученой степени. Это, конечно, непослѣдовательность, въ корнѣ разрушающая необходимость имѣть профессоровъ со степенью доктора. Но наши уставы идутъ и далѣе. Они предоставляютъ право читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцентовъ даже кандидатамъ и магистрантамъ, т.-е. лицамъ, не получившимъ и степени магистра. Настоятельно необходимый переходъ къ одной степени разрѣшитъ всю эту путаницу. Къ чтенію лекцій въ университетѣ должны допускаться только лица, имѣющія высшую ученую степень доктора. Говоря это, я вовсе не хочу изгнать изъ университетовъ всѣхъ нынѣ читающихъ лекціи магистрантовъ. Кто пріобрѣлъ уже право читать, тотъ и остается при своемъ правѣ.

Уравненіе нашихъ докторовъ съ нѣмецкими все-же оставитъ за нашими значительное преимущество большей школьной подготовки. Наши молодые ученые будутъ приступать къ докторскому экзамену, выдержавъ уже экзаменъ на кандидата; нѣмецкіе ученые этого предварительнаго экзамена не держатъ. Ихъ докторскій экзаменъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть сближенъ съ нашимъ кандидатскимъ. Нашъ докторскій (теперь магистерскій) экзаменъ — это плюсъ (+), котораго у нѣмцевъ нѣтъ.

Сторонники двухъ степеней пользу ихъ видятъ въ томъ, что необходимость представить вторую диссертацію есть стимулъ къ новой научной работѣ. Существованіе второй ученой степени оправдывается стремленіемъ вызвать возможно большую продуктивность ученой литературы. Этотъ доводъ нуждается въ обсужде-

ніи. Сторонники нашего порядка думаютъ, что если будетъ одна степень, то получившій ее успокоится и ничего уже болѣе не напишетъ. Надо принудить его писать—вотъ зачѣмъ существуетъ степень доктора! А я думаю, что такой ученый лучше сдѣлаетъ, если ничего не будетъ писать. Ученая литература поддерживается призваніемъ, а не принужденіемъ. На медицинскомъ факультетѣ у насъ уже давно одна степень. Это, однако, нисколько не понизило производительности ученой медицинской литературы.

Было время, когда и въ Западной Европѣ существовали три степени: баккалавра, магистра (licencié) и доктора; теперь, за небольшими исключеніями, вездѣ осталась одна. То же, конечно, будетъ и у насъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Въ нѣмецкихъ университетахъ профессоры дѣлятся на ординарныхъ и экстраординарныхъ. Это дѣленіе перешло и къ намъ. Въ Германіи оно имѣетъ большое значеніе. Число ординарныхъ профессоровъ соотвѣтствуетъ тамъ числу главныхъ предметовъ (Hauptfächer) каждаго факультета. Въ статутахъ 1838 г., опредѣлившихъ организацію факультетовъ берлинскаго университета, на юридическомъ факультетѣ такихъ главныхъ предметовъ считалось 6, на медицинскомъ—9, на философскомъ—17; согласно съ этимъ и число ординарныхъ профессоровъ на этихъ факультетахъ было опредѣлено въ 6, 9 и 17. Такимъ образомъ, ординарными профессорами обезпечивается преподаваніе всѣхъ главныхъ предметовъ. Но главные предметы и число ихъ—нѣчто очень условное; съ развитіемъ наукъ появляются новые. Вотъ почему въ этихъ статутахъ министру предоставлено право увеличивать число ординарныхъ профессоровъ. Въ настоящее время въ берлинскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ ихъ 11, на медицинскомъ—17, на философскомъ—53. Преобладающая роль, предоставленная ординарнымъ профессорамъ, объясняется тѣмъ, что въ ихъ рукахъ соединено все преподаваніе. Съ назначеніемъ полнаго ихъ состава обезпечивается все преподаваніе. Вотъ почему только они и составляютъ факультетъ, сенатъ и полное собраніе (plenum). Все это совершенно послѣдовательно. Ординарные профессоры могутъ, однако, нуждаться въ помощникахъ. Вотъ почему министру предоставлено право для содѣйствія ординарнымъ профессорамъ назначать экстраординарныхъ. Ординарные же назначаются министромъ съ согласія короля, а въ Страсбургѣ — самимъ императоромъ. Число экстраординар-

ныхъ не опредѣлено; кромѣ страсбургскаго университета, они не имѣютъ права на жалованье. Въ 1896—97 академическомъ году въ берлинскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ было 4 экстра-ординарныхъ профессора, и только одинъ получалъ жалованье; на медицинскомъ изъ 27 только 14 получали жалованье, на философскомъ изъ 44 — только 31 съ жалованьемъ.

Мы взяли изъ Германіи и ординарныхъ, и экстраординарныхъ профессоровъ. Уставъ московскаго университета еще дѣлаетъ между ними разницу, напоминающую нѣмецкій оригиналъ. Экстраординарные не суть члены общаго собранія. Но съ устава 1835 г. исчезаетъ и это различіе: всѣ профессоры суть члены совѣта, всѣ получаютъ жалованье. Вся разница только въ размѣрѣ жалованья. Надо ли удерживать это различіе, не имѣющее никакого оправданія въ университетской организаціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Различіе, ни на что ненужное, не должно существовать. Но это различіе связано съ различіемъ въ жалованьи, а потому и выходитъ за предѣлы университетской организаціи. Правительство не имѣетъ средствъ всѣмъ профессорамъ дать равное жалованье, а потому и учреждены ординарные и экстраординарные. Это очень прискорбно, потому что вноситъ въ университетскую жизнь элементъ новаго выбора изъ экстраординарныхъ въ ординарные и неизбѣжно связанный со всякимъ выборомъ элементъ борьбы. Очень желательно, чтобы финансовыя затрудненія не стали на пути необходимой реформы. Да они и не очень велики. По уставу 1863 г., въ университетахъ съ медицинскимъ факультетомъ полагается 39 орд. проф. и 18 экстраорд.; по уставу 1884 г.—65 орд. и 26 экстраординарныхъ. Вопросъ идетъ о нѣсколькихъ тысячахъ рублей для каждаго университета. При этомъ надо еще имѣть въ виду то печальное обстоятельство, что у насъ дѣйствительный составъ профессоровъ всегда менѣе опредѣленнаго въ уставѣ. По уставу 1884 г., въ петербургскомъ университетѣ должно быть: орд. — 57, экстраорд. — 17, а есть: орд. — 35, экстраорд. — 15; въ московскомъ: орд. — 65, экстраорд. — 26, а есть: орд. — 44, экстраординарныхъ — 18. Слѣдовательно, будутъ еще свободные остатки. Въ приведенныя числа не вошли сверхштатные профессоры, жалованья не получающіе.

Деканамъ русскихъ факультетовъ по уставу 1863 г. принадлежитъ ближайшее наблюденіе за преподаваніемъ факультетскихъ предметовъ. Они, слѣдовательно, начальники профессоровъ и обязаны надзирать за ихъ преподаваніемъ.

Деканы перваго русскаго университета избирались, по нѣмецкому образцу, на годъ, но не факультетомъ, а общимъ собраніемъ, и утверждались министромъ. По уставу 1835 г., они избираются на четыре года факультетами; по уставу 1863 г.—на три года и не только изъ ординарныхъ, но если ординарныхъ менѣе трехъ, то и изъ экстраординарныхъ. Избраніе происходитъ въ совѣтѣ; если оно не состоится, избираетъ самъ совѣтъ.

Излюбленный уставъ 1863 г. питаетъ къ факультету еще бо́льшее недовѣріе, чѣмъ предшествующіе: факультетъ долженъ избирать своего начальника на глазахъ совѣта. Запрещенія переизбирать разъ избраннаго нѣтъ. Это повело къ такой практикѣ, что разъ избранный переизбирался, по окончаніи срока, на другой срокъ и т. д. безъ конца. Деканство сдѣлалось у насъ пожизненнымъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда деканъ переходилъ на другую службу или должность. Виню въ этомъ законъ, а не исполнителей. Если законъ не запрещаетъ переизбранія, то не избрать вновь стараго декана—значитъ не одобрить его поведенія, а для этого необходимы какія-либо выходящія изъ ряда вонъ неправильности, которыхъ на лицо можетъ и не быть. Наши деканы и нѣмецкіе—хотя и носятъ одно названіе—не имѣютъ между собой ничего общаго. Нѣмецкій деканъ — primus inter pares, первый изъ равныхъ; нашъ—отецъ-командиръ, а члены факультета — его дѣти. Я зналъ такихъ отцовъ-командировъ, которые вели свои семейныя дѣла въ факультетѣ лѣтъ по двадцати. Есть ли какое-нибудь основаніе избирать декана не на одинъ, а на три и на четыре года? Единственное для этого основаніе заключается въ стремленіи сдѣлать декана не „первымъ изъ равныхъ", а начальникомъ. Отсюда такая характерная разница между нашимъ факультетомъ и нѣмецкимъ: нѣмецкій состоитъ изъ небольшого числа ординарныхъ профессоровъ, которые всѣ были и будутъ деканами, и, слѣдовательно, знаютъ университетскія дѣла на практикѣ; нашъ — изъ значительнаго числа профессоровъ разной ученой квалификаціи, и громадное ихъ большинство не было и не будетъ деканами и практически университетскихъ дѣлъ не знаетъ. Единственно правильный порядокъ вещей—это очередное деканство по старшинству ординарныхъ, установленное закономъ для страсбургскаго университета. Сколько я знаю, вопросъ о сокращеніи срока деканства у насъ не возбуждался не только правительствомъ, но и со стороны профессоровъ. Послѣднее совершенно понятно: это значило бы возстать противъ существующихъ властей, которые могутъ желать оставаться деканами вѣчно.

Остановлюсь на предоставленномъ нашимъ деканамъ правѣ наблюдать за факультетскимъ преподаваніемъ. Это право предоставлено и ректору. Онъ имѣетъ ближайшее попеченіе о томъ, чтобы университетское преподаваніе шло правильно и въ надлежащей полнотѣ, сообразно программамъ. Вопросъ о правильности университетскаго преподаванія чрезвычайно занимаетъ наше правительство. Среди восемнадцати вопросовъ, разосланныхъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія ген.-ад. Ванновскимъ, есть и такой: „6. Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія отдѣльныхъ преподавателей? Надо воздать должное составителю вопроса. Онъ чрезвычайно искусно его формулировалъ. Дѣло идетъ не о канцелярщинѣ, не о мертвечинѣ, а о чемъ-то живомъ и дѣятельномъ, о контролѣ всего факультета за полнотою, научностью и достоинствомъ преподаванія. Немудрено, что всѣ совѣты нашихъ университетовъ съ живою готовностью отозвались на вопросъ начальства. Они всѣ нашли, что контроль не только необходимъ, но и достижимъ, и указали цѣлый рядъ мѣръ, обезпечивающихъ дѣйствительность факультетскаго контроля. На первомъ мѣстѣ стоитъ выборный порядокъ замѣщенія каѳедръ и возстановленіе университетской автономіи въ завѣдываніи учебной частью, затѣмъ идетъ составленіе учебныхъ плановъ и программъ, а нѣкоторые указали даже на возможность слѣдить за числомъ пропущенныхъ профессорами лекцій и т. д. Только три профессора, одинъ въ С.-Петербургѣ, другой — въ Кіевѣ и третій—въ Казани, сказали, что науки свободны и сочинять правила о контролѣ за преподаваніемъ въ университетахъ—безполезно. Кто же правъ? Право—это микроскопическое меньшинство трехъ на сотни почтенныхъ членовъ университетскихъ совѣтовъ. Еслибы можно было установить живой и дѣятельный контроль хотя бы „университетской автономіи“ за науками, то мы, пожалуй, и до сего дня думали бы, что не земля ходитъ вокругъ солнца, а солнце вокругъ земли. Никакой контроль за научностью лекцій и нежелателенъ, и невозможенъ. Всякій контроль, ставя границы университетскому преподаванію, ставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ преграду и дальнѣйшему развитію наукъ. Но новаторъ можетъ ошибаться. Совершенно вѣрно, и профессору надо предоставить право ошибаться.

Вотъ что говоритъ по этому поводу страсбургскій профессоръ философіи, Теоб. Циглеръ: „Мы излагаемъ науки не по утвержденному государствомъ или церковью руководству; мы пред-

лагаемъ слушателямъ *наше* научное воззрѣніе, а оно можетъ быть ошибочно, можетъ быть ложно. Въ положеніи профессора есть нѣчто чрезвычайно высокое, — онъ есть особь, говорящая отъ себя, и нѣчто чрезвычайно опасное, — онъ можетъ ошибаться. Въ школѣ недопустимо, чтобы учитель говорилъ ученикамъ ложныя правила, потому что его юные ученики не въ состояніи различить правду отъ лжи и должны безусловно полагаться на авторитетъ учителя, и дѣйствительно полагаются; иначе—въ университетѣ. Профессоръ имѣетъ передъ собой не учениковъ, а слушателей, и его задача состоитъ не въ томъ, чтобы во что бы то ни стало сдѣлаться для нихъ авторитетомъ, связать ихъ умъ и подчинить себѣ, а въ томъ, чтобы возбудить ихъ къ собственной работѣ, къ размышленію и провѣркѣ выслушаннаго. Съ этою цѣлью онъ долженъ познакомить ихъ съ методологическими пріемами, дать имъ весь необходимый матеріалъ, чтобы они могли обозрѣть всю совокупность предметовъ изложенія, и тѣмъ поставить ихъ въ возможность контролировать его самого и критиковать его научныя воззрѣнія. Такимъ образомъ, критическое отношеніе къ намъ, профессорамъ, есть не только право нѣмецкаго студента,—это его обязанность" („Der deutsche Student"). Это надо знать и нашимъ студентамъ, и не однимъ студентамъ.

Совѣты нашихъ университетовъ говорятъ: полнота, научность и достоинство преподаванія обезпечиваются избраніемъ профессора въ факультетѣ и совѣтѣ. Какъ же это такъ? Развѣ избранный долженъ отказаться отъ собственныхъ взглядовъ на научность своего изложенія и усвоить факультетскіе и совѣтскіе? Гдѣ же они изображены? И что тогда будетъ со свободой науки? То же надо сказать и о другихъ способахъ контроля, о планахъ и программахъ преподаванія. Кто же не знаетъ, что при однихъ и тѣхъ же планахъ и программахъ можно преподавать совершенно различно по объему и содержанію, можно преподавать и научно, и противонаучно? Полагаю, что и члены совѣтовъ хорошо все это знаютъ. Надо думать, что они имѣли достаточныя причины, чтобы высказаться за контроль надъ науками и совершенно въ духѣ вопросовъ ген.-ад. Ванновскаго.

Перехожу къ степени власти, предоставленной нашимъ факультетамъ. Она совершенно ничтожна. Своею властью факультеты могутъ только утверждать программы преподаванія и программы на конкурсы для занятія вакантныхъ каѳедръ и принимать мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ. Кромѣ

этого, имъ предоставлена цензура сочиненій, издаваемыхъ университетомъ. Вотъ и все! Это все, за исключеніемъ цензуры, ровно ничего,—такъ какъ программы въ области университетскаго преподаванія не имѣютъ никакого практическаго значенія, а для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и до сихъ поръ не существуетъ никакихъ принудительныхъ средствъ, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ и давно примѣняющихся у насъ экзаменовъ. Итакъ, факультеты имѣютъ только право цензуры и право экзаменовать студентовъ, но право давать имъ за успѣхи, оказанные на экзаменѣ, званіе кандидата или дѣйствительнаго студента — имъ не принадлежитъ; это—право совѣта. Точно также они не имѣютъ права давать ученыя степени магистра или доктора; они могутъ только экзаменовать на ученыя степени и разсматривать магистерскія и докторскія диссертаціи; утвержденіе же въ ученой степени—опять дѣло совѣта.

И многія другія чисто факультетскія дѣла рѣшаются то совѣтомъ, то имъ пересматриваются, а рѣшаются попечителемъ или министромъ. Напримѣръ: росписаніе предметовъ по днямъ недѣли и часамъ дня, присужденіе медалей и премій за сочиненія, оставленіе при университетѣ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію—утверждаются совѣтомъ; рѣшенія факультетовъ о раздѣленіи ихъ на отдѣленія, о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, о замѣнѣ однѣхъ каѳедръ другими, объ обязательности или необязательности для студентовъ слушанія ими тѣхъ или другихъ предметовъ — пересматриваются въ совѣтѣ и чрезъ попечителя идутъ на утвержденіе министра, т.-е. разрѣшаются въ четырехъ инстанціяхъ! Есть ли какая-нибудь въ этомъ надобность? Ни малѣйшей, кромѣ стремленія къ совершенно ненужной централизаціи и желанія создать широкую дѣятельность для совѣта. Это одна канцелярская переписка и болѣе ничего. Всѣ эти дѣла суть дѣла факультета и имъ только и могутъ быть разрѣшены. Въ высшихъ инстанціяхъ нѣтъ никого, кто бы могъ ихъ разсматривать и разрѣшать. Какое можетъ быть дѣло совѣту до составленнаго факультетомъ распредѣленія лекцій по днямъ недѣли и часамъ дня? Рѣшительно никакого; оно даже никогда и не прочитывалось въ совѣтѣ. Уставъ 1884 г. считаетъ, однако, этотъ вопросъ столь важнымъ, что не рѣшается предоставить его утвержденію совѣта, а требуетъ доклада министру чрезъ попечителя. На практикѣ обозрѣніе составляется факультетомъ; совѣтъ, попечитель и министръ въ него и не заглядываютъ. Это опять одна канцелярская переписка, которая тянется цѣлые мѣсяцы; нерѣдко слу-

чалось, что утвержденныя министромъ распредѣленія получались въ университетѣ уже послѣ начала лекцій. То же надо сказать и о предоставленномъ совѣту правѣ рѣшать вопросъ о стипендіатахъ и утверждать въ званіи дѣйствительнаго студента и въ ученыхъ степеняхъ. Экзамены производитъ факультетъ, онъ же разсматриваетъ и диссертаціи; совѣтъ не только не принимаетъ въ этомъ ни малѣйшаго участія, но и не можетъ принять по совершенному незнакомству его членовъ съ предметами чужихъ факультетовъ; какъ же онъ можетъ судить о результатахъ экзаменовъ? Это опять одна канцелярская переписка. Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія и замѣна однѣхъ каѳедръ другими должны были бы восходить на рѣшеніе министра въ томъ случаѣ, когда ходатайство объ этомъ соединяется съ учрежденіемъ новыхъ каѳедръ, требующихъ новыхъ ассигновокъ изъ государственнаго казначейства; а если этого нѣтъ,—какое сужденіе можетъ высказать по этимъ чисто научнымъ вопросамъ совѣтъ или министръ? Конечно, и въ совѣтѣ, и въ министерствѣ найдутся охотники говорить обо всемъ, и у попечителя можетъ явиться охота высказать свое мнѣніе,—но на что нужно собирать всѣ эти мнѣнія? О такихъ вопросахъ, какъ раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія и учрежденіе новыхъ каѳедръ, можетъ быть высказано множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Но приведеніе того или другого мнѣнія въ исполненіе, осуществленіе его, есть дѣло личныхъ силъ факультета, а потому ему и надо предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ.

Наши факультеты носятъ то же наименованіе, что и нѣмецкіе, но кромѣ имени ничего не имѣютъ съ ними общаго: тѣ самоуправляются—наши же не имѣютъ даже права составить распредѣленіе лекцій по днямъ недѣли и часамъ дня.

При факультетахъ состоятъ музеи, кабинеты, лабораторіи, клиники и т. д. Въ нѣмецкихъ университетахъ они, по общему правилу, пользуются полной самостоятельностью и не зависятъ ни отъ факультета, ни отъ ректора. Каждый такой институтъ состоитъ подъ вѣдомствомъ своего особаго директора, назначаемаго правительствомъ изъ профессоровъ университета. Вѣдомству этого директора принадлежитъ все управленіе институтомъ. Въ его распоряженіи цѣлый штатъ подчиненныхъ ему органовъ. Штатъ — то больше, то меньше, смотря по хозяйственному развитію института. Директоръ берлинскаго клиническаго института для хирургіи, глазныхъ и ушныхъ болѣзней имѣетъ въ своемъ распоряженіи

инспектора, который ведетъ главный инвентарь клиникъ, наблюдаетъ за порядкомъ и чистотой, освѣщеніемъ, водоснабженіемъ и ремонтомъ, дѣлаетъ необходимыя закупки и пр.; съ этою цѣлью ему выдается по 300 марокъ; для письмоводства въ распоряженіи директора состоитъ секретарь, для кассовыхъ дѣлъ—рендантъ. Счетоводство этой спеціальной кассы ведется по общимъ кассовымъ правиламъ; оно подлежитъ и общему порядку контроля. Производство новыхъ построекъ происходитъ подъ наблюденіемъ особаго правительственнаго чиновника. Директоръ физіологическаго института, кромѣ ассистентовъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи домоправителя, машиниста и домовыхъ слугъ. Инструкціи чиновникамъ и служителямъ разныхъ институтовъ составляются министромъ. Есть особыя инструкціи даже швейцарамъ и истопникамъ.

Въ страсбургскомъ университетѣ, какъ и въ берлинскомъ, директоры институтовъ сами распоряжаются назначенными въ штатахъ суммами, но подъ надзоромъ не прямо министерства, а куратора,—и потому выдаваемыя ими ассигновки должны быть снабжены и подписью куратора. Весь штатъ институтовъ—прозекторы, ассистенты, обсерваторы и пр.—назначается кураторомъ по представленію директора. Инструкціи имъ пишутся не министромъ, а директоромъ, но съ согласія сената и куратора. Всѣ правила о порядкахъ учрежденій и правила пользованія ими составляются директоромъ и также съ согласія сената и куратора. Директоры институтовъ могутъ, съ согласія куратора, заключать договоры о работахъ и поставкахъ для института, но въ предѣлахъ штатной суммы.

Издерживаемыя въ нѣмецкихъ университетахъ суммы на содержаніе институтовъ весьма различны. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка на этотъ предметъ было издержано: въ страсбургскомъ университетѣ — 337.760 мар., въ кенигсбергскомъ—499.858, въ боннскомъ—553.184, въ Галле—841.067, въ Берлинѣ—1.466.438,—въ этотъ счетъ не входятъ клиническіе институты больницы Шарите (Charité-Krankenhaus), директорами которыхъ также назначаются профессоры; бюджетъ этихъ клиникъ простирается до 1.439.620 мар., въ томъ числѣ 62.631 мар. изъ университетской кассы. Въ настояще время эти цифры значительно возросли: въ страсбургскомъ университетѣ онѣ дошли до 402.770 марокъ, въ кенигсбергскомъ—до 712.570, въ боннскомъ—до 724.719, въ Галле—до 1.042.667, въ Берлинѣ—до 2.097.750.

Приведемъ и расходы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ институтовъ

для Берлина. Въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка бюджетъ семинаріумовъ государственныхъ наукъ и статистики составляли 1.000 марокъ, теперь—1.500 марокъ; семинаріумъ психологіи тогда 2.350, теперь—3.350; перваго анатомическаго института—40.376,—42.236; второго—12.780,—19.060; физіологическаго института—47.776,—79.316; химической лабораторіи — 26.980, — 79.750; ботаническаго сада — 105.625,— 222.003; музея ботаническаго — 25.900, — 53.710; обсерваторіи—31.290,—34.990.

Самое число институтовъ, съ развитіемъ научныхъ вопросовъ, постоянно возрастаетъ. Въ послѣднемъ отчетѣ находимъ новый институтъ для изслѣдованія ренгтеновскихъ лучей; его бюджетъ составляетъ 11.500 марокъ. Онъ, какъ и всѣ другіе институты, также имѣетъ своего директора.

Кромѣ доходовъ изъ государственной кассы, нѣмецкіе университеты имѣютъ и свои собственные. Этими доходами они распоряжаются сами и могутъ тратить ихъ и на содержаніе институтовъ. Это, однако, нисколько не измѣняетъ независимаго положенія институтовъ. Университетскія власти могутъ дать имъ деньги, но распоряжается деньгами и управляетъ институтомъ все-же директоръ, а не ректоръ.

Иначе поставленъ этотъ вопросъ у насъ. Все университетское управленіе у насъ строго централизовано. Всѣ кабинеты, музеи, лабораторіи и т. д. состоятъ въ управленіи ректора и правленія. Ректоръ наблюдаетъ за сохраненіемъ въ нихъ порядка, чистоты, онъ распоряжается всѣми закупками, ремонтомъ и пр. Несмотря на значительный срокъ ректорства, ректоръ и раза обойти всѣ эти учрежденія не въ состояніи. Поэтому управленіе ими у насъ—чисто бумажное, т.-е. дѣйствительное управленіе находится въ рукахъ завѣдывающаго институтомъ профессора, а пожалуй—смотрителя; ректоръ же только подписываетъ бумаги, согласно ихъ ходатайствамъ. Иначе и быть не можетъ. Какъ можетъ ректоръ знать нужды всѣхъ институтовъ? Нѣмецкое управленіе—дѣйствительное, наше—канцелярское. Отвѣтственность за правильное состояніе институтовъ у насъ, въ противность существу дѣла, перемѣщена съ завѣдующаго профессора на ректора, который дѣйствительно управлять институтами не можетъ.

Положеніе ректора въ нѣмецкихъ университетахъ—иное, чѣмъ въ нашихъ. Онъ не обремененъ занятіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ его ученой спеціальностью. Онъ есть первое правительственное лицо университета и представляетъ его во

всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ; въ кругу своихъ служебныхъ отношеній онъ пользуется титуломъ — „великолѣпнаго“ (Magnificus, Magnificenz). Самостоятельныя дѣйствія ректора очень невелики: онъ руководитъ пріемомъ студентовъ и слушателей, подписываетъ свидѣтельства выбывающихъ студентовъ, вычеркиваетъ изъ списковъ тѣхъ, кто не записался на лекціи, производитъ дисциплинарный судъ въ предоставленномъ ему объемѣ, принимаетъ чрезвычайныя мѣры въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ и наблюдаетъ за студенческими собраніями и союзами. Вотъ и все. Затѣмъ онъ предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, въ общихъ собраніяхъ и въ нѣкоторыхъ университетскихъ коммиссіяхъ и приводитъ въ исполненіе ихъ рѣшенія.

Въ нѣмецкихъ университетахъ есть постоянныя коммиссіи, учрежденныя уставами, и коммиссіи на случай, учреждаемыя сенатомъ. Къ постояннымъ принадлежитъ правительственная коммиссія, о которой говоритъ статутъ страсбургскаго университета. Эта коммиссія состоитъ изъ ректора, синдика и квестора. Ей предоставлено управленіе университетскимъ имуществомъ, т.-е. не штатными суммами, а университетской собственностью, которая можетъ состоять изъ движимостей и недвижимостей. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ коммиссія эта нуждается въ согласіи сената; а для пріобрѣтенія и отчужденія недвижимостей требуется дозволеніе имперскаго канцлера (штатгальтера). Счетоводство этой коммиссіи, по утвержденіи кураторомъ, представляется на ревизію имперской контрольной палаты.

Въ берлинскомъ университетѣ тѣ же правительственныя дѣла вѣдаются кураторіумомъ, о которомъ рѣчь была выше. Этотъ кураторіумъ помогаетъ ректору и въ вопросахъ имматрикуляціи.

Чтобы ознакомить читателя ближе съ размѣрами этого спеціальнаго хозяйства и съ отношеніями его къ общему университетскому бюджету, я приведу нѣсколько относящихся сюда цифръ.

Университеты:		Доходы: Изъ госуд. казначества	Стипендіи.	Свои средства.
Страсбургскій	за 1895/6 гг. . . .	923.300 мар.	45.040 мар.	61.[illegible]30 мар.
„	„ 1904/5 „ . . .	1.082.630 „	54.650 „	56.760 „
Кёнигсбергскій	„ 1895/6 „ . . .	824.060 „	6.216 „	150.549 „
„	„ 1904/5 „ . . .	1.084.151 „	6.104 „	223.367 „
Боннскій	„ 1895/6 „ . . .	922.099 „	8.501 „	240.941 „
„	„ 1904/5 „ . . .	1.159.103 „	6.091 „	279.708 „
Берлинскій	„ 1895/6 „ . . .	2.175.190 „	675 „	452.301 „
„	„ 1904 5 „ . . .	3.007.516 „	675 „	514,232 „

За исключеніемъ небольшихъ суммъ, которыя пошли на постройки [1]), это бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ, которые предназначаются на содержаніе управленія, жалованье и квартирныя деньги профессоровъ и преподавателей, содержаніе институтовъ, отопленіе и освѣщеніе зданій и т. д. Все, что идетъ изъ государственнаго казначейства, расходуется или непосредственно министерствомъ, за исключеніемъ 6.000 мар., предоставляемыхъ въ распоряженіе ректора, или чрезъ посредство куратора. Правительственная коммиссія распоряжается только суммами, показанными подъ рубрикой „свои средства", да частью стипендіальныхъ суммъ, распоряженіе которыми предоставлено ректору и сенату. Такимъ образомъ, въ распоряженіи ректора и правленія находится только небольшая часть общаго университетскаго бюджета. Берлинскій университетъ куратора не имѣетъ, но это не мѣшаетъ ему получать изъ государственнаго казначейства почти втрое болѣе страсбургскаго, имѣющаго куратора.

Въ страсбургскомъ университетѣ есть и еще постоянная коммиссія—судебная (Disziplinaramt),—о чемъ рѣчь будетъ ниже. Встрѣчаются и другія постоянныя коммиссіи,—напримѣръ, стипендіальная и пр.

Въ завѣдываніи ректора состоитъ только общеуниверситетская канцелярія и общеуниверситетскіе служители; канцелярія и служители институтовъ состоятъ въ распоряженіи ихъ директоровъ, а не ректора. Инструкціи служителямъ даются и ректоромъ, и директорами, смотря по подчиненности.

Ректоръ избирается на годъ изъ ординарныхъ профессоровъ, въ Берлинѣ—въ общемъ собраніи ординарныхъ профессоровъ, въ Страсбургѣ—ординарныхъ и экстраординарныхъ; выбывающій ректоръ не можетъ быть вновь избранъ (Страсб. статутъ). Нежелающій принять избраніе долженъ привести основанія; избиратели рѣшаютъ безъ преній, достаточны ли эти основанія. При такихъ условіяхъ избранія, ректорство можетъ перейти въ очередное, что уже и случилось съ деканствомъ.

Совсѣмъ иначе поставленъ ректоръ у насъ. Онъ сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всю учебную, полицейскую и хозяйственную часть. Онъ наблюдаетъ, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности, чтобы университетское преподаваніе шло правильно и въ надлежащей полнотѣ; всѣ принадлежащіе къ университету институты подчи-

[1]) На постройки было истрачено въ кёнигсбергскомъ университетѣ въ 1895/6 гг. 36.189 мар., въ 1904/5—49.583 мар.; въ боннскомъ—47.105 м.,—63.333 мар.; въ берлинскомъ—2.032 и 149.640 мар.

нены ему, ихъ личный составъ, хозяйство и управленіе состоятъ подъ его надзоромъ. Нашъ ректоръ обремененъ такою массою дѣлъ, что едва ли можетъ исполнять всѣ свои ректорскія обязанности и заниматься науками; науки онъ долженъ оставить на все время своего ректорства. А бываютъ случаи, что ректоръ и лекцій читать не въ состояніи и получаетъ разрѣшеніе министра значительно сократить ихъ число. У насъ ректорство и профессура оказываются несовмѣстимыми. Но и при той великой жертвѣ, которую избранный въ ректоры долженъ принести, отказываясь отъ своего научнаго призванія, управленіе нашего ректора не дѣйствительное, а бумажное. Несмотря на трехъ- и даже четырехлѣтнее ректорство, онъ все-же не можетъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ и нуждами всѣхъ университетскихъ учрежденій и долженъ управлять согласно представленіямъ завѣдующихъ профессоровъ. Я знаю ректора, который на третій годъ своего ректорства говорилъ, что не успѣлъ еще обойти всѣхъ подвѣдомственныхъ ему институтовъ. А другой знакомый мнѣ ректоръ и не думалъ совершать подобнаго обхода по совершенной его безполезности. Знатокомъ нуждъ и потребностей институтовъ онъ все-же не сдѣлается и послѣ такого обхода, и останется по прежнему лишь исполнителемъ представленій завѣдующаго институтомъ профессора, и аппаратомъ для подписыванія ассигновокъ,—непріятнѣйшій и чисто механическій трудъ, на который уходятъ цѣлые часы, такъ какъ нельзя же подписывать и ассигновокъ, не свѣривъ ихъ съ документами. Несовмѣстимость ректорства съ профессорствомъ у насъ всѣми хорошо понимается. Какія же находятъ средства помощи этому ненормальному положенію вещей? Предлагаютъ дать ректору одного и даже двухъ помощниковъ, въ званіи проректоровъ. Это не сдѣлаетъ порядка управленія лучшимъ, ибо и проректоры должны будутъ управлять съ чужихъ словъ и только понапрасну терять время, которое могли бы посвятить наукамъ. Эта поправка поведетъ только къ тому, что и проректоры перестанутъ заниматься дѣломъ своего призванія. Едва ли можно привести убѣдительные аргументы въ пользу того, что профессоры должны осматривать купленныя дрова и половыя щетки, производить ремонтъ зданій и участвовать въ строительныхъ коммиссіяхъ. Въ нѣмецкихъ университетахъ все это хорошо дѣлается и безъ ихъ непосредственнаго участія.

Поклонники устава 1863 г. идутъ такъ далеко, что хотятъ сохранить за ректоромъ и характеръ начальника профессоровъ. Въ Германіи ректоръ—первый между равными, у насъ же ему хотятъ дать „право“ посѣщать аудиторіи во время чтенія лекцій и практическихъ занятій и право требовать отъ профессоровъ объясненій, почему не пришли на лекцію! Что это за „право“ посѣщать лекціи? Думаю, что это право имѣетъ всякій профессоръ, попросившій у своего товарища позволенія послушать его чтеніе. Такое право имѣетъ, конечно, и ректоръ. Но наши реформаторы желаютъ, чтобы ректоръ входилъ какъ начальникъ, а не товарищъ. Зачѣмъ же это нужно? Это нужно, чтобы слѣдить за правильностью чтеній. Очень наивное желаніе. Допустимъ, однако, что есть неправильности, бьющія въ глаза и всѣмъ понятныя. Полагаю, что профессоръ, позволяющій себѣ такія неправильности при входѣ начальства, смягчитъ или и вовсе перемѣнитъ тонъ, и цѣль начальническаго посѣщенія лекціи не будетъ достигнута. А что будетъ, если студенты поймутъ, что ректоръ слѣдитъ за профессоромъ? Что же касается полноты чтеній, то для того, чтобы слѣдить за полнотой, надо посѣщать всѣ лекціи, не пропуская ни одной. Возможно ли это даже для самаго лучшаго ректора? Контроль за лекціями не только не желателенъ, но и невозможенъ ни съ точки зрѣнія свободы науки, ни съ точки зрѣнія полицейскаго порядка. Идея подчиненности такъ въѣлась въ наши нравы, что мы и аудиторіи не можемъ себѣ представить безъ начальническаго надзирающаго ока, хотя оно здѣсь рѣшительно ничего не можетъ увидѣть, а потому и совершенно безполезно. Я помню такого начальника-ректора, совѣтскаго избранника по уставу 1863 г., въ теченіе многихъ четырехлѣтій. Профессорскихъ лекцій онъ, конечно, не посѣщалъ, по безполезности этого акта надзора, но, здороваясь съ молодыми профессорами, подавалъ имъ только два пальца и въ разговоры съ ними не вступалъ.

По уставамъ 1804 и 1835 гг. ректоръ нашихъ университетовъ избирался совѣтомъ профессоровъ. 1848-ой годъ, съ его революціоннымъ движеніемъ въ Западной Европѣ и замѣной во Франціи монархической формы правленія республиканскою отразился у насъ (въ 1849 г.) замѣной выборнаго ректора ректоромъ по назначенію отъ правительства и даже не изъ профессоровъ университета. Уставъ 1863 г. возстановилъ выборнаго ректора; уставъ 1884 г. снова возвратился къ системѣ назначенія правительствомъ, но только изъ профессоровъ университета. Споръ о преимуществахъ той и другой системы не закончился и въ

наше время. Сторонники устава 1863 г. стоятъ за выборное начало, но есть защитники и системы назначенія. Вопросъ этотъ чрезвычайно простъ,—онъ стоитъ въ полной зависимости отъ того, что такое ректоръ. Если ректоръ начальникъ, если онъ слѣдитъ за правильностью преподаванія и имѣетъ право посѣщать лекціи профессоровъ въ качествѣ начальника и допрашивать ихъ о причинѣ пропуска лекцій, онъ долженъ быть назначаемъ правительствомъ и даже изъ постороннихъ университету лицъ, какъ назначаются директора училища правовѣдѣнія, лицея, гимназій, корпусовъ и пр. Это не потому, что назначенный правительствомъ ректоръ дѣйствительно услѣдитъ за правильностью преподаванія, а изъ необходимости для законодателя быть послѣдовательнымъ, т.-е. понимать то, что онъ узаконяетъ. Уставъ 1863 г., предоставляющій надзоръ за преподаваніемъ выборному ректору, непослѣдователенъ; также непослѣдовательны и тѣ изъ его поклонниковъ, которые настаиваютъ на необходимости предоставить ректору право допрашивать профессоровъ о причинахъ пропуска лекцій и въ то же время настаиваютъ на томъ, что онъ долженъ быть избираемъ своими товарищами. Непослѣдовательность законодателя—большое зло; она можетъ повести къ достиженію такихъ цѣлей, какихъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду. Въ 1884 году наши университеты перешли отъ выборнаго начала къ системѣ назначенія правительствомъ. Этимъ, конечно, выражалось неодобреніе правительства выбраннымъ ректорамъ и деканамъ; ихъ слѣдовало замѣнить правительственными. Было это сдѣлано? Ни одинъ изъ выбранныхъ ректоровъ и декановъ не былъ удаленъ правительствомъ. Всѣ они, значитъ, оказались хорошими. Зачѣмъ же было мѣнять систему?

Наоборотъ, если ректоръ не начальникъ профессоровъ, а первый между равными, онъ долженъ быть избираемъ. Такъ какъ начальство ректора надъ науками и профессорами нежелательно, а на практикѣ и неосуществимо, то единственно возможный порядокъ университетскаго устройства есть избираемый товарищами ректоръ, а не назначаемый правительствомъ. Ректоръ начальникъ профессоровъ свидѣтельствуетъ о стремленіи законодателя превратить университетъ въ среднюю школу, гдѣ репетиторы учатъ по учебникамъ, а не профессоры читаютъ лекціи.

Такъ же легко изъ свойствъ ректорства рѣшается и вопросъ о продолжительности ректуры. Если это начальникъ, назначаемый правительствомъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія назначать его на опредѣленный срокъ четырехъ лѣтъ. Онъ долженъ

быть назначаемъ безсрочно и удаляемъ по усмотрѣнію правительства, если окажется неудобенъ или нуженъ на что-нибудь другое. Если онъ только первый изъ равныхъ, онъ долженъ быть избираемъ на самый короткій срокъ, по той причинѣ, что ректорство во всякомъ случаѣ отвлекаетъ человѣка науки отъ того призванія, которому онъ посвящаетъ себя; оно отвлекаетъ и въ Германіи, гдѣ обязанности ректора чрезвычайно облегчены. Годовое ректорство должно быть правиломъ. Эта обязанность должна по очереди переходить на всѣхъ ординарныхъ. Переизбраніе на второй годъ подъ-рядъ должно быть воспрещено закономъ, какъ въ Страсбургѣ,—иначе и избираемые ректоры обратятся у насъ въ отцовъ-командировъ.

Перехожу къ совѣту, этому высшему органу университетскаго управленія, на автономную дѣятельность котораго возлагается у насъ такъ много надеждъ. Наши совѣты съ 1804 г. и по настоящее время состоятъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. По уставу 1863 г., число всѣхъ профессоровъ, входящихъ въ составъ совѣта, было опредѣлено въ 57 человѣкъ. Въ дѣйствительности ихъ гораздо болѣе: въ петербургскомъ университетѣ ихъ въ настоящее время—80, въ московскомъ—94. Компетенція совѣтовъ опредѣлена чрезвычайно широко.

1. Они вѣдаютъ всю учено-учебную часть факультетовъ: распредѣленіе предметовъ преподаванія и самый порядокъ преподаванія, удостоеніе степени дѣйствительнаго студента, кандидата, магистра, доктора, оставленіе при университетѣ стипендіатовъ для приготовленія ихъ къ профессорскому званію, отправленіе ихъ за границу съ тою же цѣлью, раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, соединеніе и раздѣленіе каѳедръ, замѣна однѣхъ другими и т. д. Все это—предметы, о которыхъ члены совѣта (за исключеніемъ членовъ подлежащаго факультета) не могутъ имѣть никакого самостоятельнаго мнѣнія. Я всегда думалъ, что совѣтъ не можетъ перерѣшать факультетскихъ рѣшеній о присужденіи ученыхъ степеней. Но мнѣ казалось, что есть одинъ случай, когда это возможно. Члены факультета, обыкновенно, стоятъ очень близко къ аспирантамъ на ученыя степени, и тутъ возможны пристрастія, которыя и будутъ вліять на рѣшеніе. Совѣтъ же, какъ болѣе широкая среда, свободенъ отъ всякихъ лицепріятій и пристрастій, а потому и можетъ исправлять несправедливости факультета. Я такъ думалъ и даже высказался

такъ въ печати въ той же полемической статьѣ, въ которой рѣчь шла и о числѣ ученыхъ степеней. Пересматривая теперь этотъ вопросъ, я нахожу мою тогдашнюю аргументацію очень слабой. Конечно, члены факультета могутъ ошибаться и даже дѣйствовать подъ вліяніемъ пристрастія. Члены совѣта могутъ объ этомъ что-нибудь знать по слухамъ, но исправить учиненной несправедливости совѣтъ не въ состояніи. Дѣло идетъ о переоцѣнкѣ диссертаціи или отвѣтовъ ея автора на диспутѣ. Допустимъ, что факультетъ, подъ вліяніемъ нѣкотораго пристрастія, оцѣнилъ книгу слишкомъ высоко или слишкомъ низко. Чтобы переоцѣнить книгу по достоинству, надо подвергнуть ее новому разбору и написать о ней новое мнѣніе,—но это могутъ сдѣлать только спеціалисты, а ихъ въ совѣтѣ нѣтъ. Перерѣшать же факультетское рѣшеніе на основаніи слуховъ о пристрастіи, конечно, невозможно. Недовольный рѣшеніемъ факультета имѣетъ достаточное средство для защиты своихъ интересовъ: онъ можетъ обратиться къ суду другого факультета. И этотъ вопросъ, слѣдовательно, нѣтъ основанія предоставлять вѣдомству совѣта.

2. Совѣты избираютъ весь личный составъ университета: ректора, декановъ, профессоровъ, доцентовъ, лекторовъ, лаборантовъ, хранителей кабинетовъ и музеевъ и т. д. За исключеніемъ одного ректора, совѣту приходится избирать на такія должности, о потребностяхъ которыхъ у его членовъ (помимо членовъ подлежащаго факультета) опять не можетъ быть никакого самостоятельнаго мнѣнія.

3. Въ ихъ рукахъ и хозяйственная часть. Имъ принадлежитъ распредѣленіе по факультетамъ штатныхъ суммъ, назначенныхъ на учебныя пособія, и составленіе смѣты доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ. Распредѣляя по факультетамъ штатныя суммы, совѣтъ долженъ рѣшать вопросы о томъ, сколько надо дать на клинику глазныхъ болѣзней, на физическій кабинетъ, на химическую лабораторію и т. д. Члены его, за исключеніемъ завѣдующихъ этими институтами, ничего, конечно, о потребностяхъ этихъ учрежденій не знаютъ и должны чисто канцелярски утверждать представленныя правленіемъ предположенія. Въ другомъ положеніи находятся спеціальныя средства университета. Они составляютъ его собственность, а распоряженіе собственностью должно принадлежать учрежденію, представляющему университетъ, независимо отъ того, хорошій онъ хозяинъ или плохой. Совѣтъ представляетъ университетъ, и смѣта доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ—его дѣло.

4. Университетское законодательство. Совѣты составляютъ правила о порядкѣ взиманія и употребленія денегъ за слушаніе лекцій, о пріемѣ студентовъ въ университетъ, объ обязанностяхъ учащихся и порядкѣ въ университетѣ, о взысканіяхъ за нарушеніе порядка, о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ и т. д. Все это—общіе вопросы, касающіеся всего университета и, конечно, должны вѣдаться общимъ учрежденіемъ, представляющимъ университетъ, т.-е. совѣтомъ.

5. Контроль за преподаваніемъ. Уставъ 1863 г. чрезвычайно озабоченъ контролемъ за правильностью преподаванія. За этой правильностью наблюдаетъ деканъ, ректоръ и, наконецъ, совѣтъ. Но онъ не только наблюдаетъ, онъ можетъ дѣлать представленія министру объ увольненіи и удаленіи изъ университета плохихъ профессоровъ и декановъ. И это не все. Онъ можетъ самъ удалить плохого профессора, забаллотировавъ его по выслугѣ имъ 25-лѣтняго срока. Съ этою цѣлью установлены повторительныя баллотировки для оставленія на службѣ лицъ, прослужившихъ 25 лѣтъ; эти баллотировки повторяются потомъ, по выслугѣ каждаго пятилѣтія. Чтобы остаться на службѣ, необходимо получить въ свою пользу двѣ трети голосовъ.

Надо отдать должное составителямъ устава 1863 года. Они трудились для пользы государства. Дѣйствительно, человѣкъ, получившій каѳедру, можетъ перестать работать для науки и ничего не дѣлать 20, 30, 40 лѣтъ. Неужели его должно терпѣть на каѳедрѣ и не допускать въ университетъ молодыхъ и даровитыхъ людей, полныхъ силъ? Вотъ, чтобы каѳедры были занимаемы дѣйствительными работниками, и сочинены были вышеизложенныя правила перебаллотировокъ по выслугѣ 25, 30, 35 лѣтъ и т. д. Не желающихъ трудиться хотѣли заставить трудиться. Цѣль прекрасная, но недостижимая. Научный трудъ есть дѣло призванія, а не принужденія. Перебаллотировка предстоитъ и трудящимся, и лѣнивымъ. Для первыхъ она незаслуженный актъ недовѣрія и угрозы, вторыхъ она можетъ повести къ разнымъ ухищреніямъ для отвода глазъ, къ заискиваніямъ и лести передъ товарищами и т. д. Среди членовъ „автономнаго“ совѣта устанавливаются, благодаря этому, нежелательныя отношенія недовѣрія, приниженности и постоянныхъ опасеній.

Уставъ 1884 г. не повторяетъ приведенныхъ правилъ контроля. И хорошо дѣлаетъ. Ему удалось найти другое и прекрасное средство противъ очень продолжительнаго занятія каѳедръ людьми, которые, можетъ быть, и не стоятъ уже на высотѣ требованій науки. По этому уставу каѳедра можетъ быть

занимаема только въ теченіе тридцати лѣтъ. По истеченіи этого срока, она дѣлается свободной и можетъ быть занята молодыми силами. Профессоръ, ее занимавшій, ничего, однако, не теряетъ: онъ получаетъ въ пенсію все свое жалованье и можетъ оставаться въ университетѣ, пользуясь всѣми правами профессора. Если онъ продолжаетъ чтеніе лекцій, ему назначается дополнительное содержаніе въ размѣрѣ 1.200 руб. При этомъ порядкѣ старое можетъ прекрасно уживаться съ молодымъ. Заслужёные ординарные—не соперники юнымъ доцентамъ. Нѣмецкимъ университетамъ такое правило неизвѣстно, и они представляютъ картину чрезвычайно медленнаго пополненія университетовъ свѣжими силами. Это вызываетъ много жалобъ и нареканій. Профессора занимаютъ тамъ каѳедры пожизненно [1]). Наши западные сосѣди могли бы кое-что хорошее позаимствовать и у насъ.

Но мы сами очень мало цѣнимъ то хорошее, что имѣемъ. Обсуждая вопросы, предложенные генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ, одинъ изъ совѣтовъ опредѣлилъ: „Рѣшать баллотировкою вопросъ объ оставленіи въ прежней должности на пять лѣтъ штатнаго преподавателя, прослужившаго двадцать-пять лѣтъ на ученой службѣ. А если профессоръ, выслужившій тридцать лѣтъ, изъявитъ желаніе продолжать службу, то выборъ его производится общимъ порядкомъ, а равно и впослѣдствіи, по истеченіи каждаго дальнѣйшаго пятилѣтія его службы“. Это возстановленіе контрольныхъ баллотировокъ устава 1863 г. и отмѣна правила устава 1884 г., по которому старые профессоры—не соперники новымъ силамъ. Такъ далеко идетъ наше увлеченіе уставомъ 1863 г.! Надо думать, что авторы приведенныхъ правилъ разсчитывали на то, что старые профессоры всегда будутъ выбраны, а юные ихъ конкурренты — оставлены за флагомъ. При противоположномъ предположеніи, старые профессоры оказались бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ то, какое дается имъ уставомъ 1884 г.

6. Судъ надъ студентами. Совѣту принадлежитъ утвержденіе постановленій университетскаго суда въ указанныхъ случаяхъ.

Такова компетенція нашихъ совѣтовъ. Въ ихъ рукахъ сходятся всѣ нити университетской жизни. Но дѣйствительно собственную свою волю совѣтъ можетъ проявлять только въ трехъ

[1]) За исключеніемъ Австріи, гдѣ профессоръ можетъ занимать каѳедру только до 70-ти-лѣтняго возраста. По достиженіи имъ этого возраста, каѳедра дѣлается свободной, но онъ не теряетъ права читать лекціи и продолжаетъ получать свое жалованье.

случаяхъ: въ распоряженіи спеціальными средствами университета, въ составленіи разныхъ правилъ и въ судѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ не можетъ сказать ничего своего, онъ можетъ только повторять сказанное другими. Какое самостоятельное мнѣніе можетъ высказать химикъ о кандидатѣ на каѳедру римскаго права или о достоинствахъ диссертаціи на степень доктора исторіи и обратно? Или какое самостоятельное мнѣніе можетъ высказать цивилистъ о потребностяхъ хирургической клиники? и т. д. Конечно, внесеніе всѣхъ указанныхъ дѣлъ въ совѣтъ может дать поводъ ко многимъ и продолжительнымъ спорамъ и пререканіямъ, но какая можетъ быть отъ этого польза для самаго дѣла? Допустимъ, что въ факультетѣ, откуда переходятъ всѣ эти дѣла въ совѣтъ, рѣшеніе состоялось по большинству голосовъ. Если члены меньшинства имѣютъ много пріятелей въ совѣтѣ, эти пріятели дадутъ ихъ мнѣнію перевѣсъ, но развѣ дѣло отъ этого выиграетъ? Совѣтское большинство не принесетъ вѣдь никакихъ новыхъ данныхъ, оно будетъ только повторять сказанное прежде. Еслибы оно иначе освѣтило вопросъ, новому рѣшенію можно было бы радоваться; но какъ могутъ иначе освѣтить вопросъ лица, въ дѣло не посвященныя? Рѣшеніе можетъ получиться иное, но чтобы оно было лучше, — этого никакъ нельзя сказать. Почему рѣшеніе совѣтскаго большинства, состоящаго изъ не-спеціалистовъ, лучше рѣшенія факультетскаго большинства, не скажу — состоящаго изъ спеціалистовъ, но все-же состоящаго изъ людей гораздо болѣе близкихъ къ дѣлу, чѣмъ члены совѣта? Въ лучшемъ же случаѣ, когда не возникнетъ никакихъ споровъ, рѣшеніе совѣта будетъ чисто канцелярское: секретарь прочтетъ свой докладъ, а члены совѣта подпишутъ. По этому образцу и происходитъ разсмотрѣніе большинства подлежащихъ вѣдѣнію совѣта дѣлъ. Это тоже, болѣе чѣмъ на половину, канцелярское учрежденіе.

Есть и въ нѣмецкихъ университетахъ общее собраніе профессоровъ, но оно мало имѣетъ общаго съ нашимъ. Это такъ называемое plenum. Въ Берлинѣ это plenum состоитъ только изъ ординарныхъ, въ Страсбургѣ — изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ. Компетенція его очень ограничена. Въ Берлинѣ plenum избираетъ ректора и пять членовъ сената, — этимъ и ограничивается его дѣятельность. Въ Страсбургѣ дѣятельность plenum нѣсколько шире; оно избираетъ ректора и представляетъ сужденіе, во-первыхъ, по возбужденнымъ въ законодательномъ порядкѣ

вопросамъ объ измѣненіяхъ въ университетскихъ статутахъ, и, во-вторыхъ, по вопросамъ, которые могутъ быть внесены на его заключеніе государственнымъ канцлеромъ, кураторомъ, ректоромъ и сенатомъ. На ректорѣ лежитъ обязанность представлять, отъ времени до времени, общему собранію профессоровъ свѣдѣнія о дѣятельности сената. Эти свѣдѣнія выслушиваются собраніемъ, но не обсуждаются. Итакъ, plenum избираетъ ректора; по другимъ же доходящимъ до него вопросамъ онъ или только выслушиваетъ ихъ, или высказываетъ сужденіе, но ничего не рѣшаетъ и никого ни къ чему не обязываетъ.

Роль высшаго правительственнаго учрежденія въ нѣмецкихъ университетахъ, соотвѣтствующаго нашему совѣту, играетъ не общее собраніе, а сенатъ. Составъ сената очень немногочисленъ. Въ него входятъ: ректоръ, его предшественникъ, четыре декана и пять ординарныхъ профессоровъ, въ Берлинѣ—по выбору общаго собранія, въ Страсбургѣ—по выбору факультетовъ. Эти пять членовъ сената избираются тоже на годъ, какъ ректоръ и деканы, но двое изъ нихъ, по жребію, остаются членами сената два года подъ-рядъ, какъ и выбывающій ректоръ. Такимъ образомъ, сенатъ обновляется ежегодно только на двѣ трети своего состава. Трое выбывшихъ изъ пяти не могутъ быть теперь же вновь избраны. За исключеніемъ Страсбурга, во всѣхъ прусскихъ университетахъ въ составъ сената входитъ еще синдикъ, университетскій судья.

Этотъ немногочисленный по своему составу сенатъ (11—12 членовъ) и занимаетъ въ нѣмецкихъ университетахъ то мѣсто, которое въ нашихъ принадлежитъ совѣту.

Сенатъ вѣдаетъ всѣ *общія* дѣла, касающіяся всего университета, и не предоставленныя ни ректору, ни факультетамъ, ни директорамъ отдѣльныхъ институтовъ. Статуты нѣмецкихъ университетовъ не ограничиваются такимъ общимъ опредѣленіемъ, они указываютъ и частности. Такъ, сенатъ избираетъ депутата въ „палату господъ“, представляетъ министру кандидатовъ на должности университетскихъ чиновниковъ, издаетъ правила о порядкѣ въ зданіяхъ университета, раздаетъ стипендіи, если это право ему предоставлено учредителемъ стипендіи, принимаетъ участіе въ университетскомъ судѣ, управляетъ университетской собственностью. А вотъ для примѣра сенатская практика. Въ зданіяхъ берлинскаго университета стали случаться частыя кражи. Сенатъ дѣлаетъ представленіе министру объ учрежденіи особаго чиновника безопасности (Sicherheitsbeamte). Практика выяснила, что доценты иногда не пользуются своимъ правомъ и не дѣ-

лаютъ объявленій о своихъ лекціяхъ, сенатъ по этому случаю постановилъ правило: „Если приватъ-доцентъ въ теченіе двухъ семестровъ не объявлялъ о своихъ лекціяхъ, онъ болѣе къ тому приглашаться не будетъ, пока не обратится съ особою о томъ просьбой". Освободилось мѣсто лектора иностранныхъ языковъ, учителя танцевъ, фехтованія и другихъ не-факультетскихъ предметовъ; сенатъ дѣлаетъ соотвѣтствующее представленіе министру и т. д. Наконецъ, сенатъ учреждаетъ спеціальныя коммиссіи для библіотечныхъ дѣлъ, дисциплинарныхъ, гонорарныхъ и пр. Въ статутахъ отдѣльныхъ университетовъ встрѣчаемъ нѣкоторыя частности, которыя могутъ имѣть и общее значеніе. Приватъ-доценты получаютъ отъ факультетовъ право читать лекціи. Но лишеніе ихъ этого права факультетамъ не предоставлено. Для этого нужно опредѣленіе сената, утвержденное кураторомъ. Такъ по статуту страсбургскаго университета.

Составъ нѣмецкаго сената отличается отъ нашего совѣта не числомъ членовъ только, но и по характеру ихъ. Онъ состоитъ изъ лицъ практически знакомыхъ съ университетскими дѣлами. За самыми небольшими исключеніями, всѣ ординарные профессоры бываютъ деканами,—поэтому въ сенатѣ, обыкновенно, засѣдаютъ члены факультетовъ, бывшіе уже деканами. Это—коллегія знающихъ дѣло людей. Составъ нашего совѣта имѣетъ великія достоинства,—онъ соединяетъ въ себѣ всѣ ученыя силы университета. Но на что это нужно, какое они могутъ сдѣлать употребленіе изъ своей учености въ совѣтѣ? Совѣтъ, какъ мы видѣли, не можетъ самостоятельно рѣшать никакихъ учено-учебныхъ вопросовъ, ему приходится рѣшать только хозяйственные вопросы, составлять правила о платѣ и внѣшнемъ порядкѣ университетской жизни, рекомендовать кандидатовъ на должности библіотекаря, бухгалтера, казначея, секретарей и другіе подобные же общіе вопросы, но не ученые и даже не учебные. Ученые и учебные вопросы—всѣ дѣло факультетовъ. Я не знаю ни одного разумнаго основанія, которое можно было бы привести въ пользу многочисленности состава нашихъ совѣтовъ. А между тѣмъ это первый и основной устой нашей университетской организаціи. Голоса, которые высказывались у насъ за сенатъ—очень немногочисленны, громадное большинство всегда на сторонѣ совѣта, состоящаго изъ всѣхъ профессоровъ. А между тѣмъ преимущества сената передъ совѣтомъ такъ очевидны: въ сенатѣ немного членовъ, но хорошо знакомыхъ съ дѣломъ, которое имъ приходится рѣшать;—въ совѣтѣ очень много членовъ, но совершенно незнакомыхъ съ дѣломъ, которое имъ приходится рѣшать. Мо-

жетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что надо выбрать,— сенатъ или совѣтъ?

Какія же основанія приводятся въ пользу собранія всѣхъ профессоровъ? Преимущества нашего совѣта вовсе не доказываются; это—аксіома, не подлежащая сомнѣнію. Указываютъ на всеобъемлемость дѣятельности совѣта, и въ этомъ, можетъ быть, видятъ основаніе тому, чтобы всеобъемлющее учрежденіе включало въ себѣ и весь наличный составъ профессоровъ. Говорятъ: „совѣтъ, какъ главный органъ университетской автономіи, долженъ быть средоточіемъ завѣдыванія, какъ учено-учебною, такъ административною и финансовою частями университетскаго управленія. Окончательному утвержденію совѣта подлежитъ все преподаваніе въ университетѣ (учебные планы, программы преподаванія, испытанія), а равно заботы о замѣщеніи преподавательскихъ должностей" и т. д. Или: „Совѣтъ есть органъ, контролирующій дѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ университетскаго управленія... Ограниченіе числа членовъ совѣта небольшимъ числомъ произвело бы сильное приниженіе этого центральнаго органа въ организмѣ университета, весьма опасное для правильной его жизни и дѣятельности... Допущеніе въ составъ совѣта всѣхъ профессоровъ имѣетъ огромное нравственное значеніе для ихъ педагогической и ученой дѣятельности. Сознаніе своего права принимать участіе въ дѣлахъ высшаго въ университетѣ учрежденія,—совѣта,—сознаніе отвѣтственности, лежащей на членахъ корпораціи за весь строй жизни учрежденія, дѣйствуетъ въ высокой степени благотворно на духовную дѣятельность отдѣльныхъ членовъ корпораціи, оно оживляетъ и возвышаетъ эту дѣятельность... Весьма важно, чтобы всѣ профессоры, участвуя въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ совѣтомъ, чувствовали себя въ одинаковой мѣрѣ отвѣтственными за ходъ дѣлъ въ университетѣ"... и т. д. Графъ П. Капнистъ, бывшій попечитель московскаго учебнаго округа, полагалъ даже, что призывъ всѣхъ профессоровъ къ управленію университетомъ положитъ конецъ студенческимъ безпорядкамъ.

Это, конечно, не доказательства, а упованія. Въ основѣ этихъ упованій лежитъ цѣлый рядъ прискорбныхъ недоразумѣній. Совѣтъ не можетъ быть средоточіемъ завѣдыванія всей университетской жизнью, онъ не можетъ контролировать дѣятельность всѣхъ остальныхъ органовъ университетскаго управленія. Какъ будутъ члены совѣта завѣдывать чтеніемъ лекцій по програм-

мамъ, экзаменами, возведеніемъ въ ученыя степени, избраніемъ профессоровъ? Для всего этого нужно спеціальное знаніе, а при современной спеціализаціи наукъ даже члены одного и того же факультета не всѣ въ одинаковой мѣрѣ къ этому способны. Можетъ ли чистый математикъ самостоятельно судить о заслугахъ натуралиста и обратно? Еще дальше отъ самостоятельнаго рѣшенія этого вопроса стоятъ историки, филологи, юристы. Какая же можетъ быть отвѣтственность за рѣшеніе вопроса, въ которомъ рѣшающій ровно ничего не понимаетъ? Отвѣтственность эта есть нѣчто чудовищное. Это отвѣтственность, перенесенная съ людей, знающихъ и дѣйствительно подлежащихъ отвѣтственности и за невнимательные экзамены, и за раздачу ученыхъ степеней людямъ недостойнымъ, и за избраніе въ профессоры лицъ, къ тому мало способныхъ,—на людей ко всему этому нисколько не причастныхъ. Очень сомнѣваюсь, чтобы такая отвѣтственность могла благотворно дѣйствовать на духовную дѣятельность членовъ автономной корпораціи. Имъ остается только утѣшать себя русскими поговорками: „съ больной головы да на здоровую“, или: „попалъ какъ куръ во щи“ и т. п. Столь же призрачной представляется и надежда, что студенческіе безпорядки прекратятся, если всѣ профессоры непосредственно будутъ привлечены къ управленію университетомъ. Студенческіе безпорядки были и при дѣйствіи устава 1863 г.,—но я не ставлю ему этого въ вину. Теперь, надѣюсь, ни для кого не тайна, что причина студенческихъ безпорядковъ лежитъ не въ университетѣ и не въ томъ или иномъ его устройствѣ. Безпорядки могутъ быть при всякомъ уставѣ, и никакая университетская автономія не можетъ ихъ прекратить и, между прочимъ, потому уже, что студенты не составляютъ объекта университетскаго управленія. Университеты существуютъ для наукъ. Студенты поступаютъ въ университеты для ихъ изученія. Чтобы занятіе науками было возможно, они должны сохранять порядокъ, установленный правилами. За нарушеніе его они подлежатъ дисциплинарному университетскому суду. Вотъ и все. Этимъ и исчерпывается ихъ отношеніе къ университету. Во всемъ остальномъ они подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ. Объектъ управленія учебнаго начальства представляютъ ученики закрытыхъ учебныхъ заведеній, гдѣ есть интернатъ, или войска, составляющія предметъ управленія военнаго начальства, или фабричные рабочіе, могущіе составить тоже богатый матеріалъ управленія, но не студенты. Всякое стремленіе обратить ихъ въ особый предметъ управленія старостъ, кураторовъ и даже цѣлаго ученаго совѣта всѣхъ профессоровъ есть большая ошибка.

Но это—очень запутанный у насъ вопросъ, о которомъ надо говорить отдѣльно.

Если свести совѣтскую компетенцію въ ея должныя границы, то не останется ни малѣйшаго мѣста и для обманчивыхъ упованій на всеобъемлющую дѣятельность совѣта, нуждающагося посему во всѣхъ наличныхъ силахъ профессорскаго персонала.

Устройство суда, этого послѣдняго учрежденія, о которомъ надо еще сказать, тоже мало имѣетъ общаго въ сравниваемыхъ университетахъ и по составу суда, и по компетенціи. Уставъ 1863 г. возникъ въ то самое время, когда у насъ шелъ весьма оживленный обмѣнъ мыслей по поводу реформы стараго суда. Высказывавшіяся тогда мнѣнія отразились и на организаціи университетскаго суда. Въ основу его было положено начало отдѣленія администраціи отъ суда, и для суда надъ студентами была учреждена особая коммиссія изъ профессоровъ по выбору совѣта на одинъ годъ. Это—такъ называемый „Университетскій судъ". Но нельзя сказать, чтобы начало это было проведено ясно и послѣдовательно. Преданіе суду зависѣло отъ правленія; оно передавало „вѣдѣнію" суда, во-первыхъ, дѣла о нарушеніи студентами порядка въ зданіяхъ университета и, во-вторыхъ, дѣла „о столкновеніяхъ" между студентами и должностными лицами университета, если бы они произошли и внѣ университетскихъ учрежденій. Но правленіе могло и не передать этихъ дѣлъ суду,—оно могло само „наложить взысканіе"; ректоръ, проректоръ и даже инспекторъ тоже могли сами „наложить взысканіе". Такъ нерѣшительно и неопредѣленно постановлялъ законъ. Составленіе правилъ „о взысканіяхъ", налагаемыхъ этими разными учрежденіями, и о порядкѣ университетскаго суда уставъ предоставилъ совѣту. Совѣты разрѣшили предложенную имъ задачу очень различно. Одинъ университетъ пошелъ такъ далеко въ сосредоточеніи всей власти „налагать взысканія" въ рукахъ университетскаго суда, что не предоставилъ ни ректору, ни правленію права дѣлать студентамъ даже замѣчанія и выговоры; инспектору же это право онъ предоставилъ—и даже болѣе, онъ далъ ему и право заключать студентовъ подъ арестъ (до одного дня). Другой—предоставилъ право дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры ректору и правленію, а не инспектору. Многіе предоставили это право всѣмъ: и правленію, и ректору, и инспектору. Едва ли не всѣ университеты дали совѣту право утверждать приговоры университетскаго суда объ удаленіи студентовъ

изъ университета, а попечителю—о ихъ исключеніи. Право жалобы на рѣшеніе университетскаго суда не было допущено.

Одинъ совѣтъ съ исключеніемъ изъ университета соединилъ такія послѣдствія: исключенный изъ университета лишается права вступить вновь въ какой-либо изъ русскихъ университетовъ. Могъ ли совѣтъ установить такое наказаніе? Мнѣ представляется это сомнительнымъ. Установленное совѣтомъ наказаніе есть лишеніе нѣкотораго права. Думаю, что наказаніе, состоящее въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ, можетъ установить законъ, а не совѣтское постановленіе. Но попечитель утвердилъ это постановленіе, а министръ приказалъ обнародовать его путемъ печати во всеобщее свѣдѣніе. Я не знаю, какое имѣло оно практическое значеніе. Другіе университеты были гораздо осторожнѣе. Они тоже различаютъ удаленіе и исключеніе; но съ исключеніемъ не соединяютъ указанныхъ послѣдствій. Удаленный можетъ быть вновь принятъ, исключенный же удаляется изъ университета навсегда. Объ этомъ извѣщаются всѣ другіе университеты. Исключенный, слѣдовательно, не лишенъ права поступить въ другой университетъ; но его могутъ не принять, зная его дурное поведеніе. На такой отказъ въ пріемѣ онъ можетъ, конечно, жаловаться попечителю и министру.

Совершенно иначе дѣло это поставлено въ нѣмецкихъ университетахъ. Для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Пруссіи вопросъ этотъ разрѣшенъ закономъ 1879 г. Здѣсь дѣло идетъ не о судѣ, а о дисциплинѣ, ея задачахъ и о дисциплинарныхъ наказаніяхъ. Задачи дисциплины осуществляются ректоромъ, университетскимъ судьей (синдикомъ) и сенатомъ.

Синдикъ — одна изъ древнѣйшихъ университетскихъ должностей. Въ теченіе многихъ вѣковъ, по обычаю, во всѣхъ университетахъ въ качествѣ юрисконсультовъ существовали синдики. Они охраняли университетскія права, вели процессы, составляли договоры и давали совѣты по всѣмъ юридическимъ вопросамъ. Съ начала истекшаго столѣтія синдики начинаютъ рѣшать, по порученію ректора, мелкія дисциплинарныя дѣла; а съ половины — они во всѣхъ университетахъ—судьи. Назначаются они правительствомъ, но не изъ преподавателей университета, имѣютъ рангъ ординарнаго профессора и входятъ въ составъ сената. Только въ Страсбургѣ они избираются сенатомъ изъ профессоровъ и даже экстраординарныхъ, но членами сената не состоятъ. Въ прусскихъ университетахъ они играютъ роль какъ бы помощниковъ ректора. Кастелланъ и всѣ низшіе чины, подчиненные ректору, подчинены и синдику.

Задачи академической дисциплины состоятъ въ поддержаніи не одного порядка въ университетѣ, но и добрыхъ нравовъ и чести среди учащихся. Студенты подлежатъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, если нарушаютъ предписанія, изданныя подъ угрозой наказанія, если совершаютъ дѣйствія, несогласныя съ обычаями и порядками академической жизни, если оскорбляютъ честь товарищей, если дѣлаютъ легкомысленно долги и ведутъ себя несогласно съ цѣлями пребыванія въ университетѣ.

Дисциплинарныя наказанія состоятъ: въ выговорѣ, денежныхъ штрафахъ до 20 марокъ, заключеніи въ карцерѣ до двухъ недѣль, незачетѣ семестра въ счетъ университетскаго времени, угрозѣ удаленіемъ изъ университета, удаленіи (consilium abeundi) и исключеніи (Relegation). Исключеніе можетъ быть назначено только за дѣйствіе, совершенное по безчестному побужденію. Исключенный не принимается ни въ какой университетъ студентомъ и не допускается къ слушанію лекцій.

Установленіе дисциплинарнаго проступка дѣлается синдикомъ при участіи ректора, если онъ того пожелаетъ.

Къ выговору и карцеру до 24-хъ часовъ можетъ присудить одинъ ректоръ; къ денежному штрафу и карцеру до трехъ дней—ректоръ съ синдикомъ; къ болѣе строгимъ наказаніямъ—сенатъ. Если по мнѣнію ректора и синдика виновный подлежитъ этимъ болѣе строгимъ наказаніямъ, синдикъ дѣлаетъ докладъ сенату и предлагаетъ наказаніе. Приговоренный къ незачету семестра, къ удаленію и исключенію, имѣетъ право обратиться къ министру, который можетъ возстановить права обвиненнаго [1].

Таковъ нѣмецкій законъ. Нельзя не признать въ немъ ясности, опредѣленности и цѣлесообразности, совершенной послѣдовательности и большаго вниманія къ участи осужденнаго [2].

---

[1] Къ страсбургскому университету этотъ порядокъ не примѣняется; для него остались въ дѣйствіи постановленія устава, изданнаго въ 1875 году. Тамъ существуетъ дисциплинарная коммиссія (Disciplinaramt) изъ ректора, проректора (т.-е. ректора прошлаго года) и синдика. Въ наказаніяхъ и порядкѣ суда также есть особенности.

[2] Мнѣ непонятны только 20 марокъ денежнаго штрафа. За что бы онѣ могли назначаться? Это, надо думать, остатокъ старины. Въ старыхъ англійскихъ университетахъ денежный штрафъ и теперь весьма обыкновенное наказаніе за всякія нарушенія правилъ: позднее возвращеніе домой, куреніе на улицѣ, посѣщеніе трактировъ и т. д. Во всякомъ случаѣ это характерная черта, указывающая на то, что первые студенты были не полные бѣдняки; иначе съ нихъ нельзя было бы брать денежные штрафы. Въ статутѣ страсбургскаго университета этого наказанія нѣтъ. Но издержки производства и тамъ падаютъ на виновнаго.

Дѣло идетъ объ „академической дисциплинѣ“, которая понимается не въ смыслѣ одного соблюденія внѣшняго порядка, но и въ охраненіи добрыхъ нравовъ и чести учащейся молодежи. Въ чьихъ же рукахъ быть этому дѣлу, какъ не въ рукахъ ректора, перваго представителя университета? У насъ господствуетъ другая точка зрѣнія: ректоръ долженъ лично принимать дрова, метлы, половыя щетки и т. д., но отъ заботъ о поддержаніи „академической дисциплины“ его можно или совершенно освободить, или приравнять его права къ правамъ инспектора, какъ узаконили нѣкоторые изъ нашихъ „автономныхъ“ совѣтовъ. „Университетскій судъ“ изъ профессоровъ по выбору совѣта есть, конечно, почтеннѣйшее учрежденіе. Но въ университетѣ дѣло идетъ не столько о „судѣ“, сколько объ „академической дисциплинѣ“. А вопросы дисциплины, конечно, всего ближе извѣстны ректору и его помощнику, синдику. Важнѣйшіе случаи рѣшаются сенатомъ, гдѣ ректоръ предсѣдательствуетъ, а синдикъ является въ качествѣ докладчика. Сенатъ, какъ мы уже знаемъ, состоитъ изъ настоящихъ и бывшихъ ректоровъ и декановъ, близко и практически знакомыхъ съ университетскими дѣлами, а слѣдовательно и съ академической дисциплиной. Но его рѣшеніе не окончательное. Недовольный можетъ перенести дѣло на разсмотрѣніе министра. Сенатское рѣшеніе, на которое не послѣдовало жалобы, конечно, имѣетъ болѣе твердый авторитетъ, чѣмъ рѣшеніе нашего университетскаго суда, на которое жалоба не допускается. То же надо сказать и о рѣшеніи, обжалованномъ, но министромъ не отмѣненномъ, если министерство добросовѣстно и хорошо исполняетъ свои обязанности, а не отписывается только канцелярски...

Итакъ, и мы имѣемъ университеты, и въ нихъ: факультеты, профессоры ординарные и экстраординарные и доценты, деканы, ректоры, совѣты и пр., но между этими учрежденіями и нѣмецкими нѣтъ ничего общаго, кромѣ названій. Наши университеты даютъ любопытный образчикъ заимствованія, совершенно не похожаго на свой оригиналъ. У насъ все было передѣлано на свой образецъ. Въ Германіи каждое университетское учрежденіе: факультеты, ректоръ, сенатъ, кураторы—имѣютъ свою опредѣленную сферу дѣятельности и въ ней совершенно самостоятельны: факультеты вѣдаютъ учебно-ученую часть, ректоръ—студентовъ, сенатъ—общіе университетскіе вопросы, кураторы, а

гдѣ ихъ нѣтъ, министерство—хозяйственное дѣло. Благодаря такой специализаціи, дѣятельность профессоровъ сосредоточена на учено-учебной части, они не отвлекаются отъ нея въ посторонныя сферы, и ректоръ университета является представителемъ высшаго учено-учебнаго учрежденія, не переставая быть ученымъ. Хозяйственными дѣлами университеты занимаются въ самой необходимой мѣрѣ. Они признаются юридическими лицами и имѣютъ свою собственность, а потому управляютъ и распоряжаются ею на правахъ привилегированныхъ корпорацій.

У насъ, наоборотъ, нѣтъ необходимой по существу дѣла специализаціи въ вѣдомствѣ университетскихъ учрежденій, и ни одно изъ нихъ не самостоятельно. Они всѣ вѣдаютъ одно и то же подъ присмотромъ другъ друга и высшихъ властей. У насъ, какъ было указано, одни и тѣ же вопросы вѣдаются факультетомъ и совѣтомъ; а немало и такихъ, которые вѣдаются факультетомъ, совѣтомъ, попечителемъ и министромъ. И нельзя сказать, чтобы это были очень крупные правительственные вопросы. Къ нимъ, между прочимъ, отнесены: избраніе декана и секретаря факультета, опредѣленіе, какіе изъ предметовъ обязательны для студентовъ, какіе—нѣтъ, избраніе и посылка молодыхъ людей за границу и т. д. У насъ все университетское устройство проникнуто духомъ крайняго недовѣрія; вслѣдствіе этого одно учрежденіе поставлено надъ другимъ для постояннаго надъ нимъ наблюденія. Факультеты экзаменуютъ и разсматриваютъ диссертаціи, а утверждаетъ въ степеняхъ совѣтъ, никакого отношенія къ экзаменамъ и диссертаціямъ не имѣющій; факультеты намѣчаютъ молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя наукамъ, оставляютъ ихъ при университетахъ и отправляютъ за границу, но утвержденіе ихъ въ качествѣ оставленныхъ при университетѣ принадлежитъ совѣту, который ихъ совершенно не знаетъ, а отправка за границу—совѣту, попечителю и министру, которые ихъ знаютъ еще менѣе. Очень понятно, что получается въ результатѣ такого порядка вещей: одна канцелярская переписка, безъ малѣйшей пользы для дѣла. Почему бы совѣтъ, попечитель или министръ отказали въ посылкѣ за границу молодого человѣка, давно извѣстнаго факультету, и на средства, находящіяся въ его распоряженіи? Отказать ему у нихъ не можетъ быть основаній, а замѣнить другимъ—еще того менѣе.

Нѣмецкій порядокъ управленія можно назвать реальнымъ или дѣйствительнымъ. Тамъ каждое учрежденіе дѣлаетъ то, что ему должно дѣлать. Наше же управленіе надо назвать бумажнымъ

или канцелярскимъ. У насъ все дѣлается не тѣмъ, кто дѣйствительно можетъ дѣлать, а тѣмъ, кто не можетъ дѣлать, а только подписываетъ, и подписываетъ, не входя въ разсмотрѣніе того, что̀ подписываетъ, потому что и разсмотрѣть-то этого не можетъ.

Въ нѣмецкихъ университетахъ годовое деканство и ректорство поддерживаетъ между членами факультета духъ товарищества и даетъ возможность каждому изъ нихъ практически ознакомиться съ дѣлами университета. Все университетское управленіе имѣетъ тамъ характеръ живого дѣла, постоянно исходящаго изъ университетской среды и въ нее возвращающагося, а потому тѣсно связаннаго со всѣмъ составомъ профессоровъ. Наши цѣлыя десятилѣтія продолжающіяся деканство и ректорство являются чѣмъ-то оторваннымъ отъ университетской среды и мертвымъ, отъ нихъ вѣетъ застоемъ и плѣсенью. При ежегодно смѣняющемся деканѣ и ректорѣ не можетъ быть никакой борьбы партій ни при ихъ избраніи, ни при ихъ краткосрочномъ и почти очередномъ управленіи. При нашемъ порядкѣ, избраніе не только ректора, но и декана, есть дѣло партіи; эти избранники партіи дѣйствуютъ въ ея интересахъ и въ теченіе своего многолѣтняго управленія.

И вотъ этотъ-то порядокъ вещей сторонники устава 1863 г. называютъ „университетской автономіей". Самое главное право, которое дано университету этимъ уставомъ, это — право избранія профессоровъ, право самопополненія. Но самопополненіе не есть еще автономія. И нѣмецкіе университеты нельзя назвать автономными; наши же не только не автономны, но даже не могутъ быть названы самоуправляющимися. Какое это самоуправленіе, если они не могутъ даже выбрать молодого человѣка для отправки за границу на находящіяся въ ихъ распоряженіи деньги? У насъ господствуетъ крайняя и для пользы дѣла совершенно ненужная централизація и въ двухъ направленіяхъ, въ самомъ университетѣ — по направленію къ совѣту, а внѣ его — по направленію къ министру.

Говорятъ, послѣдній университетскій уставъ 1884 года давно уже пересматривается; говорятъ, что разныя учрежденія, призванныя высказаться по этому поводу, высказались уже за возвращеніе къ началамъ устава 1863 года. Хорошо ли это будетъ? Правила этого устава представляются сторонникамъ его традиціонными, а потому и для насъ обязательными, а нѣкоторые усматриваютъ въ немъ даже что-то національное. А мнѣ ка-

жется, что, несмотря ни на традиціонность, ни даже на національность нашихъ идеаловъ, намъ слѣдовало бы возвратиться не къ нему, а къ первому образцу нашихъ университетскихъ учрежденій. Но я хорошо понимаю, что сдѣлать это очень трудно и даже едва ли возможно. Вѣковая организація нѣмецкихъ университетовъ покоится на началахъ совершенно несогласныхъ съ нравами и привычками нашей университетской жизни, и не одной университетской. У насъ все такъ централизовано, все такъ преисполнено канцелярскихъ разрѣшеній и утвержденій, что переходъ отъ этого бумажнаго управленія къ реальному можетъ устрашить и самое смѣлое воображеніе.

В. Сер—вичъ.

ПО СОВѢСТИ

РОМАНЪ

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЖИЗНИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Окончаніе.

XIX *).

Наканунѣ окончательнаго выѣзда изъ Дубовки, Григорій Аполлоновичъ не спалъ совсѣмъ. Онъ чувствовалъ себя—какъ наканунѣ похоронъ дорогого человѣка, который умеръ, и съ мыслью о его смерти мы успѣли свыкнуться, но все-таки, хоть и мертвый, но онъ еще здѣсь; стоитъ пройти въ сосѣднюю комнату, и мы его увидимъ. Но завтра закроется крышка гроба, и мы его не увидимъ... никогда. Такое ощущеніе было у Новодубскаго относительно имѣнія. Что оно продано, что не ему суждено заботиться о его благоустройствѣ, а что другой будетъ коверкать его своими святотатственными руками—съ этимъ онъ уже свыкся. Но все-таки онъ еще въ Дубовкѣ, онъ дышетъ ея воздухомъ, все, имъ созданное,—передъ нимъ... а завтра онъ куда-то поѣдетъ и больше никогда не увидитъ Дубовки... никогда! Ибо онъ не сомнѣвался ни одной минуты, что онъ въ нее уже не вернется.

Ему предстояло переродиться, ибо Новодубскій въ Дубовкѣ и Новодубскій не въ Дубовкѣ—это уже разные люди. Жилъ человѣкъ богато, учился въ столичномъ университетѣ, ѣздилъ по

---

*) См. выше: апр., стр. 506.

заграницамъ. Двери всѣхъ гостиныхъ и всѣхъ канцелярій были для него открыты. А онъ взялъ да и выбралъ Дубовку. Не видъ же одинъ его привлекалъ, не уединеніе. Его привлекало все, что связано съ Дубовкой,—занятія хозяйствомъ, образъ жизни, близкія отношенія къ народу настоящему, не то что въ Петербургѣ, гдѣ народъ себѣ представляютъ либо въ видѣ пригородныхъ столичныхъ крестьянъ, либо въ видѣ пейзановъ, размахивающихъ руками на маріинской сценѣ. Но и этого мало: онъ въ Дубовкѣ приспособилъ всю свою жизнь, расширивъ въ своихъ мысляхъ сферу дѣятельности въ предѣлахъ земской работы. Все это у него уже было предначертано, и онъ вошелъ въ роль дубовскаго домового, какъ онъ часто, смѣясь, себя называлъ. А теперь ему приходилось уѣзжать, окончательно отбросивъ всѣ мечты о деревенской, т.-е. дубовской, дѣятельности.

Страшно долженъ страдать такой домовой, когда ломаютъ его домъ! И точно такъ страдалъ Новодубскій. Много разъ онъ не въ состояніи былъ сдержать своихъ рыданій.

Подъ утро онъ хотѣлъ встать и идти бродить въ послѣдній разъ по усадьбѣ, но удерживала его мысль: „Вотъ, я лежу теперь въ своей милой дубовской спальнѣ, но лежу въ послѣдній разъ".

При словѣ „послѣдній" его всякій разъ пробирала дрожь.

Наконецъ, онъ всталъ. Было еще темно. Утро, хотя дѣло подходило къ Казанской, было теплое, но, несмотря на это, онъ дрожалъ въ своемъ тепломъ ватномъ пальто. А голова горѣла.

И началъ онъ бродить по усадьбѣ. Онъ обошелъ конюшни и заходилъ въ каждое стойло, какъ бы прощаясь съ лошадьми, которыхъ съ такою любовью выращивалъ. Ему казалось, что лошади понимаютъ, что онъ съ ними прощается, и особенно ржутъ и поворачиваютъ къ нему голову. Старому вороному жеребцу, отцу многочисленнаго потомства, онъ въ послѣдній разъ далъ хлѣба.

Слезы текли изъ его глазъ, и говорить онъ не могъ, однако превозмогъ себя и сказалъ конюхамъ:

— Спасибо за вашу службу. Прощайте.

Это первое „прощайте", сказанное имъ, подѣйствовало на него какъ первая пригоршня земли, брошенная на гробъ.

Онъ пошелъ къ коровамъ. Доильщицы, какъ ни въ чемъ не бывало, дѣлали свое дѣло подъ наблюденіемъ Анисьи Петровны. Насти не было.

Всѣ эти дни Григорій Аполлоновичъ подолгу сидѣлъ съ нею въ молочной. Она все повторяла, чтобы онъ ею не стѣснялся и прямо бы сказалъ, если она ему надоѣла.

— Во всякомъ случаѣ,—говорила она,—если вы меня и не бросите, но на содержаніе къ вамъ я не пойду. Будете жить въ городѣ, я найду себѣ мѣсто и буду слѣдить за вами. Мнѣ ничего больше не надо.

— Настя, ты моя родная, голубушка ты моя, вѣрю, вѣрю, что ничего тебѣ не надо, но теперь ты не вправѣ такъ говорить. Я къ тебѣ уже привязанъ ребенкомъ, котораго мы ждемъ. Съ собой ты можешь дѣлать что хочешь. А вѣдь ребенокъ наполовину твой, наполовину мой. Работать тебѣ въ этомъ положеніи я не дамъ и волей-неволей мы должны жить вмѣстѣ.

Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся будущій ребенокъ, рѣшили такъ: Новодубскій будетъ жить въ уѣздномъ городѣ, а Настя—тоже, только на другой квартирѣ. Анисья Петровна пока оставалась у Сидѣльникова, который ей это уже предложилъ.

Проходя теперь по скотному двору съ Анисьей Петровной, Новодубскій спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ все это устраивалъ, для кого, для чего? Не все ли равно—все это будетъ уничтожено? И отчетность, и пробные удои, и все, что онъ съ такою любовью и съ такимъ трудомъ заводилъ,—все это и мѣсяца не просуществуетъ.

— Ну, прощайте, голубушки,—сказалъ онъ доильщицамъ, и новый спазмъ сжалъ его горло,—желаю вамъ остаться жить у новаго хозяина...

— Гдѣ ужъ тамъ! Кончилась наша волюшка, Григорій Аполлоновичъ. Теперь не то пойдетъ...

Новодубскій поторопился выйти. Онъ продолжалъ обходить усадьбу. Ни одного уголка онъ не пропустилъ: и свинятникъ, и птичникъ, и ригу, и овинъ, и машинные сараи—все обошелъ, всюду заглядывалъ, стараясь сохранить память о мельчайшихъ подробностяхъ, которыя онъ собирался перебирать послѣ въ памяти, когда онъ будетъ далеко.

Все это было имъ сдѣлано, имъ построено, деревья почти всѣ имъ посажены. Вотъ его многолѣтніе цвѣты, которые онъ сумѣлъ особенно подобрать по цвѣтамъ въ рабаткахъ; вотъ его густыя акаціевыя аллеи со сводами; вотъ его розаны, его кустики, съ любовью выписанные, съ любовью посаженные, съ любовью выращенные...

И когда Никита его разыскалъ и доложилъ, что поданъ кофе, онъ лишь махнулъ рукой. Онъ хотѣлъ быть одинъ въ „своемъ“ саду.

До полудня онъ бродилъ одинъ по садамъ и огородамъ. Былъ

онъ и въ полѣ. Онъ ходилъ въ полузабытьи, въ послѣдній разъ стараясь насладить всѣ свои пять чувствъ и свою душу дивными для него дубовскими прелестями. Онъ набирался воспоминаній; онъ прощался съ каждымъ закоулкомъ; онъ хотѣлъ вездѣ оставить свой слѣдъ.

Въ обѣдъ онъ вернулся въ усадьбу и сталъ обходить знакомыхъ и служащихъ. Онъ былъ у всѣхъ, до самыхъ маленькихъ служащихъ включительно. Онъ не могъ говорить, а, входя въ комнату, только скажетъ: „прощайте“. Слезы, катившіяся изъ глазъ и которыя онъ пересталъ скрывать, говорили за него. Кого поцѣлуетъ, съ кѣмъ возьмется за руку. Всѣмъ низко, низко кланялся. Многіе, въ особенности женщины, прощаясь съ нимъ, тоже плакали. Одна вздумала причитать, какъ по покойникѣ, и ему это понравилось.

Онъ пошелъ на деревню, благо она начиналась у самой усадьбы. На деревнѣ онъ зналъ всѣхъ и мужчинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей, и стариковъ.

Прощаясь, онъ дошелъ до конца деревни. А оттуда народъ сталъ присоединяться къ нему. Шли всѣ. Даже грудныхъ младенцевъ женщины несли на рукахъ.

При толпѣ онъ рѣшилъ не плакать и заставилъ себя сдержаться. Только губы его дрожали.

Крестьяне прониклись его настроеніемъ и тоже шли молча.

Скоро пришелъ часъ отъѣзда. Лошади были поданы. Григорій Аполлоновичъ рѣшилъ сократить послѣднія минуты. Онъ еще разъ обошелъ домъ, прошелъ въ цвѣтникъ, все окинулъ еще разъ взглядомъ, кое-кого поцѣловалъ.

Нечеловѣческихъ усилій ему стоило сдержаться. Онъ ничего не сознавалъ, ничего не слышалъ—точно одеревенѣлъ.

Однако онъ почувствовалъ, что надо что-нибудь сказать. Онъ сдѣлалъ усиліе и подошелъ къ народу. Тутъ, смѣшавшись, стояли всѣ: и служащіе, и рабочіе, и крестьяне, и бабы съ ребятишками.

— Прощайте, не поминайте лихомъ! — сказалъ онъ, удивляясь самъ, откуда у него такой громкій голосъ.

— Прощайте, Григорій Аполлоновичъ, и насъ простите!— отвѣтилъ старикъ, стоявшій спереди, съ гноящимися глазами.— Такого намъ барина не нажить...

Послышались всхлипыванія. Одна баба плакала навзрыдъ.

— Ну, Богъ милостивъ, — нашелъ въ себѣ силы сказать Новодубскій, — придутъ, можетъ быть, и для крестьянъ лучшія времена.

— А то не уѣзжайте отъ насъ!—сказалъ одинъ крестьянинъ.—Мы три года вамъ землю будемъ даромъ работать... только не уѣзжайте. Не правда, старики?

— А то не сработаемъ нѣчто?—подхватили другіе.

— Спасибо вамъ на добрыхъ рѣчахъ!—отвѣчалъ Новодубскій,—спасибо. Но пособить дѣлу уже ничѣмъ нельзя... ничѣмъ... ничѣмъ!.. Ну, прощайте!

Онъ поцѣловалъ старосту и говорившаго за всѣхъ старика... и не выдержалъ... разрыдался.

Въ толпѣ кто плакалъ, кто отиралъ глаза.

— Прощайте... Не забывайте насъ... Пріѣзжайте!..—слышалось со всѣхъ сторонъ...

Еще мгновенье — онъ сидѣлъ въ экипажѣ, съ Никитой на козлахъ. Лошади тронули. Еще глубокій поклонъ всѣмъ—и онъ упалъ на сидѣнье. Въ глазахъ у него помутнѣло. Брызнули слезы. Но нельзя было терять послѣднихъ мгновеній. Онъ оправился и привсталъ, чтобы видѣть еще разъ, послѣдній разъ Дубовку.

Лошади бѣжали быстро, уже людей не видно было, строенія, казалось, дѣлались все меньше и меньше... бугорокъ... Прощай, Дубовка, прощай на вѣки!..

Въ городѣ Новодубскій снялъ небольшую квартирку, въ которую перевезъ изъ Дубовки нѣсколько мебели; онъ выговорилъ ее при продажѣ. Всю остальную движимость онъ продалъ вмѣстѣ съ имѣніемъ. Сидѣльниковъ требовалъ себѣ вещи даже изъ выговоренныхъ, и когда старые служащіе Новодубскаго возмущались, онъ махалъ рукой.

— Главное, не ссорьтесь, ради Бога! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Богъ съ нимъ, пускай беретъ!..

Настѣ, тоже переѣхавшей черезъ день, онъ снялъ комнату неподалеку отъ своей квартиры. Она, повидимому, безъ личнаго сожалѣнія оставила Дубовку. Для нея вся Дубовка, весь міръ былъ сконцентрированъ въ Григоріѣ Аполлоновичѣ. Все остальное для нея было дорого только постольку, поскольку оно касалось его. И теперь она жалѣла Дубовку не непосредственно, а лишь потому, что онъ по ней скорбѣлъ. Даже о сестрѣ она почти-что не вспоминала. Она, вынужденная по возможности таить свою преступную, въ глазахъ большинства, любовь въ самой себѣ, избѣгала не только разговоровъ о ней, но и намековъ даже съ сестрой—единственнымъ человѣкомъ, отъ котораго не могло ничего ускользнуть изъ ихъ отношеній. Это какъ будто охладило ея чувство къ сестрѣ. Вѣчно съ своею неотвязчивою мыслью,

она, прежде веселая и разговорчивая, съ каждымъ днемъ дѣлалась молчаливѣе.

Такъ и теперь, по переѣздѣ въ городъ, она съ грустью видѣла происшедшую въ немъ перемѣну. Но къ этой грусти примѣшивалось нѣкоторое чувство удовлетворенія. Григорій Аполлоновичъ теперь ей больше принадлежалъ, чѣмъ прежде. Онъ чаще сидѣлъ у нея и дольше оставался. Не было между ними Дубовки, къ которой она невольно его ревновала, хотя боролась съ этой ревностью, безсознательно понимая, что это чувство недоброе.

Приходилъ же къ ней Новодубскій чаще, такъ какъ цѣлые дни оставался безъ дѣла. Видѣть было некого, да и не хотѣлось быть съ чужими людьми, а заниматься не могъ. Онъ нѣсколько разъ брался за книги и серьезныя, и легкія, но, читая, не понималъ, что̀ написано; глазами какъ будто читаетъ, а что̀ прочелъ—не знаетъ; мысленно онъ переносился туда, гдѣ столько лѣтъ были сосредоточены его помыслы, его заботы, его мечты о лучшей жизни для крестьянъ. Съ нею онъ опять-таки могъ говорить о Дубовкѣ. Онъ строилъ разныя предположенія: что̀ теперь дѣлается, не распродаетъ ли Сидѣльниковъ лошадей, не рубитъ ли деревьевъ. Настя хотѣла бы отвлечь его думы отъ этого на другіе предметы разговора, но не умѣла. Она сердилась на себя, что не можетъ овладѣть его умомъ, и приписывала это разницѣ въ образованіи.

„Я ему не пара!“—часто мелькало въ ея головѣ.

— Видишь ты, Настя, — говорилъ ей Новодубскій,—моему горю нѣтъ конца и не будетъ конца. Какая разница между человѣкомъ и животнымъ? Я думаю, главная—та, что человѣку свойственно понятіе о пространствѣ, животному—нѣтъ. Возьми крота. Ему дорога̀ его нора—и больше ничего. Уже сосѣдняя нора другого крота его не интересуетъ; лишь бы его никто не потревожилъ. Такъ и муравьиныя заботы не идутъ дальше ихъ кучки. Не только Америки да Франціи,—нѣтъ для нихъ и сосѣдняго уѣзда, сосѣдней десятины. Ихъ куча—ихъ міръ. Не то человѣкъ. Конца нѣтъ его мыслямъ, его заботамъ. Онъ живетъ въ Дубовкѣ, а думаетъ, что̀ дѣлается въ Австраліи, и радуется, если узнаетъ, что людямъ тамъ хорошо. Мало того: явись у людей возможность вліять на жизнь планетъ или еще дальше, они несомнѣнно начали бы хлопотать и о планетахъ и звѣздахъ. Находить счастье свое въ счастьѣ человѣчества—вотъ чувство, животному совсѣмъ незнакомое. Стремленіе къ всечеловѣчеству—это и есть Христова любовь къ ближнему—альтруизмъ, какъ говорятъ теперь. А у животнаго—чистѣйшій эгоизмъ. Я—и кромѣ „я“—ничего! Такъ?

Настя понимала черезъ два слова въ третье. Тѣмъ не менѣе, не желая нарушить ходъ его мыслей, отвѣтила:

— Такъ!

— Ну, слушай дальше! Но эгоизмъ и человѣку свойственъ. И есть даже теорія, что скорѣе всего благо всего человѣчества будетъ достигнуто, если всякій прежде всего будетъ заботиться о себѣ. Возьми хоть нашего крестьянина, и вообрази, что каждый изъ нихъ порознь будетъ заботиться о томъ, чтобы его положеніе улучшилось и матеріально, и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и въ подъемѣ чувства собственнаго достоинства. Врядъ ли можно сомнѣваться, что ихъ стремленія увѣнчаются успѣхомъ. Тогда мы получимъ блестящій примѣръ, какъ счастье общее достигается стремленіемъ къ личному счастью каждаго отдѣльнаго лица. Значитъ, полезенъ для человѣчества эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ. Этотъ эгоизмъ въ насъ вложенъ самой природой. И какъ человѣкъ ни мечтай о благѣ папуасовъ, но центромъ вселенной онъ невольно будетъ чувствовать себя и свою нору. Я лично имѣю вотъ такое чувство, и думая, что оно обще всему человѣчеству, мнѣ кажется, что есть для меня и для всякаго такая точка на землѣ, гдѣ я чувствую себя дома. Для меня это была Дубовка. И гдѣ бы я ни былъ, за границей ли, на Кавказѣ ли, въ уѣздномъ ли городѣ, я все чувствовалъ себя въ отъѣздѣ за три тысячи, за двѣ тысячи, за сорокъ верстъ. Дома я только былъ въ Дубовкѣ. Это была моя нора. И такая нора есть, я думаю, у всякаго. Возьми евреевъ. Ужъ на что имъ плохо живется на родинѣ. Тѣмъ не менѣе, они неохотно переселяются въ Америку, гдѣ имъ въ матеріальномъ отношеніи несравненно лучше. Ихъ норы здѣсь. Они держатся норъ своихъ. Заботиться о своей норѣ значитъ быть эгоистомъ. Но когда во всѣхъ норахъ будетъ хорошо,—будетъ хорошо всему человѣчеству. Забота о норѣ и есть истинный патріотизмъ. У одного нора маленькая, у другого — больше, у третьяго—еще больше, у всечеловѣка вся земля—его нора! Будемъ же заботиться каждый о своей норѣ постольку, поскольку онъ способенъ понять ее. Для меня моя нора до сихъ поръ была Дубовка, и я только мечталъ о работѣ на цѣлый уѣздъ. И теперь у меня нѣтъ норы. Я—кротъ безъ норы, дерево безъ корня... И хотѣлъ бы я быть эгоистомъ, да не къ чему эгоизма своего примѣнить. Ничто мнѣ не мило... А удастся ли мнѣ найти новую цѣль жизни—не знаю. А теперь, охъ, какъ тяжело!

Настя слушала и слушала. Она понимала одно: что онъ страдаетъ, и что она помочь ему не можетъ.

„Какъ же я-то? — думала она. — Гдѣ моя нора? Гдѣ онъ, тамъ и нора моя. Хоть на край свѣта съ нимъ уѣхать—все я буду дома. На то я женщина. Женщины сильнѣе любить умѣютъ, чѣмъ мужчины. Или ужъ очень я ему неровня“?

Что еще мучило Григорія Аполлоновича—это чувство стыда, да еще двойного.

Ему стыдно было, что онъ не удержалъ имѣнія. Ему казалось, что всякій человѣкъ, который его встрѣчалъ, думалъ:

„Э-ге, братъ! Ты тоже прогорѣлъ, какъ и другіе. Походи-ка, походи, поищи мѣста“...

А въ особенности онъ боялся встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ противниковъ по земству, напримѣръ земскаго начальника, который при немъ ругалъ старуху. Онъ чувствовалъ, что его имущественныя дѣла никого не касаются, понималъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что пришлось продавать имѣніе, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого глупаго чувства и все искалъ глазами по улицамъ, не встрѣтится ли случайно какой-нибудь знакомый.

Другое чувство стыда было серьезнѣе. Происходило оно отъ того, что въ первый разъ пришлось открыто признать свою связь съ Настей. Въ Дубовкѣ это было секретомъ полишинеля, но никто не позволилъ себѣ ни разу ни намекнуть на нее, ни показать видъ, что секретъ ихъ всѣмъ извѣстенъ. Тутъ сразу пришлось посылать Никиту кое-что купить для нея изъ мебели и посуды. Говоря про Настю, Никита сталъ ее называть „барыней“. Словъ „баринъ“ и „барыня“ онъ вообще не выносилъ, какъ пережитка крѣпостного права, но, тѣмъ не менѣе, у него не хватило духа его остановить и велѣть называть ее иначе.

Разные мелкіе жильцы того дома, гдѣ Настя поселилась, съ любопытствомъ встрѣтили новую жиличку и стали, какъ водится, изучать ее и наблюдать за ней. Сейчасъ стали извѣстны посѣщенія ея красивымъ молодымъ человѣкомъ. Прослѣдили и его. Узнали, что это—Новодубскій, котораго считали богачомъ и о разореніи котораго уже ходили слухи. Замѣтили, что онъ ходитъ къ ней скрываясь. Таинственность еще больше заинтересовала этихъ людей, для которыхъ представлялась новая богатая пища всякимъ сплетнямъ.

Нѣкоторые, въ особенности женщины побѣднѣе, стали относиться къ Настѣ покровительственно. Бѣдная, молъ, все равно, рано ли, поздно ли пропадешь! Нѣкоторые мужчины стали за ней ухаживать, какъ за легкой добычей. А большинство, люди семейные, открыто выказывали свое презрѣніе и демонстративно

отворачивались, чтобы не оскорбилось ихъ мѣщанское цѣломудріе.

Все это очень скоро замѣтила Настя, которую это довело до отчаянія. Она вновь умоляла Новодубскаго пустить ее на мѣсто, работать любую грязную работу, лишь бы не быть на содержаніи.

Новодубскій рѣшительно возсталъ противъ этого.

— Подумай, Настя,—говорилъ онъ,—что ты говоришь. Ты беременна и хочешь идти служить. Ну, положимъ даже, что ты найдешь мѣсто экономки. Развѣ это дѣло легкое? И ты думаешь, я дамъ тебѣ пожертвовать ребенкомъ для какихъ-то глупыхъ соображеній. Это разъ. Затѣмъ, ты хорошенькая женщина, и разъ ты будешь служить, съ тобой стѣсняться не будутъ въ обращеніи, будутъ говорить разныя гадости. И это мнѣ терпѣть? Да ты хоть меня пожалѣй! Ты знаешь, что меня мучитъ всякій грязный намекъ въ твоемъ присутствіи. И эта ревность у меня очень и очень сильна. И, наконецъ, третья причина есть: это тебѣ все равно со мной не видѣться! Теперь у меня никого нѣтъ кромѣ тебя. И съ тобой мнѣ можно будетъ видѣться лишь украдкой между кадкой посоленныхъ огурцовъ и подоенной коровой. Спасибо!

Доводовъ Настя противъ этого не находила никакихъ и только плакала. Побѣда осталась, конечно, за Новодубскимъ. Настя же, во избѣжаніе всякихъ нескромностей, окончательно заперлась и не выходила безъ крайней необходимости изъ комнаты. Главное ея занятіе было ждать его посѣщенія. Впрочемъ, онъ ей приносилъ разныя книги. Жадная до чтенія, Настя ихъ очень скоро прочитывала и просила новыхъ.

XX.

Разъ Новодубскій сидѣлъ за утреннимъ кофе, какъ вдругъ послышался громкій знакомый голосъ.

— Дома?

— Дома-съ; пожалуйте!

И въ комнату вошелъ Градовъ.

— Что, вы сердитесь, Григорій Аполлоновичъ, что я нарушилъ ваше затворничество? Находите это нескромнымъ? Можетъ быть! Но я думалъ, да и теперь думаю, что лучше иногда быть нескромнымъ. Не правда ли?

Лицо Градова было такъ добродушно-ласково, что нелов-

жость, дѣйствительно было-почувствованная Новодубскимъ, моментально прошла. Онъ охотно бросился въ открытыя объятья, ему протянутыя.

— Да, батюшка, чего-чего на свѣтѣ не бываетъ. Да хоть бы ваше положеніе. Конечно, оно не легко. Привычка, привязанности, мечты—все сразу порвать—конечно, не легко. Ну, да что подѣлаешь? Была бы совѣсть чиста! А вѣдь совѣсть ваша чиста? Не правда? Ну, такъ чтожъ! Все, батюшка, совѣсть у человѣка. Совѣсть спокойна—и все хорошо. Ну, скажите, какъ вы себя чувствуете, что дѣлаете? Тяжело?

— Да, не легко!

— Извѣстія оттуда получаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Обѣщали мнѣ всѣ и крестьяне тоже, что когда будутъ въ городѣ, меня разыщутъ. Да гдѣ теперь въ городъ ѣхать по такимъ дорогамъ. Вотъ, подморозитъ...

— Ну, такъ я вамъ скажу. Вашъ земскій въ отпускъ уѣхалъ, возложивъ на меня свой участокъ. Пришлось вчера по дѣламъ съѣздить въ Дубовку. Какъ, бишь, вашего управляющаго-то звали?

— Ѳедоръ Елисеевичъ! Ну, что?

— Уволилъ его новый хозяинъ.

— Такъ началось... значитъ.

— Да, началось. И конторщика тоже. И старосту стараго.

— Николая Ѳедоровича?

— Да, да, такъ, кажется его звали.

— Скоро-съ. Скоро. А ничего не рубятъ въ саду?

— Нѣтъ, еще не рубятъ.

— Зато людей, значитъ, рубятъ... Чего же съ ними считаться? Что они семейные?.. А развѣ это для Сидѣльниковскихъ капиталовъ не безразлично? Вонъ ихъ, семейныхъ! Вонъ лишніе рты!..

— Плохо безъ васъ, Григорій Аполлоновичъ, въ Дубовкѣ. Ужъ жалоба есть одна крестьянина на Сидѣльникова. Говоритъ, обсчиталъ. Вотъ вамъ разница между бариномъ и купцомъ.

— Пустяки, Николай Васильевичъ, вы говорите. Тысячу разъ я вамъ уже говорилъ, что я не баринъ, и что слово это считаю жестоко ругательнымъ. Я вчера объ этомъ думалъ, и хотите, я вамъ скажу, какая разница между бариномъ и купцомъ. Баринъ пожалѣетъ дерево, кустикъ, кошку, жеребца, а купецъ даже и не понимаетъ, зачѣмъ все это надо жалѣть? По отношенію же къ людямъ купецъ больше пожалѣетъ человѣка, чѣмъ

баринъ. Баринъ, можетъ быть, еще пожалѣетъ двороваго, лакея, кучера, которыхъ по милости барской возвелъ въ чинъ равный съ кобелемъ и жеребцомъ, а простого рабочаго, крестьянина, не изъ приближенныхъ, онъ обобрать—оберетъ не хуже купца, да еще норовитъ отколотить; выпоролъ бы, кабы могъ, а обругать сочтетъ за удовольствіе. Купецъ же оберетъ, да стаканчикъ поднесетъ, чтобы не жаловался... Ну, вы говорите: „баринъ"—да гдѣ они, эти баре? Покажите ихъ хоть бы у насъ въ уѣздѣ. Два-три, да и тѣ открещиваются отъ этого названія. А остальные—форменные кулаки... Для нихъ человѣческое достоинство—безсмысленное слово въ каждомъ, кромѣ ихъ самихъ. Нѣтъ, я васъ покорнѣйше и серьезно прошу—бариномъ меня не называть.

— Ну, хорошо, оставимъ это. Здѣсь мы не столкуемся. Хотите быть со мной откровенны?

— А что?

— Да я хочу съ вами поговорить о васъ. Чего вы тутъ дѣлаете? Хандрите? Положимъ, это понятно, но не вѣкъ же хандрить. Надо людей повидать, о будущемъ подумать. Что вы намѣрены предпринимать?

— Да такъ, я все не теряю надежды служить по земству.

— Чѣмъ?

— Да я мечтаю о членѣ управы.

— А цензъ будетъ?

— У меня гроши кое-какіе остались. Цензъ, думаю, удастся сколотить.

— Слушайте, голубчикъ, не удовлетворитъ васъ мѣсто члена управы. Вы—человѣкъ широкаго размаха. И занимать вамъ второстепенное, чисто хозяйственное мѣсто въ управѣ — нѣтъ, воля ваша, это не по васъ. Вѣдь вы захотите проводить идеи ваши? Не правда ли? Въ этомъ вы видите служеніе земству?

— Ну, конечно, не одни матеріалы считать...

— То-то вотъ и есть. А члену управы только и нужно. Все остальное—лишнее. Да, зная васъ и зная наше собраніе, я заранѣе скажу, что васъ не выберутъ... Вѣдь мало такъ вообще мечтать. Надо знать дѣло ближе. На эту несчастную тысячу рублей члена управы зарится нѣсколько человѣкъ. У каждаго изъ нихъ есть поддержка среди гласныхъ. Многіе вамъ положатъ налѣво за ваши убѣжденія. Да, наконецъ, простите меня, такъ пріятно будетъ лягнуть въ промотавшагося барина...

— Промотавшагося?..

— А то что бы вы думали? Станутъ разбирать что-ли, какъ,

почему и отчего вы разорились? Да почти всѣ вамъ завидовали, какъ владѣльцу Дубовки, а теперь они всѣ радуются вашему разоренію, и съ наслажденіемъ вамъ влѣпятъ черняка. Нѣтъ, голубчикъ, вѣрьте мнѣ. Насчетъ члена управы...

Новодубскій молчалъ и, опершись на локти, какъ будто смотрѣлъ въ даль, хотя передъ нимъ былъ шкафъ.

— Даже не въ члены управы!—какъ бы про себя сказалъ онъ.

— Вотъ вы какой! „Даже не въ члены управы"! Да, не въ члены управы, а можетъ быть въ сто разъ выше! Идите на государственную службу. Не нужно быть пророкомъ, чтобы вамъ предсказать блестящую карьеру. А вы—„даже не въ члены управы". Ищите выше, говорятъ вамъ, а здѣсь своихъ довольно...

— Вы знаете, что я не пойду на государственную службу ни въ какомъ случаѣ. Вѣдь я вамъ говорилъ это тысячу разъ...

— Да то была Дубовка, а теперь ея нѣтъ.

— Дубовка тутъ ни при чемъ. Я служить не могу, а потому и не хочу. Когда служишь, надо часто молчать, когда долгъ велитъ говорить, и, что еще хуже, говорить, когда хочешь молчать. Приходится дѣлать вещи, которыя считаешь дурными, идти противъ своихъ убѣжденій, лицемѣрить, ухаживать, подличать... Нѣтъ, я служить не буду...

— Ну, чего жъ вы хотите? Ищите частной службы, въ такомъ случаѣ.

— Вотъ, посмотрю.

— Впрочемъ, я насчетъ земства говорю вамъ лишь свое мнѣніе, а тамъ, можетъ быть, васъ и выберутъ... Да вотъ что: съѣздимъ сейчасъ къ Чебуровымъ. Мнѣ давно къ нимъ надо. Поѣдемъ же вмѣстѣ.

Григорій Аполлоновичъ всталъ, посмотрѣлъ въ окно, какъ бы ища чего-то; потомъ опять сѣлъ и неувѣреннымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Видите, я поѣхалъ бы къ Чебуровымъ съ наслажденіемъ. Они—прелестные люди, но мнѣ сейчасъ некогда... мнѣ идти...

— Ну, такъ я здѣсь переночую и заѣду за вами завтра утромъ. Хорошо?

— Не знаю, буду ли завтра свободенъ...

— Ну, послѣ-завтра...

— Николай Васильевичъ, что вы теперь взялись меня въ свѣтъ вывозить? Ну, прежде, куда ни шло! Имѣло бы нѣкоторый смыслъ мнѣ дѣлать визиты Чебуровымъ, Стононову, Луго-

щинскимъ. Но теперь, когда я даже земли не имѣю, чего мнѣ развозить по нимъ печальную фигуру разорившагося помѣщика?

— А сейчасъ хотѣли баллотироваться въ члены управы?.. Да дѣло не въ томъ. Я уже слышалъ, что вы никуда не выходите, дичитесь людей, какъ бы совѣстясь, что вы разорились. Ну, скажите на милость, чего тутъ совѣститься? Совѣститься надо дѣлать зло... и только. Всѣ знаютъ, что разорились вы не по своей винѣ... Такъ чего же совѣститься? Бросьте эти пустяки и поѣдемте. Я затѣмъ, главнымъ образомъ, и пріѣхалъ, чтобы васъ растрясти...

На другой день они были у Чебурова. Затѣмъ, „кстати", Градовъ отвезъ Григорія Аполлоновича и къ Лугощинскому, хотя жилъ онъ на другомъ концѣ уѣзда.

Только было-началъ Новодубскій свои выѣзды, и сталъ менѣе мрачно смотрѣть на свое будущее, какъ его постигло совершенно неожиданное горе: Настя серьезно заболѣла тифомъ. Пришлось, волей-неволей, прекратить выѣзды. Надо было Новодубскому самому заняться уходомъ за больной. Комнатка Насти оказалась неудобной для леченія. Надо было взять новую квартиру, гдѣ можно было бы сдѣлать ванну, помѣстить сидѣлку, прислугу—словомъ, незамѣтно, благодаря тифу, Настя перешла на положеніе оффиціальной содержанки Новодубскаго. Ему же самому приходилось еще больше прежняго встрѣчаться съ чувствомъ неловкости, когда поневолѣ приходилось открывать свой секретъ бо̀льшему кругу лицъ. Секретъ переставалъ быть секретомъ.

Никакой трудъ не давался Новодубскому. Онъ пробовалъ читать, но не могъ. Его мучила забота о здоровьи Насти. Когда ей бывало хуже, онъ себя спрашивалъ:

„А ну, какъ она умретъ,—что тогда"?

И невольно приходила мысль, что этимъ рѣшенъ бы былъ весь вопросъ. И стыдиться ему будетъ нечего, и отношенія съ матерью возстановятся. Но эту мысль онъ отгонялъ.

„А развѣ я не отвѣтственъ за нее? Не трогай я ее, она бы была въ деревнѣ и теперь, и не заболѣла бы тифомъ".

Онъ сознавалъ, что это чувство облегченія отъ ея смерти было бы чувствомъ въ послѣдней степени эгоистичнымъ. Онъ его отгонялъ. Къ тому же, онъ не могъ не понять, что, теряя Настю, онъ потерялъ бы самое преданное ему существо на свѣтѣ.

„Какой я, однакожъ, негодяй! Чѣмъ быть ей благодарнымъ за ея любовь, за ея преданность,—я учитываю выгоды для себя ея смерти"!

И онъ усиливалъ свои заботы о ней, убѣждая себя, что, содѣйствуя ея выздоровленію, онъ не только исполнитъ свой долгъ, но и найдетъ свое счастье.

Анализировалъ онъ и свое чувство стыда. Каждый разъ, какъ ему съ кѣмъ-нибудь, съ докторомъ, сидѣлкой, домохозяиномъ или любымъ работникомъ приходилось о ней говорить, онъ краснѣлъ.

И онъ невольно вспоминалъ, что братъ его, Дмитрій, да и вся золотая молодежь Петербурга и Парижа не только не совѣстятся имѣть связи, но склонны ихъ афишировать; при чемъ имъ безразлично, съ кѣмъ бы эта связь у нихъ ни была,—съ модной ли актрисой буффа, или съ великосвѣтской дамой при живомъ мужѣ, или съ молоденькой бѣлошвейкой-подросткомъ, которую они стараются какъ можно скорѣе превратить въ кокотку.

„Странная вещь: они хвалятся своими связями, а я стыжусь своей! И притомъ, моя мать, конечно не одобряя ихъ поведенія, смотритъ на него сквозь пальцы, а мое жестоко осуждаетъ. Дѣло, очевидно, не въ связи, не въ нарушеніи седьмой заповѣди".

Думалъ онъ и о провинціальномъ мірѣ, съ которымъ ему пришлось познакомиться. Тутъ тоже помѣщики жили развратно, хвалились отбитыми у мужей женами, совращенными дѣвушками, брошенными съ сторублевой наградой, какъ только вздумали забеременѣть. Допускался и тутъ гораздо худшій развратъ. И все это служило темой для разговоровъ за бутылкой вина съ пріятелями. Все это дѣлалось открыто и не порицалось особенно ни крестьянами, ни дворянами, ни средними классами населенія. А онъ стыдился Насти!

„Нѣтъ, дѣло, очевидно, не въ развратѣ,—думалъ онъ.—Въ чемъ же дѣло"?

И вспоминалъ онъ, когда, на первомъ курсѣ университета, сошелся довольно близко съ товарищемъ старшаго курса, княземъ Юрусовымъ, слово его при разговорѣ о женщинахъ.

— Главное, другъ мой, избѣгай collage'a.

И онъ старался перевести на русскій языкъ это слово.

„Collage... collage... какъ бы это по-русски? Склеиваніе, слѣпленіе... словомъ, прочная связь, не мимолетная... Слѣпленіе! Вотъ гдѣ опасность. Влюбляйся, дѣлай женщинъ несчастными, дѣтей безъ отца и имени, но не слѣпляйся!.. Другими словами, связь пусть будетъ мимолетная, но не прочная! Такова ихъ мораль и на верхахъ, и на низахъ общества. А я вотъ связался

съ Настей прочно, слѣпился! И вотъ мнѣ стыдно. Да слѣпился-то я по-мѣщански какъ-то.

„Что же? жениться мнѣ на ней"? Но и эту мысль онъ откинулъ. И тутъ предстали передъ нимъ теоріи брака, распространенныя въ людяхъ.

„Есть бракъ хорошій и бракъ дурной. Это будетъ дурной бракъ—mésalliance". И онъ сталъ опять переводить это слово, и соотвѣтствующаго по-русски не нашелъ. Mésalliance значитъ mauvaise alliance—дурной союзъ, дурной бракъ. И дурнымъ сочтутъ его всѣ.

Дворяне скажутъ: дворянинъ, да еще шестой книги, долженъ жениться на дворянкѣ. Даже бракъ на купчихѣ, на поповнѣ, не-интеллигенткѣ—mésalliance. А Настя—пуа! Босоножка... жениться на босоножкѣ, которой цѣна сто рублей! Это—mésalliance, да еще такая, что только сумасшедшій можетъ себя до нея унизить!

Купцы, банкиры, капиталисты скажутъ: „И дуракъ же этотъ человѣкъ! Самъ разорился, и могъ бы дѣла свои поправить женитьбой на богатой. За него бы нашлось много охотницъ пойти. Старинный дворянинъ, имя хорошее, связи—и вдругъ женится на работницѣ! Э!.. да чего и ждать отъ нынѣшнихъ дворянъ"!

Броситъ въ него камень и иной интеллигентъ: „Человѣкъ считаетъ себя передовымъ—и женится Богъ знаетъ на комъ! Вѣдь хоть и я сынъ крестьянина, но уже вышелъ изъ этой среды. А тутъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ женится на малограмотной. Что онъ въ ней найдетъ? Да моя жена кончила курсъ въ гимназіи. Съ ней и знакомиться-то будетъ неловко. А еще хотѣлъ Новодубскій быть интеллигентомъ. Нѣтъ, видно, дворянству суждено опускаться все ниже и ниже"!

Не похвалитъ его и крестьянинъ: „Баринъ, а женился на нашей же мужичкѣ! Отецъ ея дрова таскалъ, сама коровъ доила, и вдругъ на ней женится; нѣчто это барское дѣло? Баринъ былъ, говорятъ, хорошій, а это ужъ очень онъ что-то чудно сдѣлалъ. Вотъ братъ его, говорятъ, баринъ настоящій"!

„А главное: что скажетъ моя бѣдная мать? Она съ ума сойдетъ. Мечтала о посольствѣ для меня—и вдругъ имѣть Настю своей belle-fille! Это для нея будетъ въ десять разъ хуже, чѣмъ теперешнее положеніе. И имѣю ли я право нанести ей этотъ ударъ? Конечно, нѣтъ. Надо будетъ какъ-нибудь устроиться иначе".

А какъ? Выхода онъ никакого не находилъ. Ему рисовалась картина, когда у Насти будетъ ребенокъ. По батюшкѣ онъ бу-

детъ не Григорьевичъ, а Ивановичъ или Петровичъ, глядя по тому, кто будетъ его крестный отецъ. Фамилія будетъ выдуманная,—какой-нибудь Трифоновъ. И будетъ онъ всю жизнь безъ отца; а можетъ, къ двадцати годамъ начнетъ презирать за это свою мать. И ничего-то въ будущемъ все это не сулитъ бѣдной Настѣ, кромѣ безъисходнаго горя. А если онъ, Новодубскій, умретъ—вѣдь все нужно предвидѣть—что будетъ съ Настей и ея ребенкомъ? А можетъ быть, еще будутъ дѣти? Онъ-то ее не броситъ, пока живъ,—это было твердо рѣшено. Но предвидѣть надо все.

И опять напрашивалась мысль о бракѣ. И опять онъ ее отгонялъ; и такъ проходили дни за днями...

Разъ утромъ—онъ только-что всю ночь просидѣлъ у больной Насти, которая, не переставая, бредила, — ему принесли телеграмму отъ матери. Она увѣдомляла его, что ея братъ, Леонидъ Владиміровичъ Пашинъ, скоропостижно умеръ въ Парижѣ, и что она выѣзжаетъ за тѣломъ, которое будетъ похоронено въ московскомъ Донскомъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ всѣхъ Пашиныхъ.

Особаго впечатлѣнія эта смерть на Григорія Аполлоновича не произвела. Онъ видѣлъ дядю только въ дѣтствѣ, когда былъ въ Парижѣ, и сохранилъ о немъ память, какъ о веселомъ старикѣ. Больше—ничего. Ни переписки, ни дальнѣйшихъ свиданій у нихъ не было. Ѣхать въ Парижъ ему было незачѣмъ, да и Настю онъ никогда бы не оставилъ въ такомъ положеніи. Онъ разсчиталъ, что въ Москву тѣло раньше десяти дней не прибудетъ, и надѣялся, что къ тому времени произойдетъ у Насти переломъ болѣзни, и что ему можно будетъ пріѣхать въ Москву къ самому погребенію. Это онъ считалъ нужнымъ по отношенію къ матери.

Теперь же онъ ограничился телеграммой соболѣзнованія матери. Хотя она съ братомъ видѣлась рѣдко, но онъ зналъ, что она сохраняла къ нему всегда хорошія отношенія.

Тифъ, который пришлось перенести Настѣ, былъ очень тяжелый. Нѣсколько дней подъ-рядъ она бредила, причемъ часто, въ бреду, говорила съ Григоріемъ Аполлоновичемъ. Это еще больше вводило постороннихъ людей въ ихъ секретъ. Докторъ, къ которому обратился Новодубскій, былъ вольнопрактикующимъ. Сначала поселился онъ въ ихъ уѣздномъ городѣ не по своей волѣ. Онъ кончилъ курсъ за границей, сдалъ въ Россіи экзаменъ на лекаря и немедленно долженъ былъ перенести свою дѣятельность въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ губерній. Вскорѣ его участь была смягчена, и ему позволили жить въ губерніи,

гдѣ была Дубовка. Тутъ онъ сдѣлался необыкновенно популяренъ. Сначала встрѣченный съ недовѣріемъ, какъ еврей, онъ мало-по-малу заслужилъ такую любовь населенія, что бывшій предсѣдатель управы, несмотря на свой антисемитизмъ, долженъ былъ предложить ему мѣсто земскаго врача въ городской больницѣ, которое, сверхъ ожиданій, онъ и занялъ. Онъ весь отдался своему дѣлу. То въ больницѣ, то на безплатномъ амбулаторномъ пріемѣ, онъ запустилъ совсѣмъ частную практику. Мѣстные помѣщики, да и городскіе жители, кто посостоятельнѣе, естественно, его не взлюбили. Не взлюбили его и за крайнюю его рѣзкость, причемъ эта рѣзкость у него въ особенности проявлялась съ людьми болѣе состоятельными и сильными. Очень добрый съ бѣдными и готовый цѣлую ночь провозиться съ серьезнымъ больнымъ, не только ничего не получая за это, но даже помогая ему, чѣмъ могъ, на леченіе, онъ не любилъ, чтобы богатые ему не платили. Онъ имъ часто отказывалъ въ леченіи, за неимѣніемъ времени, но разъ поѣхалъ—любилъ, чтобы ему платили хорошо. На этой почвѣ у него вышелъ конфликтъ съ новымъ предсѣдателемъ управы. Человѣкъ небѣдный, но очень скупой, онъ пригласилъ его разъ къ больной дочери, въ деревню, верстъ за двадцать. Докторъ было отказывался, но, затѣмъ, поѣхалъ и потерялъ полдня, такъ какъ дочь предсѣдателя оказалась больной не серьезно. За визитъ онъ получилъ по пріѣздѣ, въ конвертѣ, три рубля. Эти три рубля онъ запечаталъ въ такой же конвертъ, съ надписью: „Докторъ Осипъ Тимоѳеевичъ Шейнъ лечитъ бѣдныхъ даромъ“.

Этого предсѣдатель управы ему никогда не простилъ.

Къ земскому собранію Шейнъ предъявилъ разныя требованія для больницы. Требованія уважены собраніемъ не были; да и управа ихъ не поддерживала—годъ былъ плохой. Шейнъ рѣшился переждать, но на слѣдующій годъ повторилъ свои требованія, убѣдительно доказавъ, что это необходимо. Частнымъ образомъ онъ заявилъ гласнымъ, что безъ этого не считаетъ возможнымъ оставаться. Предсѣдатель—это было уже послѣ исторіи съ карточкой и тремя рублями—молчалъ въ собраніи, причемъ большинство гласныхъ изъ этого вывели заключеніе, что хотя управа въ своемъ докладѣ и поддерживаетъ требованія доктора, но, вѣроятно, изъ одной вѣжливости къ нему, а не по убѣжденію, что это дѣйствительно все необходимо. Словомъ, собраніе Шейновскія требованія отвергло, и Шейнъ ушелъ.

Къ нему и обратился Новодубскій, когда Настя заболѣла. По неволѣ пришлось ввести и его въ ихъ семейный секретъ.

Сразу, говоря съ Новодубскимъ про Настю, онъ сталъ называть ее не иначе, какъ „ваша жена"; первый разъ, какъ Новодубскій это услыхалъ, это совпало съ его мыслями, немедленно имъ же отвергнутыми, о возможности жениться на Настѣ.

— „Ваша жена"... Странно, почему онъ ее такъ называетъ?— подумалъ онъ.—Это даже нѣсколько нескромно.

Бывалъ докторъ часто и, когда находилъ нужнымъ, оставался подолгу. Видно было, что онъ работаетъ отъ души. Повидимому, и Новодубскій произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. Иногда онъ засиживался у нихъ или у постели больной, или вдвоемъ съ Новодубскимъ, въ сосѣдней комнатѣ. Разговаривали они о всевозможныхъ общественныхъ вопросахъ. Политика всегда наиболѣе привлекала Новодубскаго, причемъ подъ политикой онъ подразумѣвалъ не узкую политику дипломатовъ, а соціальное положеніе всего человѣчества и, въ частности, Россіи, которую онъ горячо любилъ. Докторъ тоже былъ страстный политикъ, шагъ впередъ на пути прогресса, хотя бы въ Новой-Зеландіи, приводилъ его въ хорошее настроеніе. Шагъ назадъ, наоборотъ, дѣлалъ его скучнымъ. Онъ тоже любилъ отечество, и на предложеніе переселиться въ Америку отвѣтилъ громкимъ хохотомъ.

— Видѣть лучъ свѣта на Руси и потомъ умереть! — говорилъ онъ, перефразируя извѣстную поговорку о Неаполѣ.

Россію и русскихъ онъ любилъ и совершенно искренно себя считалъ вполнѣ русскимъ, хотя никогда не скрывалъ своего еврейства и скорбѣлъ о несчастіяхъ, постигающихъ его единоплеменниковъ.

И вотъ, когда у доктора бывало свободное время, онъ засиживался за разговоромъ съ Новодубскимъ. Въ Новодубскомъ ему нравилась большая откровенность и широкій полетъ мысли, не останавливавшейся передъ препонами, въ большомъ числѣ искусственно нагроможденными на каждомъ шагу жизненнаго пути человѣка, особенно родившагося въ аристократическомъ кругу. Докторъ былъ выше предразсудковъ, и это сознаніе заставляло его гордиться. Выше предразсудковъ былъ и Новодубскій, но считалъ нужнымъ это скрывать. Онъ еще не совсѣмъ рѣшался порвать со старыми традиціями и обычаями, хотя начиналъ сознавать всю ихъ нелѣпость.

Говорилъ онъ съ докторомъ о своемъ положеніи, о потерѣ Дубовки и о томъ, что будетъ вынужденъ искать работы. Но о Настѣ, кромѣ какъ по вопросу о здоровьи, разговора не было. Разъ только докторъ сказалъ ему:

— Вотъ, выздоровѣетъ ваша жена, вы пожалуйста съ ней

ко мнѣ пріѣзжайте. И моя жена будетъ очень рада съ ней познакомиться. А то она, небось, все одна. Ей, должно быть, очень скучно, бѣдняжкѣ.

Больше ничего. Долго эту фразу обдумывалъ Новодубскій. „Ваша жена", приглашеніе къ себѣ—все это было для него ново...

XXI.

Разъ, утромъ рано, въ спальню къ Новодубскому вошелъ Градовъ и нашелъ его еще въ постели.

— Пора, пора, Григорій Аполлоновичъ, — сказалъ онъ, входя.—Я нѣсколько разъ уже былъ у васъ эти дни, и все не застаю...

— Ахъ, я не зналъ... Мнѣ не говорили...

— Ну, да это все равно. Вы все заняты внѣ дома... Ну, да Богъ съ вами; это—дѣло ваше. Что хорошенькаго? Я, было, опять думалъ васъ забрать и ѣхать къ кому-нибудь.

— Нѣтъ, извините. Теперь я никакъ не могу.

— Я такъ и думалъ. Но Богъ съ ними, съ поѣздками, коли не можете!.. Какъ вы сами, бодритесь или все видите въ черномъ?

— Бодрюсь, бодрюсь, — машинально отвѣтилъ Новодубскій, начиная одѣваться.—Вы позволите?

— Чего тутъ спрашивать? Одѣвайтесь скорѣе. А что бодритесь—это хорошо... Да я, батенька, къ вамъ по дѣлу: хотите имѣньице купить?

— Имѣнье?

— Да, недалеко отъ меня продается пустопорожняя земля Сафонова,—слышали—прасола? На большой дорогѣ. Какъ разъ—съ небольшимъ земскій цензъ.

И Градовъ началъ описывать этотъ участокъ и объяснять, какъ выгодно можно его купить, притомъ затрачивая лишь немного денегъ.

Новодубскій молчалъ и пересталъ одѣваться; онъ слушалъ жадно.

— Да, послѣ Дубовки—такое имѣніе! — какъ бы про себя проговорилъ онъ.—Да и хозяйничать тамъ нельзя. Пустопорожнее мѣсто!

Онъ забылъ, что раздѣтъ, и началъ ходить по комнатѣ, шлепая туфлями.

— Я вамъ и не предлагаю имѣнія для хозяйства. Это не что иное, какъ цензъ. Вы вѣдь все про земство говорите. А

это цензъ: капиталъ нужно небольшой; проценты въ видѣ аренды вы всегда получите хорошіе. И при томъ можно всегда перепродать. Случай такой вышелъ, что Сафонову нужны деньги сейчасъ. А черезъ три мѣсяца онъ, можетъ быть, самъ готовъ будетъ вернуть себѣ эту землю... Да одѣвайтесь скорѣе и велите Никитѣ сдѣлать кофе. Онъ мастерски его варитъ.

Новодубскій медленно сталъ одѣваться, позвалъ Никиту и велѣлъ сдѣлать кофе.

— Простите меня, — сказалъ онъ, — я задумался, самъ не знаю, о чемъ. Конечно, я куплю эту землю. Очень вамъ благодаренъ. Ну, а что—въ земскомъ собраніи по новому цензу я могу участвовать?

— Конечно, можете!.. Да что вы какой-то задумчивый сегодня? А еще говорите, что бодритесь. А мнѣ Шейнъ говорилъ, что вы далеко не бодры.

„Какъ? — промелькнуло въ умѣ Новодубскаго: — Шейнъ съ нимъ говорилъ про меня; значитъ, и про Настю“?

— Я ничего...—отвѣтилъ онъ послѣ паузы. — Все дѣла... Правда, я какъ-то самъ не свой хожу.

— То-то вотъ и есть. Хоть бы ко мнѣ заѣхали. Впрочемъ, вамъ все некогда.

Градовъ смотрѣлъ, говоря это, Новодубскому въ глаза. Григорій Аполлоновичъ не отвѣчалъ, разливая кофе, только-что поданный Никитой.

„Очевидно, онъ намекаетъ на Настю,—думалъ онъ;—да не поговорить ли мнѣ съ нимъ о ней? Онъ вѣдь хорошій человѣкъ“. И онъ взглянулъ на Градова. Тотъ смотрѣлъ на него ласково, какъ будто сожалѣя о немъ и вызывая на откровенность. Если и были у Новодубскаго сомнѣнія, то взглядъ этотъ разсѣялъ ихъ, и онъ заговорилъ:

— Знаете что, Николай Васильевичъ? Не знаю, понравится ли вамъ, но я хочу поговорить съ вами о моихъ личныхъ дѣлахъ. Я одинъ, посовѣтоваться не съ кѣмъ, и самый близкій мнѣ человѣкъ—вы. Не будетъ по-вашему нескромно съ моей стороны вамъ надоѣдать разсказами, которые не очень-то васъ заинтересуютъ?

— Послушайте, дорогой Григорій Аполлоновичъ, не говорите пустяковъ!—и Градовъ взялъ его за руку.—Вѣдь вы видите: я чуть не напрашивался на этотъ интимный разговоръ. Вижу я, что вы одиноки, знаю—и давно знаю, — что у васъ забота, которой вамъ не съ кѣмъ подѣлиться. Все это знаю... и радъ былъ бы въ чемъ-либо васъ облегчить.

Все это Градовъ сказалъ быстро, какъ бы стараясь скорѣе успокоить своего собесѣдника. Новодубскій собрался съ духомъ и началъ ему разсказывать исторію своей связи съ Настей. Онъ касался ея со всѣхъ сторонъ и не скрылъ отношенія къ ней матери.

— Ну вотъ,—кончилъ онъ,—судите сами. Положеніе такое: она беременна, и черезъ два-три мѣсяца у меня будетъ незаконный ребенокъ; а вы знаете, что̀ это за горькая доля. Съ другой стороны, у меня мать, которая никогда и ни за что не согласится на мой бракъ съ Настей. Вотъ вамъ положеніе. Вникните, голубчикъ, и посовѣтуйте, что̀ дѣлать. Жениться — и разойтись, можетъ быть, на вѣкъ съ матерью, или оказаться подлецомъ по отношенію къ будущему ребенку, да и по отношенію къ Настѣ. Бросить я, конечно, ее не брошу, но и не женившись на ней и не давъ своего имени ея ребенку, я тѣмъ самымъ ее жестоко оскорбляю. Подумайте, голубчикъ, какъ быть. Вѣдь дилемма дѣйствительно ужасная. Съ другой стороны, подумайте и о возможномъ бракѣ, подумайте о разницѣ въ нашемъ положеніи, въ нашемъ кругозорѣ, въ нашемъ образованіи. И вникните во все это. А?.. Правда, положеніе не легкое?

Градовъ, все время слушавшій своего пріятеля съ большимъ вниманіемъ и ни однимъ звукомъ его не перебивавшій, продолжалъ молчать и послѣ того, какъ Новодубскій кончилъ.

— Ну, что̀ же, Николай Васильевичъ, что̀ скажете?

— Что̀ сказать?..—Градовъ опять помолчалъ:— сказать-то можно многое, но надо сказать хорошо. А хорошо сказать мудрено... Конечно, не стоитъ говорить, что вы съ дѣвушкой поступили дурно, и что теперь платитесь за свои же грѣхи...

— Это я и самъ знаю...

— То-то и есть. Нечего рекриминировать. Ну, а насчетъ будущаго—совѣтъ не такъ легокъ. Съ одной стороны дѣвушка, да еще беременная, съ другой — мать, общество... Конечно, не легко... И больше вамъ скажу: опредѣленнаго совѣта, думаю, вамъ дать и нельзя... Тутъ дѣло субъективныхъ ощущеній. Вы лучше знаете чувствомъ свои отношенія къ дѣвушкѣ и къ вашей матери, чѣмъ другой. Тутъ милліонъ оттѣнковъ: какъ вы къ нимъ относитесь, какъ они къ вамъ. Насколько кто отъ кого зависитъ матеріально, наконецъ,—и то имѣетъ большое значеніе, — вѣдь нѣтъ измѣрителя чувствъ любви, скорби, привычки и т. д. Поэтому и словами точно опредѣлить интенсивность этихъ чувствъ нельзя... А разъ вы не можете точно передать мнѣ, что̀ вы чувствуете, ясно, что и я не могу дать вамъ опредѣленный совѣтъ.

— Такъ-то такъ; но это, признаться, хоть и вѣрно все, что вы говорите, меня не очень подвинуло впередъ въ моихъ сомнѣніяхъ... Да, я васъ понимаю... дѣло мудреное!..

— Да еще какъ мудреное-то!.. Я, голубчикъ, и не вызывался вамъ дать опредѣленный совѣтъ; я думалъ, что вамъ дорого слово сочувствія. Тяжело все держать на душѣ, когда не съ кѣмъ посовѣтоваться и раздѣлить свое горе.

— Да я и не требую опредѣленнаго совѣта...

— Впрочемъ,—послушайте,—думаю, что формулировать, что мнѣ приходитъ на умъ, можно такъ: поступите по совѣсти!.. Это будетъ безусловно вѣрный совѣтъ, и въ этомъ кроется причина, почему другого, болѣе опредѣленнаго, никто дать не можетъ. Совѣсть ваша—вамъ и рѣшать вопросъ. Дѣло слишкомъ субъективно, чтобы со стороны можно было рѣшить.

— По совѣсти... да... легко сказать: по совѣсти... А какъ совѣсть и туда, и сюда тянетъ... Есть вѣдь еще и разумъ.

— Это вы насчетъ чего? насчетъ разницы положенія и образованія?

— Хоть бы и такъ.

— Ну, такъ позвольте, господинъ радикалъ, вамъ на это отвѣтить вотъ какъ: когда мы говоримъ о долгѣ и о совѣсти, то вопросъ практическій отпадаетъ...

Оба молчали.

— Да, признаться, меня удивляетъ, что такія истины приходится говорить мнѣ, отсталому консерватору, вамъ. Какъ бы ни страшны были практическія неудобства такого или иного нашего дѣйствія, всѣ они отпадаютъ, если долгъ велитъ что-нибудь дѣлать. По-нашему такъ! А по-вашему?

— Да и по-нашему такъ!.. Главнаго-то вы мнѣ не сказали: долгъ-то гдѣ? Если бы я видѣлъ прямой долгъ въ томъ или другомъ, я, вѣроятно, и не сталъ бы говорить о постороннихъ соображеніяхъ. Въ томъ-то и дѣло, что я никакъ не могу рѣшить, гдѣ долгъ мой. Поневолѣ приходится все взвѣшивать.

— Не думаю! Всѣ эти постороннія соображенія никакой роли тутъ играть не должны. А если вы не знаете, куда васъ зоветъ долгъ, обдумайте лучше положеніе, или скорѣе анализируйте глубже свои чувства, совѣтуйтесь съ совѣстью—и найдете рѣшеніе. Только внѣшнія блага не примѣшивайте къ этому. Опять повторяю: я отъ васъ этого не ожидалъ. Можно соглашаться и не соглашаться съ Толстовскимъ Нехлюдовымъ, но онъ не колебался, когда призналъ своимъ долгомъ жениться на Катюшѣ. Ни тюрьма, ни каторга—ничто его не удержало... Я,

повторяю, лично съ нимъ не согласенъ, но для васъ говорить о матеріальныхъ неудобствахъ, когда дѣло идетъ о долгѣ... признаюсь...

Новодубскій ходилъ по комнатѣ, а Градовъ полулежалъ на диванѣ. Новодубскій остановился передъ окномъ и, не смотря на Градова, перебилъ его:

— Да, вы правы, и мнѣ кажется, что я вижу, какъ этотъ вопросъ надо рѣшить...

— Подождите, не торопитесь. Дайте себѣ время и пообдумать, и еще все хорошенько перечувствовать. Совѣсть сама закричитъ... Ну, до свиданья!—Градовъ посмотрѣлъ на часы.—Ай, ай, ай... Я опоздалъ; я назначилъ въ гостинницѣ rendez-vous Тростенскому. У него непріятности; Николаевъ на него, кажется, чуть ли доносъ не написалъ...

— Да погодите немного...

— Не могу! не могу!.. А вы насчетъ земли рѣшайтесь... не упускайте случая...

Разговоръ съ Градовымъ произвелъ на Новодубскаго большое впечатлѣніе. Зная его обычный образъ мыслей, онъ думалъ услыхать отъ него то, что часто выслушивалъ отъ матери,—что, обезпечивъ Настю и ея ребенка, онъ безусловно загладитъ свой грѣхъ, ибо она съ нѣсколькими стами рублей въ карманѣ будетъ еще очень завидная невѣста. Онъ слышалъ своими ушами отъ матери, что всякій Новодубскій, приблизивъ къ себѣ крестьянскую дѣвушку, ей дѣлаетъ честь, а не позоритъ ее. Онъ боялся услышать приблизительно то же отъ Градова.

Вышло совсѣмъ наоборотъ. Градовъ далъ ему такой совѣтъ, какого лучше и придумать трудно. Правда, онъ вопроса окончательно не разрѣшилъ, но путь къ его разрѣшенію указалъ, и притомъ единственно вѣрный. И вотъ онъ сталъ себя спрашивать, что говоритъ его совѣсть.

И странное дѣло,—ему теперь казалось, что совѣсть велитъ жениться на Настѣ. Всего нѣсколько дней назадъ онъ эту мысль откидывалъ, какъ дикую. А теперь ему казалось, что это-то и есть правильное рѣшеніе вопроса, и онъ удивлялся, что могъ думать когда-либо иначе.

„И правъ Градовъ! — думалъ онъ.—А я еще считаю себя передовымъ человѣкомъ, а такой простой истины не могу понять сразу, что долженъ чѣмъ угодно искупить свой грѣхъ передъ Настей. Никакихъ соціальныхъ различій тутъ быть не можетъ“...

При мысли, что онъ, передовой человѣкъ, останавливается

передъ соображеніями о соціальномъ неравенствѣ его и Насти (онъ—Новодубскій, она—крестьянка!), онъ даже плюнулъ.

„Нѣтъ, долго, видно, мнѣ надо будетъ поработать надъ собой и соскабливать съ молокомъ матери всосанныя понятія—прежде чѣмъ заслужить названіе передового"...

Но тутъ его что-то кольнуло. Мысль о матери и о томъ, какъ ее огорчитъ его женитьба, вдругъ перебила прежній ходъ мыслей.

...Нѣтъ, не такъ легко рѣшиться. Не даромъ Градовъ не далъ опредѣленнаго отвѣта. Совѣсть? Да, а вотъ теперь та же совѣсть, что велитъ жениться, не теряя минуты, на Настѣ, подсказываетъ другое,—что жениться на ней не слѣдуетъ, ибо этимъ онъ причинитъ страданія матери, можетъ быть бо̀льшія, чѣмъ онъ предполагаетъ.

Мысли его были прерваны телеграммой матери. Она извѣщала сына о днѣ похоронъ Пашина и звала его въ Москву. Выѣзжать ему надо было черезъ три дня.

Теперь онъ спѣшилъ къ Настѣ, ко времени пріѣзда доктора. Онъ какъ ни стремился въ Москву на похороны дяди, но оставить Настю въ опасности онъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы. Къ счастью его, вопросъ этотъ въ тотъ же день былъ разрѣшенъ. Температура упала — докторъ объявилъ, что былъ кризисъ, и что бояться нечего, если, конечно,—и на этомъ онъ настаивалъ—больная будетъ остерегаться простуды, а главное—невоздержности въ пищѣ. Рецидивъ же былъ бы очень опасенъ, въ особенности въ ея положеніи.

Глубокая волна радости охватила Новодубскаго, когда онъ подошелъ къ Настѣ поздравить ее съ выздоровленіемъ. Онъ понялъ, что у него къ ней не простое чувство жалости, часто слѣдующей за первымъ періодомъ чисто физической любви, но что она представляетъ для него великую цѣнность, ничѣмъ другимъ незамѣнимую.

Тутъ не было животной страсти — она прошла, — но было ощущеніе единства. Онъ понималъ, что̀ значитъ понятіе о мужѣ и женѣ, какъ двухъ половинахъ одного цѣлаго.

„Да, да!.. Мужа и жены! Развѣ не это чувство полнаго единства составляетъ весь внутренній смыслъ брака? Если Настя мнѣ не жена, то нѣтъ брака на свѣтѣ!.. Жена! жена!.. Вотъ она, совѣсть-то, какъ громко говоритъ"!

Пока эти мысли быстро проносились въ его головѣ, онъ сидѣлъ у постели больной и машинально гладилъ ее по головѣ. Когда ему показалось, что онъ окончательно рѣшилъ, что Настя

его жена передъ Богомъ и будетъ скоро его женой и передъ людьми,—онъ горячо ее поцѣловалъ. Она подумала, что это отъ радости, что она выздоровѣла.

— Вы рады, что мнѣ лучше?

— Какъ же не радъ, моя голубушка! Но теперь въ послѣдній разъ тебѣ говорю: чтобы я больше „вы“ не слыхалъ. Говори: „ты“! Слышишь? Иначе я разсержусь...

Голосъ доктора изъ сосѣдней комнаты прервалъ ихъ разговоръ:

— Григорій Аполлоновичъ, можно?

Новодубскій сконфузился.

— Конечно можно, докторъ!

— Ну, мое дѣло, значитъ, теперь здѣсь кончено. Я вамъ все сказалъ, и, надѣюсь, въ моихъ услугахъ вы больше нуждаться не будете! Такъ, значитъ, до свиданья. Съ вашей женой я, было, ужъ простился...

Настя, при словѣ „жена“, отвернула голову.

— А теперь надо ѣхать.—Онъ посмотрѣлъ на часы.—Можетъ быть, скоро увидимся.

— Вы развѣ такъ торопитесь?

— Нѣтъ, признаться, я не тороплюсь. Да вамъ, думаю, мѣшать буду съ женой говорить.

Настя отвернулась вся лицомъ къ стѣнѣ.

— Ну, если не спѣшите, такъ пойдемте чай пить. А съ Настей я успѣю наговориться. Согласны?

— Пожалуй. Я отъ чаю никогда почти не отказываюсь, если больные не ждутъ.

Новодубскому очень хотѣлось оставить доктора. Его состояніе было такое, что ему нужно было общество человѣка, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться своими чувствами. Рѣшенія своего жениться на Настѣ онъ никому еще не сообщалъ, даже Градову, котораго, онъ зналъ, уже не было въ городѣ. Настѣ онъ еще боялся сообщить такое важное рѣшеніе въ виду ея слабости. Докторъ былъ самый подходящій человѣкъ, къ тому же онъ былъ подъ рукой. За чаемъ разговоръ шелъ о политикѣ и объ уѣздныхъ дѣлахъ. Говорилъ больше докторъ; Новодубскій былъ погруженъ въ свои мысли. Когда горничная унесла самоваръ, онъ перебилъ доктора:

— Слушайте, докторъ, я вамъ одну вещь сказать хочу... Знаете? Я жениться собираюсь.

— На Настасьѣ Петровнѣ?

— Да, на ней.

— Такъ что же тутъ удивительнаго? Неужели вы только теперь рѣшились на это?

— А!.. Вы такъ смотрите на это?.. Я очень радъ...

— Да какъ же иначе смотрѣть? Я ничего не понимаю. Простите меня, что я сдѣлаю такое предположеніе, но я ни минуты не допускалъ и мысли, что вы способны соблазнить молодую дѣвушку и бросить ее, когда она забеременѣетъ.

— Ну, бросить, конечно, я и не думалъ и до беременности, тѣмъ болѣе теперь, но, признаюсь, я не сразу рѣшился жениться. Вѣдь это сдѣлалось не безъ внутренней борьбы. А предстоитъ борьба еще болѣе тяжелая съ родными, съ матерью, которая слышать не захочетъ про этотъ бракъ.

— Это все, батюшка, по-нашему, не соображенія. Мы, повидимому, разно смотримъ на бракъ. Да гдѣ вамъ, аристократишкамъ,—какъ вы ни прикидывайтесь либераломъ или даже радикаломъ, а аристократическими замашками и привычками вы пропитаны насквозь до мозга костей, — гдѣ вамъ ваши теоріи примѣнить къ своей собственной персонѣ! А почему это вы, скажите пожалуйста, должны были бороться сами съ собой, чтобы придти къ простому заключенію, что если сдѣлалъ ребенка, то женись на матери?

— Странно вы говорите. Вѣдь какъ ни какъ—разница положенія, да и образованія—не маленькая. Затѣмъ, какъ ни презирай современное общество, поневолѣ приходится съ нимъ считаться. Вѣдь люди общества не захотятъ знать малограмотную жену мою.

— Хороши вы всѣ въ теоріи: и равенство, и свобода любви, и такъ далѣе... а коснись лично васъ, такъ и скажется аристократишка... Подумайте, что вы говорите... Народникъ—и обращаетъ вниманіе на полдюжину дураковъ, которые его будутъ презирать за исполненный долгъ!.. Нѣтъ, какой вы народникъ!

Докторъ взаправду разсердился и всталъ.

— Докторъ, докторъ, голубчикъ, что вы разсердились? Послушайте!..—говорилъ Новодубскій.

— Нашъ братъ не привыкъ такія теоріи слушать... Меня съ моей женой сослали въ разныя мѣста, такъ какъ мы были тогда повѣнчаны гражданскимъ бракомъ. „Такого мы не знаемъ“! объявили намъ, и отказали и ей, и мнѣ сослать насъ въ одно мѣсто. Что дѣлать? Смерть не хочется кружиться, а дѣлать нечего. Не расходиться же намъ изъ-за ихъ прекрасныхъ глазъ. И поженились. Тутъ я уже сталъ требовать свою жену къ себѣ въ Якутку. И мы тамъ пожили, тамъ и дѣтей народили... Значитъ, изволите видѣть, и безъ дѣтей иногда приходится... позволено, такъ

сказать, нашему брату подчиняться принятымъ формамъ... Иначе, батенька, нельзя... съ волками жить—по волчьи выть... Ну, а конечно такой же случай—беременность. Знаешь, чувствуешь, что безобразіе одно, что нелѣпо презирать дѣтей за то, что они незаконныя, или, какъ говорятъ теперь, внѣбрачныя—но что̀ же подѣлаешь, коли эти нелѣпости существуютъ?.. и что даже люди, какъ вы, находите, что нужно много силы, чтобы бороться съ ними.

— Виноватъ, я про другое говорилъ...

— Знаю, знаю... Все равно, это все къ одной категоріи относится. Такъ вотъ, изволите видѣть, и сторонникъ свободной любви долженъ считаться съ фактами... Противъ рожна не пойдешь... Какъ забеременѣла—хоть тресни, а женись!

— Такъ, такъ... вѣрно вы все это говорите.

— То-то и есть, что вѣрно. А насчетъ вашихъ отношеній къ Настасьѣ Петровнѣ я вамъ больше скажу. На ней вамъ бы давно слѣдовало жениться... и безъ беременности... И вотъ почему: если оба стоятъ на той степени культуры, что могутъ наплевать на мірскіе толки, то—хороша свободная любовь. Такіе люди на пересуды массы вниманія не обращаютъ и живутъ въ такомъ кругу, гдѣ на вещи смотрятъ какъ мы съ вами—виноватъ, вы иначе смотрите...

— Эхъ, докторъ, вы не можете безъ колкостей! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ...

— Ну, это къ слову было сказано... Что̀, бишь, я говорилъ?.. Да, свободная любовь... хороша, когда обѣ стороны ее понимаютъ одинаково. Другое дѣло—Настасья Петровна... Ея кругозоръ у̀же вашего. Для нея, очевидно, въ особенности въ ея кругу,—а ея кругъ для нея такъ же важенъ, какъ для васъ ваши бары,—не могла не считаться пятномъ для ея чести — ея связь съ вами. Чувствуя это, она не могла не тяготиться своимъ положеніемъ. Вѣдь такъ было?

— Такъ!

— Такъ неужели вамъ въ голову не пришло раньше, что когда вы заставляете женщину страдать изъ-за любви къ вамъ, вы поступаете дурно? Или вы думали, что можно и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти; или нѣтъ... не такъ... и невинности лишить, и свободу сохранить?.. Разсчитывали на время... что, молъ, все это перемелется—мука будетъ,—да?

— Ну да, пожалуй! Хоть и стыдно признаваться, но все это похоже на дѣйствительность.

Вообще, Новодубскій начиналъ чувствовать себя все болѣе и болѣе неловко при испытующемъ и рѣзкомъ разговорѣ Шейна.

Сначала онъ на него смотрѣлъ прямо и не смутился, когда докторъ, было, разсердился и чуть не ушелъ. „Странное дѣло,— думалъ онъ,—чего онъ сердится? Я говорю, что̀ думаю; можно ли сердиться за правду?“—Но когда докторъ перешелъ къ его отношеніямъ къ Настѣ, онъ пересталъ смотрѣть ему прямо въ глаза.— „А вѣдь правда, что я поступалъ какъ свинья! Я положительно, ее сдѣлалъ несчастной“. Онъ недоволенъ былъ рѣзкостью доктора, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ его правоту и пользу для себя отъ этого разговора.

— То-то вотъ и есть, — продолжалъ докторъ — что вы въ вашемъ обществѣ не привыкли обращать вниманіе на то, что̀ дѣлается съ вашими жертвами. Что̀ мнѣ отъ этого будетъ? Какъ на мнѣ связь отзовется? Какъ бы ее разорвать? Вотъ вопросы, которые вы себѣ предлагаете. А что̀ она чувствуетъ? Не страдаетъ ли? Что̀ я могу сдѣлать, чтобы облегчить ея положеніе? Вотъ мысли, которыя вамъ въ голову и не приходятъ. Такъ и съ Настасьей Петровной. Она страдала, мучилась—все изъ-за васъ, а вамъ и въ голову не пришло, что вы должны эти страданія ея прекратить. А какъ? Не иначе, конечно, какъ женившись на ней. Вы не сердитесь!.. Вѣдь вы же заговорили про все это... А еще вотъ что̀ скажу вамъ: сошлись вы съ ней, сошлись прочно, на всю жизнь—я откидываю мысль, что вы лишь хотѣли ею позабавиться—неужели же вы не поняли чутьемъ, что она вамъ не ровня, и что она будетъ тяготиться вашимъ превосходствомъ надъ нею? И что̀ вы сдѣлали, чтобы приблизить ее къ себѣ хоть немного? Ничего? Не правда ли?

— Правда, правда, дорогой докторъ. Все это вѣрно. Я теперь только многое припоминаю. Какъ она выпрашивала у меня книги; спрашивала объяснить то одно слово, то другое. Разъ достала гдѣ-то французскую азбуку и ее изучала. Я на это не обращалъ вниманія.

— Ну, конечно! Что̀ вамъ до чужой души!

— Докторъ, зачѣмъ вы взялись меня оскорблять? Я, кажется, сознаю свою вину довольно...

— Впрочемъ,—досказалъ докторъ,—очень ужъ я въ этихъ вопросахъ непримиримъ!.. Такъ вотъ вамъ мой сказъ,—онъ посмотрѣлъ на часы, — да и мнѣ пора, на этотъ разъ дѣйствительно... Женитесь на Настасьѣ Петровнѣ и постарайтесь всячески, какъ только можно, сравнять между вами разницу въ образованіи. Пусть она сама учится, учите вы ее,—только развейте по возможности больше. Иначе, и вышедши за васъ замужъ,

она будетъ страдать, а вы—тяготиться ея невѣжествомъ. Ей сколько лѣтъ?

— Семнадцать.

— Ну, чего же вы? Она еще можетъ сколько угодно учиться... Ну, до свиданія. Простите... можетъ, что̀ лишнее сказалъ.

— Спасибо, дорогой докторъ. Я не то что сердиться, но вѣкъ буду вамъ благодаренъ. Вы зайдете еще?

— Какъ доктору, мнѣ дѣлать нечего, но еще зайду посмотрѣть на свою паціентку здоровую.

— Я дня на два, на три уѣду въ Москву—дядю хоронить. Такъ вы заходите къ Настѣ. Она одна будетъ...

— Хорошо, хорошо. Только пріѣзжайте скорѣе...

XXII.

Всю ночь Новодубскій не могъ заснуть отъ нервнаго возбужденія. Рѣшеніе жениться на Настѣ было окончательное; и вотъ онъ обдумывалъ, какъ это сдѣлать. Въ виду беременности ея надо было торопиться. Прежде всего надо было переговорить съ ней самой, что̀, при ея теперешней слабости, было невозможно. Съ другой стороны, онъ не зналъ, какъ быть съ матерью, говорить ей или не говорить о бракѣ. Согласія ея онъ получить не имѣлъ ни малѣйшей надежды; и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ взвѣшивая все и за, и противъ,—все находилъ новые доводы за бракъ...

Много передумавши и все-таки ни до чего окончательно не додумавшись, Новодубскій рѣшилъ дѣло это предоставить судьбѣ; а пока надо было ѣхать на похороны дяди. Тамъ онъ надѣялся встрѣтить сестру свою, отъ которой ожидалъ хорошаго совѣта. А потомъ онъ увидитъ мать и, глядя по обстоятельствамъ, переговоритъ съ нею. Относительно Насти — онъ тоже рѣшился ея не тревожить, пока она не окрѣпнетъ, т.-е. до своего возвращенія.

Въ Москву онъ пріѣхалъ утромъ въ день похоронъ и прямо съ вокзала, на̀скоро одѣвшись, отправился въ монастырь, гдѣ нашелъ мать, сестру, брата и еще нѣсколько человѣкъ, дамъ и мужчинъ. Все это были люди ему незнакомые.

„Странно,—подумалъ онъ,—какъ я отсталъ отъ свѣта! Никого-то ужъ не знаю“!..

Мать и братъ поздоровались съ нимъ холодно. Мать, когда онъ у нея цѣловалъ руку, проговорила:

— А я думала, что ты и сюда не пріѣдешь.

Дмитрій Аполлоновичъ холодно пожалъ ему руку. Григорій Аполлоновичъ сдѣлалъ-было маленькое движеніе, чтобы поцѣловаться съ братомъ, но тотъ—сознательно ли, или не замѣтивъ его намѣренія—трудно было разобрать—ограничился рукопожатіемъ.

Одна сестра его встрѣтила ласково, крѣпко поцѣловала и видимо съ чувствомъ спросила:

— Ну, какъ дѣла, мой бѣдный Гри-Гри?

— Ничего, Нелли. Какъ могутъ быть мои дѣла? Что Аня?

— Спасибо, ростетъ, здорова.

Гри-Гри сталъ рядомъ съ сестрой.

Отпѣваніе прошло торжественно, при многочисленномъ, роскошно облаченномъ духовенствѣ, съ архимандритомъ во главѣ, и при полномъ хорѣ пѣвчихъ. Съ дѣтства знакомая Григорію Аполлоновичу обстановка отвлекла его отъ мыслей о Настѣ и о Дубовкѣ. Онъ весь былъ поглощенъ службой и тѣмъ, что происходило у запечатаннаго гроба. Среди пѣвчихъ онъ нашелъ знакомыя лица, хотя сильно посѣдѣвшія. Такъ же громко разносился по собору легкій теноръ іеромонаха Евгенія, несмотря на его уже немолодые года, такъ же бархатна была октава отца Сергія.

Дивная служба русскаго отпѣванія затронула внутреннія струны его, которыя онъ считалъ умолкшими. Ему хотѣлось плакать. Но то, изъ-за чего онъ пріѣхалъ, т. е. смерть и похороны дяди, тутъ были ни причемъ. Его волновало воспоминаніе о дѣтствѣ, о забытыхъ и брошенныхъ идеалахъ.

„Неужели мнѣ жалко всего этого? Неужели я бы хотѣлъ вернуться къ этому времени слѣпой вѣры, подогрѣваемой роскошной обстановкой? Я вѣдь это все давно окрестилъ однимъ словомъ—фарисейство, ханжество! А теперь неужели мнѣ жалко“?

И онъ все началъ передумывать, стараясь возсоздать свои прежнія впечатлѣнія. Долго онъ припоминалъ мельчайшія подробности своей дѣтской молитвы... Затѣмъ перешелъ къ окружающей его дѣйствительности.

Мать его часто подносила платокъ къ глазамъ, но слезъ ея онъ не видѣлъ. А послѣ этого она быстро окидывала опытнымъ глазомъ всю обстановку—и служащихъ, и молящихся,—какъ бы провѣряя, все ли въ порядкѣ.

Дима стоялъ рядомъ съ хорошенькой дѣвушкой—Григорій Аполлоновичъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что она дѣвушка, а не дама—и нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ ей что-нибудь, отъ чего она начинала кусать губы и усиленно креститься. Раза

два онъ на ея щекахъ замѣтилъ, при словахъ Димы, густо набѣжавшую краску. Тогда она крестилась еще усерднѣе и клала земные поклоны. Дима тоже крестился часто и всегда некстати.

Зато въ поведеніи Нелли онъ не могъ ничего подмѣтить дурного. Молилась она, повидимому, искренно, по крайней мѣрѣ клала поклоны и крестилась, когда слѣдуетъ, по сторонамъ не смотрѣла. Иногда ему, впрочемъ, казалось, что взглядъ ея не соотвѣтствуетъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, и что она, хотя и слѣдитъ за службой, но больше для приличія, мысль же ея далеко.

Длинное отпѣваніе прошло для Григорія Аполлоновича скоро; затѣмъ покойника, съ духовенствомъ, родственники и гости отнесли къ вырытой могилѣ. Послѣ послѣдней „вѣчной памяти" Наталья Владиміровна бросила первую горсть земли, при этомъ всхлипнувъ. Кромѣ этого—слезъ не было. Бросилъ и Григорій Аполлоновичъ горсть земли.

Вечеромъ вся семья собралась обѣдать. Глубокій трауръ одинъ напоминалъ о томъ, что̀ ихъ собрало. Разговоръ не клеился. Чувствовалось, что у каждаго было многое на душѣ, чего онъ не хотѣлъ высказать другимъ. Григорій Аполлоновичъ боялся, что мать его при старшемъ братѣ начнетъ по обыкновенію дѣлать намекъ на Настю, но и этого не было.

Послѣ обѣда былъ приглашенъ нотаріусъ, въ присутствіи котораго должно было быть распечатано завѣщаніе покойнаго, найденное въ его бумагахъ. Когда онъ осматривалъ, а потомъ ломалъ печати, Наталья Владиміровна не могла скрыть своего нетерпѣнія. Она то-и-дѣло спрашивала:

— Теперь можно?... Что̀, печати цѣлы?.. Ну, что̀?.. Читайте, читайте!..

По завѣщанію все состояніе покойный оставлялъ сестрѣ, которая должна была сдѣлать сравнительно незначительныя выплаты двумъ какимъ-то дѣвицамъ и служившимъ ему камердинеру и повару. Состояніе было очень большое.

При словахъ завѣщанія, громко прочитанныхъ нотаріусомъ, что все состояніе переходитъ къ сестрѣ покойнаго, Наталья Владиміровна не могла скрыть торжествующаго взгляда. Но это продолжалось одно мгновеніе.

— Бѣдный, бѣдный братъ, милый, добрый... зачѣмъ ты умеръ такъ рано?—сказала она, а глаза между тѣмъ говорили обратное, что братъ хорошо сдѣлалъ, что такъ во̀-время умеръ.

И платокъ она опять поднесла къ глазамъ, а слезъ Григорій Аполлоновичъ опять-таки не видѣлъ.

— Какой онъ былъ добрый!—продолжала Новодубская:—

никого не забылъ, и людей, и дѣвицъ; это были, вѣроятно, его послѣднія побѣды—онъ такъ былъ влюбчивъ, и притомъ никогда не забывался. Джентльменомъ былъ, джентльменомъ и умеръ.

При этомъ она взглянула на Григорія Аполлоновича. Ему показалось, что и братъ на него смотритъ иронически, и ему стало неловко. Но онъ моментально оправился.

„Чего мнѣ стыдиться? — подумалъ онъ. — Они смотрятъ на развратъ какъ на шутку, а на оплату дѣвической чести—какъ на исполненный долгъ. Имъ стыдиться, а не мнѣ“...

И онъ смѣло сталъ смотрѣть брату въ глаза.

„Нѣтъ, я сегодня съ матерью говорить о своемъ дѣлѣ не буду... Что будетъ завтра... да впередъ переговорю съ Нелли“...

Нотаріусъ скоро ушелъ, сговорившись съ Натальей Владиміровной насчетъ того, что нужно дѣлать съ завѣщаніемъ, чтобы добиться скорѣйшаго его утвержденія. Они остались вчетверомъ.

Наталья Владиміровна весь вечеръ была даже весела. Нѣсколько разъ она старалась сдержаться и заговаривала о добромъ братѣ, но черезъ минуту опять смѣялась. Прямо о наслѣдствѣ разговоровъ не было, хотя были намеки на будущіе планы, на поѣздки за границу,—все, очевидно, основанные на томъ же наслѣдствѣ. Были хорошо настроены и дѣти ея. Григорій Аполлоновичъ былъ радъ за мать и за сестру. Хотя онъ не только не содѣйствовалъ разоренію семьи, но прекрасно сознавалъ, что на два, на три года задержалъ окончательную ликвидацію дѣлъ,—тѣмъ не менѣе, онъ какъ бы чувствовалъ себя виноватымъ; онъ управлялъ имѣніемъ и не разъ выслушивалъ этотъ несправедливый упрекъ отъ матери, когда она на него сердилась. Онъ надѣялся, что, ставъ снова богатой, она перестанетъ его считать виной своего разоренія.

Поздно вечеромъ, когда онъ уже былъ въ своей комнатѣ и собирался ложиться, постучалась въ дверь и вошла Нелли.

„Вотъ хорошо! — подумалъ онъ:—я съ нею теперь же и переговорю. Она навѣрное дастъ хорошій совѣтъ“.

— Я къ тебѣ, мой бѣдный Гри-Гри,—сказала она.—А то при матери и братѣ говорить не все можно. Она съ тобой сегодня ничего?

— Ничего! Не все же меня преслѣдовать!

Она сѣла противъ него и нѣсколько минутъ молчала. Онъ тоже молчалъ.

— Ну, какъ ты поживаешь, мой другъ?—наконецъ спросила она.

— Въ какомъ отношеніи?

— Да во всѣхъ. Въ твоей жизни не маленькій произошелъ переломъ... и не въ одномъ только отношеніи... Кстати, что̀ здоровье твоей Дульцинеи?

— А ты почемъ знаешь?..

— Что̀ у нея былъ тифъ? Это писали мамѣ изъ Дубовки.

— Вотъ тебѣ на̀! Кто бы это могъ быть? А я, Нелли, и не думалъ, что она сохранила какія-нибудь сношенія тамъ. Ну, да Богъ съ ней! Мнѣ все равно... А насчетъ Дульцинеи, какъ ты ее называешь, я теперь спокоенъ. Кризисъ былъ.

— Ну, а относительно ея положенія?..

— Да что̀ ты?!.. Еще четыре мѣсяца... Все all right... Я насчетъ ея-то и хотѣлъ съ тобой переговорить. Дурно ли, хорошо ли я рѣшилъ, но рѣшилъ... жениться на ней...

— На Дульцинеѣ?

— На Дульцинеѣ!

Елена Аполлоновна сдѣлалась серьезной. Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала:

— Хочешь дать имя ребенку?

— Да, хочу дать имя ребенку, да и матери...

— Гм... да, впрочемъ, этого надо было ожидать...

— Почему?

— Да такъ. Мнѣ теперь кажется, что ты съ твоими понятіями долженъ былъ къ этому придти. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ... il n'y a pas à dire... живя въ деревнѣ или въ твоемъ уѣздномъ городишкѣ, часто люди кончаютъ такими браками...

— Ты, конечно, моего плана не одобряешь? — прервалъ сестру Новодубскій.

— Почему?

— Какъ почему? Находишь, конечно, что это — mésalliance?

— Нѣтъ, ты, другъ мой, ошибаешься. Не могу сказать, чтобы я одобряла этотъ проектъ твой, но и порицать его не буду. Могу даже сказать, что, при строгомъ отношеніи къ женщинѣ вообще, такая мысль не лишена извѣстной прелести. Разъ ты виновенъ, ты себя приносишь въ жертву! Это недурно.

— Я на это не смотрю какъ на жертву.

— Ну, все равно. Тѣмъ болѣе. Если дѣвушка — какъ я, впрочемъ, охотно вѣрю — дѣйствительно тебя любитъ и не имѣетъ въ виду матеріальныхъ выгодъ...

— Какія тамъ матеріальныя выгоды!..

— ...Тогда пожалуй такой бракъ становится какъ бы обязательнымъ для тебя... Да что̀ ты такъ удивленно на меня смотришь?

— Я, признаюсь, не ожидалъ отъ тебя все это слышать...

— Напрасно. Ты думаешь, что я не обдумывала и не изучала положенія женщины на свѣтѣ? И еще какъ! Въ твоемъ бракѣ будутъ, конечно, и шипы, и шипы очень колючіе. Но что же дѣлать? Главное и почти единственно важное, это—отношеніе къ этому дѣлу матери. Съ ея стороны ты, конечно, встрѣтишь самое упорное сопротивленіе. Затѣмъ—свѣтъ. Его тоже нельзя считать за quantité négligeable. Будутъ постоянные уколы твоему самолюбію. А что еще хуже—тебѣ придется страдать за нее. Наконецъ, и въ вашемъ домашнемъ быту разница въ воспитаніи, въ понятіяхъ тоже не пройдетъ безслѣдно. Ты все это обдумалъ?

— Все, Nelly, и...

— Хорошо обдумалъ?

— Хорошо! И единственный камень преткновенія, котораго продолжаю бояться, это—отношеніе матери. Свѣтомъ я рѣшилъ пренебречь. Внутреннюю жизнь еще можно устроить: ей всего семнадцать лѣтъ...

— Хочешь ее перевоспитать?.. Это не легко!

— Ну, сдѣлаемъ, что можно... А вотъ мать моя ни за что не примирится съ мыслью о такомъ бракѣ. Что дѣлать съ этимъ? Предупредить ее съ намѣреніемъ идти противъ ея запрещенія, такъ какъ жениться—я все-таки женюсь... или представить ей fait accompli?.. Какъ ты думаешь? Я насчетъ этого хотѣлъ съ тобой посовѣтоваться... А?

— Тутъ, по-моему, и вопроса быть не можетъ. Конечно, ты долженъ переговорить съ ней сначала. Иначе это будетъ малодушіе. Предупреждаю тебя: она очень настроена противъ тебя, или, скорѣе, противъ дѣвушки. Уговорить тебѣ ее не удастся.

— Этого-то я и боюсь.

— Какъ ни бойся, а пройти черезъ это нужно...

— Нужно?.. Признаюсь, я то же думаю...

Разговоръ прекратился. Графиня перелистывала валявшуюся на столѣ книжку, хотя не могла бы сказать, о чемъ въ ней говорится. Новодубскій съ усердіемъ вытиралъ промокательной бумагой какое-то давнишнее пятно на столѣ. Онъ прервалъ молчаніе:

— Однако, признаюсь, я совсѣмъ пораженъ перемѣной, которая въ тебѣ произошла. Ты такъ смотришь на вещи, какъ будто ты совсѣмъ иначе воспитывалась.

— Можетъ быть. Времена, другъ мой, не тѣ... Сила-то не тамъ, гдѣ прежде была... Какъ по-русски: centre de gravité?

— Центръ тяжести.

— Такъ, вотъ, центръ тяжести—не тамъ, гдѣ прежде былъ. Такъ, что-ли, я говорю?

— Такъ, такъ. И ты сама додумалась до всего этого?

— Какъ тебѣ сказать? Частью сама, частью изъ книгъ... А то просто приглядываясь къ вещамъ и къ людямъ, читая... Теперь я взяла для Ани учительницу, очень интеллигентную особу... кончила высшіе курсы... Съ ней говорю.

— Хорошо. Хорошо все это... Слушай, Нелли, у меня на языкѣ вопросъ, который я все-таки рѣшаюсь тебѣ задать. Ты отвѣтишь откровенно?

— Что̀ за вопросъ? Я, кажется, съ тобой не фальшивила никогда.

— Знаю, знаю. Но все-таки тутъ вопросъ ужъ очень щекотливый... для меня, конечно... Вотъ что̀: женюсь я, положимъ... Ну, какъ ты отнесешься къ моей женѣ?.. Будешь съ ней знаться, или только со мной будешь говорить о ней, а ея будешь избѣгать, какъ будто ея и на свѣтѣ нѣтъ?.. А?.. Скажи правду...

Графиня все читала, повидимому, книгу, хотя ни одной страницы не перевернула.

— Ну, что-же? Отвѣть правду... Вѣдь тутъ стѣсняться нечего. Я понимаю, что ты можешь затрудниться отвѣтомъ.

— Изволь, я тебѣ скажу. Конечно, я не могу сказать, что я отдѣлалась совсѣмъ отъ прежнихъ сословныхъ предразсудковъ. Болѣе того... я глубоко убѣждена, что ты и всякій, кто, хотя бы въ дѣтствѣ, вкусилъ этого яда... съ нимъ и умретъ. Поэтому, сказать, что я не буду видѣть разницы между мною и твоей будущей женой... я не могу... Какъ ни говори, а ужъ разница въ воспитаніи и образованіи дастъ себя чувствовать. И не будь она твоей женой, я бы ея общества не искала... Но теперь дѣло мѣняется. Она — твоя жена. И какъ съ твоей женой я буду обращаться съ нею по-родственному. Твое дѣло, дѣло ея самой—сглаживать разницу по возможности... Ты прости меня, что я такъ откровенно говорю...

— Наоборотъ, наоборотъ... спасибо...

— Ну, такъ вотъ. Чѣмъ лучше, приличнѣе, скромнѣе она будетъ себя держать—тѣмъ лучше для нея и для ея отношеній съ людьми... и со мной въ томъ числѣ. Будетъ учиться, разовьется сколько-нибудь—еще лучше. Думаю, наконецъ, что общественные предразсудки должны имѣть почву въ разницѣ воспитанія, образованія. Иначе они падутъ... Время къ тому идетъ... Если бы твоя жена подучилась настолько, что стала

бы интересоваться тѣми вопросами, какіе насъ всѣхъ волнуютъ,—думаю, что черезъ извѣстное число лѣтъ все сгладится...

— Такъ... Ну, а языки?.. Ужъ въ языкахъ она никогда не догонитъ...

— Пустяки!.. Развѣ во французскихъ и англійскихъ языкахъ теперь дѣло... Дѣло—въ головѣ... Времена, братъ, не тѣ...

— Спасибо, Нелли, большое за откровенный отвѣтъ... Впрочемъ, еще вопросъ: а Аню... ты стала бы пускать къ намъ?

— Почему же нѣтъ? Съ Аней дѣло будетъ обстоять легче, чѣмъ со мной. Тутъ врожденныхъ предразсудковъ не будетъ... Я все дѣлаю, чтобы ее дальше отъ нихъ воспитывать. И, признаюсь—тебѣ одному, конечно,—я ее теперь съ собой не взяла, чтобы поменьше могла на нее вліять мама... Поэтому-то я ни за что не буду жить не только вмѣстѣ съ мама, но и въ одномъ городѣ... А теперь, pour revenir à nos moutons, когда ты думаешь переговорить съ матерью обо всемъ этомъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Хотя, конечно, буду искать минуту поудобнѣе, когда она будетъ въ духѣ.

— Ну, голубчикъ, какъ она про твою свадьбу услышитъ, тутъ хорошихъ минутъ уже не будетъ.

— Теперь она довольна, что получила наслѣдство.

— Наслѣдство—наслѣдствомъ. А съ этимъ она все-таки не примирится; надо смѣло на вещи смотрѣть, какъ онѣ есть...

Долго за полночь говорили еще братъ съ сестрой, все обсуждая положеніе.

XXIII.

Разговоръ съ сестрой произвелъ на Новодубскаго самое отрадное впечатлѣніе. Если, думалъ онъ, сестра его такъ смотритъ на его бракъ, то, очевидно, онъ на правильной дорогѣ. Очевидно также, что будущаго ему нечего бояться. Если такъ быстро прогрессируетъ свободная человѣческая мысль, если къ прогрессу и освобожденію отъ вѣковыхъ предразсудковъ пріобщаются люди рожденія и воспитанія, графини Линденъ-де-ла Рошъ, то, очевидно, раскаяваться въ томъ, что и онъ на этомъ пути—не придется и въ отношеніи чисто практическихъ, жизненныхъ соображеній. Мнѣніе громаднаго большинства общества будетъ за него, а мнѣніе того „свѣта“, котораго онъ такъ боялся прежде и въ которомъ онъ видѣлъ соль земли—это мнѣніе съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ теряетъ свою цѣну.

Ему казалось страннымъ, что онъ мнѣніемъ этого „свѣта" такъ дорожилъ. И онъ анализировалъ силу этого „свѣта". И оказывалось, что ея нѣтъ, что то обаяніе, которымъ окруженъ свѣтъ, именующій себя высшимъ, есть не что иное, какъ какой-то гипнозъ. Стала небольшая кучка людей считать себя „высшими", а другихъ „низшими", и вотъ всѣ остальные, т.-е. низшіе, этому повѣрили и какъ бы согласились, что они—низшіе, а тѣ—высшіе.

— Положительный гипнозъ!—вполголоса проговорилъ онъ, ложась спать.—Помилуйте,—никакой силы этотъ свѣтъ не имѣетъ. О физической и говорить нечего. Умственной тоже силы у нихъ нѣтъ; все образованіе-то у нихъ облегченное въ сравненіи съ интеллигенціей,—какъ будто рожденіе успѣшно замѣняетъ образованіе.

— И при этомъ все-таки считаютъ себя высшими!

Матеріально-то они вовсе не „высшіе". Вѣдь купцы богаче. Лучшіе экипажи, дома, бриллiанты—купеческіе, банкирскіе... А тѣ все-таки „высшіе", и банкиры считаютъ за честь быть у нихъ на балу, хотя могутъ ихъ купить и перепродать какъ хотятъ! А американскій милліардеръ считаетъ для себя за честь отдать дочь за прогорѣвшаго и вырождающагося герцога!

Да чѣмъ же отличается этотъ high life? Знаніемъ иностранныхъ языковъ? Да и тѣхъ они не знаютъ основательно, когда дѣло идетъ о серьезной книгѣ, а заботятся лишь о произношеніи, да о знаніи бульварныхъ выраженій. Въ Англіи языки иностранные не требуются, а high life есть и тоже считаетъ себя сдѣланнымъ изъ особаго тѣста.

Знаніе, что съ ножа не ѣдятъ, что горчицу не кладутъ на края тарелки, за которые берутся пальцами, умѣнье одѣться, поклониться? Этотъ кодексъ лучше всѣхъ извѣстенъ высшему свѣту, но неужели за это?..

Все это, скажутъ, пустяки! Важно нравственное превосходство, врожденное и усиленное воспитаніемъ и традиціями!

Когда человѣкъ нервно возбужденъ, въ особенности одинъ ночью, ему вопросы, которые онъ обдумываетъ, представляются иногда чрезвычайно ясными, гораздо яснѣе, чѣмъ когда онъ спокойно разсуждаетъ. Такъ было теперь съ Новодубскимъ. Эти вопросы превосходства однихъ людей передъ другими его всегда волновали; теперь же, когда ему предстояло сдѣлать окончательный шагъ къ разрыву съ прошлымъ, — они пріобрѣтали особую важность.

При мысли о нравственномъ превосходствѣ высшаго свѣта, ему стало досадно за себя, за близкихъ своихъ... Превосходство!

Брать деньги взаймы и аккуратно отдавать ихъ, пока имѣешь больше, чѣмъ долженъ, а когда зарвался—занимать безъ надежды ихъ отдать—такова честность. И „свѣтъ"—ничего: „Ахъ, бѣдный! онъ пилъ, игралъ, по двѣ француженки содержалъ"... Бреттерствовать, дѣлать гадости, грубости и затѣмъ отвѣчать на дуэли?.. Губить систематически, сознательно дѣвушекъ и хвалиться своими жертвами и числомъ погубленныхъ невинностей?.. Впадать въ развратъ чудовищный, противоестественный—и считать это великосвѣтской шалостью, съ тою разницей, что простого человѣка за это ссылаютъ на каторгу, а свѣтскаго не трогаютъ, во избѣжаніе скандала, хотя всѣ это знаютъ и про это говорятъ!..

Таковъ высшій свѣтъ. А за нимъ ползетъ буржуазія чиновничья, купеческая, интеллигентная и всѣ чуть ли не лопаются съ досады, что не могутъ по рожденію попасть въ high life! И у нихъ, поскольку можно, тѣ же недостатки, тѣ же гнусныя свойства, что и у тѣхъ,—конечно, въ уменьшенномъ размѣрѣ. И все это борется между собой, копошится, попирая ногами, эксплоатируя всячески сотни милліоновъ людей, тоже думающихъ, что такъ и надо!..

Но теперь, только теперь сознали это кое-гдѣ эти люди и тоже заговорили о своихъ правахъ! И Новодубскому казалось, что эта перемѣна произошла именно за послѣднія пять лѣтъ, когда началъ мѣняться онъ—Новодубскій. И онъ счастливъ былъ, безконечно счастливъ, что онъ способствуетъ этому движенію, а не противодѣйствуетъ ему. Онъ ставилъ себѣ это въ заслугу.

„О! я теперь бы былъ ужъ чуть ли не губернаторомъ, кабы захотѣлъ, и мнѣ бы кланялись, и я бы могъ сдѣлать блестящую партію, какъ Дима; а теперь я долженъ искать работы и женюсь на крестьянской дѣвчонкѣ"...

И ему стало совѣстно этихъ мыслей.

„Какъ? Я себѣ ставлю въ заслугу, я, Новодубскій, что я не воръ, не ханжа, не обольститель?.. Да я въ такомъ случаѣ не лучше всѣхъ тѣхъ, кого я порицаю и презираю"!

И его мысли приняли новое теченіе. Онъ началъ думать, чего онъ не сдѣлалъ, и что̀ сдѣлали другіе. Отдать чужое—не заслуга, надо отдать свое! А что̀ онъ отдалъ своего? Гдѣ самопожертвованіе, на которое онъ пошелъ? Гдѣ то, на которое онъ хоть въ будущемъ способенъ?

Утромъ онъ всталъ съ головною болью и направился къ матери, съ которой собирался переговорить о своихъ дѣлахъ,—

но заговорить о своей свадьбѣ не рѣшился. Нѣсколько разъ это повторилось за-день. Идетъ говорить, а какъ придетъ къ матери—начинаетъ разговоры о другомъ, а о главномъ—нѣтъ. Мать была съ нимъ особенно мила. Очевидно, отсутствіе Насти мирило ее съ сыномъ. Онъ это чувствовалъ и тѣмъ болѣе оттягивалъ минуту объясненія. Къ вечеру онъ окончательно понялъ, что самъ не рѣшится говорить, и попросилъ сестру устроить ему разговоръ съ матерью.

— То-есть, какъ устроить?—спросила она.

— Да такъ, скажи мамà, что ты подозрѣваешь меня въ намѣреніи жениться. Она тогда сама заговоритъ со мной. Я не рѣшаюсь.

Такъ Нелли и сдѣлала вечеромъ, а утромъ, когда Новодубскій вошелъ къ матери, онъ сразу понялъ, что Наталья Владиміровна предупреждена. Она, обыкновенно цѣловавшая его въ лобъ, холодно сказала: „bonjour“, далеко протянула ему руку и дала ее поцѣловать, не сгибая пальцевъ. Онъ, молча, сѣлъ противъ нея.

— Ну, чтò скажешь?

— Что, мамà?

— Какъ чтò? Чтò, ты еще хочешь притворяться, что не понимаешь?.. Постыдился бы людей, если мать не жалѣешь!..

Новодубскій молчалъ.

— Господи! думала ли я когда-нибудь дожить до такого униженія, что мой сынъ (она сдѣлала удареніе на „мой“) женится на какой-то твари!..

— Мама, говори чтò хочешь про меня, но оскорблять беззащитную и ни въ чемъ неповинную дѣвушку—прости меня—недостойно тебя. Я ужъ не говорю, что ты ее ругаешь, зная, что она моя невѣста.

— Какъ?.. Я не могу назвать тварью коровницу, которая отнимаетъ у меня—понимаешь? у меня... Новодубской—моего сына? Она ни въ чемъ неповинная дѣвушка? Эта тварь, которая завлекла тебя до того, что теперь женитъ на себѣ... Господи!.. тебя—моего сына!

Въ началѣ разговора, Новодубскій, зная, что наноситъ матери тяжелый ударъ своей женитьбой, чувствовалъ себя передъ ней какъ бы виноватымъ. Но когда она, ни за что, ни про что, стала поносить Настю, не имѣя къ тому ни малѣйшаго основанія, у него не только прошло его чувство неловкости, но наоборотъ, пробудилось другое — чувство досады противъ матери, что она оскорбляетъ напрасно и его, и Настю.

— Видишь, мама, что̀ я тебѣ скажу: я пришелъ къ тебѣ поговорить о себѣ, о моей будущности, о томъ, что̀ я считаю своей самой священной обязанностью; а ты, вмѣсто серьезнаго, спокойнаго, объективнаго разговора, начинаешь—извини меня—ругаться, и притомъ ругать кого?—дѣвушку, которой ты не знаешь и которую я люблю... Подожди... дай договорить! Неужели ты считаешь такой разговоръ убѣдительнымъ и—прости меня—приличнымъ?

— Тварь, тварь, тварь твоя Настька! И еслибы я могла подыскать еще худшія названія этой твари, я, все-таки, не сказала бы всего, чего она стоитъ... Тварь... да... да... тварь!..

— Ты хочешь ругаться, а я твоей ругани слушать не хочу.

Говоря это, Новодубскій всталъ и быстро направился къ двери, которую захлопнулъ за собой; онъ прошелъ къ сестрѣ и разсказалъ ей, что̀ случилось.

— Напрасно ты горячишься. Вѣдь она—мать твоя; и не могъ ты ожидать, что она будетъ тебя гладить по головкѣ. Что̀ же дѣлать? Надо перетерпѣть. Я схожу къ ней.

Черезъ четверть часа Нелли вернулась.

— Богъ знаетъ, что̀ ты надѣлалъ своей невоздержностью. Мать чуть не въ истерикѣ, жалуется, что ты на нее закричалъ, хлопалъ дверью.

— Что̀ же теперь дѣлать?

— Теперь—ничего. Теперь ты ее только раздражишь. Подожди нѣсколько, а потомъ еще разъ сходишь.

За завтракомъ, въ общемъ залѣ ресторана, къ столику, за которымъ сидѣлъ Григорій Аполлоновичъ, подошелъ его братъ. Руки въ карманахъ, онъ насвистывалъ какую-то арію, причемъ свистѣлъ не губами, а особеннымъ образомъ раскрывши губы и вытянувъ самый кончикъ языка между зубами. Вся фигура его—показалось Григорію Аполлоновичу—была полна величайшаго презрѣнія.

— Говорятъ, ты женишься?—спросилъ онъ его.—Честь имѣю поздравить.

И снова принялся свистѣть. Григорій Аполлоновичъ вышелъ изъ себя.

— Благодарствую, тѣмъ болѣе, что я не продаюсь, а женюсь на бѣдной!—выпалилъ онъ, намекая на женитьбу брата.

— Поздравляю, поздравляю! Покупать рѣдкости, конечно, лучше, чѣмъ обратное. Пожалуйста, при случаѣ представьте—онъ перешелъ на „вы“—меня своей будущей супругѣ...

И отошелъ, все не вынимая рукъ изъ кармановъ и про-

должая свистѣть. У Григорія Аполлоновича помутилось въ глазахъ. Не отойди брать его вὸ-время и не сдержись онъ большимъ усиліемъ воли, онъ готовъ былъ броситься на него,—такъ оскорбило его незаслуженное презрѣніе брата. Онъ выпилъ залпомъ два стакана воды. Сердце его билось, и долго онъ не могъ придти въ себя.

Передъ вечеромъ его позвала Нелли.

— Иди же, другъ мой, къ матери! Чтὸ же дѣлать? Вѣрю, что тяжело, но тебѣ не слѣдуетъ забывать, что она тебѣ мать. Ну, что же, потерпи, постарайся подѣйствовать на ея сердце.

— Да какъ же я теперь пойду?..

— Да такъ, очень просто... иди, какъ будто ничего не было, и сдерживай себя, ради Бога!..

Когда Григорій Аполлоновичъ вошелъ въ комнату матери, она читала „Figaro". Это была ея любимая газета, которую она всегда получала, утверждая, что это—единственная газета, которая даетъ всѣ новости. Русскихъ газетъ Наталья Владиміровна не любила, хотя ихъ и читала. Она говорила, что отъ нихъ дегтемъ пахнетъ.

— Une littérature d'antichambre!—говорила она.—Во Франціи писатель — порядочный человѣкъ, а у насъ они какіе-то вульгарные, немытые. Понятно, что они демократничаютъ, когда сами изъ навоза вышли.

Когда сынъ вошелъ въ комнату, она подняла глаза, посмотрѣла на него и снова принялась за чтеніе.

Григорій Аполлоновичъ постоялъ, затѣмъ сѣлъ. Наталья Владиміровна все читала. Ему дѣлалось все болѣе и болѣе неловко. Наконецъ, онъ всталъ и тихо подошелъ къ матери.

— Maman... maman!..

— Чтὸ?—спросила она его по-французски.—Ты хочешь побить меня?..

— Богъ знаетъ, чтὸ ты говоришь...

— А ты развѣ не хлопалъ сегодня на меня дверью... Еще шагъ, и ты меня побьешь.

— Ну, перестань, мамà, ради Бога! Вѣдь признайся, что ты меня оскорбила и жестоко оскорбила въ лицѣ дѣвушки, которую я люблю, и притомъ беззащитной...

— Какъ! ты продолжаешь утверждать, что я должна надѣвать перчатки, чтобы тебѣ говорить правду? Je ne puis pas appeler cette fille...

Новодубская, все время говорившая по-французски, не могла найти подходящаго слова, и перешла на русскій:

— ...Я не могу назвать ее потаскушкой?!..

— Я думаю, что не можешь и не должна. Во-первыхъ, это клевета—она не потаскушка, а во-вторыхъ, неужели ты думаешь, что твоя рѣчь убѣдительнѣе, если ты будешь употреблять такія выраженія?

— Какъ она не потаскушка? А по-твоему, дѣвка, которая открыто живетъ съ любовникомъ, хотя бы съ бариномъ, съ вѣдома сестры и подъ ея, такъ сказать, покровительствомъ,—не потаскушка?

— Нѣтъ, если она живетъ съ нимъ однимъ и любитъ его!

— Любитъ!.. любитъ!.. Ты совсѣмъ околдованъ, мой бѣдный Гри-Гри. Развѣ эти дѣвки любятъ?

— Любятъ, да еще какъ; больше, чѣмъ наши, въ сто разъ. Вѣдь я-то знаю, наконецъ. Я ее соблазнилъ,—не она меня. Я болѣе безнравственъ, чѣмъ она...

— Ты такія глупости говоришь, что уши вянутъ. Ты сравниваешь крестьянскую дѣвку, которая счастлива, что на нее взглянулъ баринъ — подумай: Новодубскій! — съ собой, который можетъ имѣть сотню такихъ романовъ, конечно, при условіи, чтобы не жениться и не дѣлать изъ дѣвокъ цѣль жизни. Вотъ это, правда, безнравственно, въ особенности для Новодубскаго...

— Я чѣмъ больше слушаю тебя, тѣмъ больше удивляюсь. Я думалъ, что нравственность одна,—что̀ для Новодубскаго, то̀ и для крестьянъ, что̀ для мужчинъ, то̀ и для женщинъ.

— А я чѣмъ больше слушаю тебя, тѣмъ больше съ грустью замѣчаю, что въ головѣ у тебя такой сумбуръ, что нѣтъ ни малѣйшей надежды на исправленіе. Я понимаю, что не видитъ разницы между Новодубскимъ и крестьянской дѣвкой, какой-нибудь современный нигилистъ, но чтобы это говорилъ самъ Новодубскій—это уже близко къ сумасшествію... cela frise la folie, mon cher. Мало ли въ жизни случаевъ бываетъ, и еслибы каждый разъ это кончалось бракомъ,—куда бы мы дѣлись? Le monde irait à l'envers. Не было бы дворянства... ничего!.. Да этого никто и не требуетъ. Сто, двѣсти рублей... и всѣ довольны... все хорошо!

— Постой!..

— Нѣтъ, ты постой. Дай договорить. Вездѣ, всегда это такъ дѣлается. У твоей будетъ ребенокъ... допускаю даже, что твой...

— Да я-то знаю, что мой!

— Съ этимъ народомъ развѣ можно знать?.. Ну, пусть будетъ твой... Il y a mille manières d'arranger cela. Ну, не

сто, не двѣсти рублей: тысячу дай, двѣ тысячи... пять тысячъ! Я ихъ сейчасъ тебѣ дамъ. Обезпечь ее съ ея приплодомъ...

Новодубскаго, все время сидѣвшаго молча и сдавливавшаго двумя пальцами високъ, который у него болѣлъ, при этомъ передернуло, и у него вырвался какой-то звукъ, — не то стонъ, не то восклицаніе.

— Вѣдь ребенокъ-то не виноватъ!—глухо проговорилъ онъ.

— Никто его не винитъ. Но мало ли незаконныхъ дѣтей на свѣтѣ? Или, по твоимъ понятіямъ, все равно—что законный, что незаконный?

— Вотъ я и хочу, чтобы мой ребенокъ былъ законный.

— Законный! И законнымъ его можно сдѣлать. Выдай ее хоть за бѣднаго дворянина, который съ радостью отдастъ свое имя ей и ребенку за какія-нибудь двѣ-три тысячи и даже не отниметъ у тебя твоего сокровища... Cela se fait tous les jours... Но чтобы былъ Новодубскимъ сынъ коровницы! Да это позоръ! Я не ожидала, что такой позоръ получу отъ сына! C'est humiliant!..

Наталья Владиміровна заплакала.

— Прости меня, мамà, но твои слезы меня не трогаютъ. Я ихъ не понимаю. Мнѣ кажется, что онѣ не отъ добраго чувства льются...

— Ты многаго не понимаешь, къ сожалѣнію... Ты не понимаешь, что не имѣешь права дѣлать несчастной свою мать. Ты не понимаешь, что обязанъ сохранить безъ пятна имя, которое ты носишь... Многаго ты еще не понимаешь!..

— Но я другое понимаю, чего ты не понимаешь,—что твой проектъ обезпеченія, а тѣмъ болѣе—выдачи ея замужъ за бѣднаго—глубоко безнравственный... что я не могу сдѣлать несчастной дѣвушку, которая единственно изъ любви ко мнѣ страдаетъ отъ своего ложнаго положенія... Не улыбайся... я знаю, что̀ говорю... Понимаю тоже, что тебѣ страданія причиняетъ дурное чувство: отсталой барской ложной чести, эгоизма, презрѣнія къ другимъ людямъ за ихъ рожденіе и—главное—необъяснимое, по-моему, чувство злобы—да, прости меня... къ дѣвушкѣ, которая ничего тебѣ не сдѣлала... Не тряси головой... это такъ! Я вижу разницу между ея слезами и твоими. Ея слезы я причинилъ, а твои отъ тебя же происходятъ, отъ твоего собственнаго дурного чувства. Какія слезы жалчѣе, симпатичнѣе?

— Ну, конечно, коровницы! Не сравнивать же коровницу съ какой-то матерью!.. Ну, да стоитъ ли тебѣ говорить объ обязанностяхъ къ матери, къ имени? Это все равно, что слѣ-

пому цвѣта объяснять... Такъ знай же мое рѣшеніе: если ты хочешь развязаться со всѣмъ этимъ дѣломъ, я заплачу все, что̀ это стоитъ—я теперь богата, благодаря Леониду. Можетъ быть, выкупимъ Дубовку... Хочешь,—ну, работай по земству, коли на службу рѣшился не поступать... да, по крайней мѣрѣ, будешь человѣкомъ... Tu te tireras du ruisseau, dans lequel tu es tombé!..

— Ты кончила?

— Кончила.

— Ну, такъ и я скажу. Я тебѣ говорилъ, что мой долгъ—жениться на дѣвушкѣ, мною соблазненной, что мой долгъ—дать имя—мое имя—ребенку, который отъ меня родится. И неужели ты меня считаешь такимъ негодяемъ, котораго можно подкупить деньгами,—хотя бы выкупомъ Дубовки,—чтобы онъ не исполнилъ того, что̀ считаетъ своею священною обязанностью? Вѣдь это оскорбительно для меня...

— Какъ знаешь! Я тебя предупредила. На меня ни теперь, ни послѣ моей смерти, не разсчитывай.

— Опять! Да я развѣ просилъ у тебя наслѣдства?

— Какъ знаешь! А предупредить я тебя все-таки должна была, чтобы потомъ не вышло для тебя разочарованія.

Они оба нѣкоторое время молчали. Новодубскій все сдавливалъ сильно стучавшій високъ.

— Ты знаешь, — продолжала его мать,—что для тебя всѣ двери порядочнаго общества будутъ закрыты?

— Знаю, про что ты говоришь. Но я порядочнымъ считаю другое общество.

— Ты знаешь, что эти женщины, когда заберутъ мужчину слабохарактернаго, какъ ты, въ руки, начинаютъ его мучить.

— Хотя бы мнѣ адъ предстоялъ, я свой долгъ исполню. „Да оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ женѣ своей“...

— Къ женѣ, къ женѣ, а не къ продажной...

— Опять эти выраженія! Право, мама̀, нужно ангельское терпѣніе, чтобы тебя выслушать до конца. Я ее уже считаю своей женой... Да, наконецъ, какъ я женюсь, она будетъ женой моей. Не правда ли?

— Что̀ же съ тобой еще говорить?.. Я все сказала... Много я передумала въ эти ночи, но сдѣлать ничего не могу. Хотѣла бы тебѣ помочь не тонуть окончательно въ болотѣ, въ которое ты добровольно попалъ, но не далъ мнѣ Богъ этого утѣшенія. Думала... проклясть тебя...

Наталья Владиміровна заплакала.

— ...Но Богъ съ тобой... Слишкомъ страшно проклятіе матери... Я ограничусь тѣмъ, что постараюсь забыть, что у меня два сына...

Послѣднія слова, сказанныя искренно, тронули Григорія Аполлоновича.

— Мамочка, дорогая! Неужели тебѣ кажется такимъ ужаснымъ поступокъ, который для меня представляется лишь исполненіемъ самаго святого долга? Неужели ты не поймешь меня?

— Понимаю, что ты Бога забылъ, матери своей знать не хочешь, и все потому, что околдованъ ею. Ну, Богъ съ тобой! Подумай хорошенько обо всемъ, что̀ я тебѣ говорила. Еще есть время одуматься...

— Нѣтъ, мама̀, я не одумаюсь. Я хорошо все обдумалъ. Это—мой долгъ, и я его исполню.

Наталья Владиміровна плакала. Ея сынъ понялъ, что дальнѣйшій разговоръ безполезенъ и только болѣе разстроитъ ихъ. Онъ всталъ.

— Мамочка дорогая, мнѣ очень тяжело. Я уѣзжаю сегодня.—Онъ посмотрѣлъ на часы.—Да, мнѣ пора.

— Ну, прощай. Пока еще ты сынъ мой, и я надежды не теряю. Передумай еще все. И во всякомъ случаѣ, напиши мнѣ еще прежде, чѣмъ сдѣлаешь непоправимый шагъ. Христосъ тебя да умудритъ!—проговорила она сквозь рыданія и цѣлуя его въ лобъ.—Такъ напишешь?..

Вечеромъ, простившись на̀скоро съ сестрой, Новодубскій ѣхалъ домой.

XXIV.

Долго не могъ придти въ себя отъ этого разговора Новодубскій. Досада противъ матери, грубо обращавшейся съ чувствами его, которыя онъ считалъ священными, смѣшивалась съ жалостью къ ея очевидному страданію. Это страданіе ея, искреннее, неподдѣльное, объясняло жестокость ея, а само вызывалось чувствами нелѣпыми, но чуть не врожденными и отъ которыхъ не въ ея года̀ можно отдѣлаться.

Новодубскій прекрасно это понималъ. Сознавалъ онъ и то, что выхода нѣтъ. Онъ думалъ, что его мать можетъ простить ему его свадьбу, но что признать свадьбу, считать Настю своей невѣсткой, она не можетъ—было совершенно ясно. Вѣчно должно было стоять между нимъ и матерью это облако, каждую минуту способное разразиться грозой. Сознаніе это мучило его, и онъ всю дорогу не могъ оторваться отъ этихъ мыслей.

Но такъ за это время окрѣпло въ немъ сознаніе, что его священный долгъ—жениться на Настѣ и дать свое имя будущему ребенку, что въ этомъ рѣшеніи своемъ онъ не колебался ни на минуту.

Мысли его приняли другой оборотъ только тогда, когда онъ вернулся въ свою комнату и нашелъ на столѣ повѣстку въ земское собраніе.

„Какъ? на завтра?—подумалъ онъ.—Какъ поздно принесли“!

Спросивъ Никиту и убѣдившись, что повѣстка принесена дѣйствительно въ его отсутствіе всего за три дня до собранія, онъ понялъ, что приглашеніе его въ качествѣ гласнаго было обусловлено покупкой земли по совѣту Градова.

„Не будь земли, я не былъ бы гласнымъ. Да, спасибо Градову. Вотъ и консерваторъ, а человѣкъ ко мнѣ относится лучше всѣхъ“.

Весь вечеръ Новодубскій провелъ у Насти, которую нашелъ выздоровѣвшею и нѣсколько уже поправившеюся. Всѣ разговоры объ ихъ свадьбѣ онъ отложилъ до конца земскаго собранія. На начало своей общественной дѣятельности, которая ему казалась пока возможной лишь въ видѣ земской работы, онъ смотрѣлъ какъ на священнодѣйствіе. Съ этимъ чувствомъ долженъ приступать молодой вѣрующій священникъ къ своей первой обѣднѣ.

Собраніе было очень многолюдное, такъ какъ предстояли выборы на слѣдующее трехлѣтіе въ управу и на другія, менѣе интересныя должности, членовъ училищнаго совѣта, губернскихъ гласныхъ и тому подобныя.

На возвышеніи, посреди большого стола, на предсѣдательскомъ глубокомъ креслѣ сидѣлъ Николаевъ. За тѣмъ же столомъ, направо отъ предсѣдателя заняли мѣста члены управы. На возвышеніи же, лицомъ къ залѣ, сидѣли нѣкоторые гласные. Мѣста были почетныя, и кое-кто, конечно, не посмѣлъ бы туда сѣсть. Тутъ Новодубскій замѣтилъ Чебурова, Стононова и Лугощинскаго. Остальные же гласные сидѣли въ три ряда лицомъ къ предсѣдателю. Тутъ же слѣва у печки, со столикомъ, нагруженнымъ бумагами передъ собой, сидѣлъ князь Вархowскій. Онъ производилъ впечатлѣніе генерала, готовящагося къ битвѣ, или адвоката, увѣреннаго въ себѣ, передъ разбирательствомъ громкаго дѣла. Онъ часто вскидывалъ большіе выразительные глаза, смотрѣвшіе на собесѣдника то насмѣшливо, то недовольно. Къ нему подходили съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, какъ будто довольные, что знакомы съ Вархowскимъ. Подходилъ и здоровался съ нимъ и Новодубскій.

— Ага! И вы здѣсь? — сказалъ ему князь. — Очень радъ, очень радъ...

Сидѣлъ Новодубскій въ первомъ ряду рядомъ съ Градовымъ. Когда онъ его встрѣтилъ еще внизу, Градовъ его спросилъ:

— Ну, что? Какъ дѣло?

Новодубскій понялъ, что онъ спрашиваетъ его про Настю.

— Хорошо. Посовѣтовался съ совѣстью, и она такъ громко закричала...

— Что...

— Что никакого сомнѣнія не осталось... и что я... женюсь.

— Ну, съ Богомъ! Я такъ и зналъ напередъ. Зная васъ, я другого исхода и не предполагалъ.

Тутъ подошли другіе гласные, и разговоръ ихъ прекратился.

Послѣ обычныхъ формальностей открытія собранія,—причемъ указывалъ предсѣдателю, что дѣлать, какіе законы читать, то-и-дѣло встававшій, подходившій къ нему и шептавшій ему на-ухо секретарь управы,—гласные были приведены къ присягѣ священникомъ, который всегда приглашался для этого и въ засѣданія съѣзда. Формулу присяги онъ читалъ, глядя по сторонамъ, наизусть. Видно было, что онъ дѣлалъ это машинально. Даже языкъ перемололся, и онъ нѣкоторыя слова не такъ выговаривалъ.

— Теперь не угодно ли будетъ избрать секретаря собранія?— проговорилъ Николаевъ послѣ новаго шопота секретаря управы, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ.

— Виноватъ,—перебилъ его одинъ немолодой уже гласный,—я имѣю прежде сдѣлать заявленіе.

Этотъ гласный былъ человѣкъ очень извѣстный въ уѣздѣ, потому что ему всегда удавалось играть выдающуюся роль. Человѣкъ совсѣмъ малограмотный, старинный дворянинъ, прекрасный охотникъ съ борзыми, веселый малый и въ пятьдесятъ лѣтъ за бутылкой вина, а то и простой водки, онъ имѣлъ много родныхъ среди помѣстнаго дворянства. И такъ какъ онъ, все-таки, былъ между ними самый выдающійся по своему образованію, то естественно, что они его выдвигали. Черезъ него можно было пріобрѣсти себѣ много приверженцевъ. Это прекрасно понималъ старый предводитель, умница, двадцать лѣтъ по заслугамъ пользовавшійся въ уѣздѣ непоколебимымъ авторитетомъ. Понималъ это и Николаевъ.

Поэтому Фошинъ—такъ звали гласнаго—всегда замѣщалъ видное мѣсто.

— Какое заявленіе?—спросилъ его предводитель.

— Да, видите ли... насчетъ, значитъ, правъ одного гласнаго, здѣсь присутствующаго... Вѣдь нельзя такъ... надо справиться прежде съ закономъ... Это я ставлю на видъ управѣ...

— Да въ чемъ дѣло-то, вы еще не сказали,—поторопилъ его Николаевъ.

— Дѣло-то въ томъ, что вотъ между нами, гласными, находится одинъ господинъ, который... не имѣетъ... этого права... здѣсь находиться... потому что онъ этого права... это право... потерялъ.

— Да кто, кто это? вы скажите же намъ!—перебилъ его, улыбаясь, Стононовъ.

— Вы меня... прошу меня не перебивать... Моя рѣчь... я свою рѣчь... однимъ словомъ, я имѣю въ виду господина Новодубскаго... Онъ право свое потерялъ... Мы ему довѣряли, то-есть, мы ему не довѣряли, а довѣряли его... землѣ... его... цензу, а не ему. И онъ права здѣсь сидѣть не имѣетъ... между нами...

Фошинъ сѣлъ, оглядываясь,—„что, молъ, хорошо я сказалъ? Теперь держись, Новодубскій"!

У Новодубскаго, когда онъ услыхалъ свое имя, кровь отхлынула отъ сердца. Онъ боялся лишиться возможности работать по земству, или, какъ онъ говорилъ, дѣлать общественное дѣло. Съ другой стороны, непріятно было быть объектомъ преній. Онъ чувствовалъ, что всѣ глаза обернулись къ нему, самъ же онъ совѣстился, не зная почему, смотрѣть на людей. Онъ только взглянулъ на Градова и шепнулъ ему на ухо:

— Не уйти ли мнѣ? А?

— Съ какой стати? Пустяки! Сидите и не волнуйтесь.

Начались пренія. Лугощинскій говорилъ за Новодубскаго, объясняя, что разъ цензъ есть, онъ права своего не терялъ. Онъ развилъ ту мысль, что цензъ лишь доказываетъ связь гласнаго съ землей, и что если эта связь признана достаточной государствомъ, опредѣлившимъ величину ценза, то не дѣло собранія ставить новыя препоны, закономъ не предусмотрѣнныя.

Поднялся еще гласный, помѣщикъ изъ коннозаводчиковъ, и высказалъ такую мысль:

— Когда мы выбрали господина Новодубскаго, онъ сталъ гласнымъ. Затѣмъ, онъ продалъ имѣніе и, слѣдовательно, потерялъ свои права. А теперь неужели онъ можетъ покупкой земли снова сдѣлаться гласнымъ?

Говорили еще кое-кто, больше повторяя чужія мысли. Кое-кто посматривалъ на Вархобскаго, какъ бы ожидая его мнѣнія. На него съ надеждой смотрѣлъ и самъ Новодубскій. Но Вар-

ховскій молчалъ, внимательно прислушиваясь къ рѣчамъ. Наконецъ, давъ всѣмъ высказаться, онъ метнулъ еще разъ глазами въ предсѣдателя.

— Позвольте мнѣ сказать,—обратился онъ къ Николаеву, пришепетывая еще больше обыкновеннаго.

Предсѣдатель сдѣлалъ рукой и головой знакъ, что, молъ, слово за вами. Всѣ гласные и публика обратились къ оратору, частные разговоры прекратились.

— Изволите ли видѣть,—говорилъ князь,—мнѣ кажется, всѣ эти пренія основаны на недоразумѣніи. Здѣсь было высказано два мнѣнія: одно—что выбирали мы господина Новодубскаго, довѣряя не ему, а его громадному имѣнію. И второе—что не могъ же гласный Новодубскій пріобрѣсти свои права, затѣмъ потерять ихъ, и теперь, благодаря покупкѣ земли, вновь начать ими пользоваться.—Начну со второго возраженія. Лѣтомъ мы выбирали господина Новодубскаго и признали его желательнымъ гласнымъ. Но никакихъ функцій гласнаго онъ не исполнялъ. Только сегодня, присягнувъ, онъ сдѣлался гласнымъ. Слѣдовательно, никакого временнаго прекращенія его дѣятельности не было и быть не могло: дѣятельность еще не начиналась.—Второе возраженіе еще менѣе обосновано. Неужели мы вѣримъ только числу десятинъ, а не человѣку? Списокъ же имѣній читался лишь для того, чтобы доказать права каждаго избирателя. Это собственно дѣло управы. Разъ цензъ есть, можетъ только возникнуть вопросъ, законенъ ли онъ. Но про законность новаго ценза никто не говорилъ. Онъ вѣдь законный, не правда ли? А въ крайнемъ случаѣ, управа можетъ намъ дать оффиціальную справку.

— Управа и удостовѣряетъ законность ценза господина Новодубскаго,—отвѣчалъ предсѣдатель управы.

— Ну, такъ вотъ,—окончилъ князь Варховскій,—мнѣ кажется, вопросъ ясенъ, и остается намъ только радоваться, что у насъ такой новый гласный.

Говоря это, князь обернулся съ улыбкой къ Новодубскому и, поправляя рукой довольно длинные, непослушные волосы, сѣлъ. Новодубскій покраснѣлъ. На сердцѣ у него отлегло; онъ былъ убѣжденъ, что теперь дѣло его выиграно, и что противникамъ не удался ихъ походъ.

Дѣйствительно, на поставленный предсѣдателемъ вопросъ большинство собранія высказалось за то, чтобы считать Новодубскаго гласнымъ.

Онъ успѣлъ, впрочемъ, увидѣть, что голосовали противъ

него люди, о которыхъ онъ заранѣе зналъ, что они его противники.

— Странно, — сказалъ онъ Градову, — значитъ, голосуютъ такъ или иначе, за или противъ, не по внутреннему убѣжденію, не по закону, а по личнымъ вкусамъ и симпатіямъ?

— А вы что̀ думали? Что все по совѣсти?

Градовъ разсмѣялся.

— Въ томъ-то и дѣло, что совѣсть-то имъ часто и подсказываетъ именно то, что̀ пріятно. Да и не имъ однимъ. Это во всемъ свѣтѣ такъ.

Земское собраніе продолжалось четыре дня, причемъ вечеромъ собиралась подготовительная коммиссія. Записывались въ нее почти всѣ гласные, на которыхъ разсчитывали, что они не откажутся придти. Предложенный Чебуровымъ, былъ записанъ и Новодубскій. Онъ не много говорилъ, а больше прислушивался, старался изучить законы и вникнуть въ практическую сторону дѣла. Впрочемъ, онъ вставалъ нѣсколько разъ, преимущественно когда шла рѣчь о мѣстности уѣзда, гдѣ была Дубовка и которую онъ зналъ лучше другихъ. Онъ впросакъ не попадалъ, и не безъ нѣкотораго самодовольства замѣчалъ, что его слушаютъ въ собраніи.

Очень удивляло его, какъ большинство безучастно относилось къ текущимъ дѣламъ. Многіе изъ съѣхавшихся на выборы гласныхъ сидѣли не въ залѣ засѣданій, а въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ могли вести частные разговоры. „Еще можно бы себѣ это объяснить,—думалъ Новодубскій,—еслибы они туда ходили курить, а то—куренье и въ залѣ допускается. Просто имъ надоѣдаетъ всякое серьезное дѣло, и они говорятъ только о женщинахъ да лошадяхъ. Даже противно“!

Только когда они нужны были для голосованія, кто-нибудь шелъ ихъ звать.

— Ну, что̀ вы сидите? Сейчасъ будутъ голосовать. Хотятъ родильные покои устроить при каждомъ участкѣ. Идите!

Или расшумятся тамъ очень, такъ что крики ихъ, а то и смѣхъ, слышны ужъ слишкомъ сквозь закрытыя двери,—тогда предводитель пошлетъ кого-либо попросить ихъ пожаловать, а если не хотятъ, то—не шумѣть.

Очень рѣзко раздѣлились гласные на передовыхъ и ретроградныхъ въ вопросѣ объ агрономіи. Годъ назадъ былъ приглашенъ агрономъ. Теперь предстояли большіе расходы на опытное и показательныя поля, на складъ орудій и сѣмянъ и другія но-

вые предначертанія, предложенныя агрономомъ и управой въ особо хорошо составленныхъ докладахъ.

Начались пренія. Сильно защищали агрономію Чебуровъ, Лугощинскій и другіе. Не менѣе яро на нее нападали противники. Крестьяне молчали. Чтобы подѣйствовать на нихъ, Новодубскій довольно пространно провелъ сравненіе между доходами десятины у насъ и въ другихъ странахъ, доказывалъ, что мы бѣдны вслѣдствіе недостатка науки и призывалъ къ ассигнованію просимыхъ суммъ.

Зала была полна. Всѣ хотѣли принять участіе въ этомъ интересномъ голосованіи. Кое-кто поглядывалъ на Варховскаго, который сидѣлъ нѣсколько угрюмо, вслушиваясь въ рѣчи гласныхъ. Когда Новодубскій говорилъ, а говорилъ онъ болѣе или менѣе общія мѣста, князь вскидывалъ на него глазами, точно желая его перебить, затѣмъ проводилъ рукой по окладистой черной бородѣ и успокаивался, какъ будто говоря:

— Подождемъ еще. Дадимъ имъ всѣмъ наболтаться.

Новодубскій кончилъ. Всѣ молчали. Не будь у всѣхъ увѣренности, что Варховскій непремѣнно скажетъ свое послѣднее слово, предсѣдатель предложилъ бы голосовать вопросъ. Больше всѣхъ ждалъ слова Варховскаго Новодубскій, увѣренный, что Варховскій ихъ поддержитъ и проведетъ агрономію. Ему пришлось горько разочароваться.

Варховскій все время казался нервнымъ. Онъ взглядывалъ то на того, то на другого, проводилъ рукою по волосамъ, мялъ какія-то бумаги. Наконецъ, вскочилъ.

— Позвольте мнѣ-съ!

— Пожалуйста,—отвѣтилъ предсѣдатель.

— Изволите ли видѣть-съ! Здѣсь много было говорено и за, и противъ агрономіи. Всѣ доводы за агрономію были неновы. Вотъ и господинъ Новодубскій говорилъ какъ будто бы и дѣло... Ну, кто же будетъ съ нимъ спорить, что у насъ урожаи хуже, чѣмъ за границей, и что наука полезна? Это мы всѣ знаемъ-съ. А все-таки я буду голосовать противъ доклада управы...

Новодубскій повернулся къ Варховскому и смотрѣлъ на него удивленно.

„Какъ, неужели онъ противъ агрономіи?"—думалъ онъ.

— А не могу я голосовать за вашъ докладъ вотъ почему-съ... Вы девять тысячъ изволите просить на агрономію?

— Девять,—отвѣчалъ предсѣдатель управы.

— Ну, такъ я этихъ девяти тысячъ не считаю возможнымъ ассигновать. На будущій годъ эти девять тысячъ разростутся въ

двадцать. Это много-съ. Вѣдь платить-то придется все это мужику. Ну, для начала, тысчонку возьмите на усиленіе склада. Куда ни шло... Я все понимаю,—сказалъ князь, обращаясь къ Новодубскому.—Агрономія—вещь хорошая, и все это, можетъ быть, и вернется со временемъ, да теперь-то брать ихъ нельзя съ мужика. Ужъ вы меня извините-съ...

Князь сѣлъ, причемъ лицо его приняло выраженіе вопросительное.

— Ну что? Такъ вѣдь я сказалъ?—читалось на его лицѣ.

Въ особенности жадно слѣдили за нимъ гласные-крестьяне. Одинъ изъ нихъ даже всталъ.

— Совершенно вѣрно ихъ сіятельство сказали. Потому что, къ примѣру, насчетъ пахоты... ежели овса будетъ у мужика лошади дать, то и мужикъ спашетъ хорошо, а не будетъ, къ примѣру, овса, такъ и ученый не вспашетъ, какъ лошадь не пойдетъ.

Гласный сѣлъ, и всѣ его товарищи видимо ему сочувствовали.

Голосованіе дало, конечно, громадное большинство противъ агрономической организаціи. Всѣ крестьяне голосовали противъ. Новодубскій остался въ меньшинствѣ.

„Ну, крестьяне—пусть себѣ,—думалъ онъ,—а Варховскій, каковъ Варховскій? Ужъ и онъ не къ мракобѣсамъ ли переходитъ“?

Вслѣдъ за агрономіей поставленъ былъ на очередь школьный отчетъ Тростенскаго и управы. Отчетъ Тростенскаго былъ страшно длиненъ, но Новодубскій, любившій школьное дѣло, слушалъ его весь съ напряженнымъ вниманіемъ. Управа на основаніи доклада инспектора запросила очень много. Описавъ яркими красками плачевное положеніе учителей и учительницъ, докладъ предлагалъ имъ всѣмъ усилить значительно содержаніе. Кромѣ того, просили ассигновать дополнительные платежи за каждыя пять лѣтъ службы. Наконецъ, въ виду плохого состоянія школьныхъ зданій, просили ежегодной ассигновки на ихъ ремонтъ.

Пренія, при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, вызвали раздѣленіе гласныхъ на двѣ категоріи: мракобѣсовъ, какъ ихъ величалъ Новодубскій, и передовыхъ. Блестящую рѣчь произнесъ Чебуровъ. Противники были мало краснорѣчивы, зато очень многочисленны. Поддержки ждалъ Новодубскій отъ Варховскаго, который, казалось, углубился въ свои мысли.

Такъ же, какъ при обсужденіи агрономіи, Новодубскому захотѣлось высказаться, и онъ произнесъ рѣчь о пользѣ образованія

и о необходимости имѣть болѣе или менѣе обезпеченный учительскій персоналъ. Когда онъ сѣлъ, онъ чувствовалъ, что говорилъ гладко, не запинаясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ собою недоволенъ.

„Чего меня дергало говорить, что̀ всѣ и безъ меня знаютъ? Варховскій уже намекнулъ на это въ вопросѣ объ агрономіи".

Дѣйствительно, всталъ князь, спросивъ по обычаю позволенія говорить у предсѣдателя.

— Много тутъ было говорено о пользѣ ученія. Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма, это—богатая, но, думаю, уже неоднократно использованная тема. Говорили... какъ это по латыни говорится?—и князь какъ бы нечаянно обратился, улыбаясь, къ Новодубскому:—multum, non multa... такъ?

— Неужели онъ хочетъ доказывать вредъ образованія?—шепнулъ на ухо Градову Григорій Аполлоновичъ. Градовъ улыбнулся.

— Я со всѣмъ этимъ согласенъ, но думаю, что расходы надо сообразовать со средствами. А средства у насъ небольшія... да-съ! Все это прекрасно, и еще многое другое прекрасно. Но, господа, надо идти постепенно, а не скачками. Не пришлось бы потомъ убавлять. А это уже совсѣмъ плохо! гораздо хуже, чѣмъ вовсе не прибавлять... Это васъ удивляетъ?..—сказалъ князь Новодубскому, замѣтивъ недовольный взглядъ его:—между тѣмъ это такъ, и я позволю себѣ высказаться противъ этого ассигнованія.

„Что̀ онъ дѣлаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ?.. Э! да онъ чистой воды мракобѣсъ!"—думалъ Новодубскій.

Голосованіе опять дало большинство противникамъ образованія. Новодубскій изъ себя вонъ выходилъ и главнымъ виновникомъ считалъ Варховскаго.

На этихъ вопросахъ онъ подсчиталъ силы: на сторонѣ большинства, т.-е. мракобѣсовъ, какъ онъ ихъ называлъ, былъ Николаевъ, Градовъ и нѣсколько гласныхъ еще. Въ числѣ передовыхъ были люди постарше: Стононовъ, Чебуровъ, Лугощинскій. И странное наблюденіе сдѣлалъ Новодубскій. Ни одного между отсталыми не было не только талантливаго, но хотя бы мало-мальски умѣющаго грамотно говорить, тогда какъ между либералами находились и люди, умѣвшіе говорить.

— Отчего бы это такъ?—спрашивалъ онъ Градова.

— Ну, вы не очень-то любезны,—отвѣтилъ тотъ.

— Присутствующіе въ счетъ не идутъ,—это старая пословица.

Въ послѣдній день собранія происходили выборы. По оживленію, которое царило передъ выборами въ управу, Новодубскій могъ убѣдиться, что ему и думать было нечего о его кандидатурѣ въ предсѣдатели или даже въ члены управы. Предсѣдателемъ былъ выбранъ прежній, а изъ членовъ двое перемѣнились. Многіе подходили къ Новодубскому и просили поддержки.

„Фу, какъ люди подлы!" —думалъ онъ про себя.

Самъ онъ согласился баллотироваться только въ губернскіе гласные и въ члены училищнаго совѣта. То и другое было предложено Чебуровымъ. Къ большому удовольствію Новодубскаго, онъ прошелъ въ обѣ баллотировки.

— У насъ немного охотниковъ на должности безплатныя и притомъ сопряженныя съ расходами. Вѣдь какъ ни говорите, губернскому гласному надо ѣхать въ губернскій городъ и недѣли по двѣ, по три тамъ проживать,—объяснялъ ему Градовъ.

Вечеромъ многіе уѣзжали съ поѣздомъ, въ томъ числѣ князь Варховскій. Новодубскій пошелъ съ ними на вокзалъ. Частью онъ хотѣлъ проводить кое-кого, частью ему хотѣлось приглядѣться къ Варховскому, котораго отношеніе къ агрономіи и къ школамъ его поразило. Онъ устроился такъ, чтобы сѣсть рядомъ съ нимъ за обѣдомъ.

Онъ долго ничего не говорилъ и слушалъ князя, который смѣялся и шутилъ съ Чебуровымъ.

— Что вы на меня такъ смотрите?—спросилъ Новодубскаго князь.

— По правдѣ вамъ сказать,—отвѣтилъ Григорій Аполлоновичъ,—я васъ изучаю. Вы меня, признаюсь, поразили третьяго дня въ вопросахъ агрономіи и школъ.

— А!.. вы объ этомъ... Почему я голосовалъ противъ этихъ нововведеній?

— Да, признаюсь,—простите, я скажу откровенно: я отъ васъ этого не ожидалъ.

— А по-моему, напрасно вы голосовали за нихъ. И постараюсь вамъ доказать, почему. Неужели вы думаете, что я не понимаю пользы всякихъ наукъ для русскаго народа, и агрономіи въ частности, пользы школъ, пользы хорошей медицины, хорошей ветеринаріи?.. Все это я понимаю не хуже васъ. И все-же считаю себя правымъ, когда голосовалъ противъ большихъ ассигновокъ на все это. Одно—считать вещь полезной, другое—немедленно ее вводить... Подумали ли вы, Григорій Аполлоновичъ, какъ отражаются на крестьянинѣ всѣ эти ассигновки? А мы подумали. И вотъ какъ: нѣсколько человѣкъ произвели

анкеты крестьянскаго благосостоянія за эти десять лѣтъ. Анкеты самыя подробныя. Мы изучали всѣ расходы, всѣ доходы въ трехъ различныхъ деревушкахъ, довольно отдаленныхъ другъ отъ друга. И мы ужаснулись. Деревня разоряется, бѣднѣетъ и въ урожайные годы, число лошадей и скота уменьшается, смертность дѣтей увеличивается... Куда мы идемъ? Мѣрили ли вы, какъ отражается каждый грошъ податей на несчастномъ мужикѣ?.. А мы мѣрили. Хороши школы и больницы,—но нужно соображать, кто ихъ долженъ заводить. Я думаю—государство, а не земство, не тотъ же мужикъ. А что, если школа будетъ стоить столько-то жизней малютокъ, которыя умрутъ съ голода? Что вы тогда скажете?.. Пусть умираютъ!.. Или сознательно скажете: не надо мнѣ этой школы, мужицкою кровью купленной! И каждый разъ я въ тупикъ становлюсь передъ этой страшной дилеммой... Нельзя такъ: ретроградъ, прогрессистъ! Хороша школа—вали ихъ сколько влѣзетъ!.. Надо обдумать... и тогда... и тогда вы ужаснетесь передъ отвѣтственностью, которую на себя съ легкимъ сердцемъ берете... и вы пожалѣете этого мужика, и вы предпочтете скорѣе прослыть за ретрограда, нежели обременять его бюджетъ лишнимъ гривенникомъ, отнявъ, быть можетъ, кашу у его дѣтей... Богъ съ ними со школами, купленными этой цѣной!.. Пожалѣйте мужика!.. Онъ и безъ того умираетъ медленною смертью...

Князь былъ блѣденъ, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше волновался. Онъ говорилъ все громче и громче, сильно пришепетывая. Сначала онъ обращался къ Новодубскому, а потомъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, онъ сталъ обращаться и къ другимъ, здѣсь сидѣвшимъ гласнымъ. Всѣ молчали и слушали его.

Наконецъ онъ заговорилъ такъ громко, что стали останавливаться и прислушиваться случайно бывшіе на вокзалѣ незнакомые пассажиры. Но и этимъ князь не смутился и говорилъ, и, увлеченный мыслями своими, не обращалъ никакого вниманія.

— Надо его пожалѣть, этого мужика! И прямо, и косвенно берется все съ него, а ему взамѣнъ ничего не дается; а когда и хотятъ ему что дать, то за его же счетъ! Да прежде всего накормите его и дѣтей его, дайте ему дышать свободнѣе, не берите съ него послѣдній грошъ, разъ онъ у него заводится, и тогда уже говорите о школѣ, о прогрессѣ. А главное, вникните въ суть дѣла и, увлекаясь громкими словами, не губите тѣхъ, кому хотите дѣлать добро. А крестьянина всѣ разоряютъ; и начальство, и помѣщикъ, и лавочникъ, и вы, его радѣтели на

словахъ,—тоже его разоряете. Да перестаньте, пожалѣйте его наконецъ!..

Вархоcкій, все болѣе и болѣе возбужденный, держалъ вилку въ рукѣ и при послѣднихъ словахъ бросилъ ее на полъ.

Это его заставило придти въ себя. Онъ сконфуженно улыбнулся и поднялъ вилку.

— Однако, какъ я увлекся!—сказалъ онъ тихо и обращаясь къ Новодубскому.—Да больно предметъ-то такой, что спокойно о немъ говорить мудрено. Ну что? Кажется, вамъ все это убѣдительно?

Новодубскій ему не отвѣтилъ. Онъ, съ самаго начала рѣчи князя, впился въ него глазами и не могъ оторваться. Онъ не столько вникалъ въ суть того, что тотъ говорилъ, сколько восторгался его увлеченіемъ, его горячностью.

Правъ князь или не правъ?—могъ ли Новодубскій опредѣлить это? Для того, чтобы умомъ рѣшить такой вопросъ, нужно много думать, много наблюдать, много знать. Но Григорій Аполлоновичъ былъ пораженъ силой чувства князя къ крестьянину.

„Вотъ какъ надо любить крестьянина, а не такъ, какъ я",—подумалъ онъ.

И онъ проникся къ нему глубокимъ уваженіемъ. Вечеромъ онъ не заходилъ къ Настѣ и долго обдумывалъ все это до поздней ночи.

„Да, любитъ князь мужика. А впрочемъ... да, онъ увлекся мужикомъ въ мимолетномъ порывѣ до того, что бросилъ вилку на полъ, а больше чѣмъ онъ пожертвовалъ? Громадныя имѣнія, дѣти выхоленныя, гувернантки... все какъ полагается по штату!.. А увлекся онъ до того, чтобы чѣмъ-нибудь пожертвовать своимъ?.. Да,—а есть люди, жертвующіе всѣмъ, что имѣютъ, жизнью, дѣтьми...

„Мудреные, мудреные вопросы. А все-таки не могу убѣдить самого себя! Нужно земству напрягать всѣ силы, чтобы заводить школы? Вѣдь будутъ школы—конечно, хорошія—будетъ и хлѣбъ"...

Мало-по-малу онъ заснулъ, довольный, что началъ новую дѣятельность...

„Какъ же это съ Настей-то сегодня не видался?.. Ну, завтра надо переговорить и съ ней"...

XXV.

„Какъ же я, однакожъ, заведу съ Настей разговоръ о свадьбѣ?—думалъ Новодубскій, умываясь и готовясь къ ней идти.—Ну, тамъ видно будетъ. Никогда я заранѣе разговора не приготовлю".

Настя съ радостью приняла его и стала разспрашивать про земское собраніе.

— Ну, кого вы тамъ видѣли?—спросила она.

— Кого бы тебѣ назвать?.. Видѣлъ милаго доктора. Слушалъ доклады и пренія по медицинѣ—точно его самого дѣло касается... весь ходуномъ ходитъ.

— Я его не люблю, вашего доктора...

— Почему? Онъ тебя лечилъ какъ родной.

— Лечилъ-то онъ куда лучше...

— Ну такъ за что же ты его не любишь?

Настя покраснѣла.

— Онъ надо мной все смѣется.

— Онъ? Надъ тобой? Да ты съ ума сошла! Это человѣкъ на насмѣшку неспособный, и подавно по отношенію къ тебѣ... Да что съ тобой?

У Насти навернулись слезы.

— А!.. я понимаю теперь. Ты обижаешься, что онъ называетъ тебя моей женой, а меня—мужемъ твоимъ?.. Да?

Настя сдѣлала головой знакъ, что „да“.

— Ты за это на него сердишься? Во-первыхъ, онъ не только въ насмѣшку, но и въ шутку не позволитъ себѣ ничего подобнаго. Во-вторыхъ, это правда или скоро будетъ правда: мы нанняхъ съ тобой поженимся.

Настя пуще прежняго расплакалась.

— Я не думала... не ду...мала... что и вы... и вы... станете... смѣяться!.. Это грѣшно!.. Григорій Аполлоновичъ...

— Голубушка, перестань ты Бога ради! Ну, подумай сама: способенъ ли я на такую насмѣшку? А? Коли говорю—значитъ, правда.

— Богъ знаетъ, что вы... говорите... Какая же я ваша жена?

— Жена какъ жена. Я тебя люблю. Ты меня любишь. А главное, скоро у насъ будетъ ребенокъ.

Настя обтерла глаза.

— Ну, хоть вы бы и не смѣялись, Григорій Аполлоновичъ, а женой вашей я быть не могу.

— Почему?

— Потому что я вамъ не пара. Ваши знакомые не захотятъ меня знать. Какая же я послѣ этого буду жена вамъ?

— Съ такими мнѣ и знакомство не нужно. А люди хорошіе есть, которые на это не посмотрятъ. Да, вотъ, возьми хоть доктора, котораго ты почему-то не возлюбила: онъ на тебя уже теперь смотритъ какъ на жену мою и приглашаетъ къ своей женѣ въ гости. Такихъ много, и съ ними мы и будемъ знаться.

— А ваша мать?

— Что же дѣлать! Я отъ тебя не скрою: мать моя противъ...

— Вы съ нею говорили?

— Говорилъ. Но если она и противъ,—я не малолѣтній и тоже исполню свой долгъ.

— Да, наконецъ, вы сами раскаетесь. Вамъ скучно будетъ съ необразованной женой.

— Ты выучишься. Ты молода и успѣешь всему научиться. Да, наконецъ, все это пустяки въ сравненіи съ главнымъ.

— Съ чѣмъ?

— Съ тѣмъ, что ребенокъ нашъ долженъ быть законнымъ. Ну, подумай сама: неужели я допущу будущему сыну своему, или дочери—это все равно—называться незаконнымъ? Да за это меня бы повѣсить мало.

Настя молчала, опустивъ глаза. Ей совѣстно было смотрѣть на Новодубскаго.

— Вы говорите хорошо, лучше меня. И я за вами не поспѣю, но все-таки я чувствую, что все это только разговоры. Свадьбѣ нашей не бывать. А главная тому причина, что я васъ свяжу, во всемъ свяжу. А я этого не хочу. Лучше я буду страдать съ своимъ ребенкомъ, лишь бы не видѣть, что вы со мной страдаете.

— За себя ты говорить можешь, а за ребенка не имѣешь права. Ты не можешь такъ же, какъ и я, осуждать его на вѣчное страданіе. Поэтому тебѣ я скажу то же, что и мнѣ говорили добрые люди: ты не только можешь, но и должна выйти за меня.

— И ваша мать, и всѣ будутъ потомъ говорить, что я заставила васъ жениться, а въ лучшемъ случаѣ будутъ меня упрекать въ томъ, что я съ вами сошлась изъ-за личныхъ выгодъ, имѣя въ виду выйти за васъ замужъ.

— Ну, послушай сама себя, что ты говоришь. Я тебѣ говорю про наши обязанности къ будущему ребенку, а ты хочешь его сдѣлать несчастнымъ изъ-за того, чтобы не подозрѣвали тебя въ дурныхъ чувствахъ, которыхъ у тебя не было. Вѣдь это Богъ знаетъ, что за нелѣпость!

Много они еще говорили на эту тему, и Новодубскому такъ и не удалось ее уговорить. Вечеромъ онъ пригласилъ доктора Шейна.

— Здравствуйте, Настасья Петровна!—сказалъ онъ, входя:— Что это вы вздумали на меня, что я надъ вами смѣюсь...

— А онъ вамъ уже сказалъ?

— Сказалъ, сказалъ. Ну, скажите, голубушка, похожъ ли я на человѣка, который надъ вами могъ смѣяться? Скажите по правдѣ.

Настя взглянула въ доброе лицо доктора, и, увидавъ его улыбающіеся глаза, сама улыбнулась.

— Нѣтъ, я вѣрю вамъ, что вы не смѣялись.

— Не только не смѣялся, называя васъ женой Григорія Аполлоновича, но и твердо убѣжденъ, что вы и теперь его жена.

— Какъ такъ?

— А развѣ вы съ нимъ какъ братъ съ сестрой живете? Для меня, разъ вы съ нимъ живете безъ намѣренія завтра разойтись, вы уже мужъ и жена. А теперь вамъ предстоитъ только маленькая формальность, чтобы у вашего ребенка была хорошая бумажка. Безъ бумажки человѣкъ жить въ Россіи не можетъ. И вотъ, чтобы его бумажка была хороша — извольте съ нимъ покружиться.

Такія понятія о бракѣ Настя слышала въ первый разъ. Она не могла повѣрить доктору.

— Вы опять надо мною смѣетесь, — сказала она.

Долго опять пришлось ее уговаривать, что никто надъ нею не смѣется. Но она такъ и не соглашалась весь вечеръ съ нимъ. То она какъ будто не вѣрила въ серьезность предложенія, то убѣжденіямъ Новодубскаго, что и онъ и она обязаны пожениться ради блага будущаго ребенка, противопоставляла, что не хочетъ его связать и сдѣлать на всю жизнь несчастнымъ.

— Ну, подумайте, докторъ: можетъ ли онъ на мнѣ жениться? Посмотрите мои руки. Сколько разъ онъ меня попрекалъ красными руками...

— Не попрекалъ я...

— Пустяки все это... Успѣете сдѣлаться бѣлоручкой. Гордиться надо рабочими руками, а не стыдиться ихъ...

Этого тоже она не поняла.

Цѣлый вечеръ бились они и ничего не добились. Не добился Новодубскій ничего и въ слѣдующіе дни. Онъ сталъ бояться, что встрѣтитъ съ ея стороны окончательное сопротивленіе. Она отвѣчала все одно, что она ему не ровня, и что она за ни за что не согласится.

Онъ сталъ требовать отъ нея согласія, говоря, что она не вправѣ это дѣлать, и чуть не угрожая разрывомъ. Дѣло дошло до обильныхъ слезъ Насти. Наконецъ, рѣшили такъ: выписать Анисью Петровну, изложить ей все дѣло и предоставить ей рѣшить. Такъ и сдѣлали.

Сначала сестра, ознакомившись съ новымъ положеніемъ Насти, была за нее и даже похвалила, что она такъ твердо стоитъ на своемъ.

Но, выслушавъ Новодубскаго, она на слѣдующій же день сказала Настѣ, что видно такъ Богу угодно, и совѣтовала дать согласіе. Настя согласилась, и съ этой минуты стала страшно конфузиться Новодубскаго. Она могла быть неровней въ качествѣ любовницы, но женой хотѣла быть равной ему или, по крайней мѣрѣ, не заставлять его краснѣть за недостатки ея воспитанія. Пополнить этотъ недостатокъ стало цѣлью ея жизни. Этимъ она рѣшилась отплатить Новодубскому за его любовь, сглаживая по возможности всѣ шероховатости, которыя, она чувствовала, могли его коробить какъ въ ея наружности, такъ и въ познаніяхъ.

Новодубскій, какъ только дѣло было окончательно рѣшено, написалъ длинное письмо матери. Онъ вылилъ въ немъ еще разъ всю свою душу, объяснялъ, почему онъ на этотъ бракъ рѣшился: онъ счелъ, что это его долгъ, и въ концѣ умолялъ примириться съ его поступкомъ въ виду чистоты его побужденій.

Отправивъ письмо заказнымъ, онъ сталъ ждать отвѣта. Черезъ двѣ недѣли онъ понялъ, что мать ему не хочетъ отвѣчать. Онъ написалъ вторично, и вторично прямого отвѣта не получилъ. Только пришло письмо отъ сестры. Она писала, что слышала о томъ, что онъ скоро женится, — очевидно, мать ей писала, — подумалъ онъ, — и что желаетъ ему счастья, котораго онъ заслуживаетъ.

„Одно плохо, — писала она, — это то, что никакъ нельзя помирить съ этой мыслью мама. Она твердитъ одно: „у меня одинъ сынъ!“ Да, передѣлать старыхъ людей трудно. Одна надежда — на время. Можетъ быть, она и свыкнется съ мыслью о твоей женитьбѣ. Я все, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю съ своей стороны, чтобы достигнуть этого результата.

„Можешь себѣ представить, — Дима за особыя заслуги произведенъ въ полковники! Такого молодого полковника и старики не запомнятъ“...

Письмо сестры отняло у Новодубскаго послѣднюю надежду на согласіе матери на его бракъ. Только въ отдаленномъ будущемъ онъ могъ надѣяться на примиреніе, и потому наканунѣ свадьбы написалъ ей послѣднее письмо, въ которомъ изливалъ предъ нею свою душу.

„Вѣрю, — заключилъ онъ, — что придетъ лучшее время, и что ты простишь мой невольный грѣхъ по отношенію къ тебѣ...“

Александръ Новиковъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ
АМУРСКАГО КРАЯ
1854—1904 гг. [1]).

I.

Завоеваніе Амурскаго края.

Московское государство находилось еще въ первобытномъ состояніи: требовалась потому организація государственныхъ и общественныхъ формъ, обезпечивающихъ народу правильную и стройную жизнь и дающихъ возможность воспользоваться разумно естественными богатствами страны; нужно было развить промышленность и выйти изъ мрака невѣжества и дремучихъ лѣсовъ на культурную дорогу. Но татарщина успѣла уже глубоко проникнуть во всѣ слои населенія, до правителей включительно. И въ могущественномъ по внѣшности государствѣ чувствовалась давно тѣснота, неурядица, необезпеченность народной жизни. Масса терпѣливо несла тяжелый крестъ, а отдѣльныя личности не выдерживали, вступали въ оппозицію, въ столкновеніе съ существующими порядками, или просто отправлялись на розыски новыхъ мѣстъ, на вольную жизнь, съ разсчетомъ сложить тамъ буйную голову или урвать на свою долю счастья въ чужихъ краяхъ.

[1]) Въ настоящемъ историческомъ очеркѣ рѣчь идетъ лишь объ Амурской и Приморской областяхъ, отошедшихъ къ Россіи по айгунскому и тяньцзинскому договорамъ 1858 и 1860 гг.

Вотъ такія буйныя головы и разбрелись тогда по всѣмъ направленіямъ въ восточныя и южныя страны. Партіи такихъ удальцовъ проникли и за Уралъ, въ Сибирское царство. Удачный набѣгъ, захваченная богатая добыча дали возможность нарушителямъ закона примириться съ правительствомъ. И давно заготовленная веревочная петля на шею смѣлому авантюристу была замѣнена собольей шубой съ царскаго плеча. Слишкомъ заманчиво было получить обширный край, гдѣ предстояла возможность собрать обильную жатву, не затративъ ничего на посѣвъ.

Такимъ образомъ, къ Московскому государству присоединилась Сибирь, на которую смотрѣли только съ ясачной точки зрѣнія. Въ оплату же за полученные оттуда щедрые дары рѣшили посылать туда все негодное, преступное, все, что было нетерпимо въ государствѣ. Отдаленность же края и трудность сообщеній установили здѣсь широкій произволъ воеводъ и приказныхъ.

Такъ двигалась Русь на востокъ, имѣя во главѣ удалую вольницу, а въ хвостѣ—приказную рать. Дойдя до озера Байкала, это движеніе свернуло на рѣку Лену и проникло до сѣверовосточнаго побережья Тихаго океана. Казалось бы, можно успокоиться, но жажда новыхъ приключеній, еще большей славы и наживы не затихала. Невѣдомая страна по ту сторону водораздѣла манила неугомонныхъ. Прошелъ слухъ, что тамъ, на южномъ склонѣ—дивный край. Молочныя рѣки съ кисельными берегами, слитки золота, серебра и изобиліе земныхъ благъ щедро разсыпаны среди какихъ-то дикарей, какихъ-то полулюдей. Неужели всю эту благодать оставить въ распоряженіи язычниковъ? И начали снаряжаться экспедиціи для развѣдки края, лежащаго по ту сторону Станового хребта.

Одна изъ такихъ экспедицій, подъ начальствомъ Василія Пояркова, въ составѣ 130 человѣкъ, поднялась въ 1644 году по рѣкѣ Амуру, перевалила Становой хребетъ и очутилась у истоковъ Амурскаго бассейна. Спустившись по рѣкамъ Брянтѣ и Зеѣ до Амура, экспедиція поплыла внизъ по этой рѣкѣ и добралась до моря. Въ это время манчжуры воцарились въ Китаѣ, согнавъ съ пекинскаго престола минскую династію. Амурскій край входилъ тогда въ составъ Манчжуріи и, слѣдовательно, принадлежалъ Китаю. Но китайскій богдыханъ столько же зналъ про Амуръ, сколько и Московское государство о своихъ отдаленныхъ колоніяхъ. Экспедиція Василія Пояркова была не правительственнымъ, а частнымъ предпріятіемъ авантюриста.

Инородцы, жившіе по Амуру, были поражены появленіемъ

русскихъ и встрѣтили ихъ недружелюбно. Сразу они поняли, что здѣсь идетъ посягательство на ихъ свободу, на ихъ земли, на ихъ достояніе. Благодаря огнестрѣльному оружію у русскихъ, инородцы не могли дать отпора Пояркову, и отрядъ побѣдоносно произвелъ развѣдку. Неожиданное открытіе новаго края, привольная жизнь туземцевъ, величественная рыбная рѣка,—все это привело въ восхищеніе Поярковскую вольницу. Но громадныя затрудненія путешествія, стычки съ инородцами, всевозможныя лишенія въ дикомъ, почти ненаселенномъ краѣ заставили Пояркова ограничиться лишь развѣдкой, и къ концу 1645 года онъ направился обратно въ Якутскъ съ награбленной добычей. Разсказы про удачный набѣгъ на Амуръ произвели большое впечатлѣніе въ Якутскѣ. Беззащитность живущихъ тамъ народовъ соблазняла многихъ отправиться туда за легкой добычей и безнаказанно воспользоваться ихъ достояніемъ. Явилась мысль даже совсѣмъ завладѣть краемъ и преподнести его какъ даръ московскому царю.

И вотъ въ 1649 году Ерофей Хабаровъ, снарядивъ отрядъ вольницы въ 70 человѣкъ, отправился на Амуръ, но уже другой дорогой. Онъ поднялся по рѣкѣ Олекмѣ до водораздѣла и спустился къ Амуру долиной р. Урка, гдѣ сразу и столкнулся съ жившимъ здѣсь народомъ. Предвидя сильное сопротивленіе со стороны туземцевъ, онъ не рѣшился идти дальше съ такимъ малочисленнымъ отрядомъ. А потому, перезимовавъ въ верховьяхъ, вернулся въ Якутскъ, чтобы взять подкрѣпленіе людьми и боевыми припасами. На слѣдующій годъ онъ отправился снова и вышелъ, въ 1651 году, къ Амуру въ верхнемъ его теченіи, у нынѣшняго города Албазина. Это была уже не развѣдка, а настоящій походъ съ завоевательными цѣлями. Произошла битва, туземцы были разбиты и прогнаны съ своихъ мѣстъ. На первомъ завоеванномъ мѣстѣ и рѣшено было построить русскій острогъ Албазинъ.

Укрѣпившись здѣсь и запасшись провіантомъ, Хабаровъ оставилъ въ острогѣ небольшой гарнизонъ, а самъ двинулся на плотахъ внизъ по Амуру. О своемъ побѣдоносномъ шествіи послалъ онъ сообщеніе якутскимъ властямъ, прося подкрѣпленія для дальнѣйшаго похода. Когда эти вѣсти достигли до Якутска, тамъ всѣ всполошились. Цѣлыя толпы въ видѣ партій и отрядовъ потянулись на Амуръ, на новыя земли, торопясь пораньше захватить мѣстныя богатства, размѣръ которыхъ молва раздула до баснословности. Тутъ ужъ пришлось якутскому воеводѣ о подвигахъ Хабарова довести до свѣдѣнія Москвы. Москва рѣ-

шила принять новый даръ благосклонно и послала на Амуръ войска на помощь Хабарову.

Пока добрались эти войска до Амура, Хабаровъ успѣлъ уже покорить нѣсколько городковъ, обложить жителей данью и спустился по Амуру до устья р. Сунгари. Начальникъ московскихъ войскъ, Зиновьевъ, сразу сталъ во враждебныя отношенія къ отряду Хабарова. Хабаровъ и его казаки не взлюбили Зиновьева. До его прихода они были здѣсь полными, безконтрольными хозяевами, широко эксплоатируя туземцевъ. Зиновьевъ же вздумалъ заводить порядки, устраивать остроги, заставляя работать казаковъ, запрещалъ грабежи и насилія надъ инородцами. Считая Хабарова организаторомъ и защитникомъ царившаго тамъ произвола, Зиновьевъ рѣшилъ убрать этого завоевателя и представить его на судъ въ Москву. Разобравшись немного въ дѣлахъ и намѣтивъ необходимыя задачи въ пріобрѣтенномъ краѣ, Зиновьевъ оставилъ отрядъ подъ начальствомъ Степанова, на котораго возложилъ всю заботу объ устройствѣ русскихъ поселеній, разработкѣ земель для хлѣбопашества и снабженіи продовольствіемъ какъ войска, такъ и прибывшихъ туда русскихъ колонистовъ,—а самъ, захвативъ Хабарова, уѣхалъ въ Москву. Хабаровъ, вмѣсто наказанія, получилъ въ Москвѣ награду, боярское званіе, хотя на Амуръ не вернулся.

Степанову не удалось выполнить возложенныхъ на него задачъ. Слишкомъ публика собралась разнузданная. Работать никто не хотѣлъ, а запрещеніе легкой наживы, насилія и грабежа надъ инородцами піонеры Амура считали реформой для себя стѣснительной, такъ какъ въ этомъ случаѣ Амуръ терялъ для нихъ всю свою привлекательность; а потому общее недовольство проникло и въ войска. Начались разлады, нарушенія дисциплины и даже сопротивленія распоряженіямъ Степанова. Тѣмъ же временемъ о подвигахъ русскихъ и притѣсненіяхъ туземцевъ дошли вѣсти до Пекина. Не успѣли оглядѣться, какъ подошли манчжурскія войска, и начались кровавыя схватки. Пришлось русскимъ уступить силѣ и уходить съ захваченныхъ мѣстъ. Степанову подкрѣпленій не посылали, а манчжурская армія все увеличивалась и увеличивалась и тѣснила небольшой русскій отрядъ. Кончилась вся эта затѣя въ 1658 году печально. Степановъ былъ окруженъ войсками, разбитъ на голову, и самъ погибъ въ этомъ бою. Остатки разбитаго отряда кое-какъ добрались до Якутска, и Амуръ былъ покинутъ русскими. На этомъ, думали, и закончится попытка русскихъ захватить Амуръ. Прошло восемь лѣтъ, и про Амуръ почти забыли. Но въ 1666 году нѣкій аван-

тюристъ Черниховскій съ „товарищами“ появился на Амурѣ у города Албазина, захватилъ его, обложилъ жителей данью и въ теченіе шести лѣтъ распоряжался въ этомъ районѣ вполнѣ самостоятельно. Черниховскій, родомъ полякъ, убилъ воеводу Обухова въ Илимскѣ и бѣжалъ на Амуръ со своей шайкой. Жалобы населенія снова дошли до Пекина, а Пекинъ сообщилъ о разбойническихъ продѣлкахъ Черниховскаго Москвѣ. Но посланный Черниховскимъ богатый ясакъ умилостивилъ начальство, и онъ былъ оправданъ, хотя для разбора дѣла послали на мѣсто дѣйствія нѣкоего Осколкова. Осколковъ сразу сошелся съ Черниховскимъ, и они совмѣстно заняліись „устройствомъ дѣлъ“ на Амурѣ. Покоренные туземцы волкомъ взвыли отъ этого „устройства“ и обратились за защитой въ Пекинъ.

При тогдашнихъ способахъ сношеній пришлось употребить много времени на переговоры, но такъ какъ Китай не добился удовлетворенія изъ Москвы, то въ 1685 году снова явились манчжурскія войска. Албазинъ былъ взятъ, несмотря на геройскую его защиту, а уцѣлѣвшіе остатки гарнизона ушли въ Забайкалье. Но лишиться Амура Россія не желала и послала черезъ годъ тобольскаго воеводу Толбузина съ войскомъ, отобрать обратно у китайцевъ Албазинъ. Албазинъ былъ осажденъ русскими войсками. Осада длилась около года, и китайцы должны были капитулировать. Начались между Пекиномъ и Москвою переговоры. Хотя и жаль было разстаться съ неожиданнымъ пріобрѣтеніемъ, но Москва дорожила мирными отношеніями съ Китаемъ изъ-за кяхтинской торговли. Что̀ еще дастъ Амуръ, окупятся ли затраты людьми и деньгами на удержаніе Амура, — все это было проблематично, тогда какъ кяхтинская торговля уже было точно опредѣленное и прибыльное дѣло. Къ тому же Петру I въ это время было не до Амура, и столкновеніе съ китайскими войсками было несвоевременно, а потому пошли на уступки.

По нерчинскому трактату 27 августа 1689 года весь Амуръ отъ рѣки Аргуни отошелъ обоими берегами къ Китаю до р. Уссури. На сѣверо-востокѣ и по Уссури до моря границы остались невыясненными, такъ какъ ни русское, ни пекинское правительства не имѣли точныхъ свѣдѣній объ этихъ границахъ.

Такъ закончился второй періодъ попытки русскихъ завладѣть Амуромъ.

Шли годы, годы знаменательные для Россіи. Россія не только округляла свои границы, но и внутренняя реформа шла. Не до Амура было; приходилось считаться съ культурными сосѣдями и отстаивать свои интересы отъ ихъ поползновеній. Но мысль

объ утраченномъ Амурѣ не заглохла совсѣмъ. Вмѣсто военнаго похода на востокъ, начался рядъ мирныхъ экспедицій для изслѣдованія края. Изслѣдованіе началось съ сѣверо-восточныхъ окраинъ, съ побережья Охотскаго и Японскаго морей. Въ теченіе всего XVIII вѣка предпринимались такія экспедиціи. И открытія Беринга, Палласа, Крашенинникова, Миллера и др., показали, что крайнимъ востокомъ пренебрегать не слѣдуетъ. А потому отыскать кратчайшій путь для Россіи къ берегамъ восточныхъ побережій являлось дѣломъ первостепенной важности.

Хотя долина р. Амура и не была изслѣдована, такъ какъ Поярковъ и Хабаровъ, по своему невѣжеству, не могли дать какихъ-либо свѣдѣній о направленіи и протяженіи этой рѣки, но все-таки существовало предположеніе, что р. Амуръ—и есть ближайшій и удобнѣйшій путь къ Охотскому морю. Наступили кровавые дни въ Европѣ,—приняла въ нихъ участіе и Россія. Отечественная война и походъ въ Парижъ со всѣми его послѣдствіями, отвлекли на продолжительное время вниманіе отъ Амура. Затѣмъ, особенно когда въ Забайкальѣ русская колонизація дошла до самаго входа въ желанный Амуръ, потребность въ заманчивой рѣкѣ стала ощущаться все сильнѣе и сильнѣе. Было рѣшено изслѣдовать Амуръ, и академикъ Миддендорфъ, пробравшійся черезъ Якутскую область на Амуръ, вышелъ въ 1845 году у его истоковъ. Тутъ только было установлено точное направленіе и южное протяженіе широкой и многоводной рѣки. Самое же главное выяснилось—это безлюдность береговъ Амура, покинутыхъ китайцами. Очевидно, набѣги русскихъ въ XVII вѣкѣ вынудили инородцевъ переселиться въ болѣе безопасныя мѣста въ сосѣдней Манчжуріи.

Предположеніе, что Китай, за отдаленностью и трудностью охранять эту окраину, мало дорожитъ ею, еще болѣе усилило стремленіе русскихъ завладѣть такимъ удобнымъ воднымъ путемъ и тѣмъ спрямить наши восточныя границы.

Среди правящихъ классовъ и государственныхъ дѣятелей образовалось два лагеря. Одни стояли за скорѣйшее присоединеніе Амура; другіе не раздѣляли этого взгляда, скептически относились къ этому предпріятію, полагая, что затраты на пріобрѣтеніе и удержаніе далекой окраины не окупятся, а лягутъ тяжелымъ бременемъ на государство.

Назначеніе на постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева рѣшило амурскій вопросъ. Несмотря на цѣлый рядъ препятствій со стороны своихъ противниковъ среди высшей администраціи и нежеланіе самого императора Ни-

колая I вызывать осложненія съ Китаемъ изъ-за Амура, Н. Н. Муравьевъ добился-таки своей цѣли. Когда же экспедиціи Невельскаго, Бошняка и другихъ на побережьи Охотскаго и Японскаго морей увѣнчались успѣхомъ, а равно занятіемъ устья Амура, тогда и императоръ Николай I уступилъ. Онъ разрѣшилъ Муравьеву *сплыть* по р. Амуру съ цѣлью доставить этимъ путемъ въ Николаевскъ и Камчатку продовольственные и боевые припасы, а равно и воинскія команды.

— Но чтобы и не пахло пороховымъ дымомъ!—сказалъ императоръ Муравьеву.

Н. Муравьевъ энергично принялся за дѣло. Весною 1854 года, съ караваномъ въ тридцать слишкомъ рѣчныхъ судовъ при одномъ небольшомъ пароходѣ, отправился онъ въ невѣдомый край, отдавшись на волю амурскимъ водамъ. Въ Пекинъ, соблюдая международную вѣжливость, написали, что по Амуру поплыла экспедиція съ цѣлью установить точныя границы съ Китаемъ, чѣмъ пополнить пробѣлъ въ нерчинскомъ трактатѣ 1689 года, а также съ цѣлью доставить продовольствіе русскимъ поселеніямъ на Камчаткѣ. Успѣхъ этого перваго сплава, особенно когда, благодаря доставленнымъ припасамъ и войскамъ, удалось отразить на Камчаткѣ непріятеля, высоко поднялъ шансы Н. Муравьева, и вопросъ о присоединеніи Амура считался окончательно рѣшеннымъ. Затѣмъ послѣдовали еще два сплава съ войсками и первыми поселенцами. Направились туда и ученые изслѣдователи для ознакомленія и изученія края. Начались подготовленія для колонизаціи его. Въ то же время велись и дипломатическіе переговоры съ всполошившимся Китаемъ, почуявшимъ, что Амуръ ускользаетъ изъ его рукъ. Окончилась печальная и тягостная для Россіи война съ союзниками Турціи, началась новая эпоха въ жизни государства. Всѣхъ обуяли свѣтлыя надежды на лучшее будущее. Россія жаждала мирнаго преуспѣянія и просвѣтленія, а потому какія-либо осложненія изъ-за Амура были нежелательны. Несмотря на то, что при занятіи Амура „не было пролито капли человѣческой крови“, всѣмъ было извѣстно, сколько жизней погибло, сколько лишеній и жертвъ принесено было на „мирное завоеваніе“ его. Каждому дальновидному человѣку ясно было, что еще большее количество жизненныхъ и матеріальныхъ силъ государства потребуется на устройство и охраненіе этого „проблематическаго золотого дна“. Дѣло, такимъ образомъ, осложнялось. Но Н. Муравьевъ не довелъ до „кровопролитія“ и порохового запаха. Воспользовавшись стѣсненнымъ положеніемъ Китая, который въ

это время терзали англо-французскія войска, онъ добился успѣха путемъ мирныхъ переговоровъ.

Занятіе съ одной стороны союзными войсками Кантона, Тяньцзиня, наступленіе на Пекинъ, а съ другой стороны —возстаніе тайпинговъ, овладѣвшихъ уже Нанкиномъ—все это не располагало Китай къ военнымъ осложненіямъ на Амурѣ, и въ 1858 году въ г. Айгунѣ былъ подписанъ договоръ, по которому лѣвый берегъ Амура отъ р. Аргуни до устья Амура, а отъ р. Уссури оба берега до моря отходятъ къ Россіи, Уссурійскій же край пока остается въ общемъ владѣніи до выясненія границъ. Манчжурскія селенія на лѣвомъ берегу Амура отъ р. Зеи остаются на мѣстѣ, хотя и состоятъ въ подданствѣ у Китая, причемъ по договору русскіе обязуются *ихъ не обижать и принадлежащихъ этимъ селеніямъ земель не отнимать*. А черезъ два года графомъ Игнатьевымъ былъ заключенъ дополнительный договоръ въ Тяньцзинѣ, по которому и Уссурійскій край до границъ Кореи переходитъ къ Россіи со всѣмъ побережьемъ Японскаго моря. Съ этого времени и начались устройство и колонизація пріобрѣтеннаго края. Прошло пятьдесятъ лѣтъ непрерывныхъ заботъ, затрачены сотни милліоновъ рублей на колонизацію, военно-морскія нужды, пути сообщенія, телеграфъ, устройство портовъ военныхъ и коммерческихъ, поддержку торговаго мореплаванія, оборудованіе и расширеніе административной и судебной власти, а въ послѣднее десятилѣтіе и сооруженіе тихоокеанской эскадры.

Теперь постараемся подвести итоги и посмотримъ, каковы получились результаты полувѣкового эксперимента надъ легко пріобрѣтенной колоніей.

II.

Первые колонисты-казаки.

Ни одна русская колонія на азіатскомъ материкѣ не была въ такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ Амурскій край. По всей длинѣ прорѣзываетъ ее грандіозный водный путь. Сосѣди представляли собой мирное, невоинственное населеніе, занимающееся земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлей. Основывая селенія на Амурѣ, намъ не пришлось сгонять съ насиженныхъ и устроенныхъ мѣстъ туземцевъ, такъ какъ почти весь Амуръ былъ покинутъ, какъ я выше говорилъ, китайскими и манчжурскими народами [1]. Слѣдовательно, не было повода для вражды и обоюд-

[1] Бродячіе же инородцы, преимущественно звѣроловы, ушли вглубь тайги.

наго озлобленія. Съ первыхъ дней появленія русскихъ на Амурѣ установились у нихъ съ сосѣдними инородцами [1]) дружелюбныя отношенія. Къ этому надо прибавить, что край имѣлъ много мѣстъ, годныхъ для земледѣлія и скотоводства, рѣка изобиловала рыбой, а лѣса—разной дичью и пушнымъ звѣремъ.

Въ виду возбужденнаго интереса къ Амуру, съ первыхъ же дней сюда хлынула масса ученыхъ и образованныхъ людей съ цѣлью обслѣдованія и изученія этого края. Уже со вторымъ сплавомъ Н. Муравьева отправилась туда и научная экспедиція. Императорское Географическое Общество и иркутскій отдѣлъ его командировали затѣмъ на Амуръ цѣлый рядъ изслѣдователей. Одновременно двинулись туда военно-топографическія, геологическія и горно-промышленныя партіи. Не одинъ десятокъ лицъ составилъ себѣ имя въ исторіи изученія и изслѣдованія Амура. Въ первыя десять лѣтъ Амуръ былъ болѣе обслѣдованъ, чѣмъ многія окраинныя губерніи Европейской Россіи.

Въ это же самое время съ неменьшимъ рвеніемъ морское вѣдомство принялось за устройство морского побережья, съ цѣлью создать военное и торговое могущество Россіи на Тихомъ океанѣ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, колонизація амурской пустыни и тихоокеанскаго побережья должна была бы пойти форсированнымъ маршемъ. Отсутствіе въ этихъ моряхъ въ то время солидныхъ соперниковъ давало возможность безъ особой помѣхи стать властелинами на востокѣ.

Хотя „прорубленныя окна" въ Балтійское и Черное море не лишены своего историческаго значенія, но эти окна выходятъ на чужой дворъ съ крѣпко охраняющимися воротами. Восточное же побережье—это цѣлый фасадъ на широкій, безпредѣльный тихоокеанскій проспектъ. Все это тогда прекрасно понимали, но очевидно не хватило ни умѣнья, ни средствъ выполнить такую широкую задачу. Придавая громадное значеніе устью Амура и основанному тамъ порту Николаевску, Н. Муравьевъ энергично требовалъ скорѣйшаго заселенія Амура, какъ единственно удобнаго пути, по которому все необходимое для порта будетъ доставляться. Колонисты, по мнѣнію Н. Муравьева, должны получить всевозможныя льготы, пособія и широкую поддержку со стороны правительства для успѣшнаго развитія земледѣлія и промышленности. Только при такихъ условіяхъ, по мнѣнію Н. Муравьева, пріобрѣтенный край не станетъ обузой государству, самъ себя прокормитъ и даже избытокъ своего производства направитъ на чужіе рынки.

---

[1]) Жившими на правомъ, китайскомъ берегу р. Амура.

Въ краѣ неисчислимы богатства: помимо земледѣлія, развитія скотоводства, находится ископаемое достояніе, какъ-то: каменный уголь, нефть, желѣзо, золото. Пушной, лѣсной и рыболовный промыслы ждутъ только предпріимчивыхъ людей. Муравьевъ предлагалъ даже допустить въ качествѣ колонистовъ и иностранныхъ подданныхъ. Особенно сочувственно онъ отнесся къ предложенію американцевъ проложить черезъ Сибирь рельсовый путь. Такой путь несомнѣнно принесъ бы пользу не только Сибири, но и приблизилъ бы къ Россіи Амурскій край, что облегчило бы и удешевило бы переселеніе изъ Европейской Россіи колонистовъ.

Но всѣ стремленія Муравьева не встрѣтили сочувствія въ Петербургѣ. Вмѣсто крупныхъ и рѣшительныхъ мѣръ предпочитали дѣйствовать полегоньку, съ осмотрительностью.

— Во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны система и послѣдовательность,—отвѣчали изъ Петербурга Н. Муравьеву на его пылкія и настойчивыя требованія.

„Система и послѣдовательность" состояли въ томъ, что рѣшили переселить на Амуръ забайкальскихъ казаковъ, главнымъ образомъ съ р. Аргуни, а также отправить туда штрафованныхъ солдатъ изъ сибирскихъ гарнизоновъ. Все распущенное, завѣдомо негодное, деморализованное, съ чѣмъ не хватало силъ и умѣнья бороться, все это нашли самымъ подходящимъ элементомъ для заселенія Амурскаго края.

Такимъ путемъ надѣялись убить двухъ зайцевъ: — очистить сибирскіе гарнизоны отъ накопившихся тамъ отбросовъ и насадить по всему Амуру, за дешевую плату, казачьи селенія для выполненія казенныхъ повинностей. Гонять почту, возить курьеровъ, сплавлять казенные грузы и воинскія команды, строить необходимыя зданія и охранять побережье Амура отъ возможныхъ столкновеній съ сосѣдними народами—вотъ главныя задачи первыхъ колонистовъ, по мнѣнію петербургскихъ заправилъ. Кто же болѣе удобенъ для этой роли, какъ не штрафованный солдатъ, на исправленіе котораго въ гарнизонахъ потеряна всякая надежда? Ему выбирать нечего, терять—и того меньше. Лишеніями его не удивишь, и самая тяжелая жизнь на новыхъ мѣстахъ должна казаться ему лучше дисциплинарныхъ экзекуцій въ гарнизонахъ. Переселять же крестьянъ изъ Европейской Россіи—дѣло трудное и отвѣтственное, требующее большихъ соображеній и громадныхъ средствъ. Допустить иностранныхъ колонистовъ соглашались, но при условіи принять русское под-

данство, вполнѣ подчиниться распоряженіямъ начальства въ выборѣ мѣстъ для заселенія. Разумѣется, такія условія не могли соблазнить иностранцевъ. Предложеніе же американцевъ относительно проведенія желѣзной дороги черезъ Сибирь рѣшительно отклонили, такъ какъ американцы, „своими нравами и поведеніемъ могли внести растлѣніе среди сибирскаго населенія“.

Такая „система и послѣдовательность“ одержали верхъ. Намѣтили въ кабинетахъ по картѣ пункты необходимыхъ поселеній, соображаясь лишь съ разстояніемъ между ними и близостью къ рѣкѣ, дали имъ названія въ честь и память лицъ, прикосновенныхъ къ занятію Амура, и поплыли по Амуру плоты и барки съ невольными колонистами. Приставалъ плотъ къ указанному пункту, выгружались люди, провіантъ, скотъ — и колонія готова. Живи, какъ знаешь, изворачивайся, какъ умѣешь! Никто не задумывался, что выбранное для поселенія мѣсто можетъ оказаться негоднымъ для жилья. Вдобавокъ казакамъ вздумали отдавать „сынковъ“. Такъ назывались гарнизонные солдаты, которыхъ по разнымъ причинамъ распредѣляли на время по станицамъ, и станичники должны были кормить ихъ. Тяжелая натуральная повинность по гоньбѣ почты, провозу курьеровъ и начальствующихъ лицъ зимой на лошадяхъ, а лѣтомъ по рѣкѣ — быстро обезсилила казаковъ. Своимъ хозяйствомъ некогда было заняться. Неаккуратная доставка провіанта, сѣмянъ для посѣва, отсутствіе во многихъ поселеніяхъ земли, годной для пашни или покоса, доводили колонистовъ до ужаснаго состоянія.

Но лучше всего видны результаты такой системы заселенія изъ словъ современниковъ. Послушаемъ, что сообщаетъ по этому вопросу путешественникъ С. Максимовъ въ своей книгѣ „На Востокѣ“ о положеніи несчастныхъ казаковъ.

„...Настоящая бѣдность. Въ домахъ пусто, сиротливо, въ амбарушкѣ хоть шаромъ покати... на ребятахъ рваная одежда, да и взрослые въ лохмотьяхъ. Полей не видать.

— Перевели насъ на Амуръ,—говорили С. Максимову казаки, —поселили здѣсь. Пріѣхало начальство, посмотрѣло на насъ, сказало: „живите съ Богомъ и будьте довольны“—и поѣхало дальше.

— Хотѣли хлѣбушка сѣять, да негдѣ сѣмянъ взять, ни зернышка... Пришли наконецъ сѣмена,—говорили въ другомъ мѣстѣ Максимову,—всѣ перемѣшаны, перепутаны: сѣемъ ярицу, родится рожь. Сѣемъ рожь — смотримъ—выходитъ и ярица, и рожь...“ (стр. 208).

Зачастую подвозъ сѣмянъ запаздывалъ, и изголодавшіеся люди съѣдали ихъ.

Или вотъ описаніе станицы Амазаръ.

„Прибрежная гора, — говоритъ Максимовъ, — отошла отъ рѣки не дальше ста саженъ, оставивши низменность версты на двѣ въ длину, и затѣмъ сама встала крутой, безплодной, скалистой стѣной, словно на-сторожѣ. Низменность песчана и мокра. Но мѣсто *найдено удобнымъ для заселенія* [1]), и на берегу рѣки врытъ въ землю столбъ; къ нему прибита дощечка; на дощечкѣ написано крупнымъ и четкимъ почеркомъ: „Станица Амазарская" (стр. 150).

И такихъ станицъ не одна, особенно въ среднемъ теченіи Амура по Малому Хингану.

„Въ этой станицѣ (Спасская), — говоритъ Максимовъ въ другомъ мѣстѣ,—жалобы на бездолье превращаются уже въ ропотъ. Оказывается все дурно: и земля вся песчаная—ни садить, ни сѣять; для пахоты мѣста вовсе нѣтъ; луга хороши, но кочковаты; лѣсъ еще не вырубленъ. Мѣсто дѣйствительно безутѣшное. Въ нуждѣ своей казаки дошли, напр., до того, что ѣли дубовые жолуди... зимою лопотину (носильное платье) проѣли за буду (родъ проса) гольдамъ" (стр. 236).

„— Коровы,—говорили казаки С. Максимову,—пали, такъ какъ всю дорогу на плотахъ стояли по колѣни въ водѣ и долгое время оставались безъ корму. Лошадей вымотали на почтовой и курьерской гоньбѣ, а „сынки" совсѣмъ доканали".

На вопросъ С. Максимова: развѣ „сынки" не помогаютъ по хозяйству?—казаки отвѣчали такъ:

„— Все больше озорники. Рѣдко хорошій-то найдется. Въ работѣ онъ тебѣ не помогаетъ, топора въ руки взять не умѣетъ, да и бариномъ жить хочется... Никакой они намъ помощи не дѣлаютъ. Мы ужъ такъ имъ нерады, что хоть бы взяли ихъ отъ насъ—обѣими бы руками перекрестились" (стр. 177—178).

Характеренъ также разсказъ гарнизоннаго писаря про „сынковъ".

„— Житье здѣсь самое ненатуральное, потому какъ очень казаки здѣшніе во всякомъ провіантѣ сами нуждаются, и таперича безъ всякой причины ихъ мало того, что нарядами обвязываютъ—еще къ нимъ „сынковъ" изъ нашихъ гарнизонныхъ ставятъ. Иному самому кормиться нечѣмъ, а тутъ другого еще корми" (стр. 184).

Для лицъ, незнакомыхъ съ условіями сообщенія по Амуру, считаю нужнымъ разсказать объ этомъ. Зимой съ полгоря, а лѣ-

[1]) Курсивъ нашъ.

томъ, когда день дорогъ, надо везти почту или начальство на лодкѣ. Станокъ—верстъ тридцать. Внизъ сплывешь скоро, а назадъ приходится идти бичевой. Вотъ день и пропалъ. А въ распутицу по горнымъ тропамъ, да черезъ болота приходится пробираться вьючнымъ порядкомъ. Надо принять во вниманіе, что и начальство тогда было строгое и нетерпѣливое. Оно „понужало" нагайкой казака, а казакъ хлесталъ хворостиной своихъ клячъ, и только при такомъ совмѣстномъ усиліи проѣздъ ускорялся.

Да, печальная доля досталась амурскому казачеству! Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ, какъ сдѣлана была роковая ошибка, и до сихъ поръ казаки не оправились. И въ настоящее время самое обездоленное, самое бѣдное матеріально и духовно населеніе на Амурѣ—это амурскіе казаки.

Многое измѣнилось на Амурѣ, развилось по рѣкѣ пароходство, установилось зимой правильное почтовое сообщеніе. Во многихъ мѣстахъ открылись золотыя розсыпи. Потянулись по льду рѣки обозы съ товарами, припасами. Все это взбодрило казаковъ. На пароходы они поставляли дрова, содержаніе почтовыхъ станцій при казенной субсидіи было отдано имъ. Доставка на пріиски людей и припасовъ, заработокъ отъ проходящихъ обозовъ, возможность по хорошей цѣнѣ сбывать на мѣстѣ хозяйственные припасы—все это скрашивало тоскливое житье, давало возможность зашибить казаку лишнюю копѣйку. Но всѣ эти подспорья не сдѣлали казака домовитымъ и благоустроеннымъ хозяиномъ. И въ настоящее время каждая станица, каждый поселокъ производитъ грустное впечатлѣніе. Въ домахъ и теперь неприглядно, неуютно, всюду сквозитъ нужда. Народъ пасмурный, непривѣтливый. На всемъ лежитъ отпечатокъ неудовлетворенности, нерадостной жизни. Сосѣдство пріисковъ, случаи легкихъ заработковъ отъ пріискателей и спиртоносовъ тоже наложили свою печать на казачье населеніе. Легкость нравовъ, пьянство дѣлаютъ жизнь въ станицахъ и поселкахъ ненормальной и не мало препятствуютъ повышенію благосостоянія казаковъ. Въ духовно-нравственномъ отношеніи почти ничего не сдѣлано для казаковъ, если не считать нѣсколькихъ жалкихъ школъ съ доморощенными учителями, всецѣло зависящими отъ станичныхъ атамановъ.

Правда, среди казаковъ попадаются и богачи, но это мѣстные кулаки, станичные атаманы, крупные подрядчики, загребающіе лакомые куски, на которыхъ обыкновенно и работаетъ за гроши вся остальная голь станицы. До сихъ поръ можно видѣть ка-

заковъ, одѣтыхъ во все звѣриное. Штаны лосиные, куртка или шубейка козья. На ногахъ „унты" (тоже изъ козьей или оленьей шкуры), а на головѣ фуражка съ желтымъ околышкомъ, или форменная папаха. На Амурѣ и прозвали казаковъ „гуранами" [1]), „гураньимъ войскомъ". Казакъ не чувствуетъ склонности улучшить свою обстановку; онъ какъ-то ко всему относится апатично. Достался хорошій заработокъ — онъ его пропьетъ, прогуляетъ, въ карты проиграетъ, а затѣмъ сидитъ до слѣдующаго заработка на кирпичномъ чаѣ, на протухлой рыбѣ, если только успѣлъ запастись ею съ осени.

За свои 10 — 12 лѣтъ жизни на Амурѣ я достаточно присмотрѣлся къ казакамъ. Я засталъ еще многихъ стариковъ-піонеровъ амурской колонизаціи. До сихъ поръ становится жутко, вспоминая ихъ разсказы про пережитыя страданія. Расположеніе поселковъ и станицъ по опредѣленному начальствомъ ранжиру при первомъ же половодіи причинило бѣдствія казакамъ. По разсказамъ стариковъ, наводненіе въ 1872 году произвело чудовищное разрушеніе. Не только были смыты водою пашни, огороды, но бушующая пучина уносила скотъ, людей и даже дома казаковъ. Нѣкоторые поселки были уничтожены до основанія. Станица Черняево наполовину разрушена, и гор. Благовѣщенскъ весь затопленъ. По Амуру плыли дома, амбары, домашній скарбъ казаковъ, скотъ и трупы захваченныхъ водою врасплохъ жителей. Предупрежденій о приближающейся водяной лавинѣ не было никакихъ, помощи ждать было не отъ кого. Только-что окрѣпшіе-было немного казаки пришли въ полное разореніе, оставшись безъ крова, безъ пропитанія. И только послѣ этого наводненія нашли возможнымъ разрѣшить постройку поселковъ подальше отъ рѣки или на болѣе возвышенномъ мѣстѣ.

— Обидно было намъ,—говорили мнѣ старики.—Тутъ нужда, голодъ, всякое стѣсненіе. Кругомъ камень или болото—негдѣ бабѣ картошку посадить. А на той сторонѣ [2])—благодать и приволье... Нёхристю косатому завидовали; и деревни-то его на хорошемъ мѣстѣ—кругомъ пашни, луга безпредѣльные.

— Выдавались времена,—по словамъ стариковъ,—что не будь этого самаго нехристя, съ голоду подохли бы. Понемногу все съ себя сняли, мѣняли на буду, чумызу, которыми и питались. Иногда удавалось и рыбки добыть, да какъ ее безъ соли ѣсть. А соли-то и нѣтъ... не доставили.

---

[1]) Дикій козелъ называется „гуранъ".

[2]) Правый берегъ Амура.

— Хорошій, смирный народъ эти манчжуры. Жили мы съ ними въ согласіи, по-сусѣдски. Сдружились до того, что на ихъ сторонѣ сѣно косили, скотъ для поправки туда переплавляли. Ну, и имъ тоже льготу давали. Не препятствовали у насъ лѣсъ рубить, соболя промышлять. Когда это золотишко проявилось, много нашихъ по ихъ „ключикамъ" шаталось... Загремѣла-это Желтуга, сколько народу набилось. И наши казачки не дремали—пошли за „фартомъ" [1]). Вмѣстѣ съ китайцами и „шурфовали" [2]). Кое-кто и деньгу запасъ, а больше прахомъ пошло. Что днемъ добудетъ, ночью пропьетъ, прогуляетъ. Да, пошумѣли тогда на Амурѣ, но не надолго. Наѣхало начальство и положило конецъ всему. Наши-то легко отдѣлались—отвѣдали досыта лозняку китайскаго, а бѣднымъ косатымъ вовсе плохо пришлось: всѣмъ головы долой снесли.

Такъ разсказывали мнѣ казаки про прежніе годы.

— Ныньче можно сказать—благодать супротивъ прежняго,— слышалъ не разъ я отъ казаковъ.—Жить можно... да вотъ порядки ныньче развелись. Богатѣи одолѣли, все забрали себѣ. Вонъ на пароходѣ дрова по 3—4 рубля сажень законтрактовалъ нашъ атаманъ. А мы ему обязаны нарубить въ лѣсу и на берегъ сложить за два рубля, а то и рупь восемь гривенъ. Да еще половину дастъ товаромъ, хлѣбомъ, чаемъ, табакомъ. А цѣну на товаръ самъ кладетъ.

— Но отчего же вы сами,—спрашиваю я,—не берете такіе подряды? Сговорились бы, составили артель.

— Не подходитъ намъ... И атаманъ—сила, и согласія между нами нѣтъ. Да и довѣрія намъ не даютъ. „Задатки-то, молъ, возьмете, а дровъ не поставите—возись съ вами потомъ!"— говорятъ намъ пароходчики. Къ тому же и командиру или управляющему способнѣй дѣйствовать съ богатѣемъ... Ну, и маешься!

Такъ и влачитъ до сихъ поръ сѣрую, непригляндую жизнь этотъ анахронизмъ XX-го вѣка, полу-воинъ, полу-земледѣлецъ— амурское казачество.

III.

Заселеніе Амура крестьянами.

Слава про Амуръ росла и росла въ Европейской Россіи, и народъ мечталъ о немъ, какъ объ обѣтованной странѣ. Хотя и

---

[1]) Фартъ—счастье, удача.

[2]) Шурфъ—яма, при помощи которой добираются до золотого пласта.

было рѣшено переселить часть государственныхъ крестьянъ на Амуръ, но, опасаясь сильнаго возбужденія, приказано было подготовлять переселенцевъ, не „оглашая объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія“. Ассигновано было вначалѣ около 150 тысячъ руб. на переселеніе въ годъ, и надѣялись на эту сумму доставлять изъ Европейской Россіи 500 семей. Селиться эти семьи должны были тоже на указанныхъ начальствомъ мѣстахъ;—земель, отведенныхъ казакамъ, не занимать. А такъ какъ въ то время много надеждъ возлагали на Николаевскъ и не скупились на затраты на него, то и рѣшили начать заселеніе Амура крестьянами съ низовьевъ, т.-е. отъ р. Уссури до устья Амура.

Выборъ мѣста для поселеній порученъ былъ чиновникамъ, незнакомымъ съ мѣстными условіями. Вся забота у нихъ была, чтобы разстояніе между поселеніями было по возможности одинаково. Наставили столбы съ надписями—наименованіе деревни, и послали воинскихъ чиновъ строить дома для будущихъ поселенцевъ. Въ 1859 году изъ Европейской Россіи отправилась на Амуръ первая партія переселенцевъ въ 250 семей, которыхъ водворили на столь низкихъ мѣстахъ, что черезъ три года они были въ конецъ разорены, и имъ разрѣшили затѣмъ перейти на другое мѣсто, по р. Уссури. Другая партія переселенцевъ, тоже въ количествѣ 250 семей, добралась только до г. Омска. Здѣсь она была задержана въ виду полученія свѣдѣній, что въ этомъ году нѣтъ болѣе средствъ на доставку этой партіи на Амуръ. Положеніе партіи было критическое. Но мѣстное начальство не растерялось и направило переселенцевъ вмѣсто Амура въ Семипалатинскъ, для обращенія ихъ въ казаки и разселенія по р. Иртышу.

Вотъ какъ пишетъ М. Венюковъ объ этомъ эпизодѣ: „Я живо помню негодованіе и отчаяніе этихъ бѣдныхъ людей, изъ которыхъ иные были откупившіеся на волю крѣпостные, которые шли на Амуръ, какъ въ обѣтованную землю свободы отъ помѣщичьяго ига, и въ Семипалатинскѣ не могли допроситься не только дозволенія продолжать путь въ желанную страну, но даже вернуться на родину, потому что мѣстная администрація угрозой военной расправы и содержаніемъ нѣсколькихъ переселенцевъ въ тюрьмѣ успѣла вынудить отъ нихъ *актъ о добровольномъ желаніи* водвориться на пріиртышскихъ степяхъ“. (М. Венюковъ, „Россія и Востокъ“. 1877 г., стр. 79—80).

Оказалось, что расходовъ по переселенію хорошо не разсчитали, и ассигнованныхъ денегъ не хватило. Къ тому же комитетъ по переселенію въ Петербургѣ не всегда былъ освѣдомленъ

о томъ, что̀ мѣстная власть дѣлаетъ. Пока въ Россіи формировалась вторая партія, въ Сибири рѣшили часть назначенныхъ для Камчатки переселенцевъ направить на Амуръ. Вотъ и получился такой неожиданный сюрпризъ для второй партіи амурцевъ, уже добравшихся до Омска. Исправить ошибку можно было лишь дополнительнымъ ассигнованіемъ на переселеніе суммъ. Но это вызвало бы канцелярскія осложненія и освѣтило бы неурядицу. Зачѣмъ подымать сутолоку, когда однимъ почеркомъ пера улаживалось канцелярское замѣшательство. А разбитыя надежды 250 семей?—Объ этомъ меньше всего думаетъ чиновникъ.

Такъ начался первый періодъ колонизаціи Амура казенными крестьянами. Нужно ли передавать со словъ современниковъ, что̀ это было за переселеніе? Два года почти ужаснаго, полнаго лишеній пути, почти трехтысячеверстное плаваніе на плотахъ по Амуру, гдѣ о горячей пищѣ не могло быть и разговора; жестокія заболѣванія, смертность, особенно дѣтей, отсутствіе врачебно-санитарной помощи, халатное, если не сказать больше, отношеніе администраціи къ нуждамъ переселенцевъ—все это перенесъ, претерпѣлъ стоически крестьянинъ: онъ вѣрилъ, что впереди ждетъ его награда за всѣ лишенія—обѣтованная земля. И вотъ, измученнаго, изголодавшагося, изнуреннаго долгимъ путешествіемъ и болѣзнями переселенца привезли на мѣсто.

Гдѣ же сказочныя пашни, гдѣ привольные луга?.. Приготовленныя жилища, построенныя солдатами, оказались негодными: даже пазы въ стѣнахъ не задѣланы, крыши наброшены кое-какъ, а нѣкоторыя и вовсе оказались раскрытыми. Кругомъ такъ неприглядно, такъ тоскливо. Крѣпко задумались мужицкія головы, потянулись руки къ затылку, но... назадъ возврата нѣтъ. Бѣжать съ приготовленныхъ мѣстъ въ тайгу, какъ бѣгали тогда солдаты, крестьянину нельзя. Значитъ, надо устраиваться — и конецъ!

Правда, не стоило уходить съ родныхъ земель, но кто же зналъ? Не въ моготу стало на родинѣ, захотѣлось вольной-волюшки, простору, обуялъ соблазнъ стряхнуть съ себя рекрутчину, подати, оброкъ—вотъ и получилъ желанный Амуръ съ его привольемъ! Никакъ не могли взять въ толкъ мужички, зачѣмъ ихъ везли такую даль и на такія гибельныя мѣста. Сколько по дорогѣ имъ попадалось привольныхъ и богатыхъ мѣстъ! Какъ они упрашивали начальство оставить ихъ тамъ, но ихъ гнали дальше и дальше. Зачѣмъ? Про то вѣдаетъ начальство!

Тогда никому еще въ голову не приходило, что затѣя на

устьѣ Амура скоро прахомъ пойдетъ, что создать портъ въ Николаевскѣ—чистая иллюзія, а потому и попытка обратить пятисотверстную, суровую по климату и негодную для заселенія пустыню въ земледѣльческую колонію оказалась совершенно безплодной. До сихъ поръ стоятъ эти рахитическія деревни съ землепашцами безъ земли. Засыпаетъ ихъ на полгода сугробами снѣга. Кирпичный чай да кэта [1]), плохо засоленная—вся ихъ ѣда. Цынга и проказа основали здѣсь свои очаги.

„Водвореніе государственныхъ крестьянъ великороссійскихъ губерній на этихъ амурскихъ побережьяхъ, по нашему крайнему разумѣнію, произведено безразсчетно, неудачно и, къ тому же, несчастливо. Не приняты въ разсчетъ и соображеніе опыты старыхъ годовъ, не выполнены самыя главныя требованія всѣхъ подобнаго рода предпріятій“.

Такъ пишетъ С. Максимовъ („На Востокѣ“, стр. 307), ознакомившійся на мѣстѣ съ положеніемъ переселенныхъ въ низовья Амура крестьянъ. Сошли со сцены люди, мечтавшіе создать изъ города Николаевска могущественный портъ и оплотъ Россіи на Востокѣ, а ихъ преемники, встрѣтивъ препятствія къ осуществленію этихъ мечтаній, принялись за поиски болѣе удобныхъ пунктовъ. Вопросъ, гдѣ быть тихоокеанскому порту, требовалъ неотложнаго и быстраго разрѣшенія. Предположеній и проектовъ было нѣсколько. Каждый вновь намѣченный пунктъ имѣлъ своихъ защитниковъ, но всѣ единогласно признавали полную непригодность Николаевска, какъ военно-морского порта. Даже заливъ де-Кастри предпочитали устью Амура. Открытое, хотя суровое тамъ море, возможность соединить каналомъ или желѣзной дорогой этотъ портъ съ Амуромъ (40 верстъ), сократить плаванье по Амуру на пятьсотъ верстъ—все это давало предпочтеніе заливу де-Кастри передъ Николаевскомъ. Тянь-цзинскій трактатъ 1860 года предоставилъ Россіи Уссурійскій край съ его побережьемъ Японскаго моря, и взоры многихъ устремились туда. Болѣе теплый климатъ, роскошная природа этого края, годнаго для заселенія, прекрасныя бухты одержали верхъ.

Неудачный выборъ Николаевска и поспѣшность произведенныхъ затратъ на оборудованіе тамъ порта, а также безплодность принесенныхъ жертвъ на колонизацію Амура, сразу стали всѣмъ очевидны. Махнули рукой на устье Амура, и центръ тяжести перенесенъ былъ на оконечность Муравьево-Амурскаго полуострова, омываемаго съ востока Амурскимъ, а съ запада Уссу-

[1]) Рыба изъ семейства лососевыхъ.

рійскимъ заливами. Южный берегъ этого полуострова имѣетъ глубокую и просторную бухту, по формѣ своей походящую на рогъ. Бухта эта идетъ сначала съ юга на сѣверъ, версты на двѣ, а затѣмъ круто поворачиваетъ и тянется на востокъ протяженіемъ до пяти верстъ. Высокіе, обрывистые берега защищаютъ ее со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра. Бухту эту назвали „Золотой-Рогъ", и на сѣверномъ склонѣ ея береговъ заложили городъ и портъ Владивостокъ. Къ этому времени весь Амурскій край въ административномъ отношеніи раздѣлялся на двѣ области. Отъ устья рѣки Шилки, вдоль рѣки Амура, до станціи Луговой, сто верстъ выше Хабаровска,—Амурская область, съ единственнымъ городомъ и доселѣ, Благовѣщенскомъ; а отъ станціи Луговой до устья Амура и по Уссури, со всѣмъ побережьемъ Тихаго океана—Приморская область съ городами Николаевскомъ, Петропавловскомъ, Гижитой, Хабаровскомъ, Владивостокомъ, а съ 1898 года и городомъ Никольскъ-Уссурійскомъ. Островъ Сахалинъ числился ранѣе въ Приморской области, а затѣмъ выдѣлился въ отдѣльное губернаторство.

Упразднить Николаевскъ совсѣмъ нельзя было. Какъ торговый портъ, черезъ который уже начался ввозъ разныхъ товаровъ на Амуръ, онъ имѣлъ преимущество передъ Владивостокомъ, отрѣзаннымъ отъ Амура, благодаря отсутствію какихъ-либо дорогъ. Въ это время уже образовались русскія и иностранныя торговыя фирмы, завязавшія дѣла съ Амуромъ. Въ ближайшихъ рѣчныхъ долинахъ стала зарождаться золотопромышленность, а потому торгово-промышленный классъ не падалъ духомъ и считалъ, что Николаевскъ не погибнетъ до тѣхъ поръ, пока Владивостокъ не соединится съ Амуромъ рельсовымъ путемъ. Они вѣрили, что транзитъ черезъ Николаевскъ на Амуръ надолго будетъ обезпеченъ.

И дѣйствительно, они оказались правы.

Проведеніе, тридцать лѣтъ спустя, уссурійской желѣзной дороги не подорвало транзита черезъ Николаевскъ. До послѣдняго времени бо́льшую часть грузовъ предпочитали направлять на Николаевскъ, а оттуда по Амуру, чѣмъ выгружать во Владивостокѣ и везти по желѣзной дорогѣ до Хабаровска на Амуръ. Предпочитаютъ сдѣлать лишнія тысячи миль по морю и лишнихъ девятьсотъ верстъ вверхъ по Амуру, чѣмъ имѣть дѣло съ неисправностями и непорядками уссурійской желѣзной дороги. Съ перенесеніемъ центра тяжести во Владивостокъ, какъ я сказалъ уже, низовье Амура и все сѣверное побережье отошли на задній планъ. Весь интересъ сосредоточился на Владивостокѣ и на

Уссурійскомъ краѣ. Предоставивъ злополучныхъ колонистовъ въ низовьяхъ Амура на ихъ собственное усмотрѣніе, тогдашніе заправилы принялись за колонизацію Уссурійскаго края.

Въ теченіе почти двадцати лѣтъ, т.-е. до 1883 года, переселеніе крестьянъ въ Уссурійскій край совершалось тяжелымъ и долгимъ черезъ всю Сибирь путемъ. Какой-либо спеціальной организаціи по передвиженію и по водворенію колонистовъ на мѣстахъ поселеній не было. Продолжался тотъ же рутинный, формальный порядокъ, что и прежде. Все дѣло находилось въ рукахъ администраціи края, и горькіе опыты предыдущихъ годовъ ничему не научили руководителей. Печальныя ошибки повторялись неоднократно. Количество переселенцевъ за этотъ двадцатилѣтній періодъ было незначительно, прибывало, въ среднемъ, около тысячи душъ ежегодно. Въ это время Амуромъ интересовались мало. Переустройство внутренней жизни въ Европейской Россіи, рядъ реформъ, широко задуманныхъ, требовали много энергіи и средствъ для ихъ осуществленія. Матеріальное положеніе земледѣльца не улучшилось, но лишь видоизмѣнилось, и земельная тѣснота стала болѣе ощутительной. Нужда въ новыхъ земляхъ стала болѣе настоятельной. Но злоключенія по переселенію на заманчивый Амуръ получили уже широкую извѣстность. Народъ охладѣлъ къ Амуру, тѣмъ болѣе, что въ это время были пріобрѣтены Кавказъ и средне-азіатскія владѣнія, болѣе близкія и привлекательныя.

Одновременно съ заселеніемъ Уссурійскаго края, потихоньку устраивался и весь Амуръ. Помимо казаковъ, образовались селенія изъ крестьянъ, особенно въ за-зейскомъ районѣ, весьма пригодномъ для земледѣлія. Поиски золота увѣнчались успѣхомъ, и тайга зажила бойкой жизнью. Вмѣсто плотовъ и барокъ, вòды Амура стали разсѣкать сначала казенные пароходы, а затѣмъ появились и частные. Телеграфная проволока соединила далекій край съ Европейской Россіей, и вѣковая пустыня начала пріобрѣтать нѣкоторые признаки если не культурнаго, то все-таки жилого мѣста. Помимо иностранцевъ-европейцевъ, появились и китайскіе купцы, завязались съ ними торговыя сношенія. За недостаткомъ русскихъ рабочихъ рукъ, пришла на выручку желтая раса изъ отдаленныхъ провинцій, и въ качествѣ разнаго рода рабочихъ, до полевыхъ включительно, дружно и мирно способствовала предпріятіямъ русскихъ.

Но, вотъ, наступилъ новый періодъ для Амурскаго края. Снова на него обратили вниманіе и рѣшили закончить дѣло, основанное Н. Муравьевымъ.

Для болѣе успѣшнаго проведенія необходимыхъ предпріятій и выполненія предначертанныхъ задачъ учреждена была высшая власть въ краѣ—приамурское генералъ-губернаторство. Въ надеждѣ привлечь туда лучшія и энергичныя силы бюрократіи, установили особыя льготы по службѣ, пенсіи, усиленные прогоны и подъемныя пособія. Ассигновали крупныя суммы на устройство городовъ, созданіе порта и гавани во Владивостокѣ, проведеніе дорогъ, развитіе промышленности и т. п. Вопросъ о переселенцахъ получилъ также нѣкоторое измѣненіе. Рѣшено было, вмѣсто долгаго, многострадальнаго путешествія черезъ Сибирь, отправлять переселенцевъ черезъ Одессу, моремъ, на судахъ Добровольнаго флота во Владивостокъ; оттуда же они будутъ распредѣляться по мѣстамъ назначенія. И для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ учреждена спеціальная организація, на обязанности которой лежало: принять переселенцевъ съ морскихъ пароходовъ, заботиться во время пребыванія ихъ во Владивостокѣ, доставляя помѣщеніе, пищу и медицинскую помощь, отыскивать годныя для заселенія площади, разбивать ихъ на участки, снабжать переселенцевъ продовольствіемъ и необходимымъ инвентаремъ при отправленіи на назначенныя мѣста, водворять ихъ на участкахъ и слѣдить за устройствомъ и жизнью новоселовъ.

Благодаря удачному подбору лицъ, ихъ добросовѣстному отношенію къ дѣлу, переселенцы немного вздохнули. Хотя бывали и тутъ иногда печальныя недоразумѣнія, но прежнія мрачныя явленія, жестокія и ненужныя страданія отошли въ область преданій.

За долгіе годы своей сибирской жизни много партій переселенцевъ прошло передъ моими глазами. Описать этотъ многострадальный путь—значитъ нарисовать тяжелую, мрачную картину, гдѣ не будетъ мѣста ни одному свѣтлому штриху. Одновременно съ этимъ движеніемъ я видѣлъ движеніе людей отверженныхъ, людей преступныхъ, съ бритыми головами, съ закованными въ цѣпи ногами. Много разъ описывался этотъ путь, а потому онъ всѣмъ извѣстенъ. Когда я сравнивалъ эти два переселенія между собой, то приходилъ къ печальному выводу. Вольный переселенецъ могъ позавидовать невольному. Не только дорожныя условія, но и этапныя помѣщенія арестантовъ были лучше обставлены, чѣмъ путевыя мытарства и стоянки на переселенческихъ пунктахъ злополучныхъ колонистовъ. Какъ ни странно, но даже личность лишеннаго правъ отверженца была болѣе гарантирована и обезпечена отъ произвола мѣстной власти, чѣмъ личность вольнаго переселенца.

Въ Сибири на переселенца не только населеніе, но и мѣстная администрація смотрѣла, въ тѣ времена, какъ на какого-то парія, съ которымъ церемониться особенно не слѣдуетъ. А между тѣмъ, этотъ парій, этотъ обезсиленный, изголодавшійся, запуганный и робкій хлѣборобъ, съ преждевременно состарившейся женой, съ полуголодными, вѣчно больными ребятишками, съ нищенскимъ домашнимъ скарбомъ, уныло плелся годы на далекую окраину, гдѣ ему предстояла великая задача—превратить пустыню въ цвѣтущую житницу и содѣйствовать упроченію могущества государства на Востокѣ.

Съ прибытіемъ на мѣсто и съ водвореніемъ на отведенномъ участкѣ кончаются дорожныя мытарства, но начинается не менѣе тяжелая борьба переселенца за существованіе. И если переселенцы до сихъ поръ не достигли благосостоянія, а въ большинствѣ случаевъ кое-какъ влачатъ свое существованіе, то въ этомъ виноватъ не недостатокъ удобной земли, климатъ или мѣстныя условія, а общій бюрократическій строй и взглядъ мѣстной администраціи, которая полагаетъ, что съ водвореніемъ новосела на мѣсто, она освобождается отъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ о немъ. Такъ, очевидно, смотрѣло на дѣло правительство, не отпускавшее кредита на болѣе широкое развитіе колонизаціоннаго дѣла. А потому неудивительно, что, переселенные сюда крестьяне мѣстами и бѣдствуютъ, страдаютъ отъ наводненій, эпизоотій, отсутствія дорогъ, врачебной помощи, а о школьномъ дѣлѣ и говорить нечего. Нисколько не удивительно, что цѣлыя толпы новоселовъ, не справившись съ мѣстными затрудненіями, потянулись назадъ, на родныя мѣста.

Генералъ-губернаторы Приамурья видѣли нужду земледѣльческаго населенія въ краѣ, но всѣ ихъ мѣропріятія и проекты къ повышенію благосостоянія населенія не могли имѣть успѣха, такъ какъ носили характеръ палліативовъ, а не коренного переустройства колоніи. Предлагали, напр., обратить всѣхъ крестьянъ въ казачье сословіе, несмотря на то, что цѣлый рядъ опытовъ доказалъ полную несостоятельность казаковъ въ земледѣльческой культурѣ, полную несовмѣстимость воина съ земледѣльцемъ. На созданіе привилегированнаго земледѣльческаго класса тоже возлагали большія надежды. Раздать свободныя земли дворянамъ, чиновникамъ на широкихъ льготныхъ началахъ считали весьма желательнымъ. Такіе помѣщики, молъ, внесутъ въ сельское хозяйство высокую культуру, подадутъ примѣръ и указанія крестьянамъ, а самое главное—крестьяне получатъ возможность имѣть посторонніе заработки. Но если наши коренные помѣщики и

землевладѣльцы показали полное свое безсиліе въ веденіи сельскаго хозяйства, то что могутъ дать новоявленные помѣщики изъ чиновнаго, бюрократическаго люда?

Законъ 8 іюня 1901 года о продажѣ въ частную собственность казенныхъ земель въ Пріамурьи, не получившій, къ счастію, примѣненія до сего времени, сильно взбудоражилъ заинтересованныхъ. Всѣ учрежденія и начальствующія лица были завалены ходатайствами о полученіи земель. Весь служилый людъ только и говорилъ о будущемъ благосостояніи своемъ. Дѣлались вычисленія доходовъ, проектировались всевозможныя комбинаціи, но только не сельско-хозяйственныя... Полученный участокъ почти цѣликомъ предполагалось сдавать въ аренду крестьянамъ, корейцамъ или китайцамъ; затѣмъ, пріобрѣтенную землю можно заложить, и на полученную ссуду или настроить домовъ въ городахъ, гдѣ они приносятъ до 25% дохода, или затѣять какое-либо другое предпріятіе, болѣе прибыльное, чѣмъ земледѣліе. Въ краѣ работаютъ два земельныхъ банка, выдающіе ссуды пока подъ городскія недвижимыя имущества. И представители этихъ банковъ осаждались будущими помѣщиками, наводившими справки, будутъ ли открыты операціи по выдачѣ земельныхъ ссудъ.

Вотъ какова несомнѣнно была бы роль новоиспеченныхъ землевладѣльцевъ, еслибы законъ 8 іюня 1901 года получилъ практическое примѣненіе. Правда, созданіе всеобщаго казачества и чиновнаго землевладѣльца не требуетъ затратъ со стороны государства, тогда какъ на коренное переустройство крестьянскаго хозяйства нужны крупныя суммы. И въ то время, когда идутъ милліонныя ассигнованія на устройство порта, крѣпостныхъ сооруженій, увеличеніе флота, субсидіи частнымъ пароходствамъ и другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, включительно до устройства опереточнаго театра [1]),—почему-то не рѣшались произвести затраты на неотложныя нужды земледѣльческаго класса.

Безспорно,—страна, заселенная, культурно благоустроенная, полная жизненныхъ силъ, имѣетъ меньше шансовъ подвергнуться нападенію сосѣдей, а въ случаѣ таковаго—болѣе способна на отраженіе, чѣмъ безлюдная, бездорожная пустыня съ рѣдкимъ населеніемъ, влачащимъ кое-какъ свое существованіе, хотя бы въ этой странѣ и были понастроены неприступныя крѣпости и многочисленный флотъ.

---

[1]) Нѣкто Ивановъ во Владивостокѣ въ 1898 году получилъ казенную субсидію въ 35 тыс. рублей для основанія знаменитаго притона „Тихій Океанъ“.

Съ 1900 года морской путь изъ Одессы для переселенцевъ былъ закрытъ, такъ какъ установилось прямое паровое сообщеніе черезъ Сибирь. Рельсовый путь до станціи Срѣтенской на рѣкѣ Шилкѣ, оттуда—по Шилкѣ и Амуру на баржахъ, буксируемыхъ пароходами до Хабаровска, гдѣ снова начинается уссурійская желѣзная дорога—вотъ новый путь для переселенца, сократившій путешествіе до 27—30 дней. Правда, товарные, безъ всякаго приспособленія вагоны и кое-какъ приспособленныя баржи все еще переселенца помѣщаютъ въ рубрику грузовъ, а не пассажировъ, но куда легче теперь по сравненію, не говоря уже о старомъ пути сибирскомъ, хотя бы съ морскимъ переѣздомъ. Кромѣ того, и организація переселенческаго дѣла далеко подвинулась впередъ. На пунктахъ переселенческихъ, врачебно-санитарныхъ, продовольственныхъ, можно смѣло сказать, сосредоточены лучшіе, болѣе добросовѣстные люди изъ чиновнаго міра. Подвинулось дѣло впередъ и съ партіями землеотводными, землеустроительными. Законъ же 1902 года, положившій въ основу переселенческаго дѣла ходачество, устранилъ спеціальный подборъ переселенцевъ по усмотрѣнію администраціи.

Переселеніе раньше шло изъ губерній: черниговской, полтавской, отчасти кіевской; небольшое количество было изъ другихъ черноземныхъ губерній. Въ за-зейскій районъ разрѣшили переселяться изъ тамбовской и саратовской губерній молоканамъ и духоборамъ. Съ 1902 же года, благодаря ходачеству на Амуръ, двинулись переселенцы изъ 45 различныхъ губерній Европейской Россіи. И надо полагать, что такимъ путемъ подберется болѣе устойчивая и жизнеспособная масса колонистовъ, чѣмъ пропущенная въ прежнее время черезъ бюрократическій фильтръ. Переселеніе приняло громадные размѣры, захватило обширныя площади. Понадобилось разслѣдованіе вглубь страны, подготовленіе участковъ, болѣе отдаленныхъ отъ рѣкъ, отъ желѣзной дороги. Глухая, безлюдная тайга оказалась доступной для заселенія, но она требуетъ нѣкоторой обработки: проведенія дорогъ, расчистокъ, осушенія и т. п. На это, какъ я уже говорилъ, нужны деньги, но денегъ не даютъ, и уже давно начали раздаваться голоса, что на Амурѣ свободныхъ земель не стало, что пора искать новыхъ земель въ другомъ мѣстѣ.

А между тѣмъ изъ оффиціальныхъ данныхъ, собранныхъ IV-мъ хабаровскимъ съѣздомъ въ августѣ 1903 года, выяснилось, что въ южно-уссурійскомъ районѣ земель, приготовленныхъ для заселенія, имѣется почти 600.000 десятинъ; кромѣ того, остаются совершенно нетронутыми культурой пригодныя для засе-

ленія земли въ сѣверо-уссурійскомъ районѣ и отъ Хабаровска внизъ по Амуру: въ долинахъ рѣкъ Кура, Биръ, Горюнъ, Тунгузка и Амгунь. Особенно благопріятны условія для заселенія въ сѣверо-уссурійскомъ районѣ. Необходимо только проложить дороги, соединяющія поселенческіе участки съ проходящей вблизи желѣзной дорогой. И такихъ земель насчитывается нѣсколько милліоновъ десятинъ. Тутъ не приняты въ разсчетъ побережные участки и площади, могущіе быть современемъ заселены послѣ выполненія на нихъ осушительныхъ, оросительныхъ и т. п. работъ.

Въ Амурской области, площадью въ 42 слишкомъ милліона десятинъ, занято было крестьянами къ 1903 году всего лишь около милліона десятинъ, на которыхъ поселено не болѣе 30.000 душъ обоего пола. Подготовлено для заселенія еще полтора милліона десятинъ. Кромѣ того, изслѣдованъ районъ, возможный и желательный для заселенія, площадью свыше шести милліоновъ десятинъ, при условіи проведенія проселочныхъ дорогъ. Предполагавшееся проведеніе амурскаго рельсоваго пути еще болѣе увеличивало бы годную для заселенія площадь, удаленную отъ рѣки Амура. За отчисленіемъ казачьихъ надѣловъ, пріисковыхъ районовъ, земель, отведенныхъ городу и разнымъ вѣдомствамъ, въ распоряженіи министерства земледѣлія остается свободной и неизслѣдованной земли въ Амурской области около 34 милліоновъ десятинъ.

Такимъ образомъ, рано было еще говорить, что на Амурѣ уже не хватаетъ земли и что надо искать ее въ другихъ мѣстахъ. Но легче пялить глаза на чужое благосостояніе, чѣмъ серьезно и разумно использовать свое собственное. И начали выходить на сцену современные Поярковы, Хабаровы и Черниховскіе.

IV.

Естественныя богатства и промыслы.

Посмотримъ теперь, какъ создавались и развивались разные промыслы и промышленныя предпріятія въ краѣ.

Самымъ крупнымъ и пока главнымъ промысломъ можно считать добычу шлихового золота. Поиски золотосодержащихъ площадей начались съ первыхъ дней занятія Амура, а къ концу шестидесятыхъ годовъ уже были организованы широкія работы. Три крупныхъ акціонерныхъ компаніи: верхнеамурская, соеди-

ненная зейская и ниманская въ Амурской области, а впослѣдствіи амгунская и компанія „Ельцовъ-Левашевъ" въ Приморской области, долго гремѣли въ краѣ и сосредоточивали на себѣ вниманіе всего Приамурья. Это были центры, куда направлялись помыслы, вожделѣнія всѣхъ слоевъ края. Возникавшія предпріятія, торговыя учрежденія, пароходства, рабочій людъ—все это черпало свои жизненныя силы отъ щедротъ этихъ золотопромышленниковъ.

Богатѣйшія розсыпи съ высокимъ содержаніемъ золота приносили огромные барыши, несмотря на удаленность пріисковъ отъ населенныхъ мѣстъ, отсутствіе удобныхъ дорогъ для доставки на пріиски припасовъ и рабочихъ. Рядомъ съ этими крупными компаніями существовали и мелкіе промышленники. Хорошіе заработки стянули на Амуръ тысячи рабочихъ изъ самыхъ отдаленныхъ областей Сибири и даже восточныхъ губерній Европейской Россіи. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ черезъ иркутскую золотосплавочную лабораторію проходило съ Амура ежегодно до 500 пудовъ золота. Но спутники узаконенной золотопромышленности: спиртоносы, „вольные старатели", именуемые хищниками, и большинство мелкихъ золотопромышленниковъ не утруждали зачастую иркутскую лабораторію и сплавляли добытаго золота въ Китай не одну сотню пудовъ въ годъ.

Цѣлый рядъ китайскихъ скупщиковъ золота поселился въ краѣ подъ видомъ торговцевъ и платилъ по высокой цѣнѣ за приносимое золото. Помимо спиртоносовъ и хищниковъ, пріисковые рабочіе предпочитали утаивать, несмотря на большой рискъ, подъемное золото, а по выходѣ изъ пріисковъ продавать его китайцамъ. Китайцы платили по 4—5 рублей за золотникъ, тогда какъ пріисковыя конторы выдавали рабочему за золотникъ подъемнаго золота отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. максимумъ. Мелкимъ золотопромышленникамъ сдавать золото въ казну совсѣмъ было разорительно. Капиталы у нихъ были малы, кредитомъ они не пользовались. Ждать болѣе полугода, пока сданное въ казну золото реализуется, зачастую равнялось пріостановкѣ работъ. Поэтому, намывъ съ полпуда, они записывали въ книгу 2—3 фунта, а остальное продавали китайцамъ, получали наличныя деньги, на которыя покупали новые припасы и продолжали дѣло. Горнополицейскій надзоръ былъ безсиленъ, такъ какъ матеріально вполнѣ зависѣлъ отъ золотопромышленника.

Амуръ какъ будто оживился, но жизнь получилась ненормальная, лихорадочная, разнузданная. Никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, а спѣшилъ широко воспользоваться снятыми

сливками, торопился зарѣзать курицу, несущую золотыя яйца. Ни владѣльцы пріисковъ, ни тѣмъ болѣе ихъ управляющіе, не заботились о правильной разработкѣ, о разумномъ развитіи золотого промысла. Первыми крупными предпринимателями явились на Амурѣ столичные капиталисты и титулованные тузы: Бенардаки, Базилевскій, Шанявскій, Аносовъ и другіе. Близко въ дѣло они не вникали, а предоставляли полную свободу своимъ уполномоченнымъ какъ въ способахъ разработки, такъ и снабженія пріисковъ всѣмъ необходимымъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и наѣзжали въ тайгу, но видѣли лишь то, что желалъ показать имъ уполномоченный. Даже Н. П. Аносовъ, горный инженеръ, попалъ однажды въ просакъ. Онъ призналъ заявленіе управляющаго о негодности одной изъ площадей къ разработкѣ. А спустя нѣкоторое время, новый управляющій добылъ съ этой площади около 400 пудовъ золота. О правильной постановкѣ работъ, о добросовѣстности и умѣньи своихъ уполномоченныхъ они судили только по получаемымъ барышамъ.

Пока идутъ хорошіе барыши, уполномоченные награждаются, сверхъ получаемаго министерскаго жалованья, солидными кушами, доходившими до 10.000 руб. за операцію. Уменьшалась добыча, смѣняли уполномоченнаго, посылали ревизора, сажали другого распорядителя и требовали отъ него только барышей. Каждый уполномоченный заботился лишь о томъ, чтобы на его вѣкъ хватило золота, а потому выбиралъ изъ захваченныхъ, вопреки существовавшему закону, площадей самыя богатыя, старался сократить расходы на техническія приспособленія [1], составлялъ шаблонныя смѣты, умышленно показывалъ предполагаемую добычу въ меньшемъ размѣрѣ, велъ операціи безъ всякаго соотношенія къ этой проблематической смѣтѣ и преподносилъ владѣльцамъ бо́льшее количество золота, чѣмъ ожидалось по смѣтѣ.

И владѣльцы ликовали. Болѣе смышлёные уполномоченные и управляющіе еще шире пользовались темнотой владѣльцевъ. Сообщатъ, напр., имъ, что такой-то пріискъ выработался, а при-

---

[1]) Напр., въ одной изъ крупныхъ компаній ежегодно расходовалось 30.000 - 40.000 на устройство возможнаго проѣзда по тайгѣ, протяженіемъ въ 100 верстъ. По болотамъ постилали изъ накатника мосты, убирали въ сторону каменныя глыбы, устраивали черезъ рѣчушки броды и т. п. Съ мая по октябрь примитивными мѣрами старались таежному пути придать хоть малѣйшую возможность проѣзда вьючнымъ порядкомъ. Въ теченіе 25 лѣтъ предпочитали непроизводительно затрачивать крупныя суммы, чѣмъ сразу проложить настоящую дорогу. Но единовременный крупный расходъ для уполномоченнаго пріисками былъ невыгоденъ.

ступили-молъ къ другому. Кромѣ согласія, ничего другого не могло получиться отъ владѣльца. А года черезъ два просятъ у владѣльца разрѣшенія отдать этотъ пріискъ въ аренду своему пріятелю или родственнику для золотничныхъ работъ. Иногда даже сами управляющіе, оставаясь на службѣ у компаніи, брали въ аренду „выработки", и на такихъ „выработкахъ" намывали золота не меньше, чѣмъ на хозяйскихъ работахъ. Владѣльцы же утѣшались, что брошенный пріискъ все-таки даетъ попудную плату по арендѣ.

Прошло тридцать лѣтъ, и результаты сказались. Крупныя предпріятія расшатались и начали распадаться. Все, что легко можно было взять, истощилось, и въ настоящее время золотопромышленность притихла. Но это не означаетъ, что золото иссякло. Наоборотъ, запасы всюду велики, а разработка залежей руднаго золота ждетъ еще своего предпринимателя,—предпринимателя разумнаго, съ крупнымъ капиталомъ, съ техническими оборудованіями, а не съ рутинными организаціями, въ которыхъ управляющій пріисками не уступалъ въ невѣжествѣ простому пріисковому рабочему.

О недостаткахъ и неправильномъ веденіи золотого дѣла писалось много, а потому здѣсь не буду распространяться по этому вопросу. Скажу только, что золотой промыселъ на Амурѣ не оскудѣлъ и весь еще въ будущемъ. Каждая крупная золотопромышленная компанія имѣетъ десятки площадей, еще не развѣданныхъ. Коренныхъ мѣсторожденій золота — непочатый уголъ, особенно въ Ниманской системѣ. Одно время иностранные капиталисты пытались заняться въ широкихъ размѣрахъ добычей руднаго золота, но имъ это по разнымъ причинамъ не удалось. Русскіе же предприниматели воспользовались случайными открытіями, выбрали, подобно хищникамъ, все, что далось легко въ руки, а затѣмъ, по примѣру своихъ предковъ ушкуйниковъ, потянулись на поиски новыхъ мѣстъ. Даже крупные капиталисты предпочли направить поисковыя партіи въ сосѣднюю Манчжурію, вмѣсто того, чтобы приняться за правильную разработку обильныхъ запасовъ на Амурѣ.

Въ послѣднее время мелкая золотопромышленность начала упрочиваться и расширять золотой промыселъ. Новыя законоположенія, особенно о свободномъ обращеніи золота, много способствовали устойчивости этого рода промышленности. Малонаселенность края, особенно пріисковыхъ районовъ, недостатокъ путей сообщенія, сильно пока тормозятъ промыселъ, дѣлая разработку слишкомъ дорогой. И только розсыпи съ высокимъ со-

держаніемъ доступны въ настоящее время для эксплоатаціи. Шумное время крупныхъ золотопромышленниковъ, съ его растлѣвающимъ вліяніемъ на населеніе и даже на администрацію въ краѣ, повидимому отошло. Народившаяся мелкая золотопромышленность со временемъ, надо полагать, поведетъ дѣло болѣе разумно и производительно. Съ расширеніемъ же населенной площади, съ улучшеніемъ путей сообщенія, у пріисковъ исчезнетъ главное препятствіе—отдаленность ихъ, и явится возможность разработки площадей съ меньшимъ содержаніемъ. Да и рудное дѣло, требующее многихъ механическихъ приспособленій, доставка которыхъ въ настоящее время затруднительна, со временемъ станетъ доступнымъ для эксплоатаціи.

Помимо золотого промысла, въ Амурскомъ краѣ неисчерпаемый запасъ и другихъ полезныхъ ископаемыхъ. Желѣзная руда съ содержаніемъ 60%—70% желѣза, каменный уголь разныхъ качествъ, до антрацита включительно, нефтяные источники, мраморъ, гранитъ и матеріалы для выдѣлки фарфора и стекла— всѣ эти сокровища лежатъ пока втунѣ. Даже каменноугольное дѣло находится еще въ зародышѣ, несмотря на настоятельную нужду въ углѣ. Для надобностей порта, эскадры, желѣзной дороги—приходится пользоваться японскимъ и англійскимъ углемъ, когда у насъ имѣется сахалинскій уголь лучшаго качества или полу-антрацитъ на Сучанѣ. Но сахалинскія копи по неизвѣстнымъ причинамъ бездѣйствуютъ, если не считать ничтожной добычи компаніи Маковскаго, а сучанскія—лишь только начали разрабатываться. Окруженные обильными запасами своего минеральнаго топлива, мы умудрились стать въ зависимость отъ иностраннаго угля и, вмѣсто того, чтобы забросать, за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ, угольные рынки востока, сами попали въ критическое положеніе, оставшись безъ топлива.

Особенно обидно за сахалинскій уголь очень высокаго качества. Но какая-то таинственная завѣса опущена надъ сахалинскимъ богатствомъ, и всѣ попытки добиться тамъ разработки оставались пока тщетными. А открыть, „гдѣ тамъ собака зарыта“,—давно уже пора. Благодаря общимъ неудачамъ колонизаціи и медленному развитію жизни въ этомъ краѣ, остаются до сихъ поръ также неиспользованными промыслы: лѣсной, рыбный— рѣчной и морской, китовый, тюленій и другіе. Лѣсное богатство Амурскаго края занимаетъ площадь около 60 милліоновъ десятинъ, ежегодный приростъ древесины—около 18 милліоновъ кубическихъ саженей, а эксплоатація лѣсныхъ площадей по произведенному подсчету не превышала 300.000 куб. саж. ежегодно.

Такимъ образомъ, ежегодный приростъ древесины почти цѣликомъ пропадаетъ, не принося никакой пользы. А между тѣмъ потребность на востокѣ въ лѣсѣ громадна.

Сплавъ по Амуру и открытый морской путь, казалось бы, должны были сильно способствовать развитію лѣсного промысла. Одно время даже запрещено было русскимъ предпринимателямъ вывозить и торговать лѣсомъ. Но потребность въ лѣсѣ была такова, что англичане, пользуясь плохимъ надзоромъ, вырубили цѣлыя лѣсныя площади у Императорской гавани, а американцы совершенно обезлѣсили Шантарскіе острова.

Морскіе рыбные промыслы по всему побережью Тихаго океана, отъ границъ Кореи до Берингова моря, а также у береговъ острова Сахалина, представляютъ неисчерпаемое богатство. Съ первыхъ дней занятія этихъ побережій имъ придавали большое значеніе и признавали необходимымъ какъ можно скорѣе и обширнѣе заселить ихъ. Оказать широкую поддержку развитію промысловъ, устройству гаваней, способствовать расширенію мореходства и торговымъ сношеніямъ съ сосѣдними народами— должно было быть на первомъ планѣ.

Только заселенное, благоустроенное въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи побережье могло создать силу и оплотъ нашего владычества на востокѣ. Но всѣ попытки нашей бюрократіи въ теченіе многихъ лѣтъ оставались безуспѣшны, и вся полоса протяженіемъ на нѣсколько тысячъ миль до сихъ поръ остается пустыней, не насчитывающей и 10.000 жителей, которые не въ состояніи сами прокормить себя, безсильны воспользоваться щедрыми дарами природы, а тѣмъ болѣе защитить себя отъ вторженія непріятеля.

Подобно общей колонизаціи Амурскаго края, и заселеніе морскихъ побережій подвергалось такимъ же неудачнымъ экспериментамъ. И здѣсь задумывались разные проекты, приводились въ исполненіе кабинетныя предначертанія, подбирались спеціальные элементы для заселенія... По планамъ и проектамъ все обѣщало успѣхъ, а на практикѣ получались печальные результаты и непроизводительныя затраты. Побывали здѣсь астраханскіе рыбаки и финляндцы, привозили сюда эстовъ съ береговъ Балтійскаго моря, потерпѣли фіаско и переселенцы съ таврическихъ береговъ. Въ послѣдніе годы рѣшили испробовать еще жителей новгородской и олонецкой губерній, рыбаковъ съ озеръ Ильменя, Онежскаго и Ладожскаго. Но дѣло не ладится, населеніе побережья влачитъ полудикое существованіе, а богатство промысловое уходитъ въ чужія руки, въ сосѣднія страны. Помимо тюле-

ней, китовъ, моря изобилуютъ самой разнообразной рыбой, изъ которыхъ болѣе цѣнны: сельдь (Clupea Polosii) горбуша (Salmo Proteus) и кэта (Salmo Logocephalus); затѣмъ у береговъ Японскаго моря — морская капуста и трепанги. Рыба въ соленомъ видѣ и засушенная имѣетъ огромный сбытъ въ Японію, а морская капуста и трепанги — въ Китай.

Такъ какъ эти промыслы почти не развиты, то естественно, что японцы, пользуясь безсиліемъ русскихъ властей охранять безлюдные берега, широко хозяйничаютъ въ нашихъ водахъ. Да и въ пунктахъ организованнаго надзора злоупотребленій не меньше. Промысловые участки берутся на имя русскихъ подданныхъ, а японскіе предприниматели, подъ видомъ рабочихъ подставного русскаго промышленника, эксплоатируютъ эти участки. Далеко не полныя свѣдѣнія устанавливаютъ ввозъ въ Японію съ нашего побережья соленой рыбы и селедочнаго тука для удобренія полей на 10 милліоновъ рублей въ годъ. Только у береговъ Сахалина ежегодно японцы запасаютъ свыше милліона пудовъ селедочнаго тука. Въ 1901 году установлено, что число японскихъ судовъ, приходящихъ за рыбой въ Николаевскъ, на Сахалинъ, Камчатку, достигало свыше 250. Морской капусты и трепанговъ, даже при настоящихъ условіяхъ добычи, вывозится на сотни тысячъ рублей.

Правда, появилось нѣсколько крупныхъ рыбопромышленниковъ русскихъ, образовалось „Охотско-камчатское рыбопромышленное товарищество", китобойная компанія графа Кейзерлинга. Но все это кое-какъ ведетъ дѣла, и пользы для края отъ нихъ не замѣтно. Эксплоатація же инородцевъ на сѣверо-восточномъ побережьи, за отдаленностью края, находящагося въ полномъ подчиненіи мѣстной полицейской власти, до сихъ поръ царитъ во всей своей неприглядности.

Морскія сообщенія съ пунктами побережья до сихъ поръ до невозможности скудны и постоянно находятся въ рукахъ монополистовъ. Въ послѣдніе годы морское пароходство „Общества китайско-восточной желѣзной дороги" содержало срочные рейсы къ сѣвернымъ портамъ. Получая крупную отъ правительства субсидію, это пароходство далеко не удовлетворяло самыхъ настоятельныхъ нуждъ перевозки. И еслибы не японскіе пароходы, то русскіе рыбопромышленники не могли бы вывезти на рынки своей добычи.

Такимъ образомъ, восточныя побережья, обладающія всѣми благопріятными условіями стать цвѣтущей и могущественной колоніей, до сихъ поръ остаются жалкой, заброшенной пусты-

ней, а островъ Сахалинъ, вмѣсто горно- и рыбопромышленнаго пункта обращенъ въ ссыльно-каторжную колонію, лежащую бременемъ на государствѣ. Потерять это побережье, въ случаѣ если бы предпріимчивый сосѣдъ захотѣлъ имъ воспользоваться, при настоящихъ условіяхъ очень легко, а вернуть его обратно, пожалуй, дѣло и невозможное. Слава про лососевыя породы у береговъ Камчатки далеко распространилась и давно составляетъ предметъ вожделѣній не однихъ только японцевъ. Американцы-капиталисты спятъ и видятъ, какъ бы воспользоваться этой рыбой для приготовленія консервовъ.

Въ 1899—1900 году появился здѣсь французскій гражданинъ докторъ Моно. Осмотрѣлъ онъ камчатскіе берега, рыбные участки, ознакомился съ мѣстными условіями, и начались хлопоты о полученіи отъ русскаго правительства разрѣшенія ловить рыбу и построить фабрику для приготовленія консервовъ. Докторъ Моно явился представителемъ американскихъ капиталистовъ, и дѣло было задумано широко. Они обязывались пользоваться русскими рабочими и только спеціальныхъ мастеровъ держать изъ иностранцевъ. Два года тянулись хлопоты, потрачено много было на это денегъ. Въ 1901 году было получено разрѣшеніе, но съ тѣмъ, что иностранная компанія на общихъ основаніяхъ будетъ допущена къ торгамъ на аренду рыбныхъ участковъ. Иностранцы ликовали, но, оказалось, преждевременно. Они думали, что, преодолѣвъ всѣ затрудненія въ Петербургѣ, достигли уже желаемой цѣли. Они не знали силы русской поговорки: „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“.

Объ устройствѣ фабрики въ первый годъ нечего было и думать. Рѣшили иностранцы ограничиться пока засоломъ, но и на мѣстѣ лова произошли недоразумѣнія съ полицейскими властями. Наловленная и приготовленная въ 1902 году рыба была признана незаконной, а докторъ Моно, поѣхавшій искать правосудія, утонулъ на катерѣ, свозившемъ его и другихъ пассажировъ съ борта парохода на берегъ.

Компаньонъ его, американецъ, пренебрегъ конфискованною рыбой, плюнулъ на произведенныя затраты и уѣхалъ къ себѣ на родину, рѣшивъ, что при русскихъ порядкахъ рискованно затрачивать капиталы.

Такъ закончилась попытка иностранцевъ создать крупное рыбопромышленное дѣло на Камчаткѣ. Всколыхнутое на короткое время сѣверное болото снова успокоилось въ своихъ укромныхъ берегахъ...

П. Надинъ.

ЖЕНЩИНА СЪ ВѢЕРОМЪ

РОМАНЪ.

— *Robert Hichens.* The Woman with the fan. London, 1904.

Окончаніе *).

XII.

Лэди Гольмъ оказалась права, предвидя успѣхъ дерзкой выходки миссъ Шлей: всѣ стали относиться подозрительно къ жертвѣ мимическаго таланта американки. Получалось такое впечатлѣніе, точно актриса раскрыла своей каррикатурой нѣчто скрытое до того отъ свѣта, и всѣ стали припоминать такіе факты, какъ разрывъ Гольмовъ съ Кэри, какъ странная сцена на балу у Аркелей. Все это теперь вдругъ освѣтилось новымъ свѣтомъ. Мало-по-малу общія симпатіи склонились на сторону мужа лэди Гольмъ, и всѣ находили естественной его дружбу съ миссъ Шлей. Нужно же было несчастному въ семейной жизни мужу искать утѣшенія на сторонѣ.

Лэди Гольмъ страдала отъ несправедливости общаго осужденія и была настроена очень воинственно. Больше всего ее огорчало поведеніе мужа. Чтобы отмстить ему, она стала часто видаться съ Лео Ульфордомъ и старалась обратить вниманіе мужа на свою дружбу съ нимъ. Ульфордъ очень ею увлекался, раскрывалъ ей душу, и весь расцвѣлъ, повѣривъ въ ея интересъ къ нему.

---

*) См. выше: апрѣль, стр. 643 и сл.

Ее же, въ сущности, Лео мало интересовалъ самъ по себѣ; онъ былъ ей нуженъ только для того, чтобы возбудить ревность мужа. Было какое-то внутреннее и внѣшнее сходство между Лео Ульфордомъ и лордомъ Гольмомъ, и лэди Гольмъ инстинктивно чувствовала, что мужъ ея скорѣе всего ревновалъ бы къ человѣку на него похожему, хотя бы изъ самомнѣнія. Она дѣйствовала съ сознательнымъ коварствомъ, увѣренная—какъ она утверждала въ разговорѣ съ Робиномъ Пирсомъ,—что въ жизни побѣждаютъ сирены, а не ангелы. Она надѣялась вернуть любовь мужа, скорѣе выказывая свое умѣнье обольщать, чѣмъ проявляя свою ангельскую натуру.

Робинъ Пирсъ пришелъ попрощаться съ нею передъ отъѣздомъ въ Римъ. Взглянувъ ей прямо въ лицо, онъ увидѣлъ только улыбку на упрямыхъ блѣдныхъ чертахъ. Всякіе слѣды печали исчезли. Они нѣсколько времени говорили принужденно, потомъ онъ вдругъ сказалъ:

— Ваше лицо точно закрыто желѣзными ставнями. Прежде можно было хоть что-нибудь прочесть на немъ—теперь ничего не видно.

— Вы говорите глупости, Робинъ. Пора вамъ, дѣйствительно, вернуться въ Римъ.

— Да, тамъ, по крайней мѣрѣ, живъ духъ красоты—здѣсь его попираютъ ногами.

— Бѣдный духъ!—проговорила она и презрительно усмѣхнулась.

— Знаете ли вы, что о васъ говорятъ во всемъ Лондонѣ?—продолжалъ онъ.—Васъ жалѣютъ, но считаютъ, что вы сами виноваты, что вы заслужили эту обиду. И вы, дѣйствительно, сами виноваты,—продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Еслибы вы были сами собой, она бы не могла оскорбить и унизить васъ. А что вы дѣлаете теперь? Зачѣмъ вы нарочно опускаетесь въ грязь, вмѣсто того, чтобы поднять голову къ солнцу? Вы могли бы быть богиней, и предпочитаете ползать по землѣ какъ червь. Развѣ это не безуміе?

Волненіе, съ которымъ онъ произнесъ эти слова, повидимому, не сообщилось ей.

— Я не хочу притворяться иной, чѣмъ я въ дѣйствительности,—спокойно сказала она.

— Но вѣдь вы не знаете себя.

— Почему вы думаете, что вы знаете меня лучше, чѣмъ я сама?

Онъ на это ничего не отвѣтилъ, но, помолчавъ, порывисто сказалъ:

— Обѣщайте мнѣ одно—не оправдывать того, что о васъ теперь говорятъ—своимъ поведеніемъ съ Лео Ульфордомъ.

— Прощайте,—отвѣтила она, протягивая ему руку.—Онъ понялъ, что потерялъ всякое вліяніе на нее, и, пожимая ей руку, только сказалъ:

— Повѣрьте, что я говорю не столько изъ ревности, сколько изъ любви къ вамъ, къ женщинѣ, которую вы втаптываете въ грязь.

Взглянувъ ей прямо въ глаза, онъ вышелъ, и они уже болѣе не видѣлись передъ его отъѣздомъ. Она этому была рада: близость человѣка, который былъ о ней лучшаго мнѣнія, чѣмъ она заслуживала, тяготила ее. Кэри тоже вернулся въ Лондонъ, но нигдѣ не показывался; въ глазахъ свѣта онъ былъ потерянный человѣкъ. Одинъ только сэръ Дональдъ выказывалъ ему дружеское расположеніе, повидимому не ослабѣвшее послѣ сцены у Аркелей. Онъ первый пришелъ къ Кэри, узнавъ, что онъ вернулся, и повторилъ приглашеніе пріѣхать въ „Casa Felice“ въ концѣ августа. Кэри былъ изумленъ.

— Развѣ вы не боитесь позвать къ себѣ такого пьяницу, какъ я? Вѣдь это опасно. Я освобождаю васъ отъ вашего приглашенія.

— А я его повторяю.

— Въ такомъ случаѣ, я благодарю и принимаю,—отвѣтилъ Кэри, горячо пожимая руку сэра Дональда.

Сэръ Дональдъ ушелъ отъ него, глубоко задумавшись. Дома онъ засталъ жену своего сына всю въ слезахъ и долго бесѣдовалъ съ нею.

Многимъ казалось, что въ концѣ сезона у сэра Дональда былъ еще болѣе изможденный и грустный видъ, чѣмъ обыкновенно, и это приписывали тому, что онъ ведетъ слишкомъ утомительную для него свѣтскую жизнь. Въ его возрастѣ слѣдовало бы уже не бывать такъ много въ обществѣ. Увидавъ его однажды въ оперѣ, лэди Гольмъ была поражена его болѣзненнымъ видомъ. Зайдя къ ней въ ложу въ одинъ изъ антрактовъ, онъ засталъ ее одну. Она прежде всего освѣдомилась о его здоровьи.

— Я васъ не видѣла съ тѣхъ поръ, какъ получила ваше письмо послѣ дебюта миссъ Шлей,—сказала она.

На его блѣдныхъ щекахъ показался легкій румянецъ, но онъ ничего не отвѣтилъ.

— А вы знаете, вашъ сынъ предупредилъ меня, что вы напишете мнѣ.

— Лео?—спросилъ сэръ Дональдъ рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ.—Вы съ нимъ говорили обо мнѣ?

— Я удивлялась тому, что вы тогда такъ внезапно исчезли изъ ложи, и вашъ сынъ сказалъ, что вы напишете мнѣ на слѣдующій день,—вотъ и все. Какой вы подозрительный!—прибавила она шутливо.

— Ничуть. Но Лео меня совсѣмъ не знаетъ, мы почти никогда не жили вмѣстѣ. Я бы не хотѣлъ, чтобъ вы судили обо мнѣ по словамъ Лео.

— А вы обо мнѣ—по толкованію миссъ Шлей,—отвѣтила лэди Гольмъ.

— Я бы именно хотѣлъ опровергнуть это толкованіе,—сказалъ онъ, едва сдерживая свое волненіе.—Покажитесь мнѣ такой, каковы вы дѣйствительно, а не какъ имитація имитаціи.

Она отлично поняла, что̀ онъ хотѣлъ сказать, и была очень изумлена. Неужели Лео Ульфордъ говорилъ о ней съ другими?

— Лэди Гольмъ,—продолжалъ онъ,—позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Я знаю, что это большая смѣлость, но я старикъ, и старикамъ это иногда дозволяется. Я долженъ вамъ сказать, что мой сынъ Лео—не подходящій для васъ другъ въ настоящее время.

На щекахъ сэра Дональда опять вспыхнулъ яркій румянецъ; во взглядѣ его отражалось странное сочетаніе рѣшимости и чувства виновности.

— Неужели вашъ сынъ?..—спросила лэди Гольмъ.

— Я никого не осуждаю, но моя невѣстка иногда ко мнѣ приходитъ. Я знаю, что Лео—дурной мужъ, но дѣло не въ этомъ. Онъ также плохой другъ. Тамъ, гдѣ задѣто его тщеславіе, или его эгоистическая жажда наслажденій, онъ ни съ чѣмъ не считается. Жена его много, очень много сдѣлала для него. Но онъ этого совершенно не цѣнитъ. У него нѣтъ даже рыцарскаго отношенія къ женщинѣ,—и я боюсь за бѣлизну вашихъ крыльевъ, если вы будете довѣрять моему сыну.

— И вы это говорите!—сказала она, и на глазахъ ея неожиданно появились слезы. „Вотъ еще одинъ человѣкъ, который вѣритъ въ ангела!"—подумала она и тепло пожала руку сэру Дональду на прощанье.

— Неужели же это видятъ всѣ, кромѣ Фрица?—съ грустью спрашивала она себя, возвращаясь въ этотъ вечеръ изъ оперы.

Дѣйствительно, лордъ Гольмъ сталъ теперь другимъ человѣкомъ. Прежній ревнивецъ совершенно исчезъ въ немъ. Онъ, повидимому, былъ такъ поглощенъ своими личными интересами, что не обращалъ вниманія на Лео Ульфорда и его настойчивыя ухаживанія. Это такъ возмущало лэди Гольмъ, что ей захотѣ-

лось совершить какое-нибудь безразсудство, сдѣлать что-нибудь отчаянное. Она была увѣрена, что слова сэра Дональда вызваны были жалобами его невѣстки. Жена Лео Ульфорда навѣрное ревновала мужа именно къ ней, но она не чувствовала жалости къ несчастной старой женщинѣ. Сидя въ каретѣ, мчавшей ее изъ театра, лэди Гольмъ занята была всецѣло эгоистическими мыслями о себѣ, жалѣла только себя. Больше всего ее мучила ревность. Гдѣ теперь Фрицъ? Она ничего не знала о томъ, гдѣ и какъ онъ проводитъ время,—онъ замкнулся въ молчаніи, противъ котораго у нея не было никакихъ средствъ борьбы.

Лэди Гольмъ не поѣхала на вечеръ, гдѣ ее ждали послѣ театра, и прямо вернулась домой. На ея вопросъ, вернулся ли домой лордъ Гольмъ, лакей ей отвѣтилъ, что его нѣтъ, и что онъ не велѣлъ своему камердинеру ждать его, очевидно разсчитывая вернуться очень поздно. Лэди Гольмъ показалось, что лакей давалъ ей эти объясненія слегка насмѣшливымъ голосомъ. Она съ удивленіемъ взглянула на него, и онъ опустилъ глаза.

— Принесите мнѣ стаканъ лимонада въ гостиную черезъ десять минутъ,—сказала она и прибавила:—Освѣтите гостиную полнымъ свѣтомъ.

Лакей прошелъ передъ ней по лѣстницѣ, и когда она вслѣдъ за нимъ вошла въ ярко освѣщенную электричествомъ гостиную, она позвала горничную, отдала ей свою бальную накидку и отослала ее спать. Она сѣла на диванъ, оглянулась вокругъ себя въ большой пустой залѣ и задумалась. Ей все еще хотѣлось сдѣлать что-нибудь необычайное, и она не могла рѣшить, что именно. Такія состоянія бываютъ на сценѣ, когда запаздываетъ выходъ лица, которое нужно для хода дѣйствія. Лэди Гольмъ была заряжена бурными чувствами, приготовилась сдѣлать сцену,—а тотъ, для кого она предназначалась, не являлся. Она не могла дать исходъ накопившемуся въ ней возбужденію, и ею овладѣло какое-то тупое отчаяніе.

Когда черезъ десять минутъ явился лакей съ лимонадомъ, она еще не рѣшила, дастъ ли она ему какое-нибудь приказаніе, велитъ ли призвать одного изъ актеровъ, нужныхъ ей для бурной сцены. Она знала, что Лео Ульфордъ ждетъ ее на балу, гдѣ они условились быть вмѣстѣ. Она обѣщала пріѣхать въ опредѣленный часъ, и онъ долженъ былъ повести ее къ ужину. Теперь онъ навѣрное ждалъ ее. Не послать ли ему записку,—это было недалеко, на Итонъ-Сквэрѣ,—чтобы дать ему знать, что она осталась дома и ждетъ его у себя. Не рѣшившись на это сразу, она отослала лакея. Но, оставшись одна и выпивъ

стаканъ лимонада, она никакъ не могла успокоиться и почувствовала, что бездѣйствіе ей въ эту минуту невыносимо. Необходимо было что-нибудь предпринять. Ей пришлось дважды позвонить, прежде чѣмъ явился слуга, уже ушедшій къ себѣ въ комнату.

— Вы снесете эту записку на Итонъ-Скворъ, — сказала она, когда наконецъ появился лакей. — Подождите пять минутъ.

Она подошла къ письменному столу и написала слѣдующую записку Лео Ульфорду.

„Дорогой м-ръ Ульфордъ! Я очень жалѣю, что не смогла сдержать свое обѣщаніе; но я слишкомъ устала, чтобы еще ѣхать на вечеръ послѣ театра. Вамъ тамъ вѣроятно весело, а я сижу одна, читая скучную книгу. Лечь спать въ двѣнадцать часовъ немыслимо даже при такой усталости. Слишкомъ ужъ я привыкла ложиться поздно. Будьте милымъ и зайдите ко мнѣ на пять минутъ по пути домой—вы мнѣ разскажете о всемъ, что было на вечерѣ. Вѣдь вамъ по дорогѣ, и я не долго задержу васъ. Съ искреннимъ привѣтомъ—В. Г.“

Написавъ эту записку, лэди Гольмъ задумалась на минуту, потомъ подошла къ письменному столу и вынула изъ ящика маленькій, тонкій, плоскій ключъ. Она положила его между двумя листами толстой почтовой бумаги, обвернула вокругъ него написанную ею записку и положила все вмѣстѣ въ конвертъ, который тщательно заклеила. Написавъ на конвертѣ имя Лео Ульфорда, она снова позвонила.

— Снесите это на Итонъ-Скворъ, — сказала она лакею, назвавъ нумеръ дома, — и отдайте сами м-ру Ульфорду. Поѣзжайте туда и обратно и придите сказать, отдали ли вы письмо. Потомъ можете идти спать.

— Слушаюсь, милэди.

Когда лакей ушелъ съ запиской, лэди Гольмъ почувствовала истинное облегченіе и въ ожиданіи отвѣта сѣла читать книгу. Это былъ томикъ стиховъ—изящныхъ, хотя и неглубокихъ, но лэди Гольмъ пріятно было, что они отвлекаютъ ее отъ дѣйствительности и переносятъ въ поэтическій міръ увядающихъ цвѣтовъ, потухающихъ огней и вздоховъ вѣтра. Она продолжала читать, отъ времени до времени вспоминая, что произошло нѣчто дикое—что у Лео Ульфорда ключъ отъ дома ея мужа. При этой мысли стихи, которые она читала, казались ей еще болѣе далекими отъ дѣйствительности.

Пришелъ лакей и сказалъ, что вручилъ записку самому м-ру Ульфорду.

— Хорошо, — сказала она. — Можете идти спать. Я сама затушу здѣсь электричество.

Послѣ ухода лакея она опять взялась за чтеніе стиховъ, но уже не могла сосредоточиться на нихъ. Отложивъ книжку, она подошла къ дверямъ гостиной и открыла ихъ. Ей хотѣлось услышать, какъ Лео Ульфордъ будетъ отворять дверь посланнымъ ею ключомъ. Этотъ звукъ, какъ ей казалось, укрѣпитъ ее въ борьбѣ съ мужскимъ эгоизмомъ. Открывъ дверь, она сѣла ближе къ ней и стала прислушиваться.

Черезъ нѣсколько минутъ она услыхала—не звукъ ключа въ дверяхъ,—на такомъ разстояніи она не могла услышать его,—а стукъ захлопнувшейся двери. Она быстро закрыла дверь въ гостиную, пересѣла опять на диванъ и стала снова читать стихи. Она успѣла прочесть цѣлое стихотвореніе, и тогда только открылась дверь въ гостиную.

Она подняла голову, собираясь встрѣтить съ улыбкой Лео Ульфорда—но увидѣла передъ собой мужа.

Она была совершенно ошеломлена. Ей какъ-то не приходило въ голову, что мужъ ея могъ придти домой до Ульфорда. Какъ это она не предвидѣла возможности этого? Она совершенно растерялась отъ контраста того, что произошло въ дѣйствительности, съ тѣмъ, что рисовалось ея разгоряченному воображенію, и продолжала сидѣть, опустивъ книгу на колѣни и глядя на мужа разсѣяннымъ взглядомъ.

— Какъ, ты дома? — спросилъ лордъ Гольмъ.—А я былъ увѣренъ, что ты поѣхала къ Блэкстонамъ.

— Я и собиралась, но слишкомъ устала послѣ оперы.

— Такъ почему ты не идешь спать?

— Я устала, но спать не хочу.

Лордъ Гольмъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ, потомъ вынулъ портсигаръ изъ кармана и закурилъ папиросу. Лэди Гольмъ ясно видѣла, что ея присутствіе въ гостиной непріятно поразило его. Веселый видъ, съ которымъ онъ вошелъ, исчезъ, и онъ старался не глядѣть на жену.

— А ты гдѣ провелъ сегодня вечеръ?—спросила она беззаботнымъ товарищескимъ тономъ.

— Въ клубѣ—игралъ въ карты,—отвѣтилъ онъ, и въ глазахъ его блеснуло наивно-лукавое выраженіе. Еслибы не ревность, мучившая ее, лицо Фрица, вѣроятно, позабавило бы ее. Но теперь ей было не до смѣха. Она ясно видѣла, что ея мужъ въ первый разъ въ жизни солгалъ ей.

— Счастливо игралъ?—спросила она тѣмъ же беззаботнымъ тономъ.

— Такъ себѣ,—протянулъ онъ и затѣмъ, усѣвшись въ глубокое кресло, сталъ медленно курить, глядя въ потолокъ.

У лэди Гольмъ стала кружиться голова отъ охватившаго ее безпокойства. Прежде всего ей нужно было узнать, заперъ ли Фрицъ входную дверь на ключъ, или, по разсѣянности, не заперъ, какъ это съ нимъ часто случалось. Если дверь заперта, то Ульфордъ уйдетъ послѣ напрасной попытки открыть дверь присланнымъ ключомъ. Если же дверь незаперта, то Ульфордъ можетъ ежеминутно явиться въ гостиную съ ключомъ въ рукахъ. Какъ это узнать?

— Что съ тобой? — спросилъ лордъ Гольмъ, замѣтивъ безпокойство жены.—Ты не вѣришь, что я теперь изъ клуба?

— Вполнѣ вѣрю. И почему бы мнѣ не вѣрить?

Было очевидно, что у лорда Гольма совѣсть неспокойна. Это усиливало возмущеніе лэди Гольмъ, подзадоривало ее, но все-таки она страшно раскаивалась въ своемъ безумномъ поступкѣ. То, что мужъ ея пріѣхалъ раньше Ульфорда, усиливало ея вину. Еслибы Фрицъ засталъ у нея Ульфорда, это бы разсердило его— чего она и добивалась. Но, посмотрѣвъ теперь на Фрица, ей сдѣлалось страшно при мысли о томъ, что будетъ, если Лео войдетъ съ ключомъ въ рукѣ.

— Да что съ тобой?—спросилъ лордъ Гольмъ, встревоженный ея страннымъ видомъ.

— Я устала, вотъ и все,—сказала она и засмѣялась короткимъ нервнымъ смѣхомъ. — Было страшно жарко въ оперѣ.

Положивъ еще кусочекъ льду въ лимонадъ, она прибавила:

— Надѣюсь, Фрицъ, что ты заперъ на ключъ входную дверь. Прислуга вѣдь уже ушла спать.

Произнеся эти слова, она сейчасъ же раскаялась въ нихъ. Если теперь войдетъ Лео, то у нея не будетъ уже никакого оправданія. Такъ она могла бы сказать, что его впустила прислуга, и онъ, увидавъ мужа, поддержалъ бы ея ложь. Какъ глупо было отрѣзать себѣ этотъ путь къ оправданію!

— Не все ли равно,—отвѣтилъ Фрицъ.—Я не боюсь разбойниковъ. Если кто-нибудь заберется ко мнѣ въ домъ, то я сумѣю справиться съ нимъ.—И онъ нащупалъ могучіе мускулы лѣвой руки правой рукой. Лэди Гольмъ была взбѣшена его самоувѣренностью, еще болѣе усиливавшей ея тревогу.

— Однако я вовсе не желаю подвергаться опасности,—сказала она нѣсколько раздраженно. — Скажи точно, ты заперъ двери или нѣтъ?

— Право, не помню,—протянулъ онъ.

Она не могла понять, нарочно ли онъ ее дразнитъ, или дѣйствительно не помнитъ, но чувствовала, что не можетъ долѣе оставаться въ неизвѣстности.

— Въ такомъ случаѣ я пойду, посмотрю сама,—сказала она.

— Глупости! Если ты въ нервномъ состояніи и тебя это безпокоитъ, то я пойду, посмотрю—только, вотъ, докурю папиросу.

Онъ продолжалъ курить, къ полному отчаянію лэди Гольмъ, которая даже на минуту подумала, что у него возникли подозрѣнія, и онъ нарочно такъ медлитъ. Но, конечно, подобнаго коварства нельзя было предположить въ наивномъ при всей своей грубоватости Фрицѣ, и лэди Гольмъ тотчасъ же отстранила это предположеніе. Подъ предлогомъ своей нервности она стала торопить его, говоря, что хочетъ скорѣе пойти спать, но должна прежде удостовѣриться, что домъ запертъ, и направилась къ двери, чтобы спуститься внизъ. Въ эту минуту она явственно услыхала, какъ передъ ихъ домомъ остановилась коляска. Она вся похолодѣла отъ ужаса, увѣренная, что это Лео, и не сомнѣваясь почему-то, что Фрицъ не заперъ двери.

— Какая ты нетерпѣливая! — сказалъ Фрицъ, поднимаясь съ кресла.—Я, кажется, дѣйствительно не заперъ двери, и теперь пойду, запру.

Онъ направился къ двери, и она почувствовала, что нужно выиграть хоть немного времени. Она пошатнулась.

— Мнѣ очень не по себѣ, — проговорила она, и слабыми, но быстрыми шагами подошла къ окну, выходившему на сквэръ, открыла его и посмотрѣла внизъ. Коляска остановилась передъ ихъ домомъ, и передъ нею, спиной къ дому, стоялъ Лео Ульфордъ, расплачиваясь съ кучеромъ. Какъ бы обратить на себя его вниманіе и сдѣлать ему знакъ, чтобы онъ ушелъ? Она оглянулась. Фрицъ подходилъ къ ней съ удивленнымъ лицомъ.

— Мнѣ нужно подышать воздухомъ,—нервно проговорила она. А внизу Лео Ульфордъ протянулъ руку кучеру, который наклонился къ нему съ козелъ. Онъ взялъ деньги, взглянулъ на нихъ, показалъ ихъ Лео и что-то пробормоталъ. Очевидно, онъ просилъ прибавки. Она быстро обернулась къ Фрицу.

— Фрицъ, милый, — сказала она.—Сходи наверхъ въ мою комнату и принеси мнѣ о-де-колонъ. Флаконъ стоитъ у меня на туалетѣ—справа. У меня кружится голова. Я здѣсь постою—на воздухѣ мнѣ станетъ легче.

Она схватилась за занавѣску, точно боялась упасть отъ слабости.

— Хорошо,—сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. Она по-

смотрѣла ему вслѣдъ, потомъ быстро подошла къ окну и высунулась изъ него.

Было уже поздно. Коляска отъѣзжала, и Лео исчезъ изъ виду. Онъ, очевидно, вошелъ въ домъ.

XIII.

Не успѣла она отойти отъ окна, какъ въ комнатѣ раздались шаги. Она обернулась и увидѣла Ульфорда, который улыбался широкой, дѣтской улыбкой и показывалъ ключъ, посланный ею. При взглядѣ на нее, однако, улыбка исчезла съ его лица.

— Уходите, уходите!—прошептала она, указывая рукой на дверь. — Мой мужъ вернулся. Уходите скорѣе и какъ можно тише!

Она сдѣлала быстрое движеніе къ двери. Лео Ульфордъ на минуту остановился и нахмурился, потомъ, съ выраженіемъ досады на лицѣ, повернулся къ двери. Но какъ-разъ въ эту минуту въ комнату вошелъ лордъ Гольмъ съ флакономъ о-де-колона въ рукахъ. При видѣ Лео онъ остановился. Лео тоже остановился, и они съ минуту глядѣли другъ на друга. Лэди Гольмъ стояла у открытаго окна. Въ комнатѣ была полная тишина. Лео уронилъ ключъ, который безшумно упалъ на коверъ. Онъ быстро наклонился, чтобы его поднять, но лордъ Гольмъ еще быстрѣе самъ поднялъ ключъ. Увидавъ ключъ въ рукѣ мужа, лэди Гольмъ вышла на средину комнаты.

— Мистеръ Ульфордъ пришелъ разсказать мнѣ о вечерѣ у Блэкстоновъ,—сказала она спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, съ улыбкой на губахъ. Лео Ульфордъ откашлялся.

— Да,—громко сказалъ онъ,—я зашелъ сюда отъ Блэкстоновъ.

Лордъ Гольмъ внимательно посмотрѣлъ на ключъ. Вдругъ его лицо побагровѣло и синія жилы выступили на широкомъ лбу.

— Что это за ключъ?—спросилъ онъ, глядя на жену и на Ульфорда. — Что это за ключъ? — повторилъ онъ, не получивъ отвѣта.

— Ключъ отъ дома мистера Ульфорда, я полагаю,—сказала лэди Гольмъ.—Да и откуда мнѣ это знать?

— Я тебя не спрашиваю, — отвѣтилъ ея мужъ и, подойдя ближе къ Лео, сказалъ:—Почему вы не отвѣчаете?

— Это ключъ отъ моей двери,—отвѣтилъ Лео, пытаясь засмѣяться.

Лордъ Гольмъ бросилъ ему ключъ въ лицо.

— Вы лжете!—сказалъ онъ.—Это ключъ отъ моего дома.

Онъ ударилъ его по лицу, и Лео отвѣтилъ ему такимъ же ударомъ. Увидѣвъ это, лэди Гольмъ вышла изъ комнаты, быстро побѣжала къ себѣ въ спальню и закрыла за собой дверь. Она сѣла на кушетку подлѣ постели, вся дрожа отъ сознанія какого-то безграничнаго страха. Ей казалось, что она слышитъ таинственный, слабый звукъ, страшный и трогательный, очень далекій—точно голосъ плачущаго въ ней бѣлаго ангела. Она поднялась и стала ходить по комнатѣ. Грубая сцена въ гостиной навела на нее ужасъ. Ее всегда привлекала дикая животность въ ея мужѣ,—и теперь только, увидѣвъ ея яркое проявленіе, она почувствовала невольное отвращеніе.

Она подошла къ туалетному столу, и всѣ предметы на немъ показались ей чѣмъ-то презрѣннымъ, какой-то ложью. Ея красивая спальня была ложью; нужно было бы, чтобы вокругъ нея все было грязно и уродливо—только этого она и заслуживала. Драка между Фрицемъ и Лео Ульфордомъ унижала ее не меньше, чѣмъ ихъ. Она чувствовала себя прибитой.

Открылась дверь. Она не обернулась, но увидѣла въ зеркалѣ своего мужа. Сюртукъ его былъ разорванъ, жилетъ и рубашка—почти въ лохмотьяхъ. Лицо и руки были въ крови. Но въ глазахъ его сверкалъ огонь торжества—чисто животнаго. Онъ прошелъ, не говоря ни слова, въ свою уборную, и она услышала плескъ воды—онъ, очевидно, отмывалъ пятна крови. Когда перестала литься вода, она услышала, какъ онъ открывалъ ящики шифоньерки и что-то разрывалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ комнату; голова его была повязана шолковымъ платкомъ, и на правой рукѣ тоже была перевязка. Онъ подошелъ къ ней и взглянулъ на нее съ сіяющимъ выраженіемъ лица. Что-то упало ей на колѣни—это былъ ключъ, который она послала Лео Ульфорду.

— Могу тебѣ сказать, что онъ сожалѣетъ о томъ, что когда-либо держалъ этотъ ключъ въ рукахъ,—очень сожалѣетъ,—сказалъ лордъ Гольмъ и разсмѣялся.

Лэди Гольмъ взяла ключъ и положила его на диванъ. Она увидала, что мужъ ея вполнѣ спокоенъ и счастливъ, и взглянула ему пристально въ глаза. Вдругъ ей показалось, что изъ нихъ двухъ она должна быть судьей, а онъ—подсудимымъ. Туманъ въ головѣ разсѣялся, и руки перестали дрожать. Торжествующій видъ Фрица все измѣнилъ.

— Садись, я должна съ тобой поговорить, — сказала она, сама удивляясь своему спокойному голосу.

Лордъ Гольмъ удивленно взглянулъ на нее, но покорно сѣлъ, ожидая, что она скажетъ.

— Я полагаю, что ты пришелъ выгнать меня изъ дому?— спросила она.

— Ты бы этого заслуживала,—пробормоталъ онъ, но въ голосѣ его не чувствовалось гнѣва. Физическое усиліе, которое онъ сдѣлалъ, и одержанная побѣда на время охладили его гнѣвъ. Лэди Гольмъ хорошо знала Фрица, и понимала, что теперь вся его злоба прошла. То, что при подобныхъ обстоятельствахъ онъ могъ вполнѣ успокоиться, сорвавъ свой гнѣвъ чисто физически, обнаруживало грубость его натуры.

— А ты чего заслуживаешь?—спросила она. Всякое чувство страха исчезло у нея. Она чувствовала себя абсолютно правой.

— Когда я пошелъ отколотить Кэри, онъ былъ пьянъ, и я, поэтому, и пальцемъ не тронулъ его. А этотъ молодецъ пробовалъ драться, но я его скрутилъ какъ ребенка,—сказалъ лордъ Гольмъ торжествующимъ тономъ.

Онъ взглянулъ на свою перевязанную руку и опять побѣдно разсмѣялся. Потомъ вдругъ онъ вспомнилъ то, о чемъ забылъ, радуясь своему физическому торжеству. Лицо его измѣнилось, онъ выдвинулъ нижнюю челюсть и собирался говорить, но лэди Гольмъ заговорила раньше.

— Да, я послала Лео Ульфордъ ключъ,—сказала она.—Говорю это тебѣ, не дожидаясь вопроса. Я послала ключъ и сказала, чтобы онъ пришелъ сегодня вечеромъ. Знаешь, почему я это сдѣлала? Я захотѣла такой же свободы, какъ мой мужъ. Я именно хотѣла, чтобы ты его здѣсь засталъ.

— Это неправда,—отвѣтилъ лордъ Гольмъ съ побагровѣвшимъ лицомъ.—Ты не думала, что я вернусь сегодня.

— Вотъ какъ! Такъ, значитъ, ты не собирался вернуться домой сегодня?—рѣзко спросила она.

Она сразу поняла, что онъ, по глупости, выдалъ себя, думая, что она угадала его намѣреніе. Онъ пробовалъ-было оправдаться, но жена его твердо держалась роли обвинительницы, стараясь не утратить этой выгодной позиціи.

— Я только вижу,—сказала она, наконецъ,—что ты прежде всего глупъ. Ты даже въ дурныхъ поступкахъ не умѣешь соблюдать осторожности.

— А ты?—спросилъ онъ.

— Я?—повторила она и подошла къ нему ближе.—Я ничего дурного не сдѣлала, ты самъ это знаешь,—сказала она и взглянула ему прямо въ лицо. Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Можетъ, было бы лучше, еслибы я способна была на дурное,—сказала она.—Мужчины вѣдь это предпочитаютъ, не правда ли?

Онъ взглянулъ на нее, потомъ опустилъ глаза на коверъ, и на лицѣ его видно было смущеніе.

— Но мнѣ все равно,—сказала она рѣшительно, внутренно взывая къ скрытому въ ней чистому ангелу и въ то же время сомнѣваясь, есть ли онъ въ ней.—Мнѣ все равно. Я не могу измѣнить свою натуру. И я увѣрена, что есть люди, предпочитающіе утонченность вульгарности, чистоту...

— Напримѣръ, Ульфордъ?—прервалъ онъ ее.

Его слова точно бичомъ хлестнули лэди Гольмъ. Она забыла о своей ангельской природѣ и о тѣхъ, которые считали ее ангеломъ.

— Какъ ты смѣешь!—воскликнула она.—Вѣдь я...

Онъ взялъ ключъ и бросилъ ей въ лицо. Физическое чувство торжества прошло, и онъ вспомнилъ о нанесенномъ ему оскорбленіи.

— Честныя женщины такихъ вещей не дѣлаютъ,—сказалъ онъ.—Еслибы объ этомъ узнали въ Лондонѣ,—твоя репутація погибла бы.

— А ты можешь открыто и безстыдно дѣлать все, что хочешь?

— Мужчина—дѣло другое.

Эти слова и самодовольный видъ, съ которымъ онъ ихъ произнесъ, возмутили лэди Гольмъ. Унизительная правда его словъ глубоко ее задѣла. Въ эту минуту она ненавидѣла и мужа, и всѣхъ мужчинъ. Ея безсильная злоба усугублялась сознаніемъ, что женщины сами признаютъ разную мораль для себя и для мужчинъ. Все это ее такъ возмущало, что она не могла ни слова сказать отъ бѣшенства, а лордъ Гольмъ счелъ это доказательствомъ неотразимой правды своихъ словъ. Опять онъ одержалъ побѣду. Его сила опьяняла его.

— Да, мужчины—дѣло другое,—повторилъ онъ,—и къ нимъ иначе относятся. Другого отношенія они не потерпятъ.

Лэди Гольмъ опять сѣла на кушетку и, сложивъ руки, крѣпко стиснула ихъ.

— Такъ, по твоему,—сказала она спокойнымъ голосомъ,—ты можешь унижать свою жену въ глазахъ всего Лондона, а она должна дѣлать видъ, что ей это пріятно, и продолжать быть вѣрной тебѣ. Но я не согласна ни на то, ни на другое. Я не буду спокойно выносить униженія, а что касается любви къ тебѣ, то ее не долго убить. Можетъ быть, она уже мертва.

Эта ложь прозвучала правдоподобно—быть можетъ, потому, что она ей самой казалась правдой.

— Что ты сказала?—спросилъ лордъ Гольмъ.

Торжествующее выраженіе исчезло съ его лица. Черты его выражали прежде всего полное изумленіе. Для жены его было совершенно ясно, что, несмотря на полуночный визитъ Лео Ульфорда, Фрицъ не подозрѣвалъ ее въ измѣнѣ и ни на минуту не думалъ, что ея любовь къ нему умерла или замѣнилась любовью къ кому-нибудь другому. Его самомнѣніе, повидимому, не имѣло границъ.

Но вдругъ у нея мелькнула другая мысль: что, если и Фрицъ вѣритъ въ ея ангельскую натуру? Она никогда не причисляла его къ небольшому кругу вѣрящихъ въ ея духовную красоту. Его она относила къ числу поклонниковъ обольстительныхъ земныхъ сиренъ. Неужели же теперь... неужели въ одномъ и томъ же мужчинѣ могутъ быть два различныхъ существа, какъ въ одной и той же женщинѣ уживаются двѣ различныя натуры? Фрицъ пріобрѣлъ для нея интересъ новизны—онъ вдругъ оказался сложнымъ. Въ немъ говорило теперь не самомнѣніе, отрицающее возможность измѣны себѣ, а довѣріе къ ней. Это тронуло ее до слезъ. Она взглянула въ лицо мужу, и вдругъ замѣтила, что бѣлая шолковая повязка у него на лбу слегка покраснѣла.

— Подойди сюда, Фрицъ,—сказала она мягкимъ голосомъ, и когда онъ послушно приблизился къ ней, прибавила:—Наклони голову.

Онъ нагнулся къ ней своимъ крупнымъ туловищемъ, и, прикоснувшись къ повязкѣ, она убѣдилась, что сквозь нее просачивается кровь.

Минуту спустя, Фрицъ сидѣлъ въ низкомъ креслѣ подлѣ умывальника, въ покорной позѣ, и наклонившаяся надъ нимъ женщина—ангелъ или сирена?—промывала рану на лбу.

XIV.

Послѣ этого вечера лэди Гольмъ почувствовала нѣчто новое въ своемъ отношеніи къ мужу—она стала идеализировать его. Прежде она цѣнила въ немъ его силу, самоувѣренность, его мощную животную натуру; теперь она узнала новаго Фрица, вѣрующаго въ ангела, и полюбила его, какъ равнаго своимъ возвышеннымъ поклонникамъ, сэру Дональду и Робину Пирсу. Изъ

любви къ нему, она старалась развивать въ себѣ ангельскія черты, и чувствовала, какъ въ ней ростетъ внутренняя сила, оберегающая ее отъ прикосновенія грязи. Лордъ Гольмъ былъ пораженъ перемѣной въ женѣ; онъ ее чувствовалъ, хотя и не могъ опредѣлить, въ чемъ она состояла. Со времени инцидента съ Лео Ульфордомъ ихъ отношенія слегка измѣнились. Лордъ Гольмъ смутно чувствовалъ, что жена какъ бы слегка жалѣетъ его, прощаетъ ему его проступки,—и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ ея превосходство надъ собой. Кротость и нѣжность Віолы ставили его какъ бы на ступень ниже ея. И онъ сталъ смотрѣть на все окружающее глазами жены. О миссъ Шлей она говорила теперь съ добротой и симпатіей, но съ оттѣнкомъ великодушной жалости, точно думая: „бѣдняжка, жаль что она такая неудачница“! Лорду Гольму тоже стало казаться, что она неудачница, и это въ значительной степени уменьшало обаяніе американки въ его глазахъ. Онъ даже находилъ, что миссъ Шлей вовсе не такъ похожа на его жену, какъ это сначала казалось. Онъ сказалъ это лэди Гольмъ—и ангелъ улыбнулся. Впрочемъ, можетъ быть, въ ней улыбнулся не ангелъ. Перемѣну въ лэди Гольмъ всѣ замѣтили; ее сочувственно привѣтствовали вѣрившіе въ ангела, а невѣрившіе—особенно тѣ, которые присутствовали при сценѣ у Аркелей и восторгались имитаціей миссъ Шлей—смѣялись. Иные съ досадой отмѣчали эту перемѣну.

— Если такъ будетъ продолжаться, то имитація миссъ Шлей будетъ совсѣмъ устарѣвшей,—сказала м-ссъ Вольфштейнъ мужу однажды въ оперѣ, выходя изъ ложи лэди Гольмъ. Устарѣлость была величайшимъ преступленіемъ въ глазахъ м-ссъ Вольфштейнъ. А лэди Кардингтонъ, сэръ Дональдъ Ульфордъ и еще одинъ-два человѣка радовались осуществленію своей мечты и съ умиленіемъ смотрѣли теперь на лэди Гольмъ. Особенно эта перемѣна радовала сэра Дональда. Онъ расцвѣлъ и помолодѣлъ. Лэди Гольмъ не могла рѣшить, знаетъ ли онъ о томъ, что произошло между ея мужемъ и его сыномъ, и не рѣшалась спросить его. Онъ только одинъ разъ упомянулъ передъ нею имя Лео, говоря, что онъ уѣхалъ въ помѣстье жены. Это извѣстіе обрадовало лэди Гольмъ: преображаясь все болѣе и болѣе въ ангела, ей не хотѣлось видаться съ человѣкомъ, пострадавшимъ отъ ея экспериментовъ въ роли сирены. Самъ Лео немногаго стоилъ, но, пользуясь имъ исключительно какъ орудіемъ противъ Фрица, она поступала мелко, пошло, и теперь ясно это сознавала.

Въ лондонскомъ свѣтѣ готовилось событіе—благотворительный концертъ, который устраивала одна изъ принцессъ коро-

левскаго дома совмѣстно съ комитетомъ изъ высокопоставленныхъ дамъ; цѣлью концерта было собрать деньги на устройство клуба для солдатъ и моряковъ. Къ участію въ концертѣ привлечены были разные артисты и любители, и въ томъ числѣ лэди Гольмъ и миссъ Шлей. Послѣдняя уже получила и приняла приглашеніе участвовать въ вечерѣ, когда принцесса лично обратилась къ лэди Гольмъ съ просьбой объ участіи. При этомъ она сообщила ей, что въ концертѣ выступитъ также „талантливая миссъ Шлей“. Лэди Гольмъ не сразу рѣшилась принять приглашеніе. Ей не хотѣлось опять встрѣтиться съ американкой, которую она уже давно не видала. Съ тѣхъ поръ какъ она промывала рану на лбу мужа, она какъ-то инстинктивно знала, что власть миссъ Шлей надъ Фрицемъ ослабла. Теперь ей бы хотѣлось провѣрить—такъ ли это; въ ней проснулось сильное, мучительное любопытство. Она боролась противъ этого чувства, болѣе свойственнаго сиренѣ, нежели ангелу. Но приглашеніе принцессы воскресило ея любопытство и другіе инстинкты; поддавшись искушенію, она согласилась участвовать въ концертѣ. Получивъ программу его, она увидала, что ея нумеръ—два романса—слѣдуетъ непосредственно за „нѣсколькими имитаціями“ миссъ Шлей. Ей сдѣлалось непріятно. Кого выбрала своей жертвой на этотъ разъ хитрая американка? Не ее ли опять, какъ при своемъ дебютѣ? И почему помѣстили рядомъ ихъ имена,—не для привлеченія ли публики, наслышавшейся много о нихъ обѣихъ въ теченіе сезона? Лэди Гольмъ было тяжело думать объ этой паутинѣ свѣтской жизни, объ установившихся между нею и американкой враждебныхъ отношеніяхъ. Почему, собственно, онѣ стали врагами? Ей всей душой захотѣлось подняться выше тщеславія, самолюбія, корысти, управляющихъ жизнью общества. Въ первый разъ ее дѣйствительно охватила та жажда высшихъ радостей, которая звучала въ ея пѣніи. Теперь она была и безъ музыки тѣмъ, чѣмъ казалась, когда пѣла—существомъ съ таинственными порывами, съ внутреннимъ пламенемъ. Въ эту минуту она могла бы пѣть лучше, чѣмъ когда-либо.

Въ программѣ еще не были обозначены ея романсы. Она сама еще не остановилась ни на чемъ опредѣленномъ. Но теперь, чувствуя потребность выразить свое душевное состояніе, она рѣшила пѣть что-нибудь уносящее ее въ высь. Ей нужна была пѣсня, въ которой ангелъ, таящійся въ ней, могъ бы возвысить голосъ, пѣсня, которая привела бы въ восторгъ вѣрящихъ въ ангела и была бы такъ далека, какъ только возможно, отъ имитацій миссъ Шлей. Послѣ долгихъ исканій она остано-

вилась на двухъ романсахъ — на романсѣ молодого англійскаго композитора, передающемъ атмосферу Востока, таинственную душу пустыни, и на грустной французской пѣснѣ, выражавшей конечную побѣду восторженной любви, способной на подвиги и жертвы. Избравъ эти два нумера, лэди Гольмъ сѣла за рояль учить ихъ. Но едва только она начала пѣть первые такты пѣсни о пустынѣ, какъ явился лакей, узнать, приметъ ли она лэди Кардингтонъ. Она велѣла просить ее, обрадовавшись ей, какъ самой подходящей въ ея настроеніи слушательницѣ. Лэди Кардингтонъ вошла въ гостиную по обыкновенію съ усталымъ, блѣднымъ лицомъ, одѣтая въ черное платье, съ нѣсколькими блѣдно-желтыми розами у корсажа. Увидавъ лэди Гольмъ за роялемъ, она тихимъ, слегка взволнованнымъ, какъ всегда, голосомъ, попросила ее продолжать пѣть, не стѣсняясь ея присутствіемъ. Затѣмъ она сѣла на кресло неподалеку отъ рояля, откинулась на спинку и поглядѣла на лэди Гольмъ выжидательнымъ, возбужденнымъ взглядомъ.

Лэди Гольмъ взглянула ей въ лицо и вдругъ рѣшила, что не будетъ пѣть ей пѣсню о пустынѣ, слишкомъ дикую для такой слушательницы. Сыгравъ короткую прелюдію, она запѣла итальянскую пѣсню, отъ которой вѣяло нѣжной и страстной любовью. Особенно хорошъ былъ припѣвъ къ ней, — нѣжный и томный, странно волнующій и печальный. Самыя слова звучали какъ музыка, а нѣжная мелодія дѣлала ихъ еще болѣе призывными.

Torna in fior di giovinezza
Isaotta Blanzesmano,
Dice: Tutto al mondo è vano:
Nè l'amore ogni dolcezza...

На глазахъ лэди Кардингтонъ показались слезы и скатились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ. Голосъ лэди Гольмъ звучалъ нѣжно и мягко, и глаза ея были тоже влажны. Каждый разъ, когда она повторяла припѣвъ, ей казалось, что передъ нею раскрывается другой міръ, въ которомъ нѣтъ паутины, окутывающей людей, — міръ раскрытыхъ для полета крыльевъ, міръ несказанной красоты, о которой можно только мечтать.

— Вы совершенно особенно поете сегодня, — сказала лэди Кардингтонъ, проводя рукой по глазамъ.

— У меня и настроеніе сегодня совершенно особенное, — сказала лэди Гольмъ, не снимая рукъ съ клавишей. Въ глазахъ ея отражался какой-то внутренній страхъ. Во время пѣнія она думала: „Знала ли я любовь, передъ которой все въ мірѣ суета?

Знала ли я любовь, заключающую въ себѣ всю сладость міра?" При этой мысли что-то заныло у нея глубоко въ душѣ.

— Когда вы поете эту пѣсню,—продолжала лэди Кардингтонъ,—вы сами точно воплощеніе любви, заключающей въ себѣ всю сладость міра. Пойте такъ и съ такимъ выраженіемъ лица, какъ сегодня, и вы... Какъ жаль, что сэръ Дональдъ не слышитъ васъ теперь!

Лэди Гольмъ поднялась и отошла отъ рояля.

— Сэръ Дональдъ?—съ изумленіемъ повторила она и сѣла на стулъ рядомъ съ лэди Кардингтонъ.—Почему вы вспомнили именно о немъ?

Она пристально взглянула на лэди Кардингтонъ, которая отвела глаза. Ея обычная сдержанность покинула ее. Было что-то нервное и умоляющее во всей ея фигурѣ и въ ея позѣ.

— Почему вы заговорили о сэрѣ Дональдѣ?—повторила лэди Гольмъ.

Лэди Кардингтонъ подняла на нее глаза съ выраженіемъ безконечной грусти и нѣкотораго недовѣрія.

— Да развѣ вы не знаете,—сказала она,—что сэръ Дональдъ безумно влюбленъ въ васъ?

— Сэръ Дональдъ? Безумно!?..

Она разсмѣялась, но не потому, что ей было дѣйствительно смѣшно, а чтобы скрыть другія мысли, вызванныя этимъ неожиданнымъ открытіемъ.

— Ну да,—возразила лэди Кардингтонъ съ горечью,—для васъ ничего не существуетъ, кромѣ молодости. А между тѣмъ вы своимъ пѣніемъ разбиваете сердца старыхъ людей.

Она вдругъ разрыдалась. Лэди Гольмъ была такъ поражена, что даже не попыталась утѣшать ее, не стала предлагать вопросовъ. Она смотрѣла молча на согнувшуюся подъ тяжестью горя высокую фигуру лэди Кардингтонъ и слушала ея громкія рыданія. Потомъ вдругъ она все поняла—такъ ясно, точно кто-нибудь вошелъ въ комнату и ей все объяснилъ.

— Вы любите сэра Дональда,—сказала она.

Лэди Кардингтонъ взглянула на нее. Ея залитое слезами, искаженное лицо казалось очень старымъ.

— У насъ одинаково грустная судьба,—сказала она.—Мы оба были несчастны—въ то время, когда могли быть стастливы. У меня возникла безразсудная надежда, что мы могли бы утѣшить другъ друга. Вы разбили эту надежду.

— Я глубоко объ этомъ жалѣю,—сказала лэди Гольмъ нѣжнѣе,

чѣмъ обыкновенно говорила съ женщинами. Лэди Кардингтонъ опять поднесла платокъ къ глазамъ.

— Спойте еще разъ эту пѣсню!—проговорила она тихо.— Не говорите больше ничего. Только спойте, и я уйду.

Лэди Гольмъ сѣла за рояль и снова запѣла. Когда замерла послѣдняя нота пѣсни, она обернулась къ лэди Кардингтонъ, но ея уже не было. Лэди Гольмъ оперлась рукой на рояль и опустила голову на руку.

„Какой ужасъ быть старой!“ — подумала она. Она повторила въ полголоса послѣдній стихъ припѣва: „Nè l'amore ogni dolcezza“, и тихо сказала:

— Бѣдный сэръ Дональдъ! А потомъ прибавила!—Бѣдная....

Она не докончила фразы. Опять въ глазахъ ея появилось выраженіе испуга.

XV.

Благотворительный концертъ долженъ былъ состояться въ одномъ изъ лондонскихъ частныхъ дворцовъ, въ „Manchester House“, и такъ какъ ожидалось присутствіе членовъ королевской семьи, то всѣ билеты были быстро раскуплены. Среди купившихъ билеты были почти всѣ знакомые лэди Гольмъ. Не было только Робина Пирса,—онъ уѣхалъ въ Римъ. Но другіе, лэди Кардингтонъ, лэди Манби, м-ссъ Вольфштейнъ, сэръ Дональдъ, м-ръ Брэй, поспѣшили запастись билетами. Рупертъ Кэри тоже купилъ билетъ. Его перестали приглашать въ великосвѣтскіе дома, но на благотворительный концертъ имѣлъ право придти всякій, желающій заплатить гинею. Къ истинному изумленію лэди Гольмъ, ея мужъ заявилъ ей наканунѣ концерта, что и онъ поѣдетъ съ нею.

— Что ты, Фрицъ!—возразила она:—вѣдь концертъ назначенъ днемъ. Тебѣ будетъ смертельно скучно, и ты навѣрное заснешь—еще захрапишь, чего добраго!

— Ничуть. Напрасно ты это думаешь.

Онъ вытянулъ, по обыкновенію, ноги, сидя въ креслѣ, и сталъ разглядывать кончики своихъ лакированныхъ ботинокъ. Лэди Гольмъ была поражена—неужели миссъ Шлей требовала, чтобы онъ пошелъ? Любопытство, которое она старалась побѣдить въ себѣ, теперь ее мучило выше мѣры. Фрицъ попросилъ показать ему программу концерта и, получивъ ее, сталъ читать. Она внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица.

— Это что означаетъ?—спросилъ онъ вдругъ.—„Нѣсколько имитацій“—что это такое?

— Развѣ ты не зналъ, что миссъ Шлей даетъ мимическія представленія?

— Понятія не имѣлъ. Вѣдь она актриса.

— Да, теперь, но прежде, въ Америкѣ, она исполняла мимическія сцены въ кафе-концертахъ.

— Вотъ какъ! — произнесъ онъ съ серьезно-удивленнымъ видомъ и пристально посмотрѣлъ на жену.—Кого же она представляетъ?

— Не знаю,—разныхъ людей.

Онъ помолчалъ съ минуту, и сказалъ:

— Знаешь, лучше бы тебѣ не выступать завтра въ этомъ концертѣ.

— Теперь ужъ поздно отказываться. Да и почему?

Онъ колебался, не рѣшаясь сразу высказать свои опасенія, но наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Да я не знаю, что можетъ взбрести на умъ миссъ Шлей.

У лэди Гольмъ сильно забилось сердце. Неужели мужъ ея заговоритъ о томъ, что ей доставило столько страданій въ послѣднія недѣли—о своемъ флиртѣ, о своей связи—если это была дѣйствительно связь — съ американкой. Ревность, которую она старалась усыпить въ себѣ, снова овладѣла ею.

— Ты полагаешь,—сказала она, стараясь не выдать своего волненія,—что миссъ Шлей собирается устроить какую-нибудь непріятность завтра?

— Какъ знать? Она вѣдь—сущій дьяволъ!—отвѣтилъ онъ, какъ бы невольно преклоняясь передъ сатанинскими талантами американки. Этотъ оттѣнокъ его словъ сильно задѣлъ лэди Гольмъ,—ей казалось въ эту минуту, что ангелы—глупыя и смѣшныя существа.

— Милый Фрицъ,—сказала она громко и явственно, какъ говорятъ, обращаясь къ ребенку, — ты вѣдь навѣрное отлично замѣтилъ, что съ перваго же своего появленія въ Лондонѣ миссъ Шлей имитировала меня. Вѣдь ты не слѣпъ и не могъ не видѣть того, что видѣлъ весь Лондонъ?

— Она имитировала тебя? И весь Лондонъ это знаетъ? Какой ужасъ!—Его смуглое лицо покраснѣло отъ гнѣва.

— Да вѣдь ты самъ это замѣчалъ. Ты говорилъ мнѣ о сходствѣ между нами въ выраженіи лица, движеніяхъ, походкѣ.

— Я полагалъ, что она дѣйствительно похожа на тебя. Мнѣ и въ голову не приходило, что это—намѣренное подражаніе. Какая непростительная дерзость!

Сильно взволнованный, онъ сталъ ходить по комнатѣ. Лэди Гольмъ посмотрѣла на него съ сожалѣніемъ.

— Не сердись,—сказала она.—Я вѣдь ни на минуту не сердилась, хотя съ первой минуты ясно видѣла ея цѣль.

Онъ еще сильнѣе покраснѣлъ.

— Ты знала и терпѣла?—почти крикнулъ онъ внѣ себя отъ возмущенія.—Ну, я покажу ей, какъ оскорблять мою жену. Мою жену! Я ее отъ этого отучу.

— Теперь ужъ нѣсколько поздно,—сказала лэди Гольмъ съ горечью.—Имитація миссъ Шлей и твое явное восхищеніе ея выдумкой потѣшали общество въ теченіе почти всего сезона.

— Мое восхищеніе?

— Да, ея игра, повидимому, доставляла тебѣ удовольствіе.

Съ этими словами она спокойно вышла изъ комнаты и закрыла за собой дверь. Но какъ только она вошла къ себѣ въ спальню и очутилась тамъ одна, всякое самообладаніе оставило ее. Она бросилась на кровать, зарыла лицо въ подушки и стала безудержно рыдать. Объясненіе съ мужемъ о нанесенной ей горькой обидѣ сломило ея гордость, и она свободно отдалась своему отчаянію. Стоило ли быть красивой, молодой, богатой? Стоило ли выходить замужъ по любви для такихъ страданій? Мужъ ея оказался прежде всего глупымъ—онъ ничего, ничего не замѣтилъ. А когда она сама открыла ему глаза, показала ему, какъ ее оскорбили, онъ возмутился только изъ эгоизма, только потому, что оскорбленная женщина была его женой, и что онъ также косвенно задѣтъ насмѣшкой надъ нею. Въ эту минуту ей казалось, что глупость, соединенная съ эгоизмомъ, могла убить даже такое прочное чувство, какъ любовь женщины. Она уже больше не могла идеализировать Фрица, и ясно сознавала теперь, что въ ней есть духовная жажда, неудовлетворимая ея чувствомъ къ Фрицу. Жизнь опять стала казаться ей сѣтью паутины,—и опять ее мучительно охватило желаніе, чтобы чья-нибудь мощная рука пришла и сняла паутину. Но кто останется у нея, когда исчезнетъ паутина отношеній со всѣми окружающими? Только тѣ, которые вѣрятъ въ ангела. Фрица она уже не могла причислять къ нимъ. Останутся только Робинъ Пирсъ, сэръ Дональдъ—и кто еще?

И вдругъ ей показалось, что она точно слышитъ издалека пѣсню, которую собиралась пѣть на слѣдующій день на концертѣ:

Dice: Tutto al mondo è vano:
Nè l'amore ogni dolcezza...

Она снова заплакала, но уже не съ такимъ отчаяніемъ какъ прежде, а болѣе по-дѣтски. Ей слышались далекіе отголоски чего-то, таящагося въ глубинѣ души, и ее перестало мучить чувство пустоты.

На слѣдующій день Фрицъ самъ повезъ ее въ „Manchester House“ въ новомъ моторѣ, который онъ недавно пріобрѣлъ. Все утро онъ не выходилъ изъ дому и ходилъ по комнатамъ очень разстроенный. Лэди Гольмъ видѣла, что ему хотѣлось что-то сказать ей, но онъ не рѣшался. Она была почти увѣрена, что у него произошла сцена съ миссъ Шлей послѣ ихъ разговора наканунѣ, и что онъ не вышелъ побѣдителемъ изъ стычки съ американкой. Видъ у него былъ скорѣе пришибленный. Но ей это теперь было какъ-то все равно—чувства Фрица перестали интересовать ее съ той минуты, какъ она почувствовала бездну, раздѣляющую ихъ. Она слишкомъ ясно различала въ немъ его глупость, слѣпоту, грубую чувственную натуру и эгоизмъ. Она продолжала хорошо относиться къ нему, но любви она уже не чувствовала — ни къ нему, ни къ кому-либо другому. Это не печалило ее: душа ея полна была другого чувства—какого-то тайнаго восторженнаго ожиданія. Фрицъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, но это не привлекало ея вниманія; ей даже не хотѣлось узнать, что его разстроило. Можетъ быть, это явное равнодушіе съ ея стороны и мѣшало ему объясниться съ нею.

Уже по дорогѣ въ „Manchester House“ онъ сказалъ ей:

— Я увѣренъ, что ты будешь сегодня лучше всѣхъ.

— Тамъ будетъ такъ много звѣздъ!..

— Такъ ужъ ты постарайся всѣхъ ихъ затмить—прошу тебя объ этомъ!

Ему, повидимому, очень хотѣлось, чтобы она имѣла въ этотъ день большой успѣхъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ черезъ нее наказать миссъ Шлей послѣ ссоры съ ней. И хотя она была внутренно увѣрена, что понравится публикѣ, но ей было непріятно служить орудіемъ для эгоизма Фрица.

— Я, конечно, постараюсь хорошо спѣть—какъ всегда,—холодно сказала она.

— Ну, конечно, — я въ тебѣ увѣренъ! — Онъ сказалъ это какимъ-то заискивающимъ тономъ, совершенно несвойственнымъ ему обыкновенно.—Какое у тебя поразительное платье!—продолжалъ онъ. — Закрой его хорошенько плащомъ, чтобы не загрязнить.

Вскорѣ ихъ моторъ очутился въ длинной вереницѣ экипажей

и моторовъ, медленно приближавшихся къ „Manchester House“.

— Какой наплывъ публики! Любопытно, кто собственно будетъ.

— Всѣ, кто еще въ городѣ.

— А тебѣ когда выходить на эстраду?

— Черезъ часъ, не раньше.

— Это хорошо. Пріятнѣе вѣдь выступить позже, когда всѣ въ сборѣ. А что ты будешь пѣть?

Она хотѣла-было рѣзко отвѣтить ему, что онъ все равно не отличаетъ одной мелодіи отъ другой, но сдержалась и спокойно сказала:

— Итальянскій романсъ и французскій.

— О чемъ въ нихъ поется?

— Осторожно! — ты наѣдешь на кареты передъ нами.—О любви.

Онъ взглянулъ на нее искоса.

— Тебѣ къ лицу пѣть о любви,—сказалъ онъ, и она почувствовала, что онъ любуется ея красотой, какъ чѣмъ-то новымъ для него. Но это ей было безразлично.

Они, наконецъ, пріѣхали. Лордъ Гольмъ оставилъ моторъ на попеченіе chauffeur'а и вошелъ съ женой въ подъѣздъ роскошнаго дворца. Наверху лѣстницы стояли, привѣтствуя гостей, хозяинъ дома съ женой. Хозяинъ—австралійскій милліонеръ—вручилъ лэди Гольмъ великолѣпный букетъ изъ желтыхъ розъ, и она прошла дальше въ артистическую. Мужъ вызвался проводить ее туда. Она знала, что ему хочется пройти въ артистическую, чтобы увидѣть тамъ миссъ Шлей, и ей было непріятно противъ желанія служить ему орудіемъ для его цѣлей. Когда они вошли въ артистическую, тамъ уже было нѣсколько человѣкъ. Большинство изъ нихъ — нѣсколько оперныхъ пѣвцовъ, одинъ французскій актеръ—были знакомые лэди Гольмъ. Поздоровавшись съ ними, она заговорила съ французомъ, и Фрицъ, еле-еле понимавшій по-французски, вставлялъ только кстати и некстати: „o wee! o wee!“ и смѣялся.

Миссъ Шлей еще не пріѣхала; леди Гольмъ была увѣрена, что она пріѣдетъ поздно, съ тѣмъ, чтобы произвести какъ можно большій эффектъ, но все это мало ее интересовало. У нея продолжалось охватившее ее съ утра состояніе какого-то возбужденнаго ожиданія, не связаннаго съ окружающей ее дѣйствительностью. Ей казалось, что близится нѣчто важное, но что— она сама не знала.

Французъ-актеръ заговорилъ съ кѣмъ-то другимъ, и она

прошла въ сосѣднюю уборную, чтобы снять автомобильный плащъ и оправить платье. Стоя передъ зеркаломъ, она внимательно оглядѣла до малѣйшихъ подробностей свой туалетъ и стала всматриваться въ свое лицо—точно оно было чьимъ-то чужимъ. Она нашла его красивымъ, не чувствуя отъ этого ни радости, ни гордости. Она ясно видѣла, что самое привлекательное въ ней была не красота чертъ, а одухотворенное выраженіе лица—что-то притягивающее и въ то же время отдаляющее. Глаза у нея были такіе, точно они видѣли чудо и опять увидятъ его.

Пришла дѣвушка помочь ей. Черезъ минуту она уже вернулась въ зеленую гостиную съ букетомъ въ рукахъ.

Тамъ пришло за это время еще нѣсколько человѣкъ, но миссъ Шлей не было среди нихъ. Фрицъ оставался въ артистической и ходилъ по комнатѣ съ нѣсколько смущеннымъ видомъ. Лэди Гольмъ отлично знала, что онъ поджидаетъ американку, и ей было жаль его. Часъ, назначенный для начала концерта, уже наступилъ, но нужно было ждать пріѣзда принцессъ. Изъ залы, отдѣленной ширмами отъ артистической, доносился смутный гулъ разговоровъ. Исполнители начинали слегка волноваться, пѣвцы просматривали свои партіи, сговариваясь съ аккомпаніаторомъ относительно придуманныхъ въ разныхъ мѣстахъ эффектовъ. Члены комитета поглядывали на часы и разговоры въ залѣ становились все болѣе громкими.

Лэди Гольмъ присѣла на диванъ. Она на этотъ разъ совершенно не волновалась и была увѣрена, что споетъ хорошо. Ей казалось, что все ея существо полно музыки, что музыка течетъ по ея жиламъ вмѣсто крови, свѣтится въ ея глазахъ, бьется въ ея сердцѣ. Но въ то же время ей попрежнему казалось, что она точно сидитъ у окна и глядитъ изъ него на дорогу, прислушиваясь къ приближенію чего-то идущаго издалека.

— Видѣли вы его? — спросила неподалеку отъ нея одна дама свою сосѣдку.

— Да. Онъ ужасно измѣнился. И какъ это онъ рѣшается показываться въ обществѣ?

— А онъ вѣдь такой умный и славный. Онъ мнѣ разъ оказалъ много услугъ по устройству одного благотворительнаго вечера. И знаете...

Леди Гольмъ сразу поняла, что рѣчь идетъ о Рупертѣ Кэри. Значитъ, и онъ пришелъ слушать ее. Она вспомнила о балѣ у Аркелей, но кто-то заговорилъ съ нею, и она забыла о Кэри. Черезъ минуту въ артистическую медленно вошла миссъ Шлей, въ сопровожденіи маленькой старой женщины, одѣтой чрезвы-

чайно безвкусно. Вслѣдъ за нею шелъ Лео Ульфордъ съ букетомъ красной гвоздики. При видѣ Фрица онъ весь вспыхнулъ, потомъ сердито взглянулъ на лэди Гольмъ. На ея легкій кивокъ головой онъ не отвѣтилъ, дѣлая видъ, что поглощенъ разговоромъ съ миссъ Шлей. Лэди Гольмъ улыбнулась, видя со стороны Лео Ульфорда и американки обдуманный планъ мелкой мести по отношенію къ ней и ея мужу. Она взглянула на Фрица,— онъ, повидимому, отнесся къ вошедшей парочкѣ не съ такимъ равнодушіемъ, какъ его жена, а былъ сильно взволнованъ; относительно него, повидимому, ихъ месть удалась. Онъ не могъ скрыть вспыхнувшаго въ немъ чувства ревности и обиды. Не будучи въ состояніи продолжать начатый разговоръ съ какой-то дамой, онъ замолкъ и сталъ смотрѣть въ упоръ на Лео и миссъ Шлей съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ. Потомъ онъ направился къ американкѣ съ явнымъ желаніемъ заговорить съ ней и, вѣроятно, излить на нее все свое раздраженіе, но ему не удалось подойти къ ней,— Лео Ульфордъ не отходилъ отъ нея, и она нѣжно улыбалась ему изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ. Маленькая старушка сидѣла подлѣ нихъ, съ комично-важнымъ видомъ расправляя свое поношенное черное шелковое платье.

Въ залѣ вдругъ стало тихо. Пріѣхали наконецъ принцессы, и вся зала поднялась, привѣтствуя ихъ. Когда онѣ сѣли, раздался шорохъ платьевъ; публика усѣлась, и можно было начать концертъ. Піанистъ быстро подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, нѣжно державшей въ рукахъ скрипку, и, подавъ ей руку, прошелъ съ нею за ширмы, въ концертную залу. Черезъ минуту раздались звуки дуэта.

Въ артистической, конечно, никто не слушалъ музыку, и всѣ стали разговаривать, понизивъ голосъ. Миссъ Шлей продолжала стоять посреди комнаты рядомъ съ Лео Ульфордомъ. Фрицъ прислонился къ стѣнѣ и не отводилъ отъ нея глазъ. Миссъ Шлей взглянула на него, сдѣлала удивленный видъ и слегка кивнула ему. Онъ сдѣлалъ-было шагъ по направленію къ ней, но она стала усиленно шептаться съ Ульфордомъ, и онъ отступилъ назадъ. Лэди Гольмъ ясно видѣла, что Фрицъ играетъ глупую и смѣшную роль, и замѣтила, что нѣсколько паръ глазъ съ улыбкой слѣдитъ за нимъ, явно издѣваясь надъ его глупостью. Но ей это было все равно. Его поведеніе не нарушало ея страннаго настроенія, еще сильнѣе охватившаго ее при звукахъ скрипки.

Когда окончился дуэтъ и на эстраду прошелъ теноръ съ фатовскимъ, уже немолодымъ, обрюзгшимъ лицомъ, къ лэди

Гольмъ медленно, но рѣшительно подошла миссъ Шлей; взявъ стулъ, она сѣла подлѣ нея.

— Какъ я рада васъ видѣть!—протянула она.—Я весь сезонъ мечтала о томъ, чтобы услышать ваше пѣніе.

— Вы очень любезны.

— Это не любезность, а фактъ. М-ръ Ульфордъ, подойдите сюда и дайте мнѣ мой букетъ.

Ульфорду ничего не оставалось, какъ исполнить ея требованіе; онъ подошелъ и взглянулъ на лэди Гольмъ съ напускнымъ равнодушіемъ. Но видъ у него былъ такой, точно его только-что опять прибили. Лэди Гольмъ, не обращая вниманія на Лео, стала слушать пѣніе, но миссъ Шлей вовсе не намѣревалась оставить ее въ покоѣ. Она обратилась къ Лео Ульфорду:

— Да сядьте же подлѣ насъ, м-ръ Ульфордъ!—сказала она.— Я не могу видѣть, какъ вы стоите все время; меня это раздражаетъ.

Обернувшись къ лэди Гольмъ, она продолжала:

— М-ръ Ульфордъ чрезвычайно любезенъ и милъ. Онъ пріѣхалъ изъ деревни только для того, чтобы сопровождать меня и маму на сегодняшній концертъ. Мама прямо въ восторгѣ отъ него.

Лео мялъ букетъ въ рукахъ. Ему было видимо не по себѣ; онъ изрѣдка поглядывалъ на лорда Гольма, у котораго былъ чрезвычайно глупый видъ. Дерзость американки превзошла всѣ его ожиданія.

— Какое странное лицо у вашего мужа,—здоровъ ли онъ?— спросила миссъ Шлей.

— Совершенно здоровъ,—спокойно отвѣтила лэди Гольмъ.

Ее почему-то совершенно не сердило, не возмущало и вообще не трогало явное желаніе миссъ Шлей говорить ей непріятности. Она поняла, что Фрицъ, вѣроятно, устроилъ ей сцену за ея имитаціи, что миссъ Шлей взбѣшена этимъ и теперь рѣшила, при содѣйствіи Лео Ульфорда, отмстить обоимъ. Своей дружбой съ Лео и своимъ фамильярнымъ обращеніемъ съ нимъ она думала возбудить ревность и мужа, и жены. Относительно лорда Гольма ея цѣль вполнѣ удалась, но лэди Гольмъ была искренно равнодушна къ вульгарной выходкѣ американки. Миссъ Шлей была совершенно озадачена; да и сама лэди Гольмъ не понимала своего настроенія, своей внезапной отрѣшенности отъ мелочей жизни, отъ чувствъ и страстей, волновавшихъ всѣхъ вокругъ нея. Ей дѣйствительно казалось, что бѣлый ангелъ, таящійся въ ней, расправилъ наконецъ крылья и несетъ ее въ высь. Миссъ

Шлей, Лео Ульфордъ, даже Фрицъ, едва сдерживавшій гнѣвъ и ревность при видѣ американки и Ульфорда,—всѣ они казались ей въ эту минуту безконечно далекими.

Когда теноръ кончилъ свой нумеръ, лэди Гольмъ поднялась, пошла ему навстрѣчу, поздравила его съ успѣхомъ и подошла къ Фрицу.

— Пойди въ залу,—ласково сказала она ему.—Тамъ тебѣ будетъ интересно, а здѣсь ты только мѣшаешь. Я бы хотѣла, чтобы ты былъ въ залѣ, когда я буду пѣть.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ,—я иду. Ты права,—мнѣ лучше уйти. А ты, пожалуйста, затми ее собой; ты можешь это сдѣлать и она заслуживаетъ наказанія.

Сказавъ это, онъ быстро вышелъ изъ артистической. У лэди Гольмъ осталось послѣ его ухода непріятное чувство. Ей хотѣлось хорошо спѣть, но не для того, чтобы наказать миссъ Шлей за ея вину передъ Фрицемъ. Ей было противно служить орудіемъ въ рукахъ Фрица. Она сѣла на диванъ въ углу артистической, и стала слушать пѣніе, доносившееся изъ залы. Пѣла ея хорошая знакомая, обладавшая пріятнымъ контральто. Ее смѣнилъ французскій актеръ, и до лэди Гольмъ стали доноситься несмолкаемые взрывы хохота. Публика оживилась,—и лэди Гольмъ казалось, что все уже подготовлено къ ея пѣнію, что она съумѣетъ зачаровать всѣхъ своимъ пѣніемъ. Зачѣмъ только Фрицъ поднялъ вопросъ о соперничествѣ между нею и миссъ Шлей? Это все портило. При охватившемъ ее настроеніи всякая мысль о мести или вообще житейскомъ торжествѣ была ей нестерпима. Ей хотѣлось бы пѣть до миссъ Шлей,—этимъ устранялось всякое намѣреніе съ ея стороны затмить американку во мнѣніи публики.

И какъ бы въ отвѣтъ на ея желаніе, къ ней подошла миссъ Шлей съ просьбой пѣть до нея, въ виду того, что два нумера декламаціи подъ-рядъ утомительны для публики. Лэди Гольмъ тотчасъ же изъявила согласіе и замѣтила, какъ ея готовность изумила американку. Очевидно, у миссъ Шлей были недобрыя намѣренія относительно нея, и ее только удивляло, что намѣченная ею жертва добровольно шла въ западню. Лэди Гольмъ ясно понимала американку, но ея намѣренія были ей теперь безразличны. Во всякомъ случаѣ ее никто не сможетъ обвинить въ желаніи затмить миссъ Шлей, выступивъ послѣ нея.

Выйдя на эстраду, лэди Гольмъ окинула быстрымъ взглядомъ переполненную залу и сразу увидѣла всѣхъ, кого знала. Впереди всѣхъ сидѣли двѣ принцессы; онѣ привѣтливо улыбнулись и кивнули головой лэди Гольмъ въ отвѣтъ на ея по-

клонъ; въ рядахъ за ними она увидѣла своихъ знакомыхъ: лэди Кардингтонъ сидѣла съ грустнымъ и странно возбужденнымъ лицомъ рядомъ съ сэромъ Дональдомъ, м-ссъ Вольфштейнъ рядомъ съ м-ромъ Ликокомъ, затѣмъ м-ръ Брэй, лэди Манби, которая смѣялась, шепча что-то на ухо толстому старому господину въ фескѣ. За ихъ спиной сидѣлъ Фрицъ; онъ поднялся при появленіи жены на эстрадѣ, и въ его взглядѣ, устремленномъ на нее, лэди Гольмъ ясно прочла тѣ же слова: „накажи ее"! А въ послѣднемъ ряду она увидала испугавшее ее лицо Руперта Кэри, страшно обрюзгшее отъ губящаго его порока. Только глаза его горѣли яркимъ пламенемъ отчаянія. Душа его, отражавшаяся въ горящихъ глазахъ, точно молила освободить ее изъ мрачной, грязной тюрьмы. Лэди Гольмъ начала съ французской пѣсни о человѣкѣ, который велъ подвижническую жизнь въ пустынѣ, чтобы стать достойнымъ любимой женщины. Лэди Гольмъ чувствовала, что переживаетъ настроеніе пѣсни всей душой. Она даже не думала о впечатлѣніи, которое производитъ на публику, но вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно чувствовала присутствіе всѣхъ, кого знала: Фрица, лэди Кардингтонъ, сэра Дональда и даже несчастнаго, ужаснаго Руперта Кэри. Къ этому примѣшивалось, однако, странное чувство равнодушія, отдаленности отъ всѣхъ. Она жила какъ бы двумя жизнями—жизнью лэди Гольмъ и еще другого существа. Кто оно, она не спрашивала себя, но у нея было чувство, точно въ ней въ эту минуту вырвался на свободу узникъ, долго бывшій въ заточеніи. Какъ только она кончила пѣть и раздались бурные апплодисменты, въ ней зашевелилось горькое чувство. Вернулось сознаніе дѣйствительности, и ей особенно печально было глядѣть на Фрица. Вѣдь изъ любви къ ней никто не уходилъ молиться и поститься въ пустыню, чтобы искать тамъ отвѣта на вѣчный вопросъ, томящій женскую душу.

Піанистъ перемѣнилъ ноты, и раздались звуки нѣжной, мелодичной прелюдіи,—лэди Гольмъ стала пѣть итальянскую пѣсню, которая заставила рыдать лэди Кардингтонъ.

Впослѣдствіи она часто вспоминала о томъ, что пѣла именно эту пѣсню въ этотъ знаменательный день, думая о ней, какъ о мостикѣ, перекинутомъ черезъ бездну, раздѣляющую одну судьбу отъ другой. Ей казалось, что когда она переходила черезъ мостикъ, т.-е. когда пѣла итальянскую пѣсню, она точно имѣла слабое представленіе о томъ, что—по ту сторону бездны. Она не различала ея очертаній, но знала, что начинается непохожее на все прежнее. Можетъ быть, она ошибалась; можетъ быть, ей только казалось, что она угадала нѣчто въ дѣйствительности

скрытое отъ нея. Несомнѣнно только, что она произвела необычайное впечатлѣніе на слушателей. Многіе, услыхавъ потомъ о несчастіи, постигшемъ ее такъ скоро послѣ ея пѣнія, были страшно потрясены. Имъ казалось, что когда она пѣла, у нихъ было предчувствіе страшной, надвигающейся судьбы, что имъ слышался голосъ, шептавшій: „слушайте, это поетъ голосъ грядущаго“! Многіе въ Лондонѣ говорили на слѣдующій день: мы чувствовали въ ея пѣніи, что должно случиться нѣчто необычайное съ ней.

Лэди Гольмъ сама точно чувствовала, что это—ея лебединая пѣсня, что она достигла высшаго для себя совершенства, и рваться выше было бы вызовомъ судьбѣ. Она видѣла подтвержденіе этого въ полныхъ слезъ глазахъ лэди Кардингтонъ, въ помолодѣвшемъ взорѣ сэра Дональда и въ глазахъ несчастнаго Руперта Кэри. Когда она пѣла слова припѣва „Tutto al mondo è vano—nè l'amore ogni dolcezza“, она вдругъ поняла вполнѣ, чѣмъ любовь всегда была и всегда будетъ для міра. Вся душа ея прониклась любовью, все ея существо точно засвѣтилось внутреннимъ сіяніемъ, освѣтившимъ для нея окружающую ее темноту. И ей становилось страшно отъ сознанія, что только въ ней одной свѣтъ, что вокругъ—прежняя ложь. Вотъ Фрицъ. Онъ стоитъ, прислонившись къ стѣнѣ, и не чувствуетъ ея новой правды,—онъ только радуется ея успѣху, надѣясь, что онъ ослабитъ торжество женщины, обидѣвшей его.

Нѣтъ, не въ немъ воплощена правда, которую она нашла. Она смотрѣла прямо въ устремленные на нее взгляды, взглянула на сэра Дональда, когда пѣла: „Dice: Tutto al mondo è vano“, взглянула на Руперта Кэри и продолжала: „Nè l'amore ogni dolcezza“. Въ эту минуту пугавшая ее маска уродливой плоти исчезла—она видѣла только пламенные глаза Руперта.

Сойдя съ эстрады, лэди Гольмъ тотчасъ же послала за своимъ автомобильнымъ плащомъ. Пока за нимъ ходили, ей пришлось выйти два раза раскланиваться. Миссъ Шлей, у которой былъ очень разсерженный видъ, сказала:

— Вѣдь вы не уѣдете до моего нумера, надѣюсь?

— Я пройду въ концертную залу,—оттуда слышнѣе и виднѣе,—отвѣтила лэди Гольмъ.

Миссъ Шлей недовѣрчиво взглянула на нее, но отвѣчать было некогда. Она спѣшила на эстраду. Когда она исчезла за ширмой, лэди Гольмъ завернулась въ плащъ, спустила вуаль и быстро направилась къ выходу.

Ей хотѣлось прежде всего быть наединѣ съ самой собой.

Спустившись по лѣстницѣ, она послала лакея отыскать ея моторъ. Когда онъ подъѣхалъ, она сказала chauffeur'у:

— Отвезите меня скорѣе домой; потомъ вы вернетесь за лордомъ Гольмомъ.

Моторъ быстро отъѣхалъ, и лэди Гольмъ увидѣла, что на улицахъ было совсѣмъ мокро.

— Развѣ шелъ дождь?—спросила она.

— Очень сильный, милэди.

XVI.

На слѣдующій день въ газетахъ было подробное описаніе концерта въ „Manchester House". И въ нихъ же было описаніе несчастія съ автомобилемъ, приключившагося въ тотъ же день вблизи Гайдъ-Парка.

На мокрой отъ дождя мостовой новый моторъ лорда Гольма, отвозившій лэди Гольмъ домой очень быстрымъ ходомъ, поскользнулся и опрокинулся, волоча за собой лэди Гольмъ. Въ то время какъ она лежала на землѣ, на моторъ налетѣла коляска.

Всѣ ея друзья и знакомые, также какъ и посторонніе прочли каждый въ своей газетѣ за утреннимъ чаемъ о томъ, какъ она прекрасно пѣла на концертѣ, и прочли также слѣдующія слова въ концѣ описанія катастрофы:

„Намъ сообщаютъ, что лэди Гольмъ получила, къ несчастію, серьезныя поврежденія въ лицѣ. Мы не знаемъ еще подробностей, но, по нашимъ свѣдѣніямъ, признана необходимость безотлагательной операціи, которая будетъ произведена сегодня знаменитымъ хирургомъ м-ромъ Бернардомъ Криспиномъ. Лэди Гольмъ очень страдаетъ, и опасаются, что она останется изуродованной на всю жизнь".

Переворотъ, котораго жаждала лэди Гольмъ, совершился. Одно изъ ея существованій—жизнь сирены—кончилось.

XVII.

Въ теплый, но пасмурный день, въ концѣ сентября того же года, къ пароходной станціи въ Комо подъѣхала въ наемной коляскѣ дама, лицо которой было плотно закрыто вуалью. Она была одна, но за нею слѣдовала вторая коляска, нагруженная большимъ количествомъ багажа; въ ней сидѣла итальянка гор-

ничная. Выйдя изъ коляски, дама остановилась, видимо чего-то ища. У пристани стояло много лодокъ; подлѣ одной изъ нихъ, довольно большой, коричневой съ позолотой, стояли два итальянскихъ мальчика въ матросскихъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на женщину подъ вуалью, подошелъ къ ней и спросилъ по-итальянски:

— Вы синьора, которую ждутъ въ „Casa Felice"?

— Да.

— Вотъ ваша лодка, синьора,—сказалъ онъ, снимая учтивымъ жестомъ свою круглую шапку. Онъ провелъ ее къ лодкѣ, и черезъ нѣсколько минутъ она съ двумя мальчиками медленно скользила въ позолоченной лодкѣ по спокойному озеру. Горничная поѣхала съ багажемъ въ другой, черной гондолѣ. День былъ сѣрый и таинственный—какъ закутанное вуалью лицо одинокой дамы. Природа была такая же безмолвная, какъ она, и два гребца склонились къ весламъ съ задумчивыми, печальными лицами. Новая „падрона" нѣсколько пугала ихъ своимъ мрачнымъ видомъ. Они медленно подвигались по направленію къ „Casa Felice". Другихъ лодокъ почти совсѣмъ не было на озерѣ. Пароходъ уже давно отплылъ въ Белладжіо, а черная гондола съ багажемъ осталась далеко позади.

Лэди Гольмъ стала изъ-подъ вуали разсматривать двухъ молоденькихъ итальянцевъ, поглядывавшихъ на нее съ выраженіемъ нескрываемаго любопытства. Неужели все, что она теперь переживала, не было сномъ? Со времени несчастія, навсегда измѣнившаго ея жизнь, она впервые испытывала такое состояніе пустоты и страшнаго одиночества. Мѣра страданій еще не переполнилась,—на нее надвинулась новая мука. Она откинулась на подушки, и у нея было одно только желаніе—опуститься глубоко, глубоко, на самое дно водяной бездны.

Вдругъ раздались тихіе звуки пѣнія. Одинъ изъ молодыхъ гребцовъ пѣлъ—сначала въ полголоса, потомъ все громче и громче—очевидно, для того, чтобы разсѣять овладѣвшую имъ грусть. Лэди Гольмъ стала различать слова, услышала сначала слово „carissima", а затѣмъ „amore". Это было для нея еще одной ядовитой стрѣлой. Ей было невыносимо слушать теперь пѣсни объ южной, страстной любви, но она не остановила пѣніе мальчика. Онъ пѣлъ теперь полнымъ голосомъ, какъ бы для того, чтобы разсѣять мракъ, окутавшій природу, звуками торжествующей любви. Но вдругъ онъ какъ бы самъ изумился жуткому противорѣчію между своей цвѣтущей молодостью и молча-

ливой фигурой, сидѣвшей противъ него. Онъ оборвалъ пѣсню и спросилъ:

— Можетъ быть, синьора не любитъ музыки?

Лэди Гольмъ хотѣла отвѣтить, но не могла. Она и мальчикъ съ блестящими глазами жили въ разныхъ мірахъ. Онъ этого не зналъ, но для нея это было ясно. И одинъ міръ не можетъ говорить съ другимъ черезъ бездну пространства. Она ничего не сказала; мальчикъ переглянулся со своимъ товарищемъ, и они продолжали молча грести. Когда прекратились звуки, лэди Гольмъ опять погрузилась въ хаосъ безконечнаго одиночества: ей казалось, что она въ пустынѣ вѣчности, гдѣ не отведено мѣста человѣку.

Вскорѣ мальчикъ, который пѣлъ, сдѣлалъ движеніе правымъ весломъ, направляя лодку къ берегу, и лэди Гольмъ увидѣла на берегу большой домъ. Онъ стоялъ совершенно отдѣльно, и на далекое разстояніе отъ него не видно было другого жилища. Плоскій желтый фасадъ высился надъ водой, а за домомъ на крутомъ холмѣ раскинулась роща густыхъ деревьевъ. Подробностей съ озера нельзя было различить. Получалось только общее впечатлѣніе,—скорѣе грустное.

— Ecco „Casa Felice", signora!—сказалъ одинъ изъ гребцовъ, указывая на домъ смуглой рукой.—Она сдѣлала усиліе надъ собой и произнесла нѣсколько словъ. Ободренный этимъ, мальчикъ сталъ ей разсказывать о красотѣ дома; она старалась его слушать, но не могла. Слишкомъ страннымъ казалось ей, что она теперь здѣсь одна, подъ густой вуалью, пріѣхала осенью въ пустынный домъ—только для того, чтобы скрыться отъ всѣхъ взглядовъ. Неужели она сдѣлалась одной изъ тѣхъ одинокихъ женщинъ, о которыхъ всѣ говорятъ съ нѣсколько презрительнымъ сожалѣніемъ?

Лодка подъѣхала къ берегу, и лэди Гольмъ могла яснѣе разглядѣть домъ. Онъ былъ большой и по срединѣ фасада была терраса съ круглыми арками и тонкими колоннами. Терраса раздѣляла домъ на-двое. Вилла состояла такимъ образомъ изъ двухъ квадратныхъ зданій, соединенныхъ между собой. Надъ домомъ высился холмъ, а на немъ росли высокіе кипарисы; изъ-за дома доносился громкій шумъ водопада. Лэди Гольмъ чувствовала, что ея отчаяніе ростетъ въ этой обстановкѣ.

Лодка остановилась у старой каменной лѣстницы. Одинъ изъ мальчиковъ вышелъ, позвонилъ у воротъ, и тотчасъ же слуга итальянецъ открылъ большую желѣзную рѣшетку въ каменной нишѣ; за рѣшеткой лѣстница вела дальше вверхъ между стѣ-

нами, обросшими мхомъ. Мальчикъ подошелъ къ лэди Гольмъ, чтобы помочь ей выйти изъ лодки. Ей трудно было очнуться отъ забытья; члены ея отказывались повиноваться ей, вся она погрузилась въ пустынную вѣчность. Но мальчикъ протянулъ ей руку, она поднялась и послѣдовала за нимъ. Слуга провелъ ее по лѣстницѣ въ садъ, раскинутый высоко надъ озеромъ. Слѣва была дверь въ домъ. Она на минуту остановилась, глядя на равнину сѣрой неподвижной воды. Затѣмъ, тронувъ рукой вуаль, какъ бы для того, чтобы еще плотнѣе прикрыть имъ лицо, она немедленно вошла въ домъ.

XVIII

Лэди Гольмъ поѣхала въ „Casa Felice“ съ отчаянія. Когда оказалось, что лицо ея страшно изуродовано—навсегда, первой ея мыслью было самоубійство. Но на это она не рѣшилась. Жизнь превратилась для нея въ сплошной ужасъ, но у себя въ Лондонѣ, въ обстановкѣ, напоминавшей ей прежнее счастье, она не могла убить себя. Послѣ операціи, когда доктора рѣшили, что ничѣмъ больше ей нельзя помочь, она пережила острый кризисъ отчаянія; запершись у себя въ комнатѣ, она рвала на себѣ одежду, лежала на полу цѣлыя сутки безъ сна и пищи. Но животный инстинктъ побѣдилъ; она наконецъ заснула и проснулась обезсиленная, но спокойная. Она рѣшила бросить вызовъ врачамъ. Они вѣдь не знаютъ, на что способна женщина, чтобы вернуть утраченную красоту. Лэди Гольмъ стала обращаться ко всѣмъ спеціалистамъ, ко всѣмъ шарлатанамъ, объявляющимъ о своихъ чудодѣйственныхъ средствахъ въ газетахъ.

Къ дому на Кадоганъ-Скварѣ потянулась цѣлая вереница разныхъ темныхъ личностей—женщинъ и мужчинъ разныхъ національностей. Но они ничего не могли подѣлать. Наконецъ призванъ былъ американскій спеціалистъ, прославившійся тѣмъ, что превратилъ какую-то шестидесятилѣтнюю старуху, бывшую красавицу, въ женщину лѣтъ тридцати-шести съ виду. На него лэди Гольмъ возложила послѣднюю надежду. Онъ долго просидѣлъ въ ея комнатѣ, и когда онъ вышелъ, у него были слезы на глазахъ. Лакей съ удивленіемъ взглянулъ на его взволнованное лицо, провожая его къ выходу, и онъ сказалъ, объясняя свои слезы:

— Бѣдная, ей ничѣмъ нельзя помочь.

— Неужели?—воскликнулъ слуга,—это былъ тотъ, котораго лэди Гольмъ посылала передать ключъ Лео Ульфорду.

— Положеніе безнадежное. Тяжело сказать женщинѣ, что она всегда будетъ ужасать всѣхъ своимъ видомъ. А вѣдь, судя по лѣвой сторонѣ ея лица, она, вѣроятно, была прежде хороша собой,—прибавилъ онъ, уходя.

Вотъ чѣмъ стала лэди Гольмъ. Она должна была пріучить себя къ мысли, что на нее непріятно смотрѣть. За все это время она не видѣла Фрица. Онъ просилъ, чтобы она его пустила къ себѣ, даже настаивалъ на этомъ, но пока у нея оставалась надежда вернуть свою утраченную красоту, она не хотѣла, чтобы онъ видѣлъ ее изуродованной. Она холодѣла при мысли о его первомъ взглядѣ на ея лицо. Но послѣ ухода американца она поняла, что больше ждать нечего, что если она хочетъ когда-либо показаться Фрицу, лучше сдѣлать это сейчасъ же. Повязки съ лица были сняты. Она подошла къ зеркалу и, стиснувъ зубы, сжавъ руки, рѣшительно взглянула на себя.

Она не узнала своего лица. Предъ ней стояла страшная, чужая женщина. Паденіе изъ автомобиля и хирургическое леченіе совершенно измѣнили ея черты. Ея тонкій носъ сдѣлался теперь грубымъ, безформеннымъ. Глубокій шрамъ навсегда исказилъ ротъ, придавъ ему странное, насмѣшливое выраженіе. Вся правая сторона лица была вздута и опустилась къ подбородку. Къ тому же она была теперь совершенно багроваго цвѣта отъ обжога, который получила лэди Гольмъ, упавъ подъ моторъ. Шрамъ со временемъ, быть можетъ, поблѣднѣетъ. Но лицо навсегда останется уродливымъ и смѣшнымъ; при первомъ взглядѣ на нее, всякій увидитъ, что эта женщина была жертвой несчастнаго случая.

Лэди Гольмъ долго разглядывала себя въ зеркало сухими, воспаленными глазами. Потомъ она подошла къ туалету и стала медленно покрывать лицо разными косметиками, пока не сдѣлалась похожа на женщину, гуляющую по Риджентъ-Стриту. Лицо ея превратилось въ страшную маску, не скрывавшую, однако, изуродованности чертъ. Отъ употребленія косметики она почувствовала острую боль. Правая сторона лица вздулась. Она выглядѣла страшной старухой подъ пудрой и румянами. И сразу видно было, что подъ всѣмъ этимъ скрывается ужасное уродство. Боль въ лицѣ все усиливалась, становилась невыносимой, и лэди Гольмъ стала смывать краски, чуть не плача отъ боли. Покончивъ съ этимъ, она позвонила. Горничная постучалась въ дверь; лэди Гольмъ спросила, дома ли ея мужъ, и получивъ

утвердительный отвѣтъ, послала дѣвушку сказать ему, что ждетъ его у себя.

Дѣвушка ушла, и лэди Гольмъ сѣла на кушетку подлѣ постели. Она вся дрожала, какъ преступница, которая должна предстать передъ глазами судьи. Чтобы совладать съ своими нервами, она взяла подушку и крѣпко сжала ее въ рукахъ. Въ это время повернулась ручка двери.

— Не входи!—рѣзко вскрикнула она.

Но дверь открылась, и на порогѣ показался ея мужъ. Она быстро повернула къ нему лѣвую, неповрежденную сторону лица.

— Ви!—воскликнулъ онъ.—Бѣдная моя!—Онъ быстро направился къ ней, но она остановила его и попросила запереть дверь. Онъ повиновался, но она все еще сидѣла, отвернувшись отъ него.

— Ты знаешь,—спросила она рѣзкимъ голосомъ,—знаешь, что я сильно измѣнилась послѣ несчастія?

— Знаю, мнѣ говорили доктора. Но я не вижу особенной перемѣны.

— Да, съ той стороны, которую ты видишь, нѣтъ перемѣны,—сказала она снова, вся задрожавъ.

— Ну, да я полагаю, что не такъ ужъ это страшно...

— Очень страшно. Стой и не двигайся. Скажи, Фрицъ, ты меня любишь?

— Конечно, дорогая. Вѣдь ты знаешь...

Вдругъ она встала и съ отчаянной рѣшимостью взглянула ему прямо въ лицо.

— Ты меня любишь, Фрицъ?—повторила она.

Наступило мертвое молчаніе, длившееся безконечно долго. Наконецъ, его прервалъ отчаянный женскій голосъ:

— Фрицъ, Фрицъ!.. Вѣдь это не моя вина... не моя вина!

— Господи!—медленно проговорилъ лордъ Гольмъ.—Докторъ не... Подожди минуту!..

Дверь открылась и закрылась. Онъ ушелъ. Лэди Гольмъ упала на кушетку, повторяя сквозь рыданія:

— Это не моя вина, Фрицъ, не моя вина!

И, произнося эти слова, она знала, что между нею и Фрицемъ Гольмомъ все кончено.

Съ этого дня у нея осталось одно только желаніе—смерть. Сезонъ кончился, Лондонъ опустѣлъ, и она рѣшилась уѣхать, исчезнуть. Фрица она больше не звала къ себѣ, да онъ и не настаивалъ на томъ, чтобы видѣться съ нею. Она понимала, что ему было страшно глядѣть на нее. Ей не хотѣлось никого ви-

дѣть. Вначалѣ приходило множество знакомыхъ освѣдомляться о ней, но теперь почти всѣ уже уѣхали. Только сэръ Дональдъ ежедневно приходилъ узнавать о ея здоровьи. Разъ ей принесли записку. Она была отъ Фрица, который писалъ, что здоровье его нѣсколько расклеилось, и что докторъ совѣтуетъ ему съѣздить въ Гомбургъ. Но онъ хотѣлъ раньше узнать, каковы ея планы. Не собирается ли она поѣхать къ своему отцу, или же, можетъ быть, поѣдетъ съ нимъ въ Гомбургъ? Прочтя эти послѣднія слова, она громко разсмѣялась. Она послала за „New-York Herald" и просмотрѣла извѣстія изъ Гомбурга. Въ спискѣ новоприбывшихъ гостей она прочла имя миссъ Пимпернель Шлей. Въ тотъ же вечеръ она написала мужу:

„Не заботься обо мнѣ. Поѣзжай въ Гомбургъ. Мнѣ нуженъ покой. Я желаю остаться одна. Я, можетъ быть, уѣду куда-нибудь въ Швейцарію съ моей дѣвушкой. Объ отъѣздѣ своемъ сообщу. Прощай.—Віола Гольмъ".

На слѣдующій день лордъ Гольмъ уѣхалъ изъ Англіи. Она осталась одна съ прислугой. Два дня спустя, она впервые выѣхала гулять, закутавшись въ густую вуаль. Вернувшись домой, она застала у подъѣзда сэра Дональда. У него былъ еще болѣе осунувшійся видъ, чѣмъ прежде, и онъ казался очень старымъ. Лэди Гольмъ предпочла бы избѣжать встрѣчи съ нимъ,—послѣ свиданія съ мужемъ ей казалось ужаснымъ видаться съ кѣмъ бы то ни было. Но онъ подошелъ къ ея коляскѣ. Лица ея не было видно, но онъ все-таки узналъ ее и поздоровался дрожащимъ голосомъ. Она увидѣла, что онъ очень взволнованъ, и поблагодарила его за то, что онъ такъ часто освѣдомлялся о ея здоровьи.

— Но почему вы еще въ Лондонѣ?—спросила она.

— Потому что вы въ Лондонѣ,—отвѣтилъ онъ.

Она хотѣла попрощаться съ нимъ у подъѣзда, но онъ удержалъ ея руку въ своей и попросилъ позволенія зайти.

— Хорошо,—сказала она,—войдите.

Когда они вошли въ гостиную, она не подняла вуали съ лица, и заговорила, стоя, не прося его сѣсть.

— Сэръ Дональдъ, — сказала она, — я знаю, что вы были ко мнѣ привязаны... были; теперь вѣдь я не могу больше нравиться.

— Если даже и произошла перемѣна...—началъ онъ.

— Я знаю, вы скажете, что перемѣна не касается существеннаго. Но вы ошибаетесь. Измѣнилось то, за что меня любили. Эта перемѣна уничтожила любовь моего мужа.

— Моей любви она не можетъ измѣнить,—спокойно сказалъ сэръ Дональдъ.

— Нѣтъ, можетъ... особенно вашу, потому что вы—поклонникъ красоты. Я попрощаюсь съ вами, не показывая вамъ моего лица. Помните меня такой, какой я была.

— Что̀ вы хотите сказать?.. Вы такъ говорите, точно собираетесь уйти отъ людей.

— Васъ это удивляетъ?.. Вы не видѣли меня! Я должна уѣхать,—продолжала она. — Я уѣду куда-нибудь далеко, чтобы быть совсѣмъ одной, подумать о томъ, какъ жить дальше, если, вообще, жизнь еще возможна для меня.

— Господи, чѣмъ бы мнѣ помочь вамъ?—проговорилъ сэръ Дональдъ съ глазами, полными слезъ. Послушайте, — сказалъ онъ —Вы хотите уѣхать, быть одной? Такъ не поселитесь ли вы въ „Casa Felice"?

— Ахъ, да, „Casa Felice"!—повторила она съ горькимъ смѣхомъ,—вѣдь я должна была поѣхать окрестить ее.

— Ну, да что̀ объ этомъ вспоминать! Хотите поѣхать туда?

— А вы?

— Я не поѣду. Въ домѣ все готово. Прислуга нанята. Вамъ будетъ вполнѣ удобно... за вами будетъ хорошій уходъ. Позвольте мнѣ сдѣлать это для васъ. Вы тамъ найдете красоту-покой. А я... я тоже буду на озерѣ, недалеко оттуда.

— Я должна быть одна,—сказала она усталымъ голосомъ.

— Вы и будете однѣ. Я не пріѣду, пока вы не пришлете за мной.

— Я никогда ни за кѣмъ не пошлю.

Она сразу не дала ему окончательнаго отвѣта, но черезъ три дня приняла его предложеніе. И теперь она очутилась одна въ „Casa Felice". Она даже не привезла съ собой свою горничную, француженку, а наняла итальянку. Она рѣшила уединиться среди людей, не знавшихъ ее какъ красивую женщину.

XIX.

Лэди Гольмъ запомнила навсегда первый вечеръ, проведенный въ „Casa Felice". Только тутъ, вдали отъ привычной домашней обстановки, вдали отъ города, гдѣ у нея было множество друзей и знакомыхъ, гдѣ она нѣкогда царила, она узнала, что̀ такое одиночество. Въ „Casa Felice" она, къ тому же, не только поняла, но и живо почувствовала, что она не только

перестала быть красивой женщиной, но и сдѣлалась ужаснымъ уродомъ, отъ котораго всѣ отворачиваются. Итальянская прислуга, окружавшая ее, сразу открыла ей правду относительно ея теперешней внѣшности. Итальянцы низшихъ классовъ чрезвычайно экспансивны и не умѣютъ скрывать своихъ впечатлѣній, такъ что лэди Гольмъ не могла не замѣтить, какъ ихъ испугалъ ея видъ. Она рѣшила сразу начать новую жизнь, перестать скрывать свое лицо, какъ она скрывала его въ Лондонѣ отъ всѣхъ, даже отъ прислуги. Пройдя къ себѣ въ спальню, она сняла шляпу и вуаль и, не взглянувъ въ зеркало, спустилась внизъ. Въ передней она увидала лакея и сейчасъ же замѣтила, какъ онъ былъ потрясенъ, взглянувъ ей въ лицо.

— Принесите мнѣ, пожалуйста, чай на террасу, — сказала она, твердо глядя на него, и прошла на террасу черезъ открытую дверь. Тамъ она застала мальчика, который пѣлъ въ лодкѣ; онъ теперь поливалъ горшки съ геранью. Мальчикъ съ любопытствомъ поднялъ на нее глаза и снялъ шапку. Но, взглянувъ на нее, онъ на минуту стоялъ, раскрывъ ротъ отъ изумленія, и въ глазахъ его появилось выраженіе безжалостнаго отвращенія. Оно тотчасъ же исчезло; онъ улыбнулся и сталъ говорить о цвѣтахъ. Но для лэди Гольмъ это былъ достаточный урокъ. Она теперь знала, что̀ такое она представляетъ собой для молодости, инстинктивно любящей красоту.

Она сѣла въ бамбуковое кресло и стала смотрѣть на озеро. Лакей принесъ чай и поставилъ подлѣ нея, но она не замѣтила ни прихода его, ни ухода. За ней слышенъ былъ глухой шумъ водопада, передъ нею разстилалась сѣрая поверхность озера. Такъ вотъ какъ началась ея новая, одинокая жизнь! Она еще болѣе страдала теперь оттого, что никогда до того не жила внутренней жизнью, а всегда была въ зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Она привыкла къ шумной, веселой жизни, къ постоянному общенію съ людьми, которые восторгались ею, ея красотой. Она жила для свѣта и преклонялась передъ внѣшней красотой, какъ и другіе.

А теперь красота была отнята у нея. Безъ всякаго предупрежденія судьба бросила ее на дно бездны, и все стало ненужнымъ, безполезнымъ. Къ чему ей теперь ея молодость? Думая о всемъ, что̀ она утратила, лэди Гольмъ стала безудержно плакать, сидя на террасѣ и глядя на озеро, разстилавшееся передъ нею. Передъ нею проходили образы прошлаго: утраченная любовь мужа, миссъ Шлей, ихъ мелкое соперничество, любовь Руперта Кэри, ухаживанія Лео Ульфорда, странная, пламенная

привязанность его отца—зима, склонявшаяся къ ногамъ весны. Вся панорама ея прежней жизни оживала въ ея памяти, и слезы текли по ея лицу.

А Робинъ Пирсъ? При воспоминаніи о немъ, что-то въ ней оживилось. Онъ написалъ ей нѣсколько писемъ со времени ея несчастія, и въ нихъ нѣжно и пламенно говорилъ о своей любви, обращенной на ея сущность, на ея скрытую душу. Онъ писалъ, что ея несчастіе еще болѣе привязало его къ ней, что онъ вѣдь, какъ она сама знала, почти дерзновенно призывалъ нѣчто подобное для освобожденія въ ней ея истинной сущности. Она читала его письма безъ всякаго волненія, вполнѣ увѣренная, что Робинъ обманываетъ себя, не зная, что онъ, въ сущности, такой же, какъ всѣ. Но теперь ее охватило такое безграничное отчаяніе, что она искала хоть какого-нибудь, самаго слабаго утѣшенія—и ухватилась за руку, которая протянулась къ ней изъ Рима. Она встала, прошла въ спальню, взяла изъ саквояжа письма Робина и, вернувшись на терассу, стала перечитывать ихъ, ища въ нихъ утѣшенія.

Она не чувствовала любви къ Робину. Да и вообще было бы смѣшно, еслибы она теперь стала думать о любви. Съ такимъ лицомъ, какъ у нея,—не любятъ. Но, читая эти пламенныя, романтичныя письма, она стала спрашивать себя съ волненіемъ: нѣтъ ли правды въ словахъ Робина? Можетъ быть, онъ не похожъ на другихъ, можетъ быть онъ способенъ къ любви, побѣждающей даже физическое уродство? Она чувствовала себя ничѣмъ не связанной съ Фрицемъ. Человѣка, съ ужасомъ убѣжавшаго отъ нея, она не могла уже считать своимъ мужемъ. Относительно него у нея не было никакого долга; всѣ общественныя и нравственныя обязательства, съ которыми должна считаться всякая женщина изъ общества, исчезли для нея. Она уже не принадлежала обществу. Вмѣстѣ съ утраченной красотой, съ нея спали всѣ жизненныя обязанности. Она стремилась къ свободѣ—теперь она свободна. Никому не было дѣла до нея и ея жизни.

Робинъ продолжалъ говорить ей о своей любви и послѣ несчастія. Она же ясно чувствовала, что не сможетъ жить, если не будетъ человѣка, которому она дорога. „Если то, что онъ пишетъ, правда,—я останусь въ живыхъ; если же неправда...“, думала она и взглянула черезъ каменныя перила террасы на сѣрую воду озера. Надвигались сумерки.

Поздно вечеромъ, когда она сидѣла въ большой гостиной, глядя пустымъ взоромъ въ пространство, лакей принесъ ей те-

леграмму. Она открыла и прочла: „Сэръ Дональдъ сообщилъ мнѣ, что вы въ „Casa Felice". Пріѣзжаю завтра изъ Рима.— Робинъ".

— Отвѣта не будетъ,—сказала она лакею.

Онъ пріѣдетъ завтра! Страшное чувство одиночества исчезло. Есть человѣкъ, который ѣдетъ теперь къ ней, который хочетъ ее видѣть... Видѣть! Она содрогнулась. Но она взяла себя въ руки, рѣшивъ не бояться, а довѣриться Робину. Онъ былъ не такой, какъ всѣ. Въ немъ всегда было что-то особое, романтическая любовь къ тайному, скрытому. Если онъ сможетъ любить ее попрежнему,—ея будущее не такъ ужасно. Имъ даже не нужно будетъ постоянно видаться. Ей только нужно было знать, что кто-нибудь на свѣтѣ можетъ любить ее, несмотря на случившееся. И если она сохранитъ его привязанность,—она сможетъ продолжать жить—это она теперь ясно чувствовала.

Завтрашній день все рѣшитъ. Всю ночь она не могла заснуть отъ волненія, и когда стало разсвѣтать, она сдѣлала нѣчто, чего уже давно не дѣлала. Она встала съ постели, опустилась на колѣни и стала горячо молиться Тому, Кто такъ жестоко испыталъ ее, о томъ, чтобы Онъ былъ милосердъ, когда пріѣдетъ Робинъ. Утромъ она одѣлась въ простое темное платье и гладко зачесала волосы—они еще оставались прекрасными. Потомъ она спустилась въ садъ надъ озеромъ; гуляя между стѣнами, обросшими вьющимися розами, и среди пышныхъ южныхъ цвѣтовъ, наполнявшихъ садъ, она старалась проникнуться надеждой. Она повторяла самой себѣ всѣ доводы, обыкновенно приводимые Робиномъ въ защиту ея внутренней, духовной красоты. Вѣдь она осталась той же, съ прежней душой, съ прежнимъ голосомъ, выражавшимъ ея душу,—измѣнилась только частица ея прекрасной внѣшности—развѣ это уже такъ важно? Не напрасно ли приходить въ такое отчаяніе? Она рѣшила пріободриться и встрѣтить Робина безъ страха, чтобы не вызвать въ немъ презрѣнія своимъ малодушіемъ, не заразить его своимъ ужасомъ передъ самой собой. Она поэтому старалась укрѣпить въ себѣ надежду на силу его чувства. Если Робинъ любилъ ангела, то онъ могъ продолжать любить его,—ангелъ остался въ ней невредимъ, если онъ когда-нибудь былъ въ ней. Она прислонилась къ стѣнѣ и опять стала молиться, въ то время какъ розы касались ея измѣнившагося лица.

Ей показалось, что духъ ея окрѣпъ, что она менѣе боится встрѣчи съ Робиномъ. Она еще не ощущала радости въ душѣ, но уже не была такъ безгранично несчастна, какъ наканунѣ.

Послѣ утренняго чая она снова вышла въ садъ. По мѣрѣ приближенія времени, когда могъ пріѣхать Робинъ, она снова начала волноваться. Она опять стала думать о самоубійствѣ и чувствовала, что ея жизнь и смерть—въ рукахъ человѣка, котораго она, однако, еще не любила. Ей нужно было коснуться чьей-либо руки среди мрака, надвинувшагося на нее,—и если ей не протянутъ эту руку, она навсегда упадетъ на дно бездны. Прислонившись къ стѣнѣ, она стала глядѣть на озеро. Она увидѣла, какъ пароходъ причалилъ къ противоположному берегу. Римскій поѣздъ прибылъ. Но Робинъ навѣрное пріѣдетъ пароходомъ—и не раньше чѣмъ черезъ часъ. Она отошла отъ стѣны и стала ходить по саду, нервно сжимая руки. Теперь она почти хотѣла, чтобы онъ не пріѣзжалъ. Она вспоминала всю исторію своихъ отношеній съ Робиномъ, его любовь къ ней и послѣ ея замужества, его твердую увѣренность, что Фрицъ не понимаетъ ея души, что онъ одинъ знаетъ и любитъ ее. Фрицъ любилъ въ ней только ея красоту, но она любила Фрица, несмотря на это. А Робина она не любила. Но она чувствовала, что если онъ будетъ вѣренъ своему идеальному чувству, она сможетъ полюбить его. Если бы только онъ продолжалъ любить ее—и послѣ того, какъ увидитъ ее!

Она услыхала плескъ веселъ, и кровь бросилась ей въ лицо. Она быстро побѣжала домой. Утромъ она рѣшила, что встрѣтитъ Робина съ открытымъ лицомъ, при солнечномъ свѣтѣ,—чтобы онъ сразу все узналъ. Но теперь на нее напалъ страхъ, и она быстро побѣжала къ себѣ въ комнату, вынула шляпу съ густой вуалью, надѣла ее и надвинула вплотную вуаль на лицо. Послышался стукъ въ дверь. Ей пришли сказать, что въ гостиной ее ждутъ. Ей отъ страха сдѣлалось дурно. Она выпила нѣсколько жгучихъ капель о-де-колона и, надвинувъ вуаль, спустилась въ гостиную. Тамъ, у окна, стоялъ Робинъ. У него былъ возбужденный видъ, очень молодившій его. Когда она вошла въ комнату, лицо его просіяло; но, увидавъ, что она подъ вуалью, онъ нахмурился.

— Вы не довѣряете мнѣ,—сказалъ онъ, даже не здороваясь съ ней.

Она подошла къ нему и протянула руку.

— Робинъ,—сказала она,—я боюсь!

— Дорогая моя!—взволнованно проговорилъ онъ, сразу покоренный ея голосомъ. Онъ взялъ ея обѣ руки въ свои—и въ его горячемъ пожатіи чувствовалась безграничная любовь. Ей сдѣ-

лалось радостно,—точно ихъ руки были душами, которыя хотѣли слиться воедино.

— Теперь вы мнѣ вѣрите?—спросилъ онъ.

Она высвободила руки, и сейчасъ же ее снова охватили сомнѣнія.

— Пойдемъ въ садъ,—сказала она и повела его на дорожку вдоль стѣны сада.

— Я тутъ смотрѣла на озеро, поджидая васъ. Но когда ваша лодка приблизилась, я убѣжала—мнѣ страшно!

— Страшно меня, Віола?—спросилъ онъ и засмѣялся.—Поднимите вуаль!

— Нѣтъ, нѣтъ,—я раньше должна сказать вамъ, что... мое... Робинъ, я теперь некрасива.—Голосъ ея дрожалъ.

— Вы это говорите нарочно,—возразилъ онъ.—Я не вѣрю.

— Нѣтъ, Робинъ,—сказала она съ полнымъ отчаяніемъ.—Повѣрьте. Это правда — полная правда. Когда Фрицъ увидалъ меня,—онъ испугался, не могъ со мной говорить. Онъ только взглянулъ,—взглянулъ и сказалъ...

Она не могла продолжать. Голосъ ей измѣнилъ и слезы хлынули у нея изъ глазъ. Онъ взялъ ея руку и сказалъ, крѣпко сжимая ее въ своей:

— Не передавайте мнѣ его словъ. Что мнѣ за дѣло до него? Вѣдь вы знаете, что я почти желалъ этого. Неужели вы не понимаете, что можно любить въ женщинѣ что-то скрытое, мистическое,—любить это больше, чѣмъ красоту ея лица?

— Это правда, Робинъ?

По звуку ея голоса онъ понялъ, что можетъ говорить безъ опасенія о пылкости своихъ чувствъ.

— Сядемте,—сказалъ онъ.

Они сѣли на старую каменную скамейку въ концѣ сада, подъ тѣнью двухъ высокихъ кипарисовъ. Черезъ отверстіе въ каменной стѣнѣ открывался видъ на озеро.

— Послушайте, Віола,—сказалъ Робинъ,—большинство мужчинъ любитъ въ женщинѣ ея осязательную красоту, удовлетворяющую ихъ чувственность. Но мнѣ дорога въ васъ духовная красота, истинное пламя вашей души. И теперь оно обнаружится, освободится изъ темницы. Теперь вы увидите, кто васъ истинно любилъ, — тотъ ли, кто любилъ вашу оболочку, или тотъ, кто зналъ и полюбилъ вашу душу, вашу истинную сущность, не связанную съ вашей плотью,—то, что сказывалось въ вашемъ пѣніи. Если вы хотите знать, кто человѣкъ, истинно любящій васъ, поднимите вуаль.

Она съ минуту сидѣла, не двигаясь, и эта минута казалась ей нескончаемо длинной. Потомъ она поднесла руки къ лицу, отвязала вуаль и спустила ее на колѣни. Онъ взглянулъ на нее, и наступило молчаніе. Они слышали жужжаніе пчелъ среди розъ на стѣнѣ. Она повернулась къ нему всѣмъ лицомъ, но глаза держала опущенными на вуаль, лежавшую на колѣняхъ у нея, и стала считать черныя мушки на вуали; по мѣрѣ того, какъ возрастало число сосчитанныхъ мушекъ, все ея тѣло холодѣло.

— Пятнадцать,—шестнадцать,—семнадцать, шептала она, стараясь сосредоточить все вниманіе на этомъ механическомъ занятіи,—восемнадцать,—девятнадцать,—двадцать...

На лбу у нея выступило нѣсколько капель пота. Молчаніе все еще длилось. Она знала, что Робинъ продолжаетъ смотрѣть ей въ лицо.

— Двадцать-одинъ—двадцать-два...

— Віола!

Онъ наконецъ заговорилъ, и звукъ его голоса былъ совершенно необычайный, какъ бы подернутый; въ немъ слышалось отчаяніе и какъ бы признаніе своей вины.

— Что?—спросила она, продолжая разсматривать мушки на вуали.

— Теперь вы знаете, кто человѣкъ, который любитъ васъ.

Въ голосѣ его звучала какая-то отчаянная рѣшимость.

— Я этотъ человѣкъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Она наконецъ подняла глаза. Лицо его было красное и какое-то виноватое. Онъ взглянулъ ей прямо въ глаза, но взглядъ его былъ блуждающій. Онъ крѣпко стиснулъ колѣни руками. Когда она взглянула на него, онъ сталъ улыбаться.

— Віола,—сказалъ онъ,— Віола!—Онъ разнялъ стиснутыя руки и протянулъ ихъ ей. Но она сидѣла не двигаясь.

— Бѣдный Робинъ!—сказала она.

— Бѣдный—почему?—Онъ продолжалъ глядѣть ей прямо въ лицо.

— Бѣдный Робинъ,—это не ваша вина! Вы не виноваты, что вся ваша теорія была только вымышленной,—сплетеніемъ красивыхъ словъ. Вы бы хотѣли быть такимъ, какимъ думали, что будете,—но вы не въ силахъ.

— Вы ошибаетесь, Віола, вы ошибаетесь!

— Нѣтъ, Робинъ. Та женщина, которую вы прежде во мнѣ любили,—та женщина поняла правду.

Онъ ничего не отвѣтилъ, поднялся, подошелъ къ низкой стѣнѣ сада и, положивъ на нее руки, спряталъ въ нихъ лицо.

На глазахъ у него были слезы. Въ эту минуту онъ больше страдалъ, чѣмъ она. Душа его разрывалась отъ мучительнаго сознанія тяжелой утраты, невольной вины и стыда. Какъ страшно, что онъ не смогъ быть такимъ, какимъ хотѣлъ и надѣялся быть! Онъ хотѣлъ утѣшить ее, но только вонзилъ ножъ въ ея сердце. Онъ хотѣлъ окружить ее любовью—искренно хотѣлъ—и еще болѣе ярко показалъ ей, до чего она одинока. И какъ много онъ самъ потерялъ,—сколько долголѣтнихъ мечтаній разсѣялось какъ дымъ въ эту минуту! Онъ былъ еще гораздо болѣе одинокъ теперь, чѣмъ она.

— Бѣдный Робинъ!

Она подошла къ нему, и въ голосѣ ея звучала материнская нота; она говорила съ нимъ нѣжно, какъ съ ребенкомъ, который боится темноты. И въ эту минуту онъ ясно понялъ, что не любитъ бѣлаго ангела, какимъ она теперь стояла передъ нимъ. Она же подумала, что она только несчастная женщина, а вовсе не ангелъ.

XX.

Робинъ уѣхалъ. Уѣхалъ онъ, продолжая утверждать, что лэди Гольмъ ошибается. Въ его увѣреніяхъ сказывалось не только рыцарское чувство, но и самообманъ человѣка, которому трудно отрѣшиться отъ взлелѣянной имъ мечты. Послѣ перваго момента разочарованія онъ сталъ повторять страстныя рѣчи, соотвѣтствовавшія его прежнимъ словамъ. Можетъ быть, онъ особенно настойчиво говорилъ о своихъ неизмѣнившихся чувствахъ, съ цѣлью убѣдить себя, а не ее, но и то и другое ему одинаково не удалось. Когда онъ очутился на гладкой поверхности сѣрыхъ водъ, онъ почувствовалъ смѣшанное чувство печали—и облегченія. Онъ готовъ былъ плакать надъ собой, надъ всѣмъ человѣчествомъ съ его слабостями, но былъ счастливъ, что кончилось тягостное, напряженное состояніе. Онъ чувствовалъ, что Віола вполнѣ его понимаетъ, что она видитъ, какъ онъ борется самъ съ собой, точно попавшая въ сѣть птица, и до чего эта борьба—напрасна. Онъ чувствовалъ ея превосходство, видѣлъ, что онъ не ошибся, приписывая ей въ дни ея могущества высокую духовную силу. И то, что онъ, несмотря на это, разлюбилъ ее, было тѣмъ ужаснѣе. Онъ вспомнилъ разговоръ съ Рупертомъ Кэри у себя, когда онъ вернулся вмѣстѣ съ сэромъ Дональдомъ съ обѣда у Гольмовъ. Онъ утверждалъ, что въ любимомъ существѣ любятъ не скорлупу, а внутреннее содержаніе, а Кэри

сказалъ, что если скорлупа очень красива и потомъ вдругъ сломается, то это сильно мѣняетъ чувство.—„Не мое",—возразилъ тогда Робинъ, а Кэри спокойно добавилъ: „Думаю, что и ваше". Робинъ хорошо помнилъ, что послѣ ухода Кэри онъ удивлялся, до чего люди не вѣрятъ, когда имъ говорятъ правду про себя. А между тѣмъ въ тотъ вечеръ правъ былъ Кэри, а не Робинъ. Неужели же онъ любилъ въ Віолѣ только оболочку? Онъ никакъ не могъ этого допустить. Ему казалось, что и теперь онъ еще любитъ Віолу, но какъ исчезнувшую, умершую женщину. Та женщина, которая теперь въ „Casa Felice"—не Віола. А между тѣмъ это была она. Когда она говорила съ нимъ, прежде чѣмъ онъ увидалъ ее, сердце его горячо забилось, но когда опустилась вуаль, въ немъ застыла кровь отъ ужаса. Могущество плоти ужасало его: неужели она побѣждаетъ духъ? Онъ съ трепетомъ вспоминалъ о глазахъ Віолы,—пугавшихъ его теперь, какъ глаза жестокаго властителя пугаютъ раба. Но они не смогли подчинить себѣ его волю—въ первый разъ его плоть возстала противъ голоса духа, и отчаяніе наполнило его душу.

Віола долго стояла у стѣны сада, слѣдя за лодкой, увозившей Робина. Наконецъ лодка совершенно исчезла изъ виду. Она продолжала стоять. Наступилъ вечеръ. Ей даже не было грустно,—она чувствовала только страшную пустоту, отрѣшенность отъ всего живого. У нея не было горькаго чувства къ Робину, и порывъ жалости къ нему, когда она поняла его чувства, былъ искренній. Онъ не виноватъ, что не смогъ облегчить ея участь—онъ такой же рабъ, какъ всѣ люди. У нея не осталось надежды, — но не было и страха. Жизнь остановилась въ ней—она даже не подумала о томъ, навсегда ли уѣхалъ Робинъ, или еще вернется.

Когда слуга пришелъ звать ее къ обѣду, она отказалась и попросила, чтобы ей подали лодку,—ей хотѣлось покататься по озеру. Черезъ нѣсколько минутъ ей доложили, что лодка подана; она накинула плащъ и спустилась по темнымъ каменнымъ ступенямъ между обросшихъ мхомъ стѣнъ къ желѣзной рѣшеткѣ. Лодка стояла у самой лѣстницы. Она сѣла въ нее, и Паоло,—мальчикъ, который взволновалъ ее своимъ пѣніемъ,—сѣлъ на весла.

— Куда, синьора, желаете ѣхать?

— Куда угодно, на середину озера.

Онъ отчалилъ, и вскорѣ смолкъ шумъ водопада за „Casa Felice", исчезъ изъ вида таинственно-тихій фасадъ виллы. Слышался только всплескъ веселъ, звонъ колокольчиковъ привѣшенныхъ

къ рыбацкимъ сѣтямъ, и мелькали на берегахъ далекіе огоньки окрестныхъ деревушекъ. Очутившись далеко отъ земли, лэди Гольмъ стала яснѣе сознавать свое теперешнее положеніе въ жизни. Она казалась себѣ жалкой, ничтожной женщиной—какой-то нищенкой въ лохмотьяхъ. Со всѣхъ сторонъ на озерѣ слышались звуки колокольчиковъ. Вода была полна настойчивыхъ, тихихъ голосковъ. Такъ и прежняя жизнь ея полна была несмолкающихъ звуковъ,—а теперь они вдругъ всѣ стихли, и она прислушивалась, сама не зная—къ чему. Быть можетъ, къ какому-то далекому громкому голосу?

„Что мнѣ теперь дѣлать? Что мнѣ дѣлать“?

Она оглянулась вокругъ себя,—вокругъ была только широкая водяная равнина съ ея скрытыми безднами. Тутъ она яснѣе, чѣмъ за все время до того, поняла, что ея жизнь кончена, и стала опредѣленно думать о самоубійствѣ. Когда покончить съ собой? Лучше всего въ эту же ночь,—потомъ, быть можетъ, у нея не хватитъ силы воли. Нужно покончить сразу, не думая,—мысли опасны и пагубны.

Она заговорила съ Паоло, стала его разспрашивать объ его семьѣ, о томъ, пойдетъ ли онъ въ солдаты, любитъ ли онъ какую-нибудь дѣвушку. Онъ охотно отвѣчалъ ей, и она заставляла себя внимательно его слушать. Онъ развертывалъ передъ ней всѣ радости своей юной жизни, полной надеждъ на будущее,—и ей становилось еще болѣе горько отъ сознанія контраста между ея безнадежностью и счастливой жизнью мальчика.

— Поверните обратно домой!—сказала она.

На обратномъ пути мальчикъ сталъ пѣть. Эта радостная пѣснь жгла ее какъ раскаленное желѣзо,—и ея рѣшеніе еще болѣе укрѣпилось. Когда снова показался блѣдный фасадъ „Casa Felice“ на фонѣ окружающей темноты, она спросила мальчика:

— Куда вы помѣщаете лодку на ночь?

— Развѣ синьора не видѣла? Подъ домомъ. Тамъ очень глубоко. Тамъ можно плавать минутъ пять, не выплывая въ открытое озеро.

— Я бы хотѣла видѣть это мѣсто. Не можемъ ли мы пристать прямо туда теперь?

— Конечно. Тамъ есть лѣстница, ведущая на террасу мимо водопада. Я направлю туда лодку.

Онъ снова запѣлъ, но вдругъ остановился, оглянулся и сталъ прислушиваться.

— Тутъ есть гдѣ-то вблизи лодка,—сказалъ онъ,—у самаго дома.

— Откуда вы знаете?

— Я услышалъ движеніе веселъ. Человѣкъ въ лодкѣ не гребъ, но какъ только я запѣлъ, онъ взялся за весла. Когда я пересталъ пѣть, онъ пересталъ грести.

— Но вы не видѣли сами лодки?

Онъ взглянулъ на нее съ таинственнымъ выраженіемъ лица.

— Нѣтъ, эта лодка не освѣщена,—можетъ быть, это контрабандисты.

Онъ повернулъ голову назадъ и свистнулъ особеннымъ образомъ. Отвѣта не послѣдовало. Тогда онъ наклонился почти къ самой линіи воды и сталъ вслушиваться.

— Лодка остановилась, — сказалъ онъ. — Она подлѣ насъ. Это не рыбацкая лодка—въ этотъ часъ рыбаки не выѣзжаютъ.

У него былъ очень возбужденный и таинственный видъ, который на нѣсколько минутъ развлекъ лэди Гольмъ. Ее стала занимать лодка, и тотъ или тѣ, которые сидѣли въ ней.

— Такъ, по-вашему, это контрабандисты? — тихо спросила она.

— Навѣрное. Вѣдь я ихъ знаю. Я самъ былъ контрабандистомъ—прошлой зимой. Насъ разъ настигли карабиньеры и убили моего товарища, мальчика шестнадцати лѣтъ.

Леди Гольмъ вздрогнула.

— Продолжайте грести!—сказала она. — Эта лодка навѣрное уже проѣхала.

— Нѣтъ, синьора. Она подлѣ насъ и весла вынуты изъ воды. — Онъ сказалъ это такъ увѣренно, точно видѣлъ лодку, затѣмъ неохотно погрузилъ весла въ озеро и сталъ грести по направленію къ дому, продолжая вглядываться въ темноту съ глубокимъ вниманіемъ.

Когда они подъѣхали къ дому, Паоло повернулъ направо, и лэди Гольмъ увидѣла темное отверстіе въ солидномъ каменномъ фундаментѣ виллы. Лодка проѣхала туда, и огонекъ у носа блѣдно освѣтилъ густую тьму, среди которой странно и жутко звучали всплески веселъ и доносившійся сердитый шумъ водопада. Лодка подъѣхала къ верхней ступени лѣстницы и слегка ударила о желѣзный кругъ, вбитый въ каменную стѣну.

— Здѣсь вы привязываете лодку на ночь?—спросила лэди Гольмъ, поднимаясь съ мѣста.

— Si, signora.

Стоя на ступенькѣ у самаго края темной воды, она смотрѣла, какъ онъ ловко привязывалъ лодку къ кольцу крѣпкимъ узломъ. Она внимательно слѣдила за быстрыми движеніями его рукъ.

— Какъ хорошо вы привязали! А отвязать ее трудно?

— Ничуть, синьора.

— Покажите, какъ вы это дѣлаете. Вы сдѣлали такой крѣпкій узелъ, что, по-моему, трудно его развязать.

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ, пораженный какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ въ ея голосѣ. Чтобы успокоить его, она улыбнулась.

— Мнѣ интересно смотрѣть, какъ вы все это дѣлаете,— пояснила она.—Вы такой ловкій.

Онъ вспыхнулъ отъ ея похвалы, и сейчасъ же развязалъ узелъ, показывая, какъ это дѣлается; потомъ онъ опять завязалъ его, снялъ фонарь, выскочилъ изъ лодки и освѣтилъ ей дорогу по лѣстницѣ, ведущей къ тяжелой деревянной двери. Черезъ минуту она уже была на террасѣ подлѣ водопада. Холодные брызги воды обдавали ей лицо. Онъ захлопнулъ дверь, но не заперъ ее на ключъ.

— Я запру на ключъ прежде чѣмъ идти спать,—пояснилъ онъ, указывая на ключъ, торчавшій въ двери.

— До свиданія, Паоло.

— До свиданія, синьора.

Онъ снялъ шляпу, быстро ушелъ и вскорѣ исчезъ между кипарисами. Оставшись одна на террасѣ, Віола подошла къ перилamъ и взглянула внизъ на озеро. Она не видѣла никакой лодки на водѣ. Вынувъ часы, она поднесла ихъ близко къ глазамъ. Было половина девятаго. „Когда итальянская прислуга идетъ спать?"—подумала она.

Явился слуга и спросилъ, не закуситъ ли она хоть теперь. Видя, что онъ въ отчаяніи оттого, что она не обѣдала, она прошла въ столовую и сдѣлала видъ, что ѣстъ. Было десять часовъ, когда она поднялась изъ-за стола и направилась на террасу.

— Скажите моей горничной и всей прислугѣ, что они могутъ идти спать,—сказала она лакею. — Я, можетъ быть, еще долго не лягу. Въ такомъ случаѣ я сама закрою дверь на террасу.

— Слушаюсь, синьора.

Выйдя на террасу, она увидѣла мелькающую внизу красную искру. Это былъ Паоло, курившій сигару.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросила она.

— Я все насчетъ лодки; она вѣдь не уѣхала. Я въ этомъ увѣренъ. Ужъ не сѣсть ли мнѣ въ лодку и...

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро прервала она его.—Что намъ за дѣло до нея? Подите поужинать.

— Я уже ужиналъ, синьора.

— Въ такомъ случаѣ, выкурите свою сигару и идите спать. Въ ваши годы нужно много спать,—прибавила она съ улыбкой.

— Мнѣ довольно четырехъ часовъ, синьора.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы должны рано ложиться.

Она увидѣла странное выраженіе на его лицѣ. Онъ взглянулъ на озеро, потомъ на нее съ лукавствомъ, которое могло показаться дерзкимъ, не будь въ немъ чего-то истинно дѣтскаго.

— Хорошо, я пойду спать, синьора,—сказалъ онъ и опять взглянулъ на нее съ изумленнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Она отвернулась съ тяжелымъ чувствомъ, отлично понимая, какое подозрѣніе мелькнуло у него и что̀ онъ при этомъ подумалъ: „Ma per questa signora... non è possibile!“—навѣрное сказалъ онъ себѣ. И опять выраженіе жгучихъ глазъ мальчика было укоромъ для лэди Гольмъ: „Жизнь для тебя кончена, брось ее!“—читала она въ его взглядѣ. И она поняла, что до этой минуты она еще внутренно колебалась. Но теперь рѣшимость ея была твердой. Выпивъ кофе, она велѣла убрать чашку и вышла изъ столовой.

— Я прямо пройду къ себѣ въ спальню,—сказала она.— Оставьте мнѣ свѣчку въ передней.

Огни исчезли въ окнахъ дома; полный мракъ и тишина окутали оба дома съ двухъ сторонъ террасы. Раздался мягкій шумъ шаговъ. Это былъ Паоло, который пошелъ запирать дверь въ лодочный сарай. Лэди Гольмъ рѣзко повернулась на стулѣ и стала слѣдить за нимъ. Онъ наклонился, крѣпко повернулъ ключъ въ замкѣ и вынулъ его. Она раскрыла ротъ, чтобы что-то крикнуть ему, но, замѣтивъ, что онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ смотритъ на ключъ, а потомъ на нее, она ничего не сказала. Онъ снова всунулъ ключъ въ дверь и ушелъ съ насмѣшливой улыбкой на губахъ.

Лэди Гольмъ продолжала сидѣть, закутавшись въ бѣлый плащъ. Она коснулась рукой изуродованной части лица, какъ бы нащупывая ея уродство. Отнявъ руку, она стала ходить по террасѣ вдоль самыхъ перилъ.

Она подумала о Фрицѣ. Что̀ онъ почувствуетъ, когда узнаетъ? Конечно, онъ будетъ на минуту потрясенъ и будетъ страдать, вспоминая прошлое, свою любовь къ ней, когда она была прекрасной. Ей захотѣлось теперь увидать его, хотя любовь ея къ нему уже умерла. Но осталась нѣжность—такая же, какую она чувствовала, когда перевязывала ему рану послѣ сцены съ Лео Ульфордомъ. Потомъ она стала думать объ итальянской пѣснѣ,

которая такъ растрогала лэди Кардингтонъ. Теперь она ясно представляла себѣ, что за любовь женщина можетъ легко пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Теперь ей казалось, что женщина, отдѣленная отъ всего міра, но имѣющая взамѣнъ всего другого любовь, истинно счастлива. Она припомнила, что въ „Casa Felice“ жили нѣкогда двое любящихъ, и она съ болью думала о томъ, какое блаженство они испытывали среди тишины и одиночества, ставшаго для нея источникомъ столькихъ страданій. Все, что̀ для нихъ было прекрасно, было для нея мучительно. Ей пора исчезнуть. Съ твердой рѣшимостью она плотнѣе закуталась въ плащъ, подошла къ периламъ и стала глядѣть на воду. Она задумалась о прошломъ, и вся ея жизнь показалась ей какой-то безцвѣтной. Ей казалось, что она никогда ничѣмъ не наслаждалась, что вся ея жизнь состояла изъ какихъ-то отрывковъ. Ничего полнаго, глубокаго она не извѣдала. Ее вдругъ охватило безумное желаніе прожить хотя бы одну недѣлю, одинъ день, или хотя бы одинъ часъ, истинной глубокой жизнью— теперь, когда глаза ея открылись. Ей было страшно, что она не извѣдала въ жизни экстаза, т.-е. того, что̀ единственно цѣнно въ жизни, не извѣдала тогда, когда имѣла на это право своей красотой,—и поняла это теперь, когда стала уродомъ, и когда радости жизни навсегда исчезли для нея.

Она быстро отошла отъ перилъ, подошла къ двери у водопада, открыла ее и спустилась внизъ. Было очень темно, и она шла ощупью. Тамъ, внизу, она увидѣла лодку на темной водѣ и ощупала кольцо на стѣнѣ; веревка намокла, и она съ трудомъ развязала узелъ. Тогда она сѣла въ лодку. Глаза ея уже свыклись съ темнотой, и она увидѣла арку, открывавшую выходъ въ озеро. Она нашла весла, укрѣпила ихъ въ уключинахъ и стала медленно грести. Лодка толкнулась о стѣну. Тогда она поднялась и, протянувъ руку къ каменной стѣнѣ, оттолкнула лодку. Отъ быстраго движенія лодки лэди Гольмъ чуть не упала въ воду, и едва успѣла быстрымъ движеніемъ сѣсть на мѣсто. Она сильно перепугалась. Черезъ минуту она сама спрашивала себя, почему она не хотѣла упасть въ воду? Но подлѣ дома было слишкомъ темно,—ей хотѣлось видѣть звѣзды надъ собой— тогда будетъ легче. Она сама не знала, зачѣмъ ей нужны звѣзды, зачѣмъ ей нужно что-нибудь теперь. Лодка выплыла на поверхность воды. Была блѣдная осенняя ночь; легкій туманъ носился надъ водой, были видны огоньки деревень, и среди грустной тишины доносился звукъ колокольчика. Віола медленно выѣхала на середину озера. Ей сдѣлалось страшно; она чувствовала при-

сутствіе чего-то тайнаго въ природѣ; ей казалось, что какой-то духъ слѣдитъ за ней и за всѣмъ окружающимъ. Она стала грести скорѣе. Вдругъ ей показалось, что за ней кто-то ѣдетъ. Домъ скрылся изъ виду, берегъ исчезъ въ темнотѣ. Она остановилась, затѣмъ опять стала грести, и опять ей показалось, что за ней ѣдутъ. Она наклонилась къ водѣ по примѣру Паоло и на этотъ разъ ясно разслышала плескъ веселъ. На нее напалъ паническій страхъ; она была увѣрена, что это была та же лодка, которую замѣтилъ Паоло. Но кто бы могъ быть въ этой лодкѣ? Она никого не знала на озерѣ,—а это не могъ быть Робинъ.

Звукъ веселъ становился все болѣе отчетливымъ, и ея страхъ все возрасталъ. Она стала усиленно грести къ серединѣ озера.

— Віола!—раздался голосъ изъ темноты.—Віола!..

Она остановилась, вся дрожа. Кто могъ ее звать здѣсь по имени? Послышался приближающійся шумъ веселъ, потомъ показалась черная тѣнь приближающейся лодки. Она сидѣла совершенно спокойно, держа руки на веслахъ. Лодка приблизилась, и она увидѣла человѣка, который гребъ стоя, какъ итальянскіе лодочники. Когда лодка совершенно приблизилась, она увидѣла передъ собой Руперта Кэри.

XXI.

Она сидѣла, не говоря ни слова. Ей казалось, что она опять стоитъ на концертной эстрадѣ и поетъ итальянскую пѣсню. Тогда лицо Кэри,—искаженное его порокомъ, какъ ея лицо несчастнымъ случаемъ,—какъ бы исчезло для нея. Она видѣла только его глаза. И теперь она тоже видѣла только его глаза. Онъ стоялъ въ блѣдномъ свѣтѣ, съ веслами въ рукахъ, и глядѣлъ на нее.

— Вы услышали, какъ я звалъ?—спросилъ онъ наконецъ почти грубо.

Она кивнула головой.—Какъ вы...—начала она и остановилась.

— Я былъ здѣсь, когда вы пріѣхали. Я слышалъ, какъ вашъ мальчикъ пѣлъ,—я былъ въ тѣни рощи.

— Зачѣмъ?

Она смотрѣла въ глаза Кэри и не видѣла по его взгляду, что онъ въ первый разъ смотритъ на ея измѣнившееся лицо. Она не думала о томъ, что у нея теперь другое лицо. Выраженіе глазъ Кэри было такое, что она могла это забыть.

— Вы мнѣ нужны,—сказалъ онъ, и, отпустивъ весла, сѣлъ на маленькую скамеечку. Ихъ лодки касались одна другой.

— Я знаю, что не имѣю права говорить съ вами, ѣхать за вами. Но я всегда былъ грубымъ эгоистомъ, и не могу измѣниться.

— Но что̀ вамъ нужно отъ меня?

Вдругъ она все вспомнила, быстро поднесла руки къ лицу и тотчасъ же опустила ихъ. Не все ли это равно теперь? Онъ будетъ послѣднимъ человѣкомъ, увидавшимъ ее. И вспомнивъ, что̀ сталось съ нею, она увидѣла и то, во что̀ онъ превратился. Ужасъ его жизни отпечатлѣлся въ его исказившихся, обрюзгшихъ отъ злоупотребленія виномъ чертахъ лица. Она это увидѣла, и на минуту обрадовалась неожиданной встрѣчѣ товарища по несчастію. Пусть онъ глядитъ на нее—и она на него смотритъ.

— Что̀ вамъ нужно отъ меня?—спросила она.

— Мнѣ нуженъ спаситель,—сказалъ онъ, глядя на нее и говоря безъ всякой нѣжности.

— Спаситель?—Ей показалось, что онъ говоритъ о чемъ-то, касающемся религіи.

— Вы думаете, что я могу вамъ сказать что-нибудь о Спасителѣ?—спросила она, и горько засмѣялась.—Взгляните на меня. Развѣ вы не видите, что̀ со мной сталось? Можетъ быть, и мнѣ нуженъ Спаситель.

Она точно разсердилась на него за то, что онъ не замѣчаетъ случившейся съ ней перемѣны.

— Я о васъ не думаю,—сказалъ онъ съ намѣренной рѣзкостью.—Я забочусь только о себѣ, какъ всякій мужчина, когда онъ приходитъ къ женщинѣ.

— Или уходитъ отъ нея,—прибавила она, вспомнивъ Робина и Фрица.—Вы знаете, что Робинъ Пирсъ былъ здѣсь сегодня?—спросила она.

— Да, я видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ.

— Откуда вы видѣли?—Откуда вы теперь?

— Съ того берега,—сказалъ онъ, указывая на огоньки, мелькавшіе вдали.—Я долженъ былъ жить у сэра Дональда въ „Casa Felice", а теперь я съ нимъ живу тамъ; онъ боленъ, и нужно, чтобы кто-нибудь былъ подлѣ него.

— Сэръ Дональдъ боится меня теперь,—сказала она, пристально глядя на Руперта.—Я сказала ему, чтобы онъ сохранилъ память обо мнѣ такой, какая я была. А вы почему не поступили точно такъ же?—спросила она съ внезапнымъ приливомъ гнѣва.—Еслибы вы не пріѣхали сегодня, мой прежній о̀бразъ сохранился бы у васъ навсегда.

Она вспомнила, какъ безумно онъ ее любилъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Лучше бы онъ помнилъ ее такой, какою она была.

— Я ненавижу васъ за то, что вы пріѣхали,—сказала она, едва дыша.

— Мнѣ все равно, я долженъ былъ обратиться къ вамъ. Мнѣ нужно, чтобы меня спасли, вытянули изъ бездны. Дайте мнѣ руку, Віола,—я тогда, быть можетъ, повѣрю въ благость Божію.

Она чувствовала, что задыхается. Ее охватила какая-то отрадная теплота, оживившая ее, какъ прикосновеніе теплой руки къ холодной.

— О чемъ вы говорите?—тихо спросила она.—Какое безуміе—говорить мнѣ все это именно въ сегодняшнюю ночь!

— Именно въ сегодняшнюю ночь это и должно было быть сказано.

Вдругъ она рѣшилась сказать ему все. Онъ чувствовалъ себя погибшимъ, какъ и она, и они могутъ откровенно говорить другъ съ другомъ.

— Я вамъ скажу, почему ваши слова безумны именно сегодня,—спокойнымъ голосомъ сказала она.—Я выѣхала въ озеро, чтобы больше не вернуться.

Онъ, не отводя глазъ, глядѣлъ на нее, но ничего не говорилъ. Она свѣсила руку съ лодки и коснулась пальцами воды.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Вы не должны этого дѣлать.

— Нѣтъ, я это сдѣлаю. Я скрою свое лицо въ водѣ.

— Протяните мнѣ сначала руку, Віола. Никто другой не можетъ мнѣ помочь.

— И вы это говорите, видя мое лицо?—Въ голосѣ ея было глубокое изумленіе.

— Именно глядя на васъ,—отвѣтилъ онъ,—я знаю, что гдѣ-то высоко надъ бездной сіяютъ звѣзды.

— Вамъ это кажется, когда вы смотрите на меня—теперь? Но вы слѣпы,—сказала она.

— Можетъ быть, другіе слѣпы,—сказалъ онъ.

Совершенно инстинктивно она поднесла руку къ лицу, коснулась его, и оно не показалось ей уродливымъ. Съ минуту ей казалось, что красота ея воскресла.

— Но что вы видите?—спросила она:—здѣсь такъ темно.

— Не слишкомъ темно, чтобы увидать руку помощи, если мнѣ ее протянутъ.—Онъ протянулъ свою руку и взялъ ея правую руку.—Вотъ эта рука помощи,—прибавилъ онъ.

Она почувствовала любовь въ его пожатіи, хотя лицо ея не было прикрыто вуалью. Это казалось страннымъ, почти невозможнымъ, но несомнѣнно въ его пожатіи сказывалась любовь.

— Что же теперь будетъ, Віола?

— Не знаю,—прошептала она.—Еслибы вы увидѣли меня завтра, при солнечномъ свѣтѣ, вы бы поняли себя.

— Я завтра пріѣду при солнечномъ свѣтѣ.

— Не приходите, меня не будетъ.

— Я приду.

— Спокойной ночи,—сказала она, чувствуя страшное волненіе. Она сама не знала, охватилъ ли ее ужасъ, или радость. Вся ея душа загорѣлась бурными, противорѣчивыми чувствами. Она была въ одно и то же время и царицей, сидящей на тронѣ, и женщиной, валяющейся въ пыли.

— Спокойной ночи, спокойной ночи,—безсознательно твердила она, стараясь высвободить свою руку.

— Віола,—сказалъ онъ,—если вы убьете себя, то вы убьете и меня. Вѣдь вы не посмѣете это сдѣлать.—Онъ продолжалъ держать ея руку въ своей и говорилъ властно. Если вы скроете свое лицо въ водѣ, я никогда больше не увижу звѣздъ надъ бездной.

— Что же мнѣ дѣлать? Это не моя вина, не моя вина.

— Это будетъ вашей виной. Это будетъ вашимъ преступленіемъ.

— Ваша рука меня съ ума сводитъ,—проговорила она.

Онъ отпустилъ ее, и она медленно стала грести по направленію къ „Casa Felice“. Точно какое-то чудо свершилось для нея, когда къ ней, добровольно шедшей на гибель, обратилась за помощью другая страждущая душа.

Онъ ѣхалъ рядомъ съ ней. Она совершенно, какъ въ забытьи, причалила къ лѣстницѣ, подъ сводомъ взбѣжала по ступенькамъ и очутилась на террасѣ. Она остановилась подъ брызгами водопада, потомъ быстро подошла къ периламъ. Его лодка была внизу, и онъ смотрѣлъ наверхъ.

— Уѣзжайте!—сказала она, сама не зная, что говоритъ.—Все это выше моихъ силъ.

Онъ сказалъ ей нѣчто странное въ отвѣтъ:

— Если вы войдете въ домъ, откроете окно и снова споете мнѣ итальянскую пѣсню—я уѣду. Но я завтра опять вернусь и коснусь спасительной руки, и послѣ-завтра также, и каждый день.

— Пѣть?—сказала она...—Сегодня же?

— Войдите въ домъ. Откройте окно. Я васъ услышу.

Онъ сказалъ это властнымъ голосомъ, и она безпрекословно повиновалась ему, открыла окно и подошла къ роялю. Сначала она безпомощно водила рукой по клавишамъ, но постепенно пальцы ея нашли звуки прелюдіи, и она вспомнила слова. А смыслъ словъ и музыки озарился въ ея душѣ, и въ пѣснѣ ея вылилась глубокая душа женщины, которой дано спасти чужую душу. Когда она кончила, она снова подошла къ периламъ. Онъ попрежнему стоялъ въ лодкѣ и глядѣлъ вверхъ.

— Когда вы поете, я вижу звѣзды наверху. Вы это понимаете?

— Я ничего не понимаю,—проговорила она.—Но я постараюсь понять.

Она сказала это едва слышнымъ голосомъ, но онъ видимо понялъ ее, сразу погрузилъ весла въ воду, и снова лодка скрылась въ темнотѣ... Она еще долго глядѣла въ тихую даль, изъ которой доносились слабые звуки рыбацкихъ колокольчиковъ, и повторяла какъ изумленное дитя:

— Есть Богъ, есть милосердный Богъ!

Глубокой осенью этого года внезапно умеръ сэръ Дональдъ Ульфордъ, завѣщавъ свою итальянскую виллу, „Casa Felice“, лэди Гольмъ. Этотъ посмертный даръ казался довольно страннымъ, и о немъ много говорили въ лондонскихъ гостиныхъ и будуарахъ. Но еще больше толковъ вызывали дальнѣйшія свѣдѣнія о лэди Гольмъ.

Сначала стали доходить слухи, что Рупертъ Кэри, опозорившій себя своимъ нетрезвымъ видомъ на балу у Аркелей, былъ постояннымъ посѣтителемъ „Casa Felice“, и вскорѣ стало извѣстно, что онъ поселился вмѣстѣ съ лэди Гольмъ въ ея виллѣ, и что лордъ Гольмъ началъ процессъ о разводѣ. Это дало поводъ къ нескончаемому злословію со стороны свѣтскихъ дамъ. По общему мнѣнію, скандальность поведенія лэди Гольмъ усугублялась ея уродствомъ. Будь она попрежнему хороша, ей бы простилось многое. Но въ обществѣ ходили ужасающіе слухи о послѣдствіяхъ катастрофы, и лэди Гольмъ становилась какимъ-то легендарнымъ существомъ. Говорили, что бѣдный лордъ Гольмъ чуть съ ума не сошелъ, увидѣвъ ее въ первый разъ послѣ операціи. И теперь всѣ находили, что, очутившись въ такомъ несчастномъ положеніи, лэди Гольмъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, сохранить свое достоинство и скромно удалиться отъ мірской

суеты, среди которой она уже не могла разсчитывать на успѣхъ. А между тѣмъ оказалось, что она дѣйствительно удалилась отъ свѣта, но не одна, а съ другомъ сердца. Это вызвало благородное возмущеніе женщинъ, жизнь которыхъ проходила среди постояннаго нарушенія заповѣдей Господнихъ.

Однажды, за чаемъ въ одномъ свѣтскомъ домѣ, одна дама стала особенно горячо осуждать лэди Гольмъ.

— Это, прежде всего, уродливо и смѣшно,—сказала она.— Женщина съ изуродованнымъ лицомъ и человѣкъ, который, во всякомъ случаѣ, былъ, если теперь онъ даже и исправился, настоящимъ пьяницей,—можно ли представить себѣ нѣчто болѣе противное?

Лэди Кардингтонъ, находившаяся въ числѣ гостей, вдругъ вся вспыхнула.

— Вѣдь мы ничего о нихъ не знаемъ,—сказала она, возвысивъ голосъ.

— Однако, лордъ Гольмъ началъ...—стала возражать дама, осуждавшая лэди Гольмъ.

— Онъ началъ дѣло о разводѣ, я знаю; по всей вѣроятности, даже онъ выиграетъ его. Но мои симпатіи не на его сторонѣ. Онъ оставилъ жену именно тогда, когда она болѣе всего въ немъ нуждалась.

— Но что же онъ могъ сдѣлать для нея?

— Онъ могъ продолжать любить ее,—сказала лэди Кардингтонъ, и ея обыкновенно блѣдное лицо ярко разгорѣлось. Наступило общее молчаніе. Тогда лэди Кардингтонъ прибавила, поднимаясь съ мѣста:—Что бы ни произошло, я преклоняюсь передъ м-ромъ Кэри, и могу только пожелать, чтобы на свѣтѣ было побольше такихъ людей, какъ онъ.

Она вышла, крайне изумивъ всѣхъ присутствовавшихъ. Она сохранила молодость и горячность сердца, несмотря на свой горькій жизненный опытъ, и поняла чутьемъ то, что было недоступно ограниченному воображенію и мелкимъ чувствамъ свѣтскихъ кумушекъ.

Въ эту зиму въ Италіи, вдали отъ Лондона, разыгрывалась прекрасная драма человѣческой жизни, не терявшая своей красоты оттого, что оба ея участника потерпѣли жестокія преслѣдованія судьбы и превратились, въ глазахъ многихъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, въ паріевъ,—Рупертъ Кэри по своей винѣ, лэди Гольмъ—какъ жертва катастрофы.

Задолго до того, на балу у Аркелей, лэди Гольмъ сказала Робину Пирсу, что Рупертъ Кэри могъ бы, еслибы обстоятель-

ства этому благопріятствовали, совершить нѣчто очень большое. Случай далъ ему теперь возможность совершить величайшій подвигъ, доступный человѣческимъ силамъ,—вернуть отчаявшуюся душу на путь надежды, воскресить въ ней вѣру въ любовь. Чтобы достичь своей цѣли, Рупертъ Кэри избралъ очень странный путь. Онъ палъ къ ногамъ женщины, которую хотѣлъ спасти, и сталъ просить у нея помощи. Женщинѣ, рѣшившей убить себя, онъ сказалъ: „Научи меня жить"!

Этотъ своеобразный способъ дѣйствія оказался единственно вѣрнымъ. Слова, которыя онъ говорилъ ночью, на озерѣ, не произвели на нее никакого впечатлѣнія. Но его взглядъ и отношеніе къ лэди Гольмъ на слѣдующій день, при солнечномъ свѣтѣ, имѣли рѣшающее вліяніе. Віола дѣйствительно повѣрила, что она одна можетъ спасти его отъ поработившей его страсти къ вину, поднять его изъ глубины пропасти, откуда онъ не могъ видѣть звѣздъ. Она долго не вѣрила. Лордъ Гольмъ и Робинъ Пирсъ внушили ей ужасъ передъ жизнью и передъ собой. Она долго боялась и Руперта Кэри. Но въ его глазахъ было всегда одно и то же выраженіе. Они никогда не видѣли, глядя на нее, искаженныхъ чертъ лица, а всегда видѣли только бѣлаго ангела. Его душа, свѣтящаяся въ его глазахъ, рвалась къ ангелу, молила его о защитѣ. И мольбы его были такъ настойчивы, что бѣлый ангелъ—во всякой женщинѣ онъ скрытъ въ глубинѣ души—высвободился изъ плѣна.

Въ драмѣ, разыгравшейся въ ту зиму въ Италіи, были и страшные моменты. Одинокая вилла была свидѣтельницей многихъ тяжелыхъ сценъ. Любовь Віолы къ Руперту очень медленно созрѣвала, и Рупертъ тоже не смогъ сразу подняться изъ пропасти къ яркому звѣздному небу. Послѣ смерти сэра Дональда, онъ попросилъ позволенія жить въ другой половинѣ виллы, отдѣленной террасой отъ помѣщенія лэди Гольмъ. Они знали, что это возбудитъ толки, но душа ихъ была охвачена отчаяніемъ, и голоса міра не долетали до ихъ уединенія. Она позволила ему поселиться рядомъ съ ней, и такъ они прожили въ братской дружбѣ до весны. Но и тогда еще не наступила идиллія. Рупертъ Кэри старался исправиться, но Віолѣ пришлось еще много выстрадать изъ-за него. Сердце ея научилось смиренію. Съ утратой внѣшней красоты, съ сознаніемъ, что исчезла могущественная внѣшняя сила, родилось настойчивое желаніе развить въ себѣ внутреннюю силу, которая побѣждаетъ, быть можетъ, не такъ легко, но зато удерживаетъ свои побѣды навсегда. Душа Віолы крѣпла, выростала, и пришло время, когда не только бѣ-

лый ангелъ, таившійся въ женщинѣ, но и все ея существо сдѣлалось способнымъ на полный подвигъ любви и терпѣнія.

Лордъ Гольмъ началъ процессъ о разводѣ. Никто не опровергалъ его требованій, и разводъ состоялся. Короткое время спустя, Віола Гольмъ стала Віолой Кэри.

Когда Робинъ Пирсъ узналъ объ этомъ въ Римѣ, онъ глубоко задумался. Даже теперь, послѣ всего, что произошло, онъ чувствовалъ боль, похожую на чувство ревности. Ему хотѣлось невозможнаго, хотѣлось, чтобы у него была натура его друга, чтобы вмѣсто словъ онъ былъ способенъ на поступки. Однако, въ прошломъ, онъ нѣсколько разъ защищалъ Віолу отъ нападокъ Кэри. Но онъ защищалъ и не любилъ, а Кэри судилъ и любилъ.

Кэри судилъ и любилъ, но онъ говорилъ, что не вѣритъ въ Бога. Робину хотѣлось узнать, вѣритъ ли онъ теперь.

Робинъ былъ въ Римѣ, и не могъ слышать разговора между Кэри и Віолой вскорѣ послѣ того, какъ они обвѣнчались. Они сидѣли на террасѣ и смотрѣли на озеро.

— Ты помнишь „Тунисскую танцовщицу“ Робина?—спросилъ Рупертъ.

— Женщину съ вѣеромъ?

— Да. Она представляется теперь моему взору безъ вѣера. Съ вѣеромъ она—обольстительная сирена, но безъ него...

— Что же она безъ него?

— Женщина во всемъ обаяніи вѣчно женственнаго. Во сколько это прекраснѣе обаянія сирены!

Вокругъ нихъ царила полная тишина, нарушаемая только шумомъ водопада среди кипарисовъ. Віола заговорила мягкимъ голосомъ:

— Ты показалъ ей, чѣмъ она можетъ быть безъ вѣера. Ты совершилъ великое благодѣяніе.

— А знаешь ли, что ты сдѣлала для меня?

— Я?

— Да. Ты указала мнѣ на звѣзды и на то, что есть душа за звѣздами...

— Нѣтъ, не я.

Опять наступило молчаніе. Затѣмъ Рупертъ сказалъ:

— Да... благодареніе Богу,—не ты.

Съ англ. З. В.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

1843—1860 гг.

Окончаніе.

XV *).

„И мнѣ драгоцѣнны, да еще какъ драгоцѣнны минуты шестидесятыхъ годовъ, со всѣми призматическими надеждами, въ большей части несбывшимися или переиначенными пыльною дѣйствительностью жизни"!..

Изъ письма Н. И. Костомарова, отъ 6-го янв. 1881-го года.

1859—60-й годъ былъ наиболѣе счастливымъ, наиболѣе исполненнымъ содержанія годомъ моей жизни. Все, что посѣяли въ мою душу такіе люди, какъ отецъ мой, m-me Левель, Старовъ, Шевченко, Щербина, Кулибинъ,—начало быстро всходить и созрѣвать; я столько переживала впечатлѣній, что, въ моемъ воспоминаніи, этотъ годъ кажется равнымъ половинѣ всей жизни.

Подъ наплывомъ откровеній, которыя такъ и зарождались передо мной, я, со свойственной мнѣ страстностью, отдалась потоку окружавшей меня, ключомъ бившей жизни. Съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ стала я слѣдить за каждымъ словомъ моего учителя Бауера, вводившаго въ преподаваніе исторіи географію, археологію и искусство! Какой чудный и глубокій

*) См. выше: апрѣль, стр. 763.

смыслъ пріобрѣла исторія, когда любимымъ героемъ ея сдѣлался для меня не витязь или король, а *человѣчество*! Всѣ отрасли науки о природѣ и человѣкѣ начали цѣпляться другъ за друга, образуя нѣчто цѣлое и гармоничное, и широкій, широкій, всеохватывающій горизонтъ развертывался передъ моими очарованными глазами!..

Бываютъ счастливые періоды въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, когда дурныя сѣмена въ ихъ душѣ какъ будто глохнутъ, а добрыя восходятъ и пышно расцвѣтаютъ. Такимъ періодомъ было время такъ называемыхъ „шестидесятыхъ годовъ". Къ моему великому счастью, расцвѣтъ моей юности совпалъ съ расцвѣтомъ всей русской жизни.

Будущій историкъ этого времени долженъ быть большимъ художникомъ, чтобы прочувствовать и передать, въ достаточно яркихъ краскахъ, то незабвенное время, одно воспоминаніе о которомъ заставляетъ радостно биться сердца, время полное юныхъ и свѣтлыхъ иллюзій, время подъёма духа, бодрости, энтузіазма,—передать и ту поражающую быстроту, съ которой совершалось это движеніе. Хотя всѣ благія перемѣны въ понятіяхъ и были предуготованы прежними годами развитія, но онѣ выяснились и вступили въ сознаніе большинства людей вдругъ. Жившіе въ то время помнятъ, какъ, напримѣръ, до 59-го года, лучшія матери не кормили сами своихъ дѣтей, лучшіе люди признавали дѣятельность женщины только въ своемъ домѣ и хозяйствѣ, и какъ внезапно взглядъ на подобныя вещи перемѣнился.

Самое большое счастье для насъ, людей „шестидесятыхъ годовъ", заключалось въ нашей увѣренности: у насъ не было мучительныхъ сомнѣній и колебаній. Теперь критика затемняетъ вѣру, рефлексія отнимаетъ бодрость и жизнерадостность; теперь и старые, и молодые часто спрашиваютъ себя: гдѣ истина? гдѣ благо? въ чемъ спасеніе? Такіе вопросы были чужды намъ. Мы знали—чего хотѣли. Все было намъ ясно: освобожденіе крестьянъ, реформа суда, свобода слова, только дайте намъ это,—тамъ уже сами собою пойдутъ дальнѣйшія логическія послѣдствія, и Россія вступитъ въ новую эру, пойдетъ рука объ руку съ остальнымъ міромъ по пути развитія и счастья человѣчества. И мы видѣли, что наши пламенныя желанія осуществляются, наши мечты переходятъ въ дѣйствительность. Нервы наши были натянуты, духъ приподнятъ, мы чувствовали себя участниками въ общемъ великомъ дѣлѣ, мы ощущали какъ бы опьяненіе творчества... Еслибъ всѣ мечты наши дѣйствительно осуществились, то и тогда можно

бы было смотрѣть съ завистью на „шестидесятые годы“, ибо наиболѣе *счастливые* періоды цивилизаціи—не тѣ, въ которыхъ что-нибудь хорошее достигнуто и практикуется, а тѣ, когда это хорошее созидается. Счастье для человѣка—не въ покоѣ, а въ движеніи, въ дѣяніи.

Какъ нѣчто органически связанное съ стремленіями того времени, какъ очагъ, около котораго сплотилась молодежь, явился Николай Ивановичъ Костомаровъ. Этотъ человѣкъ, пострадавшій за тѣ идеи, которыя теперь торжествовали и въ торжествѣ своемъ возносили его, казался намъ залогомъ, что теперь не будетъ болѣе недоразумѣній, всѣ силы родины пойдутъ вмѣстѣ на общее дѣло. И вотъ, не только этотъ опальный недавно человѣкъ, при общемъ восторгѣ, восходитъ на каѳедру, но за нимъ растворяются двери университета для другого опальнаго до сихъ поръ существа—для женщины!

Я рвалась раздѣлить участь тѣхъ нѣсколькихъ женщинъ—сестеръ Конради, Богдановой и др.,—которыя рѣшились вступить въ университетъ и пошли на первую лекцію Костомарова, но мать не пустила меня и поѣхала сначала одна. Я провела часы ея отсутствія въ большомъ волненіи и бунтовала: „Во что бы то ни стало буду на лекціяхъ! Пойду одна, пойду противъ мамы!“—говорила я себѣ, въ душѣ чувствуя, что рѣшительно ничего „противъ мамы“ не подѣлаю... Къ моей радости, она вернулась очень довольная, и на третьей, кажется, лекціи, я уже присутствовала. Съ какимъ священнымъ трепетомъ я вступала въ университетъ, какъ все въ немъ, чуть ли не самыя стѣны, внушало мнѣ чувство благоговѣнія, какъ скоро стало близкимъ и роднымъ, этого теперь никто не пойметъ, объ этомъ не стоитъ и говорить.

Студенты были очень любезны съ дамами. Въ большой, биткомъ набитой актовой залѣ, гдѣ вскорѣ началъ читать Костомаровъ, такъ какъ аудиторіи не вмѣщали слушателей, намъ всегда сохраняли лучшія мѣста. Съ незнакомыми раньше молодыми людьми мы встрѣчались какъ съ братьями. Говорили, спорили безъ конца, вся зала гудѣла, какъ пчелиный рой, но входилъ профессоръ... Небольшого роста, держась немного сутуловато, привычнымъ жестомъ поправляя очки, разговаривая съ окружающими, онъ поспѣшно пробирался къ каѳедрѣ. Онъ всходилъ на нее, и полная тишина водворялась въ огромной залѣ. Всѣ взоры устремлялись на того, кого молодежь чтила не только какъ профессора, но и какъ человѣка. По лицу Костомарова было видно, что то, что онъ будетъ сейчасъ дѣлать, для него

не шутка, не ремесло, а дѣло его жизни, суть его души, и какая-то искра пробѣгала между нимъ и нами.

Говорилъ Костомаровъ стоя, часто облокачиваясь на каѳедру. Кое-какія замѣтки и справки лежали передъ нимъ, но онъ не прибѣгалъ къ ихъ помощи, даже цитируя тексты. Онъ всегда порицалъ профессоровъ, читавшихъ по писанному: „Какъ я буду требовать отъ студентовъ, чтобы они знали, что я преподаю, если я самъ не знаю!“—говорилъ онъ по этому поводу. Костомаровъ не читалъ, не преподавалъ, а просто, какъ въ гостиной, бесѣдовалъ, доказывая свой взглядъ; онъ изъяснялъ слушателямъ генезисъ этого взгляда, проводилъ его по пути, по которому шелъ самъ, распутывая только передъ ними заплетавшія этотъ путь препятствія. Вамъ казалось, что онъ самъ, вотъ сейчасъ, здѣсь передъ вами, убѣдился въ томъ, что говоритъ, убѣдился безповоротно, не могъ не убѣдиться, какъ не можете не убѣдиться въ томъ же и вы. Онъ не давалъ готовыхъ выводовъ, онъ изслѣдовалъ съ вами,—и выводы сами слагались въ вашемъ умѣ и являлись какъ бы вашими собственными. Логично и полно жизни, талантливо и колоритно было его изложеніе: цѣлыя картины давно минувшаго съ яркостью проходили передъ вашими глазами; онъ говорилъ о людяхъ, жившихъ столѣтія тому назадъ, какъ о своихъ близкихъ знакомыхъ, онъ становился на точку зрѣнія ихъ времени, говорилъ ихъ языкомъ, возстановлялъ связь между ними и вами. Я думаю, что сердечное и любовное изученіе современнаго русскаго народа помогало Костомарову такъ жизненно чувствовать его прошлое. Весь бытъ, всю жизнь народа развертывалъ онъ передъ вами съ ея смѣхомъ и съ ея трагизмомъ, онъ заставлялъ васъ и смѣяться, и грустить, и волноваться... Молодыя души на лекціяхъ Костомарова разгорались восторженной любовью къ людямъ, къ добру, къ истинѣ... Человѣка, съумѣвшаго возбудить эти чувства, выносили на рукахъ, при громѣ рукоплесканій, отъ котораго дрожали стекла! А онъ посреди этихъ овацій оставался простъ, скроменъ, требователенъ къ себѣ,—только чувствовалось, что онъ счастливъ.

Добродушные и шаловливые бѣсы изъ Четій-Миней блестѣли въ устахъ Костомарова народнымъ юморомъ; онъ такимъ серьезнымъ тономъ, какъ о дѣйствительности, разсказывалъ объ ихъ похожденіяхъ, такія придавалъ интонаціи своему голосу, когда говорилъ отъ ихъ лица, что гомерическій хохотъ стоялъ въ аудиторіи. Никогда не забуду, между прочимъ, разсказа, какъ святой отецъ спрашивалъ кающагося и жаждавшаго искупительной жертвы,

князя: „Можешь ли ты провести пятнадцать лѣтъ въ постѣ и молитвѣ въ храмѣ Господнемъ?“ — „Не могу!“ —отвѣчалъ князь. — „Ну, хоть три года?“ — „Не могу!“ — „Ну, хоть три мѣсяца?“ — „Не могу“. — „Ну, хоть три дня?“ — „Не могу!“ Надо было слышать оттѣнки голоса разсказчика, передававшіе угнетенное состояніе князя и удивленіе отца его духовнаго, чтобы понять весь комизмъ и всю характерность подобныхъ вводныхъ эпизодовъ. По этому поводу на Костомарова былъ сдѣланъ доносъ, гдѣ его обвиняли въ томъ, что онъ употребляетъ слово „легенды“, говоря о дѣяніяхъ святыхъ, что онъ богохульствуетъ, выводя святыхъ отцовъ на посмѣяніе...

Я, однако, увидѣла Костомарова въ первый разъ не на каѳедрѣ, но въ обстановкѣ, тоже какъ нельзя болѣе подходящей къ нему, —среди фоліантовъ и рукописей Публичной Библіотеки. Какъ только Костомаровъ пріѣхалъ въ Петербургъ, мы, само собой разумѣется, захотѣли познакомиться съ нимъ; это оказалось не такъ-то легко: Н. И. наотрѣзъ отказался знакомиться съ „графами“. „Ну, да ничего,—сказалъ Шевченко,—пусть себѣ фордыбачитъ, а мы его поймаемъ. Пойдемте-ка въ Публичную Библіотеку, онъ тамъ каждый день занимается, тамъ я васъ съ нимъ и познакомлю,—небось самъ тогда къ вамъ запросится“. Такъ и было сдѣлано. Съ первой минуты, какъ я увидѣла Костомарова и услышала его голосъ, мнѣ показалось, что я съ нимъ уже давно знакома; на отца и мать онъ сдѣлалъ такое же впечатлѣніе; вѣроятно и мы ему сразу понравились, потому что съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ, съ рѣдкими исключеніями, каждый день. Почти всегда послѣ его лекцій (которыя, когда только могъ, посѣщалъ и отецъ мой) мы вмѣстѣ отправлялись къ намъ.

Увлеченная университетомъ и Костомаровымъ, я забросила даже живопись. Мѣшало мнѣ и возбуждало назойливую досаду усилившееся ухаживаніе за мной. Въ моемъ дневникѣ проглядываетъ раздраженіе по этому поводу. Еслибъ мои поклонники, съ ихъ ревностью другъ къ другу, могли себѣ представить, какъ далека я была отъ нихъ всѣхъ, они избавили бы себя отъ безплодной траты времени. Одинъ изъ нихъ еще, пожалуй, имѣлъ право дѣлать себѣ какія-нибудь иллюзіи, такъ какъ я усиленно „развивала“ его. Я требовала, чтобы онъ ходилъ на лекціи Костомарова, а онъ, не понимая характера моего увлеченія, ревновалъ меня къ нему и упирался. „Поймите,—говорила я,—что я хочу, чтобъ вы бывали на лекціяхъ не для того, чтобъ вы изучали русскую исторію, но чтобъ вы раздѣлили со мной и со

всѣми то радостное чувство, которое мы тамъ всѣ испытываемъ, когда видимъ, что наша Россія развивается, стремится къ знанію"...

„— Эка невидаль,—перебивалъ онъ,—что тамъ тридцать-восемь дамъ было! Я бы такъ всѣхъ этихъ госпожъ выгналъ оттуда: сидятъ, учатся, а пользы отъ нихъ нѣтъ...

„— Значитъ, имъ надо еще больше учиться. Если теперь есть такіе люди, какъ Костомаровъ, то черезъ нѣсколько времени ихъ будетъ больше. А вотъ что̀ больно,—что есть еще такіе, какъ вы, которые не хотятъ идти впередъ, не хотятъ расширять свой взглядъ, не хотятъ пополнять недостатокъ своего образованія.

„— Ахъ, вы поэтъ! составили себѣ какой-то идеалъ, и вотъ дай вамъ такихъ людей. И терзайтесь всю жизнь, что люди не ангелы, и плачьте! Поплачьте вотъ, что у Байрона нравственность была плоха!

„— Что же вы за эгоистъ, что не жалѣете, что есть зло на землѣ? Вамъ, можетъ быть, все равно—освободятъ нашихъ крестьянъ или нѣтъ?!

„— Ахъ, ты мой Господи! да развѣ я ихъ крѣпостными сдѣлалъ?

„— Это и не логично, и бездушно, что̀ вы говорите.

„— Чѣмъ имъ моя жалость поможетъ? Что̀, я ихъ освобожу одинъ, что-ли?

„— Если всѣ такъ будутъ говорить,—кто же будетъ дѣлать? Христосъ тоже одинъ былъ.

„— Э, все это не стоитъ одного свѣтлаго дня для работы!

„— Значитъ, цѣль вашей жизни—одна живопись?

„— Конечно цѣль моей жизни живопись.

„— А я такъ полагала, что это одно изъ средствъ, а цѣль жизни гораздо выше...

„— Что̀ же мнѣ дѣлать, если я не такъ понимаю вещи, какъ вы?

„— Уйти вонъ!"

Такими дерзостями съ моей стороны часто кончались наши пререканія. За приведеннымъ разговоромъ [1]), въ моемъ дневникѣ значатся слѣдующія слова: „Ужъ сколько я старалась развивать его—и все напрасно! И подѣло̀мъ мнѣ! Лучше спорить съ умнымъ, чѣмъ учить безумнаго, какъ говоритъ Даніилъ Заточникъ". Да приметъ во вниманіе снисходительный читатель, что мнѣ еще не было шестнадцати лѣтъ, когда писались эти строки. Если

[1]) Всѣ разговоры, приводимые мною, выписаны изъ моего дневника того времени.

я полубезсознательно еще сохраняла нѣкоторое чувство въ глубинѣ души своей, то это было къ К. Я иногда видѣла его во снѣ плачущимъ и, проснувшись, бывала грустна весь день.

Но все казалось мнѣ ничтожнымъ передъ тѣмъ интересомъ, тѣмъ содержаніемъ, которые внесъ въ нашу жизнь Костомаровъ.

Его многостороннее образованіе, его удивительная скромность, правдивость, теплота его отношенія къ людямъ, чуткость и отзывчивость ко всему доброму и прекрасному, живописность его рѣчи, способность переходить отъ серьёзныхъ научныхъ разговоровъ къ дѣтской веселости, все въ немъ возбуждало во мнѣ чувство горячаго восхищенія. И не во мнѣ одной: отецъ мой глубоко цѣнилъ Костомарова, наши друзья не меньше меня восторгались имъ,—„свѣтлая личность", „чистая душа"—называли они его. Шевченко, Щербина, Сѣверцевъ, Благовѣщенскій, котораго Щербина называлъ „Marquis de l'Annonciation" (его внѣшній видъ и мягкія манеры дѣйствительно напоминали маркиза), Кулишъ, который тогда былъ, или казался, большимъ поклонникомъ Костомарова, Сухомлиновъ, Лазаревскіе и многіе другіе чаще прежняго собирались у насъ.

Костомаровъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ прекрасныхъ людей, которые считаютъ свои достоинства, свои благородные поступки чѣмъ-то совсѣмъ простымъ, естественнымъ, вовсе не заслуживающимъ похвалы, и поступаютъ хорошо, потому что иначе поступить не могутъ. Костомаровъ смотрѣлъ на міръ спокойно, и ясно, какъ всѣ, кто созерцаетъ его съ нѣкоторой высоты [1]).

Правда, правдивость, не уступающая ни передъ чѣмъ, была и свойствомъ его натуры, и настоящимъ культомъ, доведеннымъ Николаемъ Ивановичемъ въ частной жизни до крайности. Къ сожалѣнію, я не могу придать гласности извѣстныхъ мнѣ необыкновенно благородныхъ и характерныхъ для него случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно повредилъ себѣ изъ опасенія, чтобы какъ-нибудь не покривить душой. У него была, если можно такъ выразиться, излишняя щепетильность правдивости. Николай Ивановичъ говорилъ иногда въ глаза не совсѣмъ пріятныя истины и удивлялся, какъ могутъ обижаться за правду или огорчаться ею; самъ онъ былъ въ этомъ послѣдователенъ—никогда не обижался на откровенное порицаніе и, если оно было справедливо, сейчасъ же соглашался. Онъ говорилъ, что правда всегда хороша, всегда полезна. Очень неохотно соглашаясь, что

---

[1]) Все, что я говорю о Костомаровѣ, было моимъ мнѣніемъ того времени, но 35-ть лѣтъ близкаго знакомства съ Н. И. не измѣнили, а утвердили эту оцѣнку его.

бываютъ случаи, когда слѣдуетъ не высказывать истину, а промолчать, онъ отвергалъ, чтобы ложь могла быть „во спасенье“: „съ этимъ правиломъ, говорилъ онъ, можно Богъ знаетъ куда зайти“.

Въ одномъ разговорѣ со мной онъ сказалъ: „Нельзя, принадлежа къ какой-нибудь религіи, брать изъ нея одно, оставляя другое. Надо брать все или ничего. Если вы сами создали себѣ свою вѣру, то называйте ее какъ-нибудь иначе, а не христіанской. Вы не должны ходить въ православную церковь, не должны идти въ общество, къ которому вы не принадлежите, съ которымъ у васъ нѣтъ общаго интереса“.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до другихъ,—отвѣчала я,—я иду въ церковь, чтобы молиться Богу, въ Котораго я вѣрую.

„— А въ какого бога вы вѣруете?

— Какъ въ какого? Въ Того же, въ Котораго и вы вѣруете, и всѣ въ церкви.

„— Нѣтъ, вы въ другого вѣруете. Пошли ли бы вы молиться въ магометанскую мечеть“?

— Отчего же не пойти? Богъ одинъ.

„— Ну, нѣтъ. У нихъ свой богъ, не тотъ, что у насъ“.

— И лютеранину, можетъ быть, по вашему, нельзя ходить въ православную церковь?

„— Да зачѣмъ ему? Для любопытства только! Вотъ, раскольники и логичнѣе, и благороднѣе поступаютъ. Они хотя и немного православнѣе васъ, — вставилъ онъ, улыбаясь, — но никогда ни одинъ не пойдетъ въ нашу церковь. Я вѣдь не осуждаю ваши взгляды, мнѣ только противна всякая неискренность. Зачѣмъ дѣлать что-нибудь для проформы, зачѣмъ ходить въ церковь, когда вы не вѣрите тому, чему учитъ эта церковь! Молитесь у себя въ комнатѣ“.

Къ нападкамъ печати Н. И. относился въ высшей степени добродушно. Мы иногда ужасно волновались по поводу нѣкоторыхъ возмутительныхъ инсинуацій и упрекали его, что онъ принимаетъ ихъ слишкомъ равнодушно. „Какъ вы несправедливы!— отвѣчалъ онъ.—Какъ же это такъ? Вы всегда стоите за свободу, а тутъ вдругъ хотите лишить человѣка права высказывать свое мнѣніе? Какъ это можетъ сердить, когда человѣкъ высказываетъ свое убѣжденіе“?

Противъ такъ часто раздававшихся обвиненій Костомарова въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героевъ, онъ говорилъ, улыбаясь: „Чѣмъ же я виноватъ, если я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что̀ есть въ источникахъ, то̀

я знаю, а чего нѣтъ, того не знаю; я такъ и говорю: этого я не знаю, этого нѣтъ въ источникахъ,—что же я тутъ могу подѣлать"?!

Костомаровъ никогда не искалъ популярности и обо всѣхъ чествованіяхъ и оваціяхъ, доставшихся ему на долю, говорилъ всегда только шутя. Когда мы дразнили его тѣми дамами, которыя дѣйствительно сильно ухаживали за нимъ, онъ говорилъ, смѣясь: „Для прекраснаго пола я готовъ на все!.."—„Однако, еслибы вамъ „прекрасный полъ" приказалъ читать лекцію три часа подъ-рядъ, вы бы навѣрное отвѣтили, какъ вашъ князь: не могу".—„Я? Да я читалъ бы три часа, стоя на одной ножкѣ, еслибъ мнѣ „прекрасный полъ" приказалъ"!

Бывало, идешь съ Н. И. по улицѣ или въ фойэ театра,—только и слышишь: „Это Костомаровъ!"—„Смотрите, вотъ идетъ Костомаровъ!"—но онъ, всегда занятый какою-нибудь мыслью или разговоромъ, и не замѣчалъ этого.

Я никогда не встрѣчала кого-нибудь, кто бы такъ спорилъ, какъ Костомаровъ. Въ спорѣ онъ сказывался весь: видно было, что въ немъ дѣйствуетъ не выработанная или индифферентная сдержанность, а глубоко развитое уваженіе къ человѣческой личности, внутреннее убѣжденіе въ правѣ каждаго, кто бы онъ ни былъ, имѣть свое собственное мнѣніе и высказывать его. Н. И. выслушивалъ каждаго, даже того, кто стоялъ неизмѣримо ниже его по уму и знанію, выслушивалъ до конца, стараясь въ словахъ противника отыскивать не слабыя стороны, къ которымъ можно бы придраться, но какой-нибудь проблескъ истины; когда онъ возражалъ, онъ не пропускалъ ни одного изъ самыхъ ничтожныхъ доводовъ противника безъ отвѣта; ему не переспорить кого-нибудь хотѣлось, а именно чего-нибудь добиться, и ничто не казалось ему пустякомъ, что̀ могло повести къ разъясненію истины.

Ни одинъ разговоръ съ Костомаровымъ не проходилъ безслѣдно, всегда можно было чему-нибудь научиться, всегда оставалось—о чемъ подумать и призадуматься. Разсказы Н. И. дышали необыкновенной прелестью: отличаясь художественною яркостью, они были какъ-то непосредственно просты. У Костомарова было много юмора, но другого оттѣнка, чѣмъ у Щербины. „Тотъ *колюшка* [1]),—говорилъ про послѣдняго Сѣверцевъ,—а въ юморѣ Костомарова больше народнаго духа, да и направленъ онъ не на отдѣльныхъ личностей, а больше на среду

---

[1]) *Колюшка*—маленькая рыбка съ очень колючими плавниками на спинѣ.

или эпоху". Если Н. И. острилъ надъ кѣмъ-нибудь, то надъ самимъ собой, и острилъ очень мило. Передать эти споры и разсказы у меня не хватаетъ таланта. Вообще, мнѣ кажется, разговора нельзя передать письменно во всемъ его значеніи. Въ разговорѣ всегда бываютъ неоконченныя фразы, понимать которыя помогаютъ звуки, оттѣнки голоса, мимика, жесты; бываютъ быстрые переходы, чуть намѣченныя, какъ бы бросаемыя и на лету подхваченныя мысли... Всѣ эти повторенія, отрывочные возгласы, маленькія словечки, кидаемыя тамъ и сямъ, придающія столько жизни рѣчи, пропадаютъ совершенно, когда являются чернымъ на бѣломъ. Можетъ быть, литературныя формы и приблизятся когда-нибудь къ свободѣ разговорной рѣчи, но живое слово останется выше всего, и счастливъ тотъ, кто слышалъ въ жизни столько хорошей живой рѣчи, какъ я.

XVI.

> Не надо „дѣлать добро", надо *быть* добрымъ.
>
> *Торо.*

Несмотря на только-что высказанное мною, я хочу привести здѣсь хоть два-три разсказа Костомарова о себѣ, какъ я записала ихъ содержаніе въ то время, потому что, помимо художественности, которую я не могу передать, они характеризуютъ Н. И. въ его дѣтствѣ и молодости.

„Лѣтъ мнѣ было десять—одиннадцать,—говорилъ онъ,—я былъ въ пансіонѣ въ Москвѣ. Начитался я Вальтеръ-Скотта, да и задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устроивать турниры. Сооружу бумажный панцырь и шлемъ, и выхожу на поединокъ. Тутъ у меня и герольды трубятъ, и перчатку бросаютъ... Былъ у меня товарищъ одинъ, казакъ... Ахъ, еслибы мнѣ пришлось его теперь увидѣть! Мы бы вспомнили, какъ мы съ нимъ на поединокъ выходили и какъ онъ меня тузилъ. Дюжій, широкоплечій, сильный былъ малый. Только я, бывало, приготовлюсь по всѣмъ рыцарскимъ правиламъ занести копье, онъ выхватитъ его, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота!.. Кто меня только не билъ!.. И всегда я самъ задиралъ: вспылю, подскочу... и всегда-то меня побьютъ! Но я никогда не жаловался, за то меня все-таки товарищи любили".

Въ воронежской гимназіи Костомаровъ одному преподавателю на площадное ругательство отвѣтилъ: „Ты самъ . . . . ." Другой

учитель-малороссъ, у котораго жилъ Н. И., вернувшись изъ гимназіи, гдѣ узналъ о случившемся, началъ на него кричать: „Что это ты надѣлалъ? А? Вотъ я тебя! Давайте розги!“

„Я выпрыгнулъ изъ окна,—продолжалъ свой разсказъ Костомаровъ,—и убѣжалъ. „Ловите его!“—кричитъ. Я сталъ посреди двора и говорю: „Вы меня не поймаете. Только, если вы хотите сѣчь, такъ я въ рѣчку брошусь, а сѣчь себя не дамъ“. „Ну,—говоритъ учитель,—Николай Ивановичъ, вернитесь, придите, я не буду, не буду.“—„Нѣтъ, говорю, дайте честное слово, а иначе не приду.“—„Даю, даю. Честное слово!“ И сдержалъ его. „Ну, говоритъ, а теперь разсказывай“. Я ему все разсказалъ, какъ было, и онъ потомъ крѣпко за меня стоялъ. Научилъ онъ меня также снести директору голову сахара. Я съ торжествомъ понесъ и, въ простотѣ сердца, втесался со своей головой сахара, да прямо въ гостиную директора, да еще при гостяхъ! Какъ онъ началъ меня пушить: „Мнѣ взятку! Какъ ты смѣлъ, негодный мальчишка?.. Вонъ, сію минуту!..“ Не знаю, какъ я и на улицу выскочилъ! Думаю: пропалъ я совсѣмъ. А за мной горничная бѣжитъ: „Вы, говоритъ, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца носятъ“.

Слушатели смѣялись. „Чѣмъ же, однако, кончилось?“—спросилъ кто-то. „Когда я пришелъ послѣ этого въ классы, директоръ сказалъ: „Тебя бы слѣдовало исключить, ну, да ты хорошо учишься, оставайся“.

„Было это въ Харьковѣ,—разсказывалъ другой разъ Н. И.,—влюбился я въ одну дѣвушку, она же предпочла мнѣ другого. Я позабылъ и думать о ней, какъ вдругъ узнаю, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастьи и нуждѣ. Былъ у меня товарищъ П., добрый малый и большой гуляка. Разсказываю ему. „Что-жъ ты, говоритъ, намѣренъ дѣлать?“—„Право, не знаю. Подлость ужасная. Надо бы заставить жениться, но какъ?“—„Неужели ты оставишь такую вещь безнаказанной?—кричитъ П.—Такъ-то ты стоишь за правду?“ Обругалъ меня и говоритъ: „Я возьмусь за это дѣло! Ты, говоритъ, будь спокоенъ: если онъ тебя убьетъ, то и ему съ мѣста не сойти“. Отправился онъ вызывать отъ моего имени того господина и самымъ спокойнымъ образомъ докладываетъ ему: „Если вы застрѣлите Костомарова, то я все равно васъ убью; если же откажетесь отъ дуэли, то мы васъ до смерти заколотимъ, вамъ смерти не миновать, лучше ужъ вы женитесь“. Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ П. совсѣмъ не зналъ этой дѣвушки, а для меня она уже давно была донной Эльвирой...

Дуэль, однако, не состоялась, мой противникъ предпочелъ донести губернатору, и я долженъ былъ выѣхать, вслѣдствіе этой исторіи, изъ Харькова".

Николай Ивановичъ много разсказывалъ намъ изъ своей жизни въ Саратовѣ, о своемъ заключеніи въ крѣпости, очень подробно о своемъ арестѣ.

„Надо сказать къ чести Бибикова,—говорилъ Н. И.,—онъ прогналъ того господина, который донесъ на насъ. Когда пришелъ приказъ о нашемъ арестѣ, генералъ-губернатора не было въ Кіевѣ. Вице-губернаторъ былъ со мной очень хорошъ и прислалъ сказать мнѣ, чтобы я немедленно къ нему явился. Это было въ среду на Святой. Тутъ меня точно хотѣла спасти судьба, да не спасла... Я не написалъ одной вещи, о которой меня просилъ вице-губернаторъ, мнѣ поэтому было совѣстно идти къ нему, я рѣшилъ сначала сдѣлать эту работу и весь четвергъ просидѣлъ за ней. Видя, что я не являюсь, онъ въ пятницу утромъ снова послалъ за мной одного моего пріятеля. Не заставъ меня дома, этотъ господинъ пріѣхалъ къ моей хорошей знакомой, начальницѣ пансіона, гдѣ я давалъ прежде уроки, разсказалъ ей, въ чемъ дѣло, и поручилъ извѣстить меня. Она сейчасъ же послала звать меня къ себѣ. Въ обыкновенное время это бы меня поразило, и я бы поѣхалъ немедленно, но надо же, чтобы у меня какъ разъ было дѣло съ одной классной дамой по поводу одного мальчика, котораго я хотѣлъ выкупить, я и вообразилъ, что меня зовутъ по этому дѣлу, и думаю себѣ: лучше я завтра пойду. Черезъ нѣсколько времени приходитъ опять лакей съ тѣмъ, что меня просятъ придти сію минуту по важному дѣлу. Я пошелъ, но, по дорогѣ, зашелъ къ пріятелю и засидѣлся. Прихожу къ г-жѣ *** въ десять часовъ вечера; она меня долго ждала, но должна была уѣхать. Она, однако, поручила дѣвицамъ задержать меня до ея пріѣзда, какъ бы поздно она ни вернулась. Дѣвицы передали мнѣ это, всячески занимали меня, пѣли, играли, но, наконецъ, послѣ одиннадцати часовъ, я распрощался, сказавъ, что зайду завтра. Пришелъ я домой, раздѣлся, легъ. Вдругъ стучатъ. Я отворяю, входитъ NN и говоритъ: „Я пришелъ васъ спасти: черезъ десять минутъ васъ арестуютъ, нѣтъ ли у васъ чего-нибудь запрещеннаго? Бумагъ? Стиховъ Шевченка?"—„Нѣтъ, говорю, ничего нѣтъ". И вдругъ вспомнилъ, что у меня была одна рукопись, которую я еще прежде видѣлъ, что надо ее истребить, и уже разорвалъ пополамъ, да потомъ забылъ въ карманѣ. Я досталъ ее и хотѣлъ сжечь. „Постойте, что это такое?"—сказалъ NN.—„Это то, что я вамъ

читалъ. Да куда же вы это берете? Дайте, я сожгу". Онъ положилъ рукопись себѣ въ карманъ и сказалъ: „Вотъ вамъ рука моя, что никто ничего не узнаетъ, вы только меня не выдайте". Онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились жандармы. Зная, что у меня ничего не нашли, я былъ совершенно спокоенъ, и въ кабинетѣ вице-губернатора, куда меня привели, я закурилъ себѣ сигару. Сейчасъ же, въ томъ же кабинетѣ, стали меня допрашивать. „Вы давали Гулаку такую-то рукопись, писанную вами на цвѣтной бумагѣ?" — „Никогда не писалъ и не давалъ". — „Гулакъ донесъ на васъ". —Я зналъ, что Гулакъ неспособенъ это сдѣлать, и что они могли только догадываться объ этой рукописи, и потому рѣшился упорствовать. „Если не писали, то видѣли эту рукопись?" — „И не писалъ, и никогда не видалъ". „Дайте честное слово". Что было дѣлать! Говорю: „Честное слово". — „А еслибъ принести Евангеліе и позвать священника, вы бы поклялись?" — „Зовите попа!" —восклицаю я. Передо мной кладутъ рукопись, писанную моей рукой и только-что взятую у меня NN!!

„Въ тюремномъ замкѣ не было мѣста,—меня отправили на ночь въ какой-то острогъ или часть. Вотъ мерзость тамъ была: ни кровати, ни стула, грязь такая, что ступить нельзя, насѣкомыхъ пропасть! Тутъ у меня были ужасныя минуты, въ особенности когда вошелъ ко мнѣ жандармскій офицеръ и началъ говорить: „Ну, что, какъ вамъ здѣсь нравится? Я слышалъ, что завтра былъ назначенъ день вашей свадьбы. Конечно, здѣсь не такъ весело проводить ночь, какъ съ молодой женой! Хе... Хе!.."

— Неужели вы не ударили его?—сказалъ отецъ мой.—Я бы не вытерпѣлъ.

— Нѣтъ, не ударилъ. Къ чему?!

Мы всѣ были потрясены этимъ разсказомъ. Я какъ бы перечувствовала ужасную горечь разочарованія въ человѣкѣ, насчетъ котораго онъ былъ спокоенъ, котораго считалъ другомъ, но тяжелѣе всего была мнѣ мысль о страданіи, испытанномъ Николаемъ Ивановичемъ, когда, въ борьбѣ за свою жизнь и счастье, онъ, такой правдивый, рѣшился солгать—и это оказалось напраснымъ!.. Не вспоминая ли эти страшныя минуты, Н. И. такъ горячо нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „*Что бы изъ этого ни вышло, какія бы послѣдствія это ни имѣло для него, человѣкъ всегда долженъ говорить правду*"..

Позднѣе вечеромъ разговоръ вернулся къ той же темѣ.

„У Дуппельта была привычка подтрунивать и говорить мяг-

кимъ голосомъ, называя всѣхъ „мой добрый другъ". На всѣ мои оправданія, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, мой добрый другъ, вы меня, стараго воробья, не поймаете. Это все поэзія, мой добрый другъ, а вы у меня въ крѣпости все-таки посидите".

„Черезъ годъ меня выпустили изъ крѣпости и привезли въ третье-отдѣленіе. Я тутъ еще какую штуку удралъ: меня привели и оставили въ комнатѣ одного. Я вижу — окна отворены, солнце свѣтитъ, двери открыты, жандармовъ нѣтъ... Я взялъ шапку и вышелъ на улицу; мало того, что вышелъ, — такъ обрадовался, что вырвался на волю, что отправился себѣ гулять на Невскій и купилъ какую-то зрительную трубу, не знаю ужъ, зачѣмъ. Прихожу назадъ, жандармскій офицеръ—въ ужасѣ: „Что̀ вы сдѣлали! Намъ теперь достанется!"—„Вы мнѣ не сказали, что нельзя выходить, почемъ же я зналъ".—„Конечно, это мы сами виноваты". И тотчасъ же солдатъ поставили. Меня продержали въ этой комнатѣ четырнадцать дней, но все-таки окно было отворено и все-таки не подъ желѣзными замками. Наконецъ, мнѣ сказали, чтобы я написалъ, въ какомъ городѣ я желаю жить, это предоставлено моему выбору. Я написалъ, что желаю въ Крымъ, чтобы лечиться морскими ваннами. Отвѣтъ пришелъ, что въ Крымъ нельзя, тамъ поэзіи слишкомъ много. Такъ и стояло въ бумагѣ, что „*поэзіи слишкомъ много*". Были предоставлены на выборъ только нѣсколько городовъ, изъ которыхъ я выбралъ Саратовъ. Сейчасъ же меня и отправили"... „Дорогой вотъ какой былъ случай,—продолжалъ Н. И.:—мы съ жандармскимъ офицеромъ были немного навеселѣ; онъ легъ отдохнуть, а я воспользовался этимъ и, выйдя на улицу, началъ разсказывать какому-то торговцу о бывшемъ величіи Новгорода, и совсѣмъ увлекся, какъ вдругъ кто-то меня за руку! Смотрю: жандармскій офицеръ. „Это вы, говоритъ, что̀ дѣлаете? Да я васъ сейчасъ обратно въ третье-отдѣленіе свезу!" Однако, эту угрозу не исполнилъ, а когда пріѣхали въ Саратовъ, онъ, объявивъ мнѣ, что я свободенъ, прибавилъ: „Теперь можете при мнѣ говорить, что̀ вамъ угодно".

О своей бывшей невѣстѣ Н. И. упомянулъ только одинъ разъ. Это было весной; мы возвращались въ коляскѣ съ Островъ; пахнувшая тепломъ сѣверная весна, только-что слышанныя пѣсни соловьевъ, таинственный полусвѣтъ петербургской ночи, все это привело насъ въ мягкое, меланхолическое настроеніе, и я рѣшилась сдѣлать вопросъ, давно бывшій у меня на умѣ.

— Вы видѣли потомъ когда-нибудь вашу невѣсту?

„— Никогда. Я слышалъ, что она вышла замужъ, но не знаю, за кого, и не знаю, жива ли она.

— Какъ она могла выйти за другого!—воскликнула я съ негодованіемъ.

„— Она не виновата. Обстоятельства заставили. Она терпѣла, сколько только могла. Эта была ангелъ, а не дѣвушка...

— Она была хорошенькая? Талантливая?

„— Хорошенькая. Восхитительные глаза. Необыкновенно талантливая, умная дѣвушка... Чудная была дѣвушка...

— Она, я увѣрена, все время любила васъ, а вы?

„— И я все время любилъ ее".

Мы молчали до самаго дома. Я видѣла на лицѣ Н. И. частое подергиваніе верхней губы (этотъ тикъ сдѣлался у него въ крѣпости и являлся при всякомъ душевномъ волненіи), и я никогда болѣе не заговаривала объ этомъ предметѣ. Мнѣ особенно нравилось, если Н. И. приходилъ къ намъ, когда мы были одни. Вмѣсто того, чтобы во всѣ уши слушать научные разговоры, я тогда сама вступала въ бесѣду съ нимъ и спрашивала обо многихъ, интересовавшихъ меня, вопросахъ жизни. Часто вспоминаю я, выхваченныя изъ разныхъ разговоровъ, слова его, сдѣлавшія на меня сильное впечатлѣніе.

По поводу смерти Я. И. Ростовцева, мама̀ моя осуждала его за декабристовъ и не считала достаточнымъ искупленіемъ его дѣятельность по крестьянскому вопросу, но прибавила: „Впрочемъ, de mortuis aut nihil, aut bene". Н. И. возразилъ: „По моему, только послѣ смерти и наступаетъ время суда; *при жизни* не слѣдуетъ дурно говорить о человѣкѣ, потому что онъ можетъ еще исправиться". Послѣ только-что вышедшаго „Наканунѣ", Н. И. воскликнулъ: „Я бы никогда не поступилъ, какъ Инсаровъ. Какъ рѣшиться подвергать опасностямъ дѣвушку! Я бы уѣхалъ, пропалъ такъ, чтобъ она не узнала, гдѣ я, и пускай бы она обвиняла меня".

„— Никогда не испытывалъ я бо̀льшаго наслажденія,—сказалъ разъ Н. И.,—какъ когда я объяснялъ мужикамъ солнечную систему".

— Почему всѣ великіе люди несчастны? — спросила я какъ-то.

„— Оттого, вѣроятно,—отвѣчалъ онъ,—что ихъ требованія высоки, они стремятся къ лучшему, имъ труднѣе переносить мелочи жизни... Они не удовлетворяются земной жизнью"... Много разъ говорилъ Костомаровъ, что „истинный ученый непремѣнно долженъ быть и поэтомъ. Ученый *не*-поэтъ можетъ принести

пользу, какъ собиратель матеріала,—только поэтъ можетъ быть творцомъ и въ наукѣ".

По временамъ Н. И. разсказывалъ мнѣ съ сестрой о жизни древнихъ народовъ, и, подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, памятники искусства, народная поэзія, сказки пріобрѣтали въ моихъ глазахъ иное значеніе, чѣмъ прежде; я поняла, что исторія, это—сказаніе о душѣ народа, и что изъ знанія прошедшаго можно создавать будущее или, по крайней мѣрѣ, воздѣйствовать на него.

Костомаровъ такъ умѣлъ поставить себя наравнѣ съ людьми менѣе его развитыми, что я скоро привыкла обращаться съ нимъ совсѣмъ запросто: упрекала его за недостатки, которые находила въ немъ, спорила съ нимъ. Онъ или серьезно оправдывался, разъясняя мнѣ, чего я не понимала, или, съ любовной улыбкой, объявлялъ себя побѣжденнымъ внезапными нелогичностями или шутками, которыми я выворачивалась, когда не находила больше доводовъ. Я дошла до того, что при Н. И. стала давать волю находившему на меня настроенію недовольства собой: „Я сама не знаю, чего хочу,—жаловалась я:—и наукой хотѣла бы заниматься, и искусствомъ, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлаю. Иногда мнѣ кажется, что искусство не удовлетворитъ меня, а иногда—что я рождена быть художникомъ... Когда я вижу дивную картину природы, мнѣ хотѣлось бы пересоздать ее, чтобъ она осталась вѣчною; такъ бы хотѣлось уловить, остановить жизнь, втиснуть ее въ раму съ тѣмъ же движеніемъ, но чтобъ оно не прошло... Хочется эту красоту взять, втянуть, вдохнуть, впитать въ себя... Я не знаю, не умѣю сказать... Никогда, никогда искусству не сдѣлать этого, а между тѣмъ отчего же такъ хочется попробовать?.. И вдругъ у меня являются другія фантазіи, напримѣръ воскресныя школы, это тоже такъ хорошо!.. И всякія еще разныя фантазіи... И все это меня такъ ужасно мучаетъ!"

„— Это—избытокъ жизни,—отвѣчалъ Н. И.—Когда этого больше не будетъ, какъ вы будете жалѣть объ этомъ тревожномъ времени, какъ прекрасно оно вамъ покажется! И я это въ молодости перечувствовалъ, также хотѣлъ упиться природой, любилъ ее *до страданія.* Потомъ, когда это время пережито, пріятно и грустно бываетъ вспоминать о немъ"...

Я сознавала, что мученія и радости мои—еще дѣтскія, незрѣлыя, и меня трогало, что Н. И. не свысока смотрѣлъ на нихъ, а принималъ въ нихъ живое участіе; мысль, что онъ въ моло-

дости пережилъ то, что̀ и я чувствовала, приближала меня къ нему.

Иногда Н. И. присоединялся къ нашимъ играмъ и болтовнѣ. Разъ, вечеромъ, мы засадили его и Сѣверцева играть въ карты, въ „короли“, ловили Костомарова въ разсѣянности, выдумывали ему самыя неудобоисполнимыя наказанія, острили напропалу̀ю, а онъ смѣялся своимъ заразительнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ. Одинъ вечеръ мы просидѣли съ нимъ и моей сестрой втроемъ, сочиняя балетъ „Искушеніе св. Исаакія“, гдѣ на сценѣ должны были являться бѣсы, „въ видѣ женъ, зѣло испещренныхъ“, придумывали декораціи, костюмы, выбирали изъ разныхъ оперъ подходящую музыку.

Съ разработываемою въ данное время въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. такъ сживался, что дѣйствующія лица этой эпохи дѣлались для него какъ бы живыми существами, и онъ часто, шутя, воображалъ ихъ въ современной жизни; разсказывая о какомъ-нибудь удѣльномъ князѣ, онъ вдругъ, перебивая себя, спрашивалъ: „А какъ вы думаете, какъ бы онъ поступилъ, еслибъ его сдѣлали директоромъ банка или инспекторомъ Смольнаго монастыря?“—Это опять давало поводъ къ остротамъ и смѣху.

Въ эту зиму была очередь бѣсовъ; эти шаловливыя созданья сдѣлались у насъ очень популярными. Я высказывала симпатію къ нѣкоему бѣсу Зефеусу, котораго спеціальность была „творить пакости мнихамъ“, а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ. Сѣверцевъ говорилъ, что я сама и есть этотъ бѣсъ; я отклоняла такую честь, но признавала Зефеуса моимъ другомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сотворилъ Н. И. „пакость“ тѣмъ, что, возбудивъ театральную дирекцію отмѣнить представленіе „Донъ-Жуана“ Моцарта, на которое у Костомарова былъ билетъ, доставилъ мнѣ удовольствіе провести неожиданно этотъ вечеръ съ Н. И. Я, дѣйствительно, проявила нѣкоторое сходство съ бѣсомъ, когда, въ концѣ вечера, вдругъ сказала:—А что̀, если все-таки давали сегодня „Донъ-Жуана“?

— Ну, это была бы архипакость!—съ жаромъ воскликнулъ Н. И.—Какъ! у меня билетъ въ карманѣ, а я „Don-Giovanni“ пропустилъ!.. Знаете что̀? Если мнѣ завтра скажутъ, что сегодня шелъ „Донъ-Жуанъ“, я захвораю! Ей-Богу, захвораю!—Онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ, что можно было подумать, что это серьезно.

Мы очень часто бывали въ театрахъ и концертахъ съ Н. И. Въ „Жизнь за царя“ мы должны были ѣздить при особой об-

становкѣ: мы должны были брать литерную ложу, въ антрактахъ пить венгерское и танцовать мазурку. Всѣ впечатлѣнія спектаклей и мелкихъ событій ежедневной жизни передавались на древнерусскомъ языкѣ, и вездѣ играли роль бѣсы. Напримѣръ: „Во едину изъ средъ,—разсказывалъ, входя, Костомаровъ,—пріиде ко мнѣ бѣсъ лукавый, во образѣ знаемаго моего N., и глагола: „Хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги". Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, поидохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесяти седьмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упадоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рекохъ ему: „почто, брате, обманулъ мя еси?" И отречесе, и рече: „не вѣмъ, что̀ глаголеши". И азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже пріидохъ искусити мя. И абіе пріиде бѣсъ, во образѣ знаемаго моего, и рече ми: „веліе ли, брате, стяжаніе имаши?" Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: „вѣмъ, кто еси". И отвѣща, глаголя: „во истину есмь бѣсъ Зефеусъ, ненавидяй добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоея ради, пріидохъ пакости ти творити".

Николай Ивановичъ давно обѣщалъ намъ показать, какъ дѣлаютъ настоящіе вареники. Вотъ, однажды, прямо изъ университета, онъ отправился въ кухню, подпоясался передникомъ, сталъ на табуретку, прочелъ намъ комическую лекцію о происхожденіи и значеніи вареникоВъ и приступилъ къ дѣлу,—но о дальнѣйшемъ приходится привести его собственныя слова, въ которыхъ онъ позже, за столомъ, передалъ это событіе: „Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И, взявъ муки гречневыя, сотвори брашно и, вложивъ въ оное творогу и посыпавъ солью, ввергну въ окропъ. И возсѣдоша домочадцы и присные его за трапезу, и подану сущу яству сему, и—никто же не може ясти!.. И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсъ лукавый, ненавидяй добра и рода человѣческаго, соврати его. *И отъиде посрамленъ!*"—Удивительный, иронически-добродушный оттѣнокъ голоса придавалъ онъ всѣмъ этимъ анекдотамъ.

Въ этотъ счастливый годъ общественная жизнь широко развернулась: конца не было лекціямъ, публичнымъ чтеніямъ, литературно-музыкальнымъ вечерамъ; мы съ Н. И. ихъ усердно посѣщали. Изъ литераторовъ лучше всѣхъ читали Тургеневъ, Писемскій и А. Потѣхинъ. Общее мнѣніе было, что Некрасовъ плохо читаетъ, на меня же онъ произвелъ сильное впечатлѣніе;

у него былъ очень сиплый, слабый органъ, но онъ читалъ съ глубокимъ чувствомъ, съ тоской въ голосѣ.

Между прочимъ, и нашъ другъ Сѣверцевъ прочелъ въ университетѣ двѣ лекціи о теоріи Ламарка; онъ тогда былъ противъ этой теоріи, впослѣдствіи же сдѣлался дарвинистомъ и ѣздилъ въ Англію нарочно, чтобы повидаться съ Дарвиномъ. Лекціи были интересны, полны эрудиціи, но слишкомъ растянуты, такъ что крайне утомили слушателей; Сѣверцевъ лучше говорилъ въ обыкновенное время, безъ приготовленія. Въ пользу общества литературы давались очень интересные спектакли съ участіемъ нашихъ литераторовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала я увидѣть Писемскаго въ роли городничаго, но разочаровалась; впрочемъ, послѣ Щепкина могъ ли кто нравиться въ этой роли! [1]) Превосходно сыграна была роль Осипа студентомъ Ловягинымъ; г-жа Кони была неподражаема городничихой. Тургеневъ, Гончаровъ, Майковъ, Курочкинъ вышли на сцену въ видѣ купцовъ съ головами сахара и кульками,—Тургеневъ былъ особенно типиченъ,—и вся публика, повстававъ съ мѣстъ, загремѣла рукоплесканіями и долго не могла успокоиться. Въ этихъ спектакляхъ я видѣла Вѣру Самойлову, по мужу Мичурину, въ „Провинціалкѣ“ и сценѣ Татьяны съ Онѣгинымъ. Это была великая артистка, тонкій художникъ: глубокое пониманіе драматическихъ моментовъ, безъ малѣйшей утрировки, показывало рѣдкій художественный тактъ; ея грація, изящныя манеры, необыкновенное благородство игры просто плѣняли. Я негодовала, что она, по желанію мужа, покинула сцену.

Наслаждались мы гастролями Шумскаго. Щепкинъ пріѣзжалъ и безпрерывно бывалъ у насъ. Щепкинъ одинаково хорошо и игралъ, и читалъ. Разсказъ охотника и монологъ „Скупого Рыцаря“ были выше всего, что мнѣ удалось слышать въ жизни. Этотъ маленькій, толстенькій человѣкъ, безъ всякаго грима, преображался, уносилъ васъ въ глубь среднихъ вѣковъ, заставлялъ негодовать и сострадать. Я видѣла не такъ давно Росси въ этой роли, и онъ казался мальчишкой передъ Щепкинымъ.

Костомаровъ у насъ часто читалъ—очень хорошо и своеобразно—драматическія и бытовыя вещи: такъ же, какъ въ своихъ разсказахъ, онъ каждому лицу придавалъ свой особенный, характеризующій его оттѣнокъ; въ общемъ казалось, что онъ не читаетъ, а разсказываетъ. Восхитительно читалъ онъ сцену въ корчмѣ изъ „Бориса Годунова“.

---

[1]) Въ роли Подколесина Писемскій былъ превосходенъ.

XVII.

> Il est donné à beaucoup d'hommes d'enrichir la science de faits nouveaux, à quelques-uns d'y créer des théories nouvelles, à un bien petit nombre d'y introduire un esprit nouveau.
>
> *Isidore Geoffroy Saint-Hilaire.*

Между нашими знакомыми былъ одинъ молодой литераторъ Тихменевъ; оказалось, Костомаровъ зналъ его въ Саратовѣ и часто магнитизировалъ его. Н. И. очень увлекался магнитизмомъ и говорилъ, что онъ будетъ со временемъ разработанъ, принесетъ много пользы наукѣ и, можетъ быть, откроетъ намъ многія тайны. Костомарову захотѣлось возобновить сеансы; они устроились у насъ и продолжались почти всю зиму.

Когда „магнитизмъ" былъ переименованъ въ „гипнотизмъ" и признанъ наукой, вся таинственность его пропала и проявленія его стали казаться дѣломъ простымъ, но въ то время и въ мои годы сеансы эти сильно возбуждали мое воображеніе.

Усыплялъ Костомаровъ большею частью магнитическими пассами, иногда освѣщеннымъ зеркаломъ; одинъ разъ Тихменевъ впалъ въ гипнотическій сонъ самъ собой; чтобы разбудить, Костомаровъ тоже дѣлалъ нѣкоторые пассы и дулъ въ лицо, но былъ случай, когда онъ никакими усиліями не могъ разбудить своего паціента, наконецъ спросилъ его: „Чтò сдѣлать, чтобы разбудить тебя?"—„Положить ключъ въ руку",—отвѣчалъ Тихменевъ; когда это было исполнено, онъ тотчасъ же проснулся.

Слабый и тщедушный, Тихменевъ въ гипнотическомъ снѣ помахивалъ гирями, которыя не могъ поднять во время бдѣнія; его можно было колоть булавкой безъ всякаго реагированія съ его стороны; съ нимъ дѣлалось состояніе каталепсіи; онъ доходилъ почти до ясновидѣнія: одинъ разъ разобралъ, хотя и съ большимъ трудомъ, нѣсколько словъ изъ положенной ему подъ голову книги; другой разъ сказалъ, что не съ той стороны открываютъ часы, которыхъ онъ не могъ видѣть. Удивительно хорошо удавалось внушеніе на разстояніи. Костомаровъ находился въ четвертой комнатѣ, отдѣленный отъ своего паціента тремя запертыми дверями, и ни разу не случилось, чтобъ Тихменевъ не исполнилъ внушаемаго, хотя бывали вещи довольно сложныя. Обыкновенно часть присутствующихъ, находившаяся съ Костомаровымъ, выдумывала, чтò требовалось исполнить, а часть, остав-

18*

шаяся съ паціентомъ, потомъ разсказывала, что послѣдній въ это время дѣлалъ. Во все время сеанса Тихменевъ, казалось, видѣлъ только одного Костомарова или того, съ кѣмъ онъ его приводилъ въ соприкосновеніе. Разъ магнитизеръ заставилъ его разсказать сцену убійства его, Костомарова, отца; съ Тихменевымъ при этомъ сдѣлались судороги и корчи; конечно, Костомаровъ ничего подобнаго больше не повторялъ, но страшные образы стали являться загипнотизированному сами собой; тогда Костомаровъ тотчасъ же будилъ его. Иногда усыпленный качался, стоя, не сгибая ни одного члена, или падалъ, не сгибая колѣнъ, во весь ростъ, но, проснувшись, не чувствовалъ никакой боли. Я съ ужасомъ описывала всѣ подробности сеансовъ въ моемъ дневникѣ: „Какое страшное впечатлѣніе,—писала я, между прочимъ,—когда видишь передъ собой человѣка, стоящаго безъ движенья, въ томъ положеніи, въ которомъ засталъ его сонъ, и какъ вдругъ эта безжизненная статуя начинаетъ машинально двигаться по волѣ другого человѣка!“.—„Мнѣ бываетъ страшно, особенно когда Тихменевъ видитъ меня, какъ вчера, когда Костомаровъ заставилъ меня что-то спросить у него, и онъ потомъ все слѣдилъ за мной глазами. Я, наконецъ, убѣжала“. Магнитическіе сеансы меня, сначала, сильно занимали, но скоро я начала сердиться на нихъ, такъ какъ они отвлекали Костомарова отъ тѣхъ бесѣдъ, которыя были высшимъ наслажденіемъ для меня.

Новый годъ встрѣчали у насъ. Гостей почти никого не было, и мы особенно уютно и пріятно провели время. Помню, что Шевченко, какъ мы называли, „немножко подкутилъ“; тогда онъ бывалъ очень оживленъ и непремѣнно начиналъ какой-нибудь споръ съ Н. И. Я приходила въ восторгъ отъ этихъ споровъ: безконечное спокойствіе одного и горячность другого составляли контрастъ въ высшей степени комичный. Шевченко вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, а Костомаровъ совершенно спокойно говорилъ: „Нѣтъ, ты постой! Скажи, откуда ты это берешь? Изъ какихъ источниковъ? Ты, Тарасъ, чепуху несешь, а я тебѣ говорю вещи, доказанныя въ тѣхъ же книгахъ, изъ которыхъ ты только и могъ черпать“.—„Да Боже-жъ мій милый! Що мені зъ твоихъ источниківъ!.. Брешешь ты, та и годі“!

Такіе близкіе были они люди, что про нихъ именно можно было сказать: милые бранятся, только тѣшатся. Разъ какъ-то разсказывалъ намъ Тарасъ Григорьевичъ: „Прихожу я вчера къ Костомарову, онъ мнѣ самъ отворяетъ: „Чортъ, говоритъ, тебя принесъ мнѣ мѣшать заниматься!“—„Да мнѣ, отвѣчаю, пожалуй,

тебя и не надо. Я и не къ тебѣ пришелъ совсѣмъ. Къ твоему Хомѣ пришелъ, хочу поклонъ твоей матери послать, мнѣ до тебя и дѣла нѣтъ". И что же? Послѣ этакой встрѣчи, мы съ нимъ просидѣли до ночи: я уходить хочу, а онъ не пускаетъ".

Этотъ Ѳома былъ давнишній слуга Н. И., обожалъ его и ходилъ за нимъ, какъ нянька; мы его величали и вѣрнымъ Личардо, и Лепорелло, хотя толстый и добродушный хохолъ такъ же мало походилъ на юркаго испанца, какъ его хозяинъ на донъ-Жуана.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Н. И. помѣстился въ гостинницѣ, рядомъ съ Публичной Библіотекой. Близость ресторана была неудобна, и мы много разъ ѣздили съ Н. И. искать ему квартиру, но онъ не рѣшался переѣхать дальше отъ Библіотеки и разстаться со своей „гусарской квартирой", какъ мы ее называли. Больше всего раздражалъ Костомарова органъ, постоянно гудѣвшій у него за стѣной. Иногда поздно вечеромъ прилеталъ онъ къ намъ съ возгласомъ: „Не могу, не могу больше!"

— „La donna è mobile"?

„— Съ утра жарятъ!!"

Какіе хорошіе, веселые вечера проводили мы въ этой достопамятной „гусарской квартирѣ"!

А наши путешествія въ кондитерскую Mezzapelli на Морской! Туда непремѣнно брали съ собой „Тобиньку", тоже получавшаго свою порцію шоколада и бисквитъ. Тоби былъ мой не совсѣмъ чистокровный кингъ-чарльсъ, нашъ съ Н. И. большой пріятель. Костомаровъ не очень-то любилъ собакъ, но Тоби былъ, въ его глазахъ, созданьемъ особеннымъ въ животномъ мірѣ, обладающимъ чуть-чуть что не человѣческимъ умомъ. Эта симпатія была вполнѣ взаимной: Тоби чуялъ приближеніе Н. И. и задолго до его звонка уже сидѣлъ и пищалъ отъ радости у входной двери.

Заходили мы къ Н. И. и въ Публичную Библіотеку; онъ показывалъ намъ интересныя книги и рукописи, объясненія его стоили цѣлыхъ лекцій. Въ Библіотеку въ то время ходила дѣвушка, одѣтая въ ситцевое платье и головной платокъ; она каждый день занималась тамъ чтеніемъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ книгъ. „Она разъ меня испугала,—разсказывалъ Н. И.,—подкралась такъ тихо и попросила чернилъ. Она застѣнчиво объяснила, что самоучкой выучилась языкамъ, да не на что купить книгъ, а у нея страсть заниматься, вотъ она и ходитъ въ Библіотеку. Меня заинтересовало. Я спросилъ сторожа, кто она такая? „Да это моя дочь,—отвѣчалъ онъ:—она

ходитъ только въ свободное время, а то она матери стирать помогаетъ; и ваше бѣлье стираетъ".

По поводу этой дѣвушки, Н. И. передалъ исторію одного погибшаго таланта. Деревенскій мальчикъ пасъ стадо и рисовалъ углемъ на стѣнѣ мельницы; помѣщикъ, увидя это, отдалъ его въ ученье къ маляру. Выростая, мальчикъ сталъ показывать удивительную способность къ математикѣ и любовь къ естествознанію. Н. И. давалъ ему книги и, уѣзжая изъ тѣхъ мѣстъ, подарилъ курсъ математики, астрономіи и нѣсколько другихъ вещей. Когда Костомаровъ возвратился, молодой мужикъ зналъ всѣ эти книги наизусть. Знакомый Н. И. математикъ проэкзаменовалъ его: онъ рѣшалъ самыя трудныя задачи. Онъ просилъ выучить его французскому языку, говоря: „Я вижу, что на этомъ языкѣ больше ученыхъ книгъ есть, русскихъ очень мало. Я бы сталъ больше работать и могъ бы покупать книги". Костомаровъ хотѣлъ выкупить парня на волю, но помѣщикъ запросилъ слишкомъ дорого. Н. И. сталъ устраивать подписку, а въ это время помѣщикъ взялъ да женилъ математика насильно на какой-то дурѣ! Такъ онъ и пропалъ.

Тяжело ложились на мою душу такіе разсказы, а ихъ тогда приходилось часто слышать. „Зачѣмъ же всеблагій и всемогущій Богъ допускаетъ такія несправедливости?!"—съ негодованіемъ думала я... Сейчасъ же, однако, приходила благая, упоительная мысль о скоромъ освобожденіи: „Скоро всѣ они будутъ людьми, и отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть ихъ судьба". Разное шипѣнье крѣпостниковъ въ комитетахъ по временамъ смущало насъ, а когда, послѣ смерти Ростовцева, его мѣсто занялъ Панинъ, отецъ мой воскликнулъ: „Ну, теперь все пропало!"—Надо сказать, что этотъ страхъ относился преимущественно къ формамъ, какія приметъ эмансипація, а не къ самому освобожденію, которое, мы твердо были увѣрены, ничто уже не могло задержать.

По поводу теоріи Костомарова о происхожденіи варяговъ, шли въ обществѣ и въ литературѣ большіе споры. Главнымъ противникомъ Костомарова въ этомъ вопросѣ былъ М. П. Погодинъ. Между ними завязалась переписка, и Погодинъ предложилъ публичный диспутъ. Чернышевскій одинъ совѣтовалъ не принимать этого вызова, но всѣ другіе говорили, что отказъ Погодинъ приметъ за трусость,—всѣ толкали Костомарова на это. Теперь мнѣ кажется нѣсколько комичнымъ этотъ диспутъ, но не такимъ былъ онъ для насъ,—мы относились къ нему серьезно и страстно. Намъ, собственно, не было никакого дѣла

до варяговъ: теорія происхожденія ихъ изъ Жмуди была намъ близка отчасти по патріотическому чувству, но, главнымъ образомъ, какъ представительница направленія молодого, стремящагося къ свободѣ и движенію впередъ въ наукѣ, въ противоположность косности и рутинѣ, и Жмудь стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ!

Насталъ съ волненіемъ ожидаемый нами день 19-го февраля. Большая зала университета была биткомъ набита: сидѣли по двое на одномъ стулѣ (мы сидѣли—мать, отецъ и я—на двухъ), сидѣли на колѣняхъ другъ у друга, на окнахъ, на полу; гдѣ, казалось, нельзя и яблоку упасть, тамъ еще помѣщались люди. Жара была такая, что въ банѣ показалось бы прохладно. Еще жарче было у насъ, молодежи, въ груди... Надъ трепетной и пылающей толпой возвышались посреди залы другъ противъ друга двѣ каѳедры... Погодинъ началъ фразами благодарности къ публикѣ, почтившей и пр. Ему поаплодировали, онъ поблагодарилъ и за это, и приступилъ къ разбору статьи Костомарова „О началѣ Руси“, напечатанной, какъ онъ выразился, „въ какомъ-то петербургскомъ журналѣ“. Начало не предвѣщало ничего хорошаго, и его небрежный тонъ покоробилъ публику; чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ это чувство оскорбленія дѣлалось сильнѣе: онъ велъ пренія въ шуточномъ тонѣ, стараясь сдѣлать Костомарова смѣшнымъ, а себя оградить отъ этого ироніей.

Мы ждали чего-нибудь серьезнаго; мы въ душѣ боялись Погодина, думая, что онъ приготовилъ какія-нибудь новыя, вѣскія доказательства,—вмѣсто того являлось какое-то издѣвательство, которое возъимѣло на слушателей обратное ожидаемому Погодинымъ дѣйствіе; даже приверженцы норманнской теоріи были недовольны имъ, публика же явно чувствовала болѣе симпатіи къ простой и благородной манерѣ держать себя Костомарова. Разъ согласившись на этотъ диспутъ, онъ отнесся къ нему серьезно. Когда Костомаровъ всталъ, раздался такой аплодисментъ, такой крикъ, что долго не могли его прекратить; тщетно раздавалось: „довольно! по мѣстамъ!“—все гудѣло и ревѣло. Наконецъ Костомаровъ могъ начать говорить. Его вступительная рѣчь была коротка, ясна, безъ всякихъ фразъ. Дальнѣйшія пренія, къ сожалѣнію, часто прерывались шумными заявленіями сочувствія или порицанія публики. Погодинъ начиналъ все болѣе горячиться; Костомаровъ, по своему обыкновенію, спокойно выслушивалъ, отвѣчалъ довольно ѣдко, но избѣгалъ затрогивать личность, какъ иногда не совсѣмъ красиво дѣлалъ Погодинъ.

Михаилъ Петровичъ подъ-конецъ усталъ и уже совсѣмъ шутя сказалъ: „Уступите мнѣ хоть то, что норманны были каплей вина въ славянскомъ стаканѣ; она все-таки, какъ ни мала, а весь стаканъ окраситъ".—„Капля вина не окраситъ славянское море",—отвѣчалъ Костомаровъ.—„Уступите же хоть эту каплю, у меня гомеопатическія требованія".—„Я не вѣрю въ гомеопатію",—отвѣчалъ Н. И., улыбаясь, и прибавилъ болѣе серьезно, но съ нѣкоторой ироніей: „Однако, гдѣ же ваша тяжелая артиллерія, которую вы обѣщались сегодня выдвинуть противъ меня? Я готовъ выдержать ея атаку". Погодинъ, вмѣсто отвѣта, началъ говорить о своихъ двадцатилѣтнихъ трудахъ и о томъ, что надо внушать молодому поколѣнію уваженіе къ авторитетамъ. Въ залѣ загудѣло негодованіе, но Костомаровъ спокойно отвѣтилъ: „Безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ *уважать* авторитеты, но только бездарность *поклоняется* имъ. Я привыкъ вполнѣ уважать вашу двадцатилѣтнюю научную дѣятельность, но я презиралъ бы себя, да и вы имѣли бы право не уважать меня, еслибы я, убоясь вашего авторитета, не сталъ бы стараться открывать новые пути въ наукѣ". Тутъ я думала, что зала рухнетъ отъ рукоплесканій.

Кончили споръ, какъ большинство споровъ, тѣмъ, что всякій остался при своемъ: Погодинъ сказалъ, что не можетъ отступить отъ своего мнѣнія, потому что это было бы неискренно, а Костомаровъ — что не выступитъ изъ Жмуди, пока ему не представятъ болѣе убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ. Сквозь страшный шумъ, поднятый публикой, слышенъ былъ возгласъ Погодина: „Да здравствуетъ Русь, отъ кого бы она ни происходила!"—Соперники, сойдя съ каѳедръ, облобызались; обоихъ вынесли на рукахъ, но сочувствіе публики было явно на сторонѣ Костомарова, и молодежь торжествовала его побѣду.

Какъ студенты любили и понимали Костомарова—показываетъ то обстоятельство, что они, до диспута, уговорились-было освистать Погодина, но потомъ рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это было бы непріятно Николаю Ивановичу. Своимъ стараніемъ быть безпристрастными студенты хотѣли доказать преданность своему профессору, и, демонстративно апплодируя Погодину, они заглядывали въ лицо Костомарову, желая увидѣть, доволенъ ли онъ ими. На лекціи передъ диспутомъ, я выразила опасенія, что Погодинъ сдѣлалъ какое-нибудь новое открытіе и внезапно представитъ его. „Такъ что же?—отвѣчали студенты,—тѣмъ лучше для науки. Костомаровъ первый будетъ радъ этому".

Послѣ диспута, Н. И. поѣхалъ къ намъ. Собрались наши

и его друзья, пили шампанское за его здоровье, произносили рѣчи, Сѣверцевъ прочелъ посвященное ему стихотвореніе. Костомаровъ былъ что-то мраченъ и неразговорчивъ. „Отчего вы не сочувствуете сочувствію?“—спросила мама̀.—„Какъ это?“—„Не радуетесь сочувствію публики“.—„Это было бы не совсѣмъ скромно съ моей стороны, да и публика можетъ быть пристрастной“.

На другой день всѣ опять у насъ обѣдали, и Сѣверцевъ прочелъ написанную имъ статью о вчерашнемъ диспутѣ, гдѣ онъ сравнивалъ его съ знаменитымъ диспутомъ Кювье съ Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Статья всѣмъ очень понравилась.—Знаете, что̀ пришло мнѣ въ голову?—сказалъ Н. И., обращаясь ко мнѣ.

— Что̀?

— Умереть.

— Почему?

— Потому что отъ меня слишкомъ многаго ожидаютъ. Я могу обмануть возлагаемыя на меня слишкомъ большія надежды, не буду въ силахъ довершить то, что̀ началъ...

— Вы дали большой толчокъ наукѣ,—сказалъ Сѣверцевъ,—довольно и этого. Вы открыли широкую дорогу исторіи, какъ Жоффруа Сентъ-Илеръ—зоологіи. Прежде думали, что наука дальше предѣловъ, поставленныхъ Кювье, идти не можетъ, что въ ней уже все знаютъ, а Сентъ-Илеръ доказалъ, что еще очень мало въ ней открыто; вотъ такъ и вы.

Подъ конецъ вечера Н. И. разошелся и разсказывалъ, какъ приверженцы норманнской теоріи даже названіе одного воеводы „Волчій хвостъ“ производятъ отъ норманнскихъ словъ.

Съ диспутомъ не кончился споръ, напротивъ,—страсти разгорѣлись и пошла полемика въ журналахъ. Изъ нашихъ знакомыхъ были тоже противники Костомарова: это была компанія Глинокъ, Греча и проч. Имъ тоже было мало дѣла до варяговъ, но они съ беззубою ненавистью накидывались на все свѣжее и молодое. Погодинъ никакъ не могъ успокоиться и продолжалъ громить и задирать Костомарова, какъ печатно, такъ и въ частныхъ письмахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ онъ жаловался, что диспутъ плохо подѣйствовалъ на его здоровье: „Говорятъ,—писалъ онъ,—о какой-то вашей побѣдѣ надо мной, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи: моей теоріи слѣдуютъ люди степенные, а вашей—только *виляющіе хвостомъ*“. Костомаровъ вышелъ тутъ изъ своего серьезно сдержаннаго тона и отвѣтилъ: „Очень сожалѣю, что вамъ не поздоровилось, но что̀ же дѣлать, Михаилъ Петровичъ, кто идетъ на дуэль—долженъ быть приготовленъ къ тому, что можетъ быть раненъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Погодинъ писалъ: „Я думалъ, что вы не согласитесь, а вы сказали:—я готовъ на дуэль. Не могъ же я тогда сказать, что это была только шутка съ моей стороны“. Погодинъ написалъ въ „Русской Бесѣдѣ“ статью въ такомъ же тонѣ. Чернышевскій, въ очень рѣзкой статьѣ, разгромилъ Погодина. Появились мелкія статейки приверженцевъ норманнской теоріи. Костомаровъ отвѣчалъ, но это ему надоѣло, онъ напечаталъ длинную и для него довольно рѣзкую статью, гдѣ, между прочимъ, выразился, что слишкомъ уважалъ г-на Погодина, чтобы допустить мысль, чтобъ онъ рѣшился шутить надъ наукою и публикой, да еще въ стѣнахъ университета. Онъ заключилъ словами: „я навсегда кончаю свой споръ съ г-номъ Погодинымъ и больше отвѣчать ему не буду“. Н. И. былъ недоволенъ, что далъ себя втянуть въ полемику, но онъ не могъ допустить, чтобы въ публикѣ подумали, что онъ отказывается отъ своей теоріи, — это слишкомъ было важно для него. За то онъ былъ очень доволенъ, когда рѣшилъ, какъ онъ выражался, предоставить свою защиту его друзьямъ, „благороднымъ рыцарямъ Свистопляски“.

23-го марта была послѣдняя лекція Костомарова въ этомъ году. Онъ сначала хотѣлъ посвятить ее обзору прочитаннаго въ семестръ, но рѣшилъ, что это будетъ „недобросовѣстно: точно студенты сами не знаютъ, что̀ я читалъ“, и разорвалъ приготовленный конспектъ. Въ этотъ день мнѣ, знавшей, что мы надолго уѣзжаемъ за границу, очень взгрустнулось. Я думала, что̀, можетъ быть, никогда не увижу болѣе моихъ милыхъ аудиторій, товарищей, съ которыми насъ соединяла общность взглядовъ и сочувствія, не услышу лекцій, наполнявшихъ меня восторгомъ, что я навсегда прощаюсь со всей этой молодой, живой жизнью. „Мало ли что̀ можетъ случиться въ два года!“—думалось мнѣ. Мое предчувствіе не обмануло меня, и многое измѣнилось къ худшему въ эти два года!..

XVIII.

Sublime on the towers of my skiey bowers
Lightning my pilot sits;
In a cavern under is fettered the Thunder
It struggles and howls at fits.

Shelley.

Свѣтлый праздникъ опять всѣ друзья встрѣчали у насъ, засидѣлись до утра и пошли встрѣчать восходъ солнца на набережную. Николай Ивановичъ сказалъ, прощаясь, что онъ никогда

не встрѣчалъ такъ весело праздникъ, и это намъ было очень пріятно слышать.

Тотъ фактъ, что насъ постоянно видѣли вмѣстѣ съ Костомаровымъ, не могъ обойтись безъ сплетенъ,—такъ ужъ люди созданы. Въ городѣ распространился слухъ, что я—невѣста Костомарова. Это доходило до меня съ разныхъ сторонъ, но съ М. у меня былъ горячій разговоръ по этому поводу.

— Знаете ли вы объ этихъ толкахъ?—сказалъ мнѣ М.—Недавно въ театрѣ князь Л. узналъ Костомарова, потому что онъ былъ въ вашей ложѣ, и спрашивалъ меня: „Правда ли, что дочь графа выходитъ замужъ за Костомарова?“ Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не слыхалъ, а онъ: „Полноте, весь Петербургъ объ этомъ говоритъ“.

— Я слышала,—отвѣчала я,—но мнѣ это рѣшительно все равно. Что̀ людямъ за дѣло, выхожу я замужъ или нѣтъ? И мнѣ что̀ за дѣло до того, что̀ люди говорятъ? Развѣ только можно пожалѣть общество, которое думаетъ, что молодая дѣвушка не можетъ интересоваться талантомъ, взглядами, характеромъ человѣка, не можетъ принимать его безъ цѣли выйти за него замужъ, а просто изъ сочувствія, изъ дружбы къ нему.

— Происходитъ это оттого, — продолжалъ М.,—что вы въ университетѣ обращаетесь съ Костомаровымъ, какъ дома; этого нельзя: гдѣ столько народу, надо быть осторожной.

— Ну, ужъ извините! Чтобъ я изъ за глупыхъ сплетенъ измѣнила свое обращеніе съ человѣкомъ! Чтобъ я была съ Н. И. иначе при людяхъ, чѣмъ дома!! Да что̀ же онъ обо мнѣ подумаетъ? Что я неискренна, что я стыжусь или боюсь его дружбы?.. Мнѣ не для чего скрывать мои чувства. Я такъ глубоко люблю и уважаю Костомарова, такъ цѣню,—прямо, горжусь его дружбой, — что готова кричать это не только на весь Петербургъ, но и на весь міръ!

— Что̀ же хорошаго! Послѣ скажутъ, что васъ Костомаровъ бросилъ.

— Такъ что жъ такое?.. Впрочемъ, о такихъ глупостяхъ не сто̀итъ говорить.

Не знаю, слышалъ ли Костомаровъ объ этой сплетнѣ, но онъ и виду не показалъ, и наши отношенія ничуть не измѣнились.

Къ пріѣзду матушки Н. И., онъ нанялъ хорошую квартиру на Васильевскомъ Островѣ.

Татьяна Петровна обожала своего сына, служила ему, ходила сама на рынокъ, сбивала сама масло, на которомъ имъ готовили (Н. И. былъ крайне прихотливъ насчетъ свѣжести продуктовъ), всячески ублажала и баловала его, готова была все на свѣтѣ

сдѣлать для его благополучія, но не во всемъ она его понимала и, на видъ уступая ему, умѣла часто сдѣлать по-своему, ибо и благополучіе его понимала иногда *по-своему*. Со мной Татьяна Петровна была всегда очень ласкова, и я старалась платить ей благодарностью и вниманіемъ.

Н. И. признавался мнѣ, что онъ былъ, особенно въ ранней молодости, крайне вспыльчивъ.—До того я былъ горячъ,—говорилъ онъ, что своего Лепорелло нѣсколько разъ прогонялъ: чтобы его сію минуту не было! И съ матушкой безпрестанно ссорился: наговорю, наговорю, а потомъ самъ не радъ, да не вернешь.

— И Лепорелло на васъ не сердился?

— Нѣтъ, онъ вѣдь меня съ дѣтства знаетъ.

— Изъ-за чего же вы съ мамашей ссорились?

— Мы съ ней иногда въ убѣжденіяхъ расходились. Разъ она мнѣ обѣщала двухъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ отпустить на волю. Я приготовилъ отпускную и прихожу къ ней, чтобы она подписала, а она чего-то закапризничала, такъ я такъ разсердился, что всѣ окна перебилъ!.. Видите, до чего я доходилъ!.. А вѣдь, въ сущности, я былъ правъ!

— Да, но я думаю, что ваша матушка также отпустила бы своихъ дѣвушекъ, еслибъ вы и не перебили стеколъ,—отвѣтила я, смѣясь.

Весной я заболѣла лихорадкой; мнѣ обрѣзали мои тяжелыя косы, долго лечили меня гомеопатіей, что совсѣмъ изнурило меня, и наконецъ рѣшили везти въ Финляндію, такъ что мы уѣхали нѣсколько раньше, чѣмъ предполагали. Мещерскій поѣхалъ проводить насъ; Костомаровъ обѣщался часто навѣщать. Въ Выборгѣ сейчасъ позвали нашего старичка-доктора Гольціуса; онъ закатилъ мнѣ большой пріемъ хины: я пролежала безъ сознанія двадцать-четыре часа, а потомъ выздоровѣла.

Первые дни еще оставалась сильная нервность и тревожнѣе выступали разные вопросы и сомнѣнія, мучившіе меня по временамъ: „...Я не могу оторваться отъ Него,—писала я въ своемъ дневникѣ;—если я останусь безъ защиты, безъ опоры чего-нибудь высшаго, я упаду, какъ камушекъ, ничѣмъ не поддерживаемый въ воздухѣ“. Это состояніе продолжалось не долго: черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Н. И., я воспрянула духомъ, и у насъ сложилась прелестная жизнь.

Мы катались на лодкѣ, верхомъ и въ экипажахъ; вечеромъ занимались музыкой: одна наша гостья играла любимыя оперы Н. И., „Донъ-Жуана“ и „Жизнь за Царя“, а мы съ сестрой—въ четыре руки—сонаты Моцарта и „Аделаиду“ Бетховена, которая

тоже нравилась Н. И. Самъ онъ, тридцать лѣтъ не игравъ на фортепіано, выучилъ наизусть „La, ci darem la mano“, и такъ это его заинтересовало, что онъ во всякое время игралъ это. Идемъ мы завтракать мимо фортепіанъ,—нельзя не остановиться и не сыграть „La ci darem“! „Да когда же вы придете?—раздается голосъ мама̀,—все простыло“.—„Давайте, сыграемте это въ четыре руки“,—предлагаетъ Н. И., не обращая вниманія на призывъ. — „Ничего не выйдетъ, потому что вы не считаете“, рѣшаю я, и только потому, что нѣтъ другого рояля, мы благополучно достигаемъ балкона, гдѣ насъ ожидаетъ, по выраженію Н. И., „божественная простокваша“.

Не менѣе увлекался Н. И. англійскимъ языкомъ; мы читали съ нимъ Шекспира, Маколея, и то, что̀ я не могла перевести, искали въ лексиконахъ и комментаріяхъ. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ насъ засталъ дождь, когда мы возвращались съ прогулки. Всѣ наши ушли скорѣе домой, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалогомъ и равнодушны ко всему другому. Онъ употребитъ невѣрное выраженіе—я остановлюсь; я скажу что-нибудь ему непонятное—онъ остановится, бьетъ себя въ голову и хочетъ вспомнить значеніе какого-нибудь слова; я начинаю объяснять, и мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождь льетъ на насъ, какъ изъ ведра.

Я часто болтала вздоръ, а Н. И. любовался тѣмъ, что я еще въ нѣкоторыхъ вещахъ такой ребенокъ. „Я никогда не выйду замужъ“,—говорила я.—„Какъ смѣшно это слушать!“—восклицалъ онъ со своей ласковой улыбкой.

Чаще всего мы говорили и спорили о природѣ и объ искусствѣ.

— Посмотрите на эту ёлочку,—говорилъ Н. И.:—какая она пряменькая, зелененькая! Развѣ она вамъ не нравится?

— Нисколько, она совсѣмъ не живописна.

— То-то и бѣда, что вы смотрите на все съ художнической точки зрѣнія; вамъ то̀ нравится, что̀ годится для картины; такъ на природу нельзя смотрѣть,—это слишкомъ односторонне.

— Да, мнѣ дѣйствительно нравится въ природѣ то, что̀ просится на холстъ. Впрочемъ, и то, что̀, помимо этого, въ самой природѣ картинно, красиво, гармонично...

— Гумбольдтъ говоритъ, что истинная любовь къ природѣ восхищается каждымъ ея листикомъ. Я схожусь въ этомъ съ Гумбольдтомъ. Вотъ этотъ клочокъ природы,—прибавилъ онъ, указывая на кочку съ травой, для меня лучше всякихъ картинъ.

— Вы тоже смотрите односторонне, когда вамъ больше нра-

вятся тѣ мѣста, гдѣ есть историческія воспоминанія. Этого ужъ я совсѣмъ не понимаю: историческія воспоминанія, по-моему, одно, а природа — другое.

— Природа кажется лучше, когда къ ней привязываются воспоминанія. Одно другое дополняетъ.

— Природѣ не надо дополненій. Когда я смотрю на природу, я забываю все, кромѣ настоящей минуты и того блаженства, которое я испытываю.

— Самая прекрасная природа получаетъ особенное обаяніе, когда тутъ вѣетъ прошлымъ...

— Ну да, — горячилась я, — вамъ надо колокольни, могилы, святыхъ отцовъ! Мертвечину!..

— И природа мертва безъ людей.

— А мы вамъ развѣ не любы? — теряя всякую логику, восклицала я: — развѣ мы, живые, не лучше вашихъ мертвыхъ?..

— Послѣ этого, я побѣжденъ! — говорилъ Н. И., смѣясь.

Особенно часто и горячо защищала я пейзажную живопись, которую Костомаровъ считалъ самой низшей степенью искусства и допускалъ только какъ слабое воспоминаніе о природѣ. Онъ, какъ очень многіе, возставалъ противъ выбора сюжетовъ въ пейзажѣ, и находилъ, что если написать первый попавшійся кусочекъ травы *вѣрно*, то это будетъ прекрасная картина. Я тогда обладала слишкомъ малыми знаніями въ искусствѣ, и мои взгляды были еще слишкомъ мало обоснованы для того, чтобы я могла убѣдить Н. И., и это было мнѣ досадно... Онъ срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ, начиналъ объяснять мнѣ физіологію и метаморфозъ растеній, говорилъ, увлекаясь самъ и увлекая меня. Вечеръ иногда заставалъ насъ въ такихъ бесѣдахъ; зажигались звѣзды, и онъ объяснялъ мнѣ ихъ теченія, называлъ созвѣздія, говорилъ о гармоніи, о безпредѣльности міозданія, объ обитаемости міровъ... Я въ восторгѣ заслушивалась. Я лучше понимала и еще больше любила природу, послѣ новыхъ познаній, которыми онъ надѣлялъ меня и которыя такъ ярко освѣщалъ своей поэтической рѣчью.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили настоящій языческій праздникъ. Массу финновъ и русскихъ рабочихъ столяровъ мы угощали, а они пѣли свои національныя пѣсни. Одинъ молодой мужикъ потѣшалъ насъ сказками и присказками; это былъ бойкій, веселый парень; онъ былъ грамотный, но беззавѣтно вѣрилъ въ лѣшихъ, водяныхъ, „фараоновъ", въ чудодѣйственную силу цвѣта папоротника: „надо его поджидать, — разсказывалъ онъ, — надо подъ папоротникъ бѣленькій платочекъ подостлать; тутъ представленія

всякія будутъ, бѣсовскія... и кому тотъ цвѣтъ дастся, тотъ можетъ все дѣлать, можетъ клады сквозь землю видѣть. У насъ на селѣ есть такой человѣкъ". Николай Ивановичъ предложилъ древнерусское гаданіе: переводить коня черезъ колоду. Я, сестра и всѣ наши дѣвушки украсили себя вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ и кленовыхъ листьевъ, лошадь всю обвили гирляндами, и я перевела ее черезъ бревно: если конь переступалъ правой ногой, это значило, что задуманное желаніе исполнится въ этомъ году.

— Ну, Максимъ, теперь твоя очередь,—сказала я веселому парню.

— Да что мнѣ гадать? Я ужъ свое счастье знаю: вотъ Аннушка не хочетъ за меня идти,—сказалъ онъ, лукаво поглядывая на некрасивую чухонку, которая застыдилась и скрылась за дверью дома.

— Ты развѣ женился бы на чухонкѣ?—спросила мама̀.

— По мнѣ, ваше сіятельство, пусть хошь и дура, да хорошенька.

— Развѣ Аннушка хорошенькая?

— Для меня, значитъ, годится. Не по̀ хорошу милъ, а по̀ милу хорошъ.

— Въ Торжкѣ у васъ какія красавицы есть, — сказалъ кто-то.

— Онѣ есть-то есть, да мы-то тамъ не бываемъ, все здѣсь околачиваемся. Вотъ, отпрошусь на праздникъ, на два дня, такъ, можетъ, и женюсь.—Онъ лихо вскочилъ на лошадь и, весело покрикивая, перескочилъ черезъ бревно.

Разложили большой костеръ, и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ него. Далеко за̀ полночь горѣли въ разныхъ мѣстахъ смоляныя бочки, называемыя въ Финляндіи „коками", и раздавались пѣсни.

У насъ только-что былъ отстроенъ флигель, гдѣ была большая зала; въ ней мы устраивали балы для крестьянъ. Чухны, всегда такіе флегматичные, танцуютъ живо и любятъ танцовать. При звукахъ трехъ скрипокъ танцовали польки, искалѣченныя кадрили, но больше всего—свой народный, довольно странный танецъ: люди, стоя другъ противъ друга, трясутся и топчутся на одномъ мѣстѣ; мужчины при этомъ иногда выдѣлываютъ па̀, вродѣ присядки, женщины же только быстро переступаютъ съ пятокъ на пальцы и изрѣдка вздрагиваютъ плечами. Не только мы съ сестрой, но и Николай Ивановичъ, и отецъ мой принимали участіе въ танцахъ. Финны не конфузились насъ, а очень гордились, что господамъ съ ними такъ весело.

Наибольшее впечатлѣніе въ это лѣто произвела на меня одна поѣздка на Иматру. Мы цѣлый день просидѣли около водопада; Н. И. объяснялъ мнѣ многія физическія явленія, совѣтовалъ прочесть физическую географію лэди Соммервиль и другія книги.

— Знаете ли, что̀ на меня наиболѣе поэтически дѣйствуетъ въ Иматрѣ?—сказалъ онъ послѣ того, какъ мы нѣсколько времени любовались молча:—это мысль, что эти волны все такъ же однообразно бѣгутъ, можетъ быть, съ начала міра, вѣками проходятъ одна за другой, на томъ же мѣстѣ пѣнятся и разсыпаются и, одна за другой, исчезаютъ. Пройдутъ еще вѣка̀, и онѣ все будутъ течь и пропадать для поддержки одной вѣчной идеи, идеи гармоническаго цѣлаго. Посмотрите на деревья: эти листья опадутъ, сгніютъ, это дерево засохнетъ, а деревья продолжаютъ расти на землѣ...

— Еслибъ вы знали,—воскликнула я,—какъ я часто думаю, что безсмертіе,—это, можетъ быть, и значитъ, что мы умремъ, а масса людей будетъ жить!.. Мы какъ будто тѣло этой безсмертной души природы... Это только очень обидно для нашей личности, для нашего эгоизма.

Поздно вечеромъ разыгралась сильная гроза и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобнаго. Мы укрылись въ залѣ со стеклянными стѣнами, выстроенной надъ самымъ водопадомъ и служившей столовой и буфетомъ. Въ моемъ ужасѣ, перешедшемъ скоро въ чистый восторгъ, я не могла оторваться отъ великолѣпнаго зрѣлища. Молнія сначала дрожала и блестѣла вдали, но гроза стала быстро находить: надъ горизонтомъ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы то зеленаго, то краснаго свѣта; за секунду бѣлыя, легкія облака, вдругъ черными силуэтами вырѣзывались на освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался, метался; постоянный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ раскатамъ грома; бѣлая пѣна вздымалась и огненными брызгами разсыпалась кругомъ. Была минута какого-то страшнаго безмолвія, и гроза разразилась почти надъ нами, освѣщая нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— А вамъ не страшно?—спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я ужасно боялась, даже пряталась подъ подушки, но сегодня это слишкомъ хорошо. Еслибъ меня и убило за это, я

не отошла бы теперь отъ окна!.. Я никогда больше не буду бояться: всякая гроза мнѣ будетъ напоминать эту чудную ночь!

Когда гроза начала успокоиваться, мы уложили мою заплаканную сестру на диванъ, и она уснула, а мы сидѣли около нея и тихо разговаривали; я все жалѣла, что эта дивная гроза проходитъ. Къ утру только мы могли выйти изъ стекляннаго павильона.

На другой день я въ чемъ-то упрекала мама̀ при Костомаровѣ и говорила рѣзко. Мы пошли съ нимъ въ садъ, долго шли, молча, по аллеѣ; потомъ Н. И. сказалъ:

— Зачѣмъ вы хандрите?

— Съ чего вы взяли, что я хандрю?

— А что̀ вы наговорили графинѣ?.. Такой матери съ огнемъ не найти.

— Я знаю. Я это только такъ... Я сама не понимаю, что̀ со мной дѣлается иногда...

— Вы раздражены, вы недовольны, вы чего-то желаете, это—избытокъ жизни.

Мама̀ подошла къ намъ, но мы продолжали разговоръ.

— Мнѣ всегда чего-то недостаетъ,—говорила я,—особенно когда въ природѣ такъ тихо, какъ теперь, мнѣ все что-то неполно; чего-то, правда, хочется, но я сама не знаю, чего...

— Вы будете любить, и тогда природа покажется полнѣе. Этого-то вамъ и недостаетъ, этого-то вамъ и хочется.

Я молчала.

— Вы будете сильно любить, — повторилъ онъ грустно. — Вчера я видѣлъ, какой въ васъ запасъ поэзіи,—слишкомъ много: это будетъ источникъ страданія.

Мы опять нѣсколько времени всѣ шли молча, и, неожиданно для меня, онъ сказалъ:

— Пишите стихи, Ек. Ѳ., а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь,—берегитесь этого!.. Пишите стихи.

Я привожу этотъ разговоръ, потому что мнѣ часто приходилось вспоминать его въ послѣдующей жизни моей.

XIX.

Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ.
Пушкинъ.

Подходило время нашего отъѣзда за границу. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось ѣхать. Хотя я знала, что много тамъ будетъ для меня интереснаго, но какъ было покинуть то новое и будто

давно родное, съ чѣмъ я сжилась за этотъ годъ! Какъ уйти отъ этой кипящей, веселой и содержательной жизни! Всѣ мои просьбы остаться разбились о безапеляціонное рѣшеніе матери. Между ея различными доводами было и то, что рѣчь шла о назначеніи меня фрейлиной, а мама отклоняла это, говоря всюду, что она бы хотѣла ѣхать за границу, чтобъ окончить мое образованіе,— и теперь уже неловко оставаться.

Разставаніе съ нашей финляндской прислугой было трогательно: они плакали, точно хоронили насъ. Особенно убивалась одна старуха Элли, нищая, которую мы подобрали и пріютили у себя, безгранично любившая мою сестру. „Ольга такъ внимательна къ ней,—нахожу я въ своемъ дневникѣ:—когда мы катаемся, она посадитъ Элли возлѣ себя, закутаетъ ей ноги; всѣ чухны удивляются, какъ она мило ухаживаетъ за старухой". Моя сестра была всѣми любима, у нея былъ даръ привлекать людей.

У насъ долгое время жилъ дворникомъ нѣкій Германъ, морякъ по призванію, какъ почти всѣ финны; въ свободное время онъ занимался рыбной ловлей. Мама не боялась отпускать насъ съ нимъ, и я, еще ребенкомъ, сроднилась съ моремъ и волнами. Иногда къ Герману приходилъ его пріятель, охотникъ Матвѣй. Я, маленькая, любила этого человѣка и живо помню его. Онъ имѣлъ довольно дикій видъ и никогда не разставался со своимъ ружьемъ. Загорѣлый, со всклоченными волосами и бородой, съ недовѣрчивымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей, онъ напоминалъ Куперовскихъ траппистовъ. При видѣ меня, лицо его преображалось, онъ сажалъ меня на колѣни, глаза свѣтились ласково, голосъ звучалъ мягко,—и онъ начиналъ длинные разсказы о жизни въ лѣсу, о нравахъ птицъ. По-русски онъ говорилъ безъ всякаго акцента, выражался какъ человѣкъ интеллигентный, но, кажется, только со мной и говорилъ по-русски. Онъ, вѣроятно, былъ бѣглый и скрывался; по словамъ Германа, онъ былъ прежде офицеромъ, и за что-то разжалованъ.

У меня былъ привязчивый характеръ, и мнѣ было тяжело разставаться какъ со всѣми этими людьми, такъ и съ любимой природой, и съ моими двумя собаками. „Тоби", мой любимецъ, долженъ былъ оставаться у Костомарова до нашего возвращенія.

Надо было устроить еще кое-какія дѣла въ Петербургѣ, поэтому мы остановились въ гостинницѣ, откуда я тотчасъ же сбѣжала къ тётѣ, въ свѣтлую квартирку, нанятую для нея на Островѣ, съ видомъ на Невку и Петровскій паркъ. Я не могла себѣ представить, какъ я буду обходиться безъ тёти за грани-

цей, и, напослѣдокъ, безконечно наслаждалась ея близостью: такъ мнѣ сладко и уютно у нея было! Посѣщали насъ Шевченко, который былъ очень друженъ съ тётей, Костомаровъ, К. и другіе. Скоро и наши изъ скучной гостинницы перебрались къ тётѣ, и мы провели тамъ нѣсколько счастливыхъ дней, окруженные нашими друзьями, цѣлой толпой провожавшими насъ, когда мы, 19-го августа, наконецъ, выѣхали за границу.

Николай Ивановичъ поѣхалъ съ нами до Пскова. Его желаніе выпить съ нами шампанскаго на Довмонтовой стѣнѣ исполнилось. Мы сидѣли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, долженъ былъ стоять вѣчевой колоколъ. Подъ нами лежала площадь, гдѣ собиралось вѣче; за нею—городъ съ рѣчкой Псковой, за нами—соборъ св. Троицы. Солнце свѣтило, колокола гудѣли торжественно и мелодично. Вспоминали мы, какъ тутъ, когда-то, сходился народъ, чтобы судить и рядить, и еще мертвѣе казалась намъ пустота современнаго городишки...

Мысль о скорой разлукѣ придала этимъ послѣднимъ минутамъ, проводимымъ вмѣстѣ, оттѣнокъ грусти...

Е. Юнге.

Москва, 4-го декабря 1903 г.

МАРКИЗЪ-ФИЛОСОФЪ

— „Monsieur de Migurac“ ou le „Marquis-philosophe“, par *André Lichtenberger*. Paris, 1905.

Предисловіе.—Мы могли бы привести нѣсколько причинъ—философскаго и иного характера, — по которымъ мы предлагаемъ читателю жизнеописаніе Луи-Ликурга, маркиза де-Мигюракъ, дворянина изъ Перигора. Ограничимся, однако, упоминаніемъ о Жиль-Блазѣ, меланхолическомъ сирѣ де-Сигоньякѣ, не говоря уже о знаменитомъ Донъ-Кихотѣ Ламанчскомъ, удивительныя похожденія которыхъ не перестаютъ восхищать собою не только простыхъ смертныхъ, но и мудрецовъ. Конечно, нашъ герой не претендуетъ на подобную славу, но, тѣмъ не менѣе, исторія его жизни и характера представляетъ много поучительнаго. Не будемъ приводить перечня источниковъ, по которымъ составленъ нашъ трудъ; главнѣйшій изъ нихъ: мемуары аббата Лорана-Кипріана-Эспозита Жуанò, состоявшаго при особѣ маркиза съ первыхъ дней его дѣтства. Онъ скончался въ преклонномъ возрастѣ и былъ послѣднимъ обитателемъ зàмка де-Мигюракъ; разрушенными каменными стѣнами этого зàмка замощена не одна дорога въ окрестностяхъ Перигё. Безъ сомнѣнія, самъ маркизъ не пожелалъ бы себѣ лучшаго историографа.

I.

Г-нъ де-Мигюракъ впервые увидѣлъ свѣтъ въ среду 28-го іюля 1741 года, въ замкѣ Мигюракъ, находящемся въ Гвіеннѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города Перигё. Наканунѣ послѣ обѣда, въ столовой зàмка, убранной въ стилѣ Людовика XIII,

передъ самымъ отходомъ ко сну, маркиза Олимпія-Марія-Евгенія де-Мигюракъ, рожденная де-Грансала, почувствовала первыя боли, предвѣщавшія близкое появленіе на свѣтъ ея ребенка. Она немедленно послала за дѣвицею Аглаей Перонно, повивальною бабкою, славившеюся въ Перигё, которая въ теченіе двухъ недѣль гостила въ замкѣ, съ большимъ терпѣніемъ ожидая того часа, когда ей придется выказать свои таланты. Дѣвица Перонно, дорожившая сномъ почти столько же, сколько хорошей ѣдою, явилась заспанною, но ей пришлось убѣдиться, что маркиза не понапрасну потревожила ее. При видѣ маркиза—взволнованнаго, съ кривонадѣтымъ парикомъ и чулками, образовавшими сборки на икрахъ, она съ достоинствомъ проговорила:

— Завтра утромъ, ваше сіятельство, я буду имѣть честь представить вамъ маркиза де-Мигюракъ.

Затѣмъ она попросила его удалиться, считая присутствіе мужчины неумѣстнымъ при такихъ обстоятельствахъ.

Онъ повиновался въ сильномъ смятеніи. Рожденіе ребенка послѣ десятилѣтняго безплоднаго супружества казалось ему чѣмъ-то невѣроятнымъ, между тѣмъ какъ маркиза приняла свою беременность съ глубокимъ, спокойнымъ чувствомъ удовлетворенія, считая ее естественнымъ послѣдствіемъ своихъ долгихъ молитвъ и приношеній св. Радегундѣ. Въ глубинѣ души маркизъ Анри предпочелъ бы имѣть дочь; онъ не скрылъ отъ маркизы этого желанія, весьма удивительнаго для дворянина, еще не имѣвшаго наслѣдника своего имени, и благородная дама выразила ему изумленіе, къ которому примѣшивалось нѣкоторое неодобреніе.

Часы ожиданія были мучительны для маркиза; однажды до слуха его долетѣлъ страшный крикъ, явственно прозвучавшій въ тишинѣ лѣтней ночи. Ему хотѣлось бѣжать на помощь, но робкій по природѣ, удрученный сознаніемъ своего безсилія, онъ только распахнулъ окно и, глядя на звѣздное небо, пожалѣлъ о томъ, что не можетъ молиться. Страшась катастрофы, чувствуя себя безконечно слабымъ и одинокимъ, онъ опустился въ кресло, страстно желая конца.

Стукъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть. Къ стыду своему, онъ замѣтилъ, что онъ спитъ, а на дворѣ уже свѣтаетъ; беззвучнымъ голосомъ онъ приказалъ: „Войдите!“—Маркизъ глядѣлъ отуманенными глазами на бѣлый чепецъ и косынку m-lle Серафины, камеристки, заранѣе убѣжденный, что она является вѣстницею несчастія, и крайне изумился, когда она обычнымъ своимъ голосомъ объявила, что маркиза проситъ къ себѣ своего супруга.

Первое, что бросилось въ глаза маркизу, было нѣчто красное, безформенное, обернутое бѣлымъ, неистово ревущее и копошащееся на рукахъ у дѣвицы Перонно, взиравшей на него съ довольною улыбкою. И въ то же время онъ услышалъ ослабѣвшій, но ясный и твердый голосъ маркизы:

— Надѣюсь, маркизъ, что вы съ радостью привѣтствуете сына, котораго я обѣщала вамъ?

Она была блѣдна и измучена, но, покоясь на бѣлоснѣжныхъ простыняхъ и подушкахъ, подъ покрываломъ изъ ліонскаго шолка, сохраняла присущую ей величавость, и маркизъ съ необычнымъ жаромъ поцѣловалъ ея бѣлую руку.

Дѣвица Перонно торжественно поднесла ему ребенка. Маркизъ съ замѣшательствомъ склонился надъ краснымъ комочкомъ, но когда ему пришло въ голову, что это живое существо—его сынъ, который современемъ станетъ человѣкомъ, онъ невольно прослезился, между тѣмъ какъ маркиза глядѣла на него съ горделивою и почти снисходительною улыбкой.

Новорожденнаго наименовали Луи, по желанію матери, хотѣвшей, чтобы онъ носилъ одно имя съ славнѣйшимъ изъ королей Франціи, и—Ликургомъ, по настоянію отца, желавшаго, чтобы онъ назывался такъ же, какъ мудрѣйшій изъ законодателей, философъ, открывшій человѣчеству законы природы и равенства. Къ этимъ именамъ былъ присоединенъ титулъ виконта д'Обтортъ и крещеніе отпраздновано съ большою пышностью.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Луи-Ликурга. Прибавимъ къ этому, что вѣсъ новорожденнаго, размѣры ногъ его и рукъ, не оставляли желать ничего лучшаго, а крикъ его давалъ самое выгодное понятіе о силѣ его легкихъ. Такъ какъ онъ родился подъ созвѣздіемъ Льва, вліяющимъ на развитіе измѣнчивости и подвижности характера и чрезмѣрной пылкости страстей, дѣвица Перонно, не чуждая знакомства съ астрологіей, посовѣтовала повѣсить ему на шею рубинъ, умѣряющій дурное вліяніе этого созвѣздія. Совѣтъ ея былъ исполненъ, и лишь на двадцать-второмъ году жизни, когда обстоятельства принудили Луи-Ликурга разстаться съ этимъ талисманомъ, онъ узналъ, что ювелиръ обманулъ довѣрчивость его родителей, продавъ имъ фальшивый рубинъ. Итакъ, пагубное вліяніе звѣздъ не было устранено, и, быть можетъ, именно потому жизненный путь Луи-Ликурга оказался такимъ бурнымъ.

II.

Если не принимать въ разсчетъ болтовню кормилицы—смуглой, полногрудой Магеллоны, считавшей своего „Лулу" самымъ удивительнымъ ребенкомъ въ мірѣ, то можно сказать, что раннее дѣтство нашего героя не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ. Благоразуміе маркизы было такъ велико, что даже материнскія иллюзіи, ростущія какъ трава въ степи, не находили мѣста въ ея сердцѣ. Зато маркизъ относился къ сыну съ такимъ обожаніемъ, такъ тревожился по поводу его малѣйшаго нездоровья, что въ замкѣ говаривали полу-шутя, будто бы въ лицѣ своей матери ребенокъ имѣетъ отца, а въ лицѣ отца — мать. Юный виконтъ быстро развивался физически и умственно, и тутъ же въ немъ обнаружились инстинкты, заслуживающіе вниманія психолога. Отчаянный ревъ его свидѣтельствовалъ не только о силѣ его аппетита, но и о безудержности страстей: если Магеллонѣ почему-либо случалось замѣшкаться, онъ съ яростью отталкивалъ и даже царапалъ ея грудь,—что несомнѣнно свидѣтельствовало объ оскорбленной гордости. Однажды онъ разбилъ въ дребезги обожаемую имъ куклу—только потому, что ему дали ее въ то время, какъ онъ просилъ совсѣмъ другого. Пожелавъ имѣть ленту съ шеи m-lle Серафины, онъ, получивъ ее въ свое владѣніе, черезъ нѣсколько минутъ, презрительно отбросилъ ее и даже запачкалъ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Изъ всѣхъ желаній его дѣтства лишь одно не угасало въ немъ: стремленіе поймать солнечный лучъ, не дававшійся ему въ руки,—и опять-таки изъ этого можно было заключить, что ему предстоитъ всю жизнь гоняться за химерой и презирать все, что достижимо. По отношенію къ людямъ Луи-Ликургъ не былъ постояннымъ; сама Магеллона подвергалась по временамъ его немилости, и на долю маркизы не всегда выпадалъ любезный пріемъ; единственнымъ исключеніемъ являлся его отецъ, котораго онъ почти всегда встрѣчалъ радостнымъ лепетомъ, между тѣмъ какъ тотъ молча созерцалъ его. Нельзя не отмѣтить и силы воли его: будучи пятнадцати-мѣсячнымъ ребенкомъ, онъ до крови укололся булавкою, но молчалъ, зная, что у него ее отнимутъ; Магеллона, увидѣвъ кровь на его платьицѣ, силою должна была взять у него обожаемую, но предательскую драгоцѣнность, которую онъ сжималъ въ окровавленномъ кулачкѣ.

Шести лѣтъ отъ роду Луи-Ликургъ былъ красивымъ ребенкомъ. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ правильное лицо, темные

волосы, матовую кожу и алый ротъ, губы которого были значительно пухлѣе, чѣмъ у нея; отъ отца — тонкость линій, синіе глаза и нѣжную улыбку. Прямой и сильный для своего возраста, онъ твердо держался на маленькихъ ножкахъ, отъ него вѣяло здоровьемъ и въ смѣломъ взглядѣ чувствовался прямой и отважный духъ. Онъ безъ удержу бѣгалъ по парку, а запыхавшаяся, но гордая Магеллона слѣдовала за нимъ по пятамъ. До сихъ поръ маркиза, вѣрная традиціямъ знатныхъ домовъ, предоставляла его всецѣло попеченіямъ кормилицы и m-lle Серафины, а маркизъ, поглощенный стараніями привести въ порядокъ помѣстье, полуразоренное его отцомъ, занятый чтеніемъ и философскими размышленіями, не рѣшался высказать ей своего желанія, чтобы она занялась воспитаніемъ ихъ ребенка. Луи-Ликургъ зналъ всего нѣсколько молитвъ и азбуку, но онъ превосходно усвоилъ простонародное нарѣчіе, голова его была полна волшебныхъ сказокъ и мечтаній; онъ жилъ въ мірѣ химеръ, и вѣчно ускользалъ изъ-подъ надзора своихъ воспитательницъ, постоянно находившихъ его гдѣ-нибудь въ паркѣ, съ непокрытою головою, въ разорванномъ платьѣ и съ ногами въ лужѣ. Къ этой же эпохѣ относится его покушеніе на самоубійство, произведшее переломъ въ его жизни. Будучи уличенъ въ томъ, что онъ не только выпустилъ на свободу пару откормленныхъ куръ, но даже больно укусилъ m-lle Серафину, онъ предсталъ передъ лицомъ маркизы въ растерзанномъ нарядѣ, растрепанный, но съ отважнымъ и даже вызывающимъ видомъ. Нахмуривъ прекрасныя брови, она прочитала ему нравоученіе, закончившееся словами:

— Сынъ мой, вы—не дворянинъ, и если вы будете продолжать такъ же вести себя, я сомнѣваюсь, чтобы вы когда-нибудь стали дворяниномъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пронзительные крики огласили замокъ: юный виконтъ, попытавшійся заколоться перочиннымъ ножемъ, лежалъ, обливаясь кровью, на рукахъ Магеллоны: онъ желалъ освободить свою мать отъ недостойнаго сына.

Результатомъ этого происшествія былъ разговоръ супруговъ, послѣ котораго дальнѣйшее воспитаніе Луи-Ликурга перешло въ руки мужчинъ. Къ особѣ его былъ приставленъ честный молодой малый, по имени Жилль; старику Пьеру-Антуану, старшему конюшему, служившему когда-то подъ знаменами маршала де-Виллара, было поручено обучать его верховой ѣздѣ и искусству владѣть оружіемъ. Умственное образованіе юнаго виконта принялъ на себя приглашенный для этой цѣли новый замковый ка-

пелланъ, аббатъ Жуанò, недавно кончившій курсъ семинаріи, богатый знаніями, но не презрѣннымъ металломъ, человѣкъ кроткій и благовоспитанный.

Полный усердія, аббатъ готовъ былъ, помимо литературы и латыни, ввести въ свою программу греческій и новѣйшіе языки, математику, химію, астрономію, анатомію, даже философію, но не надо думать, чтобы подобная гора познаній могла нагромоздиться въ головѣ Луи-Ликурга, не отличавшагося усидчивымъ прилежаніемъ; характеръ учителя былъ уступчивый, и, въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, онъ не особенно настаивалъ на томъ, чтобы сдѣлать изъ Луи-Ликурга великаго ученаго (какимъ онъ и самъ не былъ въ дѣйствительности). Это ясно обнаруживается въ его „Мемуарахъ".

Однажды онъ приказалъ виконту выучить наизусть отрывокъ изъ „Pro Archia poeta"; на слѣдующій день, узнавъ, что юный дворянинъ, вмѣсто того, чтобы выполнить задачу, бился съ мальчишками на кулачкахъ, аббатъ схватилъ-было линейку, намѣреваясь дать ему по пальцамъ. Но Луи-Ликургъ, ловкій и увертливый, выхватилъ у него линейку, разломилъ ее пополамъ и, бросивъ куски въ лицо аббату, очутился въ одинъ прыжокъ за дверью, которую заперъ на ключъ. Первымъ движеніемъ аббата было позвать на помощь и пожаловаться маркизѣ, которая, изъ уваженія къ духовному лицу, жестоко бы наказала провинившагося. Однако, по нижеизложеннымъ причинамъ, онъ этого не сдѣлалъ.

„Во-первыхъ,—пишетъ онъ,—мнѣ казалось неумѣстнымъ подвергать суровому наказанію молодого дворянина, обладающаго добрымъ сердцемъ, но легкомысленнаго и раздражительнаго, который могъ бы лишь сильнѣе ожесточиться послѣ подобной кары. Во-вторыхъ, маркиза, узнавъ о случившемся, не преминула бы укорить меня въ безхарактерности, и даже, быть можетъ, замѣнила бы меня другимъ наставникомъ. Итакъ, по зрѣломъ размышленіи, я никого не позвалъ, но сѣлъ у окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и обождать, покуда юному шалуну угодно будетъ освободить меня изъ заточенія".

Эти размышленія проливаютъ свѣтъ на отношенія аббата Жуанò и его ученика. Временами, ему удавалось, однако, при помощи своей уступчивости, добиться отъ Луи-Ликурга нѣкотораго прилежанія, и тогда онъ радовался, видя его богато одареннымъ памятью и умомъ. Къ урокамъ Пьера-Антуана виконтъ относился, наоборотъ, восторженно, и глаза его сверкали радостью, онъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнія, когда, по окончаніи

занятій съ аббатомъ, онъ приказывалъ сѣдлать себѣ лошадь. Въ сопровожденіи Пьера, даже одинъ, онъ вихремъ носился по полямъ и лѣсамъ за зайцемъ, козулею или лисою, иногда—безъ всякой цѣли, опьяненный вѣтромъ и просторомъ... Онъ сильно пристрастился къ фехтованію и, будучи самъ немного выше ростомъ, чѣмъ его рапира, дѣлалъ выпады, парировалъ, отскакивалъ по итальянской методѣ — такъ что любо было посмотрѣть.

Въ то же время онъ изучалъ, подъ руководствомъ самой маркизы, придворныя манеры. Каждые послѣ-обѣда онъ являлся къ матери, возсѣдавшей въ креслѣ съ прямою спинкою, цѣловалъ ея руку и выслушивалъ отъ нея разсказы о придворныхъ обычаяхъ и нравахъ, объ обязанностяхъ людей знатнаго происхожденія. Иногда, забывая о его молодости, она передавала ему многое изъ видѣннаго ею: свои наблюденія, надежды и мечты.

Маркиза не скрывала нѣкотораго разочарованія. Надвигавшееся разореніе заставило молодую чету въ первые же годы ихъ брака покинуть блестящій Парижъ и запереться у себя въ деревнѣ.

Вернувшись въ Мигюракъ, красавица-маркиза, втайнѣ сожалѣвшая о веселой жизни, для которой она была предназначена, безукоризненно исполняла свои обязанности жены и владѣлицы замка, но еслибы ея набожность и чувство долга дозволили ей это—она презирала бы своего супруга съ его чувствами и понятіями, столь чуждыми людямъ знатнаго происхожденія, съ его мѣщанскими добродѣтелями и недостатками,—дворянина, не имѣвшаго ни долговъ, ни любовницъ.

Маркиза обучала своего сына не только поклонамъ, свѣтскому этикету, танцамъ и пѣнію, но старалась привить ему свѣтскія понятія, искореняя въ немъ грубыя наклонности и плебейскіе вкусы. Граціозный по природѣ, стройный и хорошо сложенный, онъ легко усвоивалъ модныя ухищренія, и будь маркиза почувствительнѣе, она умилилась бы до слезъ, видя, какъ онъ закругляетъ локоть и отставляетъ ногу подъ жидкіе звуки старинныхъ клавикордъ. Разсказы матери о „королѣ-солнцѣ", о граціи регента, о роскоши герцогини Бурбонской, о балетѣ, объ итальянцахъ—находили въ немъ внимательнаго слушателя. Онъ ловилъ ея слова, губы его раскрывались, глаза блестѣли, и маркиза де-Мигюракъ ощущала приливъ тайной гордости: она дважды будетъ матерью своему сыну, матерью не только по плоти, но и по духу.

Обыкновенно, послѣ этихъ разговоровъ, мальчикъ отправ-

лялся къ отцу, въ его рабочій кабинетъ; маркизъ, при видѣ его, откидывался на спинку кресла, и по его рано состарившемуся, худому лицу съ яснымъ взглядомъ скользила добрая улыбка. Какъ ни увлекался Луи-Ликургъ материнскими принципами, но одинъ взглядъ отца глубже волновалъ его, чѣмъ всѣ рѣчи маркизы, и нѣчто, таившееся въ глубинѣ его души, откликалось на него.

Маркизъ съ сыномъ предпринимали прогулки по окрестностямъ, и маркизъ старался открыть мальчику свѣтъ истины, къ которому онъ стремился самъ. Пребываніе въ обществѣ и при дворѣ породило въ немъ грусть и негодованіе, вызванныя паденіемъ нравовъ. Ему уяснилось изъ соприкосновенія съ природою и спокойствіемъ жизни въ деревнѣ, что цивилизація развратила умы и, вслѣдствіе сцѣпленія ошибокъ, сдѣлала человѣчество несчастнымъ. Онъ обращалъ вниманіе мальчика на желтѣющую рожь и побѣги винограда, на рыжихъ быковъ, пашущихъ землю, на лазурь небесъ и шумъ воды,—пріучая его любить природу. Онъ указывалъ ему также на темныя лачуги крестьянъ, на лохмотья ихъ одежды, и толковалъ о вѣковой несправедливости, раздѣляющей людей, которые отъ рожденія равны между собою, на притѣснителей и притѣсняемыхъ, на господъ и рабовъ. Они вдвоемъ обдумывали планы идеальнаго общественнаго строя, при которомъ возрожденное человѣчество соединилось бы въ братство любви и равенства. Эти мечты волновали мальчика не менѣе, чѣмъ—въ прежнее время—волшебницы и духи, не оставляя его даже и во снѣ, когда онъ засыпалъ, наконецъ, въ своей постелькѣ, за кисейнымъ пологомъ.

Какъ укладывались въ умѣ Луи-Ликурга всѣ эти противорѣчивыя наставленія—вотъ что трудно понять. Случалось, напримѣръ, что, по окончаніи проповѣди, въ которой, при помощи текстовъ изъ св. Писанія, аббатъ доказывалъ ему необходимость прощать обиды, маркиза убѣждала его въ томъ, что чувство чести предписываетъ намъ смывать оскорбленія кровью. Старый Пьеръ-Антуанъ обучалъ его мѣткому удару, и тутъ же маркизъ считалъ долгомъ выяснить ему все, что заключается относительнаго и даже смѣшного въ такъ-называемыхъ понятіяхъ о чести.

Характеръ человѣка яснѣе всего выражается въ его манерѣ веселиться; мирныя забавы, несмотря на старанія аббата пріохотить къ нимъ своего питомца, оказались тому не по вкусу; впрочемъ, Луи-Ликургъ чаще посѣщалъ бы замокъ ближайшей ихъ сосѣдки, баронессы де-Пертюизо, еслибы она поощряла его къ этому; но робкая по природѣ дама отчасти страшилась не-

обузданности его характера, отдавая, однако, должное благородству души его. Луи-Ликургу было лѣтъ десять, когда, узнавъ, что подруга его, дѣвица Алина де-Пертюизò, серьезно заболѣла горломъ; онъ пожелалъ, во что бы то ни стало, быть допущеннымъ къ ней, и когда ему было въ томъ отказано, онъ неизвѣстно какимъ образомъ пробрался къ ней въ спальню, гдѣ гувернантка ея, Гертруда, застала его обливающимъ слезами ручки его маленькой пріятельницы. Помимо состраданія, тутъ играли нѣкоторую роль и угрызенія совѣсти: онъ вспомнилъ, что, нѣсколько дней тому назадъ, онъ убѣдилъ ее влѣзть съ ногами въ воду для ловли лягушекъ.

Около того же времени, когда на дѣтей, гулявшихъ въ паркѣ, внезапно кинулась корова, и всѣ разбѣжались, Луи-Ликургъ съ крикомъ бросился ей на встрѣчу, махая шляпою. Сбѣжавшіеся люди ожидали найти его разорваннымъ въ куски, но онъ оказался преспокойно сидящимъ подъ брюхомъ у коровы, которую собирался подоить въ свою шляпу. Въ другой разъ, чтобы избавить отъ наказанія своего пріятеля-поваренка изъ замка Пертюизò, онъ, переодѣвшись въ его платье и вымазавъ сажею лицо, стоически принялъ порцію порки; но когда поваръ вздумалъ угостить его пощечиною, онъ съ такою яростью схватилъ его за горло, что тотъ едва устоялъ на ногахъ отъ толчка и ужаса. Дозволивъ ему поцѣловать свою руку, Луи-Ликургъ отправился на поиски поваренка, чтобы обмѣняться съ нимъ платьемъ, и, заставъ того за ощипываньемъ выпавшихъ изъ гнѣзда перепеловъ, жестоко отколотилъ его.

Но не эти подвиги повлекли за собою его изгнаніе изъ замка Пертюизò; его мятежный духъ постоянно стремился къ приключеніямъ, отъ которыхъ страдалъ, порою, не онъ одинъ. Однажды благородныя дамы, вздумавшія прогуляться по аллеѣ, ведущей къ пруду, и покормить бисквитами лебедей, услышали за деревьями жалобные вопли. Подойдя ближе, онѣ увидѣли изъ-за вѣтвей Луи-Ликурга, Шарля де-Пертюизò и Ксавьè де-Буаредонъ съ засученными рукавами и разстегнутыми камзолами: каждый изъ нихъ вонзалъ себѣ въ тѣло перочинный ножъ, между тѣмъ какъ юная дѣвица Алина, съ блистающими глазами и съ розою въ рукѣ, готовилась поднести ее побѣдителю. При первой же царапинѣ глаза Ксавьè наполнились слезами и рука Шарля дрогнула, но Луи-Ликургъ, не моргнувъ, всадилъ ножъ на добрый дюймъ въ свою мускулистую руку. Такова была затѣянная по его инціативѣ игра въ „юныхъ спартанцевъ“.

Въ другой разъ, послѣ проповѣди прибывшаго изъ Перигё

епископа, когда знатное общество расположилось на террасѣ зàмка для завтрака, оно съ изумленіемъ увидѣло появившуюся на дорогѣ толпу юныхъ бродягъ—босоногихъ и въ однѣхъ рубашкахъ. Компанія эта оказалась цвѣтомъ мѣстнаго дворянства; но такъ какъ, при послѣдовавшемъ затѣмъ допросѣ, всѣ они лишь хныкали и отмалчивались, Луи-Ликургъ смѣло выступилъ впередъ и объяснилъ, что, встрѣтивъ толпу дрожавшихъ отъ холода цыганскихъ ребятишекъ, они, слѣдуя примѣру св. Мартина, отдали имъ свое платье, пріобрѣтя, взамѣнъ, царствіе небесное.

Маркиза собиралась наказать виновнаго, но епископъ убѣдилъ ее, что всему виною его краснорѣчіе. Когда, при этомъ, было обнаружено отсутствіе Эдма де-Шастильякъ, Луи-Ликургъ не безъ смущенія сознался, что, въ виду отказа этого послѣдняго пожертвовать своими панталонами, его привязали къ стволу каштановаго дерева, гдѣ его, дѣйствительно, и нашли полузамерзшимъ отъ холода.

Но каплею, переполнившею чашу терпѣнія мѣстной знати, явилась дуэль Луи-Ликурга съ барономъ де-Мардьё, похитившимъ у него половину персика, подареннаго ему Алиною де-Пертюизò. Проходившіе мимо лакеи обезоружили дуэлянтовъ и передали ихъ на руки ихъ перепуганныхъ наставниковъ.

Съ этого дня Луи-Ликургу пришлось довольствоваться обществомъ деревенскихъ ребятишекъ; хотя онъ сразу пріобрѣлъ среди нихъ громадный авторитетъ, сближеніе ихъ состоялось, несмотря на неудовольствіе маркизы, на основаніяхъ полнаго равенства, и юный виконтъ не разъ возвращался домой съ синяками на тѣлѣ и съ подбитымъ глазомъ. И тутъ его великодушіе и стремительность зачастую оказывали ему плохую услугу. Однажды онъ обкормилъ дѣвочку, не желавшую ѣсть чернаго хлѣба, вареньемъ, и когда она заболѣла, онъ, чтобы наказать себя, съѣлъ двойную его порцію, едва не отправившую его на тотъ свѣтъ.

Какъ ни необузданны были его поступки, маркизъ чувствовалъ въ нихъ прирожденное благородство его души и старался, насколько было возможно, умѣрить пылкость чувствъ своего сына, пробудить въ немъ сознаніе его собственнаго разума—вѣрнѣйшаго изъ всѣхъ руководителей. Быть можетъ, это и удалось бы ему современемъ, но когда мальчику пошелъ двѣнадцатый годъ, маркизъ Анри скончался.

III.

Маркизу Анри де-Мигюракъ пришлось много поработать на своемъ вѣку; наслѣдовавъ послѣ отца полу-разрушенный зàмокъ

и обремененное долгами помѣстье, онъ, благодаря своимъ стараніямъ, успѣлъ возстановить замокъ изъ развалинъ, расплатиться съ кредиторами и кое-какъ устроить дѣла, увеличивъ цѣнность имѣнія. Единственнымъ отдыхомъ и развлеченіемъ его были книги, выписываемыя имъ изъ Голландіи и Англіи, испещренныя на поляхъ замѣтками, сдѣланными его рукою, и неоднократно имъ перечитываемыя. Передъ ужиномъ онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ природою, и его единственнымъ спутникомъ въ этихъ прогулкахъ былъ Луи-Ликургъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ и схватилъ смертельную лихорадку, отъ которой ему уже не суждено было оправиться; по настоянію маркизы, онъ согласился позвать врача, зная заранѣе, что это будетъ безполезно; уступая ея слезнымъ мольбамъ, онъ допустилъ къ себѣ и духовника, хотя считалъ это не менѣе безполезнымъ.

Увидѣвъ измѣнившееся, безкровное лицо отца, къ которому его не впускали цѣлую недѣлю, мальчикъ былъ такъ пораженъ, что задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Сынъ мой,—заговорилъ умирающій,—садитесь и не прерывайте меня. Я не звалъ васъ къ себѣ, слѣдуя похвальному примѣру животныхъ, удаляющихся въ свои норы для того, чтобы умереть спокойно, не огорчая своихъ близкихъ видомъ своихъ страданій. Но смерть моя близка, и я испытываю непреодолимое желаніе васъ видѣть; не успѣвъ научить васъ жить, я, быть можетъ, научу васъ умереть...

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, между тѣмъ какъ Луи-Ликургъ едва удерживался отъ рыданій. Маркизъ продолжалъ:

— Я согласился причаститься для того, чтобы не огорчать вашу мать; для нея послужитъ утѣшеніемъ мысль о томъ, что страшные чертенята не станутъ поджаривать меня на адскомъ огнѣ. По причинѣ вашего нѣжнаго возраста, я предоставилъ самой природѣ запечатлѣть въ вашемъ умѣ великія истины, и не касался въ нашихъ бесѣдахъ философскихъ и религіозныхъ вопросовъ. Но вы, быть можетъ, угадали, что я не раздѣляю вѣрованій вашей матери и аббата Жуанд? Не стану ихъ оспаривать, но еслибы, противъ ожиданія, мнѣ пришлось отдать отчетъ Богу въ моихъ дѣлахъ, мнѣ это не было бы трудно, такъ какъ я никому не сдѣлалъ зла. Притомъ, я—таковъ, какимъ Онъ меня создалъ, и потому Онъ не можетъ претендовать на меня. Говорю вамъ это лишь для того, чтобы церемонія, при которой вы будете присутствовать, не произвела черезчуръ сильнаго впечатлѣнія на вашъ юный умъ. Я не желалъ огорчать вашу мать, бывшую для меня безупречною, достойною полнаго уваженія

женою, а совершеніе этого обряда дастъ мнѣ возможность спокойно умереть.

Дѣйствительно, маркизъ исповѣдался и причастился съ подобающимъ уваженіемъ къ обряду, и напутствовавшій его аббатъ Жуандо упомянулъ въ своихъ „Мемуарахъ“, что немногіе изъ католиковъ сподобились такой христіанской кончины, какъ этотъ атеистъ.

Противъ ожиданія, маркизъ Анри прожилъ еще два дня; онъ простился со слугами и роздалъ имъ на память разныя вещицы; аббату онъ вручилъ дорогую табакерку; трогательно благодарилъ маркизу за ея покорность судьбѣ и сообщилъ ей разныя дѣловыя подробности. Но больше всего онъ говорилъ съ сыномъ, заклиная его не поддаваться страстямъ, обуздывать въ себѣ гордость, смотрѣть на ближняго, какъ на равнаго себѣ. Быть можетъ, именно этимъ послѣднимъ часамъ отца Луи-Ликургъ былъ обязанъ всѣмъ, что сохранилось въ немъ лучшаго; сѣмена добра, хотя и поздно, но дали ростки въ душѣ его.

Кончина маркиза была мирная; заходящее солнце бросало въ комнату свой прощальный лучъ, и глаза умирающаго свѣтились вдохновеніемъ. Въ открытое окно струился теплый осенній воздухъ, и слова маркиза падали—тихія и кроткія, какъ осенніе листья. Мальчикъ не сводилъ глазъ съ отца. Вдругъ въ лицѣ маркиза произошла странная перемѣна, и рука его, лежавшая на головѣ сына, отяжелѣла. Онъ былъ мертвъ.

Похороны маркиза совершились съ большою торжественностью, въ присутствіи всей мѣстной знати. Всѣ восхищались мужествомъ маркизы и были тронуты полнымъ достоинства поведеніемъ и осанкою Луи-Ликурга, шедшаго во главѣ процессіи, стройнаго и изящнаго въ своемъ траурномъ костюмѣ. Онъ не плакалъ, и лишь по окончаніи службы, когда гробъ былъ опущенъ въ семейный склепъ и церемоніймейстеръ почтительно сказалъ ему: „Встаньте, маркизъ де-Мигюракъ!“—онъ разразился отчаянными рыданіями, и его съ трудомъ удалось оторвать отъ могилы.

Со смертью маркиза Анри, задача аббата Жуандо очень упростилась. Молодой маркизъ удѣлялъ еще меньше времени научнымъ занятіямъ, и все болѣе стремился освободиться изъ-подъ опеки матери, чѣмъ маркиза втайнѣ была довольна, радуясь, что ея воспитаніе принесло плоды. Для очищенія совѣсти, аббатъ пытался иногда, за обѣдомъ, освѣжить въ памяти ученика и въ своей собственной какую-нибудь цитату изъ „Георгикъ“ или изъ Сенеки, а затѣмъ, успокоившись, предавался своему обычному

препровожденію времени,—такъ-что m-lle Серафимѣ постоянно приходилось разставлять его сутаны. Онъ прогуливался по саду и огороду, грѣлся на солнышкѣ, болтая съ домашними, и привѣтствовалъ своего питомца движеніемъ пухлой руки, когда тотъ мчался по двору со сворою собакъ, ловко и увѣренно сидя въ сѣдлѣ.

Луи-Ликургъ одинаково хорошо умѣлъ укротить непокорнаго коня, затравить оленя, поцѣловать руку дамѣ и протанцовать менуэтъ. Съ годами, онъ снова сталъ появляться въ кругу знати, и скоро сумѣлъ изгладить прежнія непріятныя воспоминанія: всѣ дамы, на десять миль кругомъ, были отъ него безъ ума. Даже старая герцогиня де-Брантильé, знававшая въ свое время регента, каждый разъ умиленно улыбалась, лорнируя „маленькаго маркиза". Его наперерывъ приглашали на всѣ охоты и празднества въ окрестностяхъ, что требовало большихъ расходовъ по конюшнѣ и увеличивало счета портныхъ. Но маркиза не протестовала противъ такихъ тратъ, сопряженныхъ съ его именемъ и положеніемъ. Если же, порою, ей и хотѣлось бы затянуть шнурокъ отъ кошелька, могла ли она устоять противъ очарованія маленькаго маркиза, когда онъ, въ расшитомъ камзолѣ, завитой и надушенный, сидя одинъ въ фамильномъ экипажѣ, съ улыбкою приподнималъ свою треуголку и посылалъ ей поцѣлуй кончиками тонкихъ пальцевъ, на которыя ниспадали дорогія кружева?

Тутъ намъ приходится коснуться нѣсколько щекотливой темы, лишь слегка затронутой аббатомъ Жуанò: рѣчь идетъ о раннихъ любовныхъ похожденіяхъ маркиза. Вѣроятно, аббатъ поступаетъ такъ изъ уваженія къ нравственности: съ другой же стороны, подобное поведеніе молодого аристократа не представляло, съ точки зрѣнія высшаго общества, ничего предосудительнаго, и біографъ предпочитаетъ умалчивать о томъ, чему онъ—хотя послѣднее было бы, конечно, похвальнѣе—не сумѣлъ помѣшать. Кромѣ того, аббатъ Жуанò весьма слабо интересовался отношеніями половъ, давшими матеріалъ для стольких романовъ и воспоминаній. Обладая темпераментомъ каплуна—его любимое жаркое,—аббатъ не любилъ распространяться о любовныхъ дѣлахъ, которыми самъ никогда не занимался.

Какъ бы то ни было,—сосѣдніе поселяне привыкли захлопывать дверь передъ носомъ Луи-Ликурга; онъ никогда не позволилъ бы себѣ малѣйшаго насилія, но не было ни женщины, ни дѣвушки, способной устоять противъ маркиза при первой же его улыбкѣ. Ему пришлось имѣть дѣло съ нѣсколькими невѣжами, не понимавшими, насколько мелочно и грубо всякое проявленіе

ревности со стороны мужа. Однажды дровосѣкъ едва не проломилъ ему черепъ табуретомъ, но, противъ ожиданія двухъ докторовъ, онъ оправился, что̀ оказалось очень счастливо для обвиняемаго, котораго собирались повѣсить. Луи-Ликургъ, узнавъ объ этомъ, соскочилъ съ постели и съ головою въ повязкѣ помчался въ Перигё, чтобы подкупить судью,—что̀ удалось ему безъ особеннаго труда.

Маркиза хотя и радовалась, что сынъ не пошелъ по стопамъ отца, принуждена была спровадить одну за другой всѣхъ своихъ камеристокъ, обладавшихъ благообразною наружностью, и замѣнить ихъ бородатыми дуэньями, смущавшими самого аббата Жуано̀. Но не слѣдуетъ думать, что Луи-Ликургъ ограничивался простолюдинками; противъ него не могли устоять и герцогини, и ранѣе, чѣмъ ему понадобился цирюльникъ, онъ уже могъ составить цѣлый списокъ своихъ побѣдъ. Наивное выраженіе его взгляда и полу-дѣтскій видъ—сразу очаровывали и обезоруживали всякое недовѣріе; привлекательность обращенія смягчала женскія сердца, а пылъ юности—разрушалъ послѣднія преграды. Такимъ образомъ, изъ „маленькаго" онъ скоро превратился въ „обольстительнаго маркиза".

Не слѣдуетъ, однако, думать, что среди самыхъ своихъ пылкихъ юношескихъ увлеченій маркизъ забывалъ наставленія отца. Раза два, когда матери не хотѣлось допустить его до какого-то рискованнаго поступка, она упомянула имя покойнаго; Луи-Ликургъ измѣнился въ лицѣ, но повиновался. Смутное чувство ревности не дозволяло ей, однако, часто прибѣгать къ этому средству. Воспоминаніямъ объ отцѣ слѣдуетъ приписать и овладѣвавшіе имъ по временамъ порывы раскаянья, смущавшіе его близкихъ: онъ съ рыданіями катался по землѣ, заливаясь слезами, и послѣ такихъ припадковъ погружался обыкновенно въ чтеніе любимыхъ книгъ покойнаго, но послѣ нѣсколькихъ дней прилежанія необузданность темперамента брала свое, и онъ снова возвращался къ обычнымъ своимъ забавамъ.

Однажды аббатъ, явившись къ девяти часамъ въ классную, засталъ тамъ, къ величайшему своему удивленію, маркиза, холодно сказавшаго ему:

— Позвольте сказать вамъ, г. аббатъ, что отецъ мой поручилъ вамъ мое образованіе. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ услугъ, въ которыхъ весьма нуждаюсь.

Аббатъ былъ пораженъ. Сквозь зелень деревьевъ можно было наблюдать игру солнечныхъ лучей; утро дышало божественною свѣжестью и птицы радостно щебетали. Аббатъ не выдержалъ,

извинился въ томъ, что застигнутъ подобною просьбою врасплохъ, и попросилъ маркиза отложить занятія до завтра. Но тотъ очень рѣшительно подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ, положилъ ключъ въ карманъ и сказалъ аббату, смотрѣвшему на него во всѣ глаза:

— Прошу васъ приступить къ занятіямъ, г. аббатъ. Ваша ссылка на необходимость подготовиться—вызвана исключительно вашею скромностью. Еслибы это дѣйствительно было такъ—моей матери пришлось бы довѣрить мое воспитаніе другому лицу.

И въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль цвѣтущаго мая мѣсяца аббату пришлось удовлетворять ненасытную любознательность своего питомца; на пятнадцатый день онъ тщетно ждалъ его: Луи-Ликургъ, увлеченный прелестями проѣзжей комедіантки, три ночи не ночевалъ въ замкѣ. Порою, наоборотъ, онъ неожиданно отказывался самъ отъ того, чего такъ долго и упорно добивался; такимъ образомъ онъ, вспомнивъ объ отцовскихъ завѣтахъ, сбѣжалъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго ухаживанья, отъ г-жи де-Больё какъ разъ въ то время, когда она собиралась вознаградить его за постоянство. По той же причинѣ ему случалось иногда высказывать, въ разговорахъ о политикѣ и религіи, сужденія, болѣе умѣстныя въ писаніяхъ какого-нибудь сочинителя, чѣмъ въ устахъ дворянина.

Къ восемнадцати годамъ онъ былъ самымъ блестящимъ аристократомъ всей провинціи, и на другой день послѣ праздника, даннаго матерью по случаю дня его рожденія, онъ имѣлъ съ нею разговоръ, которому посвящена слѣдующая глава.

IV.

Луи-Ликургъ, преслѣдуемый во снѣ прелестными женскими образами и картинами бывшаго празднества, пробудился очень поздно на своей осѣненной балдахиномъ постели, служившей нѣсколькимъ поколѣніямъ. Заспаннымъ голосомъ онъ позвалъ слугу, и принялся, потягиваясь и зѣвая, за свой туалетъ. Холодная вода и видъ солнца—освѣжили его, и онъ съ аппетитомъ доканчивалъ шоколадъ, когда ему доложили, что маркиза желаетъ видѣть его „по важному дѣлу“.

Маркизъ зѣвнулъ и пожалѣлъ о томъ, что всталъ, но долгъ не дозволялъ ему медлить; выйдя въ залу, онъ сразу увидалъ, что предстоящій разговоръ обѣщаетъ быть долгимъ и непріятнымъ.

Маркиза, вся въ черномъ, возсѣдала—прямая и величавая—

въ креслѣ прошлаго столѣтія передъ столомъ, заваленнымъ всякаго рода счетами, записями и документами. Противъ нея стояло пустое кресло. Рядомъ съ маркизою сидѣлъ съ покорнымъ видомъ, сложивъ руки на животѣ, аббатъ Жуанò.

Луи-Ликургомъ овладѣло желаніе убѣжать, но онъ поцѣловалъ руку матери, дружески кивнулъ аббату и попытался пошутить надъ торжественностью собранія. Маркиза, не удостоивая его отвѣтомъ, указала ему на кресло, проговоривъ повелительнымъ тономъ:

— Сынъ мой, съ тѣхъ поръ какъ вы достигли возмужалости, я неоднократно просила васъ ознакомиться съ положеніемъ нашихъ дѣлъ, но вы, ссылаясь на вашу неопытность и довѣріе ко мнѣ, каждый разъ отъ этого уклонялись.

Луи-Ликургъ попытался вновь подтвердить свои слова и подняться съ мѣста, но маркиза твердо продолжала:

— Теперь, когда вамъ исполнилось восемнадцать лѣтъ, я погрѣшила бы противъ материнскаго долга, оставивъ васъ въ дальнѣйшемъ невѣдѣніи. Потрудитесь внимательно выслушать отчетъ, который прочтетъ вамъ аббатъ Жуанò.

Монотоннымъ голосомъ аббатъ прочелъ бумагу, заключавшую перечень земель, сумму арендной платы и капитала, положеннаго на храненіе въ Бордо. Луи-Ликургъ выслушалъ его, подавляя зѣвоту и пощипывая кружево маншетъ, причемъ взглядъ его переходилъ отъ кончика одной изъ его туфель вишневаго цвѣта на другую.

По окончаніи чтенія, онъ поспѣшилъ заявить, что все обстоитъ прекрасно.

— Хорошо,—сказала маркиза,—теперь, аббатъ, будьте такъ добры, прочтите статью расходовъ. Она значительно превышаетъ статью доходовъ, какъ вы увидите.

Луи-Ликургъ и это одобрилъ. Развѣ не такъ поступаютъ всѣ люди знатнаго происхожденія?

— Разумѣется, — отозвалась маркиза; — поэтому, когда, не взирая на мои предупрежденія, вы отказались сократить расходы, я не насиловала вашей воли. Но теперь чтò разсчитываете вы дѣлать?

Маркизъ призадумался. Ну, чтò же? Онъ откажется отъ англійской коляски, которую собирался выписать, и отъ новой своры, предлагаемой г. де-Жаларюкъ по дешевой цѣнѣ. На это маркиза отвѣтила, что не входить въ новыя издержки—еще не значитъ сократить расходы.

Луи-Ликургъ нахмурился-было, но затѣмъ его лицо прояснилось.

— Для чего же существуютъ ростовщики, маркиза? За львиный процентъ они охотно дадутъ намъ денегъ.

Маркиза пожала плечами.

— Изъ какого другого источника могла я черпать суммы для удовлетворенія вашихъ прихотей? Знайте, что ваши владѣнія на три четверти ихъ стоимости заложены, и что въ Бордо и въ Перигё не найдется заимодавца, который бы ссудилъ вамъ сотню экю.

— Почему бы намъ не жить въ долгъ? Прилично ли платить за все наличными, какъ это дѣлаютъ буржуа? Я выдамъ поставщикамъ росписку, и они съ удовольствіемъ подождутъ уплаты года два-три, приписавъ, разумѣется, за это время много лишняго къ моимъ счетамъ.

— Сынъ мой,—возразила маркиза,—знайте, что кромѣ поземельнаго долга, у васъ имѣется неотложныхъ долговъ на сорокъ тысячъ экю, и поставщики, удостоенные вашимъ довѣріемъ, не только не собираются оказывать вамъ кредитъ, но намѣрены преслѣдовать васъ судомъ.

Маркизъ съ изумленіемъ глядѣлъ на мать. Ему не пришло въ голову спросить ее: почему она не предупредила его ранѣе? Но солнце вдругъ показалось ему менѣе яркимъ, а черное платье маркизы—еще чернѣе. Онъ горестно вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ, намъ остается покориться судьбѣ и жить съ самою строгою бережливостью.

— Какъ, сынъ мой?—насмѣшливо воскликнула маркиза:—неужели вы умѣете только гнуть спину передъ бѣдою, и дозволите затемниться блеску вашего дома, съ трудомъ возстановленному вашимъ отцомъ?

При имени отца лицо юноши вспыхнуло, и онъ воскликнулъ:

— Укажите мнѣ врага, съ которымъ я могъ бы сразиться, и я не посрамлю нашъ родъ, но умъ мой теряется въ соображеніяхъ... я не вижу иного исхода, кромѣ смерти...

Маркиза внутренно порадовалась, и когда юный маркизъ схватился обѣими руками за голову, позабывъ о своей прическѣ, она, кинувъ взглядъ въ сторону аббата, продолжала смягченнымъ тономъ:

— Дѣло не въ битвѣ, не въ смерти, я сказала бы даже—наоборотъ... Спасеніе—вблизи. Вамъ стоитъ лишь протянуть къ нему руку.

— Въ чемъ же оно?—проговорилъ взволнованный маркизъ.

— Въ бракѣ.

Молодой человѣкъ задумался,—это предложеніе показалось ему невѣроятнымъ, но послѣ нѣкотораго размышленія онъ проговорилъ:

— Не скрою отъ васъ, маркиза, что я сильно изумленъ. Моя юность позволяла мнѣ надѣяться, что вы не потребуете отъ меня такъ рано подобной жертвы. Не знаю, способенъ ли я наложить на себя узы, крайне тяжелыя для меня, о чемъ извѣстно г. аббату. Предчувствую, что пылкость моихъ чувствъ едва ли дозволитъ мнѣ сохранить должную вѣрность той, которая будетъ носить мое имя.

— Сынъ мой,—сказала маркиза,—подобныя колебанія дѣлаютъ вамъ честь, и я огорчилась бы, если бы ихъ не было. Но позвольте мнѣ напомнить вамъ, что люди знатнаго рода вступаютъ въ бракъ ранѣе простыхъ людей, для того, чтобы оставить, въ случаѣ преждевременной кончины, наслѣдника имени. Наконецъ, мнѣ достаточно извѣстно благородство вашей души, и я знаю, что, поклявшись въ вѣрности будущей маркизѣ де-Мигюракъ, вы пожелаете сдержать вашу клятву. Если же впослѣдствіи воля ваша ослабѣетъ, и голосъ плоти окажется сильнѣе, это будетъ случайностью—весьма прискорбной, конечно, но—увы!—слишкомъ обычной въ высшемъ кругу! Она не сможетъ затронуть вашу честь, если только вы покаетесь въ ней и получите отпущеніе грѣховъ. Не такъ ли, аббатъ?—обратилась она къ толстяку.

Аббатъ Жуандо какъ-то неопредѣленно качнулъ головою; припадокъ кашля помѣшалъ ему яснѣе выразить свое мнѣніе. Маркиза, удовольствовавшись этимъ, обернулась къ сыну, продолжавшему молчать.

— Въ концѣ концовъ, я не желаю принуждать васъ, сынъ мой. Быть можетъ, вы сами найдете какой-нибудь другой исходъ изъ затрудненій?

Тѣмъ временемъ, маркизъ, еще не побѣдивъ своего нежеланія, уже перечислялъ мысленно знакомыхъ ему благородныхъ дѣвицъ, соображая: которая изъ нихъ была бы самою подходящею маркизою? Мысль его остановилась на подругѣ его дѣтства—Алинѣ де-Пертюизо; сразу повеселѣвъ, онъ объявилъ, что, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ согласенъ съ доводами матери, и что Алина де-Пертюизо...

Но маркиза прервала его. У прекрасно воспитанной дѣвицы де-Пертюизо имѣется приданое всего въ пятьдесятъ тысячъ, которое пойдетъ на уплату неотложныхъ долговъ. На какія же деньги выкупить помѣстье и продолжать достойный образъ жизни?

Луи-Ликургъ не настаивалъ. Маркиза, произведя смотръ всѣмъ

наличнымъ невѣстамъ, забраковала ихъ съ бо̀льшею строгостью, чѣмъ королевскій вербовщикъ—солдатъ. Когда она остановилась, чтобы перевести духъ, маркизъ проговорилъ со смѣсью ироніи и любопытства:

— Въ какую же дверь вы прикажете мнѣ постучаться? Если вы отвергли стольких невѣстокъ, то вѣроятно у васъ уже есть на примѣтѣ своя?

Г-жа де-Мигюракъ сосредоточилась, опустила глаза, подняла ихъ и, глядя поверхъ головы сына на раму зеркала, проговорила твердо:

— Мэтръ Мориссо, сборщикъ пошлинъ въ Бордо, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вашимъ отцомъ, обладаетъ состояніемъ, которое, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, равняется двумъ милліонамъ. У него есть дочь, которую онъ желалъ бы выдать за...

Молодой человѣкъ такъ подскочилъ на креслѣ, что дерево затрещало и у засыпавшаго уже аббата вырвался крикъ ужаса.

— Неужели вы желаете, чтобы Мигюракъ вступилъ въ бракъ съ дочерью какого-то обиралы?

Маркиза небрежно играла кружевомъ своего платья; она дала сыну излить его негодованіе, а затѣмъ въ мягкой, вкрадчивой рѣчи согласилась съ тѣмъ, что неравный бракъ, конечно, нежелателенъ, хотя и самъ король Франціи раздѣлилъ однажды ложе съ дочерью флорентинскаго ювелира. Но вопросъ сводился вотъ къ чему: лучше ли для древняго дома угаснуть навсегда, или допустить, чтобы блескъ его возродился, при помощи плебейской крови? Безъ сомнѣнія, будь маркизъ Анри въ живыхъ, онъ, считавшій всѣхъ людей равными, отнесся бы одобрительно къ подобному плану. Въ заключеніе маркиза извинилась за свою разсѣянность: она позабыла сказать, что торговецъ лошадьми получилъ отъ суда въ Бордо исполнительный листъ, по которому онъ черезъ три мѣсяца имѣетъ право назначить къ продажѣ замокъ и конюшни, если счетъ его останется неуплаченнымъ.

Напрасно Луи-Ликургъ пробовалъ протестовать и возмущаться. Наконецъ, глубоко вздохнувъ, онъ спросилъ маркизу: видѣла ли она молодую дѣвушку?

Г-жа де-Мигюракъ достала осыпанный алмазами медальонъ и подала его сыну, который, несмотря на досаду, не безъ удовольствія взглянулъ на хорошенькое, съ привлекательнымъ выраженіемъ, личико. Видя, что лицо его смягчилось, маркиза торжественно сказала:

— Дѣвица Изабелла Мориссо получила прекрасное образованіе

въ монастырѣ благородныхъ дамъ Coeur de Marie. Я еще не сказала вамъ, что ея приданое равняется тремъ стамъ тысячъ экю, и кромѣ того, цѣня столь блестящій бракъ, мэтръ Мориссо обѣщаетъ уплатить всѣ текущіе ваши долги и выкупить земли.

Луи-Ликургъ посмотрѣлъ на аббата, на мать свою, на медальонъ и потомъ—снова на аббата.

— Что вы скажете объ этомъ, г. Жуанò?

Аббатъ энергично задвигалъ шеей, и можно было думать, что онъ скажетъ нѣчто важное, но упорный припадокъ кашля прервалъ его на полусловѣ. Окинувъ его строгимъ взглядомъ, маркиза обратилась къ сыну.

— Васъ удивитъ одно обстоятельство. Эта дѣвица, на которую вы обратили вниманіе во время танцевъ у г-жи де-Блиньи, безъ ума отъ вашего лица и осанки. Ей семнадцать лѣтъ.

Луи-Ликургъ молчалъ. Изъ окна виднѣлась роскошная зелень парка, лѣвое крыло замка, синее небо и праздничное солнце. Ему показалось ужаснымъ отречься отъ столькихъ благъ. Снова взглянувъ на портретъ дѣвицы Мориссо, онъ подумалъ, что будь она женою другого, онъ сталъ бы добиваться ея милостей; не глупо ли отказываться отъ нея только потому, что она вмѣстѣ съ любовью дастъ ему и крупное состояніе? И заключеніе его мыслей—очень сбивчивыхъ и смутныхъ—было таково:

— Хорошо, я повидаюсь съ нею.

Два мѣсяца спустя, въ каѳедральномъ соборѣ города Бордо самъ архіепископъ благословилъ бракъ Луи-Ликурга, маркиза де-Мигюракъ, съ дѣвицею Изабеллою Мориссо. Большая толпа народа, среди которой выдѣлялась вся мѣстная знать, тѣснилась въ храмѣ, желая принести поздравленіе новобрачнымъ, и зѣваки наперерывъ восхищались ихъ набожностью, граціей и великолѣпіемъ.

V.

На другой день послѣ свадьбы, г. де-Мигюракъ вынужденъ былъ отдать должное проницательности своей матери и сознаться, что она не обманула его относительно достоинствъ его жены. На радостяхъ по случаю такого блестящаго брака, мэтръ Мориссо выказалъ большую щедрость, и не только уплатилъ долги зятя, какъ тотъ выразилъ на это желаніе—не торгуясь, чисто по-королевски, но кромѣ того подарилъ молодымъ на первое обзаведеніе шкатулку съ двадцатью тысячами экю.

Согласно ожиданіямъ маркизы, бракъ съ богатою наслѣд-

ницей придалъ ихъ дому новый блескъ. Молодой маркизъ не только могъ пріобрѣсти свору г. де-Жаларюкъ и выписать изъ Парижа экипажъ, но и вся обстановка его измѣнилась. Наряду съ устарѣвшею мебелью появились шкапчики Буля, лакированные, съ мѣдными инкрустаціями коммоды Мартэна, толстенькіе амуры, трюмо, эстампы, дорогія бездѣлушки. Старинное серебро пополнилось вещами удивительной работы; въ конюшняхъ заржали кровные кони, штатъ прислуги былъ удвоенъ; яркія пунцовыя ливреи съ галунами—привлекали почтительное вниманіе черни, возбуждая зависть обѣднѣвшей знати. Съ трехъ часовъ дня и до поздней ночи къ замку безостановочно подкатывали экипажи съ благородными дамами и кавалерами: обѣды, охоты, всевозможные балы—слѣдовали одинъ за другимъ, и зачастую свѣчи гасли лишь на разсвѣтѣ. Золото мэтра Мориссо лилось по-царски, но источникъ его еще не изсякъ, и добрякъ чувствовалъ себя вознагражденнымъ съ лихвою, сидя рядомъ съ потомками древнѣйшихъ фамилій, которымъ отецъ его служилъ, стоя за ихъ стуломъ во время подобныхъ празднествъ.

Что касается до молодой маркизы, то со стороны ея мужа было бы дурнымъ вкусомъ отрицать ея привлекательность и умѣнье, съ которымъ она исполняла обязанности хозяйки дома.

Дѣвица Изабелла Мориссо была въ расцвѣтѣ своихъ семнадцати лѣтъ не только бѣла, румяна, съ прекрасными глазами, въ которыхъ сіяло счастье и свѣтилась нѣжная скромность, присущая ея возрасту, но, будучи воспитана въ самомъ аристократическомъ заведеніи Бордо, она естественнымъ образомъ усвоила манеры знатной дамы, и пріобрѣла болѣе величавый видъ, чѣмъ большинство мѣстныхъ благородныхъ дѣвицъ, откармливаемыхъ какъ индюшки. Конечно, руки ея не были малы до смѣшного, и умъ ея, хотя весьма развитой, не былъ равенъ уму Скюдери или Севиньé, но въ мірѣ нѣтъ совершенства; зато любовь и уваженіе ея къ маркизу—были безграничны. Перваго свиданія съ нимъ было достаточно для того, чтобы она безумно полюбила обольстительнаго маркиза; она уже видала немало молодыхъ дворянъ, облизывавшихся на ея приданое, какъ котъ на сало; ея первоначальное пылкое желаніе сдѣлаться женою юнаго красавца, порожденное отчасти тщеславіемъ, вскорѣ перешло въ страстную любовь. Будучи любезнымъ по природѣ, г. де-Мигюракъ, не довольствуясь тѣмъ, что далъ ей свое имя, постоянно относился къ ней съ учтивостью и деликатностью, завоевавшими сердце молодой женщины.

Польщенный обожаніемъ, выражавшимся въ ея взорахъ и

словахъ, онъ показалъ ей, что она нравится ему, и что онъ предпочитаетъ ее другимъ женщинамъ. Это отношенiе привело юную маркизу въ такой восторгъ, что изъ любви къ мужу она пошла бы на все, и потребуй онъ у нея луну—она сейчасъ пошла бы за лѣстницей, чтобы достать ее съ неба.

Итакъ, не было ничего удивительнаго въ томъ, что въ теченiе полугода и даже болѣе г. де-Мигюракъ выказывалъ себя безукоризненнымъ супругомъ, внимательнымъ и влюбленнымъ; онъ прекрасно чувствовалъ себя дома, неохотно уѣзжая изъ него, и своевременно возвращался, воздерживаясь отъ самой легкой интрижки въ окрестныхъ замкахъ и хижинахъ. Лишь по истеченiи этого срока, образъ жизни его подвергся измѣненiю.

Какое облако впервые омрачило ихъ счастье? Перо аббата Жуано, изобразившее въ латинскихъ стихахъ радости ихъ любви, описываетъ ихъ несогласiе весьма запутанною прозою. Возможны различныя предположенiя. Быть можетъ, материнская ревность маркизы Олимпiи помѣшала ей способствовать устраненiю мелкихъ недоразумѣнiй, возникающихъ на каждомъ брачномъ пути? Быть можетъ, мэтръ Мориссо, напуганный безумною тратою своихъ денегъ, попросилъ дочь, послѣ того какъ маркизъ проигралъ въ одну ночь пятьсотъ экю въ фараонъ, поговорить съ нимъ по этому поводу, или самъ рискнулъ сдѣлать ему нѣсколько замѣчанiй? Могло случиться и такъ, что маркизъ былъ раздосадованъ непоявленiемъ на свѣтъ ожидаемаго имъ наслѣдника имени. Словомъ, до истеченiя года, запасъ его супружеской вѣрности истощился; онъ сталъ скучать и ощутилъ потребность въ развлеченiяхъ.

Сначала онъ съ похвальнымъ старанiемъ скрывалъ свои похожденiя отъ молодой супруги, заботясь о томъ, чтобы его любовница и мѣста его удовольствiй находились подальше отъ замка. Поужинавъ съ веселой компанiей въ какой-нибудь гостепрiимной тавернѣ, онъ зачастую скакалъ затѣмъ часа два сломя голову, чтобы вернуться домой ранѣе, чѣмъ проснется маркиза. Если же ему случалось увлечься кутежомъ въ продолженiе нѣсколькихъ дней, онъ никогда не забывалъ привозить ей какой-нибудь подарокъ.

Однако, маркиза Изабелла не оцѣнила, какъ ему казалось, его умѣнья держать себя. Конечно, она не унизилась до мѣщанскихъ упрековъ, но расположенiе духа ея измѣнилось: порою она принимала его холодно и отказывалась отъ его подарковъ; порою глядѣла на него съ убитымъ видомъ и полными слезъ глазами, или утомляла его порывами какой-то отчаянной нѣж-

ности. Ихъ свиданія только огорчали маркиза, чувствительная душа котораго не выносила картины причиняемыхъ имъ страданій. Съ другой стороны, видя, что она недостаточно цѣнитъ его деликатность, онъ естественнымъ образомъ пересталъ стѣсняться; чтобы не видѣть ея печальныхъ глазъ, онъ пріучился пить и возвращался въ зàмокъ лишь тогда, когда уже не бывалъ въ состояніи различать человѣческихъ лицъ. Но поутру, когда, проспавшись, онъ являлся къ маркизѣ, чтобы поцѣловать ея руку, онъ находилъ ее такою измученною, съ провалившимися, потухшими глазами, что сердце его разрывалось отъ угрызенія совѣсти, и онъ желалъ одного: поскорѣе уѣхать и искать забвенія въ новыхъ забавахъ.

Такимъ образомъ, согласно завѣренію аббата Жуанò, чувствительность Луи-Ликурга, вмѣсто того, чтобы сблизить—лишь сильнѣе разъединяла супруговъ; воспоминаніе о маркизѣ мѣшало ея супругу беззаботно предаваться удовольствіямъ, и его собутыльники подшучивали надъ его мрачностью, не уступавшею вліянію винныхъ паровъ. Дѣвицы легкаго поведенія боялись его почти настолько же, насколько онѣ цѣнили его щедрость. Иногда въ разгаръ вакханаліи онъ вскакивалъ съ проклятіями, опрокидывая столъ съ посудою, расталкивалъ пирующихъ, угрожая шпагою всякому, кто бы вздумалъ его остановить, и, вскочивъ въ сѣдло, мчался опрометью къ зàмку. Сердце маркизы изошло бы кровью отъ горя и радости, еслибы она увидѣла его рыдающимъ на колѣняхъ передъ освѣщеннымъ окномъ, за которымъ плакала она сама, но чувство какой-то роковой утонченной стыдливости мѣшало ему постучаться въ это окно.

Какъ бы то ни было, продолжая обращаться съ полнымъ уваженіемъ съ тою, которая носила его имя, Луи-Ликургъ предался такому разгулу, что не только маркиза Олимпія, но и скромный аббатъ Жуанò, сочли должнымъ выразить ему неодобреніе. Аббату онъ посовѣтовалъ служить обѣдни, но въ бесѣдѣ съ маркизою онъ вошелъ въ неописанную ярость, сыпалъ проклятіями, какъ язычникъ, разбивалъ венеціанскій и саксонскій фарфоръ, громко крича, что все это—дѣло рукъ ея. Онъ такъ неистовствовалъ, что послѣ ихъ свиданія она часа два просидѣла на мѣстѣ, не раскрывая рта. Что касается молодой маркизы—на нее жаль было смотрѣть: до того она худѣла и блѣднѣла, все болѣе уходя въ дѣла благотворительности, въ которыхъ ей помогалъ добросердечный аббатъ Жуанò. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, она послѣдовала бы примѣру большинства дамъ: или отплатила бы ударомъ за ударъ, избравъ себѣ возлюб-

леннаго, или, быть можетъ, мужъ окончательно вернулся бы къ ней, но неожиданное обстоятельство, случившееся года черезъ три послѣ ихъ свадьбы, повлекло за собою важныя перемѣны, устранивъ обѣ эти возможности.

Однажды маркизу вздумалось задать всей окрестной знати достойный его имени пиръ. Хотѣлось ли ему повеселиться, или отвлечь маркизу отъ горестныхъ мыслей? Желалъ ли онъ предстать въ полномъ блескѣ передъ г-жею де-Солеттъ, пикантною блондинкою съ живыми глазами и многообѣщающею улыбкою, предметомъ его усиленныхъ ухаживаній? Какъ бы то ни было, но въ продолженіе цѣлой недѣли обойщики изъ Бордо украшали обширные покои замка, садовники посыпали пескомъ аллеи, а на кухню въ громадномъ количествѣ доставлялись припасы и лакомства.

Въ назначенный день отлакированныя заново кареты доставили къ парадному, ярко освѣщенному подъѣзду цвѣтъ мѣстной знати; разряженные въ бархатъ, атласъ и кружева, сіяющіе драгоцѣнностями, гости поднялись по обтянутой краснымъ дама лѣстницѣ, между двумя рядами лакеевъ въ красныхъ съ золотомъ камзолахъ и бѣлыхъ лосинахъ. Наверху ихъ привѣтствовали съ изысканною любезностью маркизъ—очень стройный, въ пунцовомъ камзолѣ и жилетѣ изъ свѣтло-сѣраго атласа, шитомъ краснымъ шолкомъ и золотомъ, и маркиза, воздушную красоту которой оттѣняло бѣлое атласное платье, вышитое розами на золотыхъ стебляхъ; низко вырѣзанный корсажъ открывалъ ея нѣжныя плечи, а саксонскія кружева драпировали руки до локтей.

Послѣ изумительнаго угощенія, на которомъ фигурировали паштеты изъ Страсбурга и Перигё, пулярки изъ Ренна, бекасы изъ Домба и колоссальный тортъ à la frangipane, звуки гармоническаго оркестра, составленнаго изъ скрипокъ, гобоевъ и клавесина, пригласили гостей прослѣдовать въ танцовальную залу, гдѣ маркизъ предложилъ г-жѣ де-Солеттъ руку для менуэта, причемъ его визави были маркиза и герцогъ де-Ревиньи. Очень блѣдная, г-жа де Мигюракъ, тѣмъ не менѣе, улыбалась, хотя ея женское чутье, а также репутація и дерзкій видъ ея соперницы, ясно говорили ей, кто была царица празднества.

Затѣмъ танцы сдѣлались общими; веселость хорошаго тона царила въ салонахъ, многочисленныя зеркала которыхъ до безконечности отражали въ себѣ танцующія пары.

Испуганнымъ и робкимъ взоромъ Изабелла противъ воли искала маркиза, но въ водоворотѣ пестрой толпы она не могла услѣдить за нимъ. Горькая тоска овладѣла ею среди разгара

празднества; она побоялась лишиться чувствъ отъ волненія и жары и принялась искать въ своемъ ридикюлѣ флаконъ цѣлебныхъ капель, но камеристка забыла его положить. Маркиза вспомнила, что оставила его въ своей комнатѣ; никого не безпокоя, она безшумно выскользнула изъ залы и поднялась по лѣстницѣ, надѣясь среди прохлады и тишины придти въ себя.

Подойдя къ спальнѣ, она съ изумленіемъ замѣтила лучъ свѣта и, отворивъ дверь, замерла на мѣстѣ при видѣ представившагося ей зрѣлища. Оправляя наскоро прическу и платье, передъ нею убѣгала женщина, въ которой она узнала г-жу де-Солеттъ, между тѣмъ какъ красный и сконфуженный маркизъ смотрѣлъ на нее, стараясь сохранить присутствіе духа. Наконецъ, онъ заговорилъ съ нею вѣжливо и ласково, какъ говорятъ съ малолѣтними:

— Позвольте предложить вамъ руку, маркиза, и вѣрьте...

Но она не слушала его. Невольнымъ движеніемъ она указала на бѣлую съ балдахиномъ изъ голубого дама кровать, украшенную гирляндами и амурами, свидѣтелями ихъ молодой любви, и промолвила очень тихо, упавшимъ голосомъ и съ выраженіемъ безконечной тоски:

— О, Луи, Луи... Чувство чести и человѣколюбія...

Но тутъ силы оставили ее, она безъ чувствъ упала на полъ.

Маркизъ бросился къ ней, поднялъ ее и положилъ на бержерку. Взволнованный, онъ провелъ рукою по лбу и замѣтилъ ея исхудалыя щеки и запекшіяся губы. И вдругъ онъ прошепталъ:

— Я негодяй!

Подбѣжавъ къ двери, онъ крикнулъ:

— Эй, кто-нибудь! Маркизѣ дурно!

И онъ, какъ безумный, выбѣжалъ въ коридоръ.

Узнавъ о нездоровьи маркизы, гости потребовали, чтобы имъ подали кареты, но напрасно желали они проститься съ хозяиномъ; маркиза Олимпія извинилась за него, выставивъ предлогомъ его исключительную любовь къ женѣ, не дозволяющую ему покинуть ее.

Послѣ шумнаго разъѣзда, сопровождаемаго криками кучеровъ, ржаніемъ лошадей, звяканьемъ сбруи, рѣшетчатыя ворота затворились, свѣчи погасли и въ замкѣ водворилась тишина.

Тѣмъ временемъ Луи-Ликургъ съ потрясенною душою блуждалъ по глухимъ аллеямъ парка, по зарослямъ и оврагамъ, гдѣ репейникъ рвалъ его платье. Онъ останавливался, хватался обѣими руками за голову и разражался рыданіями. Слова его жены

напомнили ему предсмертные завѣты маркиза Анри; предъ нимъ сразу словно разорвалась какая-то завѣса, и онъ увидѣлъ себя обезчещеннымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Не только онъ преступилъ волю отца и не сдержалъ своей клятвы, но нарушилъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, и худшею его виною была измѣна невинному и благородному существу: онъ воспользовался ея состояніемъ, обрекъ ее слезамъ и поруганію, и наконецъ нанесъ ей худшее оскорбленіе въ томъ мѣстѣ, которое должно было бы почитаться имъ священнымъ.

Сидя съ непокрытою головою и растрепавшимися волосами на копнѣ сѣна и не замѣчая ночной росы, маркизъ былъ весь погруженъ въ свою скорбь. Виновный въ подобномъ оскорбленіи, онъ не могъ болѣе показаться на глаза маркизѣ и принимать ея милости; — это было бы гнусно. Итакъ, онъ вернулся къ себѣ, переодѣлся въ дорожный костюмъ изъ толстаго коричневаго сукна, уложилъ въ мѣшокъ нѣсколько смѣнъ бѣлья, туалетный приборъ, кошелекъ наполовину полный, двѣ-три драгоцѣнности, оставшіяся ему послѣ отца, а также—пистолетъ. Затѣмъ, сѣвъ за столъ, онъ написалъ твердымъ почеркомъ:

„Маркиза!

„Ужасъ, наполняющій грудь мою при мысли объ оскорбленіяхъ, мною вамъ нанесенныхъ,—такъ великъ, что для выраженія его у меня недостаетъ словъ. Вся моя кровь не можетъ искупить пролитыхъ вами по моей милости слезъ. Для подобнаго грѣха не можетъ быть ни раскаянія, ни прощенія. Святая и благородная женщина, такъ какъ Провидѣніе поздно открыло мнѣ глаза, я хочу совершить единственное доступное мнѣ искупленіе, освободивъ васъ отъ лицезрѣнія недостойнаго предмета. Когда вы прочтете это послѣднее „прости“, я навсегда покину замокъ, унося съ собою неизгладимое воспоминаніе о вашихъ добродѣтеляхъ и стыдъ за то, что я не сумѣлъ ихъ оцѣнить. Будучи палачомъ вашей нѣжной души, я воспрещаю себѣ испрашивать у васъ прощенія; будучи расточителемъ вашего имущества, котораго я не могу возвратить вамъ, я, по крайней мѣрѣ, не дозволю себѣ воспользоваться остатками его. Все, что я имѣю—такова моя воля—принадлежитъ вамъ. Вамъ, маркиза де-Мигюракъ, я вручаю честь моего имени. Пусть судьба ниспошлетъ вамъ другого, болѣе достойнаго васъ возлюбленнаго. Пусть шпага нѣмецкаго улана поскорѣе отниметъ жизнь у этого сердца, не смогшаго подняться на равную съ вашимъ высоту, но въ которомъ сохранится навѣки ваше имя, имя добродѣтели и красоты.—Вашъ недостойный слуга Луи-Ликургъ“.

Перечитавъ письмо и найдя его безупречнымъ со стороны стиля, маркизъ ощутилъ облегченіе. Онъ запечаталъ его печатью съ гербомъ маркизовъ де-Мигюракъ, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, безшумно отворилъ тяжелую входную дверь и прошелъ на конюшню. Тамъ онъ выбралъ сильнаго коня темно-рыжей масти, собственноручно осѣдлалъ его, приторочилъ свой мѣшокъ и, вскочивъ въ сѣдло, выѣхалъ на аллею. У воротъ онъ оглянулся, обвелъ прощальнымъ взоромъ зеленый куполъ симметрично подстриженныхъ деревьевъ, башни замка, цвѣтущій садъ, отдаленныя строенія фермъ... Все это уже озарялось первымъ сіяніемъ зари, и звѣзды гасли въ нѣжной лазури небесъ.

Осенніе листья трепетали отъ предутренняго вѣтерка, птицы пробуждались въ гнѣздахъ. Луи-Ликургъ отеръ слезу, послалъ рукою поцѣлуй и сказалъ:

— Природа, уроковъ твоихъ я не сумѣлъ понять,—даруй успокоеніе той, кого я не сумѣлъ любить.

Затѣмъ, давъ шпоры коню, онъ рысью поѣхалъ по дорогѣ, ведущей въ Пуатье, и черезъ какую-нибудь милю морщины на его лбу изгладились. Онъ выпрямился въ сѣдлѣ, и копыта коня отбивали тактъ гривуазной пѣсенки, которую онъ напѣвалъ. Онъ вспомнилъ г-жу де-Солеттъ за клавесиномъ; сдѣлавъ объѣздъ, онъ могъ бы проститься съ нею. Но воспоминаніе о его гнусностяхъ заставило его съ ужасомъ отказаться отъ такой мысли, несовмѣстной съ искупленіемъ.

Онъ достигъ вершины склона близъ деревушки Кастельмаронъ, въ двухъ миляхъ отъ Мигюрака. Обернувшись, онъ могъ еще различить громаду отцовскаго замка, исчезнувшую среди деревьевъ. Маркизъ привѣтствовалъ ее широкимъ движеніемъ руки и, пришпоривъ коня, помчался подъ гору.

VI.

Г. де-Мигюракъ любилъ разсказывать впослѣдствіи, что три недѣли, которыя онъ провелъ въ дорогѣ, отправляясь въ Парижъ, были однѣми изъ наиболѣе интересныхъ въ его жизни. Освобожденный отъ угрызеній совѣсти громадностью принесенной имъ жертвы и изгнаніемъ, на которое онъ добровольно обрекъ себя; чуждый всякихъ заботъ, онъ радостно отдавался новымъ впечатлѣніямъ. Хотя жизнь его была уже богата событіями, не слѣдуетъ забывать, что ему пошелъ всего двадцать-первый годъ и онъ еще ни разу не выѣзжалъ изъ своей провинціи. Онъ не за-

мѣчалъ, насколько жестки были постели и жаркое въ гостиницахъ и мало аппетитны служанки, заигрываніями которыхъ онъ не пренебрегалъ: порою онъ готовъ былъ смотрѣть на все это какъ на нѣчто, связанное съ его искупленіемъ. Не станемъ подробно описывать его приключенія. Успѣвъ намокнуть подъ дождемъ и поджариться на солнцѣ, переночевавъ въ двухъ дюжинахъ гостинницъ, испытавъ на себѣ алчность хозяевъ и любезность служанокъ, едва не попавъ въ лапы разбойниковъ, двоихъ изъ которыхъ онъ уложилъ на мѣстѣ, маркизъ де-Мигюракъ — загорѣлый, въ полинявшемъ костюмѣ, но съ прежнимъ надменнымъ видомъ—въѣхалъ въ Парижъ на своемъ конѣ темнорыжей масти. Былъ теплый ноябрьскій вечеръ; съ мутно-свинцоваго неба падалъ мелкій дождь на грязную землю, на которой образовалась масса темныхъ лужъ.

Слѣдуя совѣту какой-то дѣвицы изъ Орлеана, маркизъ прослѣдовалъ цѣлою сѣтью зловонныхъ переулковъ къ улицѣ Trousse-Vache, гдѣ въ кривомъ зданіи, именуемомъ гостинницею „Цвѣтущаго Кролика“, ему отвели за одно экю каморку, съ слуховымъ окномъ и соломеннымъ матрацемъ; продовольствіе входило въ тотъ же счетъ.

Полный любознательности, маркизъ посвятилъ первые дни на ознакомленіе со столицею, превзошедшею его ожиданія.

Соборъ Парижской Богоматери, Лувръ, бульвары, моргъ, гдѣ выставляютъ утопленниковъ, изящество экипажей, великолѣпіе аристократическихъ отелей, блескъ нарядовъ, красота женщинъ, громадность города и дѣятельная жизнь, кипѣвшая въ немъ,—все повергало его въ восторгъ.

Несмотря на нежеланіе прослыть провинціаломъ, онъ останавливался иногда, пораженный новизною зрѣлища, и обращался съ какою-нибудь любезностью къ женщинѣ, къ великому удовольствію зѣвакъ и неудовольствію мужей, приводя въ смущеніе тѣхъ и другихъ однимъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ.

Къ концу мѣсяца г. де-Мигюракъ замѣтилъ однако, что его кошелекъ пустѣетъ, хотя онъ уже продалъ одну изъ драгоцѣнностей отца. Тогда онъ вспомнилъ то, о чемъ забылъ на поворотѣ дороги близъ деревушки Кастельмаронъ, а именно—о своемъ намѣреніи поступить на службу короля. Итакъ, онъ приказалъ мальчишкѣ хорошенько почистить его платье и коня, и на слѣдующій же день, несмотря на сильный холодъ, онъ отправился въ Версаль, чтобы представиться монарху и изложить ему свою просьбу.

Онъ былъ немало пораженъ оживленіемъ, царившимъ на

дорогѣ. Его поминутно обгоняли или встрѣчались ему пѣшеходы, всадники, собственныя и почтовыя кареты, уносившія въ Версаль пеструю толпу придворныхъ, просителей и любопытныхъ.

Торжественное великолѣпіе Версаля, ширина аллей, обиліе солдатъ во всевозможныхъ мундирахъ, съѣздъ экипажей—поразили его, и вся видѣнная имъ до сихъ поръ роскошь—показалась ему жалкою.

Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшительно направился къ воротамъ дворца и собирался въѣхать въ нихъ, когда колоссальнаго роста раззолоченный швейцарецъ заградилъ ему путь, спросивъ его: что ему нужно, и не думаетъ ли онъ, что во дворецъ входятъ такъ же, какъ на мельницу?

Хотя кровь бросилась ему въ лицо, г. де-Мигюракъ учтиво отвѣтилъ, что желаетъ видѣть короля. Швейцарецъ, усмѣхнувшись при видѣ его носа, покраснѣвшаго съ холоду, запыленнаго костюма и коня, видъ котораго, говоря по правдѣ, былъ неблистателенъ, грубо отвѣтилъ, что онъ долженъ сперва подать прошеніе на имя его величества, и притомъ — позаботиться о рекомендательной припискѣ, такъ какъ ежедневно выбрасываются въ корзину четыреста или пятьсотъ подобныхъ прошеній.

Дерзость грубіяна была такова, что маркизъ едва не задохнулся отъ гнѣва, и еслибы ему не пришла на память мысль объ искупленіи, онъ вѣроятно рѣшился бы на какой-нибудь отчаянный поступокъ. Теперь же онъ ограничился тѣмъ, что глубоко вздохнулъ и смѣрилъ его съ головы до ногъ такимъ взглядомъ, что тотъ попятился и положилъ руку на эфесъ шпаги, болтавшейся у него сбоку.

Маркизъ часто повторялъ впослѣдствіи, что съ этого дня онъ понялъ всю зловредность неограниченной власти и преступность политическаго режима, при которомъ монархъ живетъ вдали отъ своихъ подданныхъ, подъ охраною опьяненныхъ успѣхомъ избранниковъ, удаляющихъ отъ него любовь народную и не допускающихъ его до ознакомленія съ народными нуждами. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что величіе королевскаго престижа произвело на него въ тотъ же день большое впечатлѣніе. Привязавъ свою лошадь, онъ замѣтилъ боковой входъ, у котораго толпилась масса народа, и узнавъ, что всѣ они желаютъ посмотрѣть на обѣдъ короля, онъ принялся такъ энергично дѣйствовать локтями, что скоро оказался въ первомъ ряду зрителей. Такимъ образомъ онъ могъ разглядѣть Людовика XV лицомъ къ лицу. Король сидѣлъ одинъ за столомъ, убраннымъ серебромъ, великолѣпіе котораго превосходило все, что можно было себѣ

представить. Нарядъ его не отличался особенною роскошью, но лицо было чисто королевское — съ красивыми, правильными чертами. Знатные дворяне, со шпагою на боку, подносили ему блюда. Когда, по окончаніи обѣда, онъ всталъ изъ-за стола, его спокойный взглядъ остановился на молчаливой толпѣ, и хотя въ это время семилѣтняя война уже навлекла на Францію много бѣдствій и успѣла возбудить неудовольствіе, выходъ короля сопровождался восторженнымъ шопотомъ.

У чувствительнаго маркиза навернулись слезы на глазахъ, и онъ сказалъ себѣ, что можно отдать жизнь за этого монарха, такъ хорошо умѣющаго обѣдать; любопытно, однако, насколько успѣлъ остыть впослѣдствіи его энтузіазмъ, если въ брошюрѣ подъ названіемъ „Безуміе Геліогабала безъ маски" онъ сравниваетъ Людовика XV съ гнуснѣйшими деспотами.

Г. де-Мигюракъ вернулся изъ Версаля съ чувствомъ глубокаго разочарованія. Хотя древность рода давала ему право разъѣзжать въ королевскихъ каретахъ и у отца его имѣлись связи при дворѣ, гордость не дозволяла ему явиться къ кому-нибудь въ столь жалкомъ видѣ. Не обращаясь ни къ кому за рекомендаціей, онъ десятками посылалъ прошенія на имя короля, дофина, маркизы Помпадуръ, герцога Ришельё, маркиза де-Контадъ, принца де-Субизъ, и цѣлый мѣсяцъ очень удивлялся, ни отъ кого не получая отвѣта. Требованія его уменьшались: сначала онъ просилъ полкъ, затѣмъ — роту, и наконецъ уже просто — назначенія его корнетомъ или прапорщикомъ. Продавъ постепенно все свое имущество — отъ коня до фальшиваго рубина, терпя голодъ и холодъ, онъ пришелъ, въ концѣ концовъ, къ убѣжденію, что ему остается или вернуться въ Мигюракъ, или покончить съ собою, и, предпочитая послѣднее, онъ сытно поужиналъ на послѣднее экю, хорошо выспался, а поутру, прельщенный весеннимъ днемъ, рѣшилъ предпринять послѣднюю прогулку вдоль Сены, съ тѣмъ, чтобы утопиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода окажется чище. Близъ Отёйля онъ созерцалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ прозрачную рѣку, и, пославъ мысленно послѣдній привѣтъ женѣ, матери, аббату и всѣмъ дѣвицамъ, украсившимъ его жизненный путь, онъ воскликнулъ, припоминая кончину отца:

— Природа, прими мой послѣдній вздохъ и мое тѣло!

Но такъ какъ маркизъ не былъ убѣжденнымъ атеистомъ, онъ прочелъ „Ave" и „Pater", покаялся въ грѣхахъ, и затѣмъ, перекрестившись, кинулся въ рѣку.

Какъ только въ ушахъ у него зашумѣла вода, дыханіе пре-

сѣклось, а ноги коснулись дна рѣки, онъ могучимъ усиліемъ снова выплылъ на поверхность и съ наслажденіемъ вдохнулъ воздухъ, но тутъ же, вспомнивъ о своемъ рѣшеніи, опять собирался нырнуть, какъ вдругъ до него долетѣли чьи-то крики. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ молодую, стройную женщину въ бѣломъ передникѣ, отчаянно махавшую руками.

— Спасите, ради Бога, спасите его!

Она указывала на что-то черное, барахтавшееся въ водѣ. Маркизъ подумалъ, что хотя онъ и собрался умереть, но было бы неучтиво отказать молодой женщинѣ въ ея просьбѣ; подплывъ къ собачкѣ, онъ ухватилъ ее одною рукою за шиворотъ и, выйдя на берегъ, предсталъ предъ незнакомкою, смотрѣвшею на него какъ на тритона.

— Сударыня,—проговорилъ онъ,—вотъ ваша собачка. Совѣтую вамъ лучше смотрѣть за нею.

Затѣмъ, поклонившись, онъ снова направился къ рѣкѣ, но она пронзительно закричала:

— Ради всего святого, милостивый государь, что вы хотите сдѣлать?

Молодая женщина, казавшаяся субреткою изъ хорошаго дома, схватила его за руку. Онъ учтиво отвѣтилъ, что намѣренъ утопиться, что ему очень холодно и онъ не можетъ терять времени, но тутъ отъ вліянія ли солнца или проглоченной воды, оттого ли что съ прошлаго вечера онъ ничего не ѣлъ, голова у него закружилась, и онъ растянулся ничкомъ на землѣ.

Когда маркизъ пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ бѣлыя и розовыя облака въ лазурномъ небѣ, весьма легко одѣтыхъ нимфъ, толстыхъ амуровъ верхомъ на бабочкахъ, направлявшихъ свои стрѣлы въ полногрудыхъ нимфъ. Быть можетъ, онъ счелъ бы себя перенесеннымъ въ рай богини Цитеры, еслибы не увидѣлъ по одну сторону богатой кровати безобразнаго человѣка, въ которомъ сразу узналъ доктора, а по другую—свою незнакомку, тревожно склонившуюся надъ нимъ. Рука ея лежала на подушкѣ, и маркизъ коснулся ея губами. Она вскрикнула, а у доктора свалились съ носа очки.

— Какъ я рада, что вы живы, сударь!—воскликнула она и прибавила:—Сударыня, пожалуйте взглянуть на нашего утопленника!

Вошла молодая красавица въ газовомъ, сильно декольтированномъ платьѣ, при видѣ которой маркизъ едва не лишился чувствъ вторично. Она держала на рукахъ собачку, лаемъ выражавшую ему свою признательность, и, прижимая ее къ себѣ, проговорила съ плѣнительною улыбкою:

— Какъ мнѣ благодарить васъ, милостивый государь, за то, что вы спасли отъ смерти это сокровище?

— Сударыня, — отвѣтилъ маркизъ, — такъ какъ я не могу надѣяться занять мѣсто этого животнаго, я попрошу васъ дать мнѣ пообѣдать.

Черезъ нѣсколько времени, переодѣтый и отдохнувшій маркизъ разсказывалъ свои похожденія очаровательной хозяйкѣ, оказавшейся mademoiselle Хлорисою, оперною танцовщицей. Судьбѣ угодно было, чтобы у нея былъ другъ—любезный шестидесятилѣтній г. де-Монтрёйль, снаряжавшій въ данную минуту полкъ. M-lle Хлориса, которой онъ ни въ чемъ не могъ отказать, горячо рекомендовала ему нашего героя, и недѣлю спустя послѣ попытки на самоубійство, маркизъ покидалъ гостепріимный домъ съ патентомъ корнета въ карманѣ и съ пятью стами экю—подаркомъ г. де-Монтрёйль сыну его стараго пріятеля. Кромѣ этого, на пальцѣ правой руки маркиза красовался бриллiантовый перстень—даръ m-lle Хлорисы, а лѣвая его рука украсилась колечкомъ съ жемчужиной, полученнымъ на память отъ m-lle Миретты, ея камеристки. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что однимъ изъ доказательствъ въ пользу неисповѣдимой благости Провидѣнія онъ считаетъ свою попытку на самоубійство, окончившуюся спасеніемъ собачки m-lle Хлорисы и поступленіемъ его на службу короля.

Полкъ, въ который маркизъ де-Мигюракъ поступилъ корнетомъ, былъ отправленъ на Рейнъ съ тѣмъ, чтобы воевать подъ знаменами герцога де-Субизъ противъ ганноверской арміи. Маркизъ, покидая Парижъ, жаждалъ славы и сраженій; онъ не сомнѣвался, что черезъ нѣсколько недѣль онъ получитъ, въ ожиданіи маршальскаго жезла, эполеты лейтенанта.

Война рисовалась ему не только въ видѣ священной обороны государства, но и въ видѣ благородной военной „игры" между двумя въ равной мѣрѣ благородными и славными противниками: чѣмъ-то вродѣ поединка, послѣ котораго примирившіеся враги пьютъ за здоровье другъ друга.

Поведеніе и рѣчи офицеровъ еще болѣе утверждали его въ этомъ мнѣніи; во время движенія войскъ по Вестфаліи они только и дѣлали, что кутили и развлекались съ женщинами, а по прибытіи къ мѣсту стоянки положеніе мало измѣнилось. Въ этой избранной средѣ г. де-Мигюракъ скоро утратилъ остатки своего провинціализма и сдѣлался образцовымъ офицеромъ, проводящимъ ночи за игрою въ ландскнехтъ, щепетильнымъ въ вопросахъ чести, умѣющимъ ловко занимать деньги въ долгъ безъ

отдачи, ухаживать за нѣмками и колотить склонныхъ къ подозрительности мужей. Тутъ впервые маркизу стало ясно, до какой степени служба королю—дворянское дѣло: онъ могъ дать полный просторъ зарождавшимся въ немъ съ шестнадцати лѣтъ аристократическимъ влеченіямъ, среди которыхъ игра, женщины и вино занимали первенствующее мѣсто.

Къ сожалѣнію, сраженія далеко не оправдали своей репутаціи въ глазахъ маркиза; о рукопашныхъ схваткахъ не было и помину. Послѣ форсированныхъ маршей, обходовъ и отступленій приходилось стоять въ жидкой грязи подъ артиллерійскимъ огнемъ противника и отстрѣливаться отъ него. Единственнымъ занятіемъ офицеровъ было шутить и слѣдить другъ за другомъ: не моргнетъ ли кто-нибудь изъ нихъ или не склонитъ ли голову при видѣ летящаго ядра? Маркизъ скоро выдѣлился тѣмъ изумительнымъ хладнокровіемъ, съ которымъ онъ, сидя на ящикѣ, чистилъ ногти или сдувалъ соринки съ своего рукава. Онъ волновался лишь въ ту минуту, когда близъ него падалъ, обливаясь кровью, человѣкъ; ему вспоминались слова отца о братствѣ между людьми, и онъ приказывалъ скорѣе перенести раненаго въ лазаретъ. За такое человѣколюбіе онъ подвергался сначала насмѣшкамъ товарищей, но, въ виду малой склонности его къ долготерпѣнію и острой шпаги, его скоро оставили въ покоѣ.

Но дни сраженій были рѣдки, и за ними часто слѣдовало очищеніе позицій, именуемое „стратегическимъ отступленіемъ", когда войска бѣжали въ безпорядкѣ, бросая раненыхъ, палатки и обозы. Хотя германскіе принцы и считались нашими союзниками, но неудачи французовъ преисполняли ихъ радостью, и жители насмѣшливо глядѣли на отступающихъ. Офицеры, исполнившіе свой долгъ, мирились съ неуспѣхомъ.

Въ этой однообразной и не принесшей славы войнѣ маркизу однажды удалось отличиться. Желая перейти въ наступленіе, герцогъ де-Субизъ выслалъ кавалерію на рекогносцировку, продолжавшуюся нѣсколько дней. Убѣдившись, что непріятель отступилъ, офицеры собрались вечеромъ на свою обычную попойку. Въ самый разгаръ ея, одному изъ нихъ, бывшему менѣе пьянымъ, чѣмъ остальные, почудился звонъ оружія, но онъ не обратилъ на это вниманія и предложилъ выпить за здоровье дамъ, какъ вдругъ дверь распахнулась, блеснулъ рядъ мушкетовъ, и въ комнату ворвались прусскіе гренадеры, вѣжливо предложившіе французамъ сдаться. Тѣ съ проклятіями повскакали съ мѣстъ, сразу отрезвленные, но силы были слишкомъ неравны, и полковникъ собирался уже, съ сокрушеннымъ сердцемъ, отдать свою

шпагу, когда за окнами раздалась пальба; нападающіе бѣжали, и часть ихъ попалась въ плѣнъ къ французскимъ солдатамъ, причемъ во главѣ освободителей оказался г. де-Мигюракъ. Два часа тому назадъ его оставили мертвецки-пьянымъ на его квартирѣ; несмотря на хмель, онъ услышалъ приближеніе непріятеля и, выскочивъ, въ чемъ былъ, изъ окна, поднялъ тревогу. Онъ принималъ выраженія признательности, дрожа отъ холода, такъ какъ держалъ одной рукою шпагу, а другою—придерживалъ рубашку, въ которую тщетно пытался закутаться.

За этотъ подвигъ онъ удостоился производства въ лейтенанты. Наконецъ, настала минута, когда, послѣ пятидесяти-двухъ сраженій, нѣсколькихъ сотенъ тысячъ убитыхъ, умершихъ въ канавахъ и навѣки искалѣченныхъ людей, ста-восьмидесяти пущенныхъ ко дну кораблей, громадной совершенно разоренной территоріи, послѣ военныхъ расходовъ въ двѣсти милліоновъ экю,—европейскіе монархи нашли національную честь удовлетворенной и заключили между собою миръ. Г. де-Мигюракъ пришлось выйти въ отставку съ пенсіей въ сто экю, и, за неимѣніемъ другихъ рессурсовъ, онъ поступилъ на службу къ турецкому султану.

VII.

Тутъ мы приближаемся къ самому бурному періоду жизни г. де-Мигюракъ, но, къ сожалѣнію подробности его мало выяснены біографами маркиза. Самъ онъ говаривалъ съ очаровательнымъ чистосердечіемъ, что хотя эти годы во многомъ способствовали развитію въ немъ философской мысли, но они были также и большимъ испытаніемъ для его нравственности, въ чемъ онъ видѣлъ еще новое доказательство того, что такъ называемая цивилизація ведетъ людей къ поступкамъ, извиняемымъ обстоятельствами, но несовмѣстнымъ съ требованіями строгой морали.

О немъ разсказывали, что онъ чуть ли не принялъ магометанство и вѣроятно попалъ бы въ большіе сановники при султанскомъ дворѣ, если бы не романъ его съ султаншею, окончившійся заключеніемъ маркиза въ тюрьму, откуда влюбившаяся въ него жена тюремщика помогла ему бѣжать. Изъ Турціи ему удалось пробраться въ Россію, ко двору Екатерины, гдѣ тоже онъ едва не нашелъ свое счастіе, но, впавъ въ немилость у царицы, принужденъ былъ бѣжать въ Варшаву. Тамъ, при помощи бриллiантовъ, которые онъ счелъ лишнимъ возвратить высокой дарительницѣ, ему удалось сначала сыграть видную роль въ обществѣ, поразивъ варшавянъ своею щедростью, но когда рес-

сурсы и кредитъ его истощились, онъ предусмотрительно бѣжалъ въ Германію. Тамъ въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ онъ велъ не особенно широкую жизнь, поддерживая свое существованіе преимущественно игрою. Германскія похожденія маркиза завершились его романомъ съ дочерью ландграфа, которая однажды ночью явилась къ нему, захвативъ шкатулку со своими драгоцѣнностями. Бѣглецовъ арестовали по дорогѣ въ Швейцарію, дѣвицу отослали въ монастырь, а маркиза посадили въ тюрьму, по обвиненію его въ похищеніи—не чести ландграфскаго дома, но исключительно—коронныхъ его бриллiантовъ.

Въ первое время, подобно всѣмъ дѣятельнымъ людямъ, г. де-Мигюракъ думалъ лишь о томъ, какъ бы ему вырваться на свободу, и изыскивалъ въ своемъ воображеніи всѣ существующія для этого и освященныя традиціями средства. Онъ поочередно пытался подкупить тюремщика, жену его, дочь, перепилить рѣшетки, приподнять половицы, установить сообщеніе съ другими узниками, и результатомъ этихъ стараній было—переведеніе его въ сырую, мрачную, предназначенную для людей низкаго происхожденія, каморку. Онъ вошелъ въ ярость, переломалъ всю мебель, отказывался отъ пищи, грозя уморить себя голодомъ, и такъ исхудалъ и пожелтѣлъ, что тюремщики, опасаясь, какъ бы онъ дѣйствительно не умеръ, — водворили его въ прежней комнатѣ. Онъ поправился однако, но, чувствуя себя во власти мелкаго тирана, быть можетъ дѣйствительно умеръ бы съ тоски, — болѣзнь значительно укротила его необузданный характеръ,—если бы дѣвица Лисбета, бѣлокурая дочь смотрителя тюрьмы, не добилась нѣкоторыхъ смягченій участи благороднаго кавалера.

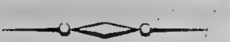
Первымъ изъ нихъ была подаренная ею маркизу клѣтка съ канарейками, и нельзя себѣ представить, съ какою радостью былъ принятъ этотъ даръ. Маркизъ по цѣлымъ часамъ любовался тѣмъ, какъ птички перепрыгивали съ жердочки на жердочку, кормилъ ихъ, слушалъ ихъ пѣніе, и это зрѣлище поддерживало въ немъ инстинктъ жизни. Вторымъ приношеніемъ Лисбеты была связка книгъ, принадлежавшихъ когда-то узнику, виновному въ распространеніи во владѣніяхъ ландграфа вредныхъ идей. За послѣдніе годы г. де-Мигюракъ отвыкъ отъ чтенія; поэтому, занявшись сперва канарейками, онъ дня два не прикоснулся къ книгамъ. На третій день онъ небрежно взглянулъ на ихъ заглавія: это были творенія Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Дидро, Гельвеція и другихъ, менѣе славныхъ мыслителей. Растроганный маркизъ узналъ среди нихъ сочиненія, читанныя когда-то его отцомъ, какъ-то: „Діалоги“, два-три трактата аббата де-Сенъ-Пьера и президента Монтескьё.

Сначала онъ лѣниво развернулъ ихъ и уже на предисловіи сталъ зѣвать. Но въ первый же вечеръ его охватила такая любознательность, что за двѣ недѣли онъ прочелъ всю свою библіотеку, ожидая съ книгою въ рукахъ солнечнаго восхода, такъ какъ съ тѣхъ поръ какъ онъ пытался поджечь свой соломенникъ—ему уже не давали огня. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, въ немъ совершалось перерожденіе. Излагаемыя философами ученія пробуждали въ немъ полузабытые отклики чего-то лучшаго, развертывали передъ нимъ невѣдомыя перспективы. Жизнь, люди, онъ самъ—представали ему, прозрѣвшему впервые, въ новомъ свѣтѣ; потрясенный волненіемъ и радостью, онъ походилъ на слѣпца, только-что увидѣвшаго свѣтъ.

Тюремщикъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что лицо узника прояснилось и расцвѣло. На пятнадцатый день г. де-Мигюракъ закрылъ 28-й и послѣдній томъ своей библіотеки въ ту самую минуту, какъ солнце закатывалось во всемъ своемъ пурпурномъ великолѣпіи, озаряя лучами каморку. И еще разъ обновивъ въ памяти полученный имъ нравственный урокъ, маркизъ почувствовалъ, какъ грудь его расширилась и обильныя слезы, внезапно хлынувшія изъ глазъ его, потекли у него по щекамъ. Но въ этихъ слезахъ не было горечи: такъ плакалъ Моисей на рубежѣ земли обѣтованной. Маркизъ опустился на колѣни передъ рѣшетчатымъ окномъ, за которымъ небо уже блѣднѣло, простеръ къ нему руки и воскликнулъ:

— Высшее Существо, Природа, Іегова—какимъ бы именемъ Тебя ни называли—благословляю Тебя за то, что здѣсь, въ темницѣ, Ты открылъ мнѣ цѣль и смыслъ жизни! Прими мою клятву: посвятить остатокъ дней моихъ насажденію добродѣтели и труду на пользу всего человѣчества!—Въ теченіе этой безсонной, но блаженной ночи, г. де-Мигюракъ не уставалъ мечтать о великихъ, непознанныхъ имъ, истинахъ, и, сопоставляя ихъ со своими поступками, каялся въ грѣхахъ, но не огорчался ими, зная, что они являются плодомъ несовершеннаго воспитанія, отнынѣ же онъ сторицею искупитъ содѣянное имъ зло. Несмотря на нихъ, онъ чувствовалъ, что въ душѣ онъ не измѣнялъ принципу добродѣтели. Самый его арестъ, возмутительный съ точки зрѣнія правъ человѣка, уже не приводилъ его въ гнѣвъ. Христосъ умеръ на крестѣ, Ромулъ былъ убитъ, Ликургъ—изгнанъ. Почему же и Луи-Ликургу не томиться въ оковахъ?

Съ франц. О. Ч.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ

„ДОНЪ-КИХОТА“

СЕРВАНТЕСА

1605—1905.

Въ послѣднее время Испанія усердно готовилась къ великому торжеству,—къ ея торжеству долженъ былъ примкнуть весь образованный міръ: 5, 6, 7 мая (нов. ст.) въ Мадридѣ и другихъ большихъ городахъ Испаніи предстояло отпраздновать въ рядѣ публичныхъ чтеній, театральныхъ зрѣлищъ и различныхъ манифестацій— трехсотлѣтіе со времени появленія въ свѣтъ безсмертнаго произведенія Сервантеса—„Донъ-Кихотъ“ [1]). Въ печати этотъ романъ явился къ началу 1605 г., но онъ былъ законченъ авторомъ еще въ послѣдней четверти 1604 г., когда въ литературныхъ кругахъ Мадрида его уже прочли въ рукописи, что, между прочимъ, явствуетъ изъ отзыва о немъ Лопе-де-Веги въ 1604 г. Съ самыхъ первыхъ дней своего появленія „Донъ-Кихотъ“ привлекъ на себя общее вниманіе и сдѣлался предметомъ величайшихъ похвалъ и—порицаній. Критики „Донъ-Кихота“ появились вмѣстѣ съ этимъ романомъ, и за триста лѣтъ накопилась теперь громадная литература предмета, едва ли еще полно перечисленная въ монументальномъ библіографическомъ трудѣ извѣст-

[1]) Въ Мадридѣ, въ засѣданіи академіи, рѣчь, посвященную „Донъ-Кихоту“, долженъ былъ произнести знаменитый романистъ Хуанъ Валера; въ университетѣ—извѣстный критикъ и историкъ литературы Менендесъ и Пелайо; въ театрѣ въ эти дни должны были ставиться исключительно произведенія Сервантеса.

наго „сервантиста" Леопольда Ріуса (800 слишкомъ страницъ убористаго шрифта). Пріурочивая нашъ очеркъ къ трехсотлѣтію изданія „Донъ-Кихота", мы имѣемъ въ виду не только общечеловѣческое значеніе этого геніальнаго произведенія Сервантеса, но и точки соприкосновенія его съ русскою литературой. Переводы и передѣлки „Донъ-Кихота" на русскій языкъ весьма многочисленны; довольно богата этюдами и статьями и литература этого романа. Но, къ крайнему сожалѣнію, всѣ русскіе переводы любимаго дѣтища Сервантеса страдаютъ существенными недостатками [1]), а критическія статьи и этюды о Сервантесѣ и „Донъ-Кихотѣ" должны быть признаны или поверхностными, или устарѣлыми. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ считаться съ наличностью факта, что „Донъ-Кихотъ"—одна изъ любимѣйшихъ нашими читателями книгъ—наравнѣ съ „Потеряннымъ Раемъ" Мильтона. Попытаемся представить характеристику романа Сервантеса согласно съ положеніемъ современной критической разработки вопроса. Насъ будетъ по преимуществу интересовать все касающееся историко-литературнаго значенія романа Сервантеса, воспроизведеніе имъ соціальной картины быта Испаніи XVI-го, XVII-го вв., и объективная оцѣнка той роли, которая выпала на долю „Донъ-Кихота".

I.

Безчисленное количество этюдовъ о Сервантесѣ вообще и о „Донъ-Кихотѣ" въ частности ни въ какомъ случаѣ никого не должно смущать; внутреннее достоинство этой громадной литературы далеко не соотвѣтствуетъ ея объему, и подавляющее большинство этюдовъ о „Донъ-Кихотѣ" можетъ служить лишь наглядной иллюстраціей непростительныхъ заблужденій критики. Это замѣчаніе въ особенности относится къ испанскому отдѣлу. Литературная критика въ Испаніи—одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ столь богатой культуры этой страны, и приходится лишь удивляться, что до настоящаго времени преобладаютъ въ испанской критикѣ *эстетическое* и *символически-философское* направленія.

Слабыя стороны эстетической критики не требуютъ комментаріевъ. Это направленіе давно сдано въ архивъ и замѣнено историческимъ и философскимъ методами. Но, по странному стеченію обстоятельствъ, второе направленіе—*символически-философское*—долго и упорно господствовало при изученіи и объясненіи „Донъ-Кихота".

---

[1]) О нихъ см. гл. V моей книги „Донъ-Кихотъ" Сервантеса и библіографію въ концѣ книги. О послѣднемъ русскомъ переводѣ „Донъ-Кихота" Марка Басанина см. мой отрицательный отзывъ въ журналѣ „Міръ Божій" (1904, II).

Нельзя не считать этого факта въ высокой степени страннымъ. Ясное и строго реальное произведеніе, затрогивающее правдиво и рельефно цѣлый рядъ жизненныхъ отношеній, было осуждено произволомъ критики на роль безжизненной символической схемы, а главные его герои, въ лицѣ ламанчскаго рыцаря и его оруженосца, взятые Сервантесомъ изъ родственной ему жизненной среды, оказались, по произволу критиковъ, носителями исключающихъ другъ друга принциповъ, безцвѣтными и книжными формулами. Въ русской литературѣ яркимъ примѣромъ символизма являются статьи Корелина; его не чуждъ и Тургеневъ въ извѣстной статьѣ о *Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ*; въ нѣмецкой литературѣ насадителемъ своеобразнаго символизма можетъ считаться Гейне; въ испанской—среди сонма символистовъ пальму первенства стяжалъ извѣстный сервантистъ Бенхумеа. Не вдаваясь въ изложеніе и разборъ символическихъ теорій о „Донъ-Кихотѣ“, мы, исходя изъ данныхъ исторической критики, считаемъ это направленіе безпочвеннымъ и обращаемся къ уясненію происхожденія и значенія этого романа на основаніи историко-литературныхъ фактовъ.

Какъ ни странно, но до сихъ поръ мы не обладаемъ критическимъ текстомъ „Донъ-Кихота“. Изданіе испанской академіи, считающееся классическимъ, въ сущности основано на недоразумѣніи: оно не воспользовалось *первымъ* изданіемъ знаменитаго романа. Послѣдующія изданія повторяютъ ошибку академіи. Эта ошибка была разоблачена въ послѣднее время извѣстнымъ англійскимъ сервантистомъ Фицморисомъ Келли, предложившимъ перепечатку перваго изданія въ 1898 г. Но и изданіе Фицмориса Келли не удовлетворяетъ критику. Въ прошломъ, 1904 году барселонскій профессоръ Кортехонъ предположилъ многотомное критическое изданіе „Донъ-Кихота“, но до настоящаго времени намъ извѣстны лишь отдѣльные его выпуски. Впрочемъ, отличія текстовъ различныхъ изданій „Донъ-Кихота“ мало отражаются на существенныхъ элементахъ его содержанія, которое можетъ считаться установившимся въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ со времени перваго и второго изданій Рабмеа (1605 г.).

Не подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ для всѣхъ безпристрастныхъ читателей, что Сервантесъ, приступая къ составленію „Донъ-Кихота“, имѣлъ въ виду весьма простую и опредѣленную цѣль: разрушеніе авторитета рыцарскихъ книгъ; чтеніе ихъ и подражаніе имъ приводили къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Самъ Сервантесъ, въ прологѣ къ первой главѣ „Донъ-Кихота“, заявляетъ: „Такъ какъ ваше сочиненіе *имѣетъ цѣлью разрушить авторитетъ* и *господство рыцарскихъ книгъ* среди образованныхъ и необразованныхъ, то незачѣмъ вмѣшивать изреченія философовъ, совѣтовъ Св. Писанія, выдумокъ поэтовъ,

рѣчей риторовъ“. Въ другомъ мѣстѣ (конецъ II-й части) Сервантесъ замѣчаетъ: „У меня не было иного желанія, какъ предать посмѣянію лживыхъ людей и нелѣпыя рыцарскія исторіи, которыя, будучи нынѣ поражены на смерть исторіей моего настоящаго Донъ-Кихота, стали уже прихрамывать и скоро, навѣрное, совсѣмъ упадутъ. Даже врагъ Сервантеса, Авеллянеда, авторъ такъ называемой ложной второй части „Донъ-Кихота“, не отрицаетъ, что единственной цѣлью Сервантеса было—„уничтоженіе пагубной привычки чтенія рыцарскихъ книгъ, столь распространенной у бездѣятельныхъ людей“.

Столь ясныя и опредѣленныя заявленія Сервантеса, автора въ высокой степени искренняго, должны быть исходной точкой для литературной критики. Сама по себѣ задача осмѣянія рыцарскихъ романовъ была весьма серьезной и отвѣтственной задачей. Достаточно вспомнить тѣ формы протестовъ въ литературѣ и жизни, которыми изобиловала культурная жизнь Испаніи XVI и XVII вв. (подробности во II-й гл. моей книги: „Донъ-Кихотъ Сервантеса“). И рыцарскія книги, и пережитки рыцарскихъ феодальныхъ нравовъ, были весьма серьезнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, и ревнители народнаго благополучія относились отрицательно къ чудовищнымъ произведеніямъ вымысла, вліявшимъ на жизненныя отношенія въ самомъ ихъ корнѣ. Задача дискредитировать и пародировать рыцарскій романъ была сама по себѣ весьма почтенна, и еслибы Сервантесъ достигъ лишь этой цѣли—его заслуга предъ литературой и обществомъ была бы весьма велика. Однако, кромѣ этой почтенной, такъ сказать „злободневной“ цѣли, Сервантесъ, благодаря своему великому генію, достигъ и другой, болѣе высокой: онъ сдѣлалъ свое произведеніе вѣчнымъ достояніемъ всего культурнаго человѣчества и, перешагнувъ грань временнаго и случайнаго, помѣстилъ свой романъ въ область незыблемаго и вѣчнаго.

Тайна успѣха романа Сервантеса едва ли можетъ быть когда-либо вполнѣ разгадана. Да это и не необходимо: оставаясь загадкой, „Гамлетъ“ не перестаетъ до сихъ поръ насъ привлекать. Мы сведемъ нашу роль, роль литературнаго критика, къ уясненію прежде всего тѣхъ литературныхъ вліяній, въ сферѣ которыхъ возникъ безсмертный романъ Сервантеса.

Сервантесъ былъ типичнѣйшимъ испанцемъ своего времени, съ усугубленіемъ въ немъ благородныхъ чертъ этой націи. Это былъ обѣднѣвшій гидальго, воинъ, неудачный чиновникъ, писатель, стяжавшій себѣ лишь „Донъ-Кихотомъ“ безпримѣрную популярность. Онъ получилъ образованіе въ классической школѣ и усвоилъ по-дилеттантски нѣкоторыхъ латинскихъ авторовъ. Наблюдательный и остроумный, Сервантесъ какъ бы тяготился школьной ученостью,

предпочитая свѣжую прелесть поэтическаго творчества книжнымъ воспоминаніямъ.

Какъ извѣстно, Сервантесъ испытывалъ свои творческія писательскія силы на многочисленныхъ поприщахъ. Это былъ драматическій писатель, поэтъ эклогъ и идиллій, сонетовъ и кансонъ, разсказчикъ новеллъ, авторъ длиннѣйшей и скучной повѣсти приключеній въ стилѣ греческихъ романовъ („Геліодоръ“) и, наконецъ, авторъ „Донъ-Кихота“. Сервантесу не удалось стяжать пальму первенства ни въ одномъ изъ перечисленныхъ родовъ творчества, но зато онъ превзошелъ самого себя и своихъ современниковъ въ безсмертномъ романѣ. Это былъ продуктъ уже зрѣлаго творчества, подготовительныя стадіи котораго были давно пройдены. По основному своему замыслу пародія на рыцарскія книги—„Донъ-Кихотъ“ является первымъ романомъ, въ широкомъ значеніи этого слова, новаго времени и долженъ быть отнесенъ къ повѣствовательно-эпическому роду произведеній художественнаго творчества. Не трудно опредѣлить, подъ какими вліяніями находился творческій геній Сервантеса во время созданія этого романа.

Главные роды повѣствовательной литературы Испаніи въ эпоху Сервантеса были слѣдующіе: рыцарскій романъ, повѣсти греческаго происхожденія, новеллы итальянскаго происхожденія (Боккаччьо и его послѣдователи), итальянскій рыцарскій эпосъ (Бембо, Пульчи, Аріосто) и, наконецъ, плутовская реальная новелла (novela picaresca). Очевидно, греческіе романы отношенія къ „Донъ-Кихоту“ не могутъ имѣть; итальянскимъ новелламъ Сервантесъ подражалъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ novelas esemplares; нашему разсмотрѣнію предстоитъ опредѣленіе, насколько сказались вліянія прочихъ категорій повѣствовательной литературы на „Донъ-Кихотѣ“.

Что касается рыцарскихъ книгъ, то ихъ вліяніе должно было сказаться на „Донъ-Кихотѣ“ отрицательнымъ образомъ. Вспомнимъ нѣкоторыя основныя черты характера ламанчскаго героя. Донъ-Кихотъ сошелъ съ ума, благодаря чтенію нелѣпыхъ рыцарскихъ книгъ. Онъ задался цѣлью воскресить на своемъ примѣрѣ странствующее рыцарство. Фантазія должна у него стать дѣйствительностью. Вмѣсто того, чтобы заставить своего героя довести до абсурда подвиги какого-либо популярнаго рыцаря, Сервантесъ предпочитаетъ болѣе художественный пріемъ. Его герой усвоилъ общія положенія странствующаго рыцарства; проникнутый идеями, когда-то одушевлявшими лучшихъ представителей этого класса, онъ выступаетъ на борьбу во имя этихъ идей, причемъ содержаніе подвиговъ предполагается совершенно новое—старой остается лишь форма этихъ подвиговъ. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ Сервантесъ противополагаетъ реа-

лизмъ бытовыхъ условій, среди которыхъ вращается ламанчскій рыцарь, его внутреннему, полному иллюзій міру. Отсюда—контрастъ комическаго и подчасъ даже трагическаго характера.

Задумавъ пародію на рыцарскія книги, Сервантесъ въ началѣ своего романа замѣтно имъ подражаетъ, въ особенности же знаменитому „Амадису Гальскому“. Это подтверждается обильными совпаденіями частностей образовъ и стиля обоихъ романовъ (см. II гл. упомянутаго моего сочиненія). Но чѣмъ дальше подвигается повѣствованіе Сервантеса, тѣмъ рѣже становятся совпаденія „Донъ-Кихота“ съ „Амадисомъ“ и другими рыцарскими книгами, тѣмъ оригинальнѣе и самостоятельнѣе становится Сервантесъ. Очевидно, сюжетъ „Донъ-Кихота“ переросъ первоначально поставленную его авторомъ мѣру, увлекая поэтическое творчество на свободный и непроторенный путь; пародія стала широкой картиной быта и нравовъ, объединенной безподобной психологической антитезой рыцаря и его оруженосца.

Сказанное относительно вліянія рыцарскихъ книгъ на „Донъ-Кихота“ можетъ быть въ значительной степени примѣнено и къ вопросу о вліяніи итальянской эпической поэзіи, особенно Аріосто, на творчество Сервантеса. Аріосто былъ любимымъ поэтомъ автора „Донъ-Кихота“ и оказывалъ на него многостороннее вліяніе. Сервантесъ не щадитъ похвалъ автору „Неистоваго Роланда“; онъ называетъ его „христіанскимъ поэтомъ“, „божественнымъ“; на основаніи одного мотива изъ Аріосто написана новелла Сервантеса „Безразсудно любопытный“, а въ комедіи „Дворецъ ревности“ парафразируются отдѣльныя мѣста поэмы Аріосто.

Въ одномъ изъ стихотвореній, до сихъ поръ загадочныхъ, предшествующихъ прологу къ „Донъ-Кихоту“, Сервантесъ устами таинственной Ургинды пародируетъ начало поэмы Аріосто, намекая при этомъ, что ея чтеніе повело за собою умопомѣшательство ламанчскаго рыцаря. Нѣкоторыя частныя сближенія и совпаденія могутъ быть сдѣланы безъ натяжекъ между „Неистовымъ Роландомъ“ и „Донъ-Кихотомъ“ (гл. I, IX, XXI и др.). Во второй части „Донъ-Кихота“ объ Аріосто нигдѣ нѣтъ рѣчи. Но, помимо частныхъ сближеній, возможны сближенія и болѣе общаго характера. Въ планѣ „Неистоваго Роланда“ и „Донъ-Кихота“ есть много аналогичнаго: капризное, своенравное отношеніе къ сюжету, стремленіе къ вставному, не вяжущемуся съ основой эпизоду, та же своеобразная иронія у обоихъ авторовъ. Оба они, въ сущности, отнеслись къ своимъ сюжетамъ серьезно и придали ему, независимо отъ своего желанія, даже трагическій характеръ. Первоначально Сервантесъ увлекся идеей подражанія въ планѣ и пріемахъ Аріосто, а впослѣдствіи, вдохновляемый

своимъ оригинальнымъ поэтическимъ инстинктомъ, пошелъ по собственному пути. Сервантесъ былъ усерднымъ поклонникомъ Аріосто; иногда онъ невольно поддавался чарующему вліянію великаго поэта. Это вліяніе сказалось не только во внѣшнемъ распредѣленіи нѣкоторыхъ частей романа, не только въ міровой ироніи, царящей различнымъ образомъ у Сервантеса и Аріосто, но, въ особенности, въ прославленіи рыцарства, вмѣсто предполагаемаго сначала его униженія. И у Аріосто, и у Сервантеса положительные идеалы сводились къ рыцарскимъ. Эти поэты, взявшіеся за осмѣяніе съ различныхъ сторонъ рыцарства, кончили апоѳеозомъ тѣхъ положительныхъ началъ, которыя въ лучшую пору рыцарства давали ему тонъ и содержаніе. Рыцарскій идеалъ расширяется у Сервантеса до общечеловѣческаго. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія данныхъ относительно вліянія Аріосто на Сервантеса мы приходимъ къ выводу, что вліяніе манеры и эпизода „Неистоваго Роланда“ на „Донъ-Кихота“ можетъ быть указано лишь въ 1-ой гл. „Донъ Кихота“; гораздо убѣдительнѣе— аналогія стиля и замысла обоихъ произведеній и положительныхъ идеаловъ ихъ авторовъ.

Реалистическая новелла, плутовской романъ (novela picaresca) заключаетъ много составныхъ элементовъ, аналогичныхъ съ имѣющимися въ „Донъ-Кихотѣ“. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ вліяніемъ литературной манеры, а съ господствомъ извѣстной школы или, вѣрнѣе, міросозерцанія, къ которому примкнулъ Сервантесъ. Авторъ „Донъ-Кихота“ былъ и до появленія этого романа приверженцемъ реалистическаго направленія и далъ блестящій образецъ „novela picaresca“ въ своей повѣсти „Ринконеръ и Кортадилло“.

Реализмъ въ литературѣ и искусствѣ прочно обосновался въ XVI ст. во всей Европѣ; къ половинѣ XVI вѣка относится и происхожденіе реально-бытового романа въ Испаніи; къ концу его— буржуазная трагедія въ Англіи, къ началу XVII—эмпирическая философія Бэкона. Въ Испаніи существовалъ цѣлый рядъ условій, благопріятныхъ для развитія плутовской повѣсти. Безчисленныя смѣлыя экспедиціи въ Америку значительно видоизмѣнили соціальныя отношенія. Авантюристы нерѣдко становились богачами, иногда меценатами, чаще — плодили паразитовъ. Плутовство становилось выгодной профессіей; плуты всякаго рода (Picaros, Ganapanes) составляли особыя корпораціи, имѣли свои уставы и свой обиходный языкъ. Съ ними считались, какъ съ соціальной группой. Появилась литература, посвященная описанію быта этого своеобразнаго класса людей, литература по необходимости строго реальная. Описанія продѣлокъ мошенниковъ дали толчокъ пониманію и изображенію жизни въ ея неприглядной наготѣ, что въ художественномъ отношеніи было весьма эффектно и,

какъ всякая правда, поучительно. Прототипомъ воровской повѣсти была исторія „Лазарилльо изъ Торлиса". Сервантесу она была извѣстна, какъ и приключенія *Гусмана де-Альфириче* и многихъ другихъ, но онъ самъ былъ безподобнымъ мастеромъ въ области плутовской новеллы въ своей *примѣрной* повѣсти „Ринконеръ и Кортадилло"; отдѣльные эпизоды „Донъ-Кихота" могли быть заимствованы Сервантесомъ у воровской новеллы, но стиль ея и міросозерцаніе были усвоены авторомъ „Донъ-Кихота" вполнѣ самостоятельно.

Мы указали на главныя литературныя вліянія школъ и писателей на „Донъ-Кихота". Выводъ для Сервантеса получился весьма положительный: разнообразныя вліянія не отразились на оригинальности автора, который сумѣлъ намъ дать единственное и своеобразное произведеніе, достоинства котораго станутъ намъ яснѣе при разсмотрѣніи его въ сферѣ условій времени и мѣста.

II.

Форма романа Сервантеса—излюбленная форма романовъ съ приключеніями. Такъ сочинялись любовныя повѣсти греческаго происхожденія, „плутовская" новелла, эпическія поэмы въ стилѣ Аріосто и рыцарскіе романы. Герой романа Сервантеса, подобно безконечному числу своихъ предшественниковъ, отправляется странствовать въ поискахъ за приключеніями. Такого рода пріемъ предоставлялъ полную свободу писателю сообщать свои наблюденія, какую въ настоящее время даетъ форма дневника. Идея странствованій рыцаря въ сопровожденіи оруженосца не представляетъ собою ничего оригинальнаго. Задуманныя въ видѣ пародіи, эти странствованія оказались предлогомъ для Сервантеса высказывать устами рыцаря и оруженосца свои излюбленныя мысли и мечты. На автобіографическое значеніе „Донъ-Кихота" указываетъ и самъ Сервантесъ. „Книга эта,—говоритъ онъ о „Донъ-Кихотѣ",—есть важное дѣло моей жизни. Для меня одного родился Донъ-Кихотъ, какъ и я для него. Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я—писать. *Мы составляли съ нимъ одно тѣло и одну душу*".

При такой постановкѣ вопроса совершенно отпадаетъ элементъ пародіи въ романѣ; мы должны считаться съ нимъ, какъ съ сознательнымъ актомъ дѣятельности геніальнаго писателя и превосходнаго человѣка. „Донъ-Кихотъ" настолько богатъ содержаніемъ, что число точекъ отправленія отъ него и къ нему можетъ быть увеличено до неопредѣленныхъ по количеству цифръ. Мы попытаемся уяснить наиболѣе важныя стороны романа: исторически-бытовой матеріалъ, въ немъ заключающійся, и основныя идеи міросозерцанія автора.

Вспомнимъ, что говорилось въ началѣ статьи о Сервантесѣ: это былъ типичный испанецъ своего времени, со всѣми его достоинствами и слабыми сторонами. Символисты ошибочно сдѣлали автора „Донъ-Кихота“ пророкомъ будущаго: такимъ не былъ Сервантесъ; его роль скромнѣе, но не менѣе важна: онъ былъ безподобнымъ живописцемъ настоящаго. Не возвышаясь въ идейномъ смыслѣ надъ уровнемъ современниковъ, Сервантесъ отличался глубокой добротой и разумной гуманностью. Трезво и ясно смотрѣлъ онъ на жизнь, когда приступалъ къ сочиненію „Донъ-Кихота“, вполнѣ отрѣшившись отъ чувства какой-либо нетерпимости. Поэтому-то его сужденія имѣютъ особенный вѣсъ сужденій зрѣлаго и умудреннаго опытомъ человѣка. Всѣ изслѣдователи историческаго направленія, занимавшіеся „Донъ-Кихотомъ“, единогласно признаютъ, что эта книга заключаетъ необыкновенно правдивый, а потому особенно цѣнный, культурно-историческій матеріалъ. Этотъ матеріалъ освѣщенъ цѣльнымъ міросозерцаніемъ автора; въ основѣ этого міросозерцанія лежитъ оптимизмъ, безъ котораго немыслимо прогрессивное движеніе человѣчества. „Всегда судьба,—говоритъ Сервантесъ устами рыцаря,—оставляетъ открытою среди бѣдствій дверь для облегченія ихъ“... „Гдѣ закрывается одна дверь—открывается другая“... „Знай, Санчо, что одинъ человѣкъ не стоитъ больше своего ближняго, если не дѣлаетъ больше его; всѣ бури, разразившіяся надъ нами, суть признаки скораго проясненія атмосферы и того, что дѣла пойдутъ хорошо, такъ какъ ни зло, ни добро не вѣчны; отсюда слѣдуетъ, что послѣ продолжительнаго бѣдствія приближается удача“.

Столь же возвышенны воззрѣнія Сервантеса - Донъ - Кихота на личную свободу человѣка: „Свобода, Санчо, это—драгоцѣнное благо, дарованное небомъ человѣку. Ничто не сравнится съ нею: ни сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земныхъ, ни скрытыя въ глубинѣ морской. За свободу и честь человѣкъ долженъ жертвовать жизнью, потому что рабство составляетъ величайшее земное бѣдствіе“.

Преданность королю и монархіи настолько велика у Сервантеса, что только пылкая фантазія нѣкоторыхъ критиковъ могла навязать ему республиканскія и даже революціонныя идеи. Не менѣе велика его преданность и католической церкви; здѣсь, однако, онъ не отождествляетъ религіи со служителями алтаря. Извѣстна блестящая тирада Донъ-Кихота по адресу духовныхъ лицъ, способныхъ „втираться въ чужіе дома и властвовать надъ ихъ хозяевами“.

Представитель средняго сельскаго типа священниковъ нашелъ блестящее выраженіе у Сервантеса въ лицѣ пріятеля ламанчскаго рыцаря, Пэро Пэресо. Всѣмъ извѣстенъ этотъ уравновѣшенный, добрый и благоразумный человѣкъ, искренно преданный интересамъ

паствы, чуждый корыстолюбія и честолюбія. Сервантесъ не идеализируетъ его; тѣмъ симпатичнѣе представляется читателю добрый и безхитростный священникъ.

Свѣтскія сословія представлены въ романѣ Сервантеса въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Во главѣ ихъ стоитъ знаменитая герцогская чета. Все, что мы о ней читаемъ, въ высокой степени безотрадно. Самый страстный сатирикъ не могъ бы нарисовать болѣе мрачной картины аристократическаго быта. Сервантесъ изображаетъ лишь то, что ему удалось наблюдать.

Жестокія и безвкусныя шутки герцоговъ надъ Донъ-Кихотомъ свидѣтельствуютъ о черствомъ сердцѣ и недалекомъ умѣ иниціаторовъ. Ихъ оцѣнкѣ недоступны и возвышенный образъ мыслей ламанчскаго рыцаря, и высокій практическій умъ его слуги. Безжалостно попираютъ знатные хозяева элементарныя права своихъ гостей—и это не вызываетъ никакого протеста. Они прекрасно понимаютъ свои привилегіи и эксплоатируютъ ихъ.

Гораздо выше стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ среднее дворянское сословіе. Лучшимъ его представителемъ является въ „Донъ-Кихотѣ“ рыцарь *зеленаго плаща*, Діего де-Миранда. Это — помѣщикъ средняго достатка, охотникъ, хлѣбосолъ, не любящій пересудовъ и злословія, жалостливый къ бѣднымъ, миротворецъ, прекрасный семьянинъ и католикъ (ср. собственную его характеристику въ „Донъ-Кихотѣ“).

Ступенью ниже стоятъ гидальго вродѣ Донъ-Кихота. У нихъ сохранилось старое оружіе, убогое жилище и небольшая земельная рента, которой едва хватаетъ на существенныя надобности. Къ нимъ подходитъ знаменитая характеристика, которой начинается 1-я глава I ч. „Донъ-Кихота“. Изъ другихъ соціальныхъ группъ обращаютъ на себя вниманіе выводимые Сервантесомъ представители богатаго крестьянскаго сословія. Оба они лишены чувствъ жалости и снисхожденія, жестоки и знаютъ цѣну своему достатку. Вообще, всѣ представители сельскаго сословія у Сервантеса лишены всякой чувствительности, хитрые, разсчетливые и себѣ на умѣ.

Низшій слой независимыхъ сельскихъ жителей имѣетъ въ „Донъ-Кихотѣ“ великолѣпныхъ представителей въ лицѣ Санчо-Пансы и жены его Тересы. Съ Санчо-Пансой мы встрѣтимся ниже. Что касается Тересы, то это—достойная супруга Санчо: набожная, благоразумная, умѣряющая порывы Санчо, любящая дѣтей и заботящаяся о томъ, какъ ихъ направить; она твердо усвоила положеніе, что мужъ—глава, и готова подчиниться его волѣ. Санчо она любитъ безъ тѣни сентиментальности и знаетъ ему цѣну.

Общественныя группы Испаніи XVI столѣтія представлены съ большой полнотой въ романѣ Сервантеса. Мы знакомимся по роману

съ положеніемъ театра до балаганныхъ, маріонеточныхъ представленій включительно. Мы видимъ мавровъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ и фанатичными католиками; видимъ дуэній, сдѣлавшихся безсмертными, благодаря дуэньѣ Родригесъ; видимъ міръ трактирщиковъ, погонщиковъ, пастуховъ, разбойниковъ и различные подонки общества— отъ каторжниковъ до распутныхъ дѣвокъ включительно. Мы становимся свидѣтелями безпомощности всесильной бюрократіи, направляемой властной рукой сильнаго духомъ Филиппа II; читаемъ безотрадные отзывы о злоупотребленіяхъ чиновниковъ всякаго ранга, о послѣдствіяхъ завоевательной политики, обезсилившей цвѣтущую націю и поглотившей всѣ ея сбереженія. Читая романъ Сервантеса, мы постигаемъ лучше, нежели изъ всякихъ историческихъ трактатовъ, что могущество испанской монархіи зиждется на весьма шаткихъ основаніяхъ, и что нація сохранитъ впослѣдствіи свою независимость лишь благодаря счастливымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ окажется цѣнный, безусловно правдивый, культурно-бытовой матеріалъ, превосходящій своей яркостью и объективностью всякія записки, мемуары и историческіе трактаты.

Главный интересъ, болѣе внѣшній, впрочемъ, нежели внутренній, состоитъ въ особенностяхъ двухъ главныхъ героевъ романа и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Донъ-Кихотъ и Санчо-Панса дали поводъ къ безчисленнымъ теоріямъ. Исключая всякія предвзятыя идеи, попытаемся представить краткую характеристику этихъ типовъ на основаніи лишь текста романа.

Въ характерѣ ламанчскаго рыцаря нѣтъ той цѣльности, которая бы допускала символическое толкованіе. Безумецъ по преимуществу въ первыхъ главахъ романа, Донъ-Кихотъ развивается и ростетъ на нашихъ глазахъ, отвлекаемый по временамъ на путь прежняго безумія, но и проявляющій все чаще и чаще благородныя качества своей души и зрѣлый, полный опыта умъ. Изрѣдка можно упрекнуть ламанчскаго рыцаря даже въ малодушіи и трусости, дѣлающихъ необоснованными всякія общія положенія о непоколебимой неустрашимости рыцаря. Не можетъ быть и рѣчи о цѣльности и прямолинейности характера Донъ-Кихота, такъ какъ такой разносторонній и умный человѣкъ, какъ гидальго Сервантеса, не можетъ поддаваться однообразному толкованію.

Если въ ламанчскомъ рыцарѣ нельзя видѣть исключительно идеалиста, защитника старыхъ, отжившихъ идеаловъ, утопическихъ началъ жизни, то и изъ Санчо-Пансы нельзя дѣлать антипода его господину, представителя исключительно буржуазнаго отношенія къ жизни. Санчо вовсе не контрастъ Донъ-Кихоту, и сходенъ со своимъ хозяиномъ во многомъ. Съ нимъ произошелъ тотъ же процессъ, что съ его

господиномъ: задуманный въ роли шута (gracioso), онъ, развиваясь и совершенствуясь на нашихъ глазахъ, дѣлается мудрецомъ, оставаясь добрымъ и честнымъ человѣкомъ. Какъ ни увлекательна была идея рѣзкаго контраста между рыцаремъ и оруженосцемъ, Сервантесъ уклонился отъ него, такъ какъ это повело бы за собою умаленіе художественнаго образа.

Душа Санчо переживаетъ на глазахъ читателей „Донъ-Кихота“ болѣе сложную исторію, нежели душа его господина. Онъ возбуждаетъ много недоумѣній, которыя самъ успѣваетъ разрѣшить. Въ немъ очень развитъ инстинктъ самосохраненія, даже трусость—и онъ подвергаетъ себя явнымъ опасностямъ. Онъ вполнѣ нормаленъ, а рыцарь его—безумецъ,—и нормальный Санчо слѣдуетъ за сумасшедшимъ. Санчо крайне корыстолюбивъ и жаденъ — и рядомъ съ этимъ проявляетъ замѣчательную безпечность и беззаботность. Санчо очень довѣрчивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скептикъ. Такихъ антитезъ можно привести много. Постараемся разобраться въ нихъ.

Не слѣдуетъ забывать ни на минуту, что Сервантесъ изобразилъ рыцаря и оруженосца *во времени*, а не *въ пространствѣ*, какъ кажется многимъ критикамъ. Оба героя живутъ сложной и продолжительной душевной жизнью—отсюда понятно и разнообразіе ихъ психики въ различные моменты.

На первыхъ страницахъ романа Санчо кажется не въ мѣру наивнымъ и довѣрчивымъ. Послѣ побѣды надъ бискайцемъ онъ окончательно увѣровалъ въ своего господина. При этомъ онъ весьма толковый и находчивый малый. Впослѣдствіи (XV гл.) Санчо начнетъ относиться скептически къ своему господину. Тѣмъ не менѣе, онъ слѣдуетъ за нимъ: его влекутъ любознательность, праздность и довольно развитое воображеніе. Какъ истый испанецъ, Санчо весьма чувствителенъ къ цвѣтамъ краснорѣчія Донъ-Кихота. Мало-по-малу Санчо начинаетъ усвоивать міросозерцаніе Донъ-Кихота и даже его стиль. Корыстныя побужденія отступаютъ на задній планъ. Оказывается, что въ глубинѣ души Санчо лежитъ искренняя привязанность къ своему хозяину. Онъ даетъ блестящую характеристику своихъ отношеній къ Донъ-Кихоту „У него голубиное сердце,—говоритъ Санчо о Донъ-Кихотѣ;—никому онъ зла не сдѣлаетъ, а всѣмъ только добро, и никакой въ немъ хитрости нѣтъ. За эту-то доброту я и люблю его пуще зѣницы ока, и не могу его бросить, сколько бы онъ ни сумасбродствовалъ“. Какъ Донъ-Кихотъ, такъ и Санчо-Панса представляетъ собою сложный характеръ, точнѣе *эволюцію* характеровъ, и къ нимъ непримѣнимы никакія эффектныя символическія теоріи. Господинъ и слуга озарены свѣтомъ сердечной доброты, и эта доброта, гуманность и привязчивость связываютъ ихъ крѣпче, чѣмъ контрасты ха-

рактера, корыстныя побужденія и разсчеты. Слѣдуетъ отказаться отъ блестящихъ характеристикъ, вродѣ Гейне или Тургенева, основанныхъ на контрастѣ идеализма и реализма. Интимная связь Донъ-Кихота и Санчо объясняется не привлекательной силой энтузіазма, а добротой и человѣчностью, свойственными рыцарю и оруженосцу.

III.

Вопросъ о прототипахъ героевъ Сервантеса весьма интриговалъ испанскую критику, которая и добилась нѣкоторыхъ реальныхъ результатовъ. Въ нашихъ глазахъ этотъ вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія. Былъ ли Донъ-Кихотъ списанъ съ дяди жены Сервантеса, Кихады, или это былъ гидальго изъ Аргамасилльи Пачеко—для насъ, въ сущности, безразлично. Конечно, Сервантесъ видѣлъ когда-нибудь подобіе Донъ-Кихота и Санчо въ окружающей средѣ, но для него эти лица были лишь поэтическимъ мотивомъ. Творчество поэта создало совершенно новыя, оригинальныя комбинаціи. Значеніе литературнаго произведенія опредѣляется не только суммой новыхъ творческихъ данныхъ, внесенныхъ авторомъ, не только количествомъ и качествомъ новыхъ матеріаловъ, но и суммой тѣхъ усилій человѣческой мысли, которая потрачена на его пониманіе, суммой тѣхъ благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, которыя оно возбуждаетъ, суммой энтузіазма, имъ вызываемаго. И въ этомъ отношеніи заслуга „Донъ-Кихота“ Сервантеса неоцѣнима. Читая этотъ безсмертный романъ, человѣчество многихъ поколѣній восторгалось, утѣшалось, развлекалось, воодушевлялось лучшими чувствами гуманности и состраданія. Въ этомъ отношеніи исторія критики, т.-е. отношенія читателя къ „Донъ-Кихоту“, въ высокой степени поучительна: она наглядно показываетъ намъ, сколько высокихъ мыслей и благородныхъ чувствъ внушилъ человѣчеству этотъ романъ. Конечно, эта критика была субъективна, но тѣмъ не менѣе она возвышала и очищала читателей.

Л. Ю. Шепелевичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1905.

Упраздненіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.— Историческая параллель.—Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба крестьянскаго вопроса.—Оригинальная децентрализація.—Новые проекты организаціи народнаго представительства.—Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голосовъ политическою панацеей? — Необходимость безотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 30-го марта, упразднено учрежденное 22-го января 1902-го года особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, съ передачей производившихся въ немъ дѣлъ подлежащимъ вѣдомствамъ и вновь образованному особому совѣщанію по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія. Задачи новаго совѣщанія указаны въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ того же 30-го марта, на имя члена государственнаго совѣта И. Л. Горемыкина. „Именнымъ указомъ 12-го декабря минувшаго года"—читаемъ мы въ этомъ рескриптѣ,—„Мною было объявлено, что во главѣ заботъ Моихъ о благоденствіи россійской державы Я полагаю мысль о наилучшемъ устройствѣ многочисленнѣйшаго въ Россіи крестьянскаго сословія. Предпринятые еще ранѣе того, согласно повелѣнію Моему, подготовительные по этому предмету труды указали, что въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ имперіи хозяйственное положеніе сего сословія въ значительной степени поколеблено. Признавая необходимымъ незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія, Я нахожу полезнымъ, чтобы, независимо отъ разрабатываемыхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преобразованій въ области крестьянскаго управленія, особое вниманіе обращено было на непосредственное упроченіе земельнаго строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія. Въ сихъ видахъ надлежитъ нынѣ же озаботиться выясненіемъ практическихъ путей къ осуще-

ствленію намѣчаемой задачи, при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ. При предстоящихъ по сему вопросу работахъ должны быть установлены мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями и къ облегченію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка. Въ связи съ симъ слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности. Находя, что успѣшное выполненіе предуказанной задачи возможно лишь при объединеніи всѣхъ относящихся къ этому предмету работъ, нынѣ разрозненныхъ между отдѣльными мѣстами и вѣдомствами, въ одномъ учрежденіи, Я призналъ за благо образовать, для обсужденія вопросовъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, особое совѣщаніе изъ лицъ, по непосредственному избранію Моему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣня пріобрѣтенныя долговременною государственною службою обширныя познанія и опытность въ крестьянскомъ дѣлѣ, Я поручаю вамъ предсѣдательствованіе въ упомянутомъ совѣщаніи, отъ испытаннаго усердія вашего ожидая, что возлагаемая на васъ важная задача будетъ выполнена согласно Моимъ предуказаніямъ и въ возможно непродолжительномъ времени".

Въ исторіи нашего высшаго государственнаго управленія мы знаемъ только одинъ фактъ, аналогичный съ судьбою особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: это—закрытіе, въ 1885 г., такъ называемой Кахановской коммиссіи, учрежденной, за три года передъ тѣмъ, для преобразованія мѣстнаго управленія и самоуправленія. Ей также не было дано окончить возложенную на нее работу, продолжателемъ которой—въ совершенно иномъ, отчасти даже противоположномъ направленіи — явилось министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ гр. Д. А. Толстого. До извѣстной степени коммиссія сама навлекла на себя свою участь; она слишкомъ долго ходила вокругъ и около своей задачи, ограничиваясь неопредѣленными „намѣтками", слишкомъ торопливо, затѣмъ, приступила къ ихъ обсужденію и сама ввела въ свою среду тѣ элементы, которые всего больше способствовали ея крушенію [1]). Лидеръ меньшинства коммиссіи, А. Д. Пазухинъ, перешелъ, вслѣдъ за ея закрытіемъ, въ канцелярію гр. Д. А. Толстого и сталъ если не авторомъ, то вдохно-

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1885 г.

вителемъ положенія о земскихъ начальникахъ... Само собою разумѣется, что въ такомъ оборотѣ дѣла большую роль сыграли и обстоятельства, не зависѣвшія отъ коммиссіи. Она была образована въ моментъ борьбы между двумя теченіями—умѣренно-преобразовательнымъ и ярко-ретроградным,—а закрыта въ моментъ побѣды послѣдняго. Съ этой точки зрѣнія ей можно было вмѣнить въ вину только медленность, помѣшавшую ей воспользоваться сравнительно благопріятными условіями.

Около трехъ лѣтъ продолжались и занятія особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности; но его задача была обширнѣе той, для рѣшенія которой была учреждена Кахановская коммиссія, да и результаты, имъ достигнутые, значительно больше. Совѣщаніе призвало къ жизни мѣстные сельско-хозяйственные комитеты, дѣятельность которыхъ положила начало движенію, непрерывно разростающемуся, съ тѣхъ поръ, и въ ширь, и въ глубь. Время, употребленное на сводку и группировку высказаннаго комитетами, не было потрачено понапрасну: фоліанты, обнародованные совѣщаніемъ, представляютъ собою не мертвую вереницу фактовъ, собранныхъ и обработанныхъ обычнымъ канцелярскимъ путемъ, а подлинные голоса живыхъ людей, идущіе со всѣхъ концовъ государства. Въ нашей земледѣльческой странѣ эти голоса прежде всего и больше всего должны были коснуться положенія крестьянской массы—положенія не только матеріальнаго, но и правового. Прислушиваясь къ нимъ, совѣщаніе не могло замкнуться въ узкую сферу техническихъ вопросовъ и потому, что происходившій въ то же время пересмотръ законодательства о крестьянахъ принялъ направленіе прямо противоположное тому, на которое указывала дѣйствительность. Губернскія совѣщанія, созванныя при В. К. Плеве, настолько же — за немногими исключеніями — расходились съ большинствомъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, насколько труды редакціонной коммиссіи, переданные на разсмотрѣніе совѣщаній, шли въ разрѣзъ съ элементарными требованіями гражданской свободы. Въ сторону, неблагопріятную для защитниковъ неравенства, склонились, повидимому, и политическіе вѣсы, когда состоялся Высочайшій указъ 12-го декабря прошлаго года, провозгласившій цѣлью преобразовательной работы „объединеніе законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи“ и возведеніе крестьянъ на степень „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“. Изученіе важнѣйшихъ вопросовъ устроенія крестьянской жизни, и раньше уже предпринятое особымъ совѣщаніемъ, было прямо предоставлено ему указомъ 12-го декабря, съ ссылкою, притомъ, на отзывы мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Оставаясь на этой почвѣ, особое совѣщаніе уста-

новило, въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, рядъ положеній, обнимающихъ собою почти всю юридическую сторону крестьянскаго вопроса. Компетенція сословно-крестьянскихъ союзовъ ограничена кругомъ дѣлъ, вытекающихъ изъ права крестьянской общины на надѣльную землю; всѣ остальныя дѣла, теперь пріуроченныя къ сельскимъ обществамъ и къ волостямъ, признаны подлежащими вѣдѣнію предрѣшенныхъ указомъ 12-го декабря мелкихъ земскихъ организацій и другихъ общесословныхъ установленій. Всѣ гражданскія правоотношенія, не касающіяся надѣльнаго имущества, предположено подчинить дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ. Въ отношеніи уголовной отвѣтственности признано нужнымъ уравнять крестьянъ съ лицами прочихъ сословій. Волостной судъ признанъ подлежащимъ упраздненію и замѣнѣ судомъ общимъ для всѣхъ сословій, свѣдущимъ въ техникѣ судебнаго дѣла, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ судебнаго строя. Не успѣли получить окончательную формулировку мнѣнія совѣщанія по вопросамъ объ общинномъ и семейномъ владѣніи и о выходѣ изъ крестьянскихъ обществъ.

Бо̀льшая часть положеній, выработанныхъ совѣщаніемъ, должна перейти, какъ видно изъ Высочайшаго рескрипта 30-го марта, на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Это возбуждаетъ ликованія реакціонной печати, спѣшащей, какъ и всегда, нанести послѣдній ударъ падшему врагу. Подготовленный двумя статьями, посвященными извѣстной запискѣ С. Ю. Витте, этотъ ударъ разражается со всею силой въ статьѣ самого г. Spectator'а, эффектно озаглавленной: „Черный передѣлъ". „Злополучному" сельскохозяйственному совѣщанію приписывается здѣсь иниціатива „настоящаго революціоннаго движенія", выразившаяся въ поощреніи, *по сознательно допущенному недоразумѣнію*, „безпредѣльной либеральной болтовни" мѣстныхъ совѣщаній. Отъ указа и рескрипта 30-го марта ожидается конецъ опасеніямъ „истинно-русскихъ людей", ожидается „освобожденіе" всѣхъ коренныхъ вопросовъ русской жизни „отъ тлетворнаго вліянія таинственной силы, на которую возлагаютъ свои упованія какъ внутренніе, такъ и внѣшніе враги Россіи". Не преувеличены ли, однако, всѣ эти надежды, не преждевременно ли торжество сторонниковъ застоя и регресса? Гдѣ основанія утверждать, что обратная передача одной части крестьянскаго вопроса въ министерство внутреннихъ дѣлъ—и до тѣхъ поръ, впрочемъ, не вовсе устраненное отъ участія въ этой работѣ — знаменуетъ собою сохраненіе обособленности и неполноправности крестьянъ? Неотмѣненнымъ остается указъ 12-го декабря; неизмѣнна, слѣдовательно, намѣченная имъ цѣль—объединеніе законодательства о крестьянахъ съ общими законами имперіи. Съ этой цѣлью рѣшительно несовмѣстно переустройство крестьянскаго

строя на началахъ, принятыхъ редакціонною коммиссіею В. К. Плеве. Крестьяне, имѣющіе свое особое управленіе, свой особый судъ, свои уголовные и гражданскіе законы, не имѣютъ ничего общаго съ „полноправными, свободными сельскими обывателями“, которыхъ, согласно съ завѣтомъ Александра II-го, призываетъ къ жизни указъ 12-го декабря. Софизмы реакціонной печати о *правахъ*, которыми теперь, благодаря своей сословной замкнутости, пользуются крестьяне—софизмы тысячу разъ опровергнутые и повторяемые, говоря словами ихъ авторовъ, лишь „по сознательному недоразумѣнію“,—не могутъ затемнить той простой истины, что дальнѣйшее существованіе этихъ мнимыхъ правъ мыслимо лишь при законодательномъ *разъединеніи* сословій, т.-е. при условіи прямо противоположномъ указу 12-го декабря.

Закрытіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности—не единственный источникъ торжествующаго чувства, наполняющаго сердца нашихъ „охранителей“; его усиливаетъ учрежденіе новаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина. Въ рескриптѣ 30-го марта усматривается осужденіе „чернаго передѣла“, проповѣдуемаго, будто бы, въ московскихъ аристократическихъ кружкахъ и ожидаемаго въ петербургскомъ оффиціальномъ мірѣ. Доказательствомъ „проповѣди“ служитъ „сообщеніе“ о чтеніи проф. Мануилова, давно уже опровергнутое лекторомъ; доказательствомъ „ожиданія“—одна изъ тѣхъ бесѣдъ съ безыменными сановниками, которыя такъ часто украшаютъ собою страницы „Гражданина“. Смѣшеніемъ понятій, отожествленіемъ разнородныхъ теченій имѣлось въ виду создать искусственную темноту, подъ покровомъ которой легче возбуждать подозрѣнія и опасенія. Едва-ли, однако, этотъ разсчетъ достигнетъ цѣли: слишкомъ велика разница между „чернымъ передѣломъ“, т.-е. отобраніемъ частновладѣльческихъ земель, для раздачи сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ крестьянамъ—и системой аграрныхъ мѣропріятій, составляющихъ какъ бы продолженіе великой реформы 1861-го года. Скажемъ болѣе: мѣропріятія послѣдняго рода, тщательно обдуманныя, осторожно проведенныя, считающіяся съ пріобрѣтенными правами—лучшая гарантія противъ попытокъ насильственнаго захвата, обнимаемыхъ терминомъ: *черный передѣлъ*. Высочайшій рескриптъ 30-го марта осуждаетъ *посягательства* на частное землевладѣніе, т.-е. противозаконныя, преступныя нарушенія охраняемаго закономъ права. Съ такими нарушеніями не имѣетъ ничего общаго закономѣрное вмѣшательство государства въ область аграрныхъ отношеній, на тѣхъ, напримѣръ, началахъ, какія намѣчены недавно происходившимъ въ Москвѣ совѣщаніемъ земскихъ дѣятелей [1]).

[1]) См. № 58 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Кромѣ содѣйствія переселенію и разселенію, реформы крестьянскаго банка и пересмотра межевого законодательства, въ составъ програмы, принятой совѣщаніемъ, входятъ еще слѣдующіе пункты: 1) улучшеніе экономическаго положенія земледѣльческаго класса путемъ обязательнаго выкупа изъ частновладѣльческихъ земель необходимыхъ прирѣзокъ, въ интересахъ малоземельныхъ группъ разныхъ категорій. 2) Признаніе государственнымъ земельнымъ фондомъ казенныхъ земель и части удѣльныхъ; увеличеніе этого фонда путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель и эксплоатація его въ интересахъ трудящагося населенія. 3) Упорядоченіе условій аренды, путемъ государственнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія. 4) Образованіе общественно-государственныхъ посредническихъ коммиссій для проведенія въ жизнь аграрныхъ мѣропріятій, согласно вышеуказаннымъ началамъ. „Посягательствомъ" на частное землевладѣніе не можетъ быть названа ни одна изъ мѣръ, рекомендуемыхъ земскимъ совѣщаніемъ. Весьма вѣроятно, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ придется обратиться и совѣщанію, во главѣ котораго поставленъ И. Л. Горемыкинъ. Безъ регулированія арендныхъ отношеній едва ли можно будетъ предоставить крестьянамъ „удобнѣйшие, соотвѣтственно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, способы пользованія отведенными имъ надѣльными землями"; безъ увеличенія государственнаго земельнаго фонда едва ли возможно будетъ достигнуть „упроченія земельнаго строя крестьянъ, какъ главной основы народнаго благосостоянія". Возлагать слишкомъ большія надежды на переселеніе рискованно уже потому, что запасъ годныхъ для него свободныхъ земель, по собраннымъ въ послѣднее время (въ особенности А. А. Кауфманомъ) даннымъ, далеко не такъ великъ, какъ предполагалось еще недавно. Что касается до покупки земли съ помощью крестьянскаго банка, то она не всегда подъ силу именно тѣмъ, кто всего больше страдаетъ отъ малоземелья.

3-го апрѣля состоялся Высочайшій рескриптъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора, заставляющій ожидать скораго введенія въ Сибири земскихъ учрежденій—*земскихъ* не только по имени, какъ созданныя, два года тому назадъ, для западныхъ губерній, но и на самомъ дѣлѣ. Великій рельсовый путь, связавшій Сибирь съ Европейскою Россіей, произвелъ, по словамъ рескрипта, „глубокія измѣненія въ строѣ мѣстной гражданской жизни. Усиленный притокъ переселенцевъ, привлекаемыхъ неисчерпаемыми природными богатствами страны, явился мощнымъ двигателемъ развитія ея производительныхъ силъ. Вновь возникшія бытовыя условія выдвинули на очередь рядъ весьма важныхъ задачъ, рѣшеніе коихъ не можетъ быть достигнуто безъ уча-

стія представителей населенія. Назрѣвшимъ потребностямъ не отвѣчаетъ болѣе дѣйствующій въ Сибири порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ". Завѣдываніе это, въ предѣлахъ иркутскаго военнаго генералъ-губернаторства и въ губерніяхъ тобольской и томской рѣшено образовать „на плодотворныхъ началахъ общественной самодѣятельности, обезпечивающихъ своевременное удовлетвореніе непрерывно нарастающихъ запросовъ жизни, въ соотвѣтствіи съ предначертаніями, указанными во 2-мъ пунктѣ указа правительствующему сенату отъ 12 декабря 1904 года". Никогда еще, кажется, въ оффиціальномъ актѣ не признавались такъ рѣшительно и опредѣленно преимущества мѣстнаго самоуправленія передъ старой бюрократической системой; никогда не подчеркивалось такъ ярко великое значеніе общественной самодѣятельности. Ссылка на пунктъ 2-ой указа 12-го декабря удостовѣряетъ, что въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, земству будетъ предоставлено, вмѣстѣ съ „необходимою самостоятельностью", „широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства", и что къ участію въ немъ будутъ призваны всѣ части „заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія". Разъ что земство вводится въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ Сибирь, нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе новаго земскаго положенія будетъ распространено и на всѣ сѣверныя, западныя и восточныя окраины Европейской Россіи, и на Закавказье, давно нуждающееся въ немъ, и даже—съ нѣкоторыми, быть можетъ, отступленіями отъ общаго типа—на области, входящія въ составъ генералъ-губернаторствъ туркестанскаго и степного. Кавказу и Закавказью земскія учрежденія прямо обѣщаны въ телеграммѣ новаго намѣстника кавказскаго, графа Воронцова-Дашкова, посланной на имя временно управляющаго этимъ краемъ. „По указаніямъ, даннымъ мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ",—читаемъ мы въ этой телеграммѣ,—„мною будутъ собраны совѣщанія представителей населенія. Сюда должны войти выборные отъ дворянства, городовъ и сельскихъ общинъ, а также духовенства православнаго, армяно-грегоріанскаго и магометанскаго. Совѣщанію предложено будетъ высказаться о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя неотложно необходимо принять для прекращенія всѣхъ разбоевъ, грабежей и безпорядковъ, выяснить, насколько ощущается потребность въ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго въ краѣ судебнаго устройства, и обсудить возможность и цѣлесообразное спокойное примѣненіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ". Особенно сильно можетъ способствовать успокоенію кавказскаго края извѣстіе о предстоящемъ пересмотрѣ рѣшенія, въ силу котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приняты были въ казенное управленіе всѣ имущества армянской церкви. Неудовольствіемъ, вызваннымъ этою мѣрою, объясняется значительная

часть безпорядковъ, происходившихъ, въ послѣднее время, въ Елизаветполѣ, Карсѣ и другихъ мѣстностяхъ Закавказья.

Въ то самое время, когда на дальнихъ окраинахъ Россіи дѣлаются первые шаги къ децентрализаціи—децентрализаціи въ истинномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, обращающейся къ самодѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ и знаменующей собою близкій конецъ чисто-бюрократическаго режима—реакціонная печать выступаетъ съ проповѣдью децентрализаціи совсѣмъ другого рода, направленной къ обостренію произвола. „Выдающійся"—по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей"—„представитель военнаго вѣдомства", имя котораго остается неизвѣстнымъ, предлагаетъ раздѣлить Россію на округа, по нѣскольку губерній въ каждомъ, и во главѣ округа поставить временнаго генералъ-губернатора, облеченнаго чрезвычайною властью, какъ военною, такъ и гражданскою. Неудачу прежнихъ попытокъ этого рода авторъ проекта объясняетъ недостаточностью полномочій, которыя были предоставляемы генералъ-губернаторамъ, а также тѣмъ, что генералъ-губернаторы были введены не повсемѣстно. Восторженно одобряя основную мысль проекта и ни отъ кого, кромѣ либераловъ, не ожидая противъ нея возраженій, московская газета идетъ еще дальше: она рекомендуетъ созданіе центральной власти, которая объединяла бы дѣйствія всѣхъ генералъ-губернаторовъ. Такою властью не можетъ быть министръ внутреннихъ дѣлъ, у котораго слишкомъ много другихъ обязанностей: необходимо особое лицо, „прямою и единственною обязанностью" котораго было бы „внести единство въ дѣйствія всѣхъ генералъ-губернаторовъ и поддерживать въ нихъ должную энергію". Надъ „провинціальными диктатурами" была бы поставлена, такимъ образомъ, диктатура всероссійская, и поставлена надолго: въ генералъ-губернаторствахъ московская газета видитъ учрежденіе не временное, а постоянное, нормальное, обусловливаемое обширностью Россіи. Въ видѣ примѣра тому, что можетъ сдѣлать „полномочный слуга государя", приводится дѣятельность кн. Воронцова—въ Новороссіи и на Кавказѣ, гр. Муравьева—въ Сибири, Кауфмана—въ Туркестанѣ.

Бо̀льшаго безсилія мысли, чѣмъ выразившееся въ только-что изложенномъ прожектѣ, нельзя себѣ и представить. Мнимо-спасительное средство было испытано много разъ—и всегда оказывалось никуда негоднымъ. Ничего хорошаго не внесли въ нашъ административный строй постоянныя генералъ-губернаторства временъ Александра I и Николая I-го; не остановили распространенія смуты временныя генералъ-губернаторства конца царствованія Александра II-го. На одного

генералъ-губернатора, успѣвшаго хоть что-нибудь сдѣлать для управляемой имъ области, сколько приходилось такихъ, которые только тормазили движеніе дѣлъ и затрудняли борьбу съ злоупотребленіями! Припомнимъ, напримѣръ, чѣмъ былъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири для тобольскаго губернатора Арцимовича, генералъ-губернаторъ бѣлорусскаго края—для витебскаго губернатора Жиркевича; припомнимъ длинную вереницу лицъ, безполезно или съ явнымъ вредомъ для края занимавшихъ генералъ-губернаторскій постъ въ Вильнѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Оренбургѣ, Иркутскѣ; припомнимъ, какъ часто политика преемника шла прямо въ разрѣзъ съ политикой предшественника, все перевертывая вверхъ дномъ, уничтожая всякую послѣдовательность въ примѣненіи закона (Головинъ и кн. Суворовъ въ остзейскомъ краѣ, Анненковъ, Безакъ и кн. Дондуковъ-Корсаковъ въ юго-западныхъ губерніяхъ); припомнимъ, какую печальную роль сыграли лучшіе наши полководцы—Гурко и Тотлебенъ,—очутясь, въ 1879 г., временными генералъ-губернаторами въ Петербургѣ и Одессѣ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣятельность генералъ-губернатора—если не считать завоеваній, сдѣланныхъ оружіемъ,—не оставляла никакихъ прочныхъ слѣдовъ: послѣ гр. Муравьева не измѣнилась къ лучшему система управленія восточною Сибирью, послѣ кн. Воронцова—система управленія Кавказомъ... Если несостоятельна мысль „выдающагося представителя военнаго вѣдомства", то какъ назвать дальнѣйшее развитіе ея „Московскими Вѣдомостями"? Центральная диктатура была испробована у насъ лишь однажды, при гр. Лорисъ-Меликовѣ; но это была диктатура только кажущаяся, стремившаяся сдѣлать себя ненужной и перейти какъ можно скорѣе къ нормальному управленію. При постоянныхъ генералъ-губернаторахъ и диктаторъ, поставленный надъ ними, былъ бы постояннымъ—а что̀ такое постоянный диктаторъ, разъ что къ нему непримѣнима кличка, данная Руэру въ послѣдніе годы второй имперіи? Не что̀ иное, какъ министръ полиціи, окончательно освобожденный отъ обязанности сообразоваться съ закономъ; а способствовалъ ли министръ полиціи, гдѣ и когда бы то ни было, умиротворенію взволнованной страны, водворенію настоящаго,—т.-е. внутренняго, а не внѣшняго—порядка?.. Отдадимъ справедливость „выдающемуся представителю военнаго вѣдомства": онъ не забываетъ о Высочайшемъ рескриптѣ 18-го февраля, хотя и отодвигаетъ осуществленіе его въ неопредѣленную даль будущаго. Но какое же мѣсто остается для этого государственнаго акта при господствѣ диктатуръ, центральной и провинціальныхъ? Во что обращается возвѣщенное Высочайшимъ рескриптомъ народное представительство, при дѣйствіи чрезвычайныхъ, неограниченныхъ, безсрочныхъ полномочій?..

Главнымъ интересомъ дня остается вопросъ о составѣ собранія, имѣющаго быть созваннымъ на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля. Въ газетахъ продолжаютъ появляться цѣлые проекты организаціи избирательнаго права; продолжается и полемика о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ избирательныхъ системъ. Отмѣтимъ, прежде всего, интересную брошюру Г. А. Евреинова: „Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и народное представительство“— интересную въ особенности потому, что бо̀льшая ея часть представляетъ собою буквальное воспроизведеніе записки, поданной авторомъ (занимавшимъ тогда постъ оберъ-прокурора перваго департамента правительствующаго сената), въ апрѣлѣ 1881 г., министру юстиціи. Съ замѣчательною ясностью и силой указаны здѣсь тѣ слабыя стороны нашего государственнаго строя, которыя, обостряясь все больше и бо̀льше, привели къ тяжелому кризису, теперь переживаемому Россіей. „Ничѣмъ не стѣсняемая администрація наша“—писалъ Г. А. Евреиновъ четверть вѣка тому назадъ—„съ совершеннымъ пренебреженіемъ относится къ основнымъ законамъ имперіи и, въ явное ихъ нарушеніе, пользуется возможностью непосредственно испрашивать Высочайшія повелѣнія по такимъ предметамъ, которые требуютъ законодательнаго разрѣшенія... Народъ русскій служитъ до сего времени только предметомъ, надъ которымъ проявляется дѣятельность правительства, а въ самой этой дѣятельности никакого участія не принимаетъ... Исполнителями благихъ предначертаній Царя-Освободителя явились косныя учрежденія чиновно-канцелярскаго строя... Отличительныя черты дѣятельности этихъ учрежденій—застой въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей, произволъ власти, слабость и распущенность ея представителей и поразительная неумѣлость нѣкоторыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ... Общество не довѣряетъ правительству, правительство не довѣряетъ обществу; на почвѣ этого разлада выросло соціальное движеніе, и въ немъ причина, что соціальное движеніе не вызвало отпора въ самомъ обществѣ“... Читая эти строки, можно подумать, что онѣ написаны вчера или сегодня. Картина, нарисованная въ 1881 г., во многомъ остается вѣрной до сихъ поръ: нужно только значительно сгустить наложенныя на нее краски. Это и дѣлаетъ авторъ, напоминая, въ концѣ брошюры, что послѣдніе двадцать-четыре года были временемъ „рѣшительной и безпощадной реакціи“, характеризуемой „безграничнымъ своеволіемъ исполнительной власти, ясно выраженнымъ атавизмомъ крѣпостничества во вліятельномъ меньшинствѣ служилаго и помѣстнаго дворянства, и одностороннимъ, въ самомъ основаніи своемъ невѣрнымъ представленіемъ о русской національной самобытности, противополагаемой всей

западной культурѣ"... Въ своей запискѣ Г. А. Евреиновъ, отвергая модную тогда мысль о приглашеніи земскихъ представителей въ государственный совѣтъ на правахъ экспертовъ, по нѣкоторымъ лишь отдѣльнымъ вопросамъ, высказывался за созданіе земскаго представительства, какъ постояннаго законодательнаго учрежденія—и вмѣстѣ съ тѣмъ за неприкосновенность самодержавія, какъ основы нашего государственнаго строя. Въ настоящее время устройство „государственной земской думы" намѣчается авторомъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Всѣхъ членовъ думы должно быть не болѣе 500. Болѣе крупные города (на первое время—въ лицѣ городскихъ думъ, съ привлеченіемъ къ нимъ квартиронанимателей) выбираютъ 136 представителей, изъ которыхъ 87 приходятся на Европейскую Россію, 19 на Царство Польское, 12 на Кавказъ, 8 на Сибирь, 16 на Среднюю Азію [1]. Остальныя 364 полномочія распредѣляются между губерніями соотвѣтственно ихъ населенію. Въ сельскихъ мѣстностяхъ и въ городскихъ поселеніяхъ, не пользующихся самостоятельнымъ представительствомъ, избирательное право предоставляется владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ, въ томъ числѣ и сельскимъ обществамъ, а также плательщикамъ промысловаго налога извѣстнаго размѣра. Система выборовъ трехстепенная: городскія управленія и сельскіе избирательные участки выбираютъ уѣздныхъ избирателей, уѣздные—губернскихъ, избирающихъ положенное на губернію число представителей въ государственную земскую думу. Представители должны умѣть говорить, читать и писать по-русски. Прочность и независимость выборнаго представительства Г. А. Евреиновъ признаетъ необходимымъ обезпечить слѣдующими гарантіями: 1) Всѣ законопроекты и государственная роспись доходовъ и расходовъ восходятъ на утвержденіе верховной власти не иначе, какъ по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи въ государственной земской думѣ. 2) Законопроектъ, отвергнутый большинствомъ думы, возвращается предложившему его министру. 3) Народные представители безотвѣтственны за выраженныя ими въ думѣ политическія мнѣнія. Порядокъ засѣданій и полномочія предсѣдателя опредѣляются издаваемымъ въ законодательномъ порядкѣ регламентомъ. 4) Засѣданія думы публичны. 5) Думѣ должно быть предоставлено право законодательной инициативы, выражающейся въ формѣ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ по предметамъ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія. Эти гарантіи—прибавляетъ Г. А. Евреиновъ—„совершенно совмѣстимы съ прерогативами самодержавія русскихъ государей".

[1] Участіе Финляндіи въ государственной думѣ Г. А. Евреиновъ признаетъ несоотвѣтствующимъ отношенію великаго княжества къ имперіи.

Изъ числа проектовъ, появляющихся въ газетахъ, всего ближе подходитъ къ извѣстнымъ намъ уже схемамъ гг. Н. З. и Кузьмина-Караваева предложеніе предсѣдателя нижегородской земской управы А. А. Савельева. Имѣя въ виду съ одной стороны неотложную необходимость преобразованія, съ другой—невозможность ввести сразу, безъ обширной подготовительной работы, прямую, всенародную, равную для всѣхъ выборную систему, А. А. Савельевъ признаетъ наиболѣе правильнымъ воспользоваться, на первый разъ, существующими земскими учрежденіями. Въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній должны быть введены, съ этою цѣлью, свободно выбранные (а не назначенные губернаторомъ) гласные отъ крестьянъ, а также выборные отъ фабрично-заводскаго населенія и отъ крупныхъ (не городскихъ) промышленныхъ центровъ, въ составъ губернскихъ собраній—представители отъ городскихъ думъ и биржевыхъ обществъ. Гораздо сложнѣе проектъ г. Романовскаго-Романько, напечатанный въ № 10448 „Новаго Времени". Авторъ предлагаетъ раздѣлить все населеніе имперіи на четыре группы, отнеся къ первой—проживающихъ въ усадьбахъ или имѣніяхъ дворянъ-землевладѣльцевъ и состоящихъ или состоявшихъ на государственной или земской службѣ, ко второй—разныя категоріи лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ (внѣ усадьбъ или имѣній) и въ городахъ, населеніе которыхъ не превышаетъ одной тысячи человѣкъ, къ третьей—проживающихъ внѣ городовъ крестьянъ, мѣщанъ и инородцевъ, къ четвертой—населеніе болѣе крупныхъ городовъ. Система выборовъ — отчасти двухъ-, отчасти трехъ-степенная. Первая группа выбираетъ 98 представителей, вторая — также 98, третья—792, четвертая—190. Общее число представителей—1.178. Уже одна эта цифра, невозможно высокая, говоритъ противъ проекта, вообще отличающагося ненужною и ничѣмъ не оправдываемою сложностью. Однородные элементы (напр. личные землевладѣльцы) разъединяются, разнородные (напр. землевладѣльцы, торговцы, лица свободныхъ профессій) соединяются въ одну группу. Сословное начало отчасти игнорируется, отчасти выдвигается на сцену. Еще болѣе серьезный недостатокъ проекта мы видимъ въ томъ, что онъ вовсе не пользуется существующими общественными учрежденіями. Столь же мало удовлетворителенъ проектъ неизвѣстнаго автора, содержаніе котораго изложено вкратцѣ въ петербургской корреспонденціи берлинской гезеты „Tägliche Rundschau" [1]), болѣе подробно—въ еврейской газетѣ „Газманъ", откуда оно заимствовано „Кіевскими Откликами" и „Сыномъ Отечества" (№ 35). Предполагается созданіе двухъ учрежденій: *Государственнаго Совѣщанія*, какъ верхней, и *Государ-*

---

[1]) См. № 91 „Русскихъ Вѣдомостей".

ственнаго Собранія, какъ нижней палаты. Верхняя палата должна состоять изъ 120 членовъ: 60 по выбору дворянства европейскихъ губерній (безъ Финляндіи и Царства Польскаго) и 60 по назначенію. Въ нижнюю палату избираются 643 депутата, а именно 364—отъ центральныхъ губерній, 72—отъ девяти западныхъ, 15—отъ трехъ прибалтійскихъ губерній, 50—отъ Привислянскаго края, 32—отъ Финляндіи, 30—отъ Кавказа, 30—отъ Сибири, 15—отъ азіатскаго края. Сверхъ того восемь большихъ городовъ (Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Рига и Лодзь) выбираютъ 20 депутатовъ, православное духовенство—10, духовенство остальныхъ исповѣданій (католическое, протестантское, армянское, магометанское и еврейское)—5. Государственное Собраніе изъ своей среды назначаетъ *Исполнительный Комитетъ*, который долженъ подготовлять работы Собранія, передавать его постановленія правительству, вести сношенія съ Верхней палатой. *Выборы* въ Государственное Собраніе двоякаго рода: для земскихъ губерній предлагается установить избраніе въ каждой губерніи по три депутата отъ земскаго (губернскаго?) собранія, по два отъ дворянскаго собранія, по одному отъ купечества и отъ городского населенія и три отъ крестьянства. Въ неземскихъ губерніяхъ предположена система косвенныхъ выборовъ отъ городскихъ и крестьянскихъ обществъ, въ родѣ прусской. Въ сѣверо-западномъ краѣ дворяне и крестьяне выбираютъ по три, города и купечество — по одному представителю. Депутаты отъ Финляндіи назначаются финляндскимъ сеймомъ. Представители большихъ городовъ выбираются городскими думами. Сибирь посылаетъ отъ каждой губерніи двухъ представителей городовъ и по одному отъ купечества и отъ крестьянства. Право быть выбраннымъ въ представители имѣетъ каждый русско-подданный, достигшій 25-ти лѣтъ и не лишенный правъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Государственное Собраніе засѣдаетъ два раза въ годъ по два мѣсяца (февраль—мартъ и октябрь—ноябрь).—Оставляя, покамѣстъ, въ сторонѣ тѣ части проекта, которыя касаются верхней палаты и исполнительнаго комитета нижней палаты, ограничимся указаніемъ на сословный характеръ рекомендуемой имъ выборной системы и на широкое мѣсто, отводимое дворянскому, а отчасти и купеческому элементу. Въ земскихъ губерніяхъ, за немногими исключеніями, большинство въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ принадлежитъ дворянамъ: дворянскою, такимъ образомъ, могла бы явиться цѣлая половина представительства этихъ губерній. Въ городскихъ думахъ преобладаетъ купечество, которое въ весьма многихъ случаяхъ было бы представлено вдвойнѣ: своими собственными избранниками и избранниками городскихъ думъ. Ультра-сословной тенденціей внушено и то правило проекта, въ силу котораго представителями отъ крестьянъ

могутъ быть исключительно крестьяне, и притомъ лишь тѣ, которые имѣютъ право участія въ волостныхъ сходахъ. Для представительства свободныхъ профессій и фабрично-заводскихъ рабочихъ система проекта вовсе не оставляетъ мѣста. Вполнѣ примѣнимо къ ней, поэтому, все то, что было сказано нами, мѣсяцъ тому назадъ, о проектѣ барона П. Л. Корфа.

За немедленное введеніе всеобщей и прямой подачи голосовъ продолжаютъ высказываться, одни за другими, общества, собранія, союзы. Подробную мотивировку этого тезиса даютъ доклады инженера И. В. Чернышева (въ соединенномъ собраніи общества горныхъ инженеровъ и союза инженеровъ) и В. А. Мякотина (въ собраніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ). Указавъ на крайнюю неравномѣрность и несправедливость дѣйствующаго у насъ земскаго и городского представительства, И. В. Чернышевъ выводитъ отсюда, что нынѣшнимъ земствамъ и городскимъ думамъ нельзя предоставить право выбора депутатовъ отъ всего народа. Избирательной единицей при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ долженъ быть уѣздъ. Если въ уѣздѣ меньше 50 тыс. жителей, онъ соединяется для выборовъ съ другимъ уѣздомъ. Если въ уѣздѣ болѣе 150 тыс. жителей, онъ выбираетъ двухъ депутатовъ, если болѣе 250 тыс.—трехъ, и такъ далѣе, прибавляя по одному депутату на каждыя сто тысячъ человѣкъ. На каждую тысячу избирателей, по разсчету г. Чернышева, придется 800 крестьянъ, 17 дворянъ, 5 духовныхъ, 110 лицъ городскихъ сословій и 50 инородцевъ. „Всякое ограниченіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права"—такъ закончилъ свой докладъ г. Чернышевъ—„ведетъ къ тому, что представительство интересовъ народа подмѣняется представительствомъ его меньшей части. Каждымъ такимъ ограниченіемъ центръ тяжести политической власти перемѣщается въ сторону имущихъ классовъ; интересы народнаго блага и культурнаго развитія ввѣряются не заботамъ всего общества, а заботамъ меньшинства, выдѣленнаго по механическому признаку обладанія собственностью. Наоборотъ, введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права способствуетъ передачѣ судьбы народа въ его собственныя руки".—Значительная часть доклада В. А. Мякотина посвящена возраженіямъ на докладъ В. Д. Кузьмина-Караваева [1]). Основная мысль послѣдняго—необходимость *немедленнаго* производства выборовъ; между тѣмъ, осуществленіе измѣненій, вносимыхъ В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ составъ земскихъ собраній, требуетъ времени и представляетъ значительныя трудности. То же самое слѣдуетъ сказать и объ организаціи проектируемой имъ избирательной

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ предыдущей книжкѣ нашего журнала.

группы рабочихъ. Привести къ желанной цѣли всѣ эти нововведенія, при нынѣ существующихъ условіяхъ, не могутъ: общественные классы, о которыхъ заботится В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, неизбѣжно будутъ обойдены. „Авторы проектовъ"—продолжаетъ В. А. Мякотинъ, не различая В. Д. Кузьмина-Караваева отъ барона П. Л. Корфа,—„исходятъ изъ предположенія, что въ Россіи есть сила, которая одушевлена намѣреніемъ немедленно преобразовать русскую жизнь. Эту силу можно было увидѣть единственно въ рескриптѣ 18-го февраля". До сихъ поръ, однако, не сдѣлано попытки осуществить намѣченное въ рескриптѣ. „Это значитъ, что въ немъ нѣтъ реальнаго содержанія; онъ не знаменуетъ собою поворота въ дѣйствительной жизни. Не здѣсь родятся тѣ силы, которыя толкаютъ русскую жизнь къ преобразованіямъ и должны передать дѣло народа въ руки самого народа. Если русское общество получило за послѣднее время возможность говорить и думать,—не громко, но хоть вполголоса,—то лишь потому, что измѣнился характеръ народной жизни, и изъ народа вышли силы, выступившія въ открытую борьбу за новыя начала жизни, за права личности и гражданства. Благодаря борьбѣ передъ русской интеллигенціей выдвинулся вопросъ: гдѣ путь для завоеванія новыхъ условій жизни"? Что такимъ путемъ не можетъ быть содѣйствіе существующему государственному механизму—это В. А. Мякотинъ выводитъ, между прочимъ, изъ того, что вопросы политическіе тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ соціальными, требующими безотлагательнаго превращенія прежней жизни въ новую. „Соображаясь съ реальной обстановкой, русская интеллигенція должна опредѣлить свое отношеніе къ дѣйствительности. Пролагать ли ей мосты къ осуществленію частичныхъ преобразованій, къ передачѣ власти въ руки группъ, которыя постараются обезпечить свои интересы, или направить свои силы на поддержаніе тѣхъ боевыхъ лозунговъ, на которыхъ могутъ объединиться живыя силы страны? Рѣшеніе вопроса можетъ быть только одно: она не можетъ идти на уступки и должна требовать созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ". Условіями, необходимыми для успѣха выборовъ, В. А. Мякотинъ считаетъ свободу слова устнаго и печатнаго, свободу собраній и союзовъ, неприкосновенность личности и жилища. Въ двухстепенности выборовъ онъ усматриваетъ компромиссъ, а вступить на путь компромисса—значитъ разорвать связь съ народомъ.

Посмотримъ, прежде всего, совмѣстимы ли системы, которыя мы, для краткости, обозначимъ общимъ именемъ *переходныхъ* [1]), съ без-

---

[1]) Къ такимъ системамъ мы относимъ, напримѣръ, проекты г.г. Кузьмина-Караваева, Н. З., Савельева, принимаемые нами съ тѣми или другими оговорками.

отлагательнымъ производствомъ выборовъ. Допустимъ, что къ губернскому земскому собранію рѣшено будетъ присоединить—согласно съ мыслью, выраженною нами въ апрѣльскомъ обозрѣніи—крестьянъ, избранныхъ волостными сходами, а также выборщиковъ отъ той части сельскаго и городского населенія, которая не представлена теперь ни въ земствѣ, ни въ городскихъ думахъ. Много ли нужно было бы времени, чтобы составить въ уѣздахъ списки осѣдлыхъ жителей, не владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ, въ городахъ—списки квартиронанимателей? Во всякомъ случаѣ не больше того, которое понадобилось бы для составленія списковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ всеобщей подачи голосовъ. Еще скорѣе могли бы быть созваны волостные сходы. Избранные на сходахъ и другихъ собраніяхъ выборщики могли бы немедленно войти въ составъ губернскаго земскаго собранія и вмѣстѣ съ нимъ приступить къ избранію представителей. Примыкая къ организаціи давно существующей, обладающей широкимъ опытомъ, новые ея члены безъ труда оріентировались бы въ чуждой имъ до тѣхъ поръ средѣ, быстро ознакомились бы и съ главными теченіями, и съ лицами, ихъ представляющими, и получили бы возможность подать голосъ сознательно и обдуманно, не подчиняясь ни запугиванью, ни обѣщаніямъ, ни случайнымъ, внѣшнимъ вліяніямъ. Наоборотъ, при всеобщей и прямой подачѣ голосовъ избиратели, предоставленные самимъ себѣ, не скоро могли бы дать себѣ ясный отчетъ въ своей задачѣ, столковаться между собою, остановиться на одномъ изъ одинаково имъ незнакомыхъ кандидатовъ. Даже при самой широкой, искусной, безпрепятственной избирательной агитаціи потребовались бы мѣсяцы, если не годы, чтобы приготовить выборы, соотвѣтствующіе важности момента. Нѣсколько иначе обстояло бы дѣло при двухстепенной подачѣ голосовъ—но и при ней выборщики, раньше не знавшіе другъ друга и ничѣмъ не связанные между собою, встрѣтили бы на своемъ пути гораздо больше трудностей и сомнѣній, чѣмъ выборщики, вошедшіе въ составъ губернскаго земскаго собранія. Для первыхъ политическихъ выборовъ нужна прочная точка опоры, нужна, говоря фигурально, стѣна, къ которой они бы могли прислониться—и вотъ, такой точкой опоры, такой стѣной является въ нашихъ глазахъ губернское земство. Пройдетъ критическая минута—исчезнетъ и необходимость поддержки: но отказаться отъ нея *теперь*, значило бы пуститься, закрывъ глаза, въ область неопредѣленнаго и непредвидѣннаго, поставить на карту, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ, ближайшее будущее Россіи. Повторяемъ еще разъ: мы говоримъ только о *первыхъ* выборахъ, о *временномъ* избирательномъ порядкѣ: *постоянный* избирательный законъ долженъ быть выработанъ будущимъ народнымъ представительствомъ.

Что политическіе вопросы, въ настоящее время, тѣсно связаны съ соціальными, что въ массѣ народа пробудились потребности, игнорировать которыя было бы и неразумно, и опасно, что центръ тяжести политической жизни не долженъ быть искусственно перемѣщенъ въ сторону имущихъ классовъ—это и въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: но въ разрѣзъ съ этимъ не идетъ защищаемая нами система. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что къ губернскому земскому собранію присоединились бы свободно выбранные уполномоченные крестьянъ, по одному отъ каждой волости: большинство вездѣ оказалось бы на сторонѣ крестьянъ [1]), даже если не считать представителей „третьяго элемента", солидарнаго, за рѣдкими исключеніями, съ крестьянской массой. Мало вѣроятенъ, впрочемъ, былъ бы и антагонизмъ между крестьянами и земцами. Наше земство много разъ обнаруживало способность возвышаться надъ классовыми интересами. Не углубляясь въ исторію, ограничимся напоминаніемъ о программѣ московскаго земскаго совѣщанія, приведенной нами выше: она прямо ставитъ на очередь аграрныя реформы. Нѣтъ основанія утверждать, что собраніе, обязанное своимъ происхожденіемъ всеобщей и прямой подачѣ голосовъ, создало бы для этихъ реформъ болѣе благопріятную почву, чѣмъ собраніе, избранное въ предлагаемомъ нами порядкѣ. Для перваго давленіе сверху, почти неизбѣжное въ переходную эпоху, было бы болѣе опасно, чѣмъ для второго, сильнаго традиціями и дисциплиной. Сюрпризы, при дѣйствіи всеобщаго и прямого избирательнаго права, могли бы получиться у насъ еще болѣе поразительные, чѣмъ во Франціи, во времена второй республики и второй имперіи, да и въ Германіи, въ 1848—49 г. Тѣхъ различныхъ видовъ свободы, которые справедливо признаются необходимымъ условіемъ нормальной предвыборной борьбы и правильныхъ выборовъ, Россія еще лишена; когда они сдѣлаются ея достояніемъ—сказать трудно. Нельзя, поэтому, не считаться съ вопросомъ, при какомъ избирательномъ порядкѣ особенно опасно ихъ отсутствіе; нельзя забывать дѣйствительность, среди которой мы живемъ и измѣненіе которой виднѣется только въ туманѣ будущаго. Реальной почвой для перемѣны остается, до сихъ поръ, рескриптъ 18-го февраля. Глубоко сожалѣя о медленности его осуществленія, мы все-таки думаемъ, что онъ долженъ перейти въ жизнь—и подъ этимъ угломъ смотримъ на избирательные проекты. Насъ не пугаетъ страшное слово *компромиссъ*—не пугаетъ потому, что компромиссы часто открываютъ путь для дальнѣйшаго движенія, являются пер-

---

[1]) Въ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, напримѣръ, членовъ около 70, а волостей въ с.-петербургской губерніи—126.

вымъ шагомъ къ достиженію желанной цѣли. Разрывъ съ народомъ знаменуютъ собою только тѣ изъ нихъ, которыми приносятся въ жертву наиболѣе существенныя народныя блага, а не тѣ, которые не идутъ дальше отсрочки окончательнаго рѣшенія. Главное, къ чему теперь слѣдуетъ стремиться—это созывъ народнаго представительства, которое отразило бы въ себѣ, хотя бы съ приблизительною точностью, господствующія теченія минуты... Закончимъ прекрасными словами кн. С. Н. Трубецкого, сказанными имъ недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 96): „всѣ, кому дорога безопасность отечества, мало того—личная безопасность, должны сознать, что надо дѣйствовать *сейчасъ*, что *болѣе медлить нельзя*, что одними посулами, безъ рѣшительнаго шага въ смыслѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній и законныхъ требованій общества,—шага достаточно смѣлаго и энергичнаго, чтобы завоевать общее довѣріе и признаніе,—нельзя будетъ избѣжать новыхъ неисчислимыхъ жертвъ и гибельныхъ катастрофъ... Общество не можетъ, не должно оставаться безучастнымъ въ минуту, когда Россія въ опасности. Прежній строй осужденъ безвозвратно нашими внѣшними пораженіями и собственнымъ распаденіемъ. Его обличилъ страшный судъ исторіи, его осудила Россія, и верховная власть скрѣпила этотъ приговоръ. Но онъ еще ничѣмъ не замѣненъ, и первый камень новаго порядка все еще не заложенъ. Старый порядокъ быстро и неудержимо распадается у всѣхъ на глазахъ, и на мѣсто его водворяется анархія, которая надвигается на насъ сверху и снизу, принимая грозные размѣры... Можно радоваться крушенію стараго режима, его банкротству, но полному крушенію порядка въ странѣ радоваться нельзя; а между тѣмъ оно совершается явно и быстро, и судорожныя реакціонныя мѣры, являющіяся лишь признакомъ растерянности и внутренняго безсилія, могутъ только ускорить такое крушеніе. Нужна созидательная дѣятельность, и среди общаго разложенія начала новаго порядка должны быть заложены безъ промедленія, не на словахъ, а на дѣлѣ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1905 г.

Прусскіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ нашими.—Вильгельмъ II, какъ „ограниченный" правитель.—Мароккскій вопросъ и неожиданно новая его постановка.—Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.

Наши западные сосѣди издавна даютъ намъ поучительные примѣры и образцы государственнаго благоустройства, которымъ мы упорно почему-то не желаемъ слѣдовать,—а между тѣмъ насъ еще обвиняютъ въ подражательности. Нѣтъ у насъ такого „государственнаго человѣка", бюрократа или просто чиновника, который не зналъ бы, по крайней мѣрѣ изъ газетъ, о положеніи и ходѣ политическихъ дѣлъ въ Германіи; многіе изъ вліятельныхъ нашихъ правительственныхъ дѣятелей чуть ли не ежегодно бываютъ за границей и имѣютъ полную возможность присматриваться къ образцовымъ нѣмецкимъ порядкамъ, и однако они не видятъ и не замѣчаютъ того, что происходитъ вокругъ, или намѣренно закрываютъ глаза на окружающую жизнь въ Европѣ, чтобы избѣгнуть соотвѣтственныхъ практическихъ выводовъ относительно своей собственной печальной дѣятельности въ отечествѣ. Склонность къ подражанію иностранцамъ, приписываемая нашему образованному обществу, и въ томъ числѣ и высшему чиновничеству, давала себя чувствовать до сихъ поръ только въ области внѣшняго комфорта и роскоши, но почти совсѣмъ не распространялась на политическія учрежденія и понятія, которыя дѣйствительно могли бы принести огромную пользу Россіи. Въ этомъ отношеніи наша правящая бюрократія обнаруживала необыкновенную самобытность, доходившую иногда до чисто-китайской исключительности. Оттого у насъ понынѣ процвѣтаютъ учрежденія и порядки, какихъ нѣтъ нигдѣ въ культурномъ мірѣ; у насъ существуютъ фантастическія должности съ колоссальными денежными окладами, въ нѣсколько разъ превышающими жалованье перваго сановника Германіи—имперскаго канцлера; у насъ въ Петербургѣ находится обширный и чрезвычайно дорого обходящійся казнѣ штатъ намѣстничества для областей, занятыхъ японскими войсками, хотя это намѣстничество съ самаго начала оказалось только лишнимъ и даже вреднымъ тормазомъ для охраны русскихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ; въ числѣ нашихъ высшихъ государственныхъ установленій имѣются такія, самое мѣстопребываніе которыхъ неизвѣстно даже почтамту, или такія, которыя

тщетно предлагаютъ себя упразднить за ненадобностью; наконецъ, у насъ существуютъ многочисленныя—даже слишкомъ многочисленныя—власти съ широкими полномочіями, но эти власти дѣйствуютъ такъ, какъ будто главная задача ихъ заключается въ доказательствѣ взаимнаго между ними разлада и соперничества, въ возбужденіи постоянныхъ внутреннихъ неурядицъ и волненій, въ поддержаніи неопредѣленной тревоги и общаго недовольства въ странѣ. Въ то же время, имѣя много лишнихъ и крайне дорого оплачиваемыхъ учрежденій и властей, мы не видимъ у себя тѣхъ общепринятыхъ въ Европѣ условій прочнаго законнаго порядка и мирнаго прогрессивнаго развитія, которыя придаютъ такой жизнерадостный характеръ всему строю общественнаго и политическаго быта западно-европейскихъ народовъ. Намъ приходится безплодно завидовать, напримѣръ, Германіи, когда мы наблюдаемъ ея открытую, доступную для всей націи, политическую жизнь, и когда мы слѣдимъ за ея разсчетливою, строго обдуманною и всѣми свободно обсуждаемою внѣшнею и внутреннею политикою. Всевозможные споры, разногласія и конфликты происходятъ и тамъ, въ сферѣ текущихъ, болѣе или менѣе жгучихъ вопросовъ; но какъ легко и свободно разрѣшаются они при всестороннемъ публичномъ обсужденіи въ парламентахъ и въ печати!

Мы въ свое время говорили о забастовкѣ каменноугольныхъ рабочихъ въ Вестфаліи, въ бассейнѣ рѣки Руръ; болѣе двухсотъ тысячъ семействъ трудящагося населенія участвовало въ этой стачкѣ и сознательно подвергалось тяжкимъ матеріальнымъ лишеніямъ ради защиты своихъ правъ отъ произвола хозяевъ-капиталистовъ, и все это обошлось безъ всякаго активнаго вмѣшательства военныхъ и полицейскихъ силъ, безъ серьезныхъ столкновеній и безпорядковъ, безъ раздражающихъ призывовъ къ властямъ, при полной свободѣ многолюдныхъ сходокъ и смѣлыхъ публичныхъ рѣчей. Партія соціаль-демократовъ употребила тогда все свое вліяніе на то, чтобы способствовать скорѣйшему мирному окончанію стачки и добиться удовлетворенія наиболѣе существенныхъ требованій рабочихъ; правительство, съ своей стороны, не замедлило выработать и внести въ прусскую палату депутатовъ законопроектъ, которымъ устраняются злоупотребленія, подавшія поводъ къ забастовкѣ. Представители государственной власти не пытались отдѣлаться отъ рабочаго движенія общими успокоительными фразами и голословными увѣреніями о своемъ непрестанномъ попеченіи о благѣ рабочаго класса, а тотчасъ же принялись за дѣло и предложили рабочимъ нѣчто вполнѣ реальное, при дѣятельномъ сочувствіи общественнаго мнѣнія. Бебель съ гордостью могъ заявить въ имперскомъ сеймѣ, что стачка вестфальскихъ каменноугольныхъ рабочихъ была проведена въ образцовомъ порядкѣ и блистательно дока-

зала способность рабочихъ къ самообладанію и выдержкѣ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она вновь подтвердила благотворность партійной соціаль-демократической организаціи и привела къ важному практическому результату, побудивъ правительство внести законопроектъ для защиты интересовъ горнорабочихъ.

Въ Пруссіи нѣтъ принципіальнаго антагонизма между властью и обществомъ; правительство не претендуетъ тамъ на исключительную охрану своихъ особыхъ правъ и полномочій въ ущербъ народной массѣ; оно является лишь исполнительнымъ органомъ и вѣрнымъ слугою того же государства, которому одинаково служатъ и о благѣ котораго хлопочутъ всѣ оппозиціонныя партіи, не исключая и самыхъ крайнихъ. Прусскіе министры не выставляютъ своихъ противниковъ „внутренними врагами", къ которымъ слѣдовало бы примѣнить крутыя карательныя мѣры; они не думаютъ стѣснять въ чемъ-либо оппозицію, а напротивъ, внимательно прислушиваются къ ея указаніямъ, добросовѣстно отвѣчаютъ на ея критику и нисколько не обижаются ея нападками, зная хорошо, что правительство существуетъ для пользы государства, а не наоборотъ; такъ же точно и оппозиція не имѣетъ основанія смотрѣть на министровъ какъ на охранителей безпрепятственнаго хищничества и произвола, или какъ на корыстныхъ враговъ свободнаго публичнаго контроля въ государственныхъ дѣлахъ. Самъ Вильгельмъ II, при своемъ огромномъ личномъ престижѣ, не считаетъ для себя обиднымъ сообразоваться съ ясно выраженными желаніями народа и съ состоявшимися парламентскими рѣшеніями, хотя бы и несогласными съ его собственными взглядами и даже съ его положительной волей,—ибо для него отечество и нація все-таки выше и важнѣе всякихъ личныхъ притязаній. Выполняя высокія обязанности своего сана, онъ не можетъ расходиться съ мнѣніями и интересами страны, которую онъ представляетъ собою въ глазахъ другихъ народовъ и государствъ, и его политическія дѣйствія и заявленія, особенно по внѣшней политикѣ, всегда носятъ на себѣ печать сознательныхъ актовъ подлиннаго національнаго патріотизма. Будучи отъ природы предпріимчивымъ и рѣшительнымъ, онъ ни разу еще не дѣлалъ такого шага или упущенія, съ которымъ связана была бы опасность войны для Германіи; онъ не поддавался сомнительнымъ закулиснымъ вліяніямъ, когда дѣло шло о высшихъ интересахъ родины; онъ не допускалъ и не поощрялъ чьихъ бы то ни было таинственныхъ плановъ, не соблазнялся политикою приключеній, говорилъ нерѣдко въ воинственномъ тонѣ, но съ настойчивою послѣдовательностью поддерживалъ прочный международный миръ и успѣшно содѣйствовалъ его сохраненію при самыхъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, пользуясь, однако, всякимъ подходящимъ случаемъ

для доставленія германскому народу возможныхъ политическихъ и матеріальныхъ выгодъ. Вспомнимъ, какъ Вильгельмъ II сумѣлъ въ одно и то же время продолжать традиціи тройственнаго союза и положить начало довѣрчивымъ отношеніямъ съ Франціею, какъ онъ твердо соблюдалъ старинную дружбу съ Россіею и подготовилъ сближеніе съ Турціею для устройства германскихъ дѣлъ въ Малой Азіи, и съ какимъ искусствомъ онъ лавировалъ въ своихъ отношеніяхъ съ Англіею, съ которою Германія пыталась соперничать въ разныхъ частяхъ свѣта. Будучи прежде всего реальнымъ политикомъ, чуждымъ сентиментальности, онъ постоянно стремился достигать своихъ цѣлей съ наименьшими затратами и безъ всякаго риска. Связанный не только конституціею и народнымъ представительствомъ, но и предписаніями здраваго смысла и патріотической цѣлесообразности, Вильгельмъ II является несомнѣнно наиболѣе независимымъ и активнымъ правителемъ въ Европѣ: очевидно, ни конституція, ни парламентъ не мѣшаютъ ему играть руководящую роль для пользы Германіи, хотя, быть можетъ, и не позволяютъ ему доходить до увлеченій и погрѣшностей, способныхъ причинить вредъ государству. Его умѣнье извлекать реальныя выгоды изъ каждой крупной перемѣны въ международномъ положеніи выразилось блестящимъ образомъ въ недавнемъ инцидентѣ съ Марокко.

Годъ тому назадъ, Франція заключила съ Англіею соглашеніе относительно цѣлаго ряда спорныхъ вопросовъ, раздѣлявшихъ обѣ державы, и между прочимъ также относительно Марокко. Франція дѣлала англичанамъ важныя уступки въ Египтѣ и получила за это отъ Англіи признаніе политическаго первенства французовъ въ Марокко; къ этой сдѣлкѣ присоединилась затѣмъ Испанія, имѣвшая издавна близкія связи съ марокскими владѣніями и питавшая даже честолюбивую надежду подчинить эти богатыя земли своему господству. Согласіе Англіи и Испаніи казалось французскому правительству вполнѣ достаточнымъ для постепеннаго установленія протектората Франціи надъ Марокко; французы выговорили себѣ право взять въ свои руки введеніе различныхъ реформъ въ странѣ и готовились уже приступить къ осуществленію задуманной программы, при добровольномъ или вынужденномъ содѣйствіи марокскаго султана. Французы не сомнѣвались, что подъ ихъ заботливой и просвѣщенной опекою Марокко превратится въ такую же полу-самостоятельную колонію, какъ Тунисъ; торговые же интересы постороннихъ державъ, какъ напр. Германіи, охранялись бы либеральною политикою „открытыхъ дверей". Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ, былъ почему-то увѣренъ, что договоръ 8-го апрѣля 1904 года составляетъ прочный международный актъ, не подлежащій никакому спору, и что онъ

обезпечиваетъ Франціи фактическое господство надъ Марокко; такого же взгляда держались, вѣроятно, и англичане, какъ участники сдѣлки. Франція и Англія были безусловно правы въ своихъ предположеніяхъ, пока франко-русскій союзъ оставался реальною, авторитетно-могущественною и даже какъ бы подавляющею силою: никто не сталъ бы открыто выступать противъ великой державы, находившейся въ союзѣ съ Россіею до ея пораженій на Дальнемъ Востокѣ. Германія очень дорожила дружбою съ могущественною Россійскою имперіею и старательно избѣгала дѣлать ей какія-либо непріятности или затрудненія; она соблюдала прежнюю осторожность и послѣ цѣлаго ряда нашихъ военныхъ неудачъ, пока онѣ не имѣли еще окончательнаго характера и могли еще завершиться внезапнымъ разгромомъ японскихъ армій; но мукденская катастрофа рѣшительно склонила вѣсы въ пользу Японіи и надолго подорвала репутацію и положеніе Россіи, какъ первоклассной военной державы. Обезсиленная страшною и безнадежною войною въ Манчжуріи и на Тихомъ океанѣ, обнаруживъ полную несостоятельность и безсиліе всего своего устарѣлаго государственнаго строя, Россія надолго лишилась возможности поднимать свой голосъ въ дѣлахъ Европы и фактически потеряла значеніе полезной активной союзницы для Франціи. Вильгельмъ II тотчасъ же далъ это почувствовать французамъ и притомъ въ самой неожиданной для нихъ формѣ: въ программу своей прогулки по Средиземному морю онъ включилъ посѣщеніе Танжера въ Марокко, съ цѣлью подтвердить равноправность всѣхъ иностранныхъ націй въ этой странѣ.

При первомъ извѣстіи о планѣ германскаго императора завязалась горячая полемика между французскими, нѣмецкими и англійскими газетами относительно истиннаго смысла и обязательной силы соглашенія 8-го апрѣля прошлаго года. Французы утверждали, что нѣмцы не имѣютъ теперь повода жаловаться на договоръ, противъ котораго они не возражали въ свое время, тѣмъ болѣе, что въ торговыхъ дѣлахъ они ничѣмъ не стѣснены и будутъ также впредь пользоваться равноправностью. Нѣмецкіе публицисты доказывали, что англо-французская сдѣлка для нихъ совершенно необязательна, такъ какъ оффиціальный текстъ ея даже не былъ сообщенъ германскому правительству; нѣмцы не желаютъ ставить свои крупные марокккскіе интересы въ зависимость отъ доброй воли Франціи и предпочитаютъ вступить въ непосредственныя сношенія съ мѣстнымъ султаномъ. Что касается англичанъ, то они испытывали нѣкоторую неловкость при такомъ отрицаніи всякой цѣнности правъ, уступленныхъ ими французамъ, и признавали своимъ нравственнымъ долгомъ защищать силу соглашенія, отвергаемаго нѣмцами, хотя не имѣли для этого другихъ аргументовъ, кромѣ указаній на коварство и неисправимую враждеб-

ность германской дипломатіи. Въ имперскомъ сеймѣ, 29-го марта (нов. ст.), предводитель соціаль-демократической партіи, Бебель, всегда стоявшій за открытую непріязнь къ Россіи, высказалъ мнѣніе, что правительство должно было протестовать противъ марокккской сдѣлки тотчасъ послѣ ея подписанія и обнародованія, и что по истеченіи года не слѣдуетъ затѣвать изъ-за этого конфликтъ съ такими державами, какъ Англія и Франція. Отвѣчая на этотъ упрекъ, канцлеръ графъ Бюловъ напомнилъ ему, что „языкъ и способъ дѣйствій дипломатіи мѣняются вмѣстѣ съ перемѣною обстоятельствъ", и что „основная тенденція германской политики нисколько не измѣнилась". По словамъ канцлера, измѣнившіяся обстоятельства касаются поведенія французовъ, предложившихъ марокккскому султану цѣлую систему оффиціальной опеки надъ его страною, причемъ равноправность другихъ націй была бы слишкомъ явно нарушена; но эти французскія предположенія были всѣмъ извѣстны еще съ апрѣля прошлаго года и часто обсуждались до послѣднихъ мѣсяцевъ, не встрѣчая замѣтной оппозиціи со стороны нѣмцевъ,—и только послѣ Мукдена они становятся вдругъ предметомъ громкаго формальнаго спора.

Германскій императоръ посѣтилъ Танжеръ 31 марта (н. ст.), гдѣ былъ торжественно встрѣченъ прибывшимъ изъ Феца представителемъ и родственникомъ султана, и, въ отвѣтъ на его привѣтствіе, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Я принимаю большое участіе въ благосостояніи и процвѣтаніи марокккской имперіи. Я пріѣхалъ къ султану, какъ къ независимому государю, и надѣюсь, что подъ его владычествомъ свободное Марокко будетъ открыто мирному соперничеству всѣхъ націй безъ монополій и изъятій". Въ германскомъ посольствѣ Вильгельмъ II вторично обмѣнялся привѣтствіями съ представителемъ султана, причемъ вновь подчеркнулъ свою увѣренность въ сохраненіи полной равноправности всѣхъ иностранцевъ, имѣющихъ торговыя и промышленныя дѣла въ Марокко. „Мой визитъ въ Танжеръ—объяснилъ онъ далѣе—имѣлъ цѣлью настоять на томъ, чтобы нѣмецкіе интересы въ Марокко были вполнѣ защищены. Относительно лучшихъ способовъ для достиженія этого результата я думаю войти въ соглашеніе съ султаномъ, котораго я признаю свободнымъ и самостоятельнымъ владѣтелемъ. При предполагаемыхъ реформахъ необходима большая осторожность, и нужно считаться съ религіозными чувствами марокккскаго населенія, чтобы не давать повода къ безпорядкамъ". Слова эти были произнесены въ то самое время, когда французскій дипломатъ, Сэнъ-Ренэ-Талльяндьé, велъ еще переговоры съ султаномъ въ Фецѣ по вопросу о реформахъ, осуществленіе которыхъ требовало бы настойчивыхъ и продолжительныхъ усилій со стороны Франціи.

Французская оффиціозная пресса дѣлаетъ видъ, что неожиданное словесное вмѣшательство Германіи можетъ только затруднить, но не уничтожить успѣхъ французскаго дѣла въ Марокко; министръ Делькассэ также старался придать заявленіямъ Вильгельма II совершенно невинный смыслъ, не затрогивающій, будто бы, сущности французскаго плана, такъ какъ Франція не думала ни ограничивать права другихъ націй, ни умалять номинальную власть марокскаго султана, а имѣла только въ виду дѣйствовать для пользы всѣхъ европейскихъ государствъ, ради общихъ интересовъ торговли и цивилизаціи. Но эти и подобныя имъ разсужденія не измѣняли и не ослабляли самаго факта, истинный характеръ котораго рѣзко подчеркивался въ комментаріяхъ нѣмецкой печати. Можно сказать, что германскій императоръ своими простыми словами разрушилъ всѣ предполагаемыя марокскія пріобрѣтенія Франціи и обратилъ въ ничто все реальное содержаніе англо-французской сдѣлки относительно Марокко. Если Германія признаетъ марокскаго султана вполнѣ самостоятельнымъ государемъ и желаетъ вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, то этимъ она дѣлаетъ невозможнымъ устройство спеціальной французской опеки надъ его государствомъ; она заранѣе возстаетъ противъ всякаго притязанія на подобную опеку и беретъ султана какъ бы подъ свою защиту, причемъ можетъ вполнѣ разсчитывать на сочувствіе и содѣйствіе всего туземнаго мусульманскаго населенія. И вмѣстѣ съ тѣмъ Германія остается безусловно на почвѣ мирныхъ международныхъ чувствъ и отношеній; она прямо не задѣваетъ Франціи, о которой вовсе не упоминается въ заявленіяхъ Вильгельма II, а оффиціально Марокко дѣйствительно продолжаетъ быть независимымъ государствомъ, съ которымъ никому не возбраняется вступать въ непосредственныя политическія связи. Германія только игнорируетъ англо-французскій договоръ, считая его какъ бы несуществующимъ, и это можетъ она дѣлать потому, что текстъ его не былъ оффиціально доведенъ до ея свѣдѣнія. Франція не станетъ воевать для подтвержденія своихъ замысловъ относительно Марокко; объ активномъ заступничествѣ Англіи не могло бы быть и рѣчи, ибо она только косвенно заинтересована во французскомъ предпріятіи,—и такимъ образомъ весь марокскій вопросъ возвращается въ то положеніе, въ какомъ онъ находился до появленія первыхъ плановъ раздѣла или захвата страны „мирными“ представителями европейской культуры. Объявивъ Марокко самостоятельнымъ государствомъ, Германія, конечно, не избавляетъ его отъ нашествія и порабощенія со стороны иноземныхъ націй, но, по крайней мѣрѣ, ставитъ сильную преграду водворенію владычества какой-нибудь одной державы, а это само по себѣ есть уже крупный успѣхъ германской политики.

Въ данномъ случаѣ успѣхъ достигнутъ поразительно легкимъ и дешовымъ способомъ, и тѣмъ сильнѣе былъ ударъ, нанесенный этимъ „шахматнымъ ходомъ“ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ. Вѣрный сторонникъ и защитникъ русскаго союза, привыкшій имѣть дѣло съ неизмѣнно дружественною и предупредительною германскою дипломатіею, онъ былъ до того пораженъ коварнымъ поступкомъ Вильгельма II, что обнаружилъ даже растерянность, несвойственную вообще дипломатамъ по профессіи, и не сразу могъ оріентироваться въ новомъ политическомъ положеніи, созданномъ марокккскимъ инцидентомъ; авторитетъ его, какъ министра, казался уничтоженнымъ, и вопросъ объ его отставкѣ возникъ самъ собою. Однако практическія неудобства, связанныя съ перемѣною министра иностранныхъ дѣлъ въ такое трудное время, какъ настоящее, побудили министра-президента Рувье и президента республики Лубэ сохранить Делькассэ въ составѣ кабинета,—но неудача въ марокккскомъ вопросѣ, быть можетъ, послужитъ полезнымъ урокомъ не для одного Делькассэ...

Особое положеніе Россіи, поглощенной внѣшними и внутренними неудачами, начинаетъ все сильнѣе сказываться въ общей международной политикѣ Европы. Русская дипломатія продолжаетъ дѣйствовать въ разныхъ центрахъ политической жизни, пользуясь прежними наружными знаками почета или авторитета; но вліяніе ея слабѣетъ съ каждымъ днемъ, и ее какъ будто перестаютъ принимать въ разсчетъ при оцѣнкѣ существующихъ международныхъ отношеній и интересовъ. Первый публичный опытъ въ такомъ родѣ сдѣланъ былъ Вильгельмомъ II, и результатъ превзошелъ ожиданія: Франція опять очутилась лицомъ къ лицу съ Германіею и должна была вновь почувствовать необходимость сговориться съ нею непосредственно для избѣжанія непріятныхъ конфликтовъ, отъ которыхъ уже не гарантируетъ ее считавшійся недавно столь могущественнымъ и надежнымъ русскій союзъ. Хотя этотъ опытъ касался прежде всего Франціи, но онъ имѣетъ безспорное значеніе и для насъ: съ одной стороны, цѣнность союза сильно упала въ глазахъ французовъ, и онъ грозитъ совершенно потерять свою популярность въ массѣ французскаго общества, насколько можно судить по разсужденіямъ и отзывамъ многихъ умѣренныхъ парижскихъ газетъ; съ другой стороны, этотъ же опытъ, доказавшій устраненіе или временное исчезновеніе Россіи съ горизонта европейской политики, можетъ вызвать прямыя попытки воспользоваться благопріятными обстоятельствами для устройства какихъ-либо враждебныхъ намъ политическихъ комбинацій, и противъ такой возможности мы остаемся совершенно безсильными. Испытавъ

свою силу на Марокко, Германія могла бы приняться за разрѣшеніе турецкаго или балканскаго вопроса, причемъ ей не трудно было бы войти въ сдѣлку съ Австро-Венгріею и Англіею,—и участь ближняго Востока разрѣшилась бы безъ участія Россіи, или при вынужденномъ согласіи ея на рѣшеніе, придуманное для пользы другихъ. Въ марокксвомъ вопросѣ нѣмцы сыграли еще хорошую, даже симпатичную роль, хотя и безъ соотвѣтственнаго намѣренія: они все-таки помѣшали примѣненію къ Марокко того политическаго мародерства, которое предполагаетъ полное безправіе цѣлыхъ человѣческихъ расъ и народностей подъ предлогомъ отсутствія у нихъ европейской культуры и цивилизаціи. Но въ другихъ случаяхъ Германія дѣйствуетъ иначе, и она не будетъ стѣсняться налагать свою руку на чужія земли и племена, подобно тому, какъ это практикуется англичанами, французами и нашими отечественными предпринимателями.

Втянувшись всецѣло въ отчаянную борьбу на Дальнемъ Востокѣ, мы рискуемъ не только разорить наши народныя массы, но и потерять очень многое въ Европѣ и притомъ несравненно болѣе важное для насъ, чѣмъ всякія азіатскія и тихоокеанскія мечтанія. Объ этомъ не думаютъ люди, самозванно толкующіе отъ имени народа и предлагающіе посылать его на убой для доказательства своихъ непреклонныхъ патріотическихъ чувствъ. Сидя у себя дома въ полной безопасности, наши составители воинственныхъ программъ не спрашиваютъ мнѣнія тѣхъ, которымъ приходится нести на себѣ всѣ бѣдствія войны, и жизненный вопросъ для цѣлаго народа и государства рѣшается безъ вѣдома и участія самого народа, какъ будто многомилліонная россійская нація олицетворяется лишь горстью безцеремонныхъ канцелярскихъ дѣятелей и публицистовъ, промышляющихъ патріотизмомъ. Многіе надѣются еще спасти или возстановить престижъ оффиціальной Россіи при помощи дальнѣйшаго безконечнаго кровопролитія; но то органическое безсиліе, которое раскрыла война предъ цѣлымъ міромъ, не можетъ быть обратно спрятано, и тотъ мертвенный государственный механизмъ, въ которомъ совмѣщаются разнообразнѣйшія „законныя" формы хищничества, произвола, повальнаго карьеризма, искусственнаго возвышенія и поощренія бездарностей, — разоблачилъ себя во всей своей ужасающей наготѣ, такъ что вернуть прошлыя, столь пагубныя для насъ иллюзіи уже немыслимо. Поздно говорить о престижѣ,—надо думать о спасеніи Россіи для предстоящей ей новой широкой и свободной жизни.

Французская палата депутатовъ съ большой энергіей занимается теперь обсужденіемъ законопроекта, внесеннаго еще въ на-

чалѣ февраля министерствомъ Рувье, по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Крупная реформа, которая часто возвѣщалась въ видѣ угрозы противъ клерикаловъ, была уже въ сущности подготовлена дѣятельностью кабинета Комба и выработана его преемниками въ томъ же стилѣ и направленіи, какъ и извѣстные законы о духовныхъ конгрегаціяхъ. Первоначальный текстъ, отличавшійся уже слишкомъ рѣзкою формулировкою основныхъ антиклерикальныхъ взглядовъ, подвергся значительнымъ измѣненіямъ въ разсматривавшей его парламентской коммиссіи, но и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ возбуждаетъ сильные протесты въ консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ слояхъ французскаго общества. Сущность закона сводится къ тому, что изъ государственнаго бюджета исключается смѣта на содержаніе духовныхъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій и на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей населенія, а всѣ расходы по этому предмету будутъ производиться особыми вѣроисповѣдными ассоціаціями, организованными надлежащимъ образомъ взамѣнъ существующихъ церковныхъ общинъ, консисторій и епархій; этимъ новымъ ассоціаціямъ должны быть переданы всѣ мѣстныя церковныя имущества и капиталы, кромѣ лишь пожертвованныхъ государствомъ и подлежащихъ возврату въ казну. Для перехода имуществъ въ распоряженіе новыхъ вѣроисповѣдныхъ союзовъ назначается годичный срокъ со времени изданія закона; всѣмъ духовнымъ лицамъ, получающимъ теперь жалованье отъ государства, назначается пенсія, пожизненная или срочная, смотря по продолжительности ихъ прежней службы. Вѣроисповѣдные союзы подчиняются законамъ, декретамъ и правиламъ, установленнымъ для духовныхъ конгрегацій. Свобода совѣсти и религіи обезпечивается всѣмъ вообще гражданамъ, и государство не вмѣшивается въ религіозныя дѣла, насколько они не затрогиваютъ интересовъ общественнаго порядка и спокойствія.

Общія основы законопроекта послужили темою множества оппозиціонныхъ рѣчей, отчасти вполнѣ основательныхъ и убѣдительныхъ, но совершенно безплодныхъ и напрасныхъ съ точки зрѣнія республиканскаго большинства. Учрежденіе вѣроисповѣдныхъ союзовъ, ихъ организація и способы дѣйствія, будутъ во многомъ зависѣть отъ администраціи, которая, какъ извѣстно, при республикѣ сохраняетъ почти тѣ же обширныя полномочія, какъ и при предшествующихъ режимахъ. Во Франціи считается наиболѣе важнымъ чтобы власть находилась въ хорошихъ и популярныхъ рукахъ, и если это условіе соблюдено, то значительный просторъ правительственнаго усмотрѣнія признается достоинствомъ, а не недостаткомъ. Такъ какъ въ настоящее время господствуютъ передовыя республиканскія группы, то, по ихъ мнѣнію, обширныя полномочія администраціи являются чрезвычайно выгод-

ными и желательными для блага и процвѣтанія истинной прогрессивной республики. Оттого, при всей политической свободѣ французовъ, у нихъ нѣтъ того твердаго владычества законности и права, какое свойственно общественному быту англичанъ. Новый законопроектъ удовлетворяетъ лишь тѣ республиканскія партіи, которыя смотрятъ на религію какъ на орудіе клерикализма; для огромнаго же большинства вѣрующихъ католиковъ онъ неизбѣжно будетъ источникомъ хроническаго недовольства и раздраженія, если правительственная практика не смягчитъ нѣкоторыхъ одностороннихъ особенностей закона.

При республикѣ также бываютъ волненія рабочихъ, и эти волненія иногда вызываютъ вмѣшательство военной силы; а гдѣ войска стоятъ противъ волнующейся толпы, тамъ возможны случайныя столкновенія, при которыхъ ружья сами собою начинаютъ стрѣлять. Въ Лиможѣ, въ началѣ апрѣля, объявлена была стачка двадцати тысячъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ фарфоровыхъ издѣлій; поводъ былъ довольно незначительный—отказъ одного изъ хозяевъ уволить мастера, возбудившаго противъ себя неудовольствіе рабочихъ. Раздраженіе между рабочими постепенно усиливалось и наконецъ приняло такой характеръ, что полиція оказалась совершенно безсильною; рабочіе врывались въ мастерскія наиболѣе ненавистныхъ хозяевъ, разоряли и истребляли имущество, сожгли въ одномъ мѣстѣ автомобиль, бросались бить фабрикантовъ и ихъ заступниковъ, и всѣ успокоительныя рѣчи и увѣщанія мѣстнаго мэра, соціалиста-депутата, не приводили ни къ чему. Мэръ-соціалистъ, хотя и сторонникъ справедливыхъ требованій рабочаго класса, вынужденъ былъ на этотъ разъ заявить префекту, что онъ лично не можетъ справиться съ безпорядками, и потому передаетъ свою власть администраціи; тѣмъ не менѣе, онъ до конца возставалъ противъ призыва войскъ и вступилъ по этому поводу въ сношенія по телефону съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Этьенномъ. Войска были, однако, вызваны по необходимости, такъ какъ рабочіе дѣйствовали очень круто и стали готовиться къ серьезному нападенію на отдѣльныя фабричныя зданія; военные отряды по возможности охраняли порядокъ, старались разогнать особенно возбужденныхъ рабочихъ, но нигдѣ не прибѣгали къ оружію; только на третій или четвертый день произошелъ несчастный случай въ городскомъ саду, гдѣ нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ подвергалось систематической бомбардировкѣ камнями; въ заключеніе солдаты не выдержали и дали залпъ, причемъ двое рабочихъ убито и нѣсколько человѣкъ ранено.

Это печальное происшествіе не имѣетъ само по себѣ никакого политическаго значенія; оно свидѣтельствуетъ только о ненормальномъ состояніи рабочихъ и о крайне напряженныхъ отношеніяхъ ихъ съ капиталистами даже въ такой богатой и притомъ республиканской странѣ, какъ Франція. Національный темпераментъ придаетъ страстный оттѣнокъ самымъ ничтожнымъ спорамъ, а вѣковая вражда между хозяевами и рабочими представляетъ благодарную почву для сильнѣйшихъ волненій и взрывовъ, даже при отсутствіи серьезныхъ непосредственныхъ поводовъ къ неудовольствію. До сихъ поръ французская республика очень мало сдѣлала для разрѣшенія экономическихъ проблемъ, связанныхъ съ рабочимъ вопросомъ, и это зависитъ, конечно, не отъ нежеланія правительства, а отъ фактическаго владычества богатой и зажиточной буржуазіи во Франціи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО КОНСТИТУЦІОННЫХЪ ВОПРОСОВЪ О НАРОДОВЛАСТІИ И СВОБОДѢ.

Въ VII-й книжкѣ „Научнаго Слова" за истекшій годъ кн. Е. Н. Трубецкой помѣстилъ рецензію на мою книгу: „Идея народовластія и французская революція". Полемика между авторомъ и рецензентомъ обыкновенно представляетъ интересъ лишь для нихъ однихъ и весьма часто затягивается безъ пользы для дѣла. Но на этотъ разъ вопросы, которымъ посвящена моя книга и которыхъ коснулся при ея разборѣ кн. Трубецкой, неожиданно выступили изъ сферы отвлеченныхъ теорій на страницы современной печати, въ виду чего я и счелъ нелишнимъ вернуться къ этому разбору моей книги со стороны почтеннаго профессора университета св. Владиміра.

Въ отзывѣ рецензента о моей книгѣ приведено немало лестныхъ для ея автора замѣчаній. „Не говоря уже"—такъ заключаетъ рецензентъ—„о тѣхъ научныхъ ея качествахъ, которыя дѣлаютъ книгу интересною для историка, она представляетъ собою чтеніе поучительное и занимательное для всякаго образованнаго человѣка, который умѣетъ и хочетъ понимать уроки исторіи". Но въ то же время рецензентъ находитъ въ книгѣ „погрѣшности", „пробѣлъ" [1]), „анахронизмъ", „ошибочное указаніе и цѣлый рядъ неточностей". Если имѣть въ виду, что разборъ коснулся только одного отдѣла, политическихъ теорій—Монтескье и Руссо,—то можно подумать, что рядъ погрѣшностей удлинился бы до безконечности, если бы такому же разбору подверглась вся книга. Такое количество погрѣшностей въ книгѣ, за которой признаются „научныя качества", должно вызвать недоумѣніе не у одного только автора. Самымъ правдоподобнымъ объясненіемъ указаннаго противорѣчія въ отзывахъ рецензента я считаю предположеніе, что, пробѣгая быстро объемистую книгу, рецензентъ не всегда достаточно могъ вникать въ мысль автора и основанія, побуждавшія его употребить то или другое выраженіе. А между тѣмъ отчетливое представленіе о смыслѣ, вложенномъ авторомъ въ его

---

[1]) „Пробѣлъ" состоитъ, по словамъ рецензіи, въ томъ, что авторъ въ своей книгѣ не касается монархомаховъ XVI в.; но вѣдь книга касается лишь политическихъ представленій и стремленій XVIII вѣка. Несмотря, однако, на это, рецензентъ, указавъ на стр. 40 на этотъ „пробѣлъ", на слѣдующей возводитъ его уже во множественное число: „каковы бы ни были, однако, *пробѣлы* разбираемаго труда, будемъ благодарны уважаемому автору и за то, что онъ намъ далъ".

слова, есть необходимое условіе справедливой критики. „Je ne sais pas l'art d'être clair pour qui ne veut pas être attentif",—сказалъ Руссо („Я не обладаю искусствомъ быть яснымъ для того, кто не желаетъ быть внимательнымъ"). И если такой стилистъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать такую оговорку, то другимъ тѣмъ болѣе дозволено привести ее въ свою защиту. Приведенныя слова Руссо могутъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ для автора, а потому они возлагаютъ большую отвѣтственность на рецензентовъ. Ибо авторъ, при всемъ желаніи, не можетъ быть одинаково ясенъ для всѣхъ читателей; рецензентъ же обязанъ быть вдвойнѣ внимателенъ—изъ чувства справедливости къ автору и изъ собственнаго интереса, такъ какъ, при недостаткѣ вниманія, анахронизмы, погрѣшности и неточности могутъ оказаться и на его сторонѣ.

Обратимся прежде всего къ вопросу о времени возникновенія парламентскаго правленія въ Англіи и объ отношеніи Монтескье къ англійской конституціи. Въ моей книгѣ я указываю на то, что хотя Монтескье признавалъ англійскую конституцію нормальной и типической организаціей для обезпеченія политической свободы, но въ своемъ изображеніи этой организаціи онъ до извѣстной степени уклонился отъ своего образца. Въ особенности это относится къ главному принципу Монтескье—необходимости для политической свободы *раздѣленія* правительственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, и предоставленія этихъ властей *отдѣльнымъ* органамъ, народному представительству изъ двухъ палатъ, королю и назначаемымъ имъ министрамъ и, въ-третьихъ, присяжнымъ засѣдателямъ (jury). Этотъ принципъ раздѣленія властей Монтескье нашелъ уже у Локка, сочиненіе котораго, написанное для оправданія революціи 1688 года, вышло въ 1689 году. На самомъ дѣлѣ въ XVII в. принципъ раздѣленія властей находилъ себѣ въ Англіи *полное* примѣненіе. Короли управляли страной, не считая нужнымъ брать изъ парламента ни членовъ своего „тайнаго совѣта", ни членовъ своего кабинетнаго совѣта, т.-е. министерства. „Cabinet Council"—въ отличіе отъ „тайнаго государственнаго совѣта"—появляется впервые при Карлѣ I. При Карлѣ II, вслѣдствіе крайней непопулярности правленія министра Дэнби, является первая попытка привлечь къ управленію страной (къ исполнительной власти, по терминологіи Монтескье) вліятельныхъ членовъ нижней палаты, чтобы съ ихъ помощью заручиться поддержкой парламента. По совѣту сэра Уильяма Темпля, король составилъ въ 1679 г. новый „тайный совѣтъ" изъ тридцати лицъ, наполовину изъ сановниковъ короны и придворныхъ чиновъ, наполовину же изъ вожаковъ обѣихъ партій—торіевъ и виговъ—въ парламентѣ. Но парла-

ментъ отнесся очень недовѣрчиво къ этой мѣрѣ, которая не имѣла желаннаго успѣха, и король продолжалъ управлять, не сообразуясь съ одобренiемъ парламента. Съ своей стороны, „нижняя палата, — какъ говоритъ историкъ „парламентскаго управленiя въ Англiи“, — предпочитала быть совершенно самостоятельнымъ учрежденiемъ, съ привилегiей безпрепятственно и безъ ограниченiй критиковать политику короля и бороться противъ нея. Король же былъ намѣренъ отстоять свой личный авторитетъ и не желалъ подвергать отвѣтственности своихъ министровъ за исполненiе своихъ приказанiй“.

Лишь позднѣе, а именно шесть лѣтъ [1]) спустя послѣ того какъ Локкъ въ своемъ сочиненiи возвелъ въ принципъ разграниченiе органовъ исполнительной и законодательной власти—король Вильгельмъ Оранскiй, иноземецъ на престолѣ, получившiй его вслѣдствiе революцiи 1688 года, рѣшился сдѣлать опытъ—„замѣнить личное руководство государственными дѣлами правленiемъ партiи и передать главныя государственныя должности вожакамъ виговъ, въ то время сильнѣйшей партiи въ нижней палатѣ. По совѣту Сёндерланда, король удалилъ изъ министерства торiйскихъ членовъ и организовалъ новое изъ однихъ виговъ, члены котораго, солидарные между собою, были также въ полномъ согласiи съ господствовавшими среди большинства въ нижней палатѣ политическими воззрѣнiями. Когда это осуществилось, „служители короны“, министры, пользовались въ парламентѣ двойнымъ преимуществомъ—были оффицiальными представителями правительства и признанными вожаками сильнѣйшей партiи въ палатѣ народныхъ представителей. Это „первое парламентское министерство“ Англiи можно считать началомъ перехода правительственной (исполнительной) власти къ законодательному органу—къ парламенту. Этому переходу, вмѣстѣ съ возрастающимъ влiянiемъ парламента, чрезвычайно содѣйствовало воцаренiе въ Англiи, въ 1714 г., ганноверской династiи въ лицѣ Георга I, потомка—черезъ свою мать, Софью—перваго Стюарта. И Вильгельмъ III былъ иноземецъ, но онъ былъ мужемъ старшей дочери Iакова II,—а главное, онъ былъ, по отзыву одного изъ глубокихъ знатоковъ англiйской исторiи, *великимъ* королемъ. „По сравненiю съ нимъ,—говоритъ Галламъ,— государственные люди, окружавшiе его престолъ, Сёндерландъ, Годолфинъ, Шрюсбери, даже Сомерсетъ и Монтэгю, утратили всякое значенiе. Онъ былъ даже слишкомъ великъ не для своего времени, но для положенiя англiйскаго короля послѣ ре-

---

[1]) См. у Маколея (Hist. of Engl., IX, 147), гдѣ выяснено историческое значенiе нововведенiя, состоявшаго въ томъ, что король Вильгельмъ въ 1695 г. вручилъ (intrusted) правительство (government), за исключенiемъ войны и дипломатiи, членамъ парламента—тому, что стали называть съ тѣхъ поръ министерствомъ, и съ этого года начинается „эра министерствъ“.

волюціи [1]). Въ противоположность къ этому сопернику и побѣдителю Людовика XIV, не знавшій даже по-англійски ганноверскій курфюрстъ Георгъ I и выросшій въ Ганноверѣ его сынъ Георгъ II не могли пріобрѣсти въ Англіи ни авторитета, ни популярности, и поэтому должны были искать опоры у парламентскаго большинства и его вожаковъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я могу обратиться къ предмету разногласія между мною и рецензентомъ. Объясняя отступленія Монтескье, подготовлявшаго свое сочиненіе въ дни Георговъ, отъ современной ему англійской конституціи, я хотѣлъ указать на то, что Англія въ это время уже перестала быть классической страной раздѣленія властей, за каковую ее выдаетъ авторъ „Духа законовъ", и по этому поводу замѣтилъ, что въ дни Монтескье „король Англіи уже не обладалъ исполнительною властью", имѣя при этомъ въ виду ту самостоятельность и ту раздѣльность исполнительной власти, какая существовала раньше и какую, слѣдуя Локку, разумѣлъ Монтескье. Тутъ же мною было указано на другое несоотвѣтствіе между отвлеченной схемой Монтескье и англійской дѣйствительностью—существованіе въ Англіи *правящаго* аристократическаго класса, который господствовалъ въ нижней палатѣ, составлялъ верхнюю палату и въ то же время, „посредствомъ парламентскаго большинства, опредѣлялъ и составъ министерства", и этимъ смягчалъ и стушевывалъ противоположность между исполнительною и законодательною властью, объединяя ихъ. Выдѣливъ изъ общей связи приведенныя въ кавычкахъ слова и придавая имъ слишкомъ узкій и буквальный смыслъ, мой рецензентъ возражаетъ противъ нихъ и указываетъ, что „первый въ исторіи Англіи выходъ въ отставку премьеръ-министра (Роберта Вальполя), обусловленный неблагопріятнымъ вотумомъ парламента, послѣдовалъ въ 1742 г., т.-е. какъ разъ въ годъ появленія трактата Монтескье о духѣ законовъ. Рецензентъ ссылается тутъ же на сочиненіе Тодда: „The parliamentary Government in England". Но что же мы находимъ у Тодда? Вальполь былъ два раза первымъ лордомъ казначейства: съ 1715 по 1717 гг. и затѣмъ съ 1721 по 1742 гг. „Подъ его администраціей,—говоритъ Тоддъ [2]),—управленіе страны впервые велось подъ непосредственнымъ вліяніемъ господствовавшихъ въ парламентѣ воззрѣній. Онъ былъ первымъ премьеромъ, засѣдавшимъ въ палатѣ общинъ, и онъ умѣлъ, благодаря своей необыкновенной способности какъ вожакъ парламента, распо-

---

[1]) Hallam, The Const. History of England, III, 148.

[2]) У насъ подъ рукой нѣмецкій переводъ Тодда—Ассмана, II, 101.

лагать это могущественное собраніе въ пользу своихъ мѣръ, безъ всякаго ущерба все болѣе и болѣе возрастающему вліянію парламента. Онъ же первый ввелъ между служителями короны (министрами) въ парламентѣ цѣлесообразную субординацію при поддержкѣ правительственной политики—и вообще во время его управленія начали выступать во многихъ второстепенныхъ пунктахъ черты нашей нынѣшней политической системы".

Въ другомъ еще мѣстѣ Тоддъ отзывается очень опредѣленно о тѣсной зависимости этого королевскаго премьера и главы исполнительной власти отъ парламента: „такимъ образомъ, какъ конецъ, такъ и начало политической карьеры Вальполя должны быть всецѣло приписаны все болѣе и болѣе возрастающему вліянію палаты общинъ"— вліянію на управленіе страны.

Это ли не ясно? Можно ли въ виду этого оспаривать, что въ дни Монтескье, въ эпоху составленія „Духа законовъ", т.-е. въ правленіе Вальполя, въ Англіи уже не было того принципіальнаго раздѣленія властей—исполнительной и законодательной, какое мы находимъ у Локка и какое проповѣдуетъ Монтескье? Почему же мой рецензентъ оспариваетъ слова, что „во время Монтескье король уже не обладалъ исполнительной властью"?

Я отмѣчалъ въ моей книгѣ отступленія Монтескье отъ англійской современности не для осужденія его. Теоретики мало склонны принимать во вниманіе дѣйствительность, особенно когда она противорѣчитъ ихъ теоріи. Монтескье былъ приверженецъ теоріи раздѣленія властей; онъ желалъ свести королевскую власть Франціи и министерскій въ ней произволъ на степень исполнительнаго органа другой власти. А кромѣ того, совершавшуюся въ его время перемѣну въ Англіи не такъ легко было замѣтить. Политическая эволюція совершалась постепенно. Въ самой Англіи еще послѣ Монтескье теоретики поддерживали фикцію, что король—глава исполнительной власти. Даже въ наши дни, какъ учитъ Тоддъ, „въ Англіи государь по теоріи въ правѣ избирать въ качествѣ правительственнаго органа, кого желаетъ, на практикѣ же принуждается духомъ конституціи составлять свое министерство изъ людей, которые въ состояніи править согласно съ законодательнымъ органомъ, особенно съ нижней палатой. „До сихъ поръ,—говоритъ Тоддъ,—нужно при отставкѣ министерства и назначеніи другого исходить изъ предположенія, что государь дѣйствовалъ помимо чьего-либо совѣта, на дѣлѣ же новое министерство отвѣчаетъ передъ парламентомъ за обстоятельства, сопровождавшія его вступленіе въ должность, а также за отставку его предшественниковъ".

Заканчивая этотъ вопросъ, я долженъ отмѣтить одинъ недосмотръ

моего рецензента. Опираясь на вышеизложенныя соображенія, я назвалъ изображеніе монархіи въ Англіи у Монтескье—анахронизмомъ, разумѣя, что оно соотвѣтствовало лишь прежнему положенію ея, измѣнившемуся на глазахъ Монтескье. А рецензентъ того мнѣнія, что „виновникомъ анахронизма является не Монтескье, а профессоръ Герье“. На самомъ же дѣлѣ неоспоримымъ виновникомъ анахронизма, въ точномъ смыслѣ этого слова, является самъ *рецензентъ*. Отстаивая независимость исполнительной власти короля, въ дни Монтескье, по отношенію къ назначенію и отставкѣ министровъ, профессоръ Трубецкой приводитъ въ доказательство то, что первый въ исторіи Англіи выходъ въ отставку премьеръ-министра, обусловленный неблагопріятнымъ вотумомъ парламента, воспослѣдовалъ „въ 1742 г., т.-е. какъ-разъ въ годъ появленія трактата Монтескье *О духѣ законовъ*“. Еслибы это было важно, то можно было бы сказать, что когда Монтескье писалъ „Духъ законовъ“, онъ не могъ принять во вниманіе этотъ крупный фактъ отставки Роберта Вальполя и сдѣлать изъ него надлежащій выводъ, т.-е. что прерогатива короля по отношенію къ парламенту измѣнилась въ ущербъ раздѣленія властей. Конечно, и это обстоятельство еще не служило бы доказательствомъ анахронизма со стороны автора разбираемой книги, такъ какъ утвержденіе, что король Георгъ II уже *не* пользовался прежней самостоятельностью англійскихъ королей,—доказывается не отставкой только Вальполя, а всѣмъ двадцатилѣтнимъ управленіемъ Англіи этимъ вожакомъ парламента. Но рецензентъ не можетъ привести въ свою пользу даже этого мнимаго соображенія, такъ какъ оно основано на хронологической ошибкѣ съ его стороны, ибо „Духъ законовъ“ вышелъ не въ годъ отставки Вальполя, а *шесть* лѣтъ позднѣе—не въ 1742 г., а въ 1748. А что это ошибка, а не опечатка въ статьѣ рецензента, доказывается его словами, что отставка Вальполя воспослѣдовала въ 1742 г., *т.-е. какъ-разъ въ годъ появленія трактата* Монтескье о „Духѣ законовъ“.

Подобное же нерасположеніе рецензента войти въ мысль разбираемаго имъ автора обнаруживается и въ другомъ его возраженіи, касающемся политической теоріи Монтескье. Эта теорія содѣйствовала въ двухъ отношеніяхъ приниженію монархическаго принципа во Франціи—во-первыхъ, ученіемъ о раздѣленіи властей, въ которомъ монархіи было отведено второстепенное мѣсто, и ученіемъ о классификаціи государствъ. Въ этой классификаціи Монтескье признаетъ только *три* типа государствъ: республику, подразумѣвая подъ этимъ какъ демократію, такъ и аристократію, деспотію и монархію, разумѣя подъ этимъ феодальную монархію, на подобіе тогдашней французской, въ которой сословія дворянства и духовенства, а также судебно-административныя корпораціи (парламенты) сохраняли, въ видѣ привилегій,

извѣстную самостоятельность, почему Монтескье видѣлъ въ нихъ „посредствующія власти". Въ виду этого, въ книгѣ сказано: „Монтескье знаетъ только два вида монархій: современную ему феодальную монархію съ посредствующими властями, т.-е. съ привилегированными сословіями и корпораціями, и затѣмъ—азіатскія деспотіи съ ихъ гаремами и визирями. Монархіи иного типа для Монтескье неизвѣстны, хотя онъ и жилъ въ вѣкѣ просвѣщеннаго абсолютизма, провозгласившаго, въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ представителей, принципъ, что „монархъ—первый служитель своего государства". По этому поводу рецензентъ заявляетъ: „Профессоръ Герье какъ будто забылъ о томъ, что, кромѣ указанныхъ здѣсь двухъ типовъ монархіи, Монтескье прекрасно знаетъ еще и третій — конституціонную монархію Англіи, послужившей образцомъ для его конституціонной теоріи". Рецензентъ считаетъ нужнымъ убѣдить меня или своихъ читателей въ знакомствѣ Монтескье съ Англіей цитатою изъ Монтескье въ переводѣ, а для бо̀льшей убѣдительности—еще и въ оригиналѣ. Что̀ долженъ подумать читатель „Научнаго Слова" объ историкѣ, который пишетъ о Монтескье и не вѣдаетъ, что Монтескье зналъ о существованіи англійскаго королевства?

Мало того, рецензентъ еще прибавляетъ: „Упущеніе профессора Герье тутъ представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что въ его книгѣ, двумя страницами ниже приведеннаго текста, довольно обстоятельно обсуждается вопросъ объ отношеніи теоріи раздѣленія властей Монтескье къ англійской конституціи".

Итакъ, упрекнувъ автора, что онъ „какъ будто забылъ" о знакомствѣ Монтескье съ конституціонной монархіей Англіи, рецензентъ его караетъ за это „упущеніе" тѣмъ строже, что самъ авторъ „довольно обстоятельно обсуждаетъ взглядъ Монтескье на англійскую конституцію". Но что-нибудь одно: если авторъ самъ обсуждаетъ взглядъ Монтескье на англійскую конституцію, то ему нельзя приписывать, что онъ „забылъ" или „какъ будто забылъ" о знакомствѣ Монтескье съ англійской монархіей.

Дѣло въ томъ, что рецензентъ невнимательно отнесся къ словамъ автора: „Монтескье знаетъ только два вида монархій", и вслѣдствіе этого сдѣлалъ изъ слова „знаетъ" висящіе на воздухѣ выводы. А между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ перечисленіи государственныхъ формъ, или въ классификаціи государствъ по ихъ образу правленія, Монтескье упоминаетъ только о *двухъ видахъ* единодержавія—о монархіи, ограниченной „совладычествомъ" сословій и привилегированныхъ корпорацій, и о деспотіи. Въ своей классификаціи государствъ Монтескье не упоминаетъ ни о просвѣтительномъ абсолютизмѣ, хотя онъ качественно представляетъ противоположность

изображенной у Монтескье деспотіи,—ни о конституціонной монархіи. Не касаясь здѣсь вопроса объ отношеніи Монтескье къ просвѣтительному абсолютизму, мы поставимъ вопросъ, почему же Монтескье не помѣстилъ въ число монархій—конституціонной монархіи, образчикъ которой онъ видѣлъ въ современной ему Англіи? Вѣроятно, потому, что онъ ее уже не причислялъ къ монархіямъ! На самомъ дѣлѣ, сводя короля въ конституціонномъ государствѣ къ положенію главы *исполнительной* власти съ правомъ лишь *вето* по отношенію къ постановленіямъ законодательной власти (народнаго представительства), Монтескье имѣлъ, съ своей точки зрѣнія, основаніе не признавать такой образъ правленія за монархію, оставляя открытымъ вопросъ, какъ согласовать существованіе такой формы правленія съ его классификаціей,—отнести ли ее къ сложнымъ формамъ (mixtes—у Руссо), неоговореннымъ въ его классификаціи, или отождествить ее съ *республикой*?

Какъ бы то ни было, взглядъ Монтескье на роль монарха въ конституціонномъ государствѣ имѣлъ капитальную важность и громадное вліяніе не только на судьбу Франціи, но и на конституціонную теорію вообще. Главной гарантіей политической свободы въ монархическихъ государствахъ стали считать, и въ теоріи, и на практикѣ, превращеніе *правительственной* власти въ *исполнительную*, т.-е. подчиненіе монархіи *другой* власти, т.-е. власти большинства народныхъ представителей или случайной группировки партій въ парламентѣ. Принципъ ослабленія исполнительной власти былъ еще далѣе развитъ Мабли, который въ этомъ вопросѣ былъ продолжателемъ Монтескье и предлагалъ друзьямъ свободы брать въ образецъ не Англію, гдѣ предоставленная королю власть ему казалась еще слишкомъ опасной для свободы, а тогдашнюю Швецію, по конституціи которой сейму предоставлялось право—въ случаѣ несогласія короля подписать постановленіе сейма—приложить къ этому постановленію „грифъ“ (подпись) короля [1]. Согласно съ этимъ взглядомъ, было составлено во Франціи первое учредительное собраніе 1789 года, которое было весьма недолговѣчно, такъ какъ оно основывалось на принципѣ: „pour supprimer le despotisme, on supprime le gouvernement“ (Taine, „La Révol.“, t. I, p. 251).

Несмотря на эту неудачу, по Европѣ распространилась французская конституціонная теорія, которой, въ свое время, Тьеръ далъ такое мѣткое опредѣленіе въ словахъ: „le roi règne, mais ne gouverne pas“. Съ этой точки зрѣнія казалось, что чѣмъ меньше власти и вліянія будетъ предоставлено королю, тѣмъ лучше этимъ обезпечится въ

---

[1] См. „Вѣстн. Европы“ за 1887 г., янв., стр. 124, мою статью: „Политическія теоріи аббата Мабли“.

странѣ свобода. Лишь постепенно стало проникать въ сознаніе истинныхъ друзей свободы убѣжденіе, что не вездѣ эта теорія выдерживаетъ критику и не повсюду она приложима. Стали отличать отъ *парламентарной* формы правленія, гдѣ парламентъ и законодательствуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ правитъ страной,—монархію, гдѣ правительство не утрачиваетъ своей самостоятельности и предъ лицомъ народнаго представительства. Примѣромъ такой конституціонной монархіи могутъ служить Пруссія и другія нѣмецкія государства, а также и германская имперія, которая была бы немыслима въ формахъ англійскаго или иного парламентаризма, вслѣдствіе характера рейхстага, состоящаго изъ четырехъ почти равныхъ по числу голосовъ партій, но крайне расходящихся по своимъ политическимъ взглядамъ и цѣлямъ: консервативной, клерикальной, либеральной (разбившейся на три фракціи) и соціалистической. При такомъ составѣ не могло бы быть въ странѣ постояннаго, руководящаго большинства, и самое единство государства подверглось бы вопросу, особенно при существованіи двухъ враждебныхъ этому единству могущественныхъ парламентскихъ партій. А къ чему бы привелъ парламентаризмъ составленную изъ враждующихъ между собою національностей австрійскую имперію, еслибы въ ея конституціи не былъ предусмотрѣнъ, въ видѣ спасительнаго клапана, знаменитый § 14-й!

Послѣ Монтескье ревнителемъ свободы выступилъ съ своей политической теоріей Руссо, ревнитель непосредственнаго народовластія. Подвести подъ общія формулы мнѣнія и убѣжденія Руссо весьма затруднительно, вслѣдствіе различія литературныхъ пріемовъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и различія въ настроеніи, подъ вліяніемъ котораго онъ писалъ. То онъ обсуждаетъ вопросы политики права, какъ раціоналистъ чистой воды, то онъ имѣетъ въ виду конкретную дѣйствительность... Наряду съ утопіями встрѣчаемъ у него здравые и глубокіе взгляды, и нерѣдко онъ самъ „съ великодушной непослѣдовательностью опровергаетъ собственную свою доктрину“ [1]). Даже въ одномъ и томъ же сочиненіи онъ говоритъ на разные голоса, напр. въ „Общественномъ договорѣ“. Именно объ этомъ сочиненіи, котораго мы коснемся на слѣдующихъ страницахъ, онъ отзывается съ нерѣдкимъ у него добродушнымъ скептицизмомъ по отношенію къ самому себѣ: „кто хвастается тѣмъ, что понимаетъ *общественный договоръ* весь, какъ онъ есть (tout entier), тотъ догадливѣе меня (plus habiles que moi)“.

---

[1]) Chuquet, „J. J. Rousseau“, p. 123, 107.

При такихъ условіяхъ, рецензентъ моей книги, касающейся политической теоріи Руссо, долженъ относиться особенно внимательно къ своему предмету, чтобы вѣрно понять мысль разбираемаго имъ автора и не приписывать ему мыслей, основанныхъ на недоразумѣніяхъ самого рецензента. Этимъ именно и грѣшитъ рецензія кн. Трубецкого, что ему, однако, не помѣшало отнестись къ страницамъ разбираемой имъ книги, касавшимся Руссо, весьма строго. По его словамъ, ему здѣсь „пришлось отмѣтить цѣлый рядъ неточностей". Этотъ рядъ мнимыхъ *неточностей* сводится къ тремъ заключеніямъ. Кн. Трубецкой, во-первыхъ, заявляетъ, что авторъ книги „какъ будто (опять—*какъ будто*) не замѣчаетъ рѣзкихъ различій въ пониманіи общественнаго договора между Руссо и его предшественниками". Чѣмъ же, однако, мотивировано это замѣчаніе? На 192 стр. разбираемой имъ книги излагается раціоналистическая теорія о *государствѣ*, исходящая изъ представленія объ общественномъ договорѣ; изложеніе это заканчивалось словами: „Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, раціоналистическая теорія о государствѣ, господствовавшая въ XVIII вѣкѣ и получившая самое рѣзкое и догматическое выраженіе свое въ сочиненіи Руссо—Общественный договоръ". Изъ этого видно, что авторъ не имѣлъ въ данномъ случаѣ никакого повода распространяться о различіи во взглядѣ на общественный договоръ между Руссо и другими теоретиками, ему предшествовавшими. Автору надлежало лишь указать на преемственную связь между ними, связь, нисколько не исключавшую различія даже по существеннымъ пунктамъ. Самъ Гирке, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи особенно подчеркнулъ тотъ смыслъ, который Руссо придалъ общественному договору, призналъ „ученіе Руссо о народовластіи (въ которое входитъ и ученіе объ общественномъ договорѣ) завершеніемъ продолжительной эволюціи" [1]).

Какъ произвольны и съ какими натяжками придуманы возраженія рецензента, показываетъ и слѣдующій примѣръ. На стр. 50, рецензентъ замѣчаетъ: „комментируя ученіе Руссо о правительственной власти, какъ о простомъ порученіи, делегаціи народа, профессоръ Герье замѣчаетъ: „Ту же мысль по отношенію къ монархіи вѣрнѣе, но не менѣе сильно выразилъ абсолютный монархъ XVIII вѣка, Фридрихъ II прусскій, сказавъ: le souverain n'est que le premier serviteur de ses états". На самомъ дѣлѣ въ приведенныхъ словахъ великаго короля выразилось пониманіе суверенитета не только не тождественное, но даже прямо противоположное тому, которое мы находимъ у Руссо". И по этому поводу профессоръ кн. Трубецкой начинаетъ развивать

---

[1]) „So erscheint Rousseau's Volkssouverenitätslehre als der Abschluss einer langen Entwickelung". Gierke, Althusius, 201.

различіе между взглядами женевскаго гражданина и прусскаго короля на положеніе и власть государя—и на этомъ основаніи даетъ свое заключеніе *о безусловно ошибочномъ пониманіи* авторомъ *идеи суверенитета у Руссо*.

Если бы какой-нибудь историкъ на самомъ дѣлѣ считалъ *тожественными* государственныя теоріи Руссо и Фридриха Великаго, то ему, конечно, пришлось бы рекомендовать прослушать курсъ государственнаго права у профессора Е. Н. Трубецкого. Но хотя Фридрихъ II и раздѣлялъ раціоналистическій взглядъ на государство и признавалъ общественный договоръ—le pacte social, никакой историкъ не смѣшаетъ представителя принципа „tout pour le peuple" съ проповѣдникомъ противоположнаго принципа „tout par le peuple". Внимательное отношеніе къ тексту разбираемой книги предохранило бы рецензента отъ подобнаго замѣчанія. Въ книгѣ указано, что, по ученію Руссо, правительственныя лица не что иное какъ должностныя лица (simples officiers), исполняющія *порученіе*, возложенное на нихъ народомъ. По этому поводу было сказано, что эта формула Руссо сама по себѣ не заключаетъ ничего анархическаго, и въ подтвержденіе этого соображенія было приведено, что ту же мысль по отношенію къ монархамъ выразилъ вѣрнѣе, но не менѣе сильно, даже великій абсолютный монархъ XVIII вѣка Фридрихъ II прусскій, сказавъ: „le souverain n'est que le premier serviteur de ses états". „Но,—сказано далѣе,—рядомъ съ формулой Руссо стоитъ у него выводъ, неизбѣжно ведущій къ *анархіи*. Правительственныя лица, которымъ вручена исполнительная власть (les dépositaires de la puissance exécutive), — говоритъ Руссо,—не господа народа, *и потому народъ можетъ ихъ назначить и смѣстить, когда ему угодно*. Это уже несогласно ни съ какою разумною теоріей; при такихъ принципахъ не можетъ существовать никакой цивилизованный народъ". Въ этихъ-то словахъ рецензентъ усмотрѣлъ признаніе тожественности политическихъ воззрѣній Руссо и Фридриха Великаго, тогда какъ именно изъ приведенныхъ словъ явствуетъ полное различіе взглядовъ женевскаго республиканца и прусскаго короля. Называя себя служителемъ государства, Фридрихъ Великій, конечно, не разумѣлъ, что онъ можетъ быть въ любое время смѣщенъ прусскимъ народомъ.

Столь же мало основательно другое возраженіе рецензента. Онъ находитъ (стр. 56), что также неточно и то, что проф. Герье говоритъ объ отношеніи Руссо къ теоріи раздѣленія властей у Монтескье. Извѣстно, — продолжаетъ рецензентъ, — что „Руссо глумился надъ теоріей раздѣленія суверенитета; онъ сравниваетъ ея сторонниковъ съ японскими фокусниками, которые разсѣкаютъ ребенка на части на глазахъ зрителей, подбрасываютъ разсѣченные члены кверху и въ

заключеніе ловятъ въ свои объятія ребенка живого и невредимаго. По словамъ проф. Герье, эта шутка надъ Монтескье была неумѣстна со стороны Руссо, такъ какъ онъ самъ дѣлаетъ то же, въ чемъ упрекаетъ Монтескье. Въ основаніи его собственной политической теоріи снова является дѣленіе, хотя и въ иномъ смыслѣ".—Тутъ уважаемый рецензентъ упустилъ изъ виду, что Руссо возражаетъ вовсе не противъ раздѣленія власти [1]), а противъ раздѣленія *верховенства* между различными органами".

Это возраженіе чрезвычайно типично. Рецензентъ приписываетъ автору утвержденіе, котораго тотъ не высказывалъ, и затѣмъ доказываетъ невѣрность этого утвержденія. Устремивъ все свое вниманіе на выраженіе автора: „Руссо *дѣлаетъ то же самое*, въ чемъ упрекаетъ Монтескье", рецензентъ спѣшитъ сообщить своимъ читателямъ, что авторъ глубоко ошибается. Изложивъ взгляды вышеназванныхъ писателей на верховную власть, рецензентъ кончаетъ словами: „Ясное дѣло, что воззрѣнія обоихъ публицистовъ въ данномъ случаѣ не тожественны, а діаметрально противоположны".

Доказывать это было совершенно излишне, такъ какъ на приведенной рецензентомъ изъ разбираемой книги страницѣ проводится та же мысль, и нужно не мало смѣлости, чтобы приписать какому-нибудь автору иной взглядъ на это, т.-е. мнѣніе, что воззрѣнія Монтескье и Руссо *тожественны*. Слова: „Руссо *дѣлаетъ то же самое*, что и Монтескье", не значатъ: *думаетъ* такъ же, какъ и Монтескье; они даже не значатъ: дѣлитъ власть такъ же, какъ и Монтескье, ибо они сопровождаются оговоркой, что Руссо производитъ дѣленіе *въ иномъ смыслѣ*. Слова „дѣлаетъ то же самое" значатъ, что Руссо совершаетъ то, въ чемъ онъ упрекаетъ Монтескье.

Послѣдній раздѣлялъ верховную власть между тремя органами. Руссо осуждаетъ это и всякое подобное дѣленіе власти, обвиняя „политиковъ въ томъ, что они, расчленивъ общественное тѣло (démembré le corps social), посредствомъ *фокуса* (Руссо называетъ его презрительно *ярмарочнымъ*) собираютъ во-едино его части, неизвѣстно какъ". Руссо хочетъ сказать, что подобное дѣленіе есть нѣчто мнимое, есть политическая иллюзія; и еслибы оно было совершено, то общественное тѣло не могло бы существовать. Съ своей стороны Руссо признаетъ верховную власть не за правительствомъ, въ составъ котораго входитъ у Монтескье и народное представительство, а непосредственно за народомъ, и объявляетъ эту власть *недѣлимою*. Прави-

---

[1]) Однако, мнѣніе, что Руссо отвергаетъ или осуждаетъ самое раздѣленіе властей высказано весьма опредѣленно публицистомъ, авторитетъ котораго кн. Трубецкой ставитъ особенно высоко: „Unbedingt verwirft Rousseau den Gedanken der Gewaltentheilung". Gierke, Althusius, p. 202 и 220.

тельственную же власть, въ которую входитъ у Руссо и власть издавать законы частнаго характера, и право объявленія войны и заключенія мира, онъ предоставляетъ на годичный срокъ уполномоченному верховнымъ народомъ въ его совокупности правительству. Но не представляетъ ли такое распредѣленіе ролей и власти такое же мнимое дѣленіе, такой же обманъ воображенія, какъ тотъ, въ которомъ онъ обвиняетъ Монтескье? Жизнеспособно ли такое политическое построеніе? Руссо самъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, сказавъ, что осуществленіе его схемы возможно только въ малыхъ государствахъ, подобныхъ Женевѣ, т.-е. въ самостоятельныхъ городскихъ общинахъ, а не въ государствахъ.

Отыскивая настойчиво неточности въ текстѣ автора, рецензентъ подалъ поводъ къ важному недоразумѣнію. Объясняя различіе между Руссо и его предшественниками во взглядѣ на общественный договоръ, рецензентъ говоритъ: „съ точки зрѣнія предшествующихъ теоретиковъ путемъ общественнаго договора можетъ быть создана любая форма государственнаго устройства; народъ можетъ создать у себя по своему усмотрѣнію монархію или республику, установить образъ правленія чистый или смѣшанный; по Гуго Гроцію народъ можетъ перевести на власть всѣ свои права или часть своихъ правъ, отдать себя въ рабство правительству или сохранить за собою контроль надъ нимъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія Руссо о созданіи путемъ общественнаго договора *любой* формы государственнаго устройства не можетъ быть и рѣчи; по его ученію, путемъ общественнаго договора можетъ создаться только непосредственная демократія, непосредственное народное самоуправленіе". Что разумѣлъ подъ этими словами кн. Трубецкой—не ясно; но для читателя они могутъ имѣть лишь одинъ смыслъ: а именно, что съ точки зрѣнія своего „Общественнаго договора" Руссо допускалъ существованіе лишь однѣхъ республикъ и притомъ съ демократическимъ правительствомъ. Но это было бы капитальной ошибкой. Приведенными выше словами затемняется одна изъ самыхъ характерныхъ сторонъ теоріи Руссо. По его теоріи, *верховная* власть признается безусловно за народомъ, т.-е. за совокупностью взрослыхъ гражданъ мужского пола; она неотчуждаема, т.-е. не можетъ быть перенесена на какое-либо лицо или учрежденіе; но въ то же время Руссо допускаетъ, что *верховный* народъ (le souverain) можетъ поручить правительственную власть (le gouvernement) по своему усмотрѣнію одному или нѣсколькимъ лицамъ, т.-е., другими словами, можетъ установить у себя монархическое или аристократическое правительство, доколѣ ему заблагоразсудится.

Въ подтвержденіе того, что Руссо считалъ совмѣстимымъ съ народнымъ верховенствомъ не только „непосредственную демократію,

непосредственное народное самоуправленіе", но также и монархическое, какъ и аристократическое правленіе, напомнимъ, что вся третья книга „Общественнаго договора" посвящена этому предмету. Въ 3-ей главѣ этой книги Руссо говоритъ: „Верховный владыка (le souverain, т.-е. народъ) можетъ, во-первыхъ, поручить правительство (commettre le dépot du gouvernement) всему народу или бо́льшей части народа, такъ, что число гражданъ-правителей (magistrats) будетъ значительнѣе числа простыхъ гражданъ. Такую форму правительства называютъ *демократіей*. Или же онъ можетъ сосредоточить правительство въ рукахъ небольшого числа, такъ что будетъ больше простыхъ гражданъ, чѣмъ правителей; такая форма называется аристократіей. Наконецъ, онъ можетъ сосредоточить правительство въ рукахъ единаго правителя (magistrat), отъ котораго всѣ прочіе будутъ получать свои полномочія. Эта третья форма—самая обычная; она называется *монархіей* или королевскимъ правительствомъ".

Конечно, Руссо при этомъ разумѣлъ не монархію proprio jure или „Божіей милостью", а монархію по волѣ народа, получающую свои полномочія отъ народа. Въ этомъ смыслѣ Руссо пишетъ въ примѣчаніи къ 6-ой главѣ II книги: „Подъ словомъ республика я не разумѣю аристократію или демократію (какъ это дѣлалъ Монтескье), но вообще всякое правительство, руководящееся общею волею, составляющей законъ. Чтобы быть законнымъ, нужно, чтобы правительство не смѣшивалось (se confonde) съ верховнымъ владыкою (souverain), но чтобы оно было его служителемъ (ministre); *тогда и самая монархія будетъ республикой*".

Не лишнею, кажется, будетъ здѣсь и ссылка на дѣльную книгу Эсмена, хорошо извѣстную русской публикѣ, такъ какъ первый томъ этого сочиненія—въ Солдатенковскомъ изданіи—давно весь распроданъ.

Упомянувъ объ ученіи „школы естественнаго права" о народномъ суверенитетѣ, въ особенности о Гроціѣ и Вольфѣ, „пытавшихся его согласовать (mettre d'accord) съ монархическимъ правительствомъ своего времени", Эсменъ продолжаетъ: „И другія попытки согласованія были сдѣланы или осуществлены между народнымъ суверенитетомъ и монархической формой. И прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Руссо не видѣлъ въ нихъ логической несовмѣстимости; но это объясняется свойственными ему представленіями о суверенитетѣ. Онъ отожествлялъ его съ законодательной властью, а съ другой стороны представлялъ себѣ законодательную власть лишь непосредственно осуществляемою совокупностью націи" и т. д. [1]).

---

[1]) Esmein. Eléments, стр. 191 фр. ориг.

Такимъ образомъ, утвержденіе кн. Трубецкого, что съ точки зрѣнія Руссо путемъ общественнаго договора можетъ создаться только *непосредственное народное самоуправленіе*—не точно и противорѣчитъ категорическимъ заявленіямъ Руссо, допускавшимъ возможность сочетанія монархическаго правительства съ народнымъ суверенитетомъ. Дѣло только въ томъ, что Руссо въ этомъ отношеніи впадалъ въ полнѣйшую иллюзію. По ученію Руссо всякое правительство есть только *провизорное*, временное правительство, существованіе котораго ежегодно подвергается вопросу, такъ какъ самодержавный народъ долженъ ежегодно принимать рѣшеніе, оставить ли въ силѣ прежнюю форму правительства и сохранить ли на мѣстахъ прежній личный составъ правительства. Но возможна ли при такихъ условіяхъ монархія? Мыслима ли на самомъ дѣлѣ монархія, которая не будетъ знать, доживетъ ли она до слѣдующаго года? Эсменъ говоритъ, что принципъ народнаго суверенитета, безъ сомнѣнія, логически несовмѣстимъ съ абсолютной и наслѣдственной монархіей. Къ этому надо прибавить, что даже конституціонная монархія несовмѣстима съ тѣмъ толкованіемъ народовластія, которое ему даетъ Руссо, и съ тѣмъ практическимъ осуществленіемъ его, какое онъ предлагаетъ. Государственный порядокъ Руссо есть періодическій плебисцитъ, т.-е., на самомъ дѣлѣ, хроническое революціонное состояніе.

Обратимся теперь къ послѣднему нашему замѣчанію. Рецензентъ пишетъ: „Еслибы профессоръ Герье принялъ во вниманіе вышедшую въ 1880 г. книгу *Гирке* и цитированную уже книгу *Гайманна*, то онъ избѣжалъ бы многихъ неточностей, между прочимъ—безусловно ошибочнаго пониманія идеи суверенитета у Руссо“. Выше были уже приведены мною недоразумѣнія со стороны рецензента, на которыхъ онъ основываетъ этотъ „безусловно ошибочный“ приговоръ. Теперь коснемся книги Гайманна, вышедшей въ 1898 г., т.-е. *послѣ того*, какъ были написаны перепечатанныя въ книгѣ „Идея народовластія“ статьи автора о Руссо. Представляетъ ли книга Гайманна какія-нибудь данныя, которыя должны бы были побудить автора измѣнить свои сужденія о Руссо? Гайманнъ, какъ и Липманнъ, авторъ книги *Философія права* Руссо, вышедшей въ томъ же году, поставили себѣ цѣлью реабилитировать этого писателя какъ *мыслителя*. Съ этою цѣлью Гайманнъ полемизируетъ противъ критики Руссо, которая всегда указывала и вѣроятно и впредь будетъ указывать на несовмѣстимость теоріи Руссо съ эмпирически данными условіями соціальной жизни. Гайманнъ вполнѣ признаетъ *нежелательныя* послѣдствія (leidige Konsequenzen), которыя представляетъ теорія Руссо, но онъ,

тѣмъ не менѣе, отстаиваетъ эту теорію противъ общей критики и раздѣляетъ точку зрѣнія Руссо. Ясное сознаніе *условной примѣнимости* ученія Руссо не служило для него доказательствомъ его ошибочности. Всеобщая обязательность (Algemeingültigkeit), которую Руссо приписываетъ своему „Общественному договору", основана не на его безусловной примѣнимости. Въ глазахъ Гайманна теорія Руссо не утрачиваетъ своего значенія, несмотря на то, что она въ противорѣчіи не только съ условіями соціальной жизни, но и съ нравственной природою человѣка, которая представляла нашему философу много затрудненій, и „обсужденіе возможности осуществленія людьми вообще максимы Руссо объ общей волѣ повлекло бы за собою смерть этой философіи". При такой точкѣ зрѣнія, Гайманнъ, конечно, считаетъ нужнымъ „совершенно оставить въ сторонѣ историческое вліяніе теоріи Руссо на политическую и духовную жизнь современниковъ и потомковъ".

Но именно изображеніе и оцѣнка этого историческаго вліянія и составляетъ задачу разбираемой кн. Трубецкимъ книги. Въ задачу ея автора поэтому не могло входить изложеніе взгляда на ученіе Руссо, высказаннаго почти 140 лѣтъ послѣ „Общественнаго договора", независимо отъ того, правиленъ ли онъ, или нѣтъ. Оцѣнка этого взгляда не имѣла никакого отношенія къ изображенію вліянія Руссо на политическія идеи и страсти французскаго общества въ XVIII вѣкѣ. На такое различіе цѣлей историка и философа права указываетъ и Липманнъ. Упоминая о превращеніи „Общественнаго договора" въ орудіе политической агитаціи, Липманнъ говоритъ, что „рѣшеніе вопроса, насколько Руссо и его ученіе подлежатъ за это отвѣтственности, можетъ быть предоставлено историкамъ". Отвѣтственность эта громадна, ибо нельзя себѣ представить болѣе рѣзкаго контраста между тѣмъ, чего желалъ Руссо, и тѣмъ, чему онъ научалъ. Это въ особенности проявляется по отношенію къ двумъ главнымъ идеямъ, изъ которыхъ исходитъ Руссо и которыя онъ желаетъ примирить—народовластія и свободы, но которыя такъ часто находятся у него въ непримиримомъ противорѣчіи.

Представленіе Руссо о „суверенномъ народѣ" чрезвычайно идеально. Идеализмъ этотъ особенно выражается въ его опредѣленіи *общей воли*—volonté générale. Эта воля обусловлена у Руссо совершеннымъ отсутствіемъ партій въ народѣ, слѣдовательно отсутствіемъ различія интересовъ и убѣжденій въ обществѣ. Самъ Руссо признаетъ, однако, наличность существеннаго разногласія между идеей и дѣйствительностью, и наряду съ общей волей ставитъ *волю всѣхъ*—разумѣя подъ этимъ волю отдѣльныхъ лицъ, направленную не на общій интересъ, а на частный. Руссо потратилъ много ухищреній своего ума, чтобы научить тому,

какъ превращать эту *волю всѣхъ* въ общую волю. Но придуманный имъ способъ мало кого удовлетворилъ, и одинъ изъ его апологетовъ справедливо назвалъ это средство—*мистическимъ*. Но и самъ Руссо—вопреки своей вѣрѣ въ суверенный народъ—высоко восхваляетъ мудрыхъ законодателей. Приводя эти разсужденія, Липманнъ восклицаетъ: „Надо сказать, что нельзя себѣ представить болѣе рѣзкаго контраста: съ одной стороны, утвержденіе, что серьезныя столкновенія между общимъ благомъ и интересомъ отдѣльныхъ лицъ устранены (силлогизмами), съ другой—грустное (resignierte) признаніе, что существующая въ тезисѣ гармонія въ дѣйствительности сокрушается о тотъ фактъ, что люди въ своихъ рѣшеніяхъ предоставляютъ лишь мало мѣста разуму, но зато тѣмъ большее вліяніе даютъ страстямъ“ [1].

Но историкъ XVIII вѣка не можетъ не отмѣтить, что Руссо нерѣдко самъ забывалъ объ этомъ и слишкомъ часто подавалъ другимъ поводъ смѣшивать народъ въ идеѣ съ *толпой*.

Мечтая объ идеальной волѣ державнаго народа, Руссо въ то же время давалъ поводъ всякой толпѣ видѣть въ себѣ самой верховный народъ. Такъ, желая формулировать безусловную зависимость правительства отъ народа, Руссо заявилъ, что когда собранъ суверенный народъ, правительство должно перестать функціонировать (est suspendu), ибо тамъ, гдѣ находится налицо дающій полномочіе, не можетъ быть уполномоченнаго—où se trouve le représenté, il n'y a plus de représentant [2] (C. S. III, 14). Сколько разъ во имя этихъ афоризмовъ угодливые ораторы взывали къ самоуправству толпы, какъ тотъ якобинецъ, который воодушевлялъ членовъ своего клуба словами: „вы цари и болѣе, чѣмъ цари; развѣ вы не чувствуете, что въ вашихъ жилахъ бьется верховная власть (souveraineté)?“—Руссо, однако, прекрасно зналъ, что суверенитетъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, не можетъ служить гарантіей свободы. Никто не противопоставлялъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ свободу—анархіи. Признавая условіемъ свободы гражданскую добродѣтель, самоотреченіе, моральный подвигъ, побѣду надъ страстями, Руссо отзывается съ насмѣшкой о тѣхъ, кто „дерзаютъ говорить о свободѣ, не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія, и, исполненные всѣми пороками рабовъ, воображаютъ, что для того, чтобы обрѣсти свободу, достаточно быть бунтарями. Гордая и святая свобода! еслибы эти жалкіе люди могли тебя понимать, еслибы они знали, какою цѣной тебя пріобрѣтаютъ и сохраняютъ! еслибы они чувствовали, насколько твои законы болѣе суровы, чѣмъ ярмо

---

[1]) Liepmann, 191.

[2]) Согласно съ этимъ, Руссо говоритъ въ сочиненіи „О прав. польскомъ“: „Какъ скоро законодательная власть (весь народъ) заговоритъ, всякая власть должна замолкнуть, ея голосъ есть Божій голосъ на землѣ“.

тирановъ!—ихъ слабыя души, рабы страстей, которыя надо заглушать, страшились бы тебя во стократъ больше, чѣмъ они боятся рабства; они бѣжали бы отъ тебя съ ужасомъ, какъ отъ бремени, грозящаго ихъ сокрушить".

Ярмо, которое Руссо налагалъ подъ именемъ свободы на гражданъ своего государства, было дѣйствительно тяжко. Власть его суверен-наго народа была безгранична, нераздѣльна, не обставлена никакими гарантіями въ пользу личности; она распространялась даже на религіозныя убѣжденія, навязывая всякому „гражданскую религію" и грозя за отступничество отъ нея смертной казнью. Мало того, Руссо не только отождествлялъ такой порядокъ вещей съ свободою, но самое принужденіе подчиниться такому порядку вещей, всякое насиліе съ этой цѣлью онъ называлъ освобожденіемъ. „Кто,—говоритъ онъ,—откажется повиноваться общей волѣ, будетъ принужденъ къ этому всѣмъ общественнымъ тѣломъ, и это значитъ лишь, что его *принудятъ быть свободнымъ*—on le forcera d'être libre (C. S. I, 7)"!

Какъ же объяснить все это?—Руссо былъ мечтателемъ. Реальный міръ болѣзненно сжималъ его, и онъ спасался отъ него въ утопіяхъ, сотканныхъ изъ отвлеченныхъ силлогизмовъ и воображенія. „Моя бѣдовая голова (ma mauvaise tête),—сказалъ онъ о себѣ,—не можетъ покориться дѣйствительности. Она не умѣетъ украшать ее, она хочетъ созидать! Реальные предметы отражаются въ ней, какъ они есть; украшать она можетъ лишь предметы воображаемые".—Въ воображаемомъ государствѣ у Руссо насиліе, идеализируемое фантазіей, перестаетъ казаться насиліемъ; а такъ какъ свобода опредѣляется согласіемъ съ общей волей, то принужденіе къ этому согласію магически представляется *освобожденіемъ*. Но какимъ образомъ на самомъ дѣлѣ производилось такое принужденіе къ свободѣ, и къ какимъ послѣдствіямъ оно приводило, это можно усмотрѣть не изъ философскихъ комментаріевъ къ Руссо, а изъ памятныхъ уроковъ исторіи...

В. Герье.

Москва.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1905.

I.

— Николай Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга девятнадцатая. Спб. 1905.

Настоящій томъ почтеннаго труда г. Барсукова, подобно предыдущимъ, заключаетъ въ себѣ любопытное собраніе историческихъ документовъ и литературныхъ мнѣній. Онъ посвященъ изложенію событій первыхъ лѣтъ 60-хъ годовъ, событій, создававшихъ историческую обстановку для личности и трудовъ М. П. Погодина. Эта обстановка создается авторомъ изъ полумеханическаго сцѣпленія различныхъ сужденій о фактахъ, еще почти незатронутыхъ работой историческаго анализа, и потому трудъ автора, далеко выступая изъ рамокъ узко-біографическаго повѣствованія, является по характеру освѣщенія эпохи нѣсколько одностороннимъ и неполнымъ, въ особенности тамъ, гдѣ характеристика общественныхъ теченій требовала бы изученій философско-соціологическаго характера и справокъ съ источниками, напечатанными заграницей и еще выдерживающими у насъ карантинъ цензурнаго запрета. Но и то, что даетъ г. Барсуковъ въ своей книгѣ въ необработанномъ видѣ, проникнуто живѣйшимъ интересомъ, въ которомъ найдутъ себѣ удовлетвореніе и историческая любознательность, и общественные запросы современнаго читателя.

Такъ, въ высшей степени любопытно слѣдить, въ какую форму отливалась, въ одну изъ самыхъ знаменательныхъ эпохъ нашей исторіи, борьба общественныхъ теченій, и какимъ образомъ возникало на этой почвѣ волненіе умовъ, нарушавшее мирное отправленіе функцій правительственной власти. Изъ вопросовъ, волновавшихъ собою

общество и правительство въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, вопросъ о дворянствѣ игралъ весьма существенную роль. Лишеніе дарового крестьянскаго труда ставило дворянство въ затруднительное матеріальное положеніе, выйти изъ котораго можно было только путемъ продолжительной и упорной внутренней работы, которая была далеко не по плечу большей части этого сословія. Правительство требовало отъ дворянства высокаго пониманія его новыхъ гражданственныхъ обязанностей, ссылалось на необходимость помощи съ его стороны и не безъ основанія указывало на возможность утраты со стороны дворянства нравственнаго вліянія на рѣшеніе общественныхъ задачъ, если дворянство окажется не на высотѣ призванія. Отношеніе дворянства, конечно, не могло быть единодушнымъ по отношенію къ правительственнымъ запросамъ, но несомнѣнно одно, что само же правительство, своимъ неудачнымъ *Положеніемъ 19-го февраля* и рядомъ непослѣдовательныхъ и явно реакціонныхъ мѣропріятій, помѣшало лучшей части дворянства помочь разрубить гордіевъ узелъ и облегчить русской жизни путь культурнаго и нормально-прогрессивнаго развитія.

Среди матеріаловъ, относящихся къ дворянскому вопросу, своеобразное положеніе занимаетъ переписка И. С. Тургенева съ Герценомъ и Огаревымъ по поводу такъ называемаго лондонскаго адреса, выражавшаго недовольство дворянъ формой освобожденія крестьянъ. Герценъ и Огаревъ принимали участіе въ этомъ адресѣ и думали привлечь къ нему Тургенева, но послѣдній подвергъ адресъ суровой критикѣ и явился горячимъ защитникомъ Положенія. Въ адресѣ говорилось между прочимъ: „Вслѣдствіе запутанности *Положенія о крестьянахъ*, дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ казенное жалованье и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство, вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита, и черезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются необработанными“. Цѣль Герцена была ясна: показать, что, благодаря неудовлетворительному во всѣхъ отношеніяхъ *Положенію* и неудачнымъ мѣропріятіямъ правительства, дворянство оказывается разореннымъ вдвойнѣ, и что, такимъ образомъ, правительство по преимуществу являлось виновникомъ взаимной необезпеченности дворянъ и крестьянъ, увеличивая тягости казны, арміи и чиновниковъ. Ставя вопросъ такимъ образомъ, Герценъ и Огаревъ едва ли по существу

являлись „союзниками" крѣпостниковъ, т.-е. людей недовольныхъ самымъ фактомъ освобожденія крестьянъ, какъ думаетъ г. Барсуковъ, высказывая весьма рискованное положеніе, что въ данномъ случаѣ Герценъ и Огаревъ руководились принципомъ: цѣль оправдываетъ средства,—и соединялись съ людьми, съ которыми въ сущности у нихъ ничего не было общаго.

Друзья преслѣдовали здѣсь опредѣленную задачу — обнаружить несостоятельность правительственной системы, слѣдствіемъ которой являлось, между прочимъ, излишнее разореніе дворянства, но никакъ не выражали скорби по поводу отмѣны дарового крестьянскаго труда. Тургеневъ, однако, иначе понялъ основную мысль адреса, и современныя намъ событія, стоящія въ связи съ аграрными волненіями крестьянъ, убѣдительно доказываютъ это. Ставъ на формальную точку зрѣнія, что съ *Положенія* начинается новая эра въ Россіи, Тургеневъ писалъ: „Во-первыхъ, я полагаю, что взять *Положеніе* исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія—и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ—если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно,—но „Земля приняла *Положеніе*; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о *Положеніи* и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ, чему, между прочимъ, служитъ доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ вмѣсто оброка на выкупъ. Нападать при такихъ обстоятельствахъ на *Положеніе*, какъ источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выводить необходимость земскаго собора, это значитъ.... окончательно порвать связь съ народомъ".

А. И. Кошелевъ такъ изображалъ современное положеніе: „крестьянское дѣло идетъ лучше, чѣмъ можно было ожидать, но скверно по причинѣ общей правительственной неурядицы. Земской полиціи нѣтъ. Посредниковъ какъ бы и не бывало, и губернаторы рады, что съ войсками не нужно выступать, а потому пишутъ: все обстоитъ благополучно. Теперь развивается у насъ великое зло: помѣщики находятся въ невозможности обрабатывать свои поля вольнымъ трудомъ, ибо рабочіе страшно дороги и сверхъ того невыносимо своевольны; а потому помѣщики бросаютъ свои имѣнія, земли отдаютъ въ наемъ и уѣзжаютъ или за границу, или въ города. Знаете, никогда не было такъ пусто въ деревняхъ, какъ теперь. Дворяне въ страшномъ угнетеніи отъ крестьянъ, которые хотятъ работаютъ, а не хотятъ, такъ никто ихъ къ тому не принуждаетъ. Платятъ—прекрасно, а не платятъ, такъ тому и быть. Еще милосерды крестьяне; хотя скверно, но

работаютъ; хотя не срочно, но еще выплачиваютъ. Разсчитывать ни на что нельзя; непрерывная азартная игра". Характерно, что въ то же время Аксаковъ предлагалъ дворянству „торжественно предъ лицомъ всей Россіи совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія", а Катковъ выражалъ мысль о желательности „уничтожить всѣ сословныя перегородки и выборы отъ отдѣльныхъ сословій замѣнить выборами отъ всего земства"...

Реакціонное направленіе правительства тяжело отражалось и на положеніи университетской науки. Вотъ что повѣствуетъ г. Барсуковъ о двухъ-трехъ событіяхъ университетской жизни послѣ 20 декабря 1861 г., т.-е. послѣ закрытія петербургскаго университета. У нѣкоторыхъ студентовъ явилась мысль устроить *вольный университетъ*, который и удалось открыть при содѣйствіи нѣсколькихъ профессоровъ, согласившихся читать лекціи, и городского головы Погребова, предоставившаго помѣщеніе въ городской думѣ. Первымъ былъ Костомаровъ, открывшій свой курсъ; за нимъ послѣдовали и другіе профессора: М. М. Стасюлевичъ, В. Д. Спасовичъ, Б. И. Утинъ, К. Д. Кавелинъ; представилъ програму своихъ лекцій и А. Н. Пыпинъ, но въ ней, въ курсѣ о старинной русской литературѣ, значился вопросъ о *ложныхъ книгахъ*. Просвѣщенный министръ народнаго просвѣщенія (Головнинъ) не рѣшился собственной властью утвердить программу, гдѣ шла рѣчь о такомъ страшномъ предметѣ, какъ *ложныя книги*, и отнесся къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода; оберъ-прокуроръ представилъ програму на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, и послѣдній обнаружилъ въ отзывѣ своемъ такую бездну премудрости и глубокомыслія, которое заслуживаетъ упоминанія. Давъ въ достаточной степени туманное и сбивчивое объясненіе тому, что слѣдуетъ понимать подъ ложными или отреченными книгами, святѣйшій синодъ не рѣшился дать согласіе на чтеніе Пыпинымъ лекцій по его программѣ: Въ „сужденіи объ этихъ послѣднихъ сочиненіяхъ" — такъ мотивировалъ свой уклончивый отвѣтъ святѣйшій синодъ—„ученому изыскателю нужно много труда, тонкой разборчивости и осторожности, дабы общимъ осужденіемъ лжи не оскорбить истины, потому что между ложными понятіями и повѣствованіями въ сочиненіяхъ сихъ заключается многое, что не противорѣчитъ каноническимъ книгамъ св. писанія, церковной исторіи и здравой логикѣ. Програма не объясняетъ, что разумѣетъ Пыпинъ подъ новозавѣтными апокрифами и *нашими* апокрифами, и какія легенды о Спаситетелѣ, Богородицѣ, Святыхъ и мученикахъ, предполагаетъ онъ ввести въ свои лекціи". Въ то же время великій князь Михаилъ Николаевичъ не изволилъ допустить полковника Лаврова къ чтенію публичнаго курса по исторіи философіи, а министръ народнаго просвѣщенія

—Н. Г. Чернышевскаго къ чтенію лекцій по политической экономіи. Остальные профессора открыли публичныя лекціи, но не надолго: онѣ прекратились въ связи съ инцидентомъ проф. Павлова. Проф. Павловъ былъ высланъ въ Ветлугу за свою рѣчь на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ, гдѣ, по свидѣтельству сына протоіерея Базарова, онъ сказалъ, между прочимъ: „не прельщайтесь блестящею мишурою побѣдъ и тріумфовъ. Наше отечество находится въ самомъ жалкомъ положеніи.... Манифестъ 19 февраля раздѣлилъ наше настоящее отъ прошлаго бездонною пропастью. Наши администраторы находятся теперь на скользкой стезѣ, и каждый попятный шагъ можетъ низвергнуть ихъ стремглавъ въ эту страшную пропасть, каждый попятный шагъ можетъ навлечь на отечество наше ужасное несчастіе. Единственное средство избѣгнуть этого — сближеніе съ народомъ. Наше молодое поколѣніе должно пожертвовать для достиженія этой цѣли тѣми незначительными преимуществами, какими оно пользуется нынѣ. Имѣяй уши слышати да слышитъ“.

О положеніи дѣлъ внутри государства г. Барсуковъ приводитъ любопытный и, конечно, отмѣченный извѣстнымъ угломъ зрѣнія, отзывъ директора департамента полиціи, гр. Д. Н. Толстого. „Дѣла внутренней политики были день ото дня хуже. Подъ вліяніемъ чиновничьей партіи (?), возникала другая, уже крайне красная. Доселѣ Герценъ и Огаревъ были апостолами революціи и читались въ столицѣ почти публично; теперь доморощенные демагоги нашли ихъ устарѣвшими и начали издавать свои подпольные листки. Вскорѣ появились и прокламаціи, вполнѣ зажигательныя. Онѣ ходили по городу, ихъ разносили по домамъ, всовывали въ карманы проходящимъ, и полиція не открывала виновныхъ. Сколько нужно было увѣренности въ безнаказанности, чтобы рѣшиться предпринять, напримѣръ, изданіе журнала подпольнаго? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что всѣ эти листы, тысячами разбросанные въ столицѣ и разосланные по губерніямъ, печатались ручными станками. Да если бы это было и такъ, такихъ станковъ потребовалось бы множество. Какъ же не знали о ихъ существованіи? Какъ, наконецъ, не знали, когда и кому провезены они чрезъ таможню?“

Почтенный государственный дѣятель не усматривалъ (и въ то время, вѣроятно, искренно) внутренней связи между распространеніями прокламацій и реакціонной двусмысленной политикой правительства. Такого проникновенія въ глубину явленій отъ него и нельзя было требовать, когда люди даже истинно просвѣщенные не были въ состояніи оцѣнить по достоинству борьбу общественныхъ теченій, и проф. Никитенко, напримѣръ, никакъ не могъ понять, чего хотятъ „всѣ эти ультра-прогрессисты“. Онъ стоялъ за „постепенныя реформы“ и бла-

годушно полагалъ, что онѣ наступятъ сами собой, что „разумное движеніе впередъ“ возможно безъ ограниченія произвола и можетъ совершиться безъ жертвъ и борьбы. Въ дневникѣ своемъ онъ записалъ характерный разговоръ съ однимъ радикаломъ:

— „Надо все разрушить: бей направо и налѣво“.

— Для чего же?

— „Разумѣется, чтобы истребить все накопившееся зло и достигнуть чего-нибудь лучшаго“.

— Но кто же построитъ на мѣсто разрушеннаго это лучшее?

— „Сама жизнь“.

— Хорошо, но, во-первыхъ, кто же намъ далъ право *насильственно* вести людей къ этому лучшему? Они не хотятъ имѣть васъ своими вождями; васъ никто къ тому не уполномочивалъ. Кто вы? Гдѣ ваши кредитивы? А во-вторыхъ, гдѣ гарантіи, что это лучшее, ради котораго вы требуете столько жертвъ, будетъ дѣйствительно достигнуто?“

Никитенко не предполагалъ только обратнаго вопроса: кто далъ право кому бы то ни было насильственно задерживать людей въ ихъ исканіи путей къ лучшему? Преосвященный Порфирій, къ мыслямъ котораго часто обращается г. Барсуковъ, отвѣтилъ бы, вѣроятно: Промыслъ Божій... съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался предметомъ монопольнаго пользованія власти.

А изъ массы прокламацій нѣкоторыя мѣтили очень далеко. Вотъ что разсказываетъ объ одной изъ нихъ г. Барсуковъ: „Между массою прокламацій, въ то время распространяемыхъ, особенное вниманіе обратила на себя разбрасываемая въ Москвѣ и Петербургѣ прокламація, подъ заглавіемъ: „Молодая Россія“. Въ ней требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ признать несуществующимъ Бога, затѣмъ уничтожить бракъ и семейство, уничтожить права собственности, открыть общественныя мастерскія и общественныя лавки, достигнуть всего этого путемъ самаго обильнаго кровопусканія, какого еще нигдѣ не бывало, и забрать крѣпко власть въ свои руки. Въ прокламаціи упомянутъ и издатель „Колокола“, какъ родоначальникъ, какъ великій политическій умъ, впервые провозгласившій на русскомъ языкѣ теоріи *кровавыхъ реформъ*; но авторы прокламаціи находятъ, что Герценъ отсталъ, сдѣлался слишкомъ мягокъ и сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, которые не хотятъ кровавыхъ реформъ.

Замѣчательно, что Герценъ, прочитавъ эту прокламацію, отнесся къ авторамъ ея „съ словомъ нѣжности“. Въ „Молодой Россіи“ увидѣлъ онъ „пріятную смѣсь“ Шиллера съ Бабефомъ. „Вы насъ считаете отсталыми“,—говоритъ онъ,—„мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстали отъ васъ сердцемъ, а сердце даетъ тактъ“. Герценъ „отечески журитъ „Молодую Россію“

только за двѣ ошибки,—во-первыхъ, что она одѣта не по-русски, а болѣе по-французски, во-вторыхъ, что она появилась некстати, тѣмъ болѣе, что вскорѣ случились пожары".

Въ этихъ пожарахъ, вызвавшихъ сильное волненіе, обвиняли представителей революціоннаго движенія и даже молодежь, но люди, высказывавшіе подобныя мнѣнія, встрѣчали возраженія, которыя ставили ихъ въ положеніе клеветниковъ. „Сказанное слово серебро, а умолченное—золото",—писалъ по этому поводу Кокоревъ С. И. Погодиной. Въ этой поговоркѣ надобно въ особенности руководствоваться въ дѣлѣ обвиненія (тяжкаго и ужаснаго) молодежи и не спѣшить съ печатнымъ заявленіемъ опредѣлительныхъ подозрѣній, пока дѣло не выяснилось какъ $2\times2=4$". Очевидно, пріемы огульнаго обвиненія молодежи пользовались и въ то время извѣстнымъ успѣхомъ.

Г. Барсуковъ даетъ такъ много матеріала въ своихъ книгахъ, что нѣтъ возможности указать ихъ содержаніе въ маленькой замѣткѣ. Мы ограничились лишь нѣкоторыми выдержками изъ нея, представляющими любопытныя параллели къ тому, что совершается на глазахъ общества въ настоящее время. Кромѣ нихъ, въ настоящей книгѣ много въ высшей степени цѣнныхъ данныхъ относительно Герцена, Тургенева и различныхъ общественныхъ настроеній. Если при этомъ картина получилась неполная, то было бы несправедливо возлагать отвѣтственность за эту неполноту только на г. Барсукова: въ смыслѣ матеріала онъ далъ болѣе, нежели обѣщалъ, для окончательнаго же историческаго сужденія объ этой эпохѣ еще не наступило время.

II.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. I-й томъ, I вып. Спб. 1905.

Мы такъ небогаты художественными изданіями историческаго характера, что всякая попытка пойти навстрѣчу несомнѣнно существующей потребности въ этомъ направленіи заслуживаетъ самаго глубокаго сочувствія и вниманія. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ трудъ Великаго Князя Николая Михаиловича, что въ немъ стали доступны широкимъ кругамъ общества произведенія, соединившія въ себѣ изысканность историческаго интереса съ возможнымъ совершенствомъ художественнаго выполненія. „Появленіе настоящаго изданія вызвано желаніемъ дать Сборникъ снимковъ съ портретовъ и миніатюръ, писанныхъ масляными красками, пастелью и акварельныхъ, съ цѣлью ознакомить по возможности интересующихся этимъ съ бога-

тымъ иконографическимъ матеріаломъ, разсѣяннымъ по многочисленнымъ собраніямъ, нерѣдко мало доступнымъ.

„Преимущество, естественно, будетъ отдаваться оригиналамъ извѣстныхъ мастеровъ, но новый типъ, возрастъ болѣе соотвѣтствующій избранной эпохѣ и другія соображенія могутъ склонить выборъ въ иныхъ случаяхъ въ пользу второстепенныхъ и неизвѣстныхъ оригиналовъ; войдутъ сюда также изображенія, интересныя въ историческомъ отношеніи, но мало удовлетворительныя художественно, если издателю не будетъ извѣстно другого, лучшаго оригинала даннаго лица. Кромѣ того, появится извѣстное число портретовъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, въ надеждѣ, что путемъ опубликованія нѣкоторые изъ нихъ опредѣлятся и пополнятъ свѣдѣнія исторической иконографіи. Къ изображеніямъ мужей нерѣдко будутъ присоединены портреты женъ, къ знаменитымъ отцамъ менѣе извѣстныя дѣти, и наоборотъ".

Издатель не устанавливаетъ системы въ расположеніи портретовъ. Онъ смотритъ на свой трудъ, какъ на подготовительную работу для будущаго словаря портретовъ; для удобства же пользованія снабжаетъ свое изданіе алфавитными указателями. Каждое изображеніе сопровождается краткой біографіей даннаго лица на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Особую важность придаетъ изданію то обстоятельство, что его матеріалами послужили оригиналы, мало извѣстные во многихъ случаяхъ, иногда же и вовсе неизвѣстные: это—портреты и миніатюры, находящіеся въ дворцахъ, музеяхъ, галлереяхъ и, преимущественно, составляющіе частную собственность. Какъ сказано въ предисловіи, въ настоящее время въ распоряженіи издателя уже имѣется свыше двухъ тысячъ снимковъ, и число это быстро увеличивается. Ежегодно предполагается выпускать одинъ томъ, состоящій изъ 4 выпусковъ и 100 таблицъ, исполненныхъ наполовину геліогравюрой, наполовину фототипіей.

Въ первомъ выпускѣ, въ числѣ прочихъ, находимъ портреты съ оригиналовъ Монье (имп. Александръ I-й, имп. Елисавета Алексѣевна), Митуаръ (гр. М. А. Румянцева), Рокотова (кн. Г. Г. Орловъ), Левицкаго (кн. Е. Н. Орлова), Варнека (гр. А. С. Строгановъ), Боровиковскаго (кн. С. Н. Долгорукій), Е. А. Архарова (кн. Е. А. Суворова), Дау (гр. М. П. Румянцевъ), Лебренъ (кн. Т. В. Юсупова), Кипренскаго (гр. Ф. В. Ростопчинъ), Роллена (гр. Н. И. Панинъ). Въ числѣ миніатюръ находимъ рядъ изображеній съ очень рѣдкихъ оригиналовъ.

Въ художественномъ отношеніи изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго; исполняемое экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, оно и по цѣнѣ не представляется дорогимъ (50 руб.

за каждые 4 вып.). Единственный и существенный недостатокъ его—блѣдныя и шаблонныя біографіи, даже извѣстныхъ лицъ. Очевидно, имъ удѣлялось второстепенное вниманіе, о чемъ приходится только пожалѣть.

III.

— Стасовъ В. В. (составилъ). Николай Николаевичъ Ге, его жизнь, произведенія и переписка. Съ четырьмя фототипіями. Изданіе „Посредника". М. 1904.

Появленіе книги В. В. Стасова важно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего она является данью глубокаго уваженія и признательности замѣчательной личности Ге, какъ художника и человѣка, оригинальной, самобытной, проникнутой горячимъ порывомъ подчинить искусство служенію высшимъ запросамъ жизни и духа. Біографія такого дѣятеля сама по себѣ любопытна и поучительна, по отношенію же къ Ге, возбуждавшему столько противорѣчивыхъ отзывовъ и сужденій, она и необходима именно теперь, пока живы люди, знавшіе покойнаго художника и, стало быть, имѣющіе возможность дополнить или, можетъ быть, видоизмѣнить, черты, приданныя его образу біографомъ, задавшимся цѣлью не только разсказать по правдѣ, по совѣсти жизнеописаніе Ге, но и защитить его отъ несправедливыхъ и легкомысленныхъ порицаній и насмѣшекъ. Наконецъ, созданіе біографическаго очерка о дѣятелѣ, столь разнообразно освѣщенномъ историко-біографическимъ матеріаломъ, было дѣломъ весьма значительнаго труда, какъ это можно судить по словамъ біографа, но труда благодарнаго, искупавшагося сознаніемъ, что изъ груды неразборчивыхъ рукописей, оставленныхъ покойнымъ Ге, выступалъ онъ самъ со всей полнотой своей натуры, характера всей своей дѣятельности и жизни. Эта жизнь, по образному выраженію автора—„одна сплошная рукопись, писанная худою спутанною каллиграфіей. На каждомъ шагу—неразборчивыя черты и неразборчивыя фразы, на каждомъ шагу—закорючки, усики и разводы, недописки и переписки, обманывающія и смущающія глазъ, заводящія въ какіе-то смутные корридоры, откуда, кажется, какъ будто бы и выхода нѣтъ. Но пусть вашъ глазъ попривыкнетъ и къ разводамъ, и къ усикамъ, и къ недопискамъ, и къ темнымъ корридорамъ, пусть у васъ только горитъ внутри жажда узнанія, свѣтлое желаніе разобрать и уразумѣть, и скоро каракульки и непонятныя черты передъ вами исчезнутъ, и вы поймете эту сложную натуру, полную совершенствъ, но и недочетовъ, блестящихъ качествъ, но и достойныхъ всякаго сожалѣнія несовершенствъ, всегда полную жара душевнаго, стремленія къ истинѣ и глубокимъ источникамъ жизни".

Помимо рукописей самого Ге, въ рукахъ В. В. Стасова былъ обширный біографическій матеріалъ, образовавшійся изъ воспоминаній ближайшихъ родственниковъ, друзей и товарищей по гимназіи, университету, академіи художествъ, по заграничной жизни и т. д., множество писемъ самаго разнообразнаго характера (между прочимъ— переписка съ Л. Н. Толстымъ), наконецъ, множество печатныхъ статей біографическихъ и критическихъ,—все это ставило автора въ весьма благопріятное положеніе и обезпечивало за его работой всѣ права на фактическую достовѣрность.

Съ большимъ интересомъ читается исторія художественнаго и умственнаго развитія Ге въ юности и позже, въ зрѣломъ возрастѣ. Весьма знаменателенъ тотъ выводъ, который г. Стасовъ дѣлаетъ на основаніи изученій фактовъ академическаго періода жизни Н. Н. Ге. Біографъ опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые пытались доказать, будто занятіе художествомъ было для Ге чѣмъ-то чужимъ, постороннимъ, навѣяннымъ извнѣ, выбраннымъ по капризу и насильно проводимымъ. Напротивъ, живопись была истиннымъ и органическимъ призваніемъ Ге. Художникъ рисуется біографу человѣкомъ сильно впечатлительнымъ ко всему великому, поэтическому, справедливому и художественному. Но, разсматривая натуру Ге, надо всегда различать—говоритъ г. Стасовъ—его сердце и его голову: „Сердце и голова у него не всегда сходились и иногда бывали у него въ довольно значительномъ разладѣ. По сердцу своему это былъ человѣкъ необыкновенно любящій, мягкій, кроткій: незлобивость его и симпатизированіе другимъ, чуть ли не всѣмъ на свѣтѣ, съ кѣмъ ему только приходилось быть въ соприкосновеніи, простирались такъ далеко, что иногда трудно даже себѣ представить. Но въ то же самое время умъ, разсудокъ работаютъ въ немъ тоже съ великою силою и мощью. Онъ не только не слѣпъ, не близорукъ, но обладаетъ острымъ зрѣніемъ и чутьемъ, очень хорошо видитъ и понимаетъ, что около него происходитъ, да только никогда не хочетъ, по необычайному добродушію своему, свести вмѣстѣ однѣ цифры съ другими и произвести „вычитаніе“ меньшаго изъ большаго. Отъ этого итогъ выходитъ у него очень симпатичный и добрый, но не вполнѣ вѣрный“.

Характерно было заявленіе Ге въ началѣ 60-тыхъ годовъ о томъ, что борьба не есть дѣло художника. Художникъ по преимуществу мирный человѣкъ, его главная забота — сохранить то, что ему дороже всего — его идеалъ. „Все, что можетъ сдѣлать, это уйти“. Проживъ долго заграницей и вернувшись въ Петербургъ, онъ не могъ пристать къ новому молодому движенію русскихъ художниковъ, которое создалось въ его отсутствіе, притомъ же политическія воззрѣнія для него, какъ художника, „стали ниже его задачи“, по собственнымъ

словамъ Ге. Это создало для Ге особое положеніе среди художниковъ, уже принимавшихъ участіе въ общемъ освободительномъ движеніи 60-тыхъ годовъ. В. В. Стасовъ посвящаетъ прекрасныя строки роли въ этомъ движеніи, въ его соотношеніяхъ съ искусствомъ, Писарева и Чернышевскаго, которые никакъ не могли повліять на Ге въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ Чернышевскій, такъ и Писаревъ—„старался всего болѣе разрушить старинные указы и приказы по части истинной „красоты", по части того, что можно и чего нельзя въ искусствѣ, и развѣять ихъ, какъ негодную пыль, на всѣ четыре стороны. Но было ли при этомъ затронуто и нарушено само искусство, настоящее правдивое, вѣчное, навсегда человѣку необходимое? Никогда. Оно стало только свободно, независимо и самостоятельно, какъ никогда прежде. При всемъ этомъ, однимъ изъ главныхъ упрековъ Писарева прежнему искусству (при всей талантливости и значительности многихъ изъ его лучшихъ представителей) было то, что искусство слишкомъ часто готово было превращаться въ „лакея роскоши". Художникъ подчинялся всѣмъ требованіямъ роскоши такъ раболѣпно, что „соглашался уродовать въ угоду свои картины, соглашался разставлять группы по ранжиру—не отказывался ни отъ единаго заказа, каковъ бы онъ ни былъ, — словомъ, весьма охотно проституировалъ свою творческую мысль". Неужели говорить все это—значило не любить, не понимать, гнать искусство? Какое безуміе! Напротивъ, во всѣхъ этихъ горячихъ словахъ и стремленіяхъ лежала такая любовь къ искусству, такая преданность ему, такое страстное желаніе ему успѣха, роста, славы и счастья, какого не было у большинства тѣхъ, что ходятъ по галлереямъ съ отуманенной головой и съ перепорченными глазами и причмокиваютъ на картины и на „красоты", словно леденцы таютъ у нихъ подъ языкомъ.

„Нѣтъ, нѣтъ, и Писаревъ, какъ и Чернышевскій, не могъ оказать никакого вреднаго вліянія на Ге. Они оба только добру учили, они только старались разбудить русскихъ людей и отворотить ихъ отъ безцѣльнаго, безъидейнаго, пустого, ничтожнаго, виртуознаго искусства. Они пробовали показать, вдали на горизонтѣ, занимающуюся зарю истинной правды и свѣта. Они желали, въ большинствѣ случаевъ, того самаго, чего желалъ и Ге. Не „самое неблагопріятное" было ихъ время для искусства, а напротивъ, самое благопріятное, самое благодатное".

Ге взялъ изъ этого ученія его общечеловѣческую сторону и съ этой точки зрѣнія подвергъ анализу значеніе своей художественной дѣятельности. Это и послужило основаніемъ извѣстнаго переворота въ душѣ Ге въ концѣ 70-тыхъ годовъ и сближенію его съ Л. Н. Толстымъ. Страницы, посвященныя этому сближенію—однѣ изъ самыхъ

интересныхъ въ книгѣ г. Стасова, въ особенности благодаря выдержкамъ изъ переписки. Толстой съ живымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ плана серіи евангельскихъ картинъ, которую Ге поставилъ своею художественною цѣлью всей остальной жизни. „Надо дѣлать и выражать то, — писалъ Толстой художнику, по обыкновенію весь высказываясь въ каждой строчкѣ своего письма,—что созрѣло въ душѣ. Никто вѣдь никогда этого не выразитъ, кромѣ васъ. Я жду всей серіи евангельскихъ картинъ. Слышалъ о той, которая въ Петербургѣ, отъ Прянишникова. По словамъ В. М., очень хороша, говорили. Вотъ поняли же и они. А простецы-то и подавно. Да не въ томъ дѣло, какъ вы знаете, чтобы NN хвалилъ, а чтобы чувствовать, что говоришь нѣчто новое, и важное, и нужное людямъ. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого,—какъ вы, надѣюсь, теперь работаете,—то это слишкомъ большое счастье на землѣ. Даже совѣстно передъ другими“...

Въ заключительной главѣ В. В. Стасовъ разсказываетъ исторію своихъ личныхъ отношеній къ Ге, сложившуюся въ одно цѣльное впечатлѣніе,—„при тысячѣ несовершенствъ и недочетовъ, можетъ быть и крупныхъ, Ге все-таки былъ человѣкъ и художникъ необыкновенный, своеобразный и самостоятельный, который многое такое сдѣлалъ, что никому другому не сдѣлать, да о чемъ другіе, пожалуй, никогда и не задумываются. Съ него этого довольно“.

IV.

— Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Книга вторая. Спб. 1905.

Многое изъ того, что напечатано въ этой книгѣ, уже знакомо читателямъ „Вѣстника Европы“, но то, что было въ отдѣльныхъ очеркахъ лишь отраженіемъ частныхъ явленій западно-европейской литературы, пріобрѣтаетъ въ общемъ соединеніи извѣстную цѣльность и даетъ возможность судить не только объ изслѣдуемыхъ литературныхъ произведеніяхъ, но и о міросозерцаніи автора, о принципахъ его художественной оцѣнки и литературныхъ вкусахъ. Въ этомъ отношеніи книга г-жи Венгеровой проникнута опредѣленностью содержанія и единствомъ колорита; сосредоточиваясь по преимуществу лишь на такихъ явленіяхъ, которыя не заставляютъ автора становиться во враждебное или оппонирующее положеніе, г-жа Венгерова не старается скрыть своего сочувствія основнымъ тенденціямъ разбираемыхъ писателей, а иногда настолько сливается съ ними, что является какъ бы убѣжденной проповѣдницей ихъ идей.

Въ живыхъ и талантливыхъ очеркахъ проходятъ передъ читателемъ Метерлинкъ, Эмиль Зола, Анатоль Франсъ, Эмиль Верхарнъ, Джонъ Рёскинъ, Генрихъ Сенкевичъ и др. Г-жа Венгерова не беретъ на себя задачи объективнаго историко-литературнаго изысканія: она разсматриваетъ писателя въ немъ самомъ, внѣ связи съ литературными направленіями и предшественниками по генеалогіи типовъ и способамъ художественной реализаціи идей. Г-жу Венгерову интересуетъ другая сторона—соотношеніе внутренняго міра писателя къ тому, что является, по мнѣнію автора, высшими проблемами духовнаго существованія человѣчества, другими словами—философская цѣнность его произведеній. Въ этомъ отношеніи г-жа Венгерова стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую едва ли не точнѣе всего можно опредѣлить, какъ особый видъ мистической метафизики, не очень высокой по взмаху метафизическаго подъема и слишкомъ достаточно прозрачной и ясной, чтобы сойти за чистую мистику. Въ своихъ требованіяхъ г-жа Венгерова поднимается надъ узкимъ реализмомъ и мелочностью стремленій бытовой обыденщины, дающей иногда исчерпывающее содержаніе художественному замыслу, но поднимается не настолько, чтобы земля исчезла у нея изъ вида со всѣми большими и маленькими скорбями и радостями своихъ обитателей. Она цѣнитъ, по крайней мѣрѣ, считаетъ „убѣдительнымъ“ реализмъ романовъ Зола и видитъ въ нихъ „страстную, озлобленную“ проповѣдь противъ существующей дѣйствительности,—но въ гораздо большей степени предпочитаетъ ту способность изображать внѣшній міръ, которая служитъ отличительной чертой, напр., Роденбаха. Г-жа Венгерова такъ формулируетъ идущую сюда основную мысль этого писателя: „Воздѣйствіе предметовъ внѣшняго міра на внутреннюю жизнь души—одинъ изъ излюбленныхъ сюжетовъ Роденбаха. Онъ часто повторяетъ слѣдующую мысль: между неодушевленнымъ міромъ и человѣческой душой существуютъ незримыя нити, и часто поступки и чувства можно объяснить только видомъ какого-нибудь предмета, заставляющаго вдругъ прорваться наружу то, что долго спало въ душѣ. Жизнь людей кажется поэту сплетеніемъ видимаго и невидимаго; все въ жизни загадочно лишь потому, что человѣкъ считаетъ себя чѣмъ-то обособленнымъ въ бытіи и не понимаетъ своей связи съ тѣмъ, что исходитъ не отъ него, а отъ окружающаго его міра“. Еще опредѣленнѣе высказывается г-жа Венгерова въ своей статьѣ о Метерлинкѣ, какъ человѣкѣ и художникѣ. Заканчивая разборъ его „Монны Ванны“, явившейся однимъ изъ поворотныхъ моментовъ въ развитіи этого писателя, г-жа Венгерова говоритъ: „Онъ освѣщаетъ свѣтомъ мистическаго познанія реальную дѣйствительность послѣ того, какъ показалъ дѣйствіе инстинктивнаго мистическаго прозрѣнія въ скрытой жизни души.

„Такова эволюція, свершенная Метерлинкомъ въ его творчествѣ, и придающая большую цѣльность, зрѣлость и углубленность его произведеніямъ. Въ томъ, что имъ написано до сихъ поръ (авторъ писалъ это до появленія послѣднихъ произведеній Метерлинка и его разсужденія о драмѣ въ сборникѣ „Le double jardin“), онъ является мистикомъ, соотвѣтствующимъ современному міросозерцанію, т.-е. не отчужденнымъ отъ жизни, не погруженнымъ въ отвлеченное отъ дѣйствительности созерцаніе, а провозглашающимъ мистическую правду, какъ единственно вѣрную руководящую нить для человѣка въ его жизненныхъ переживаніяхъ и нравственныхъ обязанностяхъ“.

Конечно, читатели, предъявляющіе требованіе извѣстной точности къ терминамъ, входящимъ въ составъ философскихъ опредѣленій, замѣтятъ, что между понятіями мистики Метерлинка и „современнаго міросозерцанія“, со всѣми послѣдующими опредѣленіями, существуетъ какое-то недоразумѣніе, неустранимое даже предположеніемъ, что мистика, дѣйствительно, является характернымъ признакомъ современнаго міросозерцанія. По терминологіи г-жи Венгеровой выходитъ, что это міросозерцаніе, съ одной стороны, не отчуждено отъ жизни и не погружено въ отвлеченное отъ дѣйствительности созерцаніе, а съ другой—провозглашаетъ „мистическую правду“, внѣ которой нѣтъ правильно руководящей нити для человѣческой жизни. Разобраться въ этомъ противорѣчіи возможно лишь при непремѣнномъ условіи— точно опредѣлить природу понятій, выражаемыхъ, по мысли автора, такими общими терминами, какъ „дѣйствительность“ и „современное міросозерцаніе“. Иногда стремленіе пріурочить даннаго писателя къ опредѣленному философскому теченію приводитъ г-жу Венгерову къ рискованнымъ обобщеніямъ, не всегда, къ тому же, и необходимымъ, и даже могущимъ установить ложный взглядъ на писателя. Отмѣчая въ современной французской литературѣ страстныхъ искателей новизны, разрушающихъ устарѣвшія формы, авторъ говоритъ: „Наряду съ этой стихійностью отдѣльныхъ одинокихъ умовъ, во Франціи есть другая несокрушимая сила—культурность. Она заключается въ развитіи и сохраненіи здороваго наслѣдія прошлыхъ вѣковъ, въ мирной эволюціи, противоположной разрушительнымъ стремленіямъ стихійности. Часто это сводится къ повторенію устарѣлыхъ шаблоновъ, къ риторству, лишенному содержанія—но есть отдѣльные случаи, когда культурная сила равна (?) стихійной, когда въ традиціонныя формы вкладывается столько свѣжести и непосредственности таланта, что получается въ результатѣ и нѣчто современное, и воплощающее въ себѣ цѣлые вѣка культуры“.

Представить себѣ нѣчто современное безъ воплощенія цѣлыхъ

вѣковъ культуры довольно затруднительно, и потому подведеніе Анатоля Франса подъ типъ людей, совмѣщающихъ въ себѣ эти мнимыя противоположности, совсѣмъ не создаетъ ему исключительнаго положенія. Грѣшитъ неточностью и утвержденіе автора, что этотъ писатель наиболѣе искусно изъ числа своихъ современниковъ „сочетаетъ эстетизмъ съ національными традиціями", какъ будто эстетизмъ и національныя традиціи въ данномъ случаѣ не совпадаютъ, что сама г-жа Венгерова совершенно справедливо и поясняетъ: „Вслѣдствіе этого оригинальность его мыслей, предпочтеніе чувствъ теоріямъ, оцѣнка поступковъ и явленій мѣриломъ красоты—все это кажется уже не чѣмъ-то случайнымъ, не литературной модой, подобной нѣкоторымъ новѣйшимъ ухищреніямъ стиля, а результатомъ долгаго культурнаго процесса, воплощеніемъ въ искусствѣ философскихъ выводовъ цѣлой эпохи". Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что „литературная мода" со всѣми ея ухищреніями стиля, внѣ связи съ культурно-національными традиціями, не заключаетъ въ себѣ признаковъ „эстетизма", т.-е. не служитъ источникомъ произведеній истиннаго искусства. Этотъ выводъ имѣетъ особое значеніе въ наше время.

Но все это не такъ существенно для оцѣнки очерковъ г-жи Венгеровой. Если читатель откажется отъ мысли видѣть въ нихъ элементы цѣльнаго и стройнаго философскаго міросозерцанія, а посмотритъ на очерки какъ на вдумчивые и безпритязательные отчеты о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ современной европейской литературѣ, онъ найдетъ въ нихъ много интереснаго, изложеннаго въ свойственной автору привлекательной формѣ, сразу устанавливающей между читателемъ и художникомъ сочувственную среду, которая значительно облегчаетъ знакомство. И здѣсь нѣкоторые изъ очерковъ покажутся, можетъ быть, недостаточно полными (Зола, Сенкевичъ), но большинство будетъ прочтено съ неостывающимъ вниманіемъ. Въ этомъ—залогъ несомнѣннаго и вполнѣ заслуженнаго успѣха книги.

V.

— Нижегородскій сборникъ. Изданіе товарищества „Знаніе". Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ распоряженіе Общества взаимопомощи учащихъ Нижегородской губерніи на устройство общежитія для учительскихъ дѣтей. Спб. 1905.

Благотворительная цѣль изданія говоритъ сама за себя: устройство общежитія для учительскихъ дѣтей—такое дѣло, которое не можетъ не вызвать сочувствія со стороны интеллигентнаго читателя, знающаго неприглядныя условія семейнаго учительскаго быта и не-

завидную судьбу учительскихъ дѣтей. Неудивительно поэтому, что желаніе придти на помощь обществу взаимопомощи учащихъ нижегородской губерніи объединило на страницахъ сборника довольно многочисленный кругъ писателей, весьма разнообразныхъ вообще и по характеру своего дарованія, и по степени популярности.

При своей симпатичной благотворительной цѣли, „Сборникъ" будетъ, вѣроятно, принятъ сочувственно читателями. Наряду съ произведеніями вялыми и скучными въ немъ есть немало такого, что остановитъ на себѣ вниманіе публики. Къ числу такихъ произведеній относится, напр., простая, безпритязательная статья—замѣтка П. Д. Боборыкина—„Учитель". Почтенный писатель дѣлится своими воспоминаніями о томъ, чѣмъ былъ „учитель" лѣтъ 50 слишкомъ назадъ. На недавнемъ московскомъ съѣздѣ г. Боборыкинъ увидѣлъ воочію, какъ впервые сознательно и убѣжденно заявила свое право на существованіе, сильная своей нравственной и общественной солидарностью, цѣлая армія народныхъ учителей и учительницъ. Прежде ничего подобнаго не было, и самое слово „учитель" звучало какъ нѣчто подневольное, унизительное. И точно, учителя были неудовлетворительны и въ народной школѣ, и въ гимназіи, и позже въ университетѣ, хотя тамъ уже создался образъ идеальнаго учителя подъ вліяніемъ разсказовъ о Грановскомъ и плеяды блестящихъ профессоровъ. Этотъ образъ никогда не замиралъ въ душѣ, но полвѣка назадъ онъ былъ только мечтой. „И гдѣ же я, въ послѣднее десятилѣтіе, находилъ того „учителя", къ которому, полвѣка назадъ, вотще стремилась наша юная душа?

„Слово „учитель" надо брать здѣсь собирательно. Оно являлось передо мною всего чаще въ образѣ „учительницы" народной школы. Въ классы мужчинъ-преподавателей попадалъ я меньше. Къ тому времени сложилась уже собирательная личность духовнаго руководителя нашей народной массы. Женщина заняла въ ней одинаково-доблестное мѣсто съ своимъ собратомъ и внесла въ свое дѣло столько любви, выдержки, гражданскаго мужества, безкорыстнаго служенія идеѣ.

„Въ какую школу я ни попадалъ: бѣдную деревенскую, или прекрасно обставленную фабричную, или въ городскую—вездѣ я находилъ нѣчто такое, что безусловно отсутствовало въ наше время". Это „нѣчто"—способность къ высокому подвигу самоотреченія, любовь и преданность дѣлу, которому служатъ учительницы при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ своего существованія. Любопытно съ наблюденіемъ П. Д. Боборыкина относительно типа учителя сопоставить статью г-жи Дубовской „Народная школа во Франціи", гдѣ иныя политическія, общественныя и экономическія условія французской

жизни создавали и учительскій типъ особаго рода; характерная черта этого типа та, что въ этихъ условіяхъ французъ-учитель не видитъ въ дѣлѣ обученія народа какого-то подвига, требующаго особеннаго напряженія альтруистическихъ чувствъ; преподаваніе скорѣй для него является службой, какъ и всякая иная дѣятельность. Изъ статей, имѣющихъ отношеніе къ народному образованію, назовемъ работы гг. Жбанкова—„О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ начальныхъ школахъ" и Мировича—„Новая попытка соціально-воспитательной реформы во Франціи".

Что касается беллетристическихъ произведеній, то они менѣе блестящи, чѣмъ имена ихъ авторовъ. Иное отрывочно, можетъ быть, писано наспѣхъ, иное несовсѣмъ кстати извлечено изъ заброшенной тетради. Послѣднее приходится, къ сожалѣнію, сказать относительно г. Максима Горькаго, давшаго въ одномъ изъ сборниковъ „Знанія" такую неподражаемо-превосходную вещь, какъ разсказъ „Въ тюрьмѣ". Здѣсь его вещи далеко не изъ лучшихъ, а его разсказъ „Вода и ея значеніе въ природѣ и жизни человѣка" рѣшительно не слѣдовало бы перепечатывать изъ старыхъ провинціальныхъ газетъ; то же приходится сказать и объ его разсказѣ „Часы". Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ни свойственнаго г. Горькому сильнаго порыва, ни обаятельнаго поэтическаго воодушевленія, ни, тѣмъ болѣе, философской глубины. Интереснѣе его воспоминанія о Чеховѣ, но и они холодны и блѣдны.

Зато съ обычной теплотой и мягкостью поэтической грусти передаетъ свои впечатлѣнія В. Г. Короленко при посѣщеніи богатаго воспоминаніями арзамасскаго кладбища „Божьяго городка". Бытовой правдой проникнутъ интересный разсказъ г. С. Гусева-Оренбургскаго „Разговоръ". Кромѣ этихъ произведеній находимъ въ сборникѣ разсказы г.г. Тимковскаго, Телешева, Пустынниковой, Куприна, Елеонскаго, Л. Андреева. Дѣятельности В. Г. Короленко и его произведеніямъ посвящены очерки гг. Ч. Вѣтринскаго и С. Протопопова.

Изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ столь разнообразно составленномъ сборникѣ, приведемъ стихотвореніе г-жи Галиной:

Свѣтаетъ. Но кругомъ пока еще темно.
И только вдалекѣ полоска тучъ алѣетъ;
Тамъ ночь своимъ крыломъ уже закрыть не смѣетъ
Зари блестящее окно...
Задумчивая тѣнь, блѣднѣя, исчезаетъ,
За ней спѣшатъ толпой предутренніе сны,—
Восходитъ новый день надъ царствомъ тишины...
Свѣтаетъ...

Изъ научныхъ статей нельзя не отмѣтить статьи г. С. Плато-

нова о протопопѣ Саввѣ Ефимьевѣ, игравшемъ видную роль въ нижегородскомъ ополченіи 1611—12 гг.—Евг. Л.

VI.

— Русскій музей Императора Александра III. Живопись и скульптура. Составилъ баронъ Н. Врангель. Два тома. Изданіе музея Императора Александра III. Спб. 1904.

Это изданіе представляетъ собой художественный каталогъ произведеній живописи и скульптуры, находящихся въ художественномъ отдѣлѣ Русскаго музея Императора Александра III. Онъ заключаетъ въ себѣ огромное количество (свыше 600) снимковъ въ текстѣ, обстоятельныя фактическія свѣдѣнія о картинахъ и біографическія и историческія данныя о художникахъ и лицахъ и событіяхъ, изображенныхъ на картинахъ. Первый томъ открывается прекрасно разработанной статьей бар. Врангеля о Михайловскомъ дворцѣ, занимаемомъ нынѣ музеемъ. Эта статья явилась важнымъ введеніемъ къ описанію сокровищъ музея, такъ какъ и самъ дворецъ представляетъ собой (или, по крайней мѣрѣ, представлялъ) рѣдкое художественное сокровище, блестящій памятникъ знаменитаго Росси. „По удачному мѣстоположенію, величавому фасаду и удивительной гармоніи пропорцій, Михайловскій дворецъ, наравнѣ съ Елагинымъ, является, по справедливой оцѣнкѣ автора, однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ воспоминаній Александровской эпохи. Дворецъ этотъ, нѣсколько измѣненный снаружи, благодаря новѣйшимъ перестройкамъ, во внутреннемъ своемъ убранствѣ, будучи приспособленъ къ задачамъ картинной галлереи, не могъ сохранить во всей полнотѣ той изысканной прелести и единства, отпечатокъ котораго былъ виденъ на каждомъ предметѣ. Штофная мебель и рѣзныя двери работы лучшихъ нашихъ мастеровъ—Бобкова, Тура и Баумана, лѣпныя украшенія Пименова, Демута, обои Царскосельской мануфактуры и живопись Скотти, Виги, Медичи, все это, въ своей совокупности, представляло, по отзыву современниковъ,—чудо декоративнаго искусства“.

Такъ было въ прежнія времена, о которыхъ сохранялось не мало историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ различными владѣльцами дворца. Здѣсь давались роскошные балы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, устраивались концерты, роскошь соединялась съ изобрѣтательностью воображенія и изяществомъ вкуса. Это великолѣпіе баронъ М. А. Корфъ принималъ за высшій расцвѣтъ наукъ и искусствъ въ Россіи и писалъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ по поводу

посѣщенія одного изъ такихъ баловъ: „Sommes-nous encore des barbares à vos yeux?“—спросили бы мы у Кюстина и у другихъ чужеземныхъ нашихъ порицателей, еслибы они прогулялись съ нами по этимъ цвѣтущимъ заламъ—цвѣтущимъ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, потому что тутъ были цѣлыя рощи деревьевъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтами и всякою зеленью, во всей могучей растительности юга, и, вмѣстѣ, живой цвѣтникъ прелестнѣйшихъ женщинъ нашего двора и высшаго общества, еще болѣе очаровательныхъ подъ тѣми фантастическими, маскарадными и балетными костюмами, въ которыхъ онѣ намъ предстали“.

Время великой княгини Елены Павловны пробуждаетъ другія и болѣе славныя воспоминанія. Дворъ ея становится центромъ умственной жизни столичнаго общества, о чемъ составитель, кстати, могъ бы сказать нѣсколько подробнѣе. Литераторы, музыканты, художники становятся желанными гостями при Екатеринѣ Михайловнѣ; здѣсь игралъ и дирижировалъ Рубинштейнъ, организовались благотворительные спектакли и базары. О великолѣпіи убранства можно судить по двумъ изображеніямъ, напечатаннымъ въ текстѣ статьи.

Времена перемѣнчивы. Прошло нѣсколько лѣтъ, великолѣпныя мебели и люстры разбрелись въ разныя стороны, не миновавъ и рыночныхъ рукъ; вывезли бронзу, предметы роскоши и уюта, и дивное произведеніе Росси поручили приспособить подъ руководствомъ архитектора Свиньина для устройства тамъ музея. Эту задачу г. Свиньинъ, замѣтимъ отъ себя, выполнилъ весьма внимательно. Прежній дворецъ сталъ народнымъ художественнымъ университетомъ, взявъ на себя задачу представить въ подлинныхъ образцахъ послѣдовательные моменты въ развитіи русскаго искусства. Нельзя не порадоваться отъ души такому превращенію и не привѣтствовать картинную галлерею русскаго музея какъ цѣнное національное пріобрѣтеніе на поприщѣ культурнаго и художественнаго развитія.

Какъ сказано въ той же статьѣ, по проекту Свиньина воздвигается, на мѣстѣ праваго флигеля дворца, новое зданіе для будущаго этнографическаго отдѣла. Надо надѣяться, что строители его постараются найти благопріятный выходъ изъ труднаго положенія и отыщутъ способъ удовлетворить требованіямъ новаго учрежденія, не нарушая исторически-художественныхъ традицій. Нѣкоторые заграничные музеи удачно разрѣшили эту задачу, требующую, чтобы условія строгой научности подобныхъ учрежденій являлись, по возможности, въ сочетаніи съ художественной формой, въ особенности освященной чувствомъ національной гордости.

Въ художественномъ отношеніи каталогъ изданъ превосходно: отличная бумага, отчетливые отпечатки и шрифтъ. Вообще, это пре-

красный трудъ, которымъ можетъ гордиться музей; его значеніе можно наглядно представить себѣ, если принять во вниманіе, что подобнаго изданія не имѣетъ, напримѣръ, ни Императорскій Эрмитажъ, ни Кушелевская галлерея Академіи художествъ. Изъ недостатковъ этого изданія отмѣтимъ неудачную обложку, нѣсколько модернизованныхъ заставокъ (особенно съ видомъ главнаго зданія музея) и рядъ незначительныхъ промаховъ редакціоннаго свойства въ текстѣ. Все это, конечно, мелочь сравнительно съ общимъ достоинствомъ изданія. Въ началѣ его помѣщенъ портретъ-геліогравюра императора Александра III, а въ концѣ—указатель (общее расположеніе матеріала — по алфавиту художниковъ).—W.

VII.

— Кустарное дѣло въ Россіи. Составилъ князь Ѳ. С. Голицынъ. Томъ I (часть первая). Историческій ходъ развитія кустарнаго дѣла въ Россіи. Дѣятельность правительства, земствъ и частныхъ лицъ. С.-Пб. 1904.

Россія находится наканунѣ коренныхъ политическихъ преобразованій, которыя поставятъ на совершенно новое основаніе нѣкоторыя отрасли государственной дѣятельности. Одной изъ этихъ отраслей является область экономическихъ мѣропріятій, въ частности—мѣропріятій по воспособленію нашей кустарной промышленности. Въ виду этого, представлялось бы вполнѣ своевременнымъ подведеніе итоговъ тому, что сдѣлано въ этой области во время бюрократическаго управленія государствомъ, и какія средства воздѣйствія на экономическую жизнь старый режимъ передастъ новому. Названное въ заголовкѣ настоящей замѣтки оффиціальное изданіе можетъ быть разсматриваемо именно какъ итогъ мѣропріятій правительства въ одной области, подлежащей его вѣдѣнію. Печаленъ — нужно признаться — этотъ итогъ! Чуть не на каждой страницѣ изданія министерство земледѣлія, устами кн. Голицына, указываетъ на вопіющее противорѣчіе между задачами, требующими участія министерства, и ничтожностью средствъ, отпускавшихся въ распоряженіе послѣдняго. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ исключительномъ вѣдѣніи котораго находятся кустарные промыслы, и само было болѣе чѣмъ скромно въ требованіи на это дѣло государственныхъ кредитовъ. Въ 1888 г. оно просило отпускать на мѣры воспособленія кустарной промышленности всего россійскаго государства меньшую, пожалуй, сумму, чѣмъ тратило на ремонтъ помѣщенія того департамента, въ которомъ составлялась соотвѣтствующая смѣта. Это была сумма въ 35 тыс. руб. въ годъ. Черезъ три года его требованія поднялись до

60 тыс. руб. въ годъ, въ 1895 г. составляли 100 тыс. руб., а послѣ тринадцатилѣтней дѣятельности въ области развитія народнаго труда министерство земледѣлія нашло возможнымъ ограничиться требованіемъ по этой важной статьѣ его дѣятельности кредита въ 160 тыс. руб. въ годъ. Несмотря на то, что приведенныя суммы затратъ на поддержаніе многочисленныхъ отраслей промышленности, обнимающей милліоны работающихъ, напоминаютъ игру въ воспособленіе, а не серьезную заботу о серьезномъ дѣлѣ—полученіе соотвѣтствующихъ кредитовъ достигалось лишь путемъ продолжительной полемики съ различными вѣдомствами, находившими и эти суммы чрезмѣрными или мало обоснованными. Во главѣ несогласныхъ стояло министерство финансовъ, само расточавшее народныя средства на поддержаніе капиталистической промышленности и на расширеніе административныхъ учрежденій своего вѣдомства, а на требованіе кредита для помощи кустарнымъ промысламъ, въ суммѣ какихъ-нибудь 100 тыс. руб., возражавшее, что „министерство земледѣлія по отношенію къ названной отрасли народной производительности задается такими широкими задачами, осуществленіе коихъ можетъ быть сопряжено съ крупными затратами для казны“ (стр. 46). Неудивительно, если, при такомъ отношеніи къ предмету обѣихъ сторонъ, дѣятельность министерства земледѣлія, въ лучшемъ случаѣ, можетъ считаться только развѣдками, а не дѣйствительной борьбою съ неустройствами въ области кустарной промышленности, и что такая борьба можетъ быть начата лишь новымъ правительствомъ, опирающимся на народное представительство.

Разсматриваемый нами трудъ кн. Голицына—не первое оффиціальное изданіе, посвященное вопросамъ о мѣрахъ помощи кустарной промышленности. Въ разное время министерствомъ земледѣлія были изданы составленныя В. Н. Пономаревымъ обзоры дѣятельности правительства и земствъ на пользу кустарной промышленности, и эти изданія служили даже матеріалами для труда кн. Голицына. Изданная первая часть I-го тома этого труда касается лишь дѣятельности правительства и составлена въ нѣкоторыхъ частяхъ настолько кратко, что не исключаетъ необходимости обращенія къ предшествующему изданію министерства земледѣлія: „Обзоръ дѣятельности правительства на пользу кустарной промышленности въ 1888—1902 гг.“. Слѣдующіе выпуски перваго тома будутъ посвящены дѣятельности въ этой же области земствъ и частныхъ лицъ. Что составитъ содержаніе второго тома—намъ неизвѣстно, такъ какъ предисловія въ изданіи не имѣется, а терминъ „кустарное дѣло“—слишкомъ неопредѣленный, чтобы служить основаніемъ для заключеній. Нельзя, во всякомъ случаѣ, не пожелать скорѣйшаго выпуска слѣдующихъ частей изданія и

болѣе подробнаго въ нихъ изложенія принятыхъ земствами мѣръ и достигнутыхъ ими результатовъ въ области кустарной промышленности.

VIII.

— Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства за 1865—1899 гг. Выпускъ I. Херсонъ, 1904.

Названное изданіе херсонскаго губернскаго земства, какъ и „Кустарное дѣло“ кн. Голицына, есть подведеніе итоговъ прошлой дѣятельности учрежденія. Но какъ различенъ характеръ и содержаніе и самой дѣятельности, и ея исторіи—апатичнаго министерства земледѣлія съ одной стороны и одного изъ наиболѣе живыхъ нашихъ земствъ—съ другой! Они сходны нѣсколько между собой развѣ въ томъ отношеніи, что обоимъ приходилось бороться съ препонами, поставляемыми другими учрежденіями. Но тогда какъ въ одномъ случаѣ это были легкія схватки равныхъ и единомыслящихъ, и министерство земледѣлія, въ концѣ концовъ, получало то, чего требовало, а если его средства воспособленія кустарнымъ промысламъ ничтожны до смѣшного, то вина въ этомъ лежитъ прежде всего на немъ самомъ,—въ другомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой столкновеніе двухъ исключающихъ другъ друга принциповъ: бюрократическаго самовластія и общественной самодѣятельности. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, херсонское земство переживало различныя вѣянія.

Въ рѣчи при открытіи перваго экстреннаго губернскаго земскаго собранія губернаторъ высказалъ, „что многочисленныя учрежденія, завѣдывавшія до 1865 г. дѣлами земскаго хозяйства, были признаны правительствомъ по самому существу своему неспособными удовлетворять предъявляемыя къ нимъ требованія со стороны мѣстной жизни. Для живого земскаго дѣла необходима была наличность общественной иниціативы и дружная работа живыхъ общественныхъ силъ... Въ заключеніе, губернаторъ пожелалъ, чтобы земство и администрація херсонской губерніи „шли рука объ руку къ одной нераздѣльной цѣли“ (стр. 41). Но какъ только земство попыталось идти по своему разумѣнію къ этой „цѣли“,—за этимъ послѣдовалъ, „при соприкосновеніи съ мѣстными властями, цѣлый рядъ недоразумѣній и пререканій“; и спустя полгода послѣ рѣчи губернатора, вице-губернаторъ Карновичъ, открывая первое очередное губернское земское собраніе, нашелъ въ себѣ только слова для упрековъ. „Милостивые государи,—сказалъ онъ,—не могу пройти молчаніемъ, что нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій входили въ разсмотрѣніе дѣлъ, выходя-

щихъ изъ круга дѣйствій, предоставленныхъ имъ Положеніемъ, и этимъ удалились отъ обсужденія вопросовъ, прямо касающихся интересовъ земства, что, по моему мнѣнію, можетъ только повредить земскому дѣлу". Черезъ мѣсяцъ внушеніе земству нашелъ нужнымъ сдѣлать новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ Коцебу, Въ письмѣ къ губернскому предводителю дворянства онъ формулируетъ прегрѣшенія первыхъ земскихъ собраній, обсуждавшихъ такіе предметы, „которые не имѣютъ никакого отношенія къ хозяйственнымъ нуждамъ земства..., составлявшихъ постановленія, превышающія власть земскихъ учрежденій... и заявлявшихъ мнѣнія какъ будто съ одной только цѣлью ослабить значеніе губернской власти". „Признавая необходимымъ останавливать во-время могущія произойти столкновенія и недоразумѣнія административной власти и земства", генералъ-губернаторъ проситъ предводителя дворянства заявить въ той или другой формѣ представителямъ земства, „что имъ необходимо сообразоваться съ видами правительства и что дѣйствія ихъ, несогласныя съ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, будутъ свидѣтельствовать о томъ, что они не оправдываютъ довѣрія избравшаго ихъ общества, которое несетъ нравственную и матеріальную отвѣтственность за своихъ повѣренныхъ, и дадутъ поводъ къ предположенію, что само общество для сихъ вновь дарованныхъ ему учрежденій еще не созрѣло" (стр. 97).

Наибольшее число столкновеній земства и администраціи происходило изъ-за подводной повинности. Полиція привыкла къ тому, чтобы пользоваться обывательскими лошадьми произвольно и безконтрольно; земство стремилось защитить населеніе отъ этого произвола. Это вызвало „особенное неудовольствіе полиціи", которая стремилась, поэтому, къ прямому противодѣйствію въ принимаемыхъ управою мѣрахъ какъ по разработкѣ вопроса о подводной повинности, такъ и при исполненіи оной", а „херсонское губернское правленіе не только оставляло безъ послѣдствій жалобы земства на незаконныя дѣйствія полиціи, но въ одной оффиціальной бумагѣ сдѣлало даже наставленіе полиціи, какъ обходить законъ" (стр. 91). Губернская администрація и другими способами проявляла враждебное отношеніе къ земству; послѣднее приносило жалобы министру внутреннихъ дѣлъ и въ сенатъ на разные органы администраціи и на протесты губернатора относительно земскихъ постановленій, число коихъ (протестовъ) въ одинъ лишь первый годъ дѣятельности земскихъ учрежденій херсонской губерніи немного не достигаетъ двухъ десятковъ. Эти обострившіяся отношенія земства и мѣстной администраціи вызвали со стороны министра внутреннихъ дѣлъ предложеніе начальнику края войти въ обсужденіе возникшихъ недоразумѣній, и черезъ годъ послѣ выше цитированнаго письма генералъ-губернатора къ губернскому предво-

дителю дворянства, губернская земская управа получила отъ него непосредственно аналогичное внушеніе. Сообщивъ управѣ, что онъ предписалъ полицейскимъ управленіямъ „не изыскивать случаевъ къ спорамъ съ земскими учрежденіями... а, напротивъ, содѣйствовать имъ, такъ какъ главная цѣль тѣхъ и другихъ одна и та же—благосостояніе общества“, генералъ-губернаторъ и земскимъ управамъ счелъ нужнымъ заявить, что земскія учрежденія „увлеклись борьбою съ администраціей въ дѣлѣ о земскихъ почтахъ до того, что лишали полицейскія управленія средствъ исполнять свои обязанности, преслѣдовать преступленія, охранять безопасность и спокойствіе общества, а стало быть впадали въ своемъ увлеченіи въ дѣйствія, клонящіяся ко вреду общества и земства, блюсти интересы котораго они призваны“ (стр. 99). Въ отвѣтъ на всѣ подобныя обвиненія херсонскія земства постановили ходатайствовать о назначеніи для разслѣдованія дѣятельности херсонскаго земства сенатской ревизіи. Ходатайство это было оставлено безъ послѣдствій; да въ ревизіи не представлялось, затѣмъ, и надобности, такъ какъ, съ перемѣною губернатора, при начальникахъ херсонской губерніи Старынкевичѣ (съ 1868 по 1872 гг.), Абазѣ (1872—1874 гг.) и бывшемъ херсонскомъ же земскомъ дѣятелѣ, А. С. Эрдели (1874—1889 гг.), между земствомъ и администраціей установились возможно мирныя отношенія, а сами губернаторы оффиціально высказывали полное свое уваженіе къ дѣятельности земства.

Борьба земства и администраціи началась опять послѣ преобразованія земства въ 1890 г., когда администрація стремилась обратить земство въ подчиненное себѣ и единое по духу учрежденіе. Въ теченіе 1897—1899 гг. губернское земство обжаловало въ сенатъ 18 опредѣленій губернскаго присутствія объ отмѣнѣ постановленій земскихъ собраній, и изъ этихъ жалобъ только три разрѣшены были не въ пользу земства.

То изданіе, изъ котораго мы извлекли это описаніе отношеній между земствомъ и администраціей, составляетъ лишь первый выпускъ исторіи херсонскаго губернскаго земства. Въ составленіи его принимали участіе г-жа Терешкевичъ и г. Рудневъ. Первой принадлежитъ большое вступленіе, заключающее изложеніе исторіи заселенія края, статистическія данныя о землевладѣніи въ херсонской губерніи, вопросы общей организаціи земства и его отношенія къ правительственнымъ учрежденіямъ. Второй далъ очерки земскихъ финансовъ и земскихъ повинностей. Остальные вопросы земскаго хозяйства будутъ разсмотрѣны въ слѣдующихъ выпускахъ.

Но и по выходѣ всего изданія мы будемъ имѣть далеко не полную исторію земскаго дѣла въ херсонской губерніи, потому что въ исключительномъ вѣдѣніи губернскаго земства находятся немногія и, при-

томъ, менѣе интересныя отрасли земскаго хозяйства. Центръ же тяжести послѣдняго лежитъ въ дѣятельности уѣздныхъ земствъ. Будемъ надѣяться, что, послѣ исторіи губернскаго земства, херсонское земство предприметъ трудъ и по составленію очерковъ дѣятельности земствъ уѣздныхъ.

IX.

— В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Потребленіе вина. Участіе общества въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ организаціи виноторговли. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Казенная винная монополія начала вводиться у насъ въ 1895 г. и, постепенно распространяясь съ одного района на другой, охватила въ 1901 г. всю Европейскую Россію. Монополія преслѣдовала двоякую цѣль: увеличеніе доходовъ казны путемъ обращенія въ ея пользу прибылей виноторговцевъ и измѣненіе характера потребленія вина русскимъ народомъ,—потребленія крайне неравномѣрнаго, сопровождающагося разгуломъ и пьянствомъ, вредно отражающимися и на самихъ пьющихъ, и на лицахъ, ихъ окружающихъ. Общество идетъ далѣе въ своихъ ожиданіяхъ и надѣется, что изъятіе торговли виномъ изъ рукъ частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ развитіи пьянства, послужитъ къ измѣненію не только характера потребленія алкоголя, но и количества вина, потребляемаго однимъ человѣкомъ. Авторъ изслѣдованія, названнаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки, и задался цѣлью изученія вопроса о томъ, отразилось ли введеніе монополіи и какимъ именно образомъ на народномъ потребленіи алкоголя и какую роль въ произведеніи того или другого эффекта играла данная организація казенной продажи вина. Для достиженія своей цѣли г. Норовъ прежде всего обратился къ литературѣ по данному вопросу, но кромѣ простыхъ, хотя и многочисленныхъ заявленій мѣстныхъ жителей и основанныхъ на этихъ заявленіяхъ заключеній о развитіи уличнаго пьянства и нѣсколькихъ недостаточно обоснованныхъ и не всегда безпристрастныхъ попытокъ статистическаго подтвержденія мысли о такомъ или иномъ вліяніи винной монополіи преимущественно на благосостояніе населенія—онъ не нашелъ здѣсь ничего, что послужило бы исходной точкой для дальнѣйшихъ изысканій. Автору пришлось поэтому начать изслѣдованіе вопроса съ самаго начала, а первымъ шагомъ на этомъ пути должно быть использованіе обширнаго матеріала объ осуществленіи винной монополіи и о расходахъ вина въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ,—матеріала, заключающагося въ ежегодныхъ подробныхъ отчетахъ учрежденія,

вѣдающаго казенную продажу питей, очень рѣдко извлекавшихся оттуда для немногихъ работъ по данному предмету.

Г. Норовъ не излагаетъ общаго плана своей работы, а въ настоящемъ, первомъ выпускѣ ея пытается освѣтить статистически вопросъ о потребленіи вина до и послѣ введенія винной монополіи, въ зависимости отъ промышленнаго характера мѣстности, этнографическаго состава потребителей, экономической обезпеченности населенія и т. п.—насколько достиженіе этой цѣли дозволяется свойствами оффиціальнаго матеріала, находящагося въ его распоряженіи. Десятка полтора страницъ авторъ отводитъ затѣмъ вопросу о томъ, какъ поставлено теперь въ вѣдомствѣ министерства финансовъ участіе общества въ борьбѣ съ пьянствомъ и на какихъ началахъ должно быть построено это участіе для того, чтобы благая цѣль монополіи получила желательное осуществленіе.

Среднее потребленіе вина въ Россіи нѣсколько превышаетъ ½ ведра въ 40% на одну душу въ годъ. Считая въ семьѣ 6 душъ и полагая, что изъ нихъ пьютъ двое, авторъ выводитъ, что на каждаго пьющаго приходится въ среднемъ 825 рюмокъ средней величины въ годъ. При совершенно равномѣрномъ распредѣленіи потребленія въ теченіе года, это составило бы 2½ рюмки въ день. Есть, конечно, лица, употребляющія вино именно такимъ образомъ; но наше крестьянство въ массѣ отличается совершенно другимъ характеромъ потребленія. Крестьянинъ пьетъ при случаяхъ, преимущественно въ праздники. Считая такихъ пивныхъ дней—70 въ году, окажется, что въ одинъ день выпивки крестьянинъ потребляетъ 12 рюмокъ. А если принять во вниманіе, что главное потребленіе въ деревняхъ вина падаетъ на нѣкоторые праздники и моменты жизни крестьянина, вродѣ свадьбы, то нужно будетъ признать, что крестьянинъ потребляетъ вино такимъ образомъ, что оно приноситъ наибольшій вредъ и ему самому, и лицамъ, его окружающимъ. Онъ пьетъ его большими количествами заразъ, сильно пьянѣетъ и въ пьяномъ видѣ совершаетъ всякія безобразія. Недаромъ, изъ общаго числа разсмотрѣнныхъ въ 1885—94 гг. казанскимъ окружнымъ судомъ уголовныхъ дѣлъ 43% приходится на преступленія алкоголиковъ. Въ торгово-промышленныхъ районахъ, какъ извѣстно, потребленіе вина больше, нежели въ земледѣльческихъ. На западной окраинѣ Россіи и въ мѣстностяхъ съ татарскимъ населеніемъ вино расходится въ меньшихъ количествахъ, нежели въ русскихъ губерніяхъ. Особенно невелико потребленіе вина (0,2—0,3 ведра въ годъ) въ непромышленныхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго, затѣмъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ этихъ же районахъ потребленіе вина характеризуется и большей равномѣрностью въ теченіе года.

Что касается монополіи, то отъ нея ожидается прежде всего сокращеніе потребленія вина вслѣдствіе того обстоятельства, что при

этомъ очень уменьшается число мѣстъ продажи вина, ограничивается время торговли виномъ и ослабляется интересъ торговца къ завлеченію покупателей. У насъ, однако, по утвержденію г. Норова, такого послѣдствія введенія казенной продажи вина не замѣчается. Потребленіе вина (по разсчету на душу населенія) во всѣхъ районахъ, гдѣ послѣдовательно вводилась монополія, въ первые годы повысилось, и только въ 1901 г., т.-е. на четвертый—пятый годъ, наблюдается рѣшительное сокращеніе потребленія во всѣхъ районахъ, кромѣ восточнаго, гдѣ казенная продажа вина введена еще въ 1895 г. Это утвержденіе автора подлежитъ, однако, важному ограниченію. На второй, третій и слѣдующіе годы по введеніи казенной продажи вина, потребленіе послѣдняго дѣйствительно возрастаетъ, но въ первый годъ оно, въ большинствѣ случаевъ, рѣзко сокращается. Такъ, въ юго-западномъ районѣ потребленіе вина въ годъ введенія казенной продажи его съ 0,66 ведра упало до 0,47 ведра на душу, въ сѣверо-западномъ районѣ—съ 0,47 до 0,36 ведра, въ привислянскомъ—съ 0,46 до 0,40 ведра на душу, и ни въ одномъ изъ этихъ районовъ несмотря на послѣдующее возрастаніе потребленія, оно не достигло того уровня, на какомъ находилось при свободной продажѣ вина. Въ сѣверномъ районѣ, въ который входитъ и петербургская губернія, введеніе казенной продажи питей почти не отразилось на ихъ потребленіи, а въ районѣ восточномъ потребленіе вина значительно увеличилось.

Потребленіе вина во всей имперіи и въ монопольныхъ ея районахъ уменьшилось, какъ сказано выше, въ 1901 г. Въ монопольныхъ районахъ оно стало уменьшаться, какъ показываетъ авторъ, съ ноября мѣсяца 1900 г.—момента, когда продажная цѣна казеннаго вина съ 7 рублей за ведро поднялась до 7 руб. 60 коп. и когда было ограничено время торговли виномъ. Этими послѣдними обстоятельствами г. Норовъ и объясняетъ фактъ сокращенія потребленія вина. Эта связь явленій (которой, кстати сказать, не придаетъ столь большого значенія отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ) не можетъ быть, къ сожалѣнію, провѣрена данными о не-монопольныхъ губерніяхъ, потому что для нихъ не имѣется свѣдѣній о расходѣ вина по мѣсяцамъ. Что же касается заключеній автора о вліяніи винной монополіи на движеніе народнаго потребленія вина вообще, то при оцѣнкѣ его положеній о ростѣ потребленія вина въ первые годы по введеніи монополіи (исключая начальнаго года, котораго, какъ мы видѣли, г. Норовъ не сравниваетъ съ ему предшествующимъ) и сокращеніи въ концѣ 1900 г. и въ 1901 г.,—не слѣдуетъ упускать изъ виду, что періодъ средины до конца истекшаго десятилѣтія былъ временемъ цвѣтущаго состоянія нашей промышленности, а затѣмъ послѣдняя начала испытывать серьезный кризисъ.

Другимъ благопріятнымъ послѣдствіемъ пониженія цѣнъ на вино г. Норовъ считаетъ констатируемое статистикой измѣненіе потребленія питей въ пользу болѣе слабыхъ напитковъ. Но на казенную продажу авторъ зато возводитъ обвиненіе, что, введя въ мелочную продажу спирты, она способствовала развитію потребленія населеніемъ этого болѣе крѣпкаго и потому болѣе вреднаго изъ питей. Вводя казенную продажу вина, министерство финансовъ имѣло между прочимъ въ виду достиженіе большей равномѣрности и развитіе домашняго потребленія водки. Согласно разсчетамъ г. Норова, потребленіе вина по мѣсяцамъ сдѣлалось, дѣйствительно, нѣсколько болѣе равномѣрнымъ; что же касается развитія домашняго потребленія—таковое замѣчается лишь съ 1901 г., и это явленіе авторъ ставитъ въ связь съ ограниченіемъ времени торговли виномъ, введеннымъ съ конца 1900 г. „Чѣмъ меньше времени открыты питейныя заведенія, тѣмъ, конечно, больше вина будетъ выпиваться дома, а не въ трактирахъ или на улицахъ передъ казенными лавками“. Достиженію цѣлей развитія домашняго потребленія вина и сокращенію пьянства противодѣйствуетъ, однако, широкое распространеніе въ монопольныхъ губерніяхъ тайной продажи вина, которая, по мнѣнію г. Норова, не встрѣчаетъ такого противодѣйствія, какого она заслуживаетъ, потому что контролеры, замѣнившіе прежнихъ надсмотрщиковъ, принадлежа къ лицамъ съ высшимъ образованіемъ, стѣсняются прибѣгать для обнаруженія нарушеній къ сыску и выслѣживанію,—что судебныя власти снисходительно относятся къ нарушителямъ и что то же слѣдуетъ сказать о многихъ чинахъ акцизнаго надзора, полагающихъ, что хотя тайные торговцы и нарушаютъ законъ, зато они продаютъ казенное вино и увеличиваютъ такимъ образомъ доходы монополіи. Развитію тайной торговли виномъ содѣйствуетъ, по мнѣнію г. Норова, и „изъ рукъ вонъ плохо“ организованная питейная торговля при монополіи. Подробности этой организаціи на мѣстахъ зависѣли отъ личнаго усмотрѣнія ближайшаго начальства, которое далеко не всегда сообразовалось съ привычками и потребностями населенія. „Мы рѣшили игнорировать вѣками воспитанныя народныя привычки, разсчитывали циркулярами произвести ломку народныхъ устоевъ, а жизнь показала, что она сильнѣе чиновничьихъ ухищреній“. Для постановки дѣла винной монополіи на практическое основаніе, при которомъ она можетъ принести наибольшую пользу, слѣдуетъ привлечь къ активному участію въ организаціи питейной торговли и въ борьбѣ съ пьянствомъ мѣстныя общественныя силы вообще и муниципальныя учрежденія въ частности. Таково окончательное заключеніе автора.—В. В.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авиновъ, Н. Н.—Графъ М. А. Корфъ и земская реформа. М. 904.

Бальмонтъ, К.—Литургія красоты. Стихійные гимны. М. 905. Ц. 2 р.

Бузескулъ, В.—Профессоръ М. М. Лунинъ, „харьковскій Грановскій". Къ 100-лѣтію Харьк. Университета. Спб. 905.

Бехтеревъ, В.—Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. 1-й. Спб. 905.

Вильде, Н.—Стихи. Тифл. 903. Ц. 1 р.

Владиміровъ, Л. Е.—Правовое творчество. Вступительная лекція. М. 903.

Евреиновъ, Г. А.—Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и народное представительство. Спб. 905. Ц. 60 к.

Зеленинъ, Д. — Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи. Спб. 905.

——— Народныя присловья и анекдоты о русскихъ жителяхъ Вятской губерніи. Вят. 904.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга Исторіи среднихъ вѣковъ. Спб. 905. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Кесторовскій, П. А.—Бессарабскіе русины. Истор.-этногр. очеркъ. Варш. 905. Ц. 1 р.

Колобаевъ, В. П.—Забастовка и заработная плата. Харьк. 905. Ц. 10 к.

Коваленскій, М.—Старая и новая Японія. М. 904. Ц. 35 к.

Клочковъ, М.—Земскіе соборы въ старину. Спб. 905. Ц. 15 к.

Кунцевичъ, Г. З.—Исторія о Казанскомъ царствѣ, или Казанскій лѣтописецъ. Спб. 905.

Лаппо, Д. Е.—Общественное управленіе минусинскихъ инородцевъ. Томскъ, 904.

Манасеинъ, И.—Коренное недоразумѣніе въ вопросѣ объ охтенскомъ мостѣ. Съ приложеніемъ. Спб. 905.

Малиновскій, І.—Университетъ въ сочиненіяхъ Чехова. Томскъ, 904. Цѣна 25 коп.

——— Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Томскъ, 905. Ц. 75 к.

Павловъ, проф. А. П. — Реформа средняго образованія. М. 905. Ц. 25 к.

Пестржецкій, Д.—О преподаваніи узаконеній о крестьянахъ. Спб. 905.

Потебня, А. А.—Изъ записокъ по теоріи словесности. Харьк. 905. Цѣна 4 р. 30 к.

Рачинскій, Н. И., проф.—Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 40 к.

Русскій.—Думы и Пѣсни. М. 905.

Соловьева, П. (Allegro).—Иней. Рисунки и стихи. Спб. 905.

Сер... Сир...—Ночныя бабочки. Разсказы и очерки. М. 905. Ц. 50 к.

С—вицкій, К. К.—О свободѣ воли. Психо-соціологическій этюдъ. Спб. 905.

Страдомскій, Н. Ф.—Города и Земство. Къ вопросу объ урегулированіи ихъ взаимныхъ отношеній. Кіевъ, 905.

Хвольсонъ, О. Д. — Курсъ физики. Т. III. Ученіе о теплотѣ. Изд. 2-е. Съ 228 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Ц. 5 р.

Чирьевъ, проф. С. И.—Проекты преобразованія нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 905. Ц. 20 к.

Шарановъ, Сергѣй.—Опытъ русской политической программы: I. Самодержавіе и самоуправленіе. II. Сущность бюрократизма (переписка С. Шарапова съ кн. В. Мещерскимъ). М. 905.

Штукенбергъ, А. — Кораллы и мшанки нижняго отдѣла среднерусскаго каменноугольнаго известняка. Съ 9 табл. Спб. 905. Труды Геологическаго Комитета, вып. 14.

Щукинъ, П. И., собр. и изд.—Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года. Ч. IX. М. 905. (Напечатано 200 экземпляровъ).

Эйгесъ, В.—Критика феноменализма. Брянскъ, 905. Ц. 85 к.

Эндрусъ, В.—Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 г.г. и до нашихъ дней. Съ англ. Е. А. Гурвичъ. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Melnikow, Nicolas.—Der russisch-japonische Krieg und Solowjew's „Kurze Erzählung über den Antichristen". Berl. 905. Pr. Mk. 1.60.

Mollen, B.—Le Mexique hier et aujourdhui. 1876—1904. Mexico, 904.

Voïnow, I. E. — La question Macédonienne et les Réformes en Turquie. Par. 905.

— Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ, 904.

— Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1901—2 годъ. Херс. 905.

— Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьянъ Олонецкой губерніи. Иллюстр. изданіе. Петроз. 905.

— Отчетъ о дѣятельности общества Взаимнаго Вспоможенія при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ за 1904 г. IX-ый годъ. М. 905.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1902 годъ. Спб. 904.

— Памяти проф. А. И. Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ и т. п. Харьк. 905. Ц. 1 р. 30 к.

— Памяти проф. И. Н. Миклошевскаго. Сборникъ рѣчей, некрологовъ и т. д. Харьк. 905. Ц. 50 к.

— „Проблемы психологіи". Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. 1, п. р. О. Гольдевскаго, В. Потемкина и И. Холчева.

— Программы домашняго чтенія на 1-ый годъ систематическаго курса. Изд. 7-ое. М. 905. Ц. 35 к.

— Русскій Музей имп. Александра III. Живопись и Скульптура. Т. I: А—Н; т. II: О—Ѳ. Спб. 904.

— Сборникъ: На сибирскія темы. П. р. М. Соболева. Спб. 905.

— Современная Библіотека: 1) Брунъ, Японская конституція. Ц. 10 к. 2) Вандервельдъ, Э., Экономическіе факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народъ. Ц. 10 к. 3) Кольверъ, Р., Міровое хозяйство къ началу XX вѣка. Ц. 10 к. 4) Шлезингеръ, Женщина къ началу XX вѣка. Ц. 20 к. 5) Келлесъ-Краузъ, Соціологія къ началу XX в. 6) Блашко, Проституція начала XX вѣка. 7) Зиммель, Контъ и современная эстетика. Ц. 10 к. 8) Цигенъ, Мозгъ и душа. Ц. 10 к. 9) Килландъ, Новеллы. Ц. 10 к. М. 904.

— Статистическія данныя за 1903 — 04 г. о дѣтяхъ, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, учрежденныхъ Московскою Городскою Думою. М. 905.

— Четвертый годъ дѣятельности Спб. Комитета содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи „Маякъ". Спб. 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Léon Frapié. La Maternelle. Стр. 305. Paris, 1904. (Librairie Universelle).

Во Франціи развился особый родъ литературы,—мемуаровъ, составленіемъ которыхъ занимаются самые талантливые писатели. Цѣль этихъ мемуаровъ въ большинствѣ случаевъ обличительная; они направлены на изображеніе отрицательныхъ сторонъ современной дѣйствительности и рисуютъ буржуазную Францію въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Для большей убѣдительности, они ведутся отъ имени заинтересованныхъ лицъ, непосредственныхъ жертвъ обличаемаго зла. Искусство автора заключается въ умѣніи слиться съ лицомъ, отъ имени котораго онъ пишетъ, такъ чтобы получалась иллюзія дѣйствительныхъ автобіографическихъ записокъ. Многимъ это удается. Во главѣ этихъ новѣйшихъ „поддѣлывателей" стоитъ Анатоль Франсъ съ его неподражаемыми возсозданіями XVIII-го вѣка, также какъ современной дѣйствительности, съ его старинными аббатами и современными профессорами. Литературной поддѣлкой являются и нѣкоторыя произведенія эстета Пьера Люиса—его пѣсни греческой куртизанки Билитисъ, изданныя съ ученымъ предисловіемъ, которое даже ввело въ заблужденіе какого-то нѣмецкаго профессора. Но задача Люиса была чисто художественная, между тѣмъ какъ большинство другихъ поддѣльныхъ мемуаровъ преслѣдуетъ общественныя цѣли; таковъ, напримѣръ, имѣвшій большой успѣхъ „Дневникъ горничной" (Le journal d'une femme de chambre) Октава Мирбо; въ немъ безнадежное мѣщанство зажиточныхъ французскихъ семей ярко выступаетъ въ откровенныхъ описаніяхъ горничной, надѣленной насмѣшливымъ и наблюдательнымъ умомъ парижскаго простонародья. Переодѣвшись въ костюмъ субретки, Октавъ Мирбо слишкомъ уменъ, въ особенности же слишкомъ склоненъ къ философскимъ выводамъ для своего костюма; но бытовая сторона жизни горничной, ея столкновеній съ уродствомъ интимной жизни своихъ господъ, возсоздана такъ искусно, что получается полная иллюзія. Въ горничную Мирбо читатель вѣритъ такъ же, какъ онъ вѣритъ въ героя другого изъ новѣйшихъ обличительныхъ романовъ,—въ сумасшедшаго, дневникъ котораго при-

водится въ „Вражьей силѣ“ (Force Ennemie) Но. Реальная дѣйствительность, жизнь въ психіатрической больницѣ, искусно переплетена въ этомъ романѣ съ бредомъ, за которымъ таится своя философская правда, такъ что психологія безумца, его внутреннія и внѣшнія переживанія, кажутся чѣмъ-то вполнѣ возможнымъ и дѣйствительнымъ.

Такое же впечатлѣніе подлинности получается отъ новой книги Леона Фрапье „La Maternelle“. Это—вторая книга (послѣ „Вражьей силы“), получившая премію академіи Гонкуровъ, и по своему обличительному характеру напоминаетъ романъ Но. Видимо, академія Гонкуровъ преслѣдуетъ общественныя цѣли, останавливаясь всегда въ своемъ выборѣ на произведеніяхъ не чисто литературныхъ, а задѣвающихъ вопросы объ устроеніи общественной жизни. Во „Вражьей силѣ“ рѣчь шла о неудовлетворительности психіатрическихъ лечебницъ; въ „Maternelle“ описывается дѣтскій пріютъ и положеніе служебнаго и учебнаго персонала. Книга написана отъ лица школьной служанки, въ обязанность которой входитъ забота объ опрятности школы и дѣтей. Служанка эта, впрочемъ, очень оригинальная. Она прошла университетскій курсъ, имѣетъ дипломъ licenciée ès lettres и привыкла къ умственному труду. Она занималась науками не изъ практическихъ цѣлей, а по внутреннему тяготѣнію къ нимъ,—но насталъ моментъ, когда пришлось искать практическаго примѣненія своихъ знаній. Отецъ дѣвушки разорился и умеръ, любовь жениха „не пережила потери приданаго дѣвушки“, и она очутилась круглой сиротой на попеченіи дяди, стараго военнаго, который прежде возмущался ея эмансипаціей, ея университетскимъ дипломомъ. Теперь онъ же старается воспользоваться своими связями, чтобы добыть племянницѣ какое-нибудь преподавательское мѣсто. Но тутъ-то и начинаются мытарства. Всѣ соотвѣтствующія мѣста заняты, а для мѣста простой городской учительницы нуженъ цензъ болѣе низкій, такъ называемый brevet supérieur. Ждать полгода до срока экзаменовъ молодая дѣвушка не имѣетъ возможности, и потому ищетъ другого занятія. Оказывается свободнымъ мѣсто служанки въ дневномъ пріютѣ для дѣтей, въ такъ называемой école maternelle, и послѣ долгихъ стараній, тщательно скрывъ свою образованность, молодая дѣвушка съ университетскимъ дипломомъ достигаетъ своей цѣли. Она поступаетъ въ пріютъ и получаетъ синій передникъ и половую щетку—аттрибуты своихъ новыхъ обязанностей.

Уже эта біографія дѣвушки, отъ имени которой ведутся записки о пріютѣ, указываетъ на сатирическія намѣренія автора. Онъ рисуетъ ненормальное положеніе дѣвушки въ французскомъ обществѣ: замужество связано съ вопросомъ о приданомъ, а всякая профессіональная дѣятельность затруднена огромной конкурренціей, такъ

что дѣвушка съ ученымъ дипломомъ можетъ очутиться въ роли чернорабочей.

Для героини повѣсти Леона Франье, превращеніе въ служанку Розу пріобрѣтаетъ особый интересъ, давая ей матеріалъ для изученія чрезвычайно интересныхъ и существенныхъ для общественной жизни вопросовъ: о школѣ, о воспитаніи дѣтей рабочаго класса, о тѣхъ вліяніяхъ, среди которыхъ готовятся къ жизни мальчики и дѣвочки въ бѣдныхъ парижскихъ кварталахъ. Это и составляетъ главный интересъ книги. Личная жизнь героини сплетается съ ея наблюденіями и отражаетъ тоже простую житейскую правду, захватывающую откровенностью грустныхъ признаній. Роза тоскуетъ о личномъ счастьи, почти недостижимомъ для бѣдной дѣвушки, живущей тяжелымъ самостоятельнымъ трудомъ, и въ ея то нѣжномъ, то нервновозбужденномъ уходѣ за дѣтьми ясно чувствуется и для нея самой инстинктъ неудовлетвореннаго материнства. Но личное счастье въ концѣ концовъ входитъ въ ея жизнь. Среди записей о школьныхъ дѣлахъ она упоминаетъ объ инспекторѣ, который часто является въ школу. Онъ сначала относится къ Розѣ недоброжелательно, такъ какъ на ея мѣсто онъ прочилъ какую-то свою знакомую, но постепенно примиряется съ нею, присматривается къ ней, сразу чувствуя что-то необычайное въ новой служанкѣ. Она тоже заинтересована имъ, и когда тайна обнаруживается, Роза становится невѣстой инспектора; она оставляетъ свои школьныя занятія съ тяжкимъ сознаніемъ непроизводительности потраченнаго ею на школу труда. Психологія Розы, подробности ея жизни въ школѣ и дома, въ своей одинокой комнатѣ, изображены въ книгѣ Франье съ большой убѣдительностью,—иллюзія получается полная, именно благодаря психологической разработкѣ отношеній Розы къ ея школьнымъ обязанностямъ и къ дѣтямъ, за которыми она наблюдаетъ не холодно, а со сложнымъ чувствомъ жалости и зависти.

Въ „Maternelle“ описываются несомнѣнныя благодѣянія такого рода школы, избавляющей матерей отъ заботъ о дѣтяхъ въ рабочіе часы. Но на ряду съ свѣтлыми сторонами школы—или вѣрнѣе пріюта, такъ какъ въ „Maternelle“ дѣти поступаютъ до школьнаго возраста, отъ двухъ лѣтъ до семи,—авторъ указываетъ на неудовлетворительность педагогическихъ пріемовъ, практикуемыхъ учительницами и воспитательницами. Главная цѣль книги заключается въ наглядномъ противопоставленіи условій школьнаго воспитанія и того, что нужно собраннымъ въ школѣ дѣтямъ. Первыя впечатлѣнія новой служанки—скорѣя благопріятныя: ее поражаетъ упорядоченность занятій, власть, достигаемая нѣсколькими женщинами — директрисой и ея двумя помощницами — надъ цѣлой толпой маленькихъ дѣтей. Въ описаніяхъ

школьнаго дня, въ которомъ каждая четверть часа имѣетъ свое назначеніе, отражается дѣйствительно особаго рода практичность, являющаяся результатомъ большой внѣшней культурности. Эта черта особенно должна броситься въ глаза русскимъ читателямъ. Трудно себѣ представить въ другой, менѣе культурной странѣ, такую регламентацію работы даже простой служанки, каковою дѣлается Роза. Она беретъ на себя всю черную работу, уборку школы, и физическій уходъ за дѣтьми, но все это такъ интеллигентно распредѣлено и такъ сведено къ опредѣленному исполненію опредѣленныхъ обязанностей, что всякая унизительность черной работы исчезаетъ.

Служанкой въ школѣ не помыкаютъ, она не зависитъ отъ командованія директрисы и помощницъ, а работаетъ рядомъ съ ними, сознательно и самостоятельно дѣлая свое дѣло. Получается согласное функціонированіе живого культурнаго учрежденія безъ тѣни произвола. Въ такихъ условіяхъ образованная дѣвушка можетъ взять на себя черную работу, не чувствуя ни малѣйшаго униженія. Съ этой стороны устройство пріюта—образцовое. Отношеніе къ дѣтямъ тоже прекрасное. Авторъ книги изучаетъ идеальную въ своемъ родѣ школу, направляя свою критику, такимъ образомъ, не противъ случайныхъ уклоненій отъ принципа учрежденія, а противъ коренныхъ недостатковъ. Школа, описываемая въ книгѣ Фрапье, представлена директрисой, дѣйствительно любящей дѣтей; ея двѣ помощницы тоже кладутъ всѣ свои силы и все свое педагогическое знаніе и умѣніе на добросовѣстное исполненіе долга. Если же при этихъ благопріятныхъ условіяхъ школа, въ которой дѣти бѣдняковъ получаютъ свои первыя понятія о жизни и первое воспитаніе, вызываетъ печальныя размышленія, то дѣло—въ коренномъ несоотвѣтствіи педагогическихъ правилъ и запросовъ жизни. Школѣ, съ ея строгой и спокойной дисциплиной, авторъ „Maternelle“ противопоставляетъ толпу дѣтей, на которую направлены заботы школьнаго персонала. Когда Роза впервые присутствуетъ при началѣ занятій, ее поражаетъ жалкій видъ дѣтей уже въ этомъ возрастѣ отъ двухъ лѣтъ до семи. Всѣ они составляютъ какъ бы обособленную расу, утомленную, нищенскую, болѣзненную. На всѣхъ дѣтяхъ лежатъ отпечатокъ переутомленности ихъ родителей и неизгладимая печать нищеты, которая кажется какъ бы заразительной болѣзнью, передающейся отъ одного поколѣнія къ другому. Главная цѣль школы—дисциплинировать эту толпу. Нужно, чтобы сто-двѣсти дѣтей превратились въ школьниковъ, въ группу, управляемую своими законами. Торжество школы—въ томъ, что это достигается,—конечно, самыми разнообразными средствами: и добротой, и строгостью, и безпрестаннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же приказаній, и очень сложной системой наказаній и поощреній. Роза съ удивленіемъ наблю-

даетъ за быстрымъ развитіемъ школьнаго духа дисциплины, видитъ, какъ двухлѣтнія малютки слушаются сигнала. Она видитъ, до чего открыта всякимъ вліяніямъ душа ребенка, и это ее наполняетъ ужасомъ передъ отвѣтственной ролью школы: „Мое впечатлѣніе все болѣе и болѣе опредѣляется, — говоритъ она:—въ этихъ дѣтскихъ душахъ нѣтъ ничего установившагося — ни добраго, ни дурного; все возможно для нихъ... Но, въ такомъ случаѣ, какъ велика отвѣтственность! Дѣти поступаютъ сюда съ двухъ лѣтъ, и большинство изъ нихъ попадаетъ изъ яслей, гдѣ они росли съ самаго рожденія. Общество очень предусмотрительно и великодушно беретъ на себя это обязательство. Человѣчество множится—вотъ его созданія. Воспитывая эти новыя поколѣнія, общество трудится для себя".

Роза подробно описываетъ школьные уроки, также какъ игры и занятія въ свободное время. Она показываетъ, какъ школа развиваетъ равенство, какъ столкновенія различныхъ характеровъ приводятъ къ взаимному уравновѣшенію, говоритъ съ похвалой о разныхъ педагогическихъ пріемахъ, о томъ, напримѣръ, какъ опытная воспитательница умѣетъ сразу превратить толпу ссорящихся, капризныхъ и нервно разстроенныхъ отъ нищеты, отъ холода и лишеній дѣтей—въ стройный хоръ, поющій веселую пѣсню. Это уже несомнѣнное торжество педагогическаго искусства, но для Розы, т.-е. для автора, который говоритъ отъ ея имени, еще большой вопросъ въ томъ, полезно ли для дѣтей это торжество школьнаго духа? Она говоритъ о школьныхъ типахъ, утверждая, что тамъ, гдѣ собрано шестьдесятъ дѣтей или болѣе, непремѣнно выдѣляются нѣсколько опредѣленныхъ типовъ; остальные же группируются около нихъ, представляя тѣ же особенности только въ менѣе яркомъ видѣ. Въ своей школѣ она наблюдаетъ нѣсколько чисто парижскихъ типовъ: Бонвало—несомнѣнный будущій „pale voyou", съ подозрительнымъ лицомъ, со старческимъ выраженіемъ зловѣщихъ чертъ и наглыхъ глазъ, съ постоянной злой усмѣшкой на губахъ. Это лицо, навѣрное, въ будущемъ попадетъ на страницы иллюстрированныхъ журналовъ, какъ портретъ убійцы или жертвы убійства. И ему учительница средняго класса, педагогичка, кончившая „Ecole Normale", читаетъ курсъ морали. Другой, Жилонъ,—хитрый интриганъ, науськивающій дѣтей другъ на друга, ябедникъ, хвастливый и глупый—будущій мелкій чиновникъ, злоупотребляющій своей минимальной властью. Среди дѣвочекъ Роза тоже видитъ нѣсколько ясно опредѣлившихся типовъ: одна изъ ученицъ— будущая смиренная и покорная труженица, въ другой—заранѣе чувствуется прирожденная, неисправимая порочность. Она рисуетъ еще нѣсколько другихъ типовъ, показываетъ, какъ инстинкты дѣтей обнаруживаются въ школьной жизни, и задается вопросомъ, что можетъ

сдѣлать для нихъ школа? И тутъ ей открывается коренной недостатокъ школы: въ школѣ можно проповѣдывать только коллективныя правила нравственности, между тѣмъ какъ психологія каждаго отдѣльнаго ребенка требуетъ совершенно особаго отношенія. Чѣмъ больше Роза наблюдаетъ за дѣтьми, освоившись съ характеромъ и особенностями каждаго изъ нихъ, тѣмъ болѣе выясняется для нея условность школьнаго воспитанія. Она начинаетъ думать, что благодѣянія школы—только теоретическія и кажущіяся, и что все преподаваніе основано на величайшей ошибкѣ.

Оно не принимаетъ во вниманіе реальной дѣйствительности и основывается на условныхъ понятіяхъ. Такъ, напр., директриса и учительницы постоянно повторяютъ дѣтямъ въ присутствіи Розы обычныя правила о послушаніи родителямъ и слѣдованіи ихъ примѣру. А служанка Роза знаетъ этихъ родителей, видитъ и разговариваетъ съ матерями, когда онѣ приходятъ за своими дѣтьми, знаетъ, что дѣти сопровождаютъ ихъ часто въ кабакъ, присутствуютъ при домашнихъ дракахъ, видятъ всю безпорядочность неправильныхъ семей, смѣняющихся друзей своихъ матерей. А въ школѣ имъ говорятъ о какихъ-то выдуманныхъ мудрыхъ родителяхъ, примѣру которыхъ имъ предлагаютъ слѣдовать. Дѣти не могутъ не видѣть полнаго несоотвѣтствія между преподаваемой имъ въ школѣ моралью и своей дѣйствительной домашней обстановкой—и потому, уже съ самаго ранняго возраста, пропитываются ложью. Розу приводитъ въ ужасъ эта ложь, идущая прямо въ разрѣзъ съ задачами школы. Школьная мораль, которая совершенно не считается съ дѣйствительностью, учитъ также дѣтей, что главное—это аккуратность. Нужно, чтобы въ домѣ все было на своемъ мѣстѣ. Для того, чтобы преподать имъ эту истину, учительница разсказываетъ цѣлую исторію про благонравную Лизу, у которой всѣ предметы въ ея хорошенькой маленькой комнаткѣ, всѣ игрушки, всѣ ленточки и передники на мѣстѣ,—такъ что, отправляясь въ школу, она все находитъ подъ рукой. И это говорится въ назиданіе дѣвочкѣ, мать которой—швея, которой платятъ по 30 сантимовъ за сотню пришитыхъ къ рубашкамъ ленточекъ. Отводя къ ней ея дѣвочку, — швея не могла за ней придти, боясь оторваться отъ работы, — Роза попадаетъ въ нищенскую обстановку. Какой ироніей должна была звучать поучительная сказка для дѣвочки, привыкшей къ виду труженицы - матери! Роза убѣждается въ пагубности всего условнаго — особенно въ воспитаніи дѣтей. Педагогическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы преподавать дѣтямъ мораль по поводу разныхъ жизненныхъ обстоятельствъ,—но она не имѣетъ въ виду разницы между самими дѣтьми и невозможности примѣнять одни и тѣ же правила ко всѣмъ дѣтямъ.

Другую большую ошибку школьнаго воспитанія Роза видитъ въ преподаваніи пассивныхъ добродѣтелей. Вмѣсто того, чтобы воспитывать въ дѣтяхъ энергію, ихъ учатъ смиренію, говорятъ имъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ честолюбія, любознательности. Въ книгѣ приводятся два дѣтскихъ разсказа, очень характерныхъ по своей условной и искусственной морали. Каковы слѣдствія такого систематическаго убиванія личности въ маленькихъ дѣтяхъ? Роза сводитъ свои наблюденія за годъ надъ дѣтьми, которыхъ она считаетъ наиболѣе типичными для ихъ возраста. „Я замѣчаю,—говоритъ она,—въ нихъ большую податливость, дисциплинировку, механичность; группы дѣтей въ большомъ порядкѣ направляются къ завтраку или гулять на дворъ. Великолѣпные уроки о пагубности живости, безудержности и шумливости, повидимому, принесли плоды... Ужъ не въ томъ ли главная цѣль школы, чтобы сдѣлать нравственную и физическую убогость болѣе смиренной, вѣжливой, примиренной? Это очень удобно съ извѣстной точки зрѣнія... Но вѣдь я думала, что слѣдуетъ развивать, поднимать духъ, вооружать для жизни этихъ обездоленныхъ дѣтей, а не пріучать ихъ къ однообразной, приниженной жизни“...

Въ этомъ—главный упрекъ, который авторъ „Maternelle“ дѣлаетъ школѣ. Она слишкомъ рутинна и не ведетъ впередъ; она подгоняетъ новыя поколѣнія подъ нравственные принципы старыхъ, и не отходитъ отъ самыхъ условныхъ педагогическихъ принциповъ. Авторъ книги считаетъ это виной школы передъ обществомъ. Онъ отмѣчаетъ, до чего податливы дѣти вліянію въ этотъ нѣжный возрастъ, и говоритъ, что теперешними педагогическими принципами достигаются только отрицательные результаты. Всѣ врожденные инстинкты остаются въ силѣ, вліяніе домашней обстановки остается нетронутымъ, потому что уроки, которые внушаютъ дѣтямъ, совершенно условны и ничего общаго съ дѣйствительной жизнью не имѣютъ. А то, чего школа дѣйствительно достигаетъ, т.-е. дисциплинировка дѣтской воли, подлаживаніе личныхъ желаній подъ общій уровень, приводитъ скорѣе къ нежелательнымъ результатамъ.

Эти разсужденія пріобрѣтаютъ большую убѣдительность тѣмъ, что высказываются не теоретически, а въ связи съ очень живымъ и яснымъ изображеніемъ школьной жизни и чувствъ наблюдающей за школой дѣвушки. Большая любовь къ дѣтямъ, къ развивающемуся человѣчеству, жажда направить его на путь истины, искренній протестъ противъ условности и лжи въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дѣтское воспитаніе, придаютъ большой интересъ книгѣ Фрапье. Въ литературномъ отношеніи она очень интересна, прекрасно передаетъ весь міръ дѣтскихъ интересовъ, также какъ и жизнь въ рабочихъ кварта-

лахъ, грубый, но живописный въ своей откровенности языкъ рабочихъ, и всю атмосферу рабочаго квартала.

II.

Anatole France. Sur la Pierre Blanche. Стр. 320. Paris, 1905, C. Lévy, édit.

Новая книга Анатоля Франса написана въ манерѣ его прежнихъ философскихъ бесѣдъ, въ которыхъ вымыселъ переплетается съ изложеніемъ фактовъ дѣйствительной жизни, разсужденія объ историческомъ прошломъ человѣчества—съ мыслями о текущихъ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Книга носитъ заглавіе „На бѣломъ камнѣ". — „Ты точно спалъ на бѣломъ камнѣ среди міра сновидѣній",—гласитъ эпиграфъ къ книгѣ, и съ тѣми же словами обращается одно изъ выведенныхъ въ діалогахъ лицъ къ другому, разсказавшему приснившееся ему видѣніе будущаго человѣчества. Вся книга—рядъ гаданій о будущемъ, написанныхъ со свойственной Франсу скептической улыбкой философа, для котораго всѣ мысли, всѣ вѣрованія равноцѣнны, поскольку въ нихъ проявляется искреннее душевное переживаніе. Самый замыселъ книги проникнутъ тонкой ироніей,—предсказанія древнихъ римлянъ относительно возможныхъ судебъ міра противопоставляются гаданіямъ современныхъ людей о скрытомъ для насъ будущемъ. Два параллельныхъ разсказа о римскомъ проконсулѣ Галіонѣ и его прорицаніяхъ и о современномъ парижанинѣ, провидящемъ „европейскіе соединенные штаты" въ грядущихъ вѣкахъ, составляютъ содержаніе книги Франса, изобилующей тонкими и глубокими наблюденіями надъ психологіей мѣняющихся человѣческихъ міросозерцаній. Какъ и въ предыдущихъ своихъ книгахъ того же рода, Анатоль Франсъ создаетъ удачныя рамки для сопоставленія различныхъ міросозерцаній. Новая книга его—не повѣсть, а рядъ бесѣдъ между нѣсколькими людьми. Они собрались въ мѣстѣ, располагающемъ къ бесѣдамъ о судьбахъ міра: въ Римѣ, на раскопкахъ форума. У руководителя раскопками, Джіакомо Бони, сходятся часто нѣсколько друзей французовъ; они слѣдятъ за его работами, выслушиваютъ его археологическія объясненія и толкуютъ о прошломъ Рима, то на самомъ форумѣ, то въ домикѣ Бони, построенномъ подлѣ самаго входа на форумъ—на краю огромнаго рва, вырытаго на мѣстѣ скотопригоннаго рынка и углубленнаго до площади древняго форума. Разсуждая о смыслѣ римской исторіи, собесѣдники отмѣчаютъ практичность римлянъ, одинаково сказывавшуюся въ ихъ политикѣ и въ ихъ утилитарной религіи.

Рѣчь заходитъ затѣмъ о различіи расъ, составлявшихъ населеніе римскихъ земель, и одинъ изъ собесѣдниковъ доказываетъ, что въ дѣйствительности нѣтъ того различія расъ, которое люди искусственно стараются установить. Существуютъ только разновидности одной и той же націи, вполнѣ способные слиться и жить въ союзѣ. Люди только изъ гордости, злобы и жадности выдумали различіе расъ. Въ 1871 году Франція пострадала изъ-за мнимыхъ правъ германской расы,—а германской расы нѣтъ. Антисемиты возбуждаютъ гнѣвъ христіанскихъ народовъ противъ еврейской націи—а таковой вовсе нѣтъ...

Эту нивеллирующую теорію Анатоль Франсъ проводитъ въ историческихъ разсказахъ и бесѣдахъ, составляющихъ содержаніе его книги. Для знающихъ Франса теорія эта не представляетъ ничего новаго. Уже въ своей „Современной Исторіи" онъ доказывалъ, устами своего любимаго героя, профессора Бержере, что нѣтъ различія между исторіей древняго Египта и современнаго Парижа, что народныя движенія, слѣпые поступки черни, фанатизмъ толпы такъ же управляли событіями при одной изъ древнѣйшихъ египетскихъ династій, какъ управляютъ ими при третьей французской республикѣ. Теперь, въ бесѣдахъ „На бѣломъ камнѣ", онъ идетъ дальше, и объединяетъ взгляды на будущее римскаго патриція и современнаго мечтателя о соціалистическомъ государственномъ строѣ. Заблужденія римлянина намъ ясны,—но Франсъ блестяще доказываетъ, что онъ не такъ заблуждался, какъ кажется, и что всѣ неожиданности исторіи—въ строгомъ соотвѣтствіи со всѣмъ предшествующимъ. Въ каждомъ историческомъ моментѣ уже заключенъ смѣняющій его моментъ, и это сказывается даже въ ошибочномъ представленіи данной эпохи о томъ, что желательно и что возможно въ грядущемъ.

Первый разсказъ, или первое гаданіе о будущихъ судьбахъ міра въ книгѣ Анатоля Франса относится къ эпохѣ зарожденія христіанства. Сопоставленіе мыслей и чувствъ язычниковъ съ міросозерцаніемъ первыхъ христіанъ всегда интересовало Анатоля Франса. Лучшіе изъ его прежнихъ разсказовъ написаны именно на эту тему сліянности языческаго и христіанскаго начала, какъ, напр., его „Святой Сатиръ" или „Таиса"—исторія грѣшной язычницы, превзошедшей своей добродѣтелью святого отшельника. Теперь Франсъ возвращается къ той же темѣ, оригинальнымъ образомъ противопоставляя римскаго проконсула въ Коринѳѣ съ апостоломъ Павломъ. Они не бесѣдуютъ другъ съ другомъ, но присутствіе апостола Павла становится нагляднымъ опроверженіемъ мудрствованій проконсула. Авторъ доказываетъ, однако, что противорѣчіе двухъ міровъ, представленныхъ апостоломъ и проконсуломъ—только кажущееся. Разсказъ ведется отъ

имени одного изъ членовъ пріятельскаго кружка, собравшагося въ Римѣ у директора раскопокъ. Онъ читаетъ свой разсказъ подъ заглавіемъ „Галіонъ", составленный на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ изъ „Дѣяній апостоловъ" и дополненный его собственными психологическими догадками и философскими выводами. Въ „Дѣяніяхъ апостоловъ" говорится о томъ, что во время проконсульства въ Ахейѣ Галіона евреи возмутились противъ апостола Павла за то, что онъ смущаетъ людей, идя противъ закона. Они обратились съ жалобой на него къ Галіону, но проконсулъ не пожелалъ вмѣшиваться въ споры о словахъ и ученіяхъ: онъ сказалъ, что не видитъ тутъ никакого злодѣянія и несправедливости, и предоставляетъ спорящимъ рѣшать дѣло самимъ. По выходѣ изъ залы суда, приверженцы апостола стали бить начальника синагоги. Галіонъ предоставилъ имъ дѣйствовать безъ всякаго вмѣшательства съ своей стороны.

Этотъ эпизодъ, разсказанный въ „Дѣяніяхъ апостоловъ", служитъ Анатолю Франсу матеріаломъ для философствованій о судьбѣ міра. Онъ разсказываетъ біографію Галіона, сына Сенеки ритора. Галіонъ— просвѣщенный и гуманный римлянинъ, не допускающій никакихъ жестокостей, мудро управляющій греческой провинціей. Онъ преклоняется передъ остатками эллинской культуры, не нарушаетъ независимости городовъ, относится съ уваженіемъ къ греческому населенію, справедливо судитъ и правитъ еврейскимъ и сирійскимъ населеніемъ своей провинціи. Въ разсказѣ описывается его резиденція въ Коринѳѣ, его роскошный домъ съ великолѣпными садами, украшенными статуями и фонтанами, съ гимнастическими залами, купальнями, библіотеками и алтарями богамъ. Центръ разсказа составляетъ бесѣда въ этой прекрасной обстановкѣ между проконсуломъ и его братомъ Аннеемъ Мелой, тоже историческимъ лицомъ, отцомъ поэта Лукана. Къ нимъ присоединяются два молодыхъ просвѣщенныхъ римлянина, Луцій Кассій и Маркъ Лолій, а также греческій философъ Аполлодоръ. Они говорятъ о прошломъ Греціи и о благодѣяніяхъ, которыя Римъ оказываетъ человѣчеству, распространяя всюду миръ, избавляя моря и земли отъ грабителей, водворяя всюду справедливость. Главный защитникъ Рима и его могущества—самъ Галіонъ, и его поддерживаетъ его братъ, менѣе заинтересованный политической властью Рима, но преклоняющійся передъ обаяніемъ, которое имена Рима и Цезаря имѣютъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ имперіи. Всѣ собесѣдники сходятся на похвалахъ Риму, причемъ гражданскія добродѣтели и нравственное совершенство ставятъ выше духовнаго творчества, предпочитая истинныхъ гражданъ истиннымъ художникамъ. Въ разсужденіяхъ проконсула и его брата сказывается стоическая философія Се-

неки, а двое молодыхъ римлянъ, тоже воспитанныхъ въ этомъ духѣ, жалѣютъ о древнихъ римскихъ добродѣтеляхъ, исчезающихъ среди изнѣженности современной имъ эпохи. Галіонъ утѣшаетъ ихъ надеждами на воцареніе молодого Нерона, ученика его брата, Сенеки. Онъ говоритъ, что по всѣмъ видимостямъ Неронъ будетъ справедливымъ и просвѣщеннымъ властителемъ, съ душой, открытой для жалости къ людямъ, и съ умомъ, открытымъ для знаній и искусства. Онъ предвидитъ начало счастливыхъ временъ для человѣчества и, вступивъ на путь пророчествъ, предсказываетъ вѣчность Риму,—а это означаетъ для него наступленіе вѣчнаго мира на землѣ. Кончатся навсегда войны,—предсказываетъ онъ,—и люди будутъ стремиться не къ побѣдѣ другъ надъ другомъ, а къ побѣдѣ надъ собой, будутъ направлять всѣ свои силы на внутреннее совершенствованіе. Отъ будущности Рима разговоръ переходитъ къ вопросу о богахъ, и трезвый государственникъ Галіонъ отстаиваетъ желѣзный законъ необходимости, лежащій въ основѣ божественнаго начала. Его позитивный и практическій взглядъ на религію вызываетъ возраженіе грека Апполодора, который вѣритъ въ одухотворенность хаоса, вѣчное движеніе котораго порождаетъ міръ. Галіонъ не опровергаетъ Аполлодора, считая своимъ главнымъ достоинствомъ полную терпимость относительно разнообразныхъ вѣрованій. Пусть образуются какія угодно секты, пусть люди поклоняются Юпитеру подъ какими угодно именами, потому что стоитъ провозгласить правоту единаго названія Юпитера, чтобы кровь залила всю землю. Нужно,—говоритъ искушенный въ государственныхъ дѣлахъ римлянинъ, — основывать общественный строй на свободѣ мнѣній, а не на требованіи отъ всѣхъ единой вѣры. Этотъ трезвый индифферентизмъ вызываетъ у присутствующихъ молодыхъ римлянъ опасеніе за судьбы родины: только въ строгомъ соблюденіи римскихъ религіозныхъ традицій они видятъ источникъ могущества Рима и твердости его добродѣтелей. Всѣ они соглашаются на томъ, что религія важна своей этической стороной и что только добродѣтель безсмертна. Вопросъ о безсмертіи ведетъ къ разсужденію о природѣ боговъ, и грекъ Апполодоръ отрицаетъ вѣчность власти боговъ надъ міромъ, приводя въ доказательство смѣну поколѣній боговъ. Царство Юпитера должно окончиться, какъ царство Сатурна. Галіонъ согласенъ съ грекомъ и, опять переходя на путь пророчествъ, утверждаетъ, что можетъ назвать преемника Юпитера. Онъ не успѣваетъ закончить своего прорицанія, потому что его зовутъ въ судъ рѣшать дѣло, съ которымъ пришли къ нему два еврея изъ низшаго класса. Дѣло, какъ докладываетъ судейскій служитель, очень мелкое: споритъ начальникъ синагоги съ человѣкомъ изъ Тарса, ко-

торый проповѣдуетъ каждую субботу въ синагогѣ противъ еврейскаго закона. Чтобы прекратить его зловредныя проповѣди, начальникъ синагоги и обращается къ проконсулу. Дѣло пустяшное, и друзья Галіона совѣтуютъ ему не отдавать своего времени на разрѣшеніе мелкихъ ссоръ среди мѣстнаго населенія. Но Галіонъ добросовѣстенъ въ исполненіи своего долга, и рѣшаетъ идти въ судъ. Онъ дѣлаетъ это еще потому, что считаетъ своей обязанностью наблюдать за еврейскимъ населеніемъ Коринѳа, боясь, что отъ нихъ произойдетъ еще много зла въ будущемъ для Рима.

Онъ говоритъ съ презрѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какой-то тревогой о сектахъ, возникающихъ среди этого нищенскаго населенія не только въ Коринѳѣ, но и въ бѣдныхъ кварталахъ Рима, о послѣдователяхъ нѣкоего Христоса, и о томъ, что они распространяютъ свою ересь въ ущербъ римскому вліянію. Галіонъ говоритъ о принципахъ юдаизма, о поклоненіи единому Богу, и видитъ опасность ихъ вѣры въ томъ, что она исключаетъ всѣ другія. Собравшіеся въ саду Галіона язычники всѣ одинаково возстаютъ противъ ереси единаго Бога, какъ совершенно несовмѣстимой со всѣмъ складомъ ихъ жизни и съ ихъ практической религіей, придумавшей охрану для всѣхъ функцій общественной и частной жизни. Молодые римляне жалуются въ особенности на забвеніе древнихъ римскихъ добродѣтелей, связанныхъ съ религіозными обрядами, и выражаютъ опасеніе о возможности покоренія Рима ересью единобожія. Галіонъ уходитъ въ судъ, а братъ его и друзья, направляясь вслѣдъ за нимъ, проходятъ по шумному форуму, наталкиваются на циника-философа, который выпрашиваетъ у нихъ деньги и осыпаетъ ихъ бранью, и разсуждаютъ о будущемъ мірѣ, о возможности исчезновенія стараго, о грядущемъ обновленіи вселенной. Они гуляютъ подъ портикомъ, поджидая Галіона; дѣло, изъ-за котораго его позвали въ судъ, недостаточно интересно для нихъ, чтобы они пошли его слушать. Галіонъ возвращается и разсказываетъ о спорѣ между начальникомъ синагоги Состеномъ и какимъ-то уродливымъ выходцемъ изъ Тарса, Павломъ; о томъ, какъ онъ отказался ихъ судить, предоставивъ имъ рѣшать свой споръ кулаками. Галіонъ съ презрѣніемъ говоритъ объ этихъ людяхъ, которыхъ онъ судилъ, не потому, что они бѣдны и слабы, а потому, что они грубы, и что боги, видимо, никогда не посѣщали этихъ жалкихъ выродковъ. Галіонъ говоритъ о вѣрованіяхъ Павла, о прославляемомъ имъ богѣ, который будетъ царить надъ жалкими рабами, и слушателямъ кажется смѣшнымъ уродливый Павелъ, основывающій религію рабовъ. Возвращаясь къ прежнему предмету своихъ пророчествъ, Галіонъ, съ презрѣніемъ отвернувшійся отъ апостола Павла, возвѣщаетъ

Риму, что наступитъ царство Геркулеса, который очиститъ землю отъ злыхъ и положитъ начало царству добродѣтели, античной простоты, невинности и мира.

Анатоль Франсъ разсказываетъ исторію близорукаго и ложнаго пророчества для того, чтобы показать, что въ ложныхъ сужденіяхъ Галіона было много правды. Галіонъ имѣлъ основаніе видѣть въ Неронѣ императора-философа, какимъ онъ обѣщалъ быть въ юности. Затѣмъ, онъ не такъ ошибался, говоря о вѣчности Рима, потому что вліяніе Рима дѣйствительно живо до сихъ поръ, въ особенности въ государственной жизни латинскихъ расъ. Въ своей философіи онъ старается соединить догматы стоицизма съ національной религіей, и, разсуждая о природѣ боговъ, старается, главнымъ образомъ, остаться добрымъ гражданиномъ. Разсужденія его не свидѣтельствуютъ о широкомъ захватѣ мысли, но и многіе современные профессора, читающіе курсы философіи и богословія, не ушли дальше его въ своихъ столь же утилитарныхъ разсужденіяхъ. Умственная близорукость Галіона выступаетъ особенно рельефно въ виду того, что, разсуждая о будущей религіи міра, онъ какъ-разъ прошелъ мимо единственнаго человѣка, который могъ бы открыть ему грядущую истину. Но и апостолъ Павелъ, предсказывавшій непосредственный конецъ міра, былъ также неправъ, какъ Галіонъ, пророчествующій въ то же самое время о вѣчности римской имперіи. Еслибы Галіонъ, вмѣсто того, чтобы предсказывать царство Геркулеса, повѣрилъ словамъ апостола, онъ бы все-таки не узналъ грядущаго, потому что и Римъ, и другія столицы христіанскаго міра не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ христіанскимъ строемъ общества, какого жаждалъ апостолъ. И Галіонъ былъ по своему правъ. Онъ предчувствовалъ конецъ языческаго міра, и назвалъ новаго Бога, взявъ его изъ родственнаго ему греко-латинскаго Олимпа. Все дѣло въ томъ, что измѣнившемуся духу времени нужна была новая религія, что философія рабовъ, философія отреченія смѣнила греческую религію радости,—и нуженъ былъ богъ рабовъ, богъ страдающихъ. Предсказывая будущее такимъ, какимъ оно рисовалось его умирающему языческому духу, Галіонъ шелъ въ разрѣзъ съ фактами, не видѣлъ уже родившагося новаго міра, но въ его ложныхъ предвидѣніяхъ отразился все-таки духъ истины: всегда, своей правдой, какъ и своими заблужденіями, люди служатъ незыблемымъ законамъ исторической истины.

Параллельно этому разсказу изъ древняго міра, въ книгѣ Анатоля Франса есть другой философскій разсказъ о грядущей исторіи современнаго человѣчества, объ осуществленіи соціалистическаго идеала. Эта картина будущаго рисуется одному изъ членовъ римскаго кружка

во снѣ, и онъ разсказываетъ о своемъ сновидѣніи друзьямъ. Соціалистическая утопія разсказана имъ съ нѣкоторой ироніей, и наряду съ благодѣяніями будущаго строя отмѣчена слишкомъ механическая урегулированность жизни, мѣшающая ея разнообразію. Въ грядущихъ „европейскихъ соединенныхъ штатахъ" всѣ свободны и всѣ работаютъ; вмѣсто денегъ выдаются квитанціи на опредѣленное количество рабочаго времени, техника достигаетъ величайшихъ предѣловъ, удобства жизни безконечны, женщины одѣты по-мужски и смѣются надъ институтомъ брака; все очень удобно, есть много красивыхъ предметовъ, всѣ умны и разсудительны, но разсказчикъ счастливъ, когда просыпается отъ своихъ видѣній и возвращается къ дѣйствительности. Всякое время имѣетъ свои идеалы, и мы не можемъ пріобщиться къ радостямъ грядущаго человѣчества, какъ не могли римляне понять радости христіанскаго міра. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1905.

Великій государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣротерпимость теперь и прежде.—Движеніе въ средѣ православной церкви.—Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія.—Различныя толкованія указа 18-го февраля.—Подвиги газетныхъ „добровольцевъ".—Высочайшій указъ 10-го апрѣля.—P. S. Письмо въ Редакцію г. Н. Чайковскаго.

По истинѣ громаденъ шагъ впередъ, сдѣланный Россіей на пути къ истинной вѣротерпимости. Положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденныя и обнародованныя 17-го апрѣля, для многихъ милліоновъ русскихъ гражданъ являются тѣмъ, чѣмъ былъ для крѣпостныхъ людей великій законодательный актъ 19-го февраля 1861-го года. Аналогію можно провести еще дальше: подобно тому, какъ паденіе крѣпостного права, устранивъ главный источникъ застоя, положило начало освобожденію всего русскаго общества,—отмѣна вѣроисповѣдныхъ стѣсненій неминуемо должна отозваться и на тѣхъ, кого они, повидимому, вовсе не касались. Ни на комъ не будетъ тяготѣть сознаніе насилія, совершаемаго надъ самыми интимными сторонами душевной жизни; ничье нравственное чувство не будетъ возмущаться зрѣлищемъ принужденія, неизбѣжно порождающаго или озлобленіе, или лицемѣріе; ничья духовная лѣнь не будетъ укрываться за внѣшними оградами, убаюкиваемая отсутствіемъ открытыхъ возраженій. Вмѣстѣ съ терминомъ: *расколъ*, исчезаетъ наслѣдіе цѣлыхъ вѣковъ, возводившихъ гоненіе на степень общаго правила и видоизмѣнявшихъ только его формы. Совершенно новый смыслъ пріобрѣтаетъ, въ общественной и государственной жизни, самое понятіе о православіи: до сихъ поръ оно означало совокупность вѣрованій, навсегда и безусловно обязательныхъ для всѣхъ формально принадлежащихъ къ господствующей церкви—теперь оно будетъ означать совокупность вѣрованій, исповѣдуемыхъ добровольно. Лицо, отпавшее отъ православія по достиженіи совершеннолѣтія, „признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало": эти немногія слова знаменуютъ собою цѣлый переворотъ. Они не только кладутъ конецъ невыносимо тяжелому положенію бывшихъ уніатовъ (такъ-называемыхъ „упорствующихъ"), католиковъ и лютеранъ, почему-либо зачисленныхъ православными, магометанъ, по недоразумѣнію признаваемыхъ христіанами, раскольниковъ, которымъ не посчастли-

вилось попасть въ категорію „отписныхъ“: они возвращаютъ религіи ея настоящее мѣсто въ области убѣжденія и сердца. Свободно избранная и свободно сохраняемая, вѣра перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ одѣянія, надѣваемаго на показъ, или par ordre; церковь перестаетъ быть instrumentum regni, съ великой пользой для себя и безъ потери для государства, которому не шли въ прокъ ея вынужденныя услуги... Въ постановленіяхъ, относящихся къ „общимъ началамъ вѣротерпимости“, мы не находимъ отмѣны стѣсненій, которыми обставлены смѣшанные браки; но фактически эти стѣсненія теряютъ большую часть своей силы, въ виду свободы перехода изъ одного исповѣданія въ другое. Не лишено значенія, съ этой точки зрѣнія, и то правило, по которому дѣти, не достигшія 14 лѣтъ, слѣдуютъ вѣрѣ родителей, перешедшихъ изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое.

Осуществлены или близки къ осуществленію, благодаря положеніямъ 17-го апрѣля, почти всѣ главныя пожеланія старообрядцевъ и сектантовъ. И тѣмъ, и другимъ (за исключеніемъ послѣдователей изувѣрныхъ ученій) предоставлено право совершенія общественныхъ богомоленій [1]; въ отношеніи къ сооруженію и ремонту молитвенныхъ домовъ они приравнены къ послѣдователямъ инославныхъ вѣроисповѣданій; отмѣнены, слѣдовательно, ограниченія, установленныя закономъ 3-го мая 1883-го года и ставившія старообрядцевъ и сектантовъ въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи (необходимость разрѣшенія сохранена только для устройства скитовъ и обителей); распечатаны *всѣ* молитвенные дома, закрытые какъ по административнымъ распоряженіямъ, такъ и по судебнымъ приговорамъ; общинамъ старообрядцевъ и сектантовъ даны права признанныхъ закономъ обществъ; духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ, присвоено наименованіе *настоятелей* и *наставниковъ*, съ исключеніемъ ихъ изъ мѣщанскаго или крестьянскаго сословія и съ освобожденіемъ отъ военной службы [2]; этимъ духовнымъ лицамъ предоставлено свободное отправленіе духовныхъ требъ (между прочимъ, конечно, и въ войскахъ, гдѣ до сихъ поръ старообрядцами и сектантами такъ болѣзненно чувствовалось отсутствіе духовной помощи) и веденіе метрическихъ книгъ для записи рожденій, браковъ и смертей, чѣмъ сразу покончено съ затрудненіями, возникавшими при примѣненіи закона 19-го апрѣля 1874-го года. Старообрядцамъ

---

[1]) Отмѣнены, между прочимъ, печальной памяти правила 4-го іюля 1894-го года, которыми были запрещены молитвенныя собранія штундистовъ.

[2]) Съ какими неудобствами было сопряжено до сихъ поръ непризнаніе за такъ называемыми „лже-попами“ духовнаго сана — это мы имѣли случай показать въ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ общественныхъ хроникъ (см. „Вѣстн. Европы“ за 1904 г., № 9, стр. 440—441.

и сектантамъ разрѣшено устраивать начальныя школы и имѣть особыя кладбища.

Положеніе католиковъ и лютеранъ, какъ послѣдователей признанныхъ закономъ вѣроученій, было и до сихъ поръ значительно лучше, чѣмъ положеніе раскольниковъ и сектантовъ. Перемѣны, произведенныя въ немъ, не такъ, поэтому, глубоки и не такъ обширны, но тѣмъ не менѣе далеко не лишены существеннаго значенія. Достаточно указать на отмѣну препятствій, которыми до сихъ поръ произвольно могла быть затрудняема постройка и починка инославныхъ храмовъ, и на принятіе за правило, что преподаваніе закона Божія инославныхъ исповѣданій ведется духовными лицами этихъ исповѣданій и на природномъ языкѣ учащихся. „На почву твердаго и опредѣленнаго закона, внѣ зависимости отъ усмотрѣнія", предполагается поставить и постройку молитвенныхъ домовъ не-христіанскихъ исповѣданій, и открытіе магометанскихъ конфессіональныхъ школъ, и порядокъ избранія магометанскаго духовенства, и освобожденіе представителей его отъ призыва на военную службу. Не забыты, наконецъ, и наши буддисты (ламаиты): относящіяся къ нимъ узаконенія будутъ пересмотрѣны, ламаитовъ воспрещено именовать въ оффиціальныхъ актахъ язычниками и идолопоклонниками.—Для подробной разработки основныхъ началъ, установленныхъ Положеніями 17-го апрѣля, будетъ учреждено особое совѣщаніе. Въ области инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій ему будетъ предстоять довольно большой просторъ, но въ области старообрядчества и сектантства почти все существенное уже предрѣшено—и предрѣшено, къ счастію, въ духѣ истинной свободы.

Кто бы могъ думать, нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ тому назадъ, что зданіе оффиціальной церковности, стоявшее, повидимому, такъ прочно и непоколебимо, самими традиціонными охранителями его такъ скоро будетъ признано подлежащимъ перестройкѣ, очень похожей на ломку? Кто бы могъ думать, что такъ скоро окажется несостоятельною горделивая теорія, провозглашавшая *истинную* вѣротерпимость исконнымъ достояніемъ русскаго государства и русской церкви? Ежегодно или каждые два года эта теорія находила торжественное выраженіе въ отчетахъ оберъ-прокурора св. синода. Рядомъ съ нею шло указаніе на опасность тѣхъ немногихъ—болѣе мнимыхъ, чѣмъ реальныхъ—льготъ, которыя были даны раскольникамъ и сектантамъ законами 19 апрѣля 1874 и 3 мая 1883 г., и на необходимость административно-полицейскихъ мѣръ, въ особенности по отношенію къ отпавшимъ отъ православія. Напрасны были мольбы страждущихъ и угнетенныхъ, напрасны протесты печати, исходившіе изъ началъ элементарной справедливости: все оставалось по старому—или

медленно, но неуклонно измѣнялось къ худшему. Казалось, не будетъ конца ночному мраку—но наступилъ разсвѣтъ, и сразу показалъ невозможность держаться старой дороги, старыхъ пріемовъ. Не разъ уже намъ приходилось, въ послѣднее время, подчеркивать перемѣну à vue въ оффиціальныхъ сферахъ—но никогда, кажется, она не была еще такъ рѣшительна, какъ въ настоящемъ случаѣ. Она блистательно оправдываетъ взгляды, еще вчера считавшіеся предосудительными или, по меньшей мѣрѣ, рановременными; она удостовѣряетъ, что правда не была на сторонѣ силы, и что формула, имѣющая за себя только давность, настоятельно требуетъ пересмотра...

Въ концѣ минувшаго марта мѣсяца св. синодъ вошелъ къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ, для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи. По поводу этого доклада состоялась слѣдующая Высочайшая резолюція: „Признаю невозможность совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія". Какое бы окончательное разрѣшеніе ни получилъ вопросъ о соборѣ, движеніе, поставившее его на очередь, во всякомъ случаѣ сохранитъ свой глубокій смыслъ. Оно показываетъ, что церкви стала въ тягость ея пассивная роль, что она не дорожитъ внѣшними привилегіями, прикрывающими внутреннее безсиліе. Части этихъ привилегій—остріе которыхъ было направлено противъ раскола и сектантства, противъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій—теперь, съ изданіемъ Положеній 17-го апрѣля, насталъ конецъ: онѣ не будутъ болѣе парализовать дѣятельность церкви, не будутъ болѣе удалять ее съ настоящей ея дороги. Для церкви, какъ для общества вѣрующихъ, важно не столько то, будетъ ли она имѣть во главѣ учрежденіе или лицо, синодъ или патріарха,—сколько независимость отъ свѣтской власти, свобода отъ функцій, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи, и такое устройство церковнаго управленія, которое давало бы достаточный просторъ всѣмъ живымъ силамъ церкви. Не случайно, поэтому, стремленіе къ реформамъ внутри церкви совпало съ стремленіемъ къ реформамъ въ государствѣ. Мотивы того и другого въ значительной степени одни и тѣ же: и тамъ, и тутъ одинаково созрѣло убѣжденіе, что нельзя болѣе ни пятиться назадъ, ни

стоять на одномъ мѣстѣ. Дальнѣйшій ходъ церковнаго преобразованія будетъ зависѣть отъ общаго направленія событій: точекъ соприкосновенія между обѣими областями—государственною и церковною—такъ много, что движеніе въ одной изъ нихъ не можетъ не отразиться и на другой. Это поняли наши газетные псевдо-охранители, поднявшіе тревогу при первыхъ признакахъ новой жизни въ церковномъ мірѣ [1]). Имъ удалось затормазить, на время, внѣшній ходъ этой жизни—но цѣною разрыва съ прежними союзниками. Всего ярче этотъ разрывъ выразился въ двухъ письмахъ преосвященнаго Исидора, викарія нижегородской епархіи. Рѣзкій протестъ епископа противъ „Московскихъ Вѣдомостей"—какой наглядный признакъ перемѣны, совершившейся и совершающейся въ группировкѣ общественныхъ элементовъ! По прекрасному выраженію кн. Евгенія Трубецкого [2]), въ нашей церковной іерархіи нашлись „продолжатели дѣла св. Филиппа", для которыхъ „современные остатки татарщины суть *иго Веліара*".

Въ полномъ ходу находится у насъ теперь процессъ дифференціаціи политическихъ партій. Особенно удобно наблюдать его въ земской средѣ, гдѣ онъ начался еще полгода тому назадъ, на ноябрьскомъ съѣздѣ. Всѣ резолюціи съѣзда были постановлены единогласно, кромѣ одной, наиболѣе важной: меньшинство, съ Д. Н. Шиповымъ во главѣ, высказалось за земскій соборъ, какъ его понимали первые славянофилы, большинство—за организацію, близкую къ западно-европейскому образцу, т.-е. за участіе народнаго представительства въ отправленіи законодательной власти. Оставался открытымъ вопросъ, возможна ли, попрежнему, совмѣстная дѣятельность обѣихъ группъ. Непосредственнымъ поводомъ къ его разрѣшенію послужили приготовленія къ новому земскому съѣзду: нужно было опредѣлить, будетъ ли онъ созванъ въ томъ же составѣ, какъ и предъидущій, т.-е. долженъ ли онъ соединить въ себѣ всѣхъ либеральныхъ земцевъ, безъ различія оттѣнковъ. Иниціативу обособленія взяли на себя представители меньшинства и ихъ единомышленники. Д. Н. Шиповъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, составилъ записку, рѣшительно отдѣлявшую его отъ прежнихъ союзниковъ и сближавшую его съ губернскими предводителями дворянства—авторами записки, упомянутой нами въ апрѣльской хроникѣ. Кн. П. Н. Трубецкой (бывшій московскій губернскій предводитель дворянства) отказался отъ участія въ совѣщаніи московскихъ губернскихъ гласныхъ, имѣвшемъ цѣлью

---

[1]) См. №№ 84 и 91 „Московскихъ Вѣдомостей".
[2]) См. № 15 „Права".

избраніе членовъ общеземскаго съѣзда — и его примѣру послѣдовали еще девятнадцать губернскихъ гласныхъ. Одновременно со съѣздомъ, составляющимъ продолженіе ноябрьскаго, предположено созвать другой, земско-дворянскій. Весьма можетъ быть, что обоимъ съѣздамъ будутъ противопоставлены, на болѣе или менѣе долгій срокъ, внѣшнія преграды: но искусственно задержать движеніе— не значитъ еще прекратить его или предупредить его возобновленіе. Чѣмъ скорѣе и полнѣе обрисуются всѣ существующія теченія, чѣмъ меньше препятствій встрѣтитъ образованіе партій, соотвѣтствующихъ этимъ теченіямъ, тѣмъ нормальнѣе и спокойнѣе будетъ дальнѣйшій ходъ событій. Борьба неминуема: все дѣло въ томъ, чтобы сохранить за нею мирный характеръ, обезпечиваемый свободой отдѣльныхъ лицъ и коллективныхъ организацій.

Какъ мало еще распространены у насъ правильные взгляды на значеніе партій—объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Говоря о кружкѣ Д. Н. Шипова, примыкающемъ къ меньшинству ноябрьскаго съѣзда, одна изъ лучшихъ нашихъ газетъ восклицаетъ: „Меньшинство это не желаетъ уважать основного принципа народнаго представительства—подчиненія большинству". Упускается изъ виду, прежде всего, что частное совѣщаніе, какъ ничего не рѣшающее, ограничивающееся выраженіемъ мнѣній, не можетъ быть приравниваемо къ народному представительству, уполномоченному говорить и дѣйствовать отъ имени цѣлой страны. И въ средѣ народнаго представительства, далѣе, подчиненіе меньшинства большинству вовсе не равносильно отреченію отъ своего мнѣнія. Признать дѣйствительность законно поставленнаго рѣшенія—не значитъ еще признать его внутреннюю правильность, не значитъ даже отказаться отъ надежды достигнуть, современемъ, его измѣненія или отмѣны. Право бывшаго меньшинства ноябрьскаго съѣзда отдѣлиться отъ большинства мы считаемъ, поэтому, не подлежащимъ никакому сомнѣнію: споръ можетъ идти только о цѣлесообразности такого образа дѣйствій. Рѣшающее значеніе, въ подобныхъ случаяхъ, должна имѣть *степень важности* возникшаго разногласія—а вопросъ, по которому ноябрьскій съѣздъ не пришелъ къ единодушному заключенію, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ. Исходя изъ этихъ соображеній, мы находимъ образъ дѣйствій Д. Н. Шипова и его товарищей, съ формальной стороны, вполнѣ корректнымъ, хотя продолжаемъ раздѣлять всецѣло мнѣніе большинства ноябрьскаго съѣзда... Обѣ земскія группы остаются, однако, во многомъ близкими одна къ другой; для обѣихъ одинаково цѣнно полное осуществленіе первыхъ пунктовъ ноябрьской земской резолюціи—осуществленіе, до котораго все еще очень далеко. Подчеркивать исключительно то, въ чемъ прежніе союзники несогласны

между собою, было бы большой тактической ошибкой. Ничто не мѣшало бы имъ даже сходиться въ одно собраніе, для обсужденія тѣхъ вопросовъ, по которымъ между ними нѣтъ принципіальнаго разномыслія.

Неясно для насъ, въ исторіи образованія группы Д. Н. Шипова, только одно: отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ изъ ея новыхъ членовъ — напр. кн. П. Н. Трубецкого — къ ноябрьскому земскому съѣзду, въ созывѣ и занятіяхъ котораго столь видную роль игралъ Д. Н. Шиповъ. Прекрасно отвѣтилъ князю П. Н. Трубецкому и другимъ гласнымъ, съ нимъ солидарнымъ, предсѣдатель московской губернской земской управы Ѳ. А. Головинъ. Ноябрьское земское совѣщаніе — читаемъ мы въ его письмѣ — „не присваивало себѣ названіе *общеземскаго*. Если подобное значеніе оно получило на дѣлѣ, то причиною тому послужило существо выработанныхъ имъ резолюцій, привлекшее своею жизненною правдою самые широкіе слои русскаго общества. Совѣщаніе правильно формулировало то, что наболѣло въ душѣ каждаго мыслящаго русскаго, и въ этомъ весь секретъ успѣха ноябрьскихъ резолюцій. Открыто, ясно выраженная правильная мысль, отвѣчающая насущнѣйшимъ потребностямъ переживаемой минуты, не могла не имѣть успѣха, кто бы ее ни высказалъ—установленное ли закономъ народное представительство, или только частное совѣщаніе нѣсколькихъ десятковъ земскихъ дѣятелей, никѣмъ на то не уполномоченныхъ, движимыхъ лишь любовью къ родинѣ. Моментъ былъ тогда критическій. Волненіе общества было велико, авторитетъ правительства подорванъ. Совѣщанію предстояло заняться критикой существующаго государственнаго строя и указаніемъ мѣръ къ устроенію государства. И та, и другая работа были сдѣланы спокойно, въ сдержанной формѣ, удобопріемлемой и для правительства. Указъ 12-го декабря 1904 г., указъ и рескриптъ 18-го февраля текущаго года подтвердили правильность выраженныхъ земцами положеній и соотвѣтствіе ихъ потребностямъ государства. Такъ неужели же теперь, когда правительство поставило на очередь вопросъ объ организаціи народнаго представительства, не слѣдуетъ земцамъ попытаться намѣтить разрѣшеніе и этого вопроса? Теперь предстоитъ заниматься не критикою существующаго государственнаго строя, а созидательною работою, выработкою желательныхъ основаній народнаго представительства,—работою, которая не затрудненія должна создать для правительства, а лишь помочь ему“. Большое значеніе какъ кн. П. Н. Трубецкой, такъ и другіе гласные придаютъ отсутствію въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ крестьянъ, усматривая въ этомъ препятствіе къ обсужденію земскими дѣятелями государственныхъ вопросовъ. „Мнѣ очень симпатична“— отвѣчаетъ на это Ѳ. А. Головинъ — „забота гг. гласныхъ объ интересахъ крестьянъ, но смѣю думать, что въ данномъ

случаѣ эта забота является лишнею. Прежде всего губернскіе гласные не являются представителями сословныхъ или классовыхъ интересовъ, а представителями всего населенія, включая и крестьянъ, доказательствомъ чего служитъ вся дѣятельность губернскихъ земствъ, направляемая по преимуществу къ удовлетворенію потребностей крестьянскаго населенія, а также и резолюціи ноябрьскаго совѣщанія земствъ. Совѣщаніе 22-го апрѣля не претендуетъ быть всенароднымъ представительнымъ собраніемъ, а лишь частнымъ совѣщаніемъ губернскихъ гласныхъ, отъ своего лишь имени высказывающихъ свои мнѣнія, не утверждая нисколько, что ихъ мнѣнія раздѣляются всѣмъ населеніемъ земскихъ губерній"...

Земскія совѣщанія — только одна изъ формъ, въ которыя выливается, въ послѣднее время, потребность въ общеніи, въ обмѣнѣ мыслей, въ совмѣстной работѣ. Вездѣ возникаютъ союзы и съѣзды, иногда не встрѣчая никакихъ препятствій, иногда вызывая рѣшительное противодѣйствіе, но почти всегда достигая своей ближайшей цѣли. Пора, давно пора пересмотрѣть устарѣвшія постановленія, регулирующія — или просто отрицающія — коллективную дѣятельность. Запрещенія, при настоящихъ условіяхъ, остаются, сплошь и рядомъ, мертвою буквой, только усиливая раздраженіе и заставляя прибѣгать къ обходу закона. Ни къ чему не ведутъ и попытки стѣснить пользованіе вновь дарованными льготами. Типичнымъ, съ этой точки зрѣнія, представляется оффиціальное разъясненіе Высочайшаго указа 18-го февраля, разрѣшившаго учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ доводить до Высочайшаго свѣдѣнія, черезъ совѣтъ министровъ, предположенія свои по вопросамъ государственнаго благоустройства и народнаго благосостоянія. Устраняя толкованія, слишкомъ явно идущія въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ указа (напр. попытки ограничить основанныя на немъ земскія ходатайства рамками положенія о земскихъ учрежденіяхъ), циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ обязываетъ представителей общественныхъ собраній не допускать разсмотрѣнія вопросовъ, „*по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты Престола преобразованіямъ*, а тѣмъ болѣе стремящихся подорвать силу и значеніе основныхъ законовъ имперіи". Совмѣстное обсужденіе частными лицами видовъ и предположеній по вопросамъ, подходящимъ подъ дѣйствіе указа 18-го февраля, „не должно быть затрудняемо, *если въ такихъ собраніяхъ, по ихъ многолюдству или по особымъ условіямъ, сопровождающимъ ихъ занятія, не будетъ усмотрѣно опасности возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія*". Подчеркнутыя нами слова открываютъ широкій просторъ усмотрѣнію администраціи и возста-

новляютъ, отчасти, то „средостѣніе", противъ котораго былъ направленъ Высочайшій указъ 18-го февраля.

Гораздо дальше оффиціальныхъ толкованій идутъ „добровольцы", самозванно именующіе себя „монархическою партіей", а всѣхъ своихъ противниковъ соединяющіе подъ общимъ именемъ *революціонеровъ*. Незаконнымъ, *воровскимъ*, антиправительственнымъ, революціоннымъ является, въ ихъ глазахъ, не только земскій, но и земско-дворянскій съѣздъ, съ его „коноводомъ"-революціонеромъ Д. Н. Шиповымъ [1]). О степени политическаго развитія этихъ господъ даетъ наглядное понятіе шумъ, поднятый ими по поводу вздорнаго, категорически опровергнутаго слуха о противозаконной петиціи московскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Ходатайство объ измѣненіи существующаго образа правленія, заявленное негласно, въ бумагѣ на имя правительственнаго учрежденія, доморощенные обвинители усиливаются подвести подъ ст. 99 уголовнаго уложенія, опредѣляющую смертную казнь за *посягательство* на права верховной власти, т.-е. за насильственныя *дѣйствія*, клонящіяся къ ея ограниченію или уничтоженію. Имъ неизвѣстно, что къ такому ходатайству, еслибы оно существовало на самомъ дѣлѣ, нельзя было бы примѣнить даже гораздо болѣе мягкія кары, установленныя въ ст. 128 и 129 уложенія, такъ какъ онѣ назначаются за *распространеніе* сочиненій, порицающихъ основные законы имперіи, а распространеніемъ подача бумаги въ присутственное мѣсто почитаться не можетъ... А вотъ образецъ „добрыхъ чувствъ", питаемыхъ добровольцами. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" появилась подписанная десятью лицами телеграмма изъ Читы, слѣдующаго содержанія: „Покидая Байкалъ, мы шлемъ прощальный привѣтъ нашей горячо любимой родинѣ; болѣя ея горемъ, скорбя ея скорбями, и здѣсь ни на минуту не забываемъ ея, живемъ ея жизнью и, съ твердой вѣрой въ свѣтлое будущее, въ скорое, радостное свиданье съ друзьями и товарищами, углубляемся въ глухія и мрачныя горы Забайкалья". Что̀ можетъ быть невиннѣе, безобиднѣе этой телеграммы? А между тѣмъ, вотъ какую замѣтку она вызвала со стороны одного изъ „наблюдателей", подвизающихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ": „считаю своимъ долгомъ заявить, что всѣ подписавшіе эту телеграмму—*преступники, осужденные* 8 августа прошлаго года якутскимъ окружнымъ судомъ *на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ*, съ лишеніемъ всѣхъ правъ, по дѣлу о вооруженномъ возстаніи, сопровождавшемся устройствомъ баррикадъ, убійствомъ двухъ

---

[1]) См. № 98 „Московскихъ Вѣдомостей".

солдатъ и всяческими противоправительственными манифестаціями... Я не говорю уже объ авторахъ телеграммы, — съ нихъ и взятки гладки: это преступники, лишенные всѣхъ правъ (увы! за исключеніемъ одного: кощунственно глумиться надъ лучшими чувствами лучшихъ русскихъ людей). Но что сказать о русскомъ органѣ печати, оказывающемъ благосклонное содѣйствіе этимъ гнуснымъ продѣлкамъ надъ флагомъ патріотизма"?... Что сказать — спросимъ и мы — о только-что приведенной замѣткѣ и о внушившей ее разновидности патріотизма?...

На страницахъ реакціонныхъ газетъ часто появляются письма, подписанныя крестьянами—письма, приближающіяся, въ большей или меньшей степени, къ неизмѣнному, излюбленному шаблону. Одно изъ такихъ писемъ было прислано въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей", тремя крестьянами, отъ имени ростокинской волости (московскаго уѣзда). Противъ этого письма выступили съ горячимъ протестомъ *семьдесятъ пять* крестьянъ той же волости [1]). Въ заявленіи ихъ односельцевъ ихъ поразило недовѣріе къ интеллигенціи, въ работу и честность которой они твердо вѣрятъ. „Мы знаемъ"—продолжаютъ авторы письма,—„что жизнь безъ интеллигенціи была бы невозможна, какъ жизнь безъ насущнаго хлѣба. Кто же работаетъ въ земствѣ, полезномъ для насъ учрежденіи? Кто работаетъ тамъ, на войнѣ, облегчая страданія десяткамъ тысячъ нашихъ братьевъ? Кто у насъ работаетъ въ земскихъ больницахъ и школахъ, какъ не интеллигенція? Мы всѣ жадно ждемъ, когда будутъ осуществлены Высочайше возвѣщенныя реформы, когда, наконецъ, всей истинной интеллигенціи будетъ открытъ полный доступъ къ намъ. Мы также слышали, что на съѣздахъ и собраніяхъ указываются всѣ недостатки нашей русской жизни, а ихъ такъ много, много. У насъ есть начальныя земскія школы, но ихъ программа стала мала, и мы, при всемъ нашемъ горячемъ желаніи дать дальнѣйшее образованіе дѣтямъ, не можемъ этого. Недостаточность и неудобство земельнаго надѣла чувствительно сказываются на нашемъ благосостояніи: недостаточность объясняется приростомъ народа при старомъ скромномъ надѣлѣ, а неудобство—тѣмъ, что мы, напримѣръ, живя въ 50-ти саженяхъ отъ рѣки, безъ спроса окружающихъ частныхъ владѣльцевъ не можемъ пользоваться водой. А сколько сыплется на насъ разныхъ оскорбленій! Но всѣхъ тяжелыхъ страданій нашихъ перечислить въ семъ письмѣ невозможно, да они и такъ многимъ извѣстны. Что особенно возмутительно въ письмѣ троихъ нашихъ сосѣдей—это то, что они написали его отъ лица всей

---

[1]) См. № 102 „Русскихъ Вѣдомостей".

волости, тогда какъ мы, окружающие ихъ, ничего не знали объ этомъ до появленія въ газетѣ. Они не извѣстили даже нашихъ старостъ и выборныхъ сходчиковъ. Спрашивается, какъ же эти господа „противожидовствующіе", не спросясь брода, сунулись въ воду? Еще до насъ дошелъ слухъ, что на Пасхѣ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства г. Базилевскаго будетъ созвана коммиссія для обсужденія о благоустройствѣ нашего быта. Изъ крестьянъ туда назначенъ, какъ мы слышали, между прочимъ, и Семенъ Горбачевъ (одинъ изъ трехъ корреспондентовъ „Московскихъ Вѣдомостей"), котораго мы своимъ представителемъ не считаемъ. Что же можетъ сказать о нашемъ печальномъ положеніи крестьянинъ, который самозванно написалъ о насъ такую нелѣпость въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"? Когда же, наконецъ, насъ будутъ считать за людей, имѣющихъ право на жизнь, равную съ другими?"... Комментаріи излишни...

Наше внутреннее обозрѣніе, по случаю приближенія праздниковъ, было уже сдано въ печать, когда обнародованъ былъ Именной Высочайшій указъ, данный 10-го апрѣля правительствующему сенату.

„Въ текущемъ году"—гласитъ указъ,—„въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ возникли безпорядки, сопровождающіеся разгромомъ и грабежомъ преступными скопищами крестьянъ владѣльческихъ усадьбъ, торговопромышленныхъ заведеній и движимаго имущества.

„Такое злонамѣренное нарушеніе имущественныхъ правъ не можетъ быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна, и сохраненіе ея отъ незаконнаго посягательства, а тѣмъ болѣе отъ насилія, составляетъ первѣйшую обязанность правительства и необходимое условіе мирнаго и спокойнаго преуспѣянія общественной жизни.

„Въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности, Мы повелѣваемъ:

„1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ учреждать, по мѣрѣ надобности, въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, временныя уѣздныя коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, въ участкахъ коихъ произошли безпорядки, а также приглашаемыхъ въ коммиссію одного или двухъ гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія, проживающихъ въ ближайшихъ къ мѣсту происшествій мѣстностяхъ.

„2) Возложить на означенныя въ п. 1-мъ коммиссіи выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ, для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи.

„3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ преподать упомянутымъ временнымъ коммиссіямъ подробныя указанія о порядкѣ ихъ дѣйствій, а также командировать особо назначенныхъ для сего министромъ лицъ, для руководства дѣйствіями сихъ коммиссій.

„4) Поручить министру внутреннихъ дѣлъ выработать и, по сношеніи съ министрами юстиціи и финансовъ и государственнымъ контролеромъ, внести на Наше утвержденіе, чрезъ комитетъ министровъ, проектъ правилъ о порядкѣ осуществленія мѣры, указанной въ п. 2, и возмѣщенія убытковъ потерпѣвшимъ, а также объ оказаніи воспособленія выдачей ссудъ изъ казны тѣмъ изъ потерпѣвшихъ владѣльцевъ, кои оказались бы не въ состояніи собственными средствами немедленно возстановить свои усадьбы или пріобрѣсти необходимый для веденія въ нихъ хозяйства инвентарь".

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого указа въ повременной печати [1]) были отмѣчены важныя сомнѣнія, возбуждаемыя его текстомъ. На кого, въ самомъ дѣлѣ, должна пасть отвѣтственность, установляемая указомъ: лично ли на крестьянъ, участвовавшихъ въ грабежахъ и разгромахъ, или на сельскія и селенныя общества, къ которымъ принадлежатъ эти крестьяне? Буквальный смыслъ пун. 2-го говоритъ скорѣе въ пользу перваго предположенія: участвовать въ совершеніи преступленій сельскія и селенныя общества, какъ юридическія лица, не могутъ, и слѣдовательно слово *участвовавшихъ* должно относимо къ виновнымъ *членамъ* обществъ. Къ другому заключенію ведетъ заглавіе, подъ которымъ указъ 10-го апрѣля напечатанъ въ собраніи узаконеній: „Объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне которыхъ принимали участіе въ происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безпорядкахъ". Мы склонны думать, однако, что въ заглавіе указа могла вкрасться ошибка и что онъ направленъ только противъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ погромахъ. Основанія, утверждающія насъ въ этой мысли, слѣдующія. Когда, три года тому назадъ, послѣ аграрныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ губерніяхъ полтавской

---

[1]) См. № 10456 „Новаго Времени".

и харьковской, признано было нужнымъ привлечь къ отвѣтственности цѣлыя сельскія общества, это было высказано ясно и точно; отвѣтственность, по указу 11-го мая 1902 г., была возложена „не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, *кои своимъ преступнымъ попустительствомъ способствовали развитію безпорядковъ*". Подчеркнутыя нами слова удостовѣряютъ, что къ отвѣтственности были привлечены не всѣ сельскія общества, къ составу которыхъ принадлежали виновные въ безпорядкахъ, а только тѣ, которыми было допущено „преступное попустительство". Другими словами, въ основаніе отвѣтственности положено было непринятіе со стороны общества мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ: нужно было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ установить съ одной стороны *возможность* такихъ мѣръ, съ другой—ихъ *отсутствіе*. Въ указѣ 10-го апрѣля постановленіе о попустительствѣ не повторено. Распространительное толкованіе указа повлекло бы за собою отвѣтственность и для такихъ обществъ, члены которыхъ—быть можетъ весьма немногіе—примкнули къ толпѣ громилъ безъ вѣдома своихъ однообщественниковъ или при условіяхъ, исключавшихъ возможность противодѣйствія ихъ замыслу. „Неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности" должны быть, по буквальному смыслу указа 10-го апрѣля, *виновные* въ посягательствѣ на чужое имущество; между тѣмъ, общества *виновными* быть не могутъ. Съ большой юридической натяжкой можно говорить развѣ о виновности ихъ въ попустительствѣ—но въ указѣ 10-го апрѣля, какъ уже сказано выше, попустительство не упомянуто вовсе... Нѣкоторое сдерживающее вліяніе на своихъ членовъ могутъ, пожалуй, имѣть *сельскія* общества, какъ административныя единицы, но отнюдь не *селенныя*, какъ единицы чисто хозяйственныя, лишенныя всякой принудительной власти; между тѣмъ, въ указѣ 10-го апрѣля селенныя общества поставлены наряду съ сельскими. Взысканіе убытковъ обращено на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество *всѣхъ членовъ* сельскихъ и селенныхъ обществъ, а не на имущество *обществъ*. Отсюда явствуетъ, что даже при распространительномъ толкованіи указа 10-го апрѣля надѣльная земля, въ мѣстностяхъ общиннаго землевладѣнія, взысканію подлежать не можетъ, такъ какъ она принадлежитъ селенному обществу (общинѣ), а не отдѣльнымъ его членамъ. Какъ бы, впрочемъ, ни былъ истолкованъ указъ 10-го апрѣля, едва ли можно предположить, что имъ отмѣняются законы о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и о неприкосновенности извѣстнаго минимума крестьянской движимости. Во что обратились бы селенія, у которыхъ сразу была бы продана

вся надѣльная земля и вся *безъ изъятія* движимость—это нетрудно себѣ представить...

Есть еще одинъ вопросъ, возбуждаемый, но не разрѣшаемый указомъ 10-го апрѣля. Примѣнимъ ли этотъ указъ только къ безпорядкамъ, могущимъ произойти послѣ его обнародованія, или онъ распространяется и на безпорядки, происшедшіе раньше и послужившіе поводомъ къ его изданію? Этотъ вопросъ можетъ показаться празднымъ, въ виду основного правила, по которому никакой законъ не имѣетъ и не долженъ имѣть обратной силы. Невольно, однако, приходитъ на память, что указъ 11-го мая 1902-го года установилъ отвѣтственность сельскихъ обществъ за событія, совершившіяся въ мартѣ и апрѣлѣ. Допущенное въ одномъ случаѣ, обратное дѣйствіе закона перестаетъ быть невѣроятнымъ и въ другомъ, аналогичномъ. Разрѣшеніе поставленнаго нами вопроса слѣдуетъ искать, поэтому, не въ общихъ началахъ права, а въ текстѣ даннаго постановленія. Вполнѣ яснымъ его назвать нельзя. Изъ словъ: „въ уѣздахъ, гдѣ *произошли* безпорядки", а также изъ заглавія, даннаго указу, можно вывести заключеніе, что рѣчь идетъ о прошедшемъ времени; но выраженіе „*учреждать* по мѣрѣ надобности" указываетъ скорѣе на будущее, особенно если сопоставить его съ тѣмъ мѣстомъ указа, гдѣ говорится о развитіи „убѣжденія въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные *будутъ* неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности". Къ будущему, только къ будущему—относятъ указъ 10-го апрѣля даже „Московскія Вѣдомости" (№ 101).

Къ отступленіямъ отъ общаго порядка, несомнѣнно создаваемымъ указомъ 10-го апрѣля, относится учрежденіе особыхъ коммиссій, съ задачами отчасти слѣдственными („выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ"), отчасти судебными („исчисленіе размѣра убытковъ"), но съ введеніемъ въ ихъ составъ такихъ элементовъ, которымъ совершенно чужды слѣдственно-судебныя функціи (предсѣдатели земскихъ управъ, земскіе гласные). По справедливому замѣчанію „Новаго Времени", все это можетъ поставить коммиссіи въ крайне щекотливое положеніе и даже послужить серьезнымъ препятствіемъ къ ихъ образованію въ предположенномъ составѣ... Какое бы ни было, впрочемъ, дано толкованіе указу 10-го апрѣля, какъ бы ни было ограничено или расширено его дѣйствіе, во всякомъ случаѣ онъ остается несогласнымъ съ принципомъ охраненія полной силы закона, провозглашеннымъ въ указѣ 12-го декабря 1904-го года. Теченія, выразившіяся въ обоихъ указахъ, прямо противоположны между собою. Ссылкою на чрезвычайныя обстоятельства, неизбѣжно приводящія къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, это противорѣчіе устранено быть

не можетъ: пріостановка дѣйствія законовъ понятна только *во время* безпорядковъ, а не послѣ ихъ прекращенія—да и во время безпорядковъ она не должна переходить за границу *необходимой* обороны. Съ этой точки зрѣнія мы всегда возставали противъ экзекуцій, такъ часто слѣдовавшихъ за безпорядками въ сельскихъ мѣстностяхъ, а иногда и въ городскихъ: мы старались доказать, что самое производство экзекуцій возможно только послѣ водворенія порядка, когда ничто не мѣшаетъ *легальному* преслѣдованію и наказанію виновныхъ. Менѣе чѣмъ когда-либо это основное начало подлежитъ оспариванію теперь, въ виду указа 12-го декабря и разъясняющихъ его положеній комитета министровъ. Мы не хотимъ, поэтому, вѣрить слухамъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, пущенныхъ, будто бы, въ ходъ при усмиреніи недавнихъ крестьянскихъ волненій (между прочимъ—въ сѣвскомъ уѣздѣ орловской губерніи)—не хотимъ вѣрить имъ тѣмъ болѣе, что въ другихъ губерніяхъ (напр. въ витебской), при аналогичныхъ условіяхъ, возстановить спокойствіе удалось не выходя изъ предѣловъ закона. Всегда возмутительныя и безнравственныя, грубѣйшія формы административной расправы были бы теперь, въ добавокъ, общеопасны; нельзя ожидать, чтобы онѣ прошли безслѣдно среди пробудившагося общества и пробуждающагося народа.

Post-scriptum.—Въ началѣ апрѣля мы получили отъ г. Н. Чайковскаго, изъ Англіи, слѣдующее письмо, съ просьбой помѣстить это письмо въ ближайшей книгѣ журнала:

„М. Г. Въ № 9 „Вѣстника Европы“, за 1904 г., появилась статья г. А. Фаресова: „Одинъ изъ семидесятниковъ“, на которую, къ сожалѣнію, мое вниманіе было обращено только теперь. Въ этой статьѣ авторъ—желая какъ будто возстановить „горькую историческую правду“ о русскомъ интеллигентномъ обществѣ—разсказываетъ то, что ничего съ „правдой“ общаго не имѣетъ—и о самомъ „богочеловѣчествѣ“, и о Маликовѣ, основателѣ его, и обо мнѣ, какъ участникѣ этого религіозно-утопическаго теченія 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Всякій, конечно, воленъ писать о фактахъ прошлаго, какъ онъ ихъ знаетъ, но приписывать не только мертвымъ, но и живымъ людямъ, не нуждающимся еще ни въ „дружбѣ“, ни въ литературномъ „заступѣ“ г. Фаресова, вещи, которыя ему нужны для драматическаго интереса его беллетристическихъ произведеній—это черезчуръ развязно и непозволительно. Въ своемъ стремленіи сказать по адресу утопическаго прошлаго нашего движенія что-нибудь пикантно-каррикатурное онъ берется, напр., излагать ученіе *богочеловѣчества*, даже не понимая его основной идеи и смѣшивая его съ христіанствомъ, кото-

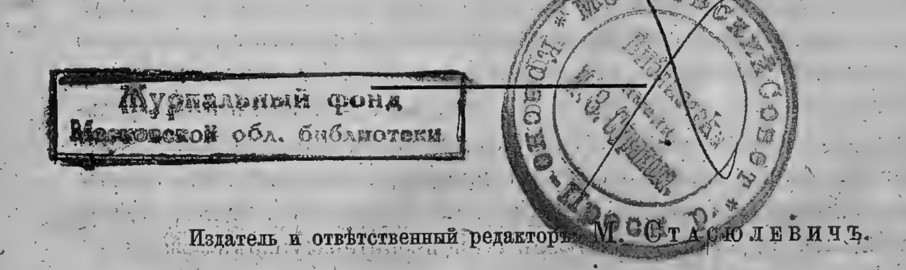
рому оно прямо-таки противополагалось и по своему этическому содержанію, и по отношенію къ положительному, опытному знанію, — и дѣлаетъ это якобы словами самого Маликова, которыхъ тотъ говорить никогда не могъ. Или, дальше, мнѣ приписывается такая тоска по родинѣ, что я былъ бы радъ получить разрѣшеніе вернуться въ Россію изъ невольнаго заграничнаго далека хотя бы „въ самый скромный уголокъ Россіи", и что мое желаніе было передано вліятельному покровителю Маликова (кстати сказать—извѣстному клерикалу и ретрограду), и тотъ обѣщалъ это уладить. Лично я считаю нужнымъ заявить, что никогда за все время своей заграничной жизни, съ 1874 г. по сей день, ни прямо, ни косвенно ни къ какимъ вліятельнымъ сановникамъ не прибѣгалъ, а тѣмъ болѣе ради разрѣшенія вернуться „хотя бы въ самый скромный уголокъ Россіи". Не мало тамъ и другихъ курьезовъ.

„Теперь не такое время, чтобы тратить его на историческія воспоминанія, но я надѣюсь въ будущемъ вернуться къ этому сюжету и возстановить дѣйствительность этого теченія, какъ она сохранилась въ моей памяти.

„Позвольте, М. Г., надѣяться на помѣщеніе этихъ строкъ на страницахъ Вашего журнала".

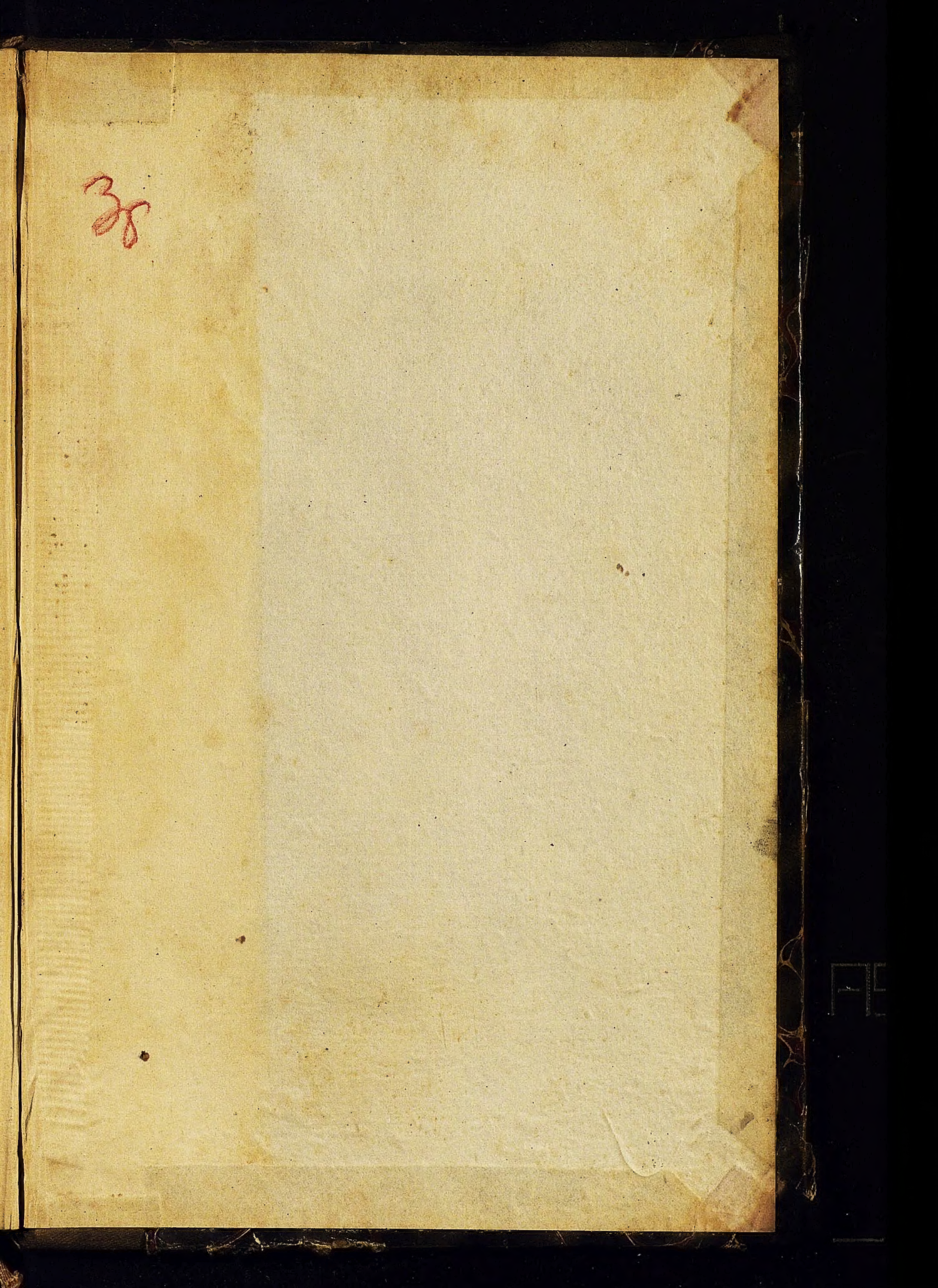
ОПЕЧАТКА.

Въ мартовской книгѣ, на стр. 161, стр. 20 сн., напечатано: *сильно*; слѣдуетъ: *стильно*.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. Стасюлевичъ.

38

